Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

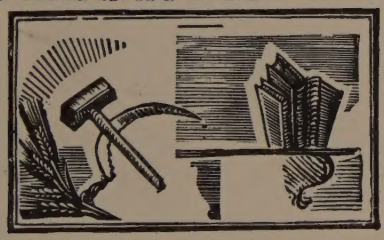
ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

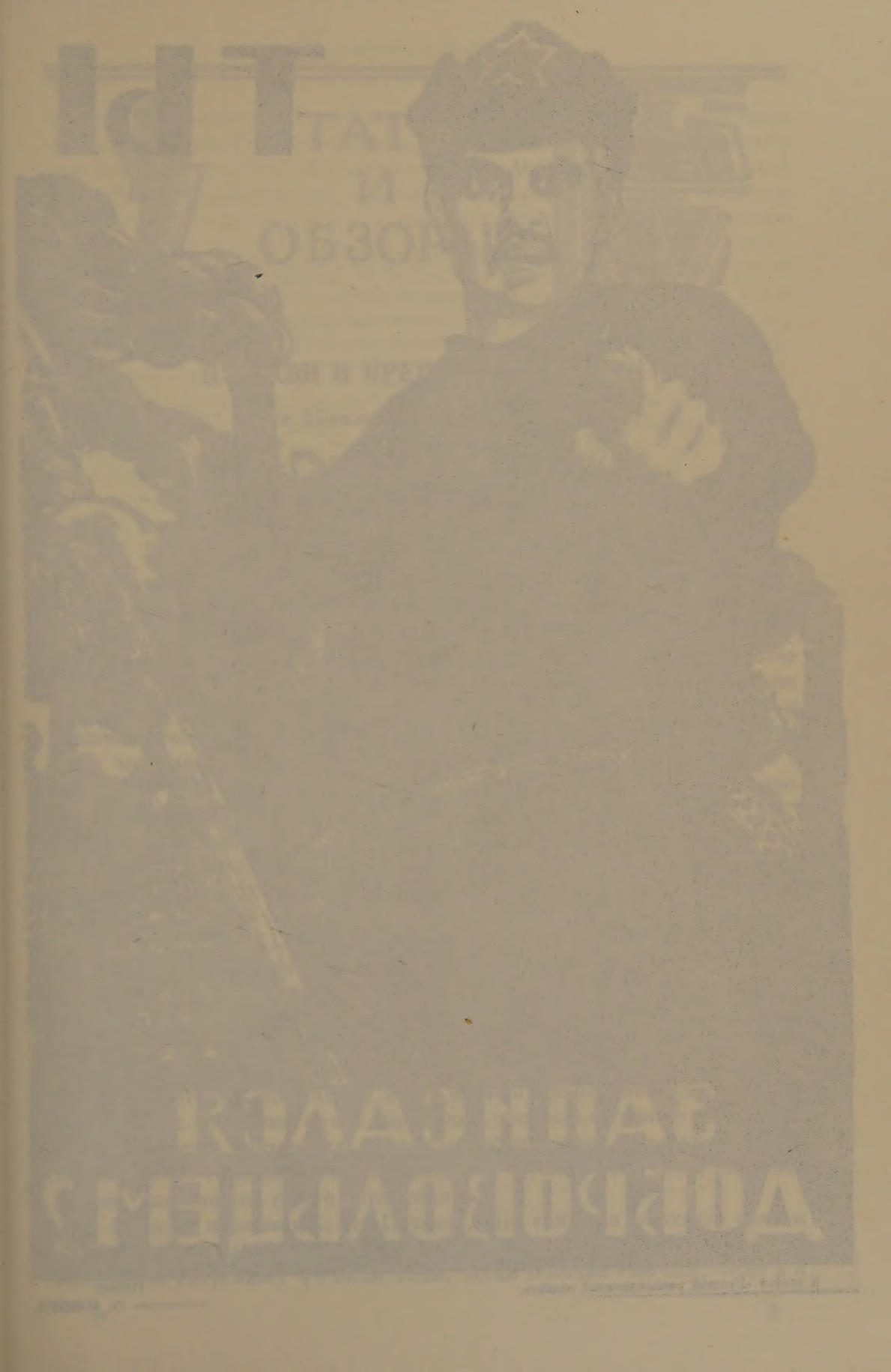
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ВТОРАЯ
(ПЯТАЯ)
АПРЕЛЬ-ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1922

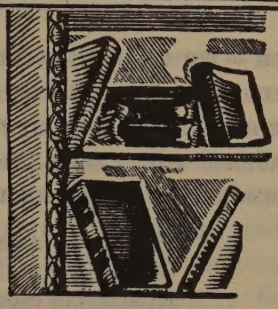
Редакция
номера закончена
10 мая



К статье «Русский революционный плакат».

Плакат художника Д. МООРА

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ПУШКИН И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО.

(к 85-тилетию со дня смерти).

Валерий Брюсов.

I.

Было время, когда Писарев обвинял Пушкина в том, что в «Евгении Онегине» он просмотрел такое явление, как крепостное право. Время это, конечно, прошло; теперь мы знаем, — знаем точно, на основании научных расследований,—что в «Евгении Онегине», вообще в творчестве Пушкина, отразилась *вся* современная ему Россия, со всеми ее и более светлыми, и самыми темными сторонами. Все же, однако, остается еще под спором вопрос, как Пушкин относился к крепостному праву, и поныне находятся критики, утверждающие, что Пушкин не понимал и не мог понимать всего позора рабства в России XIX века, а в последние годы жизни даже готов был защищать его, как учреждение необходимое, чуть ли не благодетельное для крестьянина.

Не будем напоминать, что все в мире—относительно, что в эпохи возникновения на Руси крепостного права и его первого развития, что̀ обусловливалось, действительно, исторической необходимостью, его должны были защищать и передовые умы, сознававшие, хотя бы смутно, эту необходимость: для XIX века это не имеет значения. Но надобно учесть другое: что Пушкин родился в дворянской семье, воспитывался в дворянском Лицее, всю жизнь преимущественно вращался в кругу дворян-помещиков. При всем своем гении, Пушкин до известной степени не мог не поддаваться идеологии этой среды, этого класса. Несомненно, у Пушкина, преимущественно в его письмах, можно отыскать несколько отдельных выражений, которые, конечно, не делая из него крепостника, режут современный слух. Но важны не эти выражения, проскользнувшие в часы, когда поэт «меж детей ничтожных мира» был, «быть может, всех ничтожней». Важно то, что̀ говорил, думал и чувствовал Пушкин, как поэт, как мыслитель, как учитель своего поколения.

Надо ли напоминать, что Пушкин, едва сойдя со школьной скамьи (1819 г.), написал «Деревню»? В политическом отношении стихотворение это весьма умеренное. То были годы, когда Пушкин еще был, —как и в

своей «Оде на вольность»,—легитимистом, еще верил в «мание царя», во всеспасающую, благодетельную силу «законности» (—в чем разочаровался весьма скоро, к эпохе «Кинжала» 1821 г.). Но в «Деревне» есть незабываемые стихи, показывающие, как уже тогда юноша-Пушкин понимал весь ужас крепостного права:

На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственный лозой
И труд, и собственность, и время земледельца;
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца;
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить
Дворовые толпы измученных рабов...

Надо ли напоминать и другую картину крестьянской жизни, нарисованную поэтом на десять лет позже,—его «Шалость» (1830 г.):

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий;
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе, у низкого забора,
Два бедных деревца стоят в отраду взора,—
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и, желтея,
Чтоб лужу засорить ждут первого Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичек; за ним две бабы вслед;
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка.
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил:
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил!

Но обратимся к «Евгению Онегину». Одной строфы, где прямо говорится о крепостном праве, не мог не заметить и Писарев. Онегин, вступив во владение имением дяди (гл. II),—

Ярем от барщины старинной
Оброком легким заменил,
И раб судьбу благословил.
За то в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

Если бы настало такое время,—через ряд тысячелетий,—когда культуру России XIX века пришлось бы восстановлять по скудным уцелевшим литературным данным,—как то нередко приходится по отношению к некоторым эпохам древности,—эта строфа, конечно, дала бы будущему ученому возможность судить о существе нашего крепостного права. Он узнал бы из нее, что в начале XIX века в России существовали «рабы», что они были обложены тяжелой «барщиной», что отдельные помещики «чудаки», т.-е. составлявшие исключение, пытались ее заменить более легким «оброком», но соседи их, другие помещики, видели в том «страшный вред» и т. д. Одним словом, филологический анализ этих стихов дал бы гораздо больше сведений о русском крепостном крестьянине, нежели любое место Вергилия, Горация или Овидия о римском колоне.

Но можно ли говорить, что этой строфой ограничивается, все, что дает роман Пушкина о биче и жизни крестьян его времени? В той же II главе, изображая старушку Ларину, Пушкин достаточно характеризует права и нравы помещицы по отношению к крепостным и дворовым:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, *брила лбы*,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь,—
Все это мужа не спросясь.

«Била осердясь служанок» и «брила лбы», т.-е. сдавала в солдаты—разве это не характерные черты крепостного быта? да притом Ларина делала это мимоходом,—так же просто, как «солила грибы» и «ходила в баню в субботам».

Дальше, можно ли забыть рассказ Татьяниной няни о ее жизни?

— Да как же ты венчалась, няня?
— Так видно Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет... И т. д.

Заметим, что в рукописи было написано сначала «пятнадцать лет», но потом Пушкин изменил это на более жестокое, но все же вполне согласное с действительностью,—«тринадцать».

И еще одно общеизвестное место: «песня девушек» при сборе ягод, сопровождаемая пояснением автора:

В саду служанки на грядах,
Сбирали ягоды в кустах,
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затеи сельской остроты!..)

«Барская» ягода, помещичья воля, наказывающая петь во что бы то ни стало,—все это черты достаточно яркие!

А рядом—сколько отдельных черт, рассеянных по всему роману! В ряде строф мы видим то, что когда-то называлось «челядью», ту целую толпу «дворовых», которую всякий помещик,—даже и такие захудалые, как старушка Ларина,—считал необходимым держать при своем доме. Когда Онегин в первый раз приезжает к Лариным, сбегаются к дверям «девушки» (т.-е. дворовые), а на дворе «*толпа* людей» (эта самая «челядь») критикует коней (гл. III, вариант строфы 3); когда барышни Ларины гадают в крещенские вечера, им «служанки *со всего двора*» сулят «мужьев военных и поход» (гл. V, стр. 4); когда Татьяна приходит в усадьбу Онегина, сбегается шумно «ребят *дворовая семья*» (гл. VII, стр. 16); когда Ларины уезжают в Москву (гл. VII, стр. 32), «сбежалась челядь у ворот прощаться с барами»...—и т. д.

В ряде мест мы видим безвольное, рабское положение крестьянина, приученного беспрекословно повиноваться барину, считать его за существо высшее. Когда Татьяна просит няню отправить ее письмо к Онегину, та не сразу понимает намек и отвечает (гл. III, стр. 35):

Сердечный друг, уж я стара,
Стара, тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, *слово барской воли*...

Когда Татьяна посещает усадьбу Онегина, ключница, показывая ей дом, не может говорить о барине иначе, как в выражениях чуть не благоговейных (гл. VII, стр. 18):

Здесь почивал он, кофей кушал...
Со мной, бывало, в воскресенье
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки...

При отъезде Лариных (гл. VII, стр. 31) слуги обязательно должны, прощаясь, плакать,—и т. под. Притом Пушкин рисует эти черты вовсе не как природное свойство русского мужика; напротив, отношение самого поэта к крепостному совершенно иное: достаточно напомнить, что говорится о воспитании Ольги (гл. II, вар. стр. 21):

Не дура английской породы,
Не своенравная мамзель...
Фадеевна рукою хилой
Ее качала колыбель...

Нельзя забыть и другие мелкие черты. Зимней ночью, в избе, крестьянская «дева» прядет,—и что же служит ей освещением?—лучина: «трещит лучинка перед ней» (гл. IV, стр. 41); конечно, на именинах Татьяны зал в доме Лариных для танцев был освещен не лучинами. В Троицын день «народ, *зевая*, слушает молебен» (гл. II, стр. 35). Когда, «бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая»,—крестьянская лошадка «плетется рысью, как-нибудь» (гл. V, стр. 2). Пастух, «плетя свой пестрый лапоть»,—«поет про волжских рыбарей», т.-е. в своей убогой доле

вспоминает вольницу Стеньки Разина. Последняя черта развита полнее в «Странствии Онегина» (стр. 7), где говорится, как бурлаки,

Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют [1])

Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин встарину
Кровавил волжскую волну.

II.

Если бы задаться целью собрать все, что не только в «Евгении Онегине», но и в других своих художественных созданиях Пушкин говорит о крестьянском быте, следовательно, неизбежно, о крепостном быте,— список получился бы очень длинный.

Пришлось бы привести ряд сцен из «Дубровского», напр., ту (гл. V), где исправник объясняет бывшим крепостным Дубровского, что «отныне *принадлежат* они Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин», цинично добавляя: «Слушайтесь его во всем, что ни прикажет; а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник». Эти слова написаны лет 12 после того, как юноша-Пушкин сказал о «деревне»: «здесь девы юные цветут для прихоти развратного злодея». Пришлось бы выписать места из «Капитанской Дочки», особенно из той редакции главы XIII, которую Пушкин не решился отдать в цензуру, напр., описание того ужаса, какой охватил Гринева, при виде зверской расправы правительства с «ворами и бунтовщиками», приставшими к Пугачеву: картину виселиц, плывущих по Волге. Пришлось бы чуть не целиком повторить саркастическую сатиру «Историю села Горюхина»; разве не достаточно говорят за себя в этой беспощадной пародии, напр., описание «баснословных времен», «золотого века» Горюхина, когда «приказчиков не существовало», «старосты никого не обижали», а «пастухи стерегли стадо *в сапогах*»,—предельный идеал благополучия, о котором смел мечтать крепостной крестьянин! или, наоборот, описание, «правления приказчика ***», т.-е. изображение обычного режима в деревне, руководимого принципом: «чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смирнее», при чем попутно сообщается, как богатые откупались от «рекрутства», как оброк собирался «круглый год сряду», как «отдаваемые в холопство» тоже имели полное право откупаться, «заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк», и как в три года Горюхино совершенно обнищало. Пришлось бы, далее, напомнить отдельные места из «Повестей Белкина», из «Русалки», из «Бориса Годунова», из сказок Пушкина, из его переделок народных песен и т. д., и т. д.

Важнее поставить другой вопрос: не только—что изображал из крестьянского быта Пушкин, как художник, но и что он сам думал об им

[1]) Первоначальный вариант рукописи:

Про Стеньки Разина приют.

изображаемом, каково было отношение к крепостному праву Пушкина, как мыслителя?

В 1822 г., в Кишиневе, Пушкин набросал ряд заметок, известных теперь под заглавием «Исторические замечания». Долгое время, до самого издания С. А. Венгерова (1910 г.), эти замечания не могли печататься целиком, так как в них говорилось, напр., о Екатерине II: «развратная государыня развратила и свое государство», или о Павле I: «царствование Павла доказывает одно, что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы». В этих набросках Пушкин выражает и свой взгляд на крепостное право. Замечательно, что эти строки в печать попали сравнительно давно, и вот по какой пикантной причине: Пушкин в них высказывается против парламентаризма. «Аристократия,—говорит он,—неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, *хитрость* государей торжествовала над *честолюбием вельмож*, и образ правления остался неприкосновенным» [1]). Эти слова показались прежней нашей цензуре столь благонамеренными (как же! Пушкин высказывался *против* ограничения самодержавия, против конституции!), что она вслед за ними пропустила и следующие. А далее в «замечаниях» следует: «Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы *освобождения людей крепостного состояния*... нынче же политическая наша свобода *неразлучна с освобождением крестьян*». И дальше, через строку, отсутствие в России политической свободы и существование крепостного права названы «общим злом», против которого должны соединиться «все состояния», т.-е. все сословия, все классы общества.

Суждение Пушкина высказано здесь вполне определенно. Его можно было бы подкрепить цитатами из других прозаических набросков и стихов того же кишиневского периода. Но могут возразить, что то был именно период, когда Пушкин увлекался «либеральным бредом» (его собственное выражение), когда он подымал стакан—

...за здоровье *тех* и *той!*

т.-е. за неаполитанских карбонариев и за испанскую революцию. Могут возразить, что с годами Пушкин «во многом изменился, расстался с музами, женился» и готов был защищать все прерогативы самовластия и дворянства, в том числе крепостное право.

Обратимся к фактам. Пушкин всю жизнь высоко чтил память Радищева. В тех же «Исторических замечаниях» 1822 г. он иронически перечисляет: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый луч его, перешел из рук Шешковского [2]) в темницу, где и

---

[1]) Что вообще думал Пушкин об этом образе правления, следует хотя бы из конца тех же заметок: «Русские защитники самовластия принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции: правление в России есть деспотизм, ограниченный виселицей» (En Russie le gouvernement est un despotisme, mitigé par la strangulation).

[2]) «Домашний палач кроткой Екатерины», примечание самого Пушкина.

находился до самой ее смерти; *Радищев был сослан в Сибирь;* Княжнин умер под розгами...» и т. д. А в конце жизни, создавая свой «Памятник», Пушкин, в первой редакции, прежде всего поставил себе в заслугу то,

Что *вслед Радищеву* восславил я свободу.

Когда Пушкину удалось начать издание собственного журнала,—«Современник»,—он стал думать об том, чтобы напомнить русскому обществу о Радищеве. Еще 1833 или 1834 году Пушкин написал о Радищеве обширную статью под заглавием «Мысли на дороге». В этой статье, применяясь к цензуре николаевских дней, он не поскупился на осудительные отзывы о Радищеве: Пушкин знал, что читатель его времени умеет читать «между строк»; важно было так или иначе заговорить в печати о великом деятеле прошлого века, самое имя которого было тогда под опалой. Увы!—напрасные старания!—статья не была разрешена цензурой, несмотря на эти уловки. Для «Современника» Пушкин попробовал сократить статью, подчеркнуть в ней «лойяльность», добиваясь одного—говорить о Радищеве. Столь же бесполезные усилия! И сокращенная статья 1836 г., озаглавленная «Александр Радищев», не была пропущена цензурой [1]). Теперь эти две статьи остаются грустным памятником того, как великому поэту приходилось искажать, вернее, маскировать свои мысли, чтобы исполнить долг журналиста и гражданина.

Однако и в искаженном виде статьи довольно красноречивы, и подлинную мысль Пушкина вскрыть не так трудно: цензура 30-х годов оказалась достаточно проницательной, «на высоте своего призвания». В конце концов, Пушкин был наивен, думая, что цензура его времени могла пропустить, хотя бы и «под соусом» осуждения Радищева, все то, что автор хотел сказать читателям в своей статье.

Пушкин, напр., мечтал перепечатать ту страницу из «Путешествия» Радищева, где он говорит о продаже крепостных (гл. IX). «Публикуется,—пишет Радищев и повторяет за ним Пушкин,—сего... дня, по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г. недвижимое имение... и при нем шесть душ мужского и женского полу... Желающие могут осматривать заблаговременно». К этой выписке Пушкин сам добавляет: «Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле». Выражения «надутых» и «поневоле» были поставлены Пушкиным, конечно, для цензуры,—как мы видели, напрасно.

В следующей (X) главе Пушкин мечтал перепечатать рассказ Радищева о «некоем» помещике, который постарался «уподобить крестьян

[1]) Министр народного просвещения С. С. Уваров писал по поводу статьи «Александр Радищев», представленной в цензуру: «Нахожу, что она по многим заключающимся в ней местам к напечатанию допущена быть не может... нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и о книге, совершенно забытых и достойных забвения».

своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим», а для того «всех крестьян, жен и детей их заставил во все дни года работать на себя», кормя их «в мясоед пустыми щами, а в постные дни хлебом с квасом», отбирая у них, по своему произволу, последнюю курицу и т. д. Сделав длинную выписку из «Путешествия», Пушкин добавляет от себя: «Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого... Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе»... Далее следует описание того, как этот помещик систематически разорял своих, «как говорится, избалованных» крестьян,—описание, очень близкое к злой пародии в «Истории села Горюхина».

В одной из следующих глав (XI), Пушкин применяет другую уловку: он приводит цитату из Лабрюера о французском крестьянине, надеясь, что читатели сумеют применить ее к русскому мужику: «Существуют некие дикие животные, самцы и самки, водящиеся в деревнях, черные, бледные, сожженные солнцем, привязанные к той земле, которую они роют и перерывают с непобедимым упорством. Они издают как бы членораздельные звуки и, когда встают на ноги, являют человеческое лицо; да и в самом деле это—люди. Ночью они прячутся в свои норы, где они питаются черным хлебом, водой и кореньями. *Они избавляют других людей от труда пахать, сеять и жать и заслуживали бы хотя того, чтобы не нуждаться в том хлебе, который сами они посеяли*». И опять, как в «Евгении Онегине», это не значит, что Пушкин считал русского мужика полу-животным по природе; в той же главе он прямо говорит: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна...» и т. д. Пушкин хотел только представить то состояние, до которого был доведен крестьянин существующим строем.

Можно было бы еще далеко продолжить выписки из статей Пушкина о Радищеве. В параллель к рассказу Татьяниной няни можно было бы указать на приводимый Пушкиным анекдот (гл. IV), как одна старуха на вопрос: по страсти ли вышла она замуж, отвечала: «по страсти, я было-заупрямилась, да староста грозил меня высечь», при чем Пушкин поясняет: «неволя браков—давнее зло». Можно было бы повторить цитаты Пушкина из Радищева и собственные слова Пушкина о рекрутском наборе среди крестьян (гл. V), где Радищев говорит: «трудна солдатская жизнь, не лучше петли», а Пушкин напоминает, что крестьяне часто изувечивают себя во избежание солдатства, что помещики прямо «торгуют судьбой бедняков», при сдаче рекрутов и т. д. Но общий дух, общий смысл статей Пушкина о Радищеве вполне ясен и из приведенных мест. В этих статьях, написанных в *последние* годы жизни (1833—1836), Пушкин нисколько не изменил тем своим взглядам на крепостное право, какие высказывал в юности, в кишиневских «записках».

III.

Политические взгляды Пушкина, на всем протяжении его недолгой жизни, до сих пор не были еще внимательно расследованы. До сих пор еще господствует ошибочное мнение, будто в отношении политических убеждений жизнь Пушкина разделяется на две, совершенно несходные, половины: будто Пушкин был радикалом в юности и монархистом, «царистом» в последние годы. На частном случае, на отношении Пушкина к крепостному праву, мы постарались показать, что это не так [1]). «Дубровский» (1832—1833 г.), «Капитанская Дочка» (1833—1834 г.), тем более статьи о Радищеве (1833—1836 г.г.), даже «История села Горюхина» (1830 г.),—все это произведения второй половины жизни Пушкина. Он до конца продолжал быть убежденным в том принципе, который выставил в 1822 г.: «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян».

Необходимо, однако, сделать одну оговорку. В последние годы жизни Пушкин выражался гораздо осторожнее, нежели раньше. Не только в том, что он назначал для печати (как в статьях о Радищеве), но даже в семейных и дружеских письмах, даже в своих черновых тетрадях, может быть, даже в разговорах с друзьями—он многое предпочитал обходить молчанием. Сознавая себя великим поэтом, он, повидимому, считал, что может быть более полезен родине, как писатель, чем как политический деятель, и эту вторую часть своего существа определенно подавлял в себе.

Да и трудно было поступать иначе в тех условиях, в которых ему приходилось жить? «Дондуков преследует меня своим цензурным комитетом,—записал Пушкин в своем дневнике 1835 г.—Времена Красовского воротились». Полицейский надзор над Пушкиным не был снят до самой его смерти (кстати сказать: по забывчивости, снят был лишь много десятилетий спустя); когда Пушкин ездил на Урал, уже в 1833 г., чтобы собрать материалы для «Истории Пугачева» (переименованной по приказу Николая I в «Историю пугачевского бунта»), о каждом шаге поэта, о всех его речах—тотчас летели донесения в Петербург. Частные письма Пушкина систематически перлюстрировались, т.-е. прочитывались на почтамте, в «черном кабинете», и выписки из них сообщались государю; Пушкин сам горько жалуется на это в одном из своих писем к жене. Мало того, именно в последние годы жизни Пушкин каждый день мог ожидать полицейского обыска в своей квартире и не решался хранить у себя даже тех своих рукописей, в которых можно было усмотреть что-либо «противоправительственное», памятуя, как, несколько лет перед тем, за нелепые выписки из «Андрея Шенье» и за «Гаврилиаду» едва не был сослан в Сибирь.

---

[1]) В другом месте, в более обширном исследовании, мы надеемся доказать и более общее положение: что Пушкин до конца жизни остался верен «вольнолюбивым надежд» своей юности.

Последняя черта из жизни великого поэта опять приводит нас к одному из его созданий, где говорится о крестьянстве: это—X глава «Евгения Онегина». Теперь известно, что к девяти (считая со «Странствием Онегина») главам романа Пушкин намерен был прибавить еще десятую, и что она в значительной мере, если не полностью, уже была написана. В этой главе Пушкин изображал освободительное движение 20-х годов и вводил Онегина в круг будущих декабристов. Опасаясь обыска, Пушкин *сжег* эту главу, о чем сам и записал в одной из своих тетрадей лаконическими словами: «19 окт. сожж. X песнь». Однако, жалея, как художник, свое создание, Пушкин некоторые строфы этой главы все же записал для себя, но записал *криптограммой*, т.-е. условным способом, перепутав между собою стихи так, чтобы жандармское око, и напав на рукопись, не поняло бы ее смысла. Криптограмма была столь удачна, что расшифровать ее удалось, да и то не вполне, только в 1910 г. В прочитанных теперь строфах содержится едкая характеристика Александра I и сравнительная характеристика Северного Тайного Общества с Южным. Симпатии Пушкина на стороне Южного Общества. В Северном он видит только «заговоры между лафитом и клико». Но деятели Северного Общества изображены достаточно ярко:

Друг Марса, Вакха и Венеры
Там Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...
Там Кюхельбекер обнажал
Цареубийственный кинжал...
Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, слово рабство ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

«X глава Онегина» писалась тоже в последние годы жизни Пушкина. Значит и в эти годы он не переставал раздумывать над революцией 1825 г., в которой (по его собственному признанию) не принимал участия лишь потому, что был в ссылке. Значит мысль его неизменно возвращалась к тому вопросу, который так волновал его в юности,—к *освобождению крестьян*.

ЗАПАДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

А. В. Луначарский.

I.

К рабочим Интернационалам от тускло-желтого до алого как будто хочет присоединиться и род интернационала междуинтеллигентского. С разных сторон заметны его завязи, попытки возобновить международные отношения на новых началах. Я не говорю при этом, конечно, о связях, которые устанавливают между собою академии, университеты, профессорские общества различных стран, протягивая прежние линии, связывавшие мир Антанты с миром германским. Это мало интересно. Интересна именно попытка интеллигенции перекликнуться в качестве носителей, или, по крайней мере, провозвестников нового мира на почве ненависти к проклятой войне, на почве глубокого антибуржуазного настроения.

Мы знаем хорошо, что часть интеллигенции просто примкнула к Коммунистическому Интернационалу. И это превосходно. Мы знаем, что среди этих пришедших имеются чрезвычайно крупные имена. Уже от этих имен мы не в праве требовать какого-нибудь точного разделения нашей программы. Это не столько члены Коминтерна, сколько его почетные члены и вместе с тем попутчики и блестящие союзники.

Но за пределами этой сравнительно тесной группы имеются более широкие слои антимилитаристически и антибуржуазно настроенной интеллигенции. Они имеются во всех странах, в особенности в Германии.

В политическом отношении интеллигенция вообще группа отсталая, даже почти невежественная. Поэтому мы встречаем в этой среде невероятное количество ересей: тут есть мистики, есть анархоиды, есть сверх-коммунисты и сверх-левые коммунисты, и комфуты, и всякие другие чудища. Но это только в политическом отношении.

Если же вы обратите внимание на их творческую работу и на настроение их души, то увидите, что в этом отношении имеется гораздо больше однообразия. Они не отдают себе пока отчета, что, именно, «лучшее» должно притти на смену капитализма, они не вполне удовлетворяются коммунистическими ответами (часто, по крайней мере), фантазируют, бредут как слепые, иногда даже впадают в пессимизм, но к прошлому и к остаткам его в настоящем, еще кошмарно сильным, относятся с величайшим отвращением и омерзением. И так как в этот еще несформировавшийся интернационал интеллигенции вступает в первую голову молодежь, так как к нему принадлежат буквально почти все сколько-нибудь выдвинувшиеся художники молодежи, то мы не можем не относиться к этому явлению, как к чрезвычайно важному симптому распада старого общества.

Интеллигенция, этот средний слой, несомненная часть мелкой буржуазии и по происхождению своему, и по кустарному типу своего специфического производства, никогда не была классом и никогда им не будет. Она всегда колебалась между другими экономически более мощными и кристаллизовавшимися классами, при чем, конечно, колебалась не всей своей массой, а распадаясь на группы, налипавшие на разные другие социальные тела и придававшие им блеск идеологии, часто чрезвычайно важной для классового самосознания и силы.

И вот является огромной важности симптомом, что выросший и окрепший пролетариат, при условии того отталкивания от буржуазного полюса, которое вызвано войной, оказывает сейчас более притягательное действие на молодую интеллигенцию, чем капитал со всеми его возможностями купить ее.

Одним из проявлений этого завязывающегося Интернационала антибуржуазной интеллигенции является чрезвычайно интересная книжка Фридриха Гюбнера. Это, собственно говоря, не трактат самого Гюбнера, а собрание нескольких статей, принадлежащих перу в некоторой степени вождей соответственных групп в различных странах, где они отдают отчет о состоянии искусства, главным образом, литературы в своих странах, а именно, в Германии, Голландии, Франции, Англии и Италии.

Небольшая книжка дает довольно любопытный обзор внешний и внутренний; внутренний—поскольку все авторы (в особенности Гюбнер в предисловии) дают кое-что для характеристики этих антибуржуазных настроений интеллигенции; внешний—поскольку мы имеем здесь краткие и точные отчеты о состоянии тончайших форм проявления культуры в важнейших европейских странах. Я считаю очень нелишним поэтому поделиться этими сведениями с читателями нашего журнала, сопровождая их некоторыми собственными комментариями.

II.

Гюбнер в своем предисловии говорит: «В стихотворениях и различных картинах молодого европейского искусства есть многое, что при первой встрече отпугивает, кажется противоречащим всему социально и политически возможному, уклоняющимся от всех научно-обоснованных канонов мысли, что выглядит призрачно, а между тем вся эта полнота нового содержания и новых форм не только не является чем-то чуждым нынешнему моменту европейской жизни, лишенным смысла, едва ли более заслуживающим внимания, чем сочетание облаков на небе, а, наоборот, возникает из самой глубины нашей современности и ускоряет ход великих событий. Книги, картины, статуи являются сейчас в полном смысле слова носителями некоторого духовного долженствования. Они впиваются в замедленный ход событий и непрерывно гонят его вперед».

Очевидно, Гюбнер имеет при этом в виду так называемое экспрессионистское искусство в Германии и соответственные ему разновидности «левого» искусства во всей Европе.

Утверждение, что это искусство *во всем объеме является уже* силой, толкающей прогресс вперед,—весьма сомнительно. Тут есть такая мешанина: остатки весьма подозрительной футуристической левизны, разного рода маринеттианства, ничего общего с революцией не имеющего, и всякие чудаческие уклонения, и бесплодное самокопание—так что только об относительно небольшой части этого наиновейшего искусства можно говорить, как о союзнике подлинно прогрессивных сил.

Но утверждение Гюбнера, что в настоящее время *весь* поток богемского искусства все резче окрашивается в революционный колорит, что он начинает впитывать своими корнями революционную кровь, которая постепенно *изменяет* его структуру—повидимому, правильно. «Огромная готовность к восприятию духовного оплодотворения замечается в массах и, я полагаю, не в меньшей, пожалуй, степени, чем война и последовавшие за нею революционные смятения,—книги, картины, статуи передового искусства способствовали крушению кумиров мещанской жажды порядка и пробудили своеобразно демонические настроения, все более проявляющиеся в широчайших слоях», говорит Гюбнер. Как видите, это неясно, но «это» хочет не только симпатизировать с революцией, но и делать какую-то параллельную работу *в духе революции*.

Эта настроенность левого искусства ищет организационного проявления, и мы узнаем из предисловии Гюбнера, что Ванденберг Ван-Эйзинга выпустил на голландском языке книгу «Революционная культура», которая является своеобразным манифестом всех этих настроений. Гюбнер кратко передает содержание этой книги и характеризует ее так: «Эйзинга преодолел материалистический марксизм. Он кует чисто духовное оружие для предстоящей борьбы». Новое доказательство той несомненной интеллигентской путаницы, которою переполнено движение.

Но рядом с Эйзинга в той же Голландии, как свидетельствует Гюбнер, громадную роль играет наш товарищ по Коминтерну, Роланд-Гольст. Гюбнер говорит о ней: «Это безусловно самый сильный и самый богатый темперамент, какой имеется в настоящее время в голландской лирике. Она в течение уже долгих годов своими речами и стихами имеет огромное влияние на пролетарскую массу. Ее стихотворения далеко возвышаются над какими бы то ни было моральными тенденциями и творят новое миросозерцание, бросают новый взгляд на будущее».

В Голландии образовался ряд организаций в строгом смысле слова. Некто Де Лигд создал так называемый «Союз революционно-социалистической интеллигенции». Первым пунктом программы этого Союза, по словам Гюбнера, является следующий: «Союз полагает, что переход к новому обществу произойдет в тем более мягких формах, чем большим будет число интеллигентов, во-время перешедших под знамя революционного пролетариата».

Конечно, можно истолковывать этот параграф в интеллигентском поссибилистском смысле: давайте-ка, де, заразим Коммунистический Интернационал всякими гибридными типами и—революция будет мягче Но, конечно, Лигд вносит в это другой смысл и смысл правильный. При

поддержке спецов всех родов оружия,—и тут художники вовсе не являются самым важным,—пролетариат, разумеется, легче, проще и с меньшим количеством жертв сможет закрепить свою победу. Француз Поль Колэн издает в Брюсселе двухнедельник «Свободное Искусство», имеющий приблизительно то же направление.

Гаагская газета «Отечество» обратилась к этим людям в разных странах и просила их дать по статье о состоянии революционно-социалистических организаций интеллигенции в их отечествах. Эти статьи в переработанном виде и попали в книгу, о которой мы говорим.

О Голландии отчет дает Дирк Костер. Мы пропустим, именно, то, что он сообщает нам о старой голландской литературе. Возрождение ее знаменуется появлением крупнейшего поэта, недавно еще нашего дорогого товарища, Германа Гортера, в настоящее время, к сожалению, вместе с некоторыми другими голландцами ушедшего на крайний левый фланг и пока безнадежно страдающего несколько неуместной в его возрасте детской болезнью левизны.

Гортер выступил в голландской литературе с большой поэмой в честь природы: «Май». «Это был, как говорит Костер, какой-то изумительный праздник чувств. Это, быть-может, самое чувственное и самое ярко-праздничное произведение, какое имеет вся Европа за XIX век». Гортеру посчастливилось иметь своим современником достаточно сильного критика, выразившего такое же бурное движение в соответственных областях. Это был Лодевиг Ван-Дисель. Движение не было вполне сознательно. Это была скорее какая-то эррупция жизнерадостных чувств. Рядом Фредерик Ван-Эеден создал свою легенду «Маленький Иоанн», которая приобрела, по словам Костера, европейскую славу, но в отличие от язычника Гортера здесь мы имеем христианские, благочестивые ноты. Между тем и сам Гортер уходил от первоначального рубенсовского излишества. Он искал повысить впечатления своих произведений в соответствии со своим собственным духовным ростом, утончал и одухотворял свое чувство природы.

Не без сожаления читаем мы в статье Костера такую фразу: «В своем языке он достиг-было последней границы чувственного напряжения. Его ощущения природы дошли до вакхического безумия и потом вдруг сорвались в горестном рыдании».

«Этот Гортер, гордо шествовавший по пути жизни, вдруг увидел перед собою пропасть, скрытую до сих пор гордостью, и так окончилась прекраснейшая песня, какую Европа пропела природе. Поэт замолчал. Он пал к ногам Спинозы, старого мудреца. У него искал он бесконечного покоя».

Это, однако, не последнее слово о Гортере.

Костер отмечает, как одного из предшественников в строгом смысле слова современной нам литературы, Германа Гейерманса, который и нам достаточно известен по своим драмам.

В 1905 году раздался впервые голос Роланд-Гольст. «Сонеты и терцины»—так называлась первая книга, сразу сделавшая ее средоточием

которые предъявляют к нему его друзья и приверженцы, их указания, чем *должен быть* поэт-пролетарий. Чем должен быть поэт-пролетарий? Тем же, чем и всякий поэт: самим собою, больше ничего. Если он, действительно, пролетарий, если у него, действительно, пролетарское жизнеотношение, то оно полно скажется в его произведениях, — только бы художник умел быть самим собою. Если же такого жизнеотношения у него нет, то не помогут никакие требования. Душа художника, еще раз повторю, шире, разнообразнее и живее всякой схемы. Ничего не выйдет хорошего, если свои живые ощущения и переживания он будет прилаживать к «Азбуке коммунизма» и требованиям приверженцев истинно-пролетарского искусства. Не удовлетворяет художник этим требованиям, даже противоречит им? Что ж делать, — такова его душа! И пускай говорят ему, что его жизнеощущение не совсем пролетарское. Может-быть, оно и, действительно, так. Да и как может оно сразу стать чисто-пролетарским? Тем поучительнее будет нам видеть живую душу пролетария,— не схематического, отвлеченного пролетария вообще, а нашего современного русского пролетария, во всей сложности и противоречивости жизненных влияний на него. Это сможет нам дать только художник, а не теоретик. А может-быть, — может-быть, в его творчестве проявится самое подлинное, самое истинно-пролетарское жизнеощущение, до сих пор неведомое теоретику, — и сам же теоретик, пытавшийся руководить поэтом, изумленно откроет глаза и скажет: «так вот оно, как чувствует настоящий пролетарий! Насколько же это глубже, ярче и разностороннее, чем я предполагал!» В настоящее время дружественные критики предписывают поэту-пролетарию совершенно определенный круг настроений: боевой порыв, веру в себя и в свой класс, бодрый дух, жизнерадостность. Благо поэту, если у него это есть! Но горе ему, если у него этого нет, а он будет стараться натаскивать на себя соответственные настроения с целью стать истинным голосом пролетариата, его признанным выразителем. Он перестанет быть самим собою, т.-е. поэтом, и все-таки не станет ничьим выразителем, потому что будет фальшив.

Художник должен быть самим собою, — другого пути к истинному художеству нет. Вы возразите: «но мое «сам» не нравится мне, мне противно мое нутро, — зачем же я буду его выворачивать перед всеми?» Но выбора здесь нет. Хочешь быть художником, — будь самим собою, не хочешь быть самим собою, — не будешь художником. И если вы истинный художник, вы нутра своего, все равно, не сможете скрыть. «В твоих писаниях, — говорит Уот Уитмэн, — не может быть ни единой черты, которой не было бы в тебе самом. Если ты зол или пошл, это не укроется ни от кого. Если ты любишь, чтоб во время обеда за стулом у тебя стоял лакей, это скажется в твоих писаниях. Если ты брюзга, или завистник, или низменно смотришь на женщину, это скажется даже в твоих умолчаниях, даже в том, чего ты не напишешь». Вы не хотите, чтоб в вашем творчестве отразилась ваша привычка к услугам лакея, ваше тайно презрительное и тайно похотливое отношение к женщине? Отучите себя от услуг лакея. Перестройте свое отношение к женщине. Ибо знайте:

Однако это еще не все произведения Роланд-Гольст. Ею написаны также «Социалистическая мистерия», «Праздник памяти», затем драма, рисующая русскую революцию (в 1906 г.), «Восставшие»; ей же принадлежат и публицистические работы «Жан-Жак Руссо» и «Революционное массовое действие».

Именно Роланд-Гольст вырвала Гортера из его пассивного спинозизма и вовлекла его в социалистическое движение. Вместе с ней он пришел к коммунизму, но, к сожалению, без нее сделал дальнейший шаг, который—мы надеемся—еще исправит.

Из произведений Гортера за социалистический период особенно выделяются написанные в 1912 и 1913 г.г. вещи: «Маленькая героическая поэма» и «Пан». Надо сказать, однако, что Костер замечает, что идея не смогла здесь вполне воплотиться, что автор силен, когда изображает борьбу космическую, но становится натянут, когда переходит к борьбе социальной.

(Окончание в следующей книге.)

К статье „Русский революционный плакат".

МЕМУАРЫ ЦАРЯ АНДРОНА.

М. Н. Покровский.

(Генерал А. И. Деникин: «Очерки русской смуты», том I, вып. 1 и 2, «Крушение власти и армии». Париж, без года).

Генерал Бетрищев, как известно, только собирался дать Тентетникову материал для истории генералов. Если хотят оценить прогресс, сделанный русскими военными высших чинов со времен Гоголя, надо взять книгу А. И. Деникина: вот вам уже не намерение дать материал для истории, а целых два, отлично напечатанных, тома—и притом именно «истории генералов». Для истории генеральского миросозерцания, генеральской политики, генеральского отношения к русской революции вообще—это незаменимый источник.

Сам автор, конечно, смотрит на свою задачу гораздо шире—он видит в своей книге не только один из источников, но самое историю того, что он называет «русской смутой». Однако, уже одно это название показывает, что генерал не в силах понять явления, которое сделало его главной квартирой мирный и «нейтральный Брюссель» (там написана книга). Везде, где он пытается стать на ходули «высшей политики», говорить тоном заправского историка и социолога, он скандалится самым жалким образом, убого повторяя трафарет тогдашней (книга охватывает период с февраля по сентябрь 1917 года) буржуазной печати, даже со всеми ее глупенькими ошибочками, вроде Зиновьева-Апфельбаума. Казалось бы, узнать «настоящую» фамилию тов. Зиновьева (т.-е. ту, которая была вписана в его паспорт царской полицией: именно ведь за «сокрытие» этой-то, установленной в свое время участком, «личной приметы» и поднимали лай все шавки изо всех газетных подворотен)—было достаточно времени и возможности: фамилия эта полностью прописана в следственных документах по делу 3—5 июля, документах, которые были к услугам всех «патриотов» вплоть до октября месяца. И уж кому бы, как не генеральному штабу, знать все подробности о врагах отечества. А вот подите ж—этой мелочи осилить не могли: т. Зиновьев и теперь для бывшего начальника этого штаба остается Апфельбаумом...

Мы недаром задержались чуть-чуть на этой мелочи: она характерна. Она великолепно вяжется со всем, что генерал Деникин выбалтывает о домашней жизни русского главного штаба вообще. Без опровержения приводит он убийственный отзыв генерала Потапова, что «ошибка в оценке боевых сил допускалась до трех миллионов (!) [1]), тогда как германский штаб считал преступлением ошибку больше, чем на тысячу человек. И уже от себя сообщает, что главный полевой интендант «оперировал цифрами, заведомо ложными», и что «характерной чертой Ставки...

[1]) Восклицательный знак принадлежит самому Деникину.

была легкость обращения с миллионами, безотказно извлекаемыми из военного фонда» (вып. I, стр. 82—ср. 153: «Расходы на войну производились из так называемого «Военного фонда». В Ставке расходование его находилось в полном и бесконтрольном (по вопросу целесообразности) ведении начальника штаба верховного главнокомандующего, который устанавливал отправные данные своими приказами и утверждением смет и штатов»).

Такие «мелочи жизни» лучше объясняют нам специально военную сторону катастрофы, нежели деятельность всех «Апфельбаумов», вместе взятых. Это понял даже и современный Бетрищев—и под конец у него с большой искренностью вырывается: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики—лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма» (вып. 2, стр. 181).

Благодарим за комплимент, а за фактическое сообщение в особенности. Только кто же это представлял большевиков в том центральном гнойнике, что назывался Ставкою верховного главнокомандующего?

Но, повторяем, истории революции было бы смешно искать в мемуарах ген. Деникина. Зато для истории высших военных кругов во время революции, для освещения их отношения к этой последней—он дает материал исключительной ценности.

«Испокон веку вся военная идеология наша заключалась в известной формуле: *за веру, царя и отечество*». Так начинает генерал Деникин свою характеристику русской армии перед революцией. Как генералы понимали «отечество», этому мы ниже найдем примеры, поистине, изумительные: не будем забегать вперед. Насчет «веры» сам генерал откровенно признает, что было слабо: «духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск» (I, 9) [1]). Земская школа и незримо проникавший за стены казармы «дух времени», с которым тщетно боролся еще Николай I, сделали-таки свое. Солдат уже нельзя было уверить, что Вильгельм—антихрист, а немцы—неверные, умышляющие на самый крест Христов. Но как дело обстояло с царем?

Что касается солдат, то мы знаем, что к коронованному фетишу они относились столь же равнодушно, как и к другим «святыням», коими клялось начальство. Пишущий эти строки никогда не забудет совершенно своеобразного впечатления, испытанного им в первые недели после мартовской революции в парижском госпитале Мишле, где лежали раненые из русских бригад, дравшихся на французском фронте. Его пригласили прочесть доклад о происшедшем только что в России. Он тщательно приготовился к объяснению всех зол царизма и необходимости для России республики. Готов был ко всему, к скандалу, к перерывам, взрывам оскорбленного монархического чувства: ведь русские же крестьяне. Ведь, когда агитатор 1905 года перед деревенской аудиторией осмеливался

[1]) В дальнейшем мы обозначаем выпуски *римской* цифрой, страницы—*арабской*.

дотрогиваться до царя, из толпы слышалось: «Братцы, да что ж это? Да бейте его чем-нибудь тяжелым по голове!». Ведь, восстание в Ростовском полку (в начале декабря пятого года) сорвалось якобы из-за того, что ораторы распространялись против царя, вместо того, чтобы ограничиваться нападками на офицеров и генералов...

И вот, обуреваемый всеми этими воспоминаниями, взошел он на трибуну—и тут пережил, повторяю, впечатление, совершенно для него неожиданное. Было—*скучно*. Совершенно очевидно было, что слушателей ни в малейшей степени не интересуют ни Николай, ни Романовы, ни монархия. И только, когда оратор перешел в конце доклада к вопросам, из-за чего пошла война и как крестьянам добыть землю, он увидел перед собою такую живую аудиторию, какой, кажется, еще никогда перед ним не было ни раньше, ни позже... А у него таки лекторский опыт порядочный.

После этого, что бы ген. Деникин ни рассказывал о монархических чувствах русского солдата, пишущий эту статью ему не поверил бы. Но генерал и сам понимает безнадежность положения, и насчет солдат не распространяется—ограничиваясь тем, что подчеркивает монархизм офицерства. И вот для характеристики этого офицерского монархизма несравненно место, которое мы выписываем целиком, благо оно и исторически ценно:

«В Севастополе к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

«Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны... Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота... Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич (Алексеев), но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась...

«В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены *правых* и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и *офицерство*. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а *в случае несогласия физическое его устранение...*» [1]).

---

[1]) I, 37—39. Мы пропустили подробности, уже хорошо известные. Курсив везде наш.

Мартовская революция спасла Россию от повторения 11 марта 1801 года, а Николая II от «апоплексического удара», постигшего его прапрадеда. Кому быть расстрелянным, того не удавишь... Но любопытно не это. Любопытно «монархическое» офицерство, собирающееся отправить к праотцам «возлюбленного монарха», если он не согласится исполнить желание этого офицерства. О проекте переворота мы знаем давно: но только у ген. Деникина мы встречаем такое ясное указание на цареубийство, как его возможный финал. Истинные монархисты всегда одинаковы—у них всегда найдется в кармане золотая табакерка, чтобы раскроить венчанную главу, если монархическая логика не влезает туда обыкновенным путем, через ушные отверстия.

Мы потом припомним эту особенность офицерского монархизма—она даст нам ключ и к офицерскому патриотизму. С матерью-родиной, тоже ведь иногда приходится обращаться, как с батюшкой-царем: при помощи кулака, вооруженного тяжелым предметом. А если и кулак опускается бессильно, есть и другие, еще более действительные средства... Но опять-таки не будем забегать вперед.

Когда 11 марта, неожиданно для заговорщиков, превратилось в 12 марта, притом по совершенно новому стилю, генеральские мысли не сразу могли сойти с привычной колеи. 8 марта—по старому стилю—Деникин важно записывает: «Возврат к прежнему немыслим. Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию» (!!).

Его превосходительству изволили забыть, что на бумаге «конституционная ограниченная монархия» уже существовала в России с 17 октября 1905 года—и что великий народ отнюдь не был удовлетворен столь достойной его формой правления, даже в те далекие времена. Тем более странно было ожидать этого после того, как Романовы свалились под откос. Словом, диалектика исторического процесса для Деникина книга за семьюдесятью семью печатями. И он заканчивает свои краткие размышления над совершившейся революцией: «Конец немецкому засилью и победное продолжение войны!» [1]).

Несомненное доказательство «немецкого засилья» генерал видит в том, что у Александры Федоровны нашли экземпляр секретной карты фронта, предназначавшейся для Николая. Само по себе тут ничего удивительного нет: всякому, знающему историю последних лет романовской династии, известно, что фактически с осени 1915 года Россией управлял Распутин, через императрицу. Им диктовались и военные меры—с его одобрения было предпринято наступление Брусилова в 1916 году. Совершенно естественно, что ему или его руководителям нужна была и карта фронта. В то же время, сам Николай обнаруживал «полное безучастие в вопросах высшей стратегии» (I, 35)—ему, стало-быть, карта совсем была не нужна. Чтобы во всем этом усмотреть «измену», нужно доказать, что Распутин состоял на немецком жалованьи. Но именно наступление

[1]) I, 60—61.

Брусилова—одобренное, повторяем, Распутиным—говорит против этого. Все это, однако, опять дело второстепенное. Интересно же вот что: у императрицы, уже низложенной и арестованной, находят секретный военный документ, которого у нее быть не должно. Генералы об этом шушукаются между собою. А следствие кто-нибудь по поводу этого документа производил? Александру Федоровну допрашивали, зачем у нее секретная карта? Ведь, по поводу нелепой чепухи, рассказывавшейся ех-полицейским Ермоленко, тягали и Ленина, и Троцкого, и Луначарского. Ну, а Романовых не осмеливались допрашивать по поводу не безграмотной болтовни, а документов?!

И эти превосходительные лакеи воображали, что они могут раздавить русскую революцию!

Одна из драгоценных черт записок Деникина и состоит в том, что они дают возможность утверждать, что это стремление раздавить революцию появилось у генералов не постепенно, под влиянием «эксцессов» революции, *а немедленно после того, как выяснился ее демократический* (пока еще отнюдь *не социалистический, не интернационалистический) характер*.

Деникин приехал в Петербург 23 марта (ст. ст.), всего через три недели после падения последнего царя. И первое, что его встретило здесь, были слова известного генерала Крымова (руководителя сорванного революцией офицерского заговора; Крымов впоследствии застрелился после неудачи Корниловщины): «Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией—конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: «помилуйте, это вызвало бы такие потрясения». Через несколько часов Деникин встретил Корнилова. «Общее политическое положение Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства *и неизбежность жестокой расчистки Петрограда*» [1]). Это было не позднее 24 марта: 25-го Деникин был уже в Ставке.

В восставшем народе лакеи не увидали ничего, кроме «разнузданной солдатни». Что революция была направлена не только против Романовых, но и против войны, и против войны даже *раньше*, чем против Романовых,—этой истины, бившей в глаза всякому непредубежденному человеку уже с февраля (см. «Записки о революции» Н. Н. Суханова), генералы не соглашались замечать даже тогда, когда слышали о ней из уст себе подобных.

Во II выпуске (стр. 47 и сл.) Деникин приводит интереснейший отчет о съезде главнокомандующих фронтами в Могилеве—2 мая, т.-е. опять-таки задолго до того, как можно было говорить о злокозненном влиянии большевистской пропаганды. И вот, что там рассказывали верховные вожди той армии, без которой никакой «расчистки» предпринять было нельзя. «Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения (!), но им заявили, что их сместят. «Я,—рассказы-

[1]) I, 73 и 77. Курс. наш. *М. П.*

вал ген. Брусилов,—долго убеждал полк и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат—«мир во что бы то ни стало, долой войну». «Один из выдающихся корпусов занимал пассивный участок,—сообщал далее Брусилов.—Когда его хотели сменить, с целью поставить на активный участок, то корпус отказался уйти, желал остаться на прежнем участке и одновременно рассылал телеграммы «всем».

«Господствующее настроение в армии—жажда мира,—говорил ген. Драгомиров.—Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедывать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям... Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружение—«зачем нам, мы воевать не собираемся»... В одном из отличных полков (!) на принятом участке оказалось красное знамя с надписью «мир во что бы то ни стало». Офицер, разорвавший это знамя, должен был спасаться бегством. Целую ночь группы солдат пятигорцев разыскивали по Двинску этого офицера, укрытого штабом».

«Я не буду приводить вам много примеров,—говорил ген. Щербачев,—я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной» и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать.—Подобный же случай произошел на-днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление,—прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления».

По общечеловеческой логике отсюда следовал простой вывод: войска решительно не желают сражаться, значит, войну нужно прекратить. Но по генеральской логике выходило нечто совсем неожиданное. Щербачев, приводя столь яркие примеры того, как «лучшие» дивизии упорно отказывались драться, вдруг заключал: «Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и *должны наступать*» [1]).

Это дикое умозаключение: «солдаты не хотят драться, так поведем их в бой» вовсе не было индивидуальной особенностью данного генерала. На той же точке зрения стояли и верховный главнокомандующий Алексеев, и сам Деникин, и все их ближайшие помощники. «Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, русская армия, несомненно и быстро догнила бы окончательно, в то время, как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение, если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой побе-

[1]) II, 55. Курс. наш.

ды (!). Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодарной почве пораженческих настроений социалистических партий» [1]).

Победа могла послужить исходной точкой для реакции внутри страны—это почти открыто и высказывает тут же Деникин («Победа давала мир внешний» — это уж каким образом? Берлин, что ли, они надеялись взять?—«и некоторую возможность внутреннего». Гм...). Так неразрывно, на всем протяжении этой проклятой войны, были связаны реакция и победа—как на другом полюсе поражение и революция. Но коварство последней состояло в том, что она не давала сделать и первого шага к победе. Как победить, если не наступать? А наступать войска отказываются. И вот, тупиковое положение генералов разрешается диким воплем Гурко: «Приостановите революцию!».

Приостановите *революцию вообще*, а не «большевистскую пропаганду». Драгоценное свойство записок Деникина в том и состоит, что они, повторяя нелепую басню о «немецких шпионах», сводят ее к совершенно второстепенной подробности. Поперек дороги империалистским планам [2]) стояла не интернационалистская пропаганда—эта пропаганда, наоборот, имела успех, благодаря жгучей жажде мира, охватившей измученную армию. Мы видели, что «популярность в армии легко мог завоевать всякий, кто будет проповедывать мир без аннексий...». Поперек дороги войне стояла революция...

Когда жертвы генеральской логики были принесены, наступление начато и дало те результаты, каких можно было ожидать—у самого Деникина на западном фронте «до десяти дивизий не становились в исходное положение» (II, 174), при чем даже казачьи части выступали против неповиновавшихся пехотных полков «с неохотой» (там же, 125)—империалистов охватило дикое бешенство. Савинков и Филоненко вопили с фронта: «Выбора не дано: смертная казнь изменникам... смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за родину...». «Смертная казнь и военно-революционные суды были введены на фронте. Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, *выставлял трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах* и видных местах» (как, чай, Панин-то, усмиритель Пугачевщины, на том свете ра-

---

[1]) I, 178.

[2]) Столь велико было тупоумие буржуазных калифов на час, что эти планы оставались для них полнейшей реальностью даже на фоне великой трагедии, переживавшейся русским фронтом. «Помимо общего наступления на австро-германском фронте в апреле возник еще один не лишенный интереса вопрос—*самостоятельная операция по овладению Константинополем*. Министр иностранных дел Милюков, вдохновленный молодыми пылкими моряками, вел многократно переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла увенчаться успехом и *поставить протестующую против аннексий революционную демократию перед совершившимся фактом*» (I, 182, курс. наш). Авантюра сорвалась на решительном отказе какой бы то ни было войсковой части войти в состав десантного корпуса. Г. Милюков в своей «Истории» обо всем этом ни гу-гу.

довался: пригодился пример!) «Сформировал *особые ударные батальоны* из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями (!), *запретил* в районе фронта *митинги, требуя разгона их силою оружия*» [1]).

Реакции ждали от победы, а вышло, что поражение-то, пожалуй, еще лучше годится для этой цели. Как ни косна и упорна была генеральская психология, но это она схватила. И вот, Корнилов на московском государственном совещании (в августе) внушительно заявляет: «Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат тарнопольского разгрома и потери Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии».

«А 20-го пала Рига», не менее внушительно подчеркивает Деникин [2])...

Перед этим весь спор между ставшим, тем временем, верховным главнокомандующим Корниловым и затравленным, как заяц, Керенским шел о «распространении принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии» [3]). То-есть: о *распространении белого террора*, явочным порядком примененного на фронте, *по всей России*. Керенский упирался—падение Риги должно было сломить его упорство...

Генералы не рассчитали, что испуг, доведенный до известного предела, начинает утрачивать свой психологический эффект. Вместо ожидаемой капитуляции без всяких условий, Корнилов получил от Керенского телеграмму с предложением «сдать должность».

Казалось бы, военный не революционер, военный, исповедывавший догмат, что армия—вне политики, что революция армии не касается, военный, поддерживавший дисциплину панинскими мерами, такой человек, получив приказ главы государства об отставке, должен был сказать «слушаюсь»—и начать сдавать дела. Но—der König absolut, wenn er unsern Willen thut [4])—этот афоризм существует не только на языке прусского юнкерства. Корнилов решил должность не сдавать, а через своего непосредственного подчиненного и ближайшего преемника, ген. Лукомского, послал Керенскому прямую угрозу «взрывом в армии», в случае, если тот будет настаивать на отставке его, Корнилова.

Большевики, во имя интересов пролетариата берущиеся за оружие,—изменники, а генерал, поднимающий междоусобную войну за сохранение власти своей и других генералов,—помилуйте, это патриот из патриотов!

Но большевики и тут оказались предателями, немецкими наймитами и проч., и проч. Ибо теперь-то, когда генералам до-зарезу было

---

[1]) II, 170—171. Курс. наш.

[2]) II, 206.

[3]) Ibid, 193.

[4]) В вольном переводе—«я подчиняюсь королю, пока он делает то, что я хочу».

нужно их выступление, как предлог для выступления генеральского, они сидели, негодяи, смирнехонько (что вильгельмовы денежки-то делают!), и генералам приходилось начинать междоусобицу в открытую.

Однако соответствующее место мемуаров Деникина так любопытно, что его надо привести целиком.

«7-го августа получено было распоряжение двигать от меня на Север Кавказскую туземную дивизию («Дикую»), 12-го августа—бывший в тылу в резерве 3-й конный корпус, потом Корниловский ударный полк. Назначение их, как всегда, не указывалось. Направление же одинаково соответствовало и Северному фронту, в то время весьма угрожаемому, и... Петрограду. Представил командира 3-го конного корпуса генерала Крымова на должность командующего XI армией. Ставка ответила согласием, но потребовала его немедленно в Могилев для исполнения особого поручения. Крымов проездом являлся ко мне. Определенных указаний он повидимому еще не имел, по крайней мере, о них не говорил, но ни я, ни он не сомневались, что поручение находится в связи с ожидаемым поворотом военной политики. Крымов был тогда веселым, жизнерадостным и с верою смотрел в будущее. По-прежнему считал, что только оглушительный удар по Советам может спасти положение.

«Вслед за этим получено было уже официальное уведомление о формировании отдельной Петроградской армии и требование предназначить офицера генерального штаба на должность генерал-квартирмейстера этой армии.

«Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил:

«— В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус [1]), во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами [2]). Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из «корниловской программы». Вас верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров—официально «для изучения бомбометного и минометного дела»; фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд.

«В дальнейшем разговоре он передавал различные новости Ставки, рисуя настроение ее в бодрых тонах. Передовал, между прочим, слухи о

---

[1]) 3-й конный корпус был вызван к Петрограду Временным Правительством.

[2]) Из следственного дела видно, что управляющий военным министерством Савинков и командированный в Ставку Керенским начальник его кабинета, полковник Барановский, сами предусматривали вероятность одновременного выступления с большевиками, под влиянием опубликования «корниловской программы» Совета р. и с. депутатов и необходимость тогда беспощадными мерами подавить его. (Протокол, приложение XIII к показанию Корнилова).

предстоящих новых назначениях командующих войсками в Киев, Одессу, Москву, о предположенном новом составе правительства, среди которого назывались имена и нынешних министров и совершенно неизвестные мне. Во всем этом вопросе была несколько неясна роль Временного правительства и в частности Керенского. Решился он на крутой поворот военной политики, уйдет или будет сметен событиями, ход и последствия которых при создавшихся условиях не могут предрешить ни чистая логика, ни прозорливый разум» [1]).

Таким образом, телеграмма Керенского об отставке отнюдь не была *причиной* генеральского выступления—и это был только предлог, притом *худший*, чем надеялись. Но другого не было—приходилось хвататься и за этот. *Причиной же* не было даже июльское выступление большевиков, ибо *одновременно* с ним в главной квартире Корнилова (тогда еще не верховного главнокомандующего) появляется загадочная фигура, всею своею повадкой чрезвычайно напоминающая—2 декабря 1851 года. Этой фигурой был «Завойко—один из тех странных людей, которые потом тесным кольцом окружили Корнилова и играли такую видную роль в августовские дни. Кто он—этого хорошенько не знал и Корнилов. В своем показании верховной следственной комиссии Корнилов говорит, что познакомился с Завойко в апреле 1917 года, что Завойко был когда-то «предводителем дворянства» Гайсинского уезда, Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного ординарца Корнилова. Вот все, что было известно о прошлом Завойко.

«Первая телеграмма Корнилова Временному Правительству была первоначально редактирована Завойко, который «придал ей ультимативный характер со скрытой угрозой—в случае неисполнения требований, предъявляемых Временному Правительству, объявить на юго-западном фронте военную диктатуру». Убеждения Савинкова перевесили. Корнилов согласился даже удалить Завойко из пределов фронта, но скоро вернул опять...» [2]).

Около Сент-Арно российского 2 декабря был и свой Персиньи... Но Персиньи был человеком не Сент-Арно, а Луи Бонапарта—вполне соответственно с этим и Корнилов «хорошенько не знал, кто такой Завойко». Кто же был Бонапартом этого Персиньи? Ген. Деникин это вне всякого сомнения, знает. Но говорить о некоторых вещах и называть некоторые имена он не решается—довольно верный признак, что в заграничных белогвардейских кругах еще не решено окончательно, будет «освобожденная» Россия монархией или «республикой» à la française (по французскому образцу). Притом более по образцу времен Мак-Магона, чем даже времен Пуанкарэ.

---

[1]) II, 210, 211.

[2]) Там же, стр. 195—196.

Приходится оперировать методом косвенных улик—он все-таки кое-что здесь дает. В конце того же июля Деникин был в Ставке на совещании об изменении «военной политики», гвоздем какового являлось «введение военно-революционных судов и смертной казни *в тылу*».

«По окончании заседания, Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шопотом, сказал мне следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжали. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича; что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет. Эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного Собрания, а там—пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?»—«В полной мере» [1]).

Итак, ни на какую «авантюру с Романовыми» Корнилов не шел: он твердо стоял на почве манифеста Михаила Александровича. После разгрома Советов и введения в тылу «порядка» в образе военно-полевых судов, можно было, казалось, не опасаться за исход «свободных выборов» в Учредительное Собрание. И гораздо выгоднее было получить царя из рук сего последнего, нежели заранее будоражить солдатские низы ненавистным именем.

Едва ли этот расчет—в высокой степени правдоподобный по всей ситуации—можно усвоить *лично* ген. Корнилову. Он был слишком простецкий человек для этого, сейчас мы будем иметь случай в этом убедиться. Завойко был весьма не лишним для его инструирования. А связи Завойко с «дикой дивизией»—бывшей дивизией Михаила Романова—делают еще более правдоподобной всю гипотезу. Прибавьте к этому, что и Михаил любил заявлять себя «республиканцем»...

Но к услугам подлинного Сент-Арно 1851 года был беспрекословно послушный начальству и действительно «аполитичный» парижский гарнизон, достойный наследник, раздавившей в июне 1848 г. парижский пролетариат армии Кавеньяка. Увы! в России августа 1917 года об этом можно было только мечтать, и действительное настроение армейской массы было таково, что для «ограждения личной безопасности главнокомандующего» (Деникина) хотели-было вызвать чехо-словаков и хотя от этого отказались под тем предлогом, что «зазорно русскому главнокомандующему защищаться от своих солдат чужими штыками»—но действительной причиной было едва ли не то, что и на чехо-словаков надежда была плохая... И уже со второго дня пришлось искать путей соглашения с Керенским. У того, как известно, на разгром Советов весьма слюнки

[1]) Там же, 197—198.

текли, но уступить свое место Михаилу Александровичу он отнюдь не был склонен.

Положение самого главы нового заговора (в отличие от первого, против Николая, «офицерского», второй, против республики Керенского, можно назвать «генеральским», но разница между ними не велика, и «рукою» того и другого должно было стать одно и то же лицо, генерал Крымов) было не лучше. И ему ничего не осталось, как взреветь «голосом отчаяния»: «Вынужденный выступить открыто—я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережьи, убивает армию и потрясает страну внутри... Предать Россию в руки ее исконного врага—германского племени и сделать русский народ рабами немцев—я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани (!!), чтобы не видеть позора и срама русской земли» [1]).

Что означал последний нелепый возглас, этого вероятно, не сумел бы сказать сам автор приказа. Если бы Корнилов хотел, действительно, «умереть на поле чести и брани», он пошел бы не на Петроград, а в прямо противоположном направлении—к отданной им немцам Риге. Но генерал был явно не в себе, когда писал приказ—иначе он поостерегся бы произносить так громко слово «провокация», слишком соблазнительное в тексте одного из самых провокационных документов истории русской революции.

Интересно было, вероятно, лицо Керенского, когда он читал пущенное им же когда-то по адресу его политических врагов обвинение в немецком шпионаже, обращенным к нему самому. Клевета имеет свойство старого сферического ядра—она дает рикошеты. И этот был не последний.

Через несколько дней неудачный Сент-Арно со всем своим штабом был под замком. Арестован был и его союзник на юго-западном фронте. И вот, когда Деникин сидел в Бердичеве за решеткой, с трудом охраняемый юнкерами от расправы с ним его собственных солдат, он слышал из толпы: «Хотел открыть фронт...», «продался немцам». Приводили и цифру—за «двадцать тысяч рублей» [2]). Популярному мотиву посчастливилось...

Думал ли тогда Деникин, что он когда-то пойдет на Россию союзником англичан, а что его вождь и кумир, Корнилов, умрет на поле брани союзником уже настоящего, подлинного наймита немцев, казацкого генерала Краснова?

Неисчерпаема ирония истории...

Книга Деникина—содержания которой мы тоже далеко не исчерпали—это, повторяем, основной источник для истории *военной контрреволюции*, пока, за 1917 год,—украшена картинками, которые еще боль-

---

[1]) Из приказа Корнилова по войскам, II, 216.

[2]) II, 219.

ЛИГА НАЦИЙ

(ЖЕЛТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ).

Плакат
художника ДЕНИ.

К статье «Русский революционный плакат»

ше подчеркивают ее генеральский характер. Столько изображений генералов я видел в жизни только один раз: это, когда мне в гимназии дали в награду «Сборник военных рассказов» знаменитого князя Мещерского; там был приложен альбом «героев» русско-турецкой войны—Гурко, Скобелев, Радецкий и т. д., и т. д. Но одна картинка осветила во мне и другое детское воспоминание. Это—последняя: «встреча ген. Корнилова в Москве». Странно напоминает она вшествие нашего господа в Иерусалим, так запомнившееся по иллюстрациям школьного учебника «Священной истории». Только тот ехал на одном осле, а этого несет целая четверка. Но лица этой четверки! не лица, а поэма.

К статье „Русский революционный плакат"

ВОЛНА МИСТИКИ.

(Из настроений современной эмиграции.)

Н. Мещеряков.

Осенью прошлого года Демьян Бедный поместил в «Правде» стихотворение «Ключ бездны», в котором рассказывал, как некий инженер, наслушавшись поповских россказней о том, что наступают «последние времена», что уже явился Антихрист, резонно решил, что в таком случае не стоит заниматься таким делом, как ремонт поповского дома. Поп пожаловался архиерею, этот призвал к себе инженера и указал ему главу XX Апокалипсиса, в которой рассказывается, что за тысячу лет до пришествия Антихриста, ангел вверг дьявола в бездну на тысячу лет. На вопрос архиерея, было ли таковое, инженер должен был сознаться, что еще не было. «Ну, вот видишь,—заключил архиерей,—как же может явиться теперь Антихрист, если ангел до сих пор еще не вверг дьявола в бездну? Ведь он может явиться только через тысячу лет после такого ввержения».

Я упомянул об этой басне, потому что в основе ее лежит истинное происшествие. Действительно осенью 1921 года в Москве один архитектор отказался ремонтировать дом, ибо не стоит заниматься такими делами, если скоро должен появиться Антихрист. Архитектора повезли к какому-то «старцу» в Троицкую Лавру, и этот старец убедил архитектора, прочитал ему главу XX Апокалипсиса.

Факт этот для переживаемого нами времени чрезвычайно характерен, ибо в настоящее время в среде интеллигенции мы наблюдаем сильное оживление всяких мистических верований. На мистическую литературу в этой среде большой спрос. Частные издательства и книгопродавцы учитывают его. Прошедшей зимой, например, в магазине издательства «Задруга» одно окно было сплошь уставлено различными старинными книгами мистического содержания.

Каковы же причины этого оживления мистики среди русской интеллигенции?

Русская интеллигенция сильно увлекалась социалистическими идеями. Но это увлечение было чисто внешним. Для большинства интеллигентов увлечение социализмом относилось к числу грехов молодости времен студенчества. Вступая в практическую жизнь, интеллигент отбрасывал эти увлечения. Сделать это было нетрудно, ибо самые социалистические идеи, которыми он увлекался, были трудами идеологов времен II Интернационала, чрезвычайно ловко обработаны таким образом, что из них была вытравлена вся их революционная сущность, и под легкой, тонкой социалистической оболочкой скрывалось самое доподлинное буржуазное ядро. Несмотря на широко распространенное в рядах русской интеллигенции со-

чувствие к социализму, миросозерцание этой интеллигенции оставалось вполне буржуазным.

Социализм был для нее не вопросом, который история уже поставила в порядок дня, а только прекрасной мечтой. Осуществление этой мечты допускалось в очень-очень далеком будущем, может быть, через несколько сотен лет. В настоящее время мир вообще, а наша отсталая Россия в особенности, далеко еще не созрели для осуществления этого идеала. Ближайшее будущее—и на очень долгие годы—должно принадлежать капитализму, буржуазному строю. Вся наука, которую интеллигент впитывал в себя в учебных заведениях чрезвычайно ловко и умело была приспособлена к тому, чтобы укрепить в нем убеждение в разумности и прочности буржуазного строя. Практически, в жизни интеллигент не допускал существования какого-либо другого строя, кроме буржуазного.

Но началась русская революция, которая быстро смела весь этот прочный буржуазный строй. Эта революция была произведена руками русских крестьян и рабочих—двух классов, которые, по мнению интеллигенции, в силу свое неподготовленности и некультурности решительно не в силах были создать новое общество, новую культуру. В процессе революции пострадали и не могли не пострадать многие культурные ценности. То, что создавалось им на смену, казалось интеллигенции, привыкшей к буржуазной культуре, глубоко уродливым. А между тем революция захватывает не только Россию, но и Западную Европу. И там приходят в революционное движение могучие народные слои, глубоко враждебные буржуазии. И там грозит опасность существованию буржуазного мира. Всюду гибнет буржуазная культура, а взамен ее победители буржуазии, по мнению буржуазной интеллигенции, не могут создать ничего. На светлый мир буржуазной культуры надвигается какая-то темная, стихийная сила. Царство света побеждается царством тьмы, Ормузд—Ариманом, Христос—Антихристом.

«Дикие», «темные» массы русских крестьян и рабочих восстают против существующего строя. Против них выступают в бой буржуазия, сильная своими богатствами, духовенство, опирающееся на религиозные предрассудки народа, лучшие русские генералы, руководящие многочисленными и прекрасно вооруженными армиями, интеллигенция, сильная своим знанием, и, наконец, весь капиталистический мир, который победу над русской пролетарской революцией ставит своей главнейшей задачей. При таких условиях поражение русской революции кажется неизбежным. Но в действительности она отражает всех этих врагов и торжествует победу над ними. Идеи коммунизма широкой волной разливаются по всему миру.

Для интеллигенции, которая была глубоко убеждена в прочности буржуазного мира, в неосуществимости социализма, в неподготовленности трудового народа к самостоятельной творческой работе, все это кажется чем-то непонятным, каким-то чудом, чем-то таинственным.

Никакие земные, реальные силы не помогли в борьбе против коммунизма. И слои, враждебные революции—буржуазия, интеллигенция и темные обыватели—возлагают теперь все свои надежды на религию, на

чудо, на мистику. «Без Бога жить трудно»,—признается Ив. Наживин. Но тут же он признается, что возрождение православия, о котором он мечтает, «может совершиться только чудом».

Таковы корни, которые питают возрождающуюся в настоящее время мистику. И чем острее чувствуется боль поражения какой-либо общественной группой, тем глубже погружается она в болото мистики.

Наиболее остро чувствует горечь поражения и безнадежность дальнейшей борьбы материальными средствами буржуазия и интеллигенция, убежавшие за границу. Там-то и расцветает поэтому мистика особенно пышным цветом.

Даже сменовеховцы страдают этим недостатком, по крайней мере, некоторые из них. Вот, например, пара выписок из статьи Ключниковая сборнике «Смена вех».

«Мистика—подлинная и глубокая—не раскрывалась ли и не раскрывается теперь во всем, что создало из России страну Советов, из Москвы—столицу Интернационала, из русского мужика—вершителя судеб мировой культуры». «Русская интеллигенция,—пишет он в другом месте,—уловит начало мистического в государстве, проникнется мистикой государства».

Трудно перечислить, а тем более изобразить все проявления мистики в современной русской эмигрантской литературе. Этому вопросу нужно было бы посвятить целую книгу. В своей статье я возьму только 2—3 примера, пользуясь книгами, о которых до сих пор еще не говорилось в нашей литературе.

Вот, например, изданный в Берлине роман (или, вернее, отрывки из романа) какого-то Н. Н. Белоцветова «Коммуна пролетарских миссионеров». Книга совершенно бездарная, лишенная тени художественного творчества. О ней не стоило бы и говорить. Но она интересна, ибо вся насквозь с начала до конца проникнута мистикой. В бездарном романе Белоцветова, как тусклый фонарь в капле грязи, отражается та нелепая, беспросветная мистика, образцы которой мы увидим ниже у других более известных русских эмигрантов. Поэтому я и остановлюсь коротко на этой книге.

Я уже сказал, что книжка Белоцветова есть только отрывок из романа. В книге имеется полная программа романа. Уже она дает яркое представление о той мистике, которой насквозь проникнут автор. Вот названия тех «книг», из которых должен состоять роман:

I Книга бреда и невнятицы. II Книга смуты и раздумья. III Книга встреч и избрания. IV Книга козней и предательства. V Книга глада и бездомности. VI Книга зверя и погибели. VII Книга смерти и спасения.

Мистицизмом проникнута вся книга. Мистически настроены все действующие лица этого романа, несмотря на различие их политических стремлений.

Вот, например, как смотрит на русский народ главное действующее лицо романа—развинченный поручик Михаил:

«Вся моя борьба с Леей только оттого и возникла, что она не могла принять русского народа, его мистицизма и его высокого духовного призвания...»

Лея по замыслу автора должна быть большевичкой. Но не подумайте, что она мыслит реально, трезво, материалистически. Нет, и она болтает мистические глупости не хуже Михаила. Вот, например, несколько отрывков из одной ее речи:

«Наша идея велика. Мы хотим осуществить на земле Новое Соборное Сознание, воплотить дух народа в герое-вожде, вызвать к жизни новую могучую силу, более великую, чем электричество и магнетизм, силу всенародного экстаза, сконцентрированную во всенародном вожде...»

«...Неужели вы думаете, что мы еще придерживаемся детских теорий марксизма? Что нам чужда мистика жизни? Что мы не религиозны?..

«Мы идем революционным путем, ибо в революции рождается пафос, а пафос и есть та новая сила, та мистическая сила всенародного опьянения, для которой становится возможным все... Мы не боимся ответственности. С нами грядущий Мессия! Мы предтечи его. Мы мечтаем о народе, через который будет говорить Сверхчеловек!» «Мы за мистику жизни, мистику борьбы и дерзаний. Мы хотим сделать народ актером диогеновского действа, участником всечеловеческой мистерии масс. Мы хотим, чтобы многомиллионные массы могли изрекать магическое имя, чтобы человечество стало стройным хором, воспевающим Мессию, своего вождя».

А вот как отвечает ей ее собеседник—некий поэт Лебеда:

«Тут Сивилла! Сивиллины слышу пророчества, за Майей грубейших явлений открываются мисты, богини, пророчицы древних времен!.. О грядущем Христе, о Соборном Новом Сознании, о герое народа—я слышу свои же слова!..

«Вот уже целое столетие человечество отравляется материалистической ложью,—говорит в романе некий Скалдин.—Но материалистические теории враждебны культуре. Они погубят все культурные традиции, если мы им не противопоставим уже теперь истинного духовного учения об Ангеле Филодельфийском и о грядущей миссии России».

А вот из речи некоей учительницы Агнии, у которой не глаза, а «светильники»:

«Если мы сумеем внушить детям любовь и уважение к национальной идее, как таковой, то эта любовь станет в них импульсом социальной деятельности; тогда и утилитаризм постепенно очистит свое место бескорыстному служению Ангелу Филодельфийскому, и материалистическая идеология просто не найдет в себе почвы для распространения».

Не стоит приводить дальнейшие цитаты такого же рода. Их можно было бы привести очень много. Вся книга переполнена таким мистическим бредом.

Книга Белоцветова архи-бездарна; это произведение выходит уже из пределов литературы. Поэтому ссылка на нее может показаться совершенно ненужной и неубедительной. Но таких книг много. Совсем близко от нее стоит, например, громадный роман известного генерала Краснова «От двуглавого орла к красному знамени». По своей нелепой мистичности многие места этого романа решительно не уступят книге Белоцветова. Но

громадные размеры этого романа не позволяют мне остановиться на нем подробно, чтобы не затягивать свою статью.

Передо мной лежит первая книжка (январь—февраль) издаваемого в Софии журнала «Русская Мысль» (редактор П. Струве). Эта книжка очень интересна. И она вся насквозь, не хуже романов Белоцветова и Краснова, проникнута безбрежным непроглядным туманом религиозности и мистики. Все—начиная со стихов и кончая философскими статьями.

Начнем со стихов.

Вот отрывок из стихотворения Гумилева:

Храм твой, Господи, на небесах,
Но земля тоже твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.
Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Дальше идет стихотворение М. Волошина. Вот отрывок из него:

Русь! встречай роковые годины:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет Ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.
Все, что было повторится ныне,
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне:
В небе—Бог, на земле—Богатырь.

А вот отрывок из стихотворения Е. Яшкова:

Волнуй себя безумием упадка,
Развратом духа, гордостью ума.
Господь с тобой! Мне отреченье сладко.
Бездомный путь, молитва, грусть и тьма.

В книжке вообще очень много стихов, и почти в каждом стихотворении мы находим одни и те же мотивы—бог и молитва.

О, Господи, ко мне ты длань простри
И укроти ты дух мой беспокойный.
Дабы твой раб я стал тебя достойный.
Призри меня, о, Господи, призри!

Я привел выписки из 4 стихотворений, имеющих такой молитвенно-религиозный характер. Но такие же выписки я мог бы привести еще из 7 стихотворений. И все это только из одного номера журнала.

А кроме того, в той же книжке 29 страниц занимает серия стихотворений «Религиозные легенды XII и XIII веков». Почти все эти легенды

имеют своей темой чудеса Божьей Матери. О том, что эти переведенные стихами легенды насквозь проникнуты мистикой, говорить, конечно, не приходится.

Но, может быть,—возразят мне,—не надо придираться к поэтам. Ведь они говорят «языком богов». Они всегда много говорили о боге и молитвах. Еще Пушкин говорил, что они «рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв».

Перейдем к беллетристике «Русской Мысли».

В этой области нужно отметить рассказ Е. Чирикова—«Опустошенная душа». Герой рассказа—большевик, захваченный белыми. Он сидит в тюрьме и в ожидании казни вспоминает всю свою жизнь. Пока имеются только воспоминания детства.

Герой рассказа говорит, что он «сын марксиста, который теперь бежал за границу, спасаясь от преследований большевиков». Герой рассказа хочет «приоткрыть занавесочку, за которой прячется звериная тайна нашего взаимного истребления». Другими словами, Чириков хочет объяснить причины, вызвавшие революцию вообще и большевизм в частности.

Отец героя рассказа «кончал курс в университете и проучился в будущие профессора по астрономии, а мать была курсисткой по естественно-историческому отделению наук». Родители героя были арестованы и сосланы в Сибирь.

Как естественники, родители героя старались подавить в своем сыне всякую веру в сверхъестественное, в бога, в чертей и т. п. Они старались объяснить ребенку разумно всякое явление, на которое наталкивалась его мысль. Они старались объяснить ему, что «нет ничего чудесного и необъяснимого ни на земле, ни на небесах. Никаких леших, никаких чертей, никаких волшебников, никаких ведьм и русалок, карликов и великанов, никаких заколдованных царств и спящих царевен. Все это—ерунда, глупости, ложь и обман».

Чирикову очень не нравится такое дерзкое отрицание леших и чертей, и он заставляет своего героя воскликнуть:

«О, мои умные всезнающие родители, все вы интеллигентные отцы наши! Вы всегда забывали, что «много будешь знать, скоро состаришься».

Во времена реформации великий гуманист Эразм Роттердамский—написал книгу «Похвала глупости». Это была сатира. А теперь, в эпоху пролетарской революции, бывший марксист Чириков всерьез, без всякой иронии, предподносит нам похвалу глупости и невежеству.

А с религией, по мнению Чирикова, дело обстояло еще хуже.

«Позитивисты и реалисты, папа с мамой, конечно, в бога не верили! Как все передовые интеллигенты, они просто игнорировали, отметали Бога и старались изо всех сил спрятать его от меня, как одно из основных и зловреднейших суеверий человечества, препятствующих ему взять свою судьбу в собственные руки, только в собственные...»

Чириков очень сердится на родителей героя своего рассказа—а в лице их и на всю русскую интеллигенцию—за то, что она легкомысленно разрушала в молодежи веру в бога. Еще бы не сердиться. Ведь он сам от-

кровенно говорит, что «суеверие препятствует человечеству взять свою судьбу в собственные руки, только в собственные». А это стремление штука очень революционная, а потому не может нравиться буржуазии.

Герой рассказа говорит: «теперь я не верю в бога». Но уже на следующей странице мы читаем такое гневное обращение героя рассказа к своим родителям, а вместе с тем и ко всей русской интеллигенции, которая долго стремилась расшатать в народе веру в бога, внушила народу идею, что он сам своего счастья кузнец, что он может и должен устроить свое счастье здесь, на земле, своими руками, и отнюдь не ждать терпеливо блаженства в будущей, загробной жизни.

«Вы хотите порвать мировую цепь вечности, связывающую воедино всех живых и мертвых. Не порвать вам этой цепи живых и мертвых. Будут сменяться религиозные догмы и самые религии, но идея Бога останется. Она неистребима как сама природа. На сытом брюхе человек никогда не примирится, а если примирится, то снова превратится в скота».

«Понимаете ли вы, всезнающие папы и мамы, что, искореняя из души ребенка идею Бога, вы грабите самое драгоценное и готовите в будущем именно ту обезьяну, от которой по вашим научным убеждениям человек отошел?»

Разве это не новый образчик похвалы глупости?

А дальше мы читаем описание такой сцены.

Наступила засуха. Решают прибегнуть к старому испытанному средству борьбы с ней—крестный ход с чудотворной иконой. Ребенок просит родителей пустить и его, они отказывают, говоря, что весь этот молебен «ерунда».

Но по мнению Чирикова оказалось не ерунда. «К вечеру по всем горизонтам засверкали грозовые зарницы». Надвигается гроза. Кухарка Спиридоновна, радостно крестится и говорит:

— Истинное чудо божие! Замолила заступница.

— Спиридоновна! Услыхал вас Бог?

— Разя не видишь? Гроза с дождем идет.

«Да, Бог услыхал»,—резюмирует герой рассказа.

Гроза надвигается. Раздается удар грома. «На колесницах огненных едет пророк Илия ко Господу!»—шепчет Спиридоновна.

Дальше по поводу сверкнувшей молнии Спиридоновна рассказывает мальчику «про Илию пророка, про огненную колесницу, про глаз божий, про врата небесные».

И Чирикову очень нравятся такие объяснения. Ему хотелось бы, чтобы на них было построено все воспитание детей, а вместе с тем и всего народа, ибо буржуазный интеллигент очень любит ставить рабочего и крестьянина в положение взрослого ребенка.

Вот если воспитать ребенка в убеждении, что гром и молнию производит Илия пророк,—тогда из него выйдет действительно человек, а не обезьяна. Так думает г. Чириков. Если же с детства не дать в нем развиться вере в бога, в чорта, в лешего, в Илью пророка как источник грома и молнии, то у него будет «опустошенная душа». А опустошенная душа—

это и есть безбожный большевик. Такова «идея» рассказа Чирикова. Разве это не сплошная похвала глупости и невежеству?

Но довольно об этом невежественном, мистическом бреде Чирикова. Перейдем к серьезным статьям журнала. Но и здесь мы увидим все тот же мистический бред.

Вот статья С. Метальникова «Материализм и мировая катастрофа».

Материализм, по словам С. Метальникова, был за последние 70 лет господствующей доктриной среди всех классов общества. От него и пошли все качества. Он и был виновником всех бед: милитаризма, империализма, мировой войны, революции. Жадность буржуазии, ее стремление эксплоатировать весь мир—все это не играло никакой роли. Самую классовую борьбу выдумали философы-материалисты и соблазнили, с одной стороны, невинных, чистых душою как снег альпийских вершин капиталистов, и с другой стороны, рабочих, большинство которых никогда не читало книг этих философов материалистов.

Пусть читатель не думает, что я преувеличиваю, извращаю мысли Метальникова. Вот несколько цитат из его статьи:

«В государственной жизни материализм привел к господству милитаризма и империализма». «Те же принципы применялись и внутри страны как государственной властью, так и различными борющимися между собой группами и партиями. Личная польза или польза той или иной группы—вот что ставилось на первое место... Можно без преувеличения сказать, что в государственной и общественной жизни мораль положительно не играла никакой роли». «Вдумываясь во все происшедшее и происходящее в настоящее время перед нашими глазами, мы должны признать, что истинная причина мировой катастрофы лежит гораздо глубже, чем это казалось нам раньше. Истинной причиной катастрофы являются не отдельные личности, не классы и отдельные народы, а то духовное основание, тот духовный фундамент, на котором строилась вся мировая культура».

«Мировая война с ее возмутительными жестокостями и страданиями, миллионы погибших и искалеченных жизней, целое море крови и слез и в довершение всего междоусобная война и большевизм с его небывалыми ужасами и насилиями во имя человеколюбия и социальной справедливости,—все это есть результат того духовного разложения и морального гниения, которое принес материализм».

Чириков полагает, что вся революция есть результат неправильного воспитания, которое русские интеллигенты—ссыльные—давали своим детям, уничтожая в них веру в Бога, в чертей, в леших и т. п., объясняя им, что гром и молния—результат действия электричества, а не производятся Ильей пророком. «Вот уже целое столетие человечество отравляется материалистическою ложью. Но материалистические теории враждебны культуре. Они погубят все культурные традиции, если мы не противопоставим им уже теперь истинного духовного учения», читали мы в романе Белоцветова. А Метальников думает, что война, революция и вся вообще «мировая катастрофа» являются результатом того, что философы материалисты привили тем интеллигентам, которые читают их книги, неправильные

философские идеи. Далеко ли Метальников ушел от Чирикова и от Белоцветова.

Кроме того, в гражданской войне принимали участие и белогвардейцы, в руках которых и вождями которых были такие ни духом, ни телом неповинные в материализме люди, как П. Струве, Карташев, Новгородцев (об этих двух у нас речь будет ниже), генерал Краснов и, наконец, сам Метальников. Все они чистокровные идеалисты в философии, настроены религиозно-мистически. А ведь они формировали добровольческие армии, бросали их в бойню, грабили «благодарное население», насиловали, жгли убивали, разоряли страну. И все это во имя спасения интересов собственного кармана и кармана буржуазии. Как же все это объяснить с точки зрения Метальникова, согласно которой единственным виновником всех бедствий является материализм.

У Чирикова Спиридоновна, объясняя молнию и гром. «говорит про Илию пророка, про огненную колесницу, про глаз божий, про врата небесные». А вот что пишет С. Метальников:

«Нужно, наконец, понять, что миром движет, миром управляет, в мире творит не материя, не электричество, а разум и творческая сила». Конечно, Метальников говорит ученым философским языком, а Спиридоновна—простым бабьим, но сущность у обоих одинакова. По существу философия Метальникова совсем ничем не отличается от «философии» невежественной бабы Спиридоновны.

Человек без веры в Бога превращается в обезьяну,—говорит Чириков.

«Заменить религию и мораль формулой: «умрешь—вырастет лопух», или «цель оправдывает средства», или «в борьбе обретешь ты право свое»—это значит обратить людей в звериное стадо», так пишет Метальников.

«Звериное стадо» или «обезьяны»—разница маленькая.

«Идея бога останется. Она неистребима, как сама природа»,—говорит Чириков устами своего героя. «Мы можем сомневаться в существовании Бога или даже просто отрицать его, но одно несомненно, что без религии в настоящее время народ жить не может»,—вторит ему Метальников почти теми же словами.

Вера в бога препятствует человечеству «взять свою судьбу в собственные руки, только в собственные»,—откровенно признает Чириков. Современные материалисты «убеждены, что все зло и несправедливости существующего социального строя проистекают от несправедливого распределения материальных богатств. Стоит распределить эти богатства более справедливо, и все пойдет прекрасно, наступит рай земной»,—пишет Метальников. То же откровенное признание, ясно показывающее, почему господа идеалисты из лагеря буржуазии и буржуазной интеллигенции так недовольны материализмом, так боятся, так ненавидят его. Вина материализма в том, что он убивает у угнетенных и эксплоатируемых мысль о необходимости купить загробное блаженство ценой страданий, смирения и терпения в земной жизни. Он учит угнетенных и эксплоатируемых «взять свою судьбу в собственные руки, только в собственные». Он говорит, что

нужно «распределить богатства более справедливо и все пойдет прекрасно, наступит рай земной». Материализм является основой, философией социализма, и этого не хотят простить ему и никогда не простят эксплоататоры народа.

«Без религии в настоящее время народ жить не может»,—уверяет себя и других Метальников. Ту же ноту тянет и П. Новгородцев в статье «Православная церковь в ее отношении к духовной жизни новой России».

«Старая Россия разрушена», пишет он. И среди этих развалин одно осталось непоколебленным и даже еще более утвердилось: это православная русская церковь. И утвердилась эта церковь прежде всего среди интеллигенции... Под сенью этой церкви все более собираются все русские люди, которые ищут твердой опоры в жизни, верной пристани среди невероятных бурь и тревог переживаемого времени.

В этом много верного. Действительно, религиозность, мистицизм развились за последние годы именно среди русской интеллигенции. Русская буржуазная интеллигенция пыталась всяческими способами бороться с революцией, со стремлением трудящихся классов «взять свою судьбу в собственные руки, только в собственные», «распределить богатства более справедливо». И всюду буржуазия и интеллигенция были жестоко биты. Остается одна надежда на чудо, на религию. «Под сенью церкви» ищет последнюю опору, последнюю пристань разбитая буржуазия. А интеллигенция прокладывает ей дорогу. Quand le diable devient vieux, il se fait ermite,—дряхлеющий чорт превращается в пустынника,—говорит французская пословица.

Но, укрываясь под сенью церкви, буржуазная интеллигенция думает найти здесь «последнюю опору», чтобы отстоять права буржуазии на эксплоатацию трудящихся. Для этого она хочет разрушить у народа стремление «взять свою судьбу в собственные руки», чтобы создать на земле «рай земной». Мы слышали эту ноту и у Чирикова и у Метальникова. Ее же тянет и Новгородцев.

«Вся жизнь земная,—пишет он,—вся история человеческая представляются лишь областью стремления, которому никогда не будет дано своими естественными силами, в своих обычных условиях увенчаться безусловно прочным достижением... Тут над всеми чаяниями и упованиями господствует идея... недостаточности человеческих сил, а, с другой стороны, тут живет твердое убеждение, что совершенство жизни достижимо лишь за пределами человеческой культуры, лишь в «последние дни».

Опять все та же нота проповеди смирения, терпения, отказа от борьбы за счастье. Эта последняя приманка, на которую буржуазия хочет поймать трудящийся народ, всерьез решившийся «взять свою судьбу в собственные руки».

Несколько далее в той же книжке «Русской Мысли» мы находим статью А. Карташева «Политика и церковь». И в этой статье есть интересные мысли, на которые необходимо обратить самое серьезное внимание.

Мы читаем, например, в этой статье, что «теократия есть интегральная часть церковного самосознания. И не случайна вся история церкви со всеми ее теократическими опытами среди разных культур народов и государств. Церковь, пока она действительно остается церковью, т.-е. живым организмом, включающим в себя всю полноту жизни, а не выродившимся абстрактным протестантским понятием, никогда не обратит внимания на религиозно-пустые призывы людей бесцерковных успокоиться на мертвенной нейтральности в отношении ко всем вопросам мира, культуры и политики».

Но церковь, по мнению г. Карташева, имеет право не просто вмешиваться во «все вопросы мира, культуры и политики. Ей должна принадлежать решающая роль во всех этих вопросах. Церковь,—говорит г. Карташев,—претендует на руководство всем духом жизни и культуры». «Творчество научное, художественное, социальное, всяческое должно итти по установленным законам логики и механики, но первородящий и окрыляющий его дух и цель должны быть почерпнуты в духовно-чистом и святом источнике. Прометей и титаны пусть творят башни до небес, но пусть их мускульная и душевная сила восполняется и руководится духом святым через церковь».

Итак, по мнению г. Карташева, все классы, все общественные силы, а в частности трудящиеся классы («титаны») должны работать на церковь, по ее указаниям. Церкви должна принадлежать «руководящая» роль во всех областях жизни и культуры. Даже научное творчество должно руководиться церковью. Ну, а если церковь признает научное открытие вредным для ее авторитета или противоречащим учению отцов церкви или противным ее интересам? Не будет ли она тогда всячески гасить научную мысль? А в таком случае мы возвратились бы к худшим временам средневековья, ко временам сожжения еретиков. Всякое социальное творчество должно также итти под руководством церкви. Но и в таком случае мы возвратились бы к тому же средневековью, когда папство являлось руководящей властью. Г. Карташев прав, когда называет это стремление теократией. Приходится поблагодарить г. Карташева и его единомышленников (а редакция «Русской Мысли» ни словом не оговаривает своего несогласия с идеями г. Карташева) за то, что они не хотят наложить руку церкви на законы логики и механики.

Дальше мы узнаем, что «церковь, блюдя свои теократические цели, не может не расценивать, на-ряду с другими формами жизни и творчества, и политических систем по степени их благоприятствования осуществлению высшего служения церкви человечеству». А это значит, что церковь хочет быть активной политической силой. Мы узнаем далее, что, «переходя ближе к нашей русской церкви, мы должны взглянуть на всю ее прошлую патриархальную связь с государством, как на факт нормальный и благословенный». А потому «церковь не может не молиться непрестанно о пришествии христолюбивой власти над истерзанной сатаною Россией», а «русская странствующая за пределами отечества церковь также в своих воздыханиях молит о ниспослании промыслом божиим русскому народу

власти православной». Другими словами, церковь должна стать в России активной воинствующей силой контр-революции. В ней ищет контр-революция для себя не только тихую пристань, но и последнюю опору. А для того, чтобы обеспечить успех этой силе, наши идеалисты и церковники стараются напустить как можно больше всякого мистического тумана. И редакция «Русской Мысли» старается в этом направлении, отводя чуть не половину журнала вопросам религии и мистики, ибо кроме поименованных статей в той же книжке мы находим еще переполненные мистикой письмо Г. Флоровского к П. Струве об евразийстве, статью А. Соколовского «О национально-религиозном возрождении России» и статью П. Струве «Прошлое, настоящее и будущее».

Но смешно, конечно, в настоящее время всерьез думать о возвращении средневековья. Средние века ушли безвозвратно. Смешно думать, что великая русская революция, являющаяся только прологом еще более великой мировой пролетарской революции, окончится как простая бессмысленная «смута» тем, что освободившийся народ добровольно откажется от завоеванных прав, сам добровольно наденет на себя ярмо. Если бы он даже захотел сделать так, то этого не позволит ему вся историческая обстановка, растущая и развивающаяся мировая революция. И смешно мечтать о том, о чем мечтает редакция «Русской Мысли», цитирующая в одной из статей стихотворение М. Волошина:

Они пройдут, расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, уставший от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И отрезвясь от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,—
От угольев погасшего пожара
Затеплит яркую свечу.
Молитесь же! Терпите же! Примите ж
На плечи крест, на шею трон.
На дне души гудит подводный Китеж—
Наш неосуществимый сон.

В действительности потонул Китеж старой православной дореволюционной России, Китеж древнего благочестия, средневековой мистики, покорности и смирения трудящихся. Этот Китеж утонул безвозвратно. «Что прошло,—не воротится вновь». И «неосуществимым сном» нужно признать не цели и задачи великой начинающейся пролетарской революции, а мечты белогвардейцев о возвращении мрачных времен средневековья, царизма, рабства и эксплоатации народа.

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕНИНА.

В. В. Адоратский.

Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений. Т. XIV, ч. 1-я. От февральской революции до июльских дней. 317 стр. Ч. 2-я. От июльских дней до октябрьской революции. 536 стр. Государственное Издательство 1921 г.

Сочинения Ленина следует оценивать с трех сторон. Это, во-первых, образцы марксистского анализа и применения метода диалектического материализма. С этой стороны Ленин является теоретиком-марксистом.

Во-вторых, освещая и объясняя происходящую классовую борьбу, те исторические процессы, которые совершаются в обществе, Ленин является историком, так как он, как марксист, все время старается научно изучить факты, лежащие в основе его политики. А это и есть та задача, которую ставит себе историк.

Наконец, в-третьих, Ленин является политиком и его сочинения представляют собой громадное собрание материалов для изучения особой школы политики—политики революционного марксизма.

Преимущество Ленина и как историка, и как политика заключается в том, что он владеет оружием марксистской диалектики. Он не сидел специально в архивах, но он более правильно понимает исторические события и умеет объяснить исторический процесс правильнее, чем это могут сделать буржуазные историки, потому что ему помогает материалистическая точка зрения Маркса, которой лишены буржуазные историки специалисты, усвоить ее им мешает их классовая идеология.

Как политик, Ленин имеет то же преимущество. Благодаря марксистскому методу, он неизмеримо правильнее может оценивать политическое положение, чем это доступно его противникам, буржуазным политикам. Сильная сторона Ленина, как политика, в том, что он умеет быть представителем класса, перед которым будущее. Буржуазные политики представляют класс, безвозвратно осужденный на гибель и предрассудки этого класса мешают им видеть действительное политическое положение таким, каково оно есть на самом деле.

Ввиду того, что и в историке, и в политике основным и решающим является его точка зрения, его метод, мы и рассмотрим, в чем же состоит тот метод, который впервые позволил сделать из истории действительную науку. Здесь можно заметить в скобках, что Маркс не очень почтительно отзывался о буржуазной исторической науке и ее знаменитостях. Вот его характеристика Ранке: В письме от 7 сентября 1864 г. (Briefwechsel. Bd. III. S. 182) он пишет о некоем Dönniges, что он был приятелем по университету Рутенберга и его компании. «Сначала Dönniges принадлежал к

числу пажей (jeunes gents) или, лучше сказать, к числу подмастерьев (jeunes gens), так как они вовсе не были джентльменами, маленькой редиски Ранке (des kleinen Rabunzel Ranke) [1]). Этот последний заставлял их издавать отвратительные старые имперские летописи и т. д. Все же то, что этот пляшущий гномик Ранке считал «духом» (für Geist hielt) именно игрушечная возня с анекдотами (die spielende Anekdotenkrämerei) и сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам—все это для этих молодых людей из деревни (young men from the country) было под строгим запретом. Они должны были придерживаться «объективного», а дух предоставить их учителю. Наш Dönniges считался до некоторой степени бунтовщиком, так как он оспаривал у Ранке монополию духа, по крайней мере, фактически оспаривал и не раз наглядно доказывал, что и он, так же, как и Ранке, является природным «лакеем» «истории».

Правда, что письма с их грубым языком (mit ihrer brutalen Sprache, как где-то выразился Маркс) не годятся для печати, но в этом слишком уж меткая характеристика и изображение ученой университетской среды и царящих в ней нравов, характеристика, не устаревшая и до сих пор. Это в скобках. Теперь же обратимся к характеристике метода диалектического материализма.

Основными правилами этого метода являются следующие:

1. Мышление определяется бытием. Это значит, что одно дело—действительные отношения людей, существующие фактически в материальной действительности, другое дело—сознание о них. Это сознание не является первоначальным, но обусловлено, определяется действительно существующим строем общества и всеми материальными условиями, в которых люди живут. Надо уметь изучать именно действительные общественные отношения, как они существуют на самом деле, не смешивая их с тем, что люди о них думают, с представлениями людей.

Тот факт, что это две вещи разные, очевиден хотя бы из того, что в истории мы на каждом шагу видим, как общественные отношения созревают и существуют в действительности, а сознание о них еще отсутствует, люди еще не понимают во всех подробностях того, что сами они делают. Сначала зреют отношения, а потом приходит сознание, начинают их понимать. В 80-х годах капитализм в России был уже несомненным фактом, а в то же время появлялись «ученые» книжки, доказывавшие, что русский капитализм—это бессмыслица. Еще и в 90-х годах продолжался спор народников с марксистами о том, есть ли капитализм в России.

Капитализм вступил в последнюю фазу своего развития—империалистическую, под руководством своих повелителей; народы истребляли друг друга в течение нескольких лет, общество зашло в тупик; единственный выход из создавшегося положения—перестройка всего общества

---

[1]) Rabunzel или Feldsalat—это маленькое растеньице, очен неприхотливое, стоящее поэтому дешево и употребляемое в пищу в качестве салата,—я заменяю здесь это слово-словом редиска, потому что смысла фразы это не изменяет.

под диктатурой пролетариата, а все еще бесконечное количество людей верят в какую-то возможность возрождения капитализма.

Вот уже более 150 лет существует на свете промышленный капитилизм, а множество экономистов и до сих пор не может выяснить себе сущность капиталистических отношений и их законы. Мышление определяется бытием и, как видно, иногда поддается этому определению очень медленно.

Последствием того положения, что основным и определяющим должно считать бытие, а не мышление, является правило, что если хочешь правильно судить об обществе и о процессах, совершающихся в нем, то надо обращать внимание на действительно существующие материальные отношения, на материальную действительность и не поддаваться тому, чтобы идеология эту действительность заслоняла.

Ленин в одной статье, в «Правде» от 6 мая 1917 г., приводит слова из речи Маклакова: «Власть будет леветь все больше и больше, пока страна будет праветь все дальше и дальше». Если Маклаков искренно был убежден, что страна правеет,—он сильно заблуждался—идеология мешала ему видеть действительность. Ленин указывал, что если под «страной» Маклаков подразумевал капиталистов, то он был прав. «Но «страна» рабочих и беднейших крестьян, уверяю Вас, гражданин,—писал тогда Ленин,—раз в 1000 левее Черновых и Церетели и раз в 100 левее нас. Поживете—увидите» (Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 149).

История подтвердила правильность такой оценки.

Это уменье видеть действительность, незаслоненную абстракциями, далеко не легкая вещь. Как в начале революции далеко не многие сразу поняли ясно задачу, вставшую тогда на очереди—движение к диктатуре пролетариата, так в сентябре 1917 г. далеко не все понимали, что настал момент, когда партия пролетариата должна взять власть. А в марте 1918 г. необходимость заключения Брестского мира тоже была ясна далеко не для всех политических деятелей и т. д.

Причиной этих ошибок была трудность, порой даже невозможность для людей, находившихся еще во власти различных идеологий видеть действительность, этими идеологиями заслоненную.

Первое правило метода диалектического материализма требует не смешивать материальную действительность человеческих отношений с мыслями об этих отношениях, видеть действительное общество таким, каково оно на самом деле.

2. Второе правило нашего метода требует изучения действительности, не заслоненной абстракциями, идеологиями—во всей полноте. Оно требует принимать во внимание все существенное, изучать подробно и детально, помнить, что действительность—это единый процесс, части которого находятся в неразрывной связи. В силу ограниченности человека в пространстве и времени и других причин, действительность отражается в его сознании не вполне точно и правильно. Некоторые стороны чрезмерно выпячиваются вперед, о других человек склонен забывать. То правило диалектического мышления, о котором мы сейчас говорим,

требует, чтобы мысли человека отражали всю сложную и противоречивую действительность во всей полноте. Если этого невозможно достичь вполне, к этому надо приближаться.

В политике осуществление этого правила требует, чтобы принимались во внимание обстановка не только данной страны, но чтобы оценка производилась и с точки зрения всего международного положения. Марксист должен учитывать развитие классовой борьбы и ход событий во всей стране в целом и в международной обстановке в целом.

Это умел делать Маркс в своей политике. Как пример, можно указать на разницу в политике Маркса и Лассаля (см. Меринг «История германской социал-демократии», «Письма Лассаля к Марксу» и «Переписка Маркса и Энгельса»).

Сильная сторона Ленина, как политика, и заключается в том, что он помнит об этом требовании, стремится принять во внимание действительное положение общества во всей полноте, принять в расчет также и международное положение и умеет это сделать.

Как пример, приведем оценку и объяснение русской революции в письме к швейцарским рабочим, написанном при отъезде из Швейцарии 8 апреля нов. стиля 1917 г. Ленин писал там, что русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть может, очень короткое время застрельщиком пролетариата всего мира. Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции размах, он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего самого главного, самого надежного сотрудника,—европейского и американского социалистического пролетариата (т. XIV, ч. 2, стр. 403—409).

Эта оценка международного положения не обманула, и Российская социалистическая республика выдерживала борьбу против капиталистов всего мира, поддерживаемая сочувствием всего мирового пролетариата. Как будет развертываться борьба европейского и американского пролетариата дальше,—покажет будущее, но что она развертывается, и в недалеком будущем развернется для многих, может быть, в совершенно неожиданных размерах — в этом сомнений быть не может.

3. Кроме того, диалектический метод требует изучать все в движении. Изучать возникновение, развитие и исчезновение явлений. Никогда не забывать об этом движении, помнить о нем, что оно существует, что нет ничего застывшего, неподвижного, на веки прочного, хотя бы данное явление на первый взгляд и казалось таким. Диалектический метод требует обращать внимание на то, как происходит движение и совершается переход из одного состояния в другое. Стараться охватить процесс развития в целом. Следить за борьбой противоположных сил и помнить, что противоречие не есть какая-то ненормальность, но что оно есть неотъемлемое свойство действительности. Эти мысли лежат в основе всех со-

чинений Маркса и Энгельса, они должны войти в плоть и кровь всякого сознательного пролетария, желающего стать марксистом.

В современной истории и в современной политике основное противоречие—это противоречие между пролетариатом и буржуазией. Всегда помнить об этом противоречии, изучать его развитие и класть его в основу своей политики,—для определения конкретных задач всегда учитывая меняющееся положение, таково требование марксистского метода. Ленин никогда не забывал об этом противоречии, о непримиримом противоречии между пролетариатом и буржуазией и о том, что единственно возможное разрешение этого противоречия, основанное на тщательном изучении действительных отношений капиталистического общества—это свержение буржуазии пролетариатом,—ее «диалектическое отрицание», разрушение буржуазного строя и замена его социалистическим. Эта гигантская задача может быть решена только в длинном ряде классовых битв между пролетариатом и буржуазией.

Когда в начале империалистской войны 1914 г. могущество и прочность власти империалистической буржуазии, казалось, были безграничными, Ленин провозгласил лозунг превращения империалистской войны в гражданскую войну. Это вызывало в начале недоверие и насмешки даже в среде людей, повидимому, близко стоявших к марксизму. Действительное развитие исторических событий блестяще подтвердило этот диагноз Ленина.

Так и в процессе революции Ленин, как политик, оценивая все время меняющееся политическое положение, никогда не забывал об этом основном противоречии и применительно к меняющимся обстоятельствам намечал меняющиеся очередные задачи, которые всегда имели в виду одно: свержение власти буржуазии и торжество пролетариата.

Так было, когда он вел мирную агитацию внутри Советов до июля 1917 г., когда после июльских дней указывал на неизбежность восстания, а в сентябре-октябре настаивал на необходимости организовать восстание и немедленно взять власть, когда летом 1918 г. указывал путь, как можно достать хлеб пролетариату для спасения революции, а зимой 1918-1919 г.г. писал призыв организовать 3-х-миллионную армию. Все эти очередные задачи ставились на основании строго научного изучения действительной классовой борьбы, развертывавшейся на наших глазах, великой революции, в которой каждый принимал то или иное участие.

4. Революционный марксизм требует не отделять теорию от практики. Надо не только познавать, но и переделывать окружающее, не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие, извлекая из нее уроки. «Философы лишь о б ъ я с н я л и мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы и з м е н и т ь его» (мысли Маркса о Фейербахе). Основательное изучение без практики невозможно. Познание необходимо для практики, иначе оно не нужно. Сильная сторона Ленина заключается в том, что он всегда, следуя этому правилу революционной диалектики, умел совмещать основательное, действительно научное изучение процессов, совершающихся в обществе, с деятельностью практиче-

ского борца, находящегося в неразрывной связи с рабочим классом, с его передовым отрядом. Это являлось точно также сильной стороной и Маркса.

Сжечь в себе последние остатки утопизма, идеализма и мелкобуржуазности можно, только непосредственно участвуя в организованной борьбе пролетариата, только ближайшим образом связав свою судьбу с судьбою этого класса.

5. Наконец, еще одно правило марксистской диалектики учит помнить, что нет отвлеченной, абстрактной истины—всякая истина конкретна. Это правило является неизбежным последствием приведенных выше принципов диалектического мышления и особенно того правила, которое приведено у нас на третьем месте. Если все меняется в действительности, то очевидно и истин не может быть застывших, годных на все времена. В сочинениях Ленина можно найти без конца примеров того, как надо это правило проводить в жизнь. Кто хочет изучить диалектический материализм в его истинном значении, т.-е. не теоретизирование о нем, а его практическое применение, тот почерпнет много поучительного для себя, изучая произведения Ленина именно с этой стороны.

Особенно наглядно видна правильность этого приципа на политических лозунгах, которые должны меняться вместе с меняющимися обстоятельствами. Оставаясь же неподвижными, они из средства, проясняющего и воспитывающего политическое сознание масс, превращаются в средство затемнения и обмана. Мудрость становится безумством и добро—злом.

Как пример, можно указать хотя бы на «Письма о тактике» (Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 26—36, написано в апреле 1917 г.).

В первом письме Ленин разъясняет, что после февральской революции лозунг «революционная диктатура пролетариата и крестьянства—заканчивающая демократическую революцию», устарел, он стал недостаточен, цеплянье за него в данный момент приводит на деле к переходу к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы.

Марксизм требует от нас,—пишет Ленин,—самого точного, объективного проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики. «Наше учение не догма, а руководство для действия»—так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса... Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни. Формула, гласящая, что революционно-демократическая диктатура проле-

тариата и крестьянства заканчивает буржуазно-демократическую революцию, в апреле 1917 г. уже старела. Жизнь ввела ее из царства формулы в царство действительности, облекла ее кровью и плотью, конкретизировала и тем самым видоизменила. Эта диктатура уже осуществилась, но осуществилась своеобразно.

После февральской революции существовали рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (Советы), добровольно отдававшая власть буржуазии, добровольно превращавшаяся в придаток ее.

На очереди теперь новая задача,—писал Ленин:—раскол пролетарских (анти-оборонческих, интернационалистических, «коммунистических», стоящих за переход к коммуне) элементов внутри этой диктатуры и элементов мелко-хозяйских или мелко-буржуазных (Чхеидзе, Церетели, эс-эры, и пр., и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

В данной конкретной обстановке в апреле, мае, июне 1917 г. это раскалывание пролетарских элементов внутри Советов можно было производить путем длительной терпеливой мирной пропаганды. Можно было выставить лозунг «вся власть Советам» и разъяснять вред и невозможность двоевластия.

Оценивая момент, Ленин говорил на заседании всероссийской конференции большевиков 24 февраля 1917 г. (см. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 417—418) следующее:

«В России первая гражданская война кончилась, мы переходим теперь ко второй войне—между империализмом и вооруженным народом. В этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы несомненно впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилием берут, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя: это бессмыслица. Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно».

Такое положение, при котором революция могла развиваться мирно, продолжалось до июля 1917 г. После «Июльских дней» произошел перелом. В статье «К лозунгам» (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 12—18) подводятся итоги этой наступившей перемены и указывается, как это

должно изменить и положение большевиков, и их тактику, и их лозунги. Лозунг «вся власть Советам» теперь устарел.

«До июльских дней власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное Правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т.-е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом,—вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунг ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно».

«Если бы власть своевременно перешла к Советам, то возможна была бы мирная борьба классов и партий в н у т р и Советов. Главный недостаток мелко-буржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Сохранялась бы связь всех советских партий с массами и иллюзии мелко-буржуазного соглашательства с буржуазией могли бы быть изжитыми мирно.

«Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелко-буржуазном крестьянстве (изменить мелко-буржуазность крестьянства можно только путем электрификации. *В. А.*). Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими».

«Более 20 лет существует массовое социал-демократическое движение в России (если считать с больших стачек 1896 г.).

«За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад к примирению с капитализмом» (т. XIV, ч. 2, стр. 80).

В промежуток времени от конца февраля по начало июля этот вопрос можно было разрешить мирным путем. «Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться,—пишет Ленин в той же статье «О лозунгах».—Но после июльских дней мирное разрешение этого вопроса стало невозможным». Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Мирным путем нельзя уже стало взять власть. «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь, как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и т е п е р ь достаточно пожелать взять власть... будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам,—будто можно бывшее сделать небывшим» (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 14).

Теперь агитацию стало необходимо перестроить так, чтобы она указывала ясно настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала мелко-буржуазные партии эс-ров и меньшевиков, которые играют роль пособников палачества. Надо выяснять полную невозможность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики.

При изменившихся обстоятельствах единственный выход, это тот,—что революционный пролетариат после опыта 1917 г. должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть—вне этого победы революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями — вот единственно возможный выход.

В результате новой революции, конечно, должны появиться тоже Советы, но это будут не те органы соглашательства с буржуазией, которые после июльских дней превратились в пособников контр-революции, а новые Советы—органы пролетарской борьбы.

Указывая на необходимость восстания, Ленин в июле не звал к нему немедленно. Он отлично понимал его невозможность в то время.

«3—4 июля восстание было бы ошибкой,—писал Ленин позднее. Мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие тогда не стали бы, не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследования большевиков при участии эс-эров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер» (статья «Марксизм и восстание» написана в начале сентября 1917 г., т. XIV, ч. 2, стр. 137).

В определившемся, таким образом, после июльских дней положении произошла на короткий момент перемена, созданная восстанием Корнилова. Эту перемену немедленно отметил и учел Ленин и указал, как может соответственно измениться тактика большевиков. Он указал в своей статье «О компромиссах» (от 3 сентября 1917 г.—т. XIV, ч. 2, стр. 97), что восстание контр-революционного царского генерала, заставившее мелко-буржуазные партии меньшевиков и эс-эров защищаться, так изменило положение, что, может быть, стало возможно опять мирное развитие революции и что следует меньшевикам и эс-эрам предложить компромисс (уступку, соглашение). Ленин так оценивал тогда положение:

Восстание Корнилова—есть крайне неожиданный и невероятно крутой поворот событий. Поддерживать, защищать правительство Керенского даже и теперь нельзя. Сейчас мы воюем с Корниловым, но мы и не поддерживаем Керенского. Сейчас свергать Керенского мы не станем, но борьбу с Керенским и сейчас будем продолжать, только иначе, благодаря изменившейся обстановке. Эта борьба с Керенским состоит в том, что мы должны вести войну с Корниловым революционно, разоблачая слабость и шатание Керенского, вести войну против Корнилова так, как этого

не может делать Керенский. Керенский боится масс, боится народа, а мы будем втягивать массы, поднимать их, разжигать их, увлекать (т. XIV, ч. 2, стр. 95).

Из компромисса, предполагавшегося Лениным, ничего не вышло. Это подтвердило мысль, высказанную в статье о том, что возможность мирного развития революции чрезвычайно редка. Но все же следует отметить, что тактика революционного марксизма настолько гибка, что учитывает даже и эти редкие возможности, указывает на них и старается использовать их, когда это может быть полезно для развития революции, для развития массовой борьбы против гнета и эксплоатации капитала.

К концу сентября положение окончательно определилось в том смысле, что решительный поворот стал абсолютно невозможен без новой революции. Власть более уже не находилась в руках «революционной демократии», т.-е. в руках мелко-буржуазных партий,—ее захватила контр-революция и укрепила свою власть.

В июле вооруженное восстание было еще невозможно, положение еще не назрело, массы еще не были готовы. В сентябре положение изменилось, и Ленин в статье «Марксизм и восстание» указывал, что передовому отряду пролетариата обеспечена верная победа,— за него большинство рабочего класса—авангарда народа, большинство народа, понявшего, что крестьянство от эс-эров земли не получит. Народ близок к отчаянию, Эс-эры и меньшевики отвергли предложенный им компромисс. Надо организовывать восстание и как можно скорее (т. XIV, ч. 2, стр. 137).

В письме в П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б.), написанном в октябре, Ленин писал, что медлить нельзя, необходимо сейчас же брать власть. Аграрное движение растет. В войске симпатии к большевикам растут. С левыми эс-эрами явное большинство в стране. При таких условиях ждать—преступление, предательство революции. Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас (т. XIV, ч. 2, стр. 266).

Тактика революционного марксизма учит учитывать момент. Когда возможно мирное развитие, Ленин очень дорожит им, отмечает исчезновение этой возможности, но отмечает и возврат ее сейчас же после корниловского мятежа—хотя бы на мгновение. Когда положение определяется в том смысле, что единственный выход—революционное свержение власти контр-революционного правительства, Ленин указывает на это, предупреждая о преждевременности восстания, когда нет для него еще объективных условий. Но когда наступает момент, требующий вооруженного выступления, Ленин пишет пламенные призывы к восстанию и не жалеет самой ядовитой иронии по адресу всех колеблющихся (см. Письмо к товарищам, написанное 16—17 октября—т. XIV, ч. 2, стр. 271—288).

Установив определенно, что восстание неизбежно, Ленин дает ряд очень ценных правил к вопросу о технике восстания.

Хотя это и не относится непосредственно к нашей теме—о марксистской диалектике в произведениях Ленина, но к революционной тактике это имеет отношение, и, мы надеемся, читатель не будет в претензии, если мы приведем здесь эти правила.

В статье «Советы постороннего», написанной 8 октября 1917 г., Ленин пишет:

«Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину К. Маркс, писавший, что вооруженное восстание, как и война, есть искусство. Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1. Никогда не играть с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2. Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно, переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5. Надо добиваться «ежедневно» хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало и моральный перевес».

Маркс подъитожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики—Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» (т. XIV, ч. 2, стр. 270).

Мы проследили в общих чертах ход развития революции от февраля до октября 1917 г. и те изменения в оценке момента и в тактике, которые вызывались переменами всей действующей обстановки и были необходимы для того, чтобы действия партии соответствовали требованиям момента. Во всем этом мы видим достаточно примеров того, как применяется на практике правило материалистической диалектики, что абсолютной истины нет, истина конкретна и только строгое учитывание всей конкретной обстановки дает возможность составить правильное суждение о положении и правильно поставить очередные практические задачи. Абстракции, отвлеченные от действительности представления—представляют громадную опасность.

«Подменять конкретное абстрактным—один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции» (т. XIV, ч. 2, стр. 18).

Еще один пример того, как всякая истина должна быть конкретной, а абстракция может способствовать лишь сокрытию истины, вводить в заблуждение.

Буржуазные теоретики государства и юристы убеждены, что если всеобщее избирательное право признано законом в стране, то каков бы ни был общественный строй данного общества, все же в представительных учреждениях обеспечено господство за большинством народа. Это, конечно, совершенно неправильно. Буржуазные идеологи не хотят или не могут видеть действительной жизни, для них абстракция эту жизнь

заслоняет. Принадлежит ли власть в данном обществе большинству, может решить только действительно конкретная постановка вопроса. В статье «О конституционных иллюзиях» Ленин так и ставит вопрос. «Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно.

«Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого» (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 23).

Только в том случае интересы большинства могут быть защищены, когда политическая власть в современном обществе принадлежит пролетариату, потому что при капитализме большинство находится под гнетом эксплоатации и устранить ее можно, лишь свергнув буржуазию, что может сделать в строгих правилах искусства один лишь пролетариат, являющийся в силу объективных условий естественным представителем и защитником всех угнетенных и эксплоатируемых.

Итак, вот каковы основные положения метода диалектического материализма... Уменье пользоваться этим методом—вот в чем секрет успеха Ленина, как теоретика и как политика.

Мы брали много примеров из обеих частей XIV тома собрания сочинений,—это лишь небольшая часть того богатого материала, который содержится в этих двух книгах. По ним можно восстановить полную картину развития русской революции от февраля до октября и найти в них еще больше образцов марксистского анализа и блестящих примеров практического применения метода диалектического материализма.

В конце 2-й части XIV тома помещена замечательная работа о государстве — единственная вещь в марксистской литературе, вполне определенно выясняющая вопрос, безнадежно и сознательно запутанный оппортунистами.

Ясность, определенность постановки вопросов, доступность пониманию широких слоев сознательного пролетариата делают сочинения Ленина очень неприятными для буржуазии и ее ученых идеологов.

Рабочие почерпнут из них для себя чрезвычайно много полезного и поучительного.

Несмотря на то, что в книгах Ленина очень много «политики», в них очень много и «науки», неизмеримо больше, чем в ученых трудах светил обществоведения.

РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЛАКАТ.

Вяч. Полонский.

I.

Плакат—дитя современного города с кипучей жизнью, с телефоном и радио, кинотеатрами, авионами и поездами-экспресс. Он порожден конкуренцией, борьбой за существование, бешеной гонкой за торопливым прохожим. На городских перекрестках, где крик моторов, звон трамвая, людская речь и гудение телеграфных проводов слились в симфонию движения, где сразу в разные стороны льются люди, лошади и машины, нет времени ни стоять, ни зевать. На этот водоворот и рассчитан плакат. На ходу, на бегу, впопыхах, проезжая в пролетке, или свисая с подножки трамвая, проносясь мимо в моторе или перебегая дорогу с угла на угол—человек неожиданно слышит властный окрик: «Стой!».

Это плакат. Он кричит с забора, со стены, с витрины. Он нагло прыгает прохожему в зрачки. Хочет прохожий того или не хочет, занят он или нет, спешит или убивает время—плакат замечен, обратил на себя внимание. Прежде всего—яркостью красок, необычайностью композиции. Он не походит на своих предшественников, он нов и оригинален, не сливается с другими, такими же, как он, пестрыми и зовущими, расклеенными по стенам. Он вылезает, выдирается из афиш, покрывающих заборы.

СМЕРТЬ МИРОВОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ. Плакат художника **D. МООРА.**

К статье «Русский революционный плакат».

Первая цель достигнута. Внимание привлечено. Но это не значит, что прохожий подойдет к плакату, чтобы его рассмотреть. Это слишком д о л г о. Это для д е р е в н и. В первое же мгновенье, в пару-другую секунд, зритель должен усвоить все, что плакат хочет сказать. Надпись его коротка, рисунок элементарен. Что выражено парой слов, то рисунком показано красками ярчайшими, без лишнего мазка, с ясностью предельной. Как в тексте не должно быть лишнего слова, так в живописной композиции ни лишнего штриха. Экономия—прежде всего.

Таким плакат родился на улицах Нью-Иорка, Лондона, Парижа, Берлина. Таким он д о л ж е н быть. Такова его психология. Его основные черты—оригинальность, яркость, сжатость, максимальная выразительность при предельной экономии средств. К плакату зритель не идет. Плакат н а в я з ы в а е т себя зрителю. Если этого нет—пред нами не плакат, а картина, лубок, иллюстрация, карикатура, что хотите.

Указанные черты технику плаката отличают от техники картины, лубка и прочего. Плакат не требует детализации. Человек в плакате трактуется схематически. Воротнички, бантики, реснички—излишни. Основные линии, резкие и глубокие. Никаких полутонов, нюансов, оттенков — это предоставить портретистам и любителям «ню». Фигура лепится, как скульптура, рельефом. От здания сохраняется лишь а р х и т е к т у р н ы й а б р и с. Толпа схватывается общим контуром — масса, движенье, «мерный шаг железных баталь-

онов». Повторяем—плакат ловится на лету, схватывается без остановки. Порожденный динамикой города, он воспринимается в движении.

Краски подчинены тем же требованиям. Плакат требует самых насыщенных цветов, ярчайших, вопиющих—обязательно при небольшом их количестве. Это требование в особенности относится к революционному плакату. Многокрасочным революционный плакат не может быть прежде всего потому, что «дорога ложка к обеду»: плакат отвечает злобам текущей минуты. Он ударен и живет день, два, три. Стремительность его бытия ставит ему техническое условие: быстроту появления на свет. Каждая лишняя краска удлиняет срок изготовления. Кроме того, плакат—орудие массового распространения. Экономии изобразительных средств должна соответствовать экономия затрачиваемых средств технических. Опыт говорит, что с помощью трех цветов (белый—четвертый, обычно забываемый), можно достигнуть превосходных результатов. Это нелегко, но эту именно задачу и ставит художнику искусство плаката.

II.

Плакат был создан и усовершенствован конкуренцией торговых фирм. Один из самых известных в Германии—знаменитый плакат Штиллера. Яркий фон, броская надпись—всего одно слово «Штиллер» и под ним—лакированный башмак. Сказано все, что надо. Более лаконического плаката из всех известных мне я не знаю.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
КОММУНИСТ УКАЗЫВАЕТ ВРАГА И ВЕДЕТ В БОЙ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБОРОНА
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
ОСАЖДЕННЫЙ
ЛАГЕРЬ
ВСЕ НА ОБОРОНУ!

К этому лаконизму торговый плакат пришел, разумеется, не сразу. Европейский плакат имеет свою историю. Над ним работали первоклассные мастера, и капиталисты, не жалея на плакатное искусство средств, знали, что делали.

В великолепном издании «Die Reklame, ihre Kunst und Wissenschaft», с купеческой роскошью выпущенном в Берлине (1914 г.—четвертое издание) в двух томах, можно найти много блестящих образцов удивительно экономного, яркого и живописного выражения в самых элементарных формах сложного «рекламного» содержания. Европейские капиталисты давно учли огромную «а г и т а ц и о н н у ю» силу плаката, ибо чем же, как не «агитацией», является реклама? И в Европе мы находим целый ряд изданий периодических и иных, посвященных изучению и совершенствованию этого агитационного средства. Нет поэтому ничего удивительного в том, что торговый плакат в Европе достиг большого совершенства, и иные из них по своим техническим достоинствам являются образцами подлинного искусства.

Плакатное искусство в России не получило такого значения, какого достигло на Западе. Это объясняется, конечно, слабым развитием нашего капитализма и торгового оборота. Большего значения, чем торговый, получил в России плакат в кинематографическом деле. Конкуренция кинофирм требовала привлечения внимания зрителя, и коллекция кино-плакатов представляет любопытное зрелище как для изучения психологии воздействия на зрителя, так и с точки зрения технических приемов. Впрочем, в последнем случае кино-плакат не имел своего метода. Он пользовался приемами рекламного плаката, все внимание свое обратив на содержание. Отличительной чертой его сделался сюжет.

Лишь во время империалистской войны у нас стали пользоваться плакатом, как орудием политической агитации. Военный плакат приобрел права гражданства в качестве способа воздействия на психику упиравшегося гражданина, либо не желавшего итти на фронт, либо не хотевшего раскошелиться. Этот плакат, так же как и плакат кино, пользовался методами, выработанными его предшественниками. И внешне он мало чем от них отличался. Изменилась лишь содержательная часть. Место ботинка, ваксы, папиросы или шоколада занял патриот-буржуа, упитанный и приодетый,

призывавший молодых граждан записываться в армию или дать денег на военный заем. По живописным своим свойствам военный плакат не превзошел ни среднего калибра реклам-плаката, ни плаката-кино.

Эпохой расцвета плаката в России—мы с полным правом можем сказать это—было время после октябрьской революции, когда напряжение всех сил в борьбе заставило нас обратиться к этому могучему средству.

III.

Первые листы цветных литографий на революционные темы были выпущены издательством Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Эту работу продолжали Государственное Издательство (Московское и Петербургское отделения), Литературно-Издательский Отдел Пура, Роста, Главполитпросвет, а затем создалось нечто вроде плакатомании, когда плакат стал издаваться чуть не каждым учреждением с функциями агитационно-просветительными. По мере сил выбрасывали плакаты и литературно-издательские отделы фронтов и армий.

Первые листы, выпущенные издательством В. Ц. И. К., ни в какой степени, впрочем, не могли быть названы плакатами. Это были очень плохие, мало выразительные, хотя цветисто-раскрашенные картины на революционные темы. Кровь лилась в них потоками, так что нередко возникало опасение за полное иссякновение запасов красной краски. Но за этими листами остается заслуга первенства: именно на этих картинах впервые появились в качестве главных действующих лиц рабочий и крестьянин, красное знамя революции, солнце коммунизма, серп и молот и иные аксессуары, ставшие затем обязательными спутниками плаката и вскоре, ко-

ЦАРСКИЕ ПОЛКИ И КРАСНАЯ АРМИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ
ПРЕЖДЕ

ЗА ЧТО СРАЖАЮТСЯ
ТЕПЕРЬ

№35

6)

Говорит жиро подмигнув хитро

Фрагмент плаката („Окно сатиры Роста")
художника М. ЧЕРЕМНЫХ.

К статье «Русский революционный плакат».

нечно, превратившиеся в штамп. Эти листы и стали исходными точками дальнейшей работы. Недостатки их были видны даже ребенку. Их техническая неудовлетворительность, бедность и однообразие содержания, несоответствие требованиям момента бросались в глаза. А жизнь искала быстрого отклика на запросы дня, сильного действия на психологию широких масс... И те требования, которые нам ставила революционная действительность,—действительность борьбы—наложила свою печать прежде всего на технику плаката. Она властно потребовала стремительного темпа, скорости радио-телеграфной. Это требование придало плакату характерную физиономию, которая отличает его от плаката дореволюционной эпохи не только революционным содержанием, но и самими техническими приемами.

Революция внесла в наш быт ураганную быстроту, радио-темп, не покориться которому было невозможно не только потому, что он механически увлекал за собой, но еще и потому, что инстинкт самосохранения диктовал эту быстроту, требовал исключительной поворотливости, гибкости, лихорадки. Принято полагать, что за год войны люди переживают десяток лет. Если же сравнить годы войны с годами нашей революции, приходится эту пропорцию увеличить во много раз. Какое количество переживаний! Не оставалось времени ни для раздумий, ни колебаний. Лихорадка борьбы, пафос наступления, мужество отчаяния и при этом быстрота калейдоскопическая, темп—учащающийся, размах все более нараставший. Каждый день ставил новые задачи. И каждый день приходилось варьировать и изменять агитацию, менять лозунги.

В такой атмосфере плакат мог исполнить свое назначение лишь при одном условии: если он будет поспевать за событиями. Случалось так, что

плакат, задуманный и осуществленный в 48 часов, запаздывал и становился ненужным. Так было в дни наступления Деникина, когда выяснилась его диверсия на Москву. Белые были под Орлом. Стал вопрос об обороне Москвы. В течение 2 суток был сделан плакат «Врат хочет захватить Москву». Выбросить его на улицу не пришлось: Деникин покатился назад. И это не единственный случай, когда техника не поспевала за событиями.

В таких условиях революционный плакат, разумеется, не мог в техническом отношении быть подобным старому рекламному плакату. Коммерсантам спешить было некуда. Рисунок делался тщательно и медлительно. Художник пользовался большим количеством красок. Эстетическая сторона плаката была на первом месте. С печатанием также можно было не торопиться, и для коммерческого плаката не редки случаи, когда он составлялся с помощью 6, 7, 8 и более красок. Такой роскоши революционный плакат себе позволить не мог. Каждая лишняя краска—лишний прокат машины, лишние сутки работы. Приходилось ослаблять красочность. Случалось, что не было возможности печатать плакат даже в две краски, приходилось ограничиваться одной. Так было, например, в эпоху наступления Юденича на Петроград. В двадцать четыре часа был выброшен плакат «Все на защиту Петрограда»,—первый, насколько мне известно, открывший серию агитационных листов. Он воспроизводится нами на этих страницах. Его мы не причислим к числу удачных.

Когда было возможно—мы пользовались второй краской, еще реже третьей. Лишь в исключительных случаях, имея в запасе недели две, мы позволяли себе роскошь делать четырехкрасочный плакат. Такой плакат трактовал обычно тему общего характера, как, например, плакат Моора «Смерть мировому империализму», плакаты Дени «Деникинская банда», «Лига наций» и другие.

Эти обстоятельства отстраняют упрек, который может быть направлен против нашего плаката в смысле его недостаточной красочности. Некоторая колористическая сухость, грубоватость революционного плаката говорит о его лихорадке, когда было не до эстетики. Но причины «эстетического» несовершенства многих наших плакатов значительно шире, конечно.

IV.

Наша революция—это всем известно—не увлекла за собой широкие круги интеллигенции. Напротив, эти круги остались не только вне революционного поля, но в стане, враждебном революции. Среди них оказались в огромном своем большинстве представители искусства. Другая их часть, пожелавшая остаться нейтральной, первое время, по крайней мере, не выказывала никакого намерения отдать свои таланты и знания революционной агитации коммунистов. Лишь ничтожное меньшинство стало с нами работать, и среди этого меньшинства первосортных художников оказалось самое незначительное количество. С художниками же второго и

ПАУК И МУХИ.

Дили-бом!.. Дили-бом!..
Стоит церковь - божий дом.
А в том доме - паучек,
Паучек - крестовичек,
Паучек семи пудов -
„Все от праведных трудов“.
Нахлобучивши клобук,
Ухмыляется паук
И трезвонит целый день:
Дзинь-день!.. Дзинь-день!..

Паук весело живет,
Паутиночки плетет,
В паутину ловит мух,
Молодиц и старух,
Молодцов и стариков -
Богомольных мужиков.
Мухи жалобно жужжат,
Пауку несут деньжат,
Все, что нажили горбом.
Дили-бом!.. Дили-бом!

Ох вы, братцы-мужики,
Горемыки-бедняки,
А давно уж паука
Взять пора вам за бока.
Ваши души он „спасал“ -
Вашу кровушку сосал.
Ты [illegible] жену и [illegible]
Пауку [illegible]
И [illegible] оскаливал [illegible]
- А [illegible] же [illegible]

1919

Демьян Бедный

третьего сорта революционный плакат, как произведение искусства, создать было, разумеется, весьма нелегко. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что среди изданных нами листов, очень богатых по содержанию, сыгравших огромную роль (политическая сторона их разрабатывалась коммунистами) художественно ценными оказались лишь немногие. Но были и среди художников, пришедших к нам, мастера большого таланта. Одним из них следует назвать известного карикатуриста Д. Моора. Я считаю уместным подчеркнуть, что этот талантливый рисовальщик, один из самых выдающихся русских мастеров шаржа, не только первый отдал свои силы и талант на службу революции, но поставил открыто под плакатами свое имя—чего до него не сделал ни один из известных мне и работавших над революционным плакатом художников. Когда Деникин двигался к Туле, и мы не были уверены в том, что отбросим его назад — число художников, работавших со мной над плакатом, уменьшилось значительно. Лишь один Моор, истощенный и голодный (платили мы не ахти как богато), в драных ботинках, с каким-то остервенением, мало заботясь о «красоте», работая нередко ночью в нетопленом помещении, выбрасывал плакат за плакатом, безбоязненно ставя под ними свое имя. Вместе со многими из нас он мог быть уверен, что — в случае прихода Деникина в Москву—«сидеть» он не будет: ему было обеспечено «висячее» положение.

Эта «историческая» справка—мимоходом. Она ответет упреки тех из «мастеров» изобразительных искусств, которые уже неоднократно морщились насчет малой «художественности» нашего революционного плаката. Ничего не поделаешь! В то время, когда любители «высокого» искусства, следя за фронтами, гадали, на какую лошадь ставить—белую или красную, художники, обладавшие меньшей «возвышенностью» чувств, не покладая рук, к о е-ч т о д е л а л и и в результате их работы мы можем сказать, что русский революционный плакат существует. Он не очень хорош. Не спорим. Но ведь л у ч ш е г о н е т. Он мог быть лучшим. Но все на свете относительно. А выразительную оценку нашим плакатам дали сами белые: «Осважные плакаты» (т.-е. плакаты «Освага»—Осведомительно-агит. отдела Добровольческой армии) казались жалкими рядом с великолепными плакатами большевиков, а ведь в художественной части работали такие имена, как И. Билибин и Е. Лансере». Это пишет Александр Дроздов, «деникинский интеллигент» в своих воспоминаниях «Интеллигенция на Дону» («Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном, т. II, стр. 53). И. Билибин и Е. Лансере, художники с «тонким» вкусом, оказывается не помогли.

Причина малого совершенства нашего революционного плаката лежит не только в том, что первоклассные наши живописцы предпочитали отдаваться мечтам о прошлом, чем служить кистью революции. Лансере и Билибин, пожелавшие послужить кистью контр-революции, плаката создать не сумели. Дело не в этом. Огромная страна с необозримыми равнинами, с малой сетью железных дорог, с небыстрым темпом жизни, откуда она могла воспитать художников с той нервной стремительностью

Все люди братья, люблю с них брать я.

психологии, которой требует плакат? Наше изобразительное искусство еще не сумело отразить кинематографической сумятицы города. Наши художники еще в значительной степени несут в душе своей медлительную созерцательность старого быта. Еще не умерло, напр., передвижничество, — течение, порожденное способом «пешего хождения». И лишь в последнее время футуризм, — создание индустриализма в такой же мере, как и система Тейлора, — пытался привить искусству бешеную динамику города. Отсюда лошади с дюжинами ног, трамвай, влезающий в витрину магазина, и многоэтажный небоскреб, опрокидывающийся в электрическое кафе.

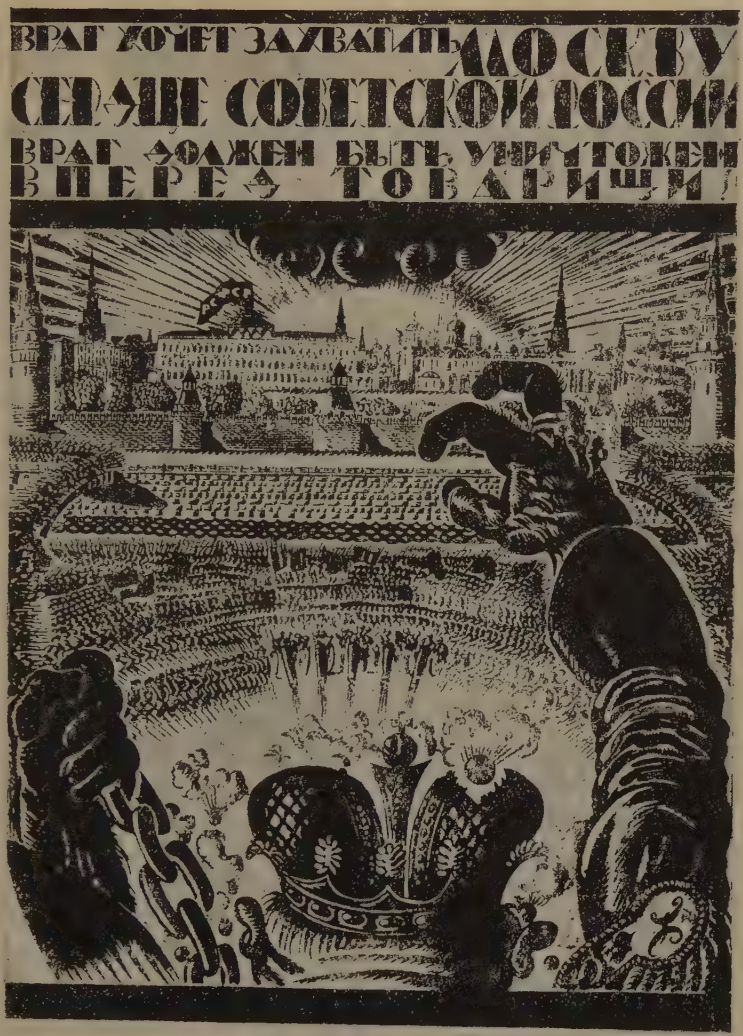
Мало было динамики в нашем быту — мало динамики оказалось и в приемах нашего изобразительного искусства. Из всех русских художников, бравшихся за плакат, лишь один — Маяковский—в полной мере носил в себе эту ненасытную потребность вечного движения. Взрощенный на городском асфальте, человек

улицы, шумной площади, и сам шумный и широкий, как площадь, он и в стихах своих плакатен по преимуществу. Шум и толпы—его родная стихия, полуслов он не знает, намеки — ему недоступны, статика— ему совершенно чужда, и на страницах его движутся телеграфные столбы, соборы, небоскребы, трамваи, люди и лошади. Нет поэтому ничего удивительного в том, что он острее и вернее других почувствовал природу плаката, этого уличного, площадного, массового искусства, которое вопит, грохочет, ошарашивает, слепит яркостью, поражает неожиданной оригинальностью формы. Не все плакаты его были удачны. Но художники, которые стали бы в дальнейшем работать над плакатом, не смогут обойтись без изучения некоторых листов Маяковского.

Маяковский дал небольшое количество плакатов, не получивших, кроме того, большого распространения. Воспроизводились они с помощью линолеума в ограниченном количестве экземпляров—три, пять, редко десять тысяч. Большого интереса заслуживают также его «окна сатиры», одно время выставлявшиеся Ростой.

Правильнее было бы сказать, что в области плакатного искусства в России мы имеем только опыты. Сделаны лишь первые шаги. Будущее русского плаката впереди. И его придется создавать не в мастерской художника, не в студии, а на площади, на улицах, в среде рабочих и красноармейских масс, их самих привлекши к участию в творческой работе. Необходимо не забывать, что революционному плакату приходится иметь дело с народной массой. Он обращается не к буржуа-интеллигенту, не

„ОСВОБОДИТЕЛИ".



к искушенному зрителю картинных галлерей, не к столичному эстету, а к фабричному рабочему, к красноармейцу, к крестьянину от сохи.

Больше других сделали для революционного плаката Моор и Дени. Дени блестящий карикатурист, читатели «Сатирикона», «Бича» и других изданий хорошо знают язвительную остроту его карандаша. Нынче он присяжный карикатурист «Правды». Вообще говоря, дух плаката ему чужд. Он дал ряд больших листов, очень интересных и острых, но это были чаще всего не плакаты, в том смысле, в каком мы плакат толкуем, а большие сатирические раскрашенные рисунки, почти всегда яркие и злые. Такова «Тройка» — лучший из листов Дени. Здесь все фигуры сделаны превосходно. Характер каждой подчеркнут. Мысли и предвкушения каждой играют на лицах. Из других его листов следует указать «Деникинская банда», «Все люди братья, люблю с них брать я», «Колчак», «Лига наций», «На могиле контрреволюции» и нек. др. Все они с успехом могли быть помещены в иллюстрированном журнале, на страницах газеты, их можно превратить в открытые письмы, вставить под стекло и т. д. Достоинств своих они от этого не потеряют, ибо характерных плакатных свойств лишены. Из всех листов Дени самым плакатным является «Польша—собака Антанты». Здесь требования плакатности соблюдены в большой степени. Более «плакатен» Моор. Иные из его листов, при ограниченном количестве красок и простоте композиции, могут счи-

таться образцовыми. Таков прежде всего лист: «Ты записался добровольцем?». Идея плаката заимствована с одной английской литографии военного периода, но в «плакатном» смысле работа Моора превосходит английский оригинал. Укажем затем «Смерть мировому империализму», «Враг у ворот», приветственный плакат к съезду конгресса Коминтерна, целую серию первомайских плакатов и ряд других. По количеству изданных листов Моор и Дени стоят «вне конкурса». За эпоху борьбы ими выпущено приблизительно около сотни листов каждым, отпечатанных во многих миллионах экземпляров.

Можно привести еще несколько имен молодых художников, давших удачные листы. Таковы Н. Когоут, Н. Кочергин, Д. Мельников, В. Черемных. Последний—исключительно талантлив, не только как «плакатчик», но как мастер шаржа. Отсутствие сатирического журнала препятствует ему развернуть свое дарование. В последнее время Черемных сделал ряд блестящих листов на тему о голоде. Особо следует отметить яркий, удачный плакат А. Радакова, известного сатириконца. Плакат посвящен борьбе с неграмотностью.

V.

Какова же общественная функция, выполняемая плакатом?

Плакат прежде всего и главнее всего — средство срочной агитации. Плакат — поденка. Он не может, да и не должен жить долее нескольких дней. Когда надо бросить в массы лозунг, обратить их внимание на какое-нибудь событие, внедрить одну мысль—здесь плакат полновластный господин. И чем лозунг короче, ударней, проще — тем лучше плакат, тем легче его сделать

1 МАЯ
ПРАЗДНИК
ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ
ТРУДОВАЯ
АРМИЯ
1 МАЯ!

живописным, понятным, впечатляющим. Для пропаганды, для разжевывания, есть лубочная картина, также использованная в нашей революции с немалым успехом. Плакат же—весь в агитации и только в ней. Лубок является именно картинкой для рассмотрения. Лубком будут заниматься неторопливо, с чувством, с толком, с расстановкой. Если плакат бросает в массу лозунг, мысль, призыв, то лубочная картина медлительно и тщательно растолковывает, что, как и почему. Поэтому удачнее всего лубочную картину строить из нескольких частей. Она рассматривает вопрос с таким расчетом, чтобы весь логический процесс был последовательно изображен в нескольких стадиях. В плакате нуждается город, в лубке — деревня, недаром в старое время потребителем лубка, а нередко и его создателем, был именно деревенский обыватель. И можно утверждать a priori, что потребителем революционного плаката является, главным образом, город и те части красноармейской массы, что выросли в городе, лубок же будет предпочтен деревней и красноармейцами-крестьянами.

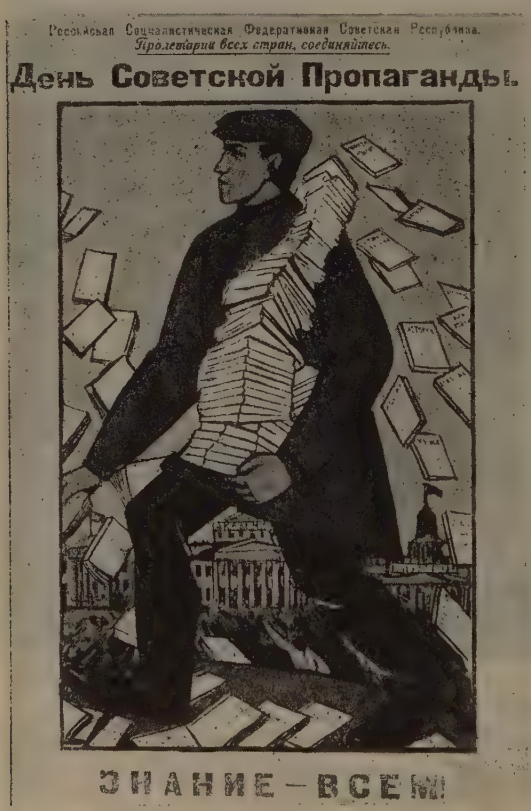
И плакаты, и лубочные картины создавались от случая к случаю. Систематически разработанного плана не было, да и быть не могло. Такой план диктовала действительность каждый день, каждую минуту. В этом смысле можно сказать, что именно сама жизнь говорила языком красок и литографских машин. Жизнь подсказывала, что ей было надо. Каждое утро, а нередко каждый час она ставила свои задачи. И когда теперь пересматриваешь один за другим цветные листы, когда-то трепетавшие возбуждением, лихорадкой борьбы, перед глазами складывается вся ее история. Плакат ярко и точно зафиксировал ее наиболее острые этапы, отразил ее волнения и запросы.

Центральное место занимает, конечно, оборона. Здесь оборона Петрограда и оборона Тулы. Защита Урала, Донецкого бассейна, всей советской России от империалистов. Все этапы борьбы по отдельным фрон-

КНИГА ГОВО
НИЧТО-РЯ-
ИНОЕ ЩИЙ
КАК ЧЕ ПУБ
ЛОВЕК ЛИЧНО.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ
КНИГА СВЕТОЧ

там нашли свое отражение. Колчак и Деникин, Врангель, Польша и Финляндия. Есть плакаты, обращенные к украинцам, казакам, к народам Кавказа; плакаты, призывающие граждан сдавать оружие, записываться в Красную армию, в кавалерию, помогать раненым красноармейцам. Плакаты, сатирически изображающие Антанту, бичующие предательскую расправу поляков с Украиной, разъясняющие смысл всеобщего военного обучения. Много листов уделено борьбе с дезертирством, разоблачению кулачества, скрывавшего хлеб, зверствам белых, лицемерию попов. Когда первая волна вооруженной борьбы схлынула, и перед республикой встали вопросы хозяйства (эпоха трудовых армий), ряд плакатов трактует трудовые темы («Оружием мы добили врага, трудом мы добудем хлеб»). К этой же серии следует отнести плакаты, посвященные всероссийскому субботнику празднованию первого мая. Наконец, следует ряд плакатов санитарно-гигиенического характера (борьба с вошью, уход за лошадью и др.), просветительных, посвященных избам-читальням, книге, как проводнику знания, коммунизму, как маяку, к которому стремится человечество.

В европейской прессе нашим плакатам нередко делался упрек в «кровожадности». Да. Пацифизма, непротивленства злу насилием в них и под микроскопом не отыщешь. Но только лицемеры и ханжи могут всерьез ставить нам в вину боевой дух этих плакатов. Ими говорила сама эпоха, сама жизнь с ее кровью и слезами. Что жделать: ведь не по доброй воле мы ввязались в эту жестокую схватку. Гражданские войны никогда не велись в белых перчатках. Здесь не до миндальностей. И не то удивительно, что народ, ограбленный, схваченный за горло, окруженный врагами, бившими его смертными боем, защищаясь от них, «взялся за топор», удивительно то, что, когда его оставляли на короткое время в покое, он находил возможность думать о книге, об искусстве, о просвещении, о труде. Пусть те господа, что говорят о кровожадности, проштудируют наши плакаты; они увидят, что тогда, когда опасность устранялась, мы каждую минуту готовы были начать перековку мечей на орала и заводили разговоры на мирные темы. Но на нас вновь наваливались



со всех сторон, и нам с сокрушением приходилось бросать помыслы о мирных занятиях и снова браться за оружие. Война — жестокое дело. Гражданская война — трижды жестокое. Но кто в этом виноват? Посеешь ветер — пожнешь бурю. И когда нынче «сеятели ветра» указывают нам на недостаток миролюбия в нашей революционной агитации, нам остается в ответ лишь пожать плечами. Мы посмеялись бы над этими миролюбцами, если бы верили их искренности. Но мы превосходно знаем, в чем здесь дело. Наши миролюбцы не только каннибалы, но и лицемеры.

VI.

Самый жестокий этап гражданской войны миновал. Если нас оставят в покое—мотивы жестокой расправы, звучавшие в нашем революционном плакате, не возродятся. Жизнь диктует ныне другие слова. Они начинали звучать и ранее, даже в самый разгар борьбы, но звучали урывками, слабо и неуверенно, в краткие моменты передышек. Это мотивы труда, подъема народного хозяйства, борьбы за просвещение масс. Все это мотивы уже не столько агитационного, экстренного характера, сколько характера методического, пропагандистского. Поэтому и плакату, думается мне, придется уступить первенство лубку, который должен занять центральное место в художественной агитации. Это средство рассчитано на более медленное, но зато и более глубокое действие. И этому средству в России, с огромным малограмотным населением предстоит, по моему убе-

ждению, блестящая будущность. Нами еще не учтено огромное просветительное значение лубочной картины. Она прежде всего интересна. Сделанная художественно, искусно, т.-е. увлекательно, захватывающе, она ценна сама по себе, как вещь. Ее хранят, берегут, вставляют в рамку, украшают ею помещение. И потому, что ее берегут, потому что как цен-

ность, лубочная картина привлекает внимание, она является постоянным и длительным источником восприятий для многого множества людей. Если по хорошему плану создать искусно подобранную и мастерски выполненную серию лубочных картин, с ее помощью можно проделать громадную политически просветительную работу. В старое время сытинские лубки расходились в миллионах экземпляров,—а мы знаем, что это были

К статье «Русский революционный плакат».

Плакат
художника **D. МООРА.**

за лубки! Необходимо заняться изготовлением нового лубка, отвечающего запросам переживаемой нами эпохи, с помощью которого можно будет глубоко, навсегда посеять в сознании широких народных масс много таких мыслей, которые с помощью других средств придется заронить с большим трудом и с меньшим успехом.

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН И КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ.

(Сравнительная морфология творчества.)

Проф. П. Ф. Преображенский.

Нет сомнения—наше ухо не любит парадоксов и для многих сопоставление имен Герцена и Леонтьева может показаться странным, даже кощунственным. В самом деле, что может быть общего у одного из отцов русской революции с проповедником реакции столь черной, что от него сторонился даже Катков? Но столь же несомненно и другое, а именно, то, что все наши истины обладают изрядной долей инерции и часто живут в нашем сознании не потому, что они истинны, а лишь вследствие своего долговременного употребления. Герцен—революционер, Леонтьев—мистик, мы так привыкли к этим утверждениям, что нам кажется невероятным существование такого аспекта, в котором эти утверждения окажутся ложными. Если же мы условимся называть драмой жизнь каждого из них и окажется, что структура и психологические мотивы этих драм в самом существенном одинаковы, то и этот результат исследования вызовет смятение в нашей душе. Думается, однако, что всякая попытка уничтожить (lidola fori), если воспользоваться бэконианской терминологией, может оказаться небесполезной даже в том случае, если по вполне понятным причинам палка будет перегнута в другую сторону. Будем надеяться, что истина тогда возопиет, как евангельские камни, и восстановит свои попранные права: революционные сдвиги в мысли имеют также несомненное право на существование.

Прежде всего мы должны остановиться на том, как Леонтьев, бывший младшим современником Герцена, относился к последнему. У Леонтьева была своя, родная ему стихия, безраздельно владевшая всем его существом—это его безмерный, не знавший никаких моральных сдержек и принципиально их отрицавший эстетизм. Немудрено, что именно здесь он был особенно чуток и именно его эстетические суждения имеют для нас особенный вес и значение. Вот, что говорит Леонтьев о Герцене—«Герцену, как гениальному эстету 40-х годов, претил прежде всего самый образ этой средней европейской фигуры в цилиндре и сюртучной паре, мелкодостойной, настойчивой, трудолюбивой, самодовольной, по-своему, пожалуй, и стоической и во многих случаях, несомненно, честной, но в груди не носящей другого идеала претворения всех и вся в нечто себе подобное и с виду даже неслыханно прозаическое, еще со времен каменного периода. Герцен был настолько смел и б л а г о р о д е н, что этой своей аристократической брезгливости не скрывал. И за это честь ему и слава. Он был специалист, так сказать, по части жизненной реальной эстетики, эксперт по части изящества и выразительности самой жизни». Конечно, можно сейчас же возразить, что такой искривленный в сторону эстетики человек, как Ле.

онтьев, только это и видел в Герцене, а потому и его суждение столь же искривлено и односторонне. Однако все же возможность такого отзыва, и притом не один раз повторенного Леонтьевым, весьма знаменательна—именно такой зоркий и беспощадный эстет, каким был Леонтьев, не мог бы судить так благоприятно об эстетическом значении Герцена, который к тому же был ненавистен ему политически, если бы живое чувство красоты не было одним из главных нервов герценовской души.

Впрочем, вспомним самого Герцена—его советы найти успокоение перед сокровищами Ватикана, если жить станет невмоготу, его ядовитые сражения мещанских идеалов, благополучия и довольства пышным блеском старого порядка в Европе, и для нас станет ясно, что Леонтьев не заблуждается, что эстетическое отвращение в значительной степени предопределило отношение Герцена к буржуазно-мещанской Европе. Леонтьев, которого долго и упорно считали эпигоном славянофильства, чувствует себя более близким Герцену, чем Самарину или Киреевскому, так как у последних не было такого иронического и презрительного отношения к «среднему европейцу», которое было у Герцена. И, действительно, можно целым рядом цитат показать, что во всей русской литературе вряд ли возможно найти писателя, более сродного Герцену по своему отношению к буржуазной Европе, чем Леонтьев. Этот общий тон обоих писателей еще более повышает значение общей характеристики Герцена, которую мы находим у Леонтьева.

От критического взгляда Леонтьева не ускользнули и другие стороны герценовской натуры. В его изображении Герцен не только гениальный эстетик, но притом еще эстетик неверующий, который верует, однако, в то, что п р а в о с л а в и ю предстоит историческая жизнь. Правда, здесь Леонтьев совершает маленький подлог, подменяя русскую общину православием, но одна подробность необычайно характерна психологически. Леонтьев отмечает наличность веры у неверующего Герцена. Пусть эта вера уже не является религиозной в узком смысле этого слова, но, в конце концов, у всякой веры есть общее свойство—недоказуемость ее основных положений доводами от разума и даже ее непроницаемость для аргументов подобного порядка. Леонтьев ненавидел Герцена-революционера и, может быть, был по-своему прав, так как основанная на своеобразном мессианизме, на вере в спасительную силу русской общины, революционная проповедь Герцена шла вразрез с его позитивистским миросозерцанием. Кроме того, в душе Герцена была почва для всходов религиозного характера—стоит только вспомнить его беседы с Витбергом, да и всю жизнь в ссылке. Но ненависть Леонтьева к Герцену-революционеру обличает и самого Леонтьева. Зиммель очень остроумно замечает, что нигде ненависть и вражда не доходят до таких пределов, как у лиц, близких друг к другу. Мы уже отметили двоякую близость обоих писателей—их эстетическое устремление и одинаково острое презрение к западно-европейской цивилизации XIX века. Но можно пойти и дальше и показать, что и у Леонтьева был свой секрет—будучи неверующим по существу, он пытался обосновать свою собственную веру, но только не в революционную общину,

а в долженствующее служить оплотом реакции православие. Устремление вер было различно, а психологическая мотивация была одинакова. И именно, благодаря этому общему психологическому корню, благодаря морфологической аналогии в развитии, Леонтьев так яростно обличал Герцена-революционера. Только сторонники разных вер могут так обличать и так ненавидеть.

Духовное родство Герцена и Леонтьева всего легче усматривается, если мы попробуем дать схематический чертеж их жизненного развития. Конечно, этот чертеж будет груб и приблизителен, но, тем не менее, он все же покажет, насколько обычные представления о Герцене и Леонтьеве нуждаются в значительных поправках и дополнениях.

Герцен отправился в Европу, как в землю обетованную,—полузадохнувшись в спертом воздухе николаевской России, он ждал исцеления на Западе. Но это исцеление не пришло, издали, из глубины российской действительности, Герцен был поклонником европейской жизни. Познакомившись же с ней ближе, он стал ее ядовитым саркастическим критиком. У этого возникшего у Герцена отвращения к западно-европейской буржуазной цивилизации было два источника. Из них обычно обращают внимание только на первый—острое чувство социальной несправедливости, родившееся при взгляде на коренные противоречия западно-европейского капиталистического строя. Конечно, никоим образом нельзя отрицать значения этого фактора, но все же вряд ли он был преобладающим. Герцен оставался чересчур барином, аристократом для того, чтобы базировать свое отношение в буржуазной культуре исключительно на чувстве социальной несправедливости, которое окончательно поставило бы его в ряды угнетенных классов. Достаточно указать на два характерных обстоятельства. Прежде всего Герцен всегда был отделен от народных масс какой-то психологической стенкой, которая заставляла его иногда с б о л ь ш и м и подозрениями и тревогами смотреть на будущее. Ему казалось, и в этом отношении особенно характерны его письма к Бакунину, что массы западно-европейского пролетариата всецело находятся в орбите буржуазной культуры. Здесь совпадение его мыслей с леонтьевскими прямо поразительно, что будущий социальный переворот может повести за собой крушение художественных ценностей и идеалов, что он окажется беден своим содержанием. Одним словом, Герцен высказывал страшное для социализма подозрение в том, что он весь пропитан отравой западно-европейской буржуазной культуры, что он является однородным с ней продуктом. Поэтому Герцен неохотно становился по ту или другую сторону баррикады, а старался остаться в стороне в качестве тонкого и скептического зрителя. Эта позиция Герцена приводит нас к констатированию и второй причины, по какой мы не можем отводить преобладающее место чувству социальной несправедливости, как определяющему фактору в отношении Герцена к западно-европейской культуре. Примечательно, что Герцен в течение всей своей жизни не мог примкнуть ни к одному их тех течений социалистической мысли, под з н а м е н е м которых шел западно-европейский пролетариат, ко всем ним он остался в положении стороннего наблюдателя и критика.

Он презрительно отзывался о Марксе и «м а р к с и д а х», издевался над мелко-буржуазными утопиями Прудона, обливал потоком скептических слов бунтарский энтузиазм Бакунина. Обвиняя западно-европейский пролетариат в том, что он находится в орбите буржуазных чувствований и идеалов, Герцен сам остался вне орбиты пролетарского движения и, будучи очень зорок и критичен к утопиям других мыслителей, сам того не замечая, впал в свою собственную, которой нам еще придется коснуться в связи с вопросом об ее психологическом происхождении.

Что же еще более сильно, чем чувство социальной несправедливости, толкало Герцена на путь осуждения буржуазной культуры. Западная Европа была убита в глазах Герцена жирными носами и узкими лбами проприетеров, Робертом Макером, занявшим место Фигаро, Марго, заменившей Лизету. Иначе говоря, Герцен-эстетик чувствовал, что время буржуазии, как класса революционного и прогрессивного, прошло—он не мог выносить вида победоносного и жуирующего буржуа. Даже старый порядок с его священником в ризе, на смену которому пришел квартальный в трехцветном шарфе, с его рыцарем, у которого было настоящее чувство чести и который был более цельной фигурой, чем погруженный в счет прибылей и убытков французский буржуа, казался Герцену более предпочтительным, чем мирное царствие парижской буржуазии, да притом, еще наглядно показавшей в июньские дни, как лавочник может стать каннибалом. Буржуазия оказалась для Герцена вороной в павлиньих перьях. Отсюда видно, насколько прав был в своем отзыве Леонтьев, подчеркивая эстетизм, как основную стихию герценовской души. Любопытно, что и Леонтьева влек к себе порядок старой Европы с ее красочным многообразием, на место которого пришла буржуазная пошлость и серость. Оба мыслителя, очевидно, следовали неясному и темному зову своих предков, того класса, из которого они вышли.

Ни в коем случае не следует преуменьшать значения такого эстетического подхода к буржуазной культуре, который мы видим у Герцена. Власть денег, товарный фетишизм, действительно не располагает к художественному творчеству—буржуазная культура больше собирает и коллекционирует, чем творит, собирая вовсе не потому, что некоторые художественные произведения обладают почтенной старостью, а по более простой причине своей импотенции в области искусства. Во всяком случае время настоящего творчества для буржуазии прошло уже во времена Герцена—она перестала быть избранником истории. Но каждая культура есть нечто целое и, чувствуя запах тления в одной ее части, можно твердо сказать, что скоро будет смердеть еще больше — примерно, так же, как от трупов во время великой войны. Но если эстетика указует на грядущую смерть данной культуры, то она одна не дает путей к созданию новой, и доминирующее положение, занятое эстетизмом в миросозерцании Герцена, поставило его в межеумочное отношение к социальным движениям будущего, оставило его без нити в лабиринте истории и заставило принять блуждающий огонек за факел будущего.

Неприятие европейской культуры происходило у Герцена на фоне особого философского мировоззрения, которое мы можем охарактеризовать как апофеоз реальной человеческой личности.

Еще в то время, когда Герцен не изжил окончательно своих революционных исканий, он был склонен искать в настоящем смысл человеческого существования. Пришедший на смену религии позитивизм еще более углубил это преклонение перед человеческой личностью по той простой причине, что теперь отпали все надежды на всякие компенсации в будущем, и человеческая жизнь осталась единственной реальной ценностью. Кровавые июньские дни и личная драма Герцена еще более обострили это возведение человеческой личности в ранг наивысшей ценности, и герценовская критика теории прогресса подвела итог всему герценовскому философствованию. «С того берега»—это кульминационный пункт философского развития Герцена. Кульминационный пункт и в то же время, если воспользоваться герценовским же выражением, импасс, так как, если прогресс есть только всепожирающий Молох, если личность не есть только кариатида, поддерживающая здание истории, то нет смысла ни в какой прогрессивной теории развития, ни в каких жертвах в пользу будущего, как бы блистательно оно ни было.

Тургеневский Базаров был твердо уверен, что после смерти от человека ничего не останется, разве только лопух на могиле, и Герцен, оставшись наедине с этой базаровской философией, был вынужден признать, что с ней несовместима никакая теория прогресса, что человек живет только для гармонически наполненного настоящего. Его философия приняла форму заостренного антропотеизма, и формула Достоевского: «если нет бессмертия, то все позволено» перешла в свою противоположность—«если нет бессмертия, то ничего не позволено».

Античное «carpe diem» стало во главу угла.

Это был, действительно, импасс, так как именно это настоящее, каким по Герцену должна была жить человеческая личность, было невыносимо для него самого и морально, а, главным образом, эстетически. Получалась настоящая антиномия, только осознав размеры которой, мы сможем понять и оценить всю глубину герценовской драмы. Жить настоящим, жить так, чтобы каждому мгновению можно было сказать: «остановись, ты прекрасно...»—а что если эти мгновения все время отравляются жирными носами и узкими лбами? Сокровища Ватикана... но ведь всю жизнь перед ними не простоишь. И вот, именно в этот тяжелый момент к Герцену вернулась его вера прежних лет, но не в форме исповедания какой-либо определенной догмы, а в виде нового Евангелия о свете с востока, о мессианской роли русской общины. Теоретически следовало жить настоящим, что было невозможно практически,—и вопреки теории, вопреки всему своему миросозерцанию, Герцен «С того берега» делается Герценом «Колокола», скептический критик теории прогресса делается ее догматическим проповедником. Философски это было падением идеи Герцена, столкнувшись с действительностью, убили самих себя, психологически же это было выходом из импасса, разрешением душевной трагедии, носить которую

было не в состоянии сердце Герцена. Гордиев узел был разрублен, но не распутан. Недаром Тургенев упрекал Герцена в создании нового культа российского всеспасательного тулупа и, когда читаешь эти тургеневские возражения, то все время кажется, что возражать таким образом мог бы сам Герцен и что, возражая, он бы находился в полном согласии со своим миросозерцанием.

Таким образом мы стоим перед дилеммой. Перед нами Герцен, как автор «С того берега», и Герцен, как редактор «Колокола».

Если мы примем первого, то от нас ускользнет второй, и наоборот. Оба лика, несомненно, подлинны, так как второй является психологическим дополнением к первому, своего рода ultimum socatium Герцена, но все же Герцен «С того берега» цельнее, сильнее философски и литературно. Пафос его жизни и творчества сосредоточен именно там. Пусть он пытался заглушить само́го себя своей «революционерной» деятельностью, отрава всегда была в его сердце, и, проповедуя социальную революцию, он то сбивался на акафист Александру II, то холодно и скептически останавливал рвущегося вперед Бакунина. Если литературная деятельность Герцена эпохи «С того берега» была философией, то его деятельность периода «Колокола» стала проповедью и, как всякая проповедь, была основана уже не на разуме, а на чем-то другом. Философское миросозерцание Герцена логически исключало революционную деятельность, и если оно есть основа, то последняя есть только эпизод. Вот почему обычное представление о Герцене, как об одном из отцов русского революционного движения, нуждается в более чем значительных оговорках.

Для социолога Герцен ценен, как показатель разложения данной культуры, и история его жизни есть страница из повести о смерти и самоизживании буржуазной цивилизации XIX века. Он стоит перед ней как грозный прокурор, чувствующий, что Катилина уже у ворот и что смерть грядет. Но сам он в старом мире и ему кажется, что у грядущего нового будет свой собственный разум.

Это и понятно,—тот разум, который был у Герцена, убивал даже возможность стремиться к наступлению нового мира. Герцен не раз сравнивает растущее социальное движение с первыми шагами христианства. Это сравнение для Герцена полно смысла и значения, ибо основанная на вере проповедь первых христиан как нельзя более подходила к индивидуальному характеру революционной деятельности самого Герцена, которая, как мы видели, была в остром противоречии с его разумным миросозерцанием. Во всех других отношениях это сравнение просто неверно, так как современное социальное движение покоится на научном анализе исторической действительности, а не на энтузиастической вере в грядущее пришествие царствия.

Но у Герцена в нем заключалась подлинная реальность и подлинный смысл. Он не знал, а чаял и, не анализируя ее, отрицал окружавшую его действительность своим моральным и эстетическим чутьем. Да и чаяния его не только не были оправданы его философией, а просто противоречили

ей. Отсюда вся мучительная страстность его писаний, весь их трагический пафос и его горький скепсис перед самой смертью.

Леонтьев, бывший сначала врачом, затем журналистом и, наконец, монахом, прошел почти аналогичный цикл развития с той только разницей, что у него не был так отчетливо поставлен и так последовательно разрешен вопрос о роли и значении человеческой личности. Современная личность казалась ему убогой и мерзкой, религия автономной личности самой пошлой из всех когда-либо существовавших, но базаровская философия ему была хорошо известна: «Верно только одно,—точно одно, одно только несомненно,—это то, что все здешнее должно погибнуть. И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? На что эти младенчески болезненные мечты и восторги? День наш—век наш. И потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближайших делах, а сердечно лишь о ближних людях: именно о ближних, а не о всем человечестве», такое странное признание вырывается у мистика и православного Леонтьева. Он прекрасно понимает, какие выводы должен сделать точный и последовательный позитивизм в его индивидуалистической окраске. Именно в этом рассуждении Леонтьева заключается преодоление теории прогресса, с которой он был, хотя и поверхностно, если верить его позднейшей квалификации, знаком и в которую веровал в дни своей молодости. Когда-то и он сочувствовал всем прелестям западно-европейской культуры, даже революция нравилась этому будущему проповеднику кнута и палки, но все это лопнуло и уже исключительно из-за эстетической непереносимости буржуазной культуры. «Эстетика спасла во мне гражданственность», признался впоследствии сам Леонтьев.

Гора всемирной истории родила мышь,—тип среднего европейца в его смешной анти-эстетической одежде, с его ползучей благонамеренностью, и взгляд Леонтьева устремляется на прошедшее с его красочным многообразием типов и характеров, а настоящее становится для него непереносимым. Его пребывание на Востоке, где на его глазах самобытная и своеобразная культура уступала место европейскому смешению, появлялась европеизирующаяся буржуазия, блага буржуазного парламентаризма, вроде «скупштины»—словечка, крайне смешного и пошлого для Леонтьева, еще более твердо укрепило Леонтьева в злобном неприятии всех благ буржуазной цивилизации, и он очутился перед резрешением той же задачи, которая в свое время мучила и занимала Герцена. Ему надо было преодолеть настоящее, которое давило его как безобразный анти-эстетический кошмар. Социальное движение ему было внутренне чуждо, так как герценовский скептицизм еще более усилился у Леонтьева. И для него западно-европейский социализм вращался в сфере буржуазной культуры, не приносил ничего принципиально нового и являлся только стремлением к расширению буржуазного довольства, к его чисто количественному умножению. Кроме того, оба мыслителя инстинктивно чувствовали, что людям одного с ними типа, представителям индивидуалистической интеллигенции плохо придется при социальном катаклизме. У Герцена это выражалось в форме указания на то, что образованному меньшинству будет

хуже жить, а Леонтьев прямо заявлял, что революция будет сделана не на розовой водичке, а принесет с собой и насилие, и новую иерархию. В этом отношении Герцен и Леонтьев были одинаково представителями философского либерализма, который всегда был противоположен коллективистским и соборным идеалам социализма. Поэтому и Леонтьев устремился на путь своеобразной утопии, но только не революционной, как это сделал Герцен, а реакционной. Герцен мечтал о том, что пришедший с Востока социальный переворот уничтожит ненавистную ему культуру старого мира, а Леонтьев надеялся, что подмороженная Россия, что застоявшаяся на Востоке реакция остановит грядущее буржуазное разложение и, таким образом, сохранит ту социальную форму, которую Леонтьев считал необходимой для откристаллизования полной эстетического смысла и значения культуры.

Если Герцен из глубины своих страданий воззвал к русскому социализму, создал революционную утопию, подпорками для которой была русская община, то Леонтьев кончил созданием реакционной утопии. Эта реакционная утопия была основана на своеобразном социологическом предположении, что всякая высокая форма культурного развития «есть высшая степень сложности, объединенная некиим внутренним деспотическим единством». Поэтому Леонтьев и прославляет всякую насильственную иерархичность и желает подморозить Россию, в которой еще царствует насилие и произвол. Только это царство насилия и произвола могло удержать Россию от дальнейшего буржуазного разложения, но само это царство, призванное для создания отвечающей эстетическим требованиям действительности, нуждалось во внутренней санкции, в своем деспотическом единстве. Для Герцена санкцией российской революции была русская община, разумеется, понимаемая на свой лад и соответствующим образом приспособленная, для Леонтьева санкцией российской реакции было христианство, но тоже препарированное и истолкованное по-своему, по-леонтьевски, то-есть так, чтобы оно могло бы послужить твердым основанием для реакционной утопии, и в то же время оказавшееся настолько леонтьевским, что ни один богослов не признал его ортодоксальным. Леонтьев прямо расправился с христианством, поступив с ним как любой атеист, создав себе новое, приспособленное для своих целей и лишенное всех, наиболее, как нам кажется, свойственных ему черт христианство.

В самом деле, обычно христианство понималось как религия всемирной любви, заповедь о любви к друг другу, считалась основной истиной христианства. Для Леонтьева на первом месте стоит служение, покорность, любовь же должна прийти после. Христос не обещал воцарения любви и правды на этой земле, а сказал, что под конец оскудеет любовь, а потому долг каждого христианина покорно принимать страдания, покорно нести царство насилия на земле. Всякое устремление устройства всемирного братства, царство любви и правды на земле противно духу Христа. К такой концепции христианства приводит Леонтьева его попытка воплотить положение «Religio ancilla esthetismi». Именно в этом и сказывается позитивистический и атеистический по своему существу подход к религии

со стороны Леонтьева—она ему нужна как средство воплотить эстетику на земле, тот социальный идеал, который соответствует его эстетическим требованиям. Какое злорадство звучит в его мрачном пророчестве о будущем человечества и какое торжество в его приветствии владычеству зла на земле—«И под конец не только не настанет всемирное братство, но именно тогда-то оскудеет любовь, когда будет проповедано Евангелие во всех концах земли. И когда эта проповедь достигнет, так сказать, до предначертанной ей выше точки насыщения, когда при оскудении даже и той любви, неполной, паллиативной, которая здесь возможна и действительна, люди станут верить слепо в мир и спокойствие», тогда-то и постигнет их пагуба «и не избегнут»... А пока? Пока «Блаженны миротворцы», ибо неизбежны распри... «Блаженны алчущие и жаждущие правды...», ибо правды всеобщей здесь не будет. Иначе «зачем же алкать и жаждать? Сытый не алчет, упоенный не жаждет»... Так читаются Леонтьевым заповеди блаженства, так понимается им нагорная проповедь—вершина христианской морали по общему признанию. Теперь мир может быть иерархически расслоенным, в нем могут рождаться Корделии, а для контраста этим Корделиям леди Макбет—тонкий взгляд эстетика Леонтьева будет удовлетворен, и со своей луны он будет воспринимать человеческие страдания с точки зрения их музыкального значения.

Леонтьев был последователен—понимание христианства, как обоснования насилия на земле и над самим собой, привело его в Оптину пустынь—он попытался реально, жизнью вогнать в себя то, что он проповедывал лишь словом, и все же и это не есть доказательство его мистицизма и религиозности. Ибо иногда бывают нужны героические средства и, главным образом, тогда, когда нет внутреннего убеждения в истинности проповедуемого, когда содержание проповеди сделано на заказ, выполнено по определенному заданию и пригнано по заранее определенной мерке. Леонтьевские вериги были своеобразным средством эстетического самоуслаждения, попыткой из насилия над самим собой породить какие-то высшие, духовные, эстетические ценности. Леонтьевская теология была надругательством над христианством, и сам он был святотатцем, действовавшим по заранее определенному плану и методу работы. Может быть, прямая и честная борьба с христианством, как с религией, более приемлема для религиозного сознания и по существу менее атеистична, чем леонтьевская религиозная реформация. И именно поэтому религия для Леонтьева лишь эпизод, а эстетизм органика, и дилемма, разрешившаяся не в пользу Герцена-революционера, разрешается и не в пользу Леонтьева-мистика.

История Леонтьева крайне поучительна для социолога—она указывает на сакраментальную судьбу религии XIX века—она уже не берет человека, а, напротив, отдается ему как средство для тех или иных целей. В XIX веке религия проституируется—у ней нет собственного света—она в услужении. Мы знаем много случаев «обращений»—Гюисманс, Барбэ-Д'Оревильи, Вэрлен, Уайльд, Бердслей—и, тем не менее, ни одно из них не было подлинным обращением, так как все они бежали в нее от пошлости

и убожества буржуазной культуры, пытаясь у алтаря найти последнюю красоту. В этом заключается подлинное изживание и омертвение культуры—она больше не удовлетворяет, она выбрасывает из себя наиболее тонкие и чуткие натуры, и они бросаются за исцелением туда, где его уже не может быть, ловят охладевшими руками лучи уже погасшего солнца. Религия прикладного характера уже не исцеляет и гаснет. Она становится не только опиумом для народа, но опиумом и для интеллигенции. Судьба Леонтьева—печальный прогноз для современных богоискателей, современных «религиозников», так как и они ищут не бога и не царствия божия, а чего-то другого, определяющегося особыми уже стремлениями каждого, а эти стремления многоразличны и спорить о них не приходится.

Так своеобразно и поучительно сливаются судьбы Герцена и Леонтьева, этих духовных близнецов, похожих на двуликого Януса, ибо лик одного обращен на революцию, а лик другого—на реакцию, но корень обоих одинаков—отвращение к буржуазной культуре. Для истории идеологий их судьба поучительна вдвойне, так как она указывает на омертвелость культуры XIX века и с эстетической и с религиозной стороны. Цепь времен распалась и не может быть соединена при данных условиях—анализ их творчества дает отрицательный показатель. Их значение не в предуказании путей будущего, а в казни настоящего.

Мы черезчур привыкли к тому, чтобы нам становилось светло от ходячих истин, привыкли черезчур считать их старинность титулом подлинности и привыкли негодовать, когда-то, что мы считаем действительностью, становится миром, но, смотря теперь в глаза мировой истории, надо приучиться смотреть и в глаза истины, а она такова, что ни Герцена нельзя причислить к лику деятелей революции, ни Леонтьева—к числу подвижников христианства.

Для историка западно-европейской культуры биографии таких ее представителей, как Герцен и Леонтьев, составляют предмет особого интереса. В них всего отчетливее определяется тип беспокойного и обреченного на вечное неисполнение своих исканий мечтателя, который так характерен для эпох культурного умирания. Вряд ли мы ошибемся, если причислим и Леонтьева и Герцена к типу таких мечтателей и притом мечтателей религиозного оттенка. Надежды Герцена на Восток были своеобразным суррогатом потерянного им религиозного чувства, так как именно из глубины своего отчаяния он воззвал к мессианистской роли русской общины, и этот суррогат не удовлетворил его—втайне он подсмеивался над сотворенным им кумиром. Подсмеивался потому, что у представителей западно-европейской культуры остался п о з ы в к вере—глухое и неясное наследие предков,—но уже нет средств удовлетворить его. Ибо их удовлетворяет лишь согласное с разумом, с логической аргументацией, а что за вера—насилием? Так и Герцена не мог успокоить его фетиш. Леонтьев оказался еще смелей и прямо бросился к религии, и для того, чтобы она стала приемлемой, он был принужден переделать, видоизменить ее, и, вместо прославления бога, получилось богохульство. Мантия монаха скрыла леонтьевские искания, но кто может поручиться в том, что это

самоумерщвление дало ему покой? Следуя неясным инстинктам прошлого или прилепляясь к уже умершим культурным явлениям, пытались оба мыслителя найти себе выход из тупика—один горел неясным предчувствием нового мира, но не видел реальных сил, которые ведут к его воплощению в действительность, а потому подчас иронизировал над своими чаяниями, создав себе вдобавок еще такую теорию, которая принципиально исключала стремление к этому воплощению, другой изо всех сил старался повернуть колесо истории вспять, вдохнуть дыхание жизни в уже омертвелую религию, и в результате получилась дерзкая и кощунственная пародия, рационалистически построенная, как исполнение определенного задания,—религиозная система. Так Леонтьев и не стал мистиком, ибо мистиком является тот, кем владеет сила, высшая, чем он сам. Тот, для кого древо жизни не стало древом познания.

Мир вращается вокруг живых ценностей и, только создав их, можно найти себе удовлетворение, если старые ценности уже отжили и не владеют человеческим существом. Мало отречься от старого мира—нужно и необходимо нужно и нечто большее, а это и есть создание новых ценностей. Путь к этому созданию лишь один—революция, а именно она-то и пугает больше всего. Во всякой революции есть два момента—разрушение старого и создание нового—они сопутствуют друг другу, находятся в соответствии друг с другом, так как поскольку не создается нового, постольку остается старое, и человечество принуждено топтать уже давно проторенные пути. Но центр тяжести все же в созидании—пусть новое потенциально содержится под омертвелой оболочкой старых форм общественного бытия—обломки могут задушить даже и мощные ростки новой жизни. А еще опаснее, еще мучительнее держаться за такой обломок, воображая, что найдено новое и ценное. И не хватались ли за такие обломки Герцен и Леонтьев? Правда, Леонтьев ценил свой обломок потому, что он был древен и мог удерживать старое, но в том-то и состоит насмешка судьбы, что для того, чтобы удержать старое, он должен был наполнить свою окаменелость новым содержанием и, будучи реакционером, совершать революцию наизнанку. Сознательно держась за прошлое, он пытался поддержать его такими средствами, которые уничтожали его традиционный характер. Новое вино разрывало старые меха, и в руках оставалась пустышка,—мертвец рассыпался при соприкосновении с жизнью. Если Леонтьев пробовал при помощи уже мертвой формы культурного бытия оздоровить настоящее, то Герцен ждал воскресения, применяя уже мертвый способ вызывания будущего—путь религиозного упования, возникшего лишь из отчаяния в его стараниях рационально постигнуть будущее. Так, из мечтателя он не стал революционером, ибо революцию, созидающую новые ценности, создает лишь разумно властвующий над будущим, а не вызывающий его волхованием. Тот, для кого древо познания стало древом жизни.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К П. В. АННЕНКОВУ.

Предисловие.

Письма печатаются с подлинников, считавшихся утерянными после прекращения журнала «Русское Обозрение», куда они были переданы для опубликования Л. Н. Майковым [1]), и обнаруженных случайно в одном детском доме г. Симбирска в 1921 году.

Всего сохранилось 117 писем: первое письмо датировано 13/1 апреля 1874 г.—и последнее 7-го мая 1883 г. Письма писаны на бумаге или обычного почтового формата то белого, то бледно-синего цвета с монограммой в углу на 1-й стран.: I. Т., или в 8-ю долю листа цветной или белого цвета бумаги также с тисненными инициалами I. Т. Чрезвычайно разнообразно содержание писем И. С. к П. В., другу, связанному с великим писателем сорокалетней дружбой и которому Иван Сергеевич в одном из этих неопубликованных писем признавался: «знайте, что моя дружба к Вам—та же скала, которую ни волны, ни ветры поколебать не могут» (13/1 окт. 1880 г.).

Здесь находим откровенные и правдивые оценки некоторых современников-писателей—Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского, А. Н. Островского, Н. Д. Боборыкина, М. Н. Каткова и отзывы о их произведениях; таковые даны о романах Л. Толстого—«Война и мир» (несколько писем 77 и 79 г.г.); «Анна Каренина», о современных изданиях М. Е. Салтыкова (письмо 1882 г.)—беглые упоминания о Я. П. Полонском и теплую оценку таланта Вс. Гаршина («тот молодой писатель, на которого из нынешних больше всего можно возлагать надежды»), жившего в 1882 г. в деревне И. С. с Полонским.

Перед нами в письмах встает и художественная и политическая жизнь заграницы и родины. Часты и подробны сведения об Антокольском, как художнике, и его произведениях; также Верещагине. Из государственных деятелей России должную оценку получили Толстой (мин. нар. просвещения), Черняев,—аттестован И. С., как «пошлый Хлестаков» (письмо 22/10 января 1877 г.) — Орлов, Тимашев и др. Волновал И. С. восточный вопрос и сербская война,—отклики на эти события с оценкой международного положения и роли России неоднократно проскальзывают в письмах за 1876 г. (серб. вопрос) и за 1878 г. (вост. вопрос).

Из политической жизни заграницы И. С., заметно, уделяет внимание судьбам Французской республики. Для напечатания мы и взяли некоторые из тех писем, в которых И. С., пристально следивший за событиями политического дня в Париже, сообщает о них своему другу, оценивая перипетии событий с своей, либеральной точки зрения. Его симпатии

---

[1]) В «Русском Обозрении» за 1894 г., были напечатаны письма И. С. за время с 1867 по 1870 г.г.; затем—в №№ 3, 4 и 5 за 1898 г. Л. Н. Майков напечатал письма за 1871 и 1872 г.г. и ответные письма ему П. В. Анненкова.

отданы Гамбетте, и описанием его похорон, как народного героя, И. С. занимает почти целое письмо.

Известно, что Иван Сергеевич имел слабость возиться с молодыми талантами, которых он сам находил; из таких начинающих писателей, в письмах к П. В., мы встречаем имена Луканиной, Лукоянова, Л. Я. Стечкиной, Ломовского, Л. Полонского.

Наконец, надо отметить тот ряд сообщений, в которых раскрывается душевный мир самого великого романиста, его творчество; здесь же нашли отражение его литературные связи, планы изданий новых произведений и переиздание уже увидевших свет, заботы об устройстве Пушкинского праздника в Москве (6—8 июня 1880 г.), по опубликованию писем Пушкина; оценка перевода «Евгения Онегина», сделанного Михайловым, М. И.—переводчиком песен Гейне (П. 1858 г.) Перевод обсуждался долго,—И. С. вспылил из-за недостатков перевода, и должен был просить Анненкова устранить это недоразумение (см. публикуемое письмо 9 января 1882 г.; критическая оценка и советы даны И. С. в следующих письмах за январь 1882 г.) и др.

Наиболее интересный и волнующий в отношении писателя вопрос—это признания его по поводу замыслов и творений. Здесь в письмах мы находим почти полную картину творчества последних лет великого романиста, нарисованную им же самим. Прежде всего значительная часть писем посвящена роману «Новь» (около 20 писем), «Старым Портретам», «Отчаянному», «Стихотворениям в прозе» (И. С. называл их еще «Заметки и Мысли»), некоторые сведения о переработке статей ранее написанных в 1883 г. «Славянофилы и семейство Аксаковых» и «Пожар на море». Как и раньше, И. С. каждое новое свое произведение... еще в рукописи прочитывал [1]) или посылал на суд Анненкова, от него сначала просил отзыва [2])—так и в письме 22/10 окт. 1876 пишет: «Но я никогда не полагал прочесть Вам мою вещь—это было бы совсем противно нашим традициям, все мои вещи (вспомните «Дворянское гнездо», «Отцы и дети») были прочтены Вами: и «Новь» прочтется Вами также, и, только когда Вы проглотите всю эту машину, Вы сообщите мне Ваши критические замечания».—«Новь» (рукопись) посылалась Анненкову в Баден и с нарочным на несколько дней. Одобрение Анненкова решило судьбу романа, поправки по его указаниям были сделаны (письмо 11 ноября 1876 г.),—замечания же П. В. вызвали в ответ несколько небезынтересных писем Тургенева (за 1876 г.).

Все остальное, как и «Новь», просматривалось Анненковым и получало одобрение. «Клара Милич»—была названа И. С. первоначально «Песнью Смерти» и писана им всего в две недели (на меня вдруг нашел «стих»—письмо 3 сент. 1882 г.) В нескольких письмах И. С. не без юмора поведал своему другу об обряде посвящения его в степень доктора естественных прав Оксфордск. У. в Англии (4 июня 1879 г.). Письма печатаются с сохранением орфографии подлинников.

---

[1]) Из приводимой далее выдержки видно, что И. С. этого не делал.

[2]) Н. М. Гутьяр, И. С. Тургенев, Юрьев 1907, стр. 349.

По постановлению Коллегии Центрархива найденные письма И. С. Тургенева к Анненкову подготовляются к изданию под редакцией М. О. Гершензона в отдельном томе в пользу голодающих Симбирской губернии [1]).

I.

Парижъ.
50, Rue de Douai.
Пятница, 17/5-го дек. 75.

Любезнѣйшій другъ П. В.!

Бомбардированіе Стасюлевича [1]) прекратилось: телеграмма извѣстила меня, что рукопись [2]) достигла своей цели. Мне остается извиниться передъ Вами въ причиненныхъ—если не хлопотахъ, то тревогахъ.

А представьте Вы себѣ: юбилей-то мой былъ пуфъ, утка журнальная.—Я написалъ свой отказъ секретарю Общества (не зная, кто онъ собственно?—оказалось Безсоновъ) [3]) и онъ со всей злорадностью истаго Славянофила, въ отвѣтѣ своемъ добрѣ поглумился надъ западникомъ, который отклоняетъ отъ себя честь, никѣмъ ему не предложенную.—Въ сущности я очень этому радъ—но впредь даже Московскимъ Вѣдомостямъ вѣрить не буду.

А что Вы скажете о томъ, что происходитъ въ Версали?—Я Вамъ скажу—просто—малина.—Вот ужъ точно: il n'y a quel'imprecis que arrive en France. Г-да монархисты подъ руководствомъ Броньяръ [4])—и при снисходительномъ участіи правительства, соорудили себѣ заранѣе фортецию неприступную, нѣкій Гибралтаръ, откуда бы имъ было удобно вести подкопъ подъ республику — соорудили, стали вводить свой гарнизонъ—хвать! гарнизонъ оказался республиканскимъ—и пушки Гибралтара направлены противъ нихъ!—Гамбетта и Жюль Симонъ [5]) устроили этотъ фокусъ — воспользовавшись антипатіей, внушенной всѣмъ партіямъ орлеанцами, — а особенно Г-ми Бюффэ [6]).

Вы въ Баденѣ, понятія себѣ составить не можете объ отчаяніи, безсильномъ бѣшенствѣ монархистовъ. Эта смѣсь слёзъ и зубовного скрежета, проклятій и униженія—представляетъ нѣчто небывалое!—Кто, десять дней тому назадъ, могъ бы подумать, что Собраніе, это Собраніе въ сенаторы выберетъ Литтрé [7])—и забракуетъ Дюпанлу! [8]).—Чудеса совершаются воочію.

Я бы очень желалъ отыскать Ржевскихъ; но не знаю адреса.—Они милые люди.

Я вообще какъ-то никого здѣсь не вижу; Плетнева [9]) и Жуковскій [10]) живутъ ужасно далеко.—Разъ, однако, мы съ Ханыковымъ [11]) отлично объѣлись.—Харламовъ [12]) кончилъ мой портретъ: [13]) вышел настоящій Chef d'oeuvre. — Увидите, если пріѣдете сюда весной на выставку.

---

1) *Примечание редакции:* Авторский гонорар за письма, помещенные в настоящей книге нашего журнала, согласно постановленню Коллегии Госиздата, редакцией внесен в Ц. К. Пом. Гол. для голодающих Симбирской губернии.

Скажите Ваше мнѣніе о повѣстушкѣ Львовой.

А за симъ обнимаю Васъ и всѣхъ Вашихъ и остаюсь душевно преданный.

Ив. Тургеневъ.

II.

Парижъ.
50, Rue de Douai.
Середа, 16/4-го февр. 76.

Любезный другъ Павелъ Васильевичъ, я получилъ Ваше страховое письмо съ рукописью Герцена, а Вы, вѣроятно, уже получили всѣ три желаемыя Вами французскія книжки.—Радуюсь Вашему выздоровленью; самъ же я все не могу поправиться—и вотъ уже болѣе 10 дней какъ не выхожу изъ дому.—Что́ дѣлать! Старость—не радость.

Могу Вамъ сказать, что насчетъ печатанія рукописи Вы (какъ и всѣ друзья Герцена)—можете успокоиться: въ свѣтъ она не появится.—Когда-нибудь, лѣтъ черезъ 50, вся тогдашняя Русская публика насладится (если можно такъ выразиться) этою чудесною вещью; но до тѣхъ поръ повода къ «Grosse Scandal» не будетъ.

Получаете ли Вы въ Баденѣ «République Française»—и читаете ли её? На всякій случай посылаю Вамъ сегодняшній № съ адресомъ Бельвильцевъ къ Гамбеттѣ—и его рѣчью. Это вещь капитальная—историческая—и Вы не можете себѣ представить, до какой грандіозности выросла въ глазахъ Франціи эта личность, которую добрѣйшій—но сумазбродный Салтыковъ [1]) въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ обзываетъ «тупоумным мерзавцем» за то́, что онъ осмѣлился противорѣчить Накэ [2]). Что ты прикажешь дѣлать?

Струны Франціи страшно напряжены въ эту минуту.—Отъ выборовъ 20-го ф. зависитъ вся ея будущность.—Есть основаніе предполагать, что они будутъ удовлетворительны.

У меня есть двѣ прозьбы къ Вамъ.—Во-первыхъ купите не мѣшкая у д-цы Марксъ заграничное изданіе Рылѣева (Думы, Войнаровскій)—и пришлите сюда.—Здѣсь этого ничего достать нельзя—а мнѣ нужно.—Во-вторыхъ: въ бумажной лавкѣ Э. Арнольдъ (Dichtenchalerstrasse, 1) (два шага отъ Васъ) купите мнѣ переплетную книгу с разлиневанной белой бумагой—величиною ровно въ этотъ листъ бумаги—развернутый—въ 300 стр. или около.—Впрочемъ, вотъ ея номеръ, по которому можно купить совершенно одинаковую № 169 (fi) 54. Мнѣ она нужна для моего романа [3]), надъ которымъ я въ послѣднее время сталъ сильно работать—а здѣсь такой бумаги достать не льзя. Пришлите её—какъ и Рылѣева—подъ kreuzband'омъ; а при свиданіи—въ Маѣ—мы сведёмъ наши счёты.

Весь домъ здѣсь кашляетъ, чихаетъ, сморкается и т. д. Гриппъ всѣхъ заполонилъ; но всѣ Вамъ кланяются.

И я кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ.
50, Rue de Douai.
24/12-го февр. 1876 г.

Любезный другъ П. В.!

Сегодня, въ день установленія—и окончательнаго возобновленія—Республики я отправилъ къ Вамъ—по порученію Писемскаго—его достаточно безобразную комедію «Финансовый Геній»—помѣщенную въ «Газетѣ»—Гатцука.

Съ недѣлю тому назадъ поѣхали къ Вамъ «Монтаньяры»,—а отъ Васъ я получилъ «Рылѣева» и бѣлую переплетенную книжку—за что благодарю искренне.—Рукопись Герцена, какъ Вы должны знать изъ моего письма къ Вамъ, давнымъ-давно получена.

Писемскій [1]) проситъ, чтобы Вы ему написали Ваше мнѣніе... не такъ-то будетъ это легко сдѣлать.—Адресъ его—Москва, на Поварской, въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, собственный домъ. Ну, а что́ Вы скажете о выборахъ? Мы ждали, что они будутъ въ этомъ смыслѣ: но успѣхъ превзошёлъ самыя смѣлыя ожиданія. Всё это было ведено и доведено до цѣли Гамбеттой,— тѣмъ «тупоумнымъ реакціонеромъ»—о которомъ пишетъ Салтыковъ. Times прямо говоритъ, что въ немъ воплотилась будущность Франціи—и это такъ.—Популярность его неограниченна; и бонапартизмъ частью убитъ имъ.—Пока—фонды падаютъ—и буржуазія безпокоится; но это всё придетъ въ порядокъ—гораздо скорѣе, чѣмъ думаютъ.

Я на здоровье въ эту минуту не жалуюсь—и работаю; что изъ этого выйдетъ—Ты Единъ, Господи, вѣси!..

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

IV.

Парижъ.
50, Rue de Douai.
Суббота, 26-го февр. 76.

Любезный другъ П. В.—Сейчасъ получилъ Вашу записочку отъ 24-го ф. Я уже вчера писалъ Вамъ, что получилъ и «Рылѣева» и тетрадку, которая оказалось очень хорошей и другой не надо.—Что же касается до «Дантона», т.-е. до «Монтаньяровъ», то я удивляюсь, почему Вы не получили этой книги. Тэна и Кларети я Вамъ послалъ по желѣзной дорогѣ—а Монтаньяровъ по почтѣ подъ бандеролью: справьтесь, пожалуйста. Книга эта не только не разошлась—но даже не очень шибко продается.

Выборы — дѣйствительно — дали результатъ неожиданный — но Тьеръ [1]) потираетъ себѣ руки — умѣренно: ужъ очень въ тѣнь ставитъ его Гамбетта, за которымъ онъ, говорятъ, посылаетъ ежедневно собственный экипажъ. А звалъ его когда-то feu furieux! За то Салтыковъ зоветъ его теперь тупумнымъ реакомъ.—Всё перемелется,—но Гамбетта въ эту минуту держитъ въ рукахъ своихъ судьбы Франціи.

Я не зналъ лично Марьи Николаевны: говорятъ—бабёнка была пустая, но не злая.—Въ «Голосѣ»—какой-то карамзинистъ въ родѣ Валуева—состряпалъ ей тяжелый панегирикъ не безъ ошибокъ въ языкѣ и слогѣ.

Авдѣева [2]) мнѣ жаль: не великій былъ писатель—но человѣкъ искренній и въ сущности хорошій—жить бы ему, да жить!

У смерти, как кольцовскаго косаря—съ нѣкоторыхъ поръ «раззудилось плечо».

А за симъ обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

V.

50, Rue de Douai
Paris.
Вторникъ, 4-го дек. 77.

Мое здоровье какъ здѣшнія дѣла, любезнѣйшій П. В.-ни въ задъ ни въ передъ.—Вотъ уже скоро три недѣли, какъ я лежу въ постели—и не могу еще предвидѣть, когда я встану: самое хожденіе на костылях является мнѣ недосягаемымъ идеаломъ.—Остается одно: ждать. И стараться ждать какъ можно терпѣливѣе—что не всегда удаётся. Боюсь я только одного: если Вашъ пріѣздъ сюда будетъ зависеть отъ возвращенія ко мнѣ моихъ «ножекъ», то онъ можетъ, пожалуй, затянуться до взятія Плевны или Эрзерума, т.-е. до весны. Ergo и тутъ приходится то же самое: ждать!

А здѣшнія дѣла:—«даже удивительно»! Надъ Макъ-Магономъ тоже стóитъ задуматься глубоко. Франція на всѣхъ парахъ, какъ сорвавшійся локомотивъ, мчится въ бездну—а кочегаръ, глядитъ... съ достоинствомъ вокругъ.—Полагаю, что передъ такой фигурой Палата, volens-nolens смирится—и воскликнувъ: j'ai fais tout mon possible! устроитъ сама ту лазейку, о которой Вы говорите—и куда полезетъ о д н а... Или вотъ еще что вѣроятней: Палата будетъ упорствовать, Маршалъ обратится к Сенату, который н е п р е м е н н о, что бы тамъ ни говорили, согласится на вторичное распущеніе—и выйдутъ опять на сцену Броньяръ и К-о, а бюджетъ возьмутъ самовластно прошлогодній, что вовсе не такъ трудно и не такъ безпримѣрно (vive Bismarck до 66-го года)—и пошла писать! Только Франція окончательно превратится въ Персію—на каковую она уже теперь довольно похожа.—Желалъ бы быть лживымъ пророкомъ!

С е р е д а у т р о м.—Палата дѣйствительно упорствуетъ—но это не мѣняетъ сущности дѣла.—Но до какой наглости лжи доходитъ партія, орудующая въ Елизеѣ?!! Традиція Іезуитовъ и традиціи Имперіи слились въ одно прекрасное цѣлое.—Можно имъ сказать, какъ нѣкогда Pascal [1]): Meutivis impudentissime!—Но тотъ же Pascal потомъ цѣловалъ у Іезуитовъ ручку.

Здоровье мое чуточку поправляется, но я все еще лежу—какъ папа.

А тутъ еще наши дѣла не даютъ покоя—и вонъ какая-то проклятая телеграмма увѣряетъ, что Сулейманъ-паша насъ разбилъ и бомбардируетъ

Тырновъ. И чувствуешь, то вздоръ—а подъ ложечкой сосетъ. Эх, скверное времечко!

Одно только утѣшеніе: я открылъ здѣсь замѣчательный Русскій (женскій) талантъ [2])—послалъ ея разсказъ въ «Вѣстникъ Европы»—и уже получилъ благопріятнѣйшій отзывъ съ назначеніемъ крупнаго гонорарія. Но объ этомъ въ другой разъ.

За симъ кланяюсь всѣмъ Вашимъ, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

P. S. Письма Пушкина [3]) печатаюся я сделал лишь небольшія исключенія—и написалъ небольшое предисловие. Жаль, что не могъ показать Вамъ.

P. S. S. Арапетовъ [4]) собирается въ Питер — но без особенной охоты.

50, Rue de Douai

VI.

Paris.

Суббота, 2-го февр. 78.

Что дѣлать, батюшка Павелъ Васильевичъ! Будемъ ждать благорастворенія воздуховъ и смягченія сердецъ!—А въ иныхъ гостиницахъ Парижа (хоть бы напр., въ Grand Hotel)—претеплѣйшіе есть нумера!—Но знайте, что когда бы Вы ни прибыли, Вы встрѣтите здѣсь распростертыя объятія!

Меня восточный вопросъ грызетъ не хуже Васъ.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда Яковъ подрался съ Сидоромъ и хочетъ помириться — дѣло происходитъ между Сидоромъ и Яковомъ но тутъ существуютъ другіе Яковы, отъ которыхъ зависитъ самый этотъ миръ.—Вы знаете, какой я слабый, «chauvin» и славянофилъ; но я самъ начинаю желать, чтобы мы пошли къ Константинополю—что жъ! Только тутъ являются слѣдующія соображенія?

a) Немыслимо войти въ К. и не отслужить молебна въ Святой Софіи;

b) Точно также немыслимо возвратить Святую Софію Туркамъ, чтобы они ее опять превратили въ мечеть (вѣроятно, они ее тотъ часъ разрушатъ, какъ оскверненную).

c) Слѣдовательно надо остаться въ К-ѣ; но и это, при теперешнемъ настроеніи Европы, —немыслимо;

Вотъ тутъ и выкарапкивайся, как знаешь, изо всѣхъ этихъ немыслимостей!

Здоровье мое однако поправилось; простудился я маленько на днях—но это не важно.

О новомъ великомъ драматургѣ въ точности ничего не знаю: изъ рецензіи не видать, чтобы эта «Свадьба Бѣлугина» [1]) была уже такой chef d'oeuvre;—а впрочемъ мы ее скоро прочтемъ.—Въ критическое пониманіе Островскаго я вѣрю умѣренно.

А замѣчательныя вещи происходятъ во Французской Палатѣ Депутатовъ; говорятъ, вчерашнее исстребленіе Руэра [2]) Гамбеттой было нѣчто колоссальное. Я начинаю бояться, что бонапартисты его убьютъ. Что не говори, а республика здѣсь растётъ и крѣпнетъ.

Я познакомился здѣсь съ однимъ очень не глупымъ 30-лѣтнимъ Русскимъ, который признался мнѣ, что въ молодости любилъ поэзію и Пушкина, игралъ на скрипкѣ—и рисовалъ—и бросилъ все это подъ вліяніемъ Писарева;—(и не одинъ онъ это сдѣлалъ);—а теперь, окургузившись кругомъ, не знаетъ къ чему приткнуться—и только охаетъ.

Вотъ, поди отрицай силу слова!

Мнѣ непремѣнно хочется дать Вамъ прочесть повѣсть Луканиной, хочется Вами провѣрить свое впечатлѣніе.

Въ надеждѣ, что Вы не будете слишкомъ долго томить насъ, жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

VII.

50, Rue de Douai, Paris.

Четвергъ, 9-го января 79.

Да, любезнейшій другъ П. В...—жизнь не шутитъ и смерть тоже.—Пошла уже пальба по нашимъ рядамъ—и все чаще и сильнѣе.—Какъ Вы говорите, цѣлый домъ и центръ—(для насъ) исчезъ въ Петербургѣ.—И кто бы могъ предположить, что изо всего этого погрома уцѣлѣетъ Дарья Ивановна?!! — Это пожалуй даже юморъ, но безъ этого юмора мы всѣ бы очень хорошо (1 сл. зачеркн.) обошлись.

Оказывается, что Вы отгадали, къ какому разряду смертныхъ принадлежитъ авторъ «Надо жить».—Это никто иное, какъ Полонскій, не поэтъ, а Леонидъ Полонскій, постоянный сотрудникъ В. Е. и авторъ «Внутреннихъ обозрѣній»—человѣкъ уже далеко не молодой и лысый, какъ лицо.—Этотъ фактъ не уменьшаетъ талантливости его повѣсти—но значительно ослабляетъ тѣ надежды на будущее, которыя можно было возымѣть отъ человѣка молодого и начинающаго.

А «Внутреннее обозрѣніе» въ декабрьскомъ №-рѣ дѣйствительно превосходно.—Я не говорилъ о немъ съ П. Лавровымъ [1]) (котораго впрочемъ видѣлъ на дняхъ)—но знаю напередъ, что онъ скажетъ.—Это голубь, который всячески старается выдать себя за ястреба. Надо слышать, какъ онъ воркуетъ о необходимости Пугачевыхъ, Разиныхъ... Слова страшныя—а взглядъ умильный и улыбка добрѣйшая—и даже борода огромная и растрепанная—имѣетъ ласковый и идиллическій видъ.

Скажу Вамъ два слова такъ же о Годарѣ [2]) (а не о Гобарѣ)—Godard. Это молодой 28-лѣтній музыкантъ, о которомъ сначала говорили, какъ объ entant prodige и который потомъ впалъ въ крайнюю нужду и мучительное сомнѣніе въ самомъ себѣ.—Г-жа Віардо очень его протежировала.—Теперь онъ написалъ ораторію: «Le Lasse», которая получила призъ—а за симъ, при исполненіи, пошла, какъ говорятъ итальянцы, alle stelle,—

Сдѣлалась реакція въ пользу полузабытаго музыканта. Я самъ (сл. зачеркн.) не слышалъ этой ораторіи—ибо лежалъ больной—но по словамъ г-жи Віардо—это вещь весьма талантливая, молодая, съ сильнымъ колоритомъ—особенно послѣдняя часть.—Обѣщаетъ она очень много—въ будущемъ;—ну а слово: «геніальность» можно пока и не употреблять.—Вліяніе Берліоза и Вагнера весьма замѣтно; но сквозитъ также и оригинальность.—Qui vivra verra; mais le voilà lancé.

Изъ Россіи вѣсти все неутѣшительныя; вотъ и чума подвигается къ намъ.—Но за то́ какова здѣсь побѣда?—Ея никто не ожидалъ—особенно въ такихъ размѣрахъ. Смертельный ударъ нанесенъ бонапартизму. Это главное.—Но рука Гамбетты все ещё нужна: безъ этого мастера шахматной игры—республика еще можетъ получить матъ.—Онъ болѣе и болѣе входитъ въ роль Перикла.

Съ Новымъ (Русскимъ) годомъ поздравляю, всѣхъ лобызаю—а Вамъ крѣпко жму руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

VIII. Парижъ.
50, Rue de Douai.
30-го мая 1879.

Любезный другъ, Павелъ Васильевичь, пишу Вамъ въ Баденъ-Баденъ, такъ какъ Вы должны теперь уже находиться подъ кровомъ добродѣтельной г-жи Анштеттъ, которой прошу передать мой дружескій поклонъ. В неисполненіи комиссіи на счетъ Масперо́ я, точно, виноватъ: но другую комиссію (на счетъ Маслова)—я во время моего пребыванія въ Москвѣ—исполнилъ въ точности—получилъ отвѣтъ утвердительный и выслушалъ обѣщаніе написать Вамъ—съ полнѣйшей, однако, недовѣрчивостью—ибо феноменально-безпримѣрная лѣнь Ивана Ильича мнѣ слишкомъ извѣстна—и добиться отъ него какого-либо отвѣта такъ же трудно, какъ добыть молока отъ козла. Не будь онъ такъ добродушенъ—многіе могли бы принять эту лѣнь за всесовершеннѣйшій эгоизмъ... и едва ли бы ошиблись.

Вы, другъ, желаете знать, что я делаю—и что́ намеренъ делать? Извольте.—Прежде всего доложу Вамъ, что я, слава Богу, здоровъ; собираюсь переѣхать на дачу въ Буживаль—и давно бы переѣхалъ, еслибы не гнусная погода; вожусь, скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, съ пересмотромъ новаго, запроданнаго мною, собранія моихъ сочиненій... [1]) работа, столь же гнусная, какъ и погода!—Въ Лондонъ, несмотря на приглашеніе—не поѣду—ибо роль моя тамъ была бы во всѣхъ отношеніяхъ мизерабельная.—Дальше впередъ не заглядываю—и, какъ всѣ мы, съ мучительной тоской, прислушиваюсь и приглядываюсь ко всему, что совершается теперь на Руси.—Вотъ и всё.

Здѣшніе мои всѣ благоденствуютъ и Вамъ кланяются.

Арапетовъ на дняхъ сюда прибылъ. Всё что Вы говорите о Золя и Гонкурѣ—умно какъ день.

Прочтите недавно вышедшую здѣсь книгу—Jacques Vingtons—de Jean Lakue (псевдонимъ Жюля Валлѐса, коммюнара)... Замѣчательная вещь!

Во Франціи только загарается битва между республикой (правильнѣе: революціей) и клерикализмомъ (правильнѣе: церковью). Битва эта будетъ продолжаться долго... мы съ Вами, во всякомъ случаѣ, конца ея не увидимъ. Бѣда въ томъ, что на одной сторонѣ—всѣ вооружены однимъ и тѣмъ же духомъ—а на другой—рознь.—И мы именно въ томъ лагерѣ—гдѣ эта рознь. Ну а за симъ—прощайте, цѣлую Вашихъ милыхъ дѣтокъ, кланяюсь Вашей женѣ и Васъ обнимаю.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

IX.

П а р и ж ъ.
50, Rue de Douai.
20-го января 1882 г.

Милый Павелъ Васильевичъ,

. . . . . .

. . . . . , ...

Вчера, здѣсь, какъ Вамъ извѣстно, совершился финансовый и политическій крахъ—и Гамбетта, еще за два мѣсяца популярнѣйшій человѣкъ во Франціи и въ Палатѣ—къ верху тормашками полетѣлъ въ грязь.—Поучительный казусъ.—«Такъ въ свѣтѣ все превратно».—Но что изъ сего выдетъ.—«Мудрый Эдипъ, разрѣши». Я не берусь. . . . . .

. . . . . .

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

X.

Парижъ.
50. Rue de Douai.
10-го янв. 1883.
29-го дек. середа.

. . . . . .

Это не мѣшаетъ мнѣ однако поздравить Васъ съ Новымъ Годомъ. Какъ ни скверно онъ начинается, чего стоитъ одна смерть Гамбетты. Я видѣлъ изъ окна его похороны—и ничего подобнаго въ жизни не видалъ. Это ужъ точно цѣлая Франція, цѣлая раса, цѣлый народъ—провожали въ могилу своего лучшаго сына и вождя.—И *зрѣлища* подобнаго я никогда не видывалъ. А у насъ-то—экая тишь и благодать... Михайловскаго и Шелгунова высылаютъ изъ столицы, Ѳеоктистова сажаютъ владычествовать печатью, Кавелинъ опять опасно заболѣваетъ, Гончаровъ окривѣлъ на одинъ глазъ, Побѣдоносцевъ не идетъ въ монастырь, хотя жена его сдѣлала рогоносцемъ, рубль стоитъ ниже 2 фр. 50 сант... Превосходно...

Такъ какъ всегда нужно все по возможности предвидѣть—особенно всё нехорошее—то Вы найдете въ этомъ письмѣ записку отъ меня къ Вамъ,

въ силу которой Вы будете имѣть право, въ случаѣ моей смерти, разобрать мою корреспонденцію—и взять себѣ все, что найдете интереснымъ.—Я объ этомъ предупредилъ моихъ друзей Віардо.

А за симъ желаю Вамъ всего хорошаго, обнимаю всѣхъ Вашихъ и остаюсь

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XI.

50, Rue de Douai Paris.

Понедѣльникъ, 21/9-го янв. 78.

И такъ Вы опять отсрочили свой пріѣздъ, любезнѣйшій Анненковъ. Боюсь я только, какъ бы Вы, все отсрачивая да отсрачивая (экое странное слово)—совсѣмъ къ намъ не пожаловали.—А мнѣ бы очень хотѣлось, во 1-хъ) Васъ самихъ посмотрѣть, да — во 2-хъ) г-жу Луканину Вамъ показать — да наконецъ я Васъ записалъ въ члены новоиспеченнаго здѣсь общества вспоможенія русскимъ художникамъ и т. д.—Возложимъ надежду на Бога и будемъ ждать.

Да, Некрасовъ умеръ, и вмѣстѣ съ нимъ умерла большая часть вашего прошедшаго и нашей молодости.—Помните, какимъ мы его съ Вами видѣли—въ іюнѣ... Теперь онъ сталъ легендой для молодежи... Но изъ этой самой молодежи выдетъ толкъ только тогда, когда она освободится отъ этой легенды—т.-е. когда явится новый, сильный и живой талантъ. Ваша характеристика Н. такъ *вѣрна*—что я не рѣшаюсь сжечь Ваше письмо, какъ Вы того желаете—и лучше возвращу его Вамъ.

«Прегнантнѣе»—(какъ говорятъ Нѣмцы) подчеркнутыхъ мною строкъ Вы никогда не найдете.—А что Суворинъ вретъ—такъ ужъ ему такой положенъ предѣлъ.—Вотъ выработался гадъ... Въ сравненіи съ нимъ, Булгаринъ является чуть не идиллической фигурой.

Вся моя дѣятельность въ отношеніи къ Пушкинскимъ письмамъ состояла въ томъ, что я пропустилъ сколько могъ. И тутъ Стасюлевичъ не совсѣмъ хорошо поступилъ со мной. — Пассажъ о кобелькахъ *) я совсѣмъ выкинулъ — а онъ почти все возстановилъ **).—Другого комментарія я, по невѣдѣнію отдѣльныхъ фактовъ, составить не могъ,—говорено было объ Ефремовѣ, о Пыпинѣ... но все это упало въ воду.

И такъ русскіе въ Адріанополѣ. Чудеса—да и только.

Но выдетъ ли изъ этого—миръ. И какой миръ. Англія, кажется, поджимаетъ хвостъ.—Но злость ея на насъ безгранична.

Здоровье мое поправилось... почти; нога все еще болитъ и много ходить я не могу.—Гастрономическіе эксцессы отлагаю до Вашего пріѣзда. Домашніе мои—всѣ здоровы и благополучны. — Но жизнь вообще замѣтно потускнѣла.

---

*) Выпущено 5 слов, неудобных для печати.

**) Тоже 5 слов выпущено.

Въ послѣднее время много умерло людей, такъ или иначе касавшихся моей жизни... Между прочимъ, мой родной дядя, Николай Николаевичъ, котораго я въ молодости любилъ самой страстной любовью.

Не говорю Вамъ: прощайте, любезнѣйшій другъ—а: до свиданія.— Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте ка поскорѣе. А то, чего добраго, опять подагра прикуетъ меня къ постели.—

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Преданный Вамъ

Ив. Тур(геневъ).

XII.

Парижъ.
50, Rue de Douai.
Вторникъ, 28/16-го марта 1876.

Любезнѣйшій П. В.! Я просто и безпричинно виноватъ передъ Вами, что такъ давно не писалъ,—Подагра моя меня не безпокоила—и хотя я въ послѣднее время порядочно работаю, однако, не такъ же, чтобъ не имѣть свободной минуты для бесѣды съ старымъ пріятелемъ.—А потому приношу повинную голову: рубите или щадите какъ знаете.

Что я дѣлалъ въ этотъ послѣдній мѣсяцъ.

Сказать трудно—такъ скоро онъ пролетѣлъ.

Работалъ, покупалъ, смотрѣлъ картины — и пріобрѣлъ наконецъ такую головку Харламова, отъ которой и самъ схожу съ ума—и всѣ приходящіе; видѣлся съ Русскими, изъ коихъ нѣкоторые очень милы: (П. Самаринъ съ женою былъ здѣсь, одна кн. Урусова, Плетнева, Жуковскій). —Ю. Ѳ. Самаринъ былъ здѣсь на минуту и опять исчезъ;—Черкасскіе тоже тутъ—и неизмѣнный Ханыковъ. Дома всѣ переболѣли гриппомъ и даже довольно сильно; однако теперь, кажется, все приходитъ въ порядокъ. Въ театры ѣздилъ мало—да, кажется, и вовсе не ѣздилъ.— «Caverlet» Ожье; по поводу этой пьесы я убѣдился, что каждая *раса* имѣетъ свою *мораль;* когда мы увидимся (а это будетъ скоро, въ первыхъ числахъ мая) напомните мнѣ объ этомъ—и я разовью Вамъ цѣлую теорію, а въ письмѣ этаго передать нельзя. Первые №№-ра Россійскихъ журналовъ навели на меня тоску, не хуже, чѣмъ на Васъ: батюшки, что за чепуха такая! Какую труху они вытряхиваютъ—всѣ эти господа извѣстные авторы—съ самаго дна своихъ мѣшковъ!—Даже знаменитая и преславутая «Анна Каренина» меня удовлетворяетъ мало—хотя и попадаются въ ней прелестныя вещи, достойныя великаго мастера.— Но ото всей этой вещи отдаетъ чѣмъ-то затхлымъ.—Мнѣ сказывали, что недавно ко Льву Толстому заѣхалъ бывшій Министръ Путей Сообщенія, Гр. А. Бобринскій [3]).—Я его всегда зналъ за тупаго внутренно спутаннаго и неумнаго человѣка; но изъ него, говорятъ, выработался проповѣдникъ, чуть не пророкъ; онъ даже въ Англіи, говорятъ, на англійскомъ языкѣ совращалъ разныхъ рабочихъ и ремесленниковъ на путь истины. Но вотъ онъ—такое впечатлѣніе произвелъ на Льва Толстого, что тотъ плакалъ, падалъ ему въ ноги, принялъ его вѣру—и теперь видитъ въ немъ перваго человѣка во всемъ мірѣ! [4])—Вотъ ужъ точно: не изъ тучи, изъ навозной кучи. Spiritus

flat ubi vult, что по русски можно перевести такъ: *ходи* по лавкамъ и *) въ окно; кого-нибудь и зашибешь. А каковы слухи распускаютъ про нашего Царя, про Мальту—про Наслѣдника-Регента!—Экій вздоръ, подумаешь! А что между нами и Австріей неладно становится—это кажется не вздоръ.

Прощайте, любезный другъ; будьте здоровы и веселы.—Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ.

I.

1. *Стасюлевич*, Матвей Михайлович, издатель «Вестника Европы».

2. Рукопись романа «Нови», который был напечатан в 1 и 2 кн. «Вестн. Европы» за 1876 г.

3. *Бессонов*, Петр Алексеевич (1828—1898), библиотекарь М. университета, секретарь О-ва Любителей Росс. Словесности, потом профессор Харьковского унив. по кафедре славянских наречий.

4. *Броньяр* (Brongniart) — Адольф-Теодор, французский ботаник, член академии (р. 1801 г. † 18 февраля 1876 года).

5. *Жюль Симон* (Simon), французский политический деятель, публицист и философ, член академии (1814—1896).

6. *Буффе* (Buffet), Луи-Жозеф (1818—1899), французский государственный деятель в 1873—1875 г.г. президент Национального Собрания, с 10 марта 1875 г. президент кабинета министров, консерватор и клерикал.

7. *Литтре* (Littré), Поль-Максимилиан-Эмиль, выдающийся французский ученый и публицист, философ-позитивист и лексикограф, автор словаря французского языка (1801—1881).

8. *Дюпанлу* (Doupanloup), Феликс-Антуан (1802—1878), французский проповедник и писатель, архиепископ, член французской академии, в 1871—1875 гг. член национального собрания, противник светского образования.

9. *Плетнева*, Александра Васильевна (1826—1901 г.г.), рожд. кн. Щетинина, вдова профессора Петра Александровича.

10. *Жуковский*—вероятно, эмигрант Николай Васильевич.

11. *Ханыков*,—Николай Владимирович (1822—1878), известный ориенталист, в 1860-х гг. руководил по поручению М-ва Нар. Просв. молодыми людьми, командированными во Францию для усовершенствования в науках.

12. *Харламов*,—Алексей Алексеевич (р.1842), известный художник-портретист. Портрет, писанный Харламовым, находится теперь в Русском Музее Петербурга (б. Музее Александра III).

II.

1, *Салтыков*, М. Е., известный писатель-сатирик.

2. *Накэ* (Naquet), Альфред (р.1834), французский врач, химик, политический деятель, член национального собрания (крайний левый) и с 1876 г. член палаты депутатов.

3. Тетрадь нужна была для писания романа «Новь».

III.

1. *Писемский, А. Ф.*, известный писатель, автор ром. «Взбаломученное море», «Тысяча душ», драмы «Горькая судьбина» и др.

IV.

1. Тьер (Луи-Адольф Thiers), знаменитый франц. политический деятель и историк (1797—1877).

---

*) Слово, неудобное для печати.

2. *Авдеев*, Мих. Вас. (род. 22 авг. 1821, ум. 1 февр. 1876 г.), писатель-беллетрист и критик, автор нашумевших романов «Тамарин» и «Подводный камень».

V.

1. *Паскаль*, Блэз (1623—1662), один из величайших мыслителей Франции, философ и математик.

2. Женским талантом И. С. называет А. Луканину и говорит об ее рассказе, помещенном в «Вестнике Европы» за 1878 г., кн. 6 и 7, под названием «Старинные дела» (1. Птичница, 2. Березай).

3. Письма А. С. Пушкина к жене печатались в «В. Европы» за 1877 и 1878 г.г.; к ним И. С. написал предисловие. Ср. в письме к. П. В. Анненкову от 21/9 янв. 1878 г. И. С. заметил по поводу своего участия в издании: «вся моя деятельность в отношении к Пушкинским письмам состояла в том, что я пропустил сколько мог»...

4. *Арапетов*, Иван Павлович (1811—1887), деятель крестьянской реформы (член редакционной комиссии), чиновник удельного ведомства и II Отд. собственной Е. В. Канцелярии, был в близких отношениях с Тургеневым, Кавелиным, Дружининым, И. И. Панаевым, В. И. Боткиным.

VI.

1. «Женитьба Белугина», а не «Свадьба Белугина»—была сочинена А. Н. Островским вместе с Соловьевым и издана в Москве в 1878 г.

2. *Руэр* (Rouher, Eugène), политик (1814—1884). История рисует его человеком без определенных убеждений. 1 февраля 1878 г. в жарком споре с Гамбеттой он защищал империю,—но неудачно,—об этом говорит и И. С. Во время заседаний 21 и 23 февр. 1880 г. в Палате он защищает либеральные принципы («Le Grand Encyclopédie«, Paris, p. 1016).

VII.

1. *Лавров*, Петр Лаврович, известный революционер и ученый. За границу бежал в 1870 г. из Вологодской губ., куда он был сослан (подр. см. Материалы для П. Л. Лаврова, под ред. П. Витязева в.в. I и II. 1921. Здесь указана и литература о Лаврове).

2. Годар (Godard), Бенжамен, франц. скрипач и композитор (1849—1895).

VIII.

1. Сочинения И. С. были изданы в Москве Салаевым в 1880 г. Здесь впервые появилось предисловие И. С. к романам, а также «Человек в серых очках».

XI.

1. *Самарин*, Петр Федорович, (1830—1901), его жена—Александра Павловна, рожд. Евреинова (1836—1905).

2. *Черкасские:* Владимир Александрович, князь (1824—1878), известный государственный деятель, его жена—Екатерина Алексеевна, рожд. Васильчикова (1825—1888).

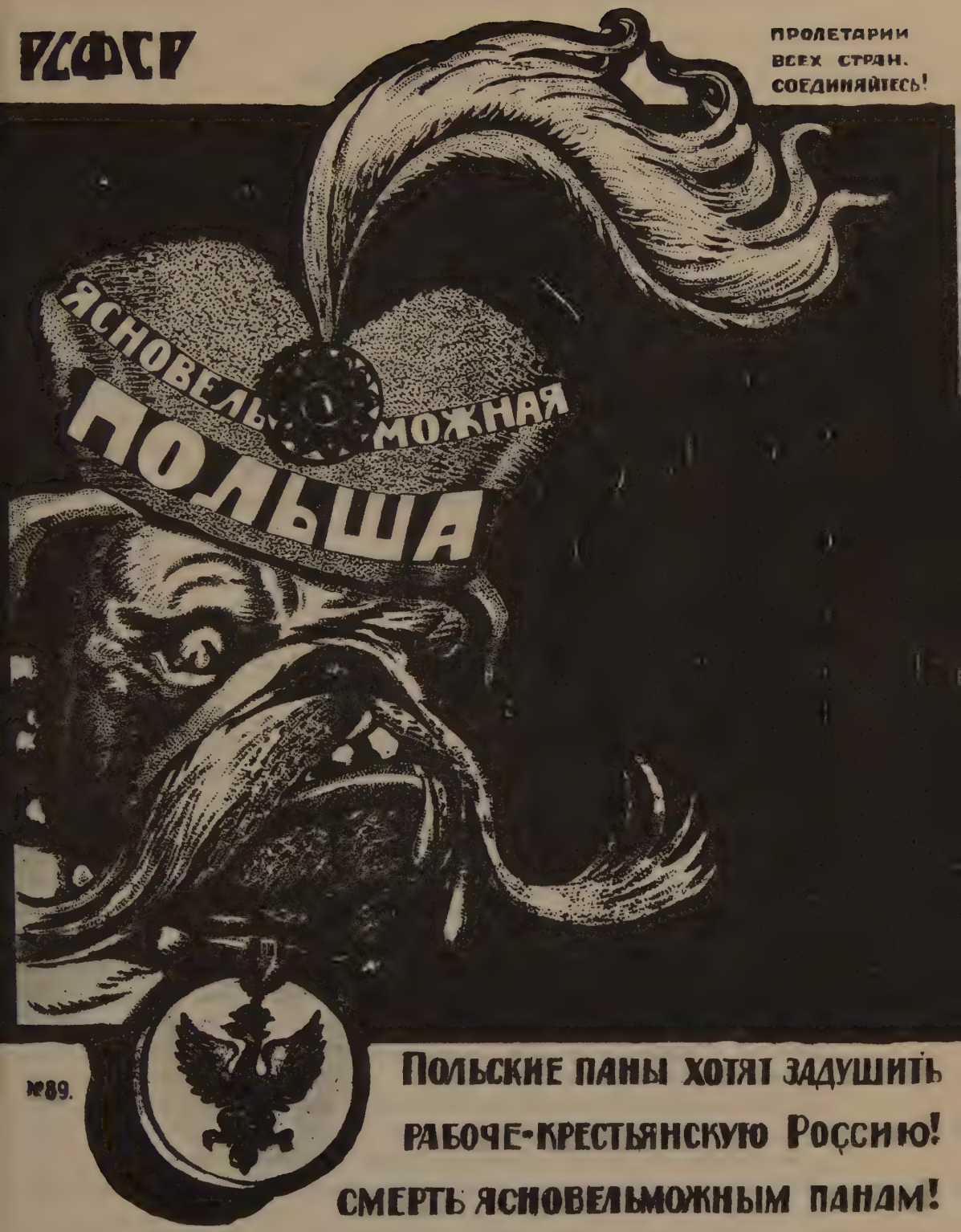
3. *Бобринский*, Алексей Павлович, министр путей сообщения (1871—1874), ученик и последователь Радстока, поражавший Л. Н. «искренностью и жаром своей веры» («Толст. Музей», т. I, стр. 245, 265). Радсток—английский проповедник-сектант, в середине 70-х годов жил в Петербурге и с успехом выступал с проповедью в аристократических домах. Выразительную характеристику Радстока находим в письме А. А. Толстой, знавшей лично Радстока, к Л. Н. 28 марта 1876 г. («Толстовский Музей», т. I, стр. 267—268).

Катков упоминает о беседах Л. Н. с Бобринским в своей «Автобиографии» и С. А. Толстая. («Начало», т. I, 1921, стр. 154).

XII.

1. *Ефремов, П. А.*, редактор сочин. Пушкина несовершенного по приемам и быстро устаревшего издания Суворина (восемь томов—П. 1903 и 1905).

2. *Пыпин, А. Н.*, известный исследователь истории русской литературы.



Плакат художника ДЕНИ.

К статье «Русский революционный плакат».

АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ.

(Из воспоминаний о 1917 годе.)

Н. Н. Суханов.

19-го апреля, вечером, я из редакции «Новой Жизни» позвонил в Исп. Комитет, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь особенных дел и новостей. Кто-то из оппозиции сообщил мне по телефону сенсационную новость. В Исп. Комитете получен текст долгожданной «ноты», изготовленной Милюковым и уже отправленной союзникам, во исполнение обещаний, данных правительством представителям Исп. Комитета. Заседания по этому поводу еще нет, но текст «ноты» ходит по рукам и уже всем известен.

Новая нота не только не представляет собой «дальнейшего шага», но совершенно аннулирует все то, что до сих пор сделала революция для мира. Новая нота Милюкова только «разъясняет» акт 27 марта,—разъясняет в том же смысле, в каком Милюков уже неоднократно комментировал этот акт в своих интервью и в публичных речах. Нота уверяет союзников в том, что цели России в войне остаются прежними, какими были при царе, и что революция в них ничего не изменяет—так же, как и акт 27 марта, изданный для внутреннего употребления.

Я стоял у телефона совершенно ошеломленный, не находя, что сказать на все это.

— Ну, и что же Исп. Комитет? Что там говорят и что собираются делать?

— Вечером назначено заседание... Что говорят? Левая сторона считает, во-первых, что это полная ликвидация не только всего значения, но и самого факта революции—с точки зрения внешней политики и интересов мира. А, во-вторых, левая считает, что это есть самое наглое и циничное издевательство над Советом и народом. Считают, что Милюков должен быть ликвидирован в 24 часа... А правая немного растеряна, не знает, что делать: старается успокоить нас и уверить, что не случилось ничего особенного...

Я все еще не мог притти в себя и просто понять, в чем дело. Если бы такая нота была издана правительством независимо от наших требований «дальнейших шагов», то это было бы просто продолжением обычной империалистской политики Милюкова, которую советское большинство считает «идущей навстречу» и т. д. Но каким образом подобный документ мог появиться *в ответ* на наши требования, *во исполнение данных обещаний?*.. Что же это—недоразумение, наивность или демонстративный жест победителя? или—что всего естественнее предположить—это сознательный вызов, сознательная провокация народного гнева и гражданской войны?

Примеч. редакции: Помещая этот отрывок из подготовленных Н. Н. Сухановым к печати «Записок о революции», редакция не разделяет некоторых оценок автора.

Я вернулся в комнату, где работала редакция, и рассказал все, что услышал. Эффект получился неожиданный.

Как ужаленный вскочил с места Базаров,—человек уравновешенный и склонный объяснять все сделанное людьми в самую лучшую сторону. Вскочил, как ужаленный, и бросился на меня с поднятыми кулаками.

— Ах, так!—заорал он совершенно вне себя, размахивая перед самыми моими глазами.—Так вы им скажите, что мы завтра же поднимем восстание!

В этом «выступлении» не было ни логики, ни надлежащего реального смысла. Но в нем была вся истина и вся неизбежность... Почему, зачем и как я должен сказать об этом кому-то «им»?—Почему это должен сделать *я*? Кто это «мы» поднимем восстание и *как* мы это сделаем? Но все это пустяки: слова Базарова как нельзя лучше отразили самую сущность самое «нутро» ситуации. «*Им*» угодно было бросить перчатку? «*Нам*» остается ее поднять.

Но что делать сейчас, в редакции, для газеты?.. Из Таврического дворца явился Гольденберг. Набросились на него. Он довольно вяло подтвердил: действительно, уже послана нота, никакого «дальнейшего шага» в ней нет, есть обычная фразеология Милюкова, но в общем содержание не яркое—ни холодное, ни горячее...

«Ноте» была предпослана телеграмма, помеченная 18 апреля, исходящая от министра иностранных дел и адресованная российским представителям при союзных державах. Милюков поручал нашим послам передать союзным правительствам акт 27 марта и «высказать при этом следующие замечания». Прежде всего послы должны были опровергнуть все слухи о готовности России заключить сепаратный мир. А затем союзникам предлагалось понять декларацию 27 марта в том смысле, что она «вполне соответствует тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран». Сделав затем кивок на «германофильство» старого режима (с этой басней, как известно, не уставал носиться наш либерализм и не без успеха соблазнял ею обывателя), Милюков от имени революционной России говорит «языком», понятным для передовых демократий современного человечества, и спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников».

«Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии, заявления Вр. Правительства,—продолжает Милюков,—разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив,—всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче—отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как то и сказано в сообщаемом документе, Вр. Правительство,

ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предотвращения новых кровавых столкновений в будущем».

Я воспроизвел документ почти целиком. Как будто ни малейших сомнений его смысл возбудить не должен. Он заключается только в одном: препровождая союзникам акт об «отказе от завоеваний», Милюков старается только о том, чтобы союзники не подумали в серьез, будто бы новая революционная Россия на самом деле отказывается от завоеваний...

Обязательства перед англо-французскими капиталистами будут целиком уплачены кровью «свободных» русских рабочих и крестьян. Этого мы не пожалеем. Но пусть будут и ограждены наши «п р а в а» после «победоносного окончания войны». Помните, союзники: ни миллионов жизней, ни океана слез, ни народного разорения, ни русской культуры, ни, разумеется, добытой свободы мы не пожалеем и доведем войну до решительной победы в полном с вами согласии; но уж зато потребуем ваших санкций на Галицию, Армению, восточную Пруссию и гарантий длительного мира в виде Константинополя и проливов. На то мы и патриоты.

Ни малейшего иного смысла у документа нет. Он окончательно и официально расписывается в полной лживости декларации 27 марта, в обмане народа «революционным» правительством. Никаким иным способом истолковать ноту 18 апреля невозможно. Всякое иное толкование ее будет новым обманом.

«Дальнейшим шагом Милюкова, после лицемерия 27 марта, было уже *формальное* свидетельство того, что революция, по его мнению, может только продолжать и углублять внешнюю захватную политику царизма, а воля всего народа может только попираться, третироваться, оплевываться Вр. Правительством в лице министра иностранных дел.

Я непременно хотел отправиться в Исп. Комитет на обсуждение ноты. Но все же, повидимому, не попал в это экстренное заседание, назначенное на поздний вечер. По крайней мере, я решительно ничего не помню из того, что было на этом заседании. Только в «Рабочей Газете» я вижу сообщение, что заседание началось в 12 часов ночи и продолжалось до половины четвертого утра. По словам газеты, представители различных течений сходились в том, что «нота Вр. Правительства находится в противоречии с идеями, выраженными в известном обращении Совета к народам мира»...

Мягко выражено! До странности мягко, и, конечно, это не дает представления о том, что было в Исп. Комитете. Но все же характерно указание на некую «солидарность» между собой различных течений. «Группе президиума», видимо, не удалось убедить всех своих сторонников в том, что правительство по-прежнему действует в согласии с волей и т. д. Между тем,

несомненно, что Церетели был энергичен. Несомненно и то, что его сторонники были так же выносливы и нетребовательны, как китайские кули.

В результате, несмотря на чрезвычайность и продолжительность заседания, Исп. Комитет не принял никакого решения. Высший советский орган завяз в болоте. Это было довольно естественно: ситуация была острая, решение было крайне ответственно, а с положением дел внутри Исп. Комитета мы достаточно знакомы. Завязнуть в болоте и не принять никакого решения—это, быть может, лучшее, что мог сделать Исп. Комитет по всей совокупности обстоятельств. На следующий день было назначено новое суждение по тому же предмету. Конечно! Утро вечера мудренее...

На следующий день, 20-го апреля, до заседания Исп. Комитета работало его новое «однородное бюро». Я не без труда отыскал место его занятий—в низких неприглядных комнатах второго этажа, выходивших окнами на сквер Таврического дворца.

К видному из окна подъезду подкатил автомобиль, из которого выбежал солдат и бросился в подъезд. Через некоторое время солдат вбежал в комнату бюро и впопыхах рассказал следующее:

С Выборгской Стороны движется к Невскому огромная толпа рабочих, частью вооруженных. С ними много и солдат. Манифестация идет с лозунгами: «Долой Вр. Правительство!» и «Долой Милюкова!». Вообще в районах, на заводах и в казармах царит огромное возбуждение. Многие заводы не работают. Повсюду на местах происходят митинги. Все это по поводу ноты Милюкова, появившейся сегодня во всех газетах...

К подъезду подскочил еще автомобиль. Вообще в сквере забегали. Прохожие останавливали друг друга и, жестикулируя, что-то рассказывали. Вбежал второй вестник и сообщил, что на Невском собираются толпы и летучие митинги. Там слышны речи и возгласы в честь Милюкова и Вр. Правительства. Царит большое возбуждение по поводу ноты.

Что делать нам в бюро, в центре советской организации, было очевидно. Надо предотвратить столкновение, предупредить кровопролитие,—это прежде всего. Нам сообщают, что два добровольческих классовых отряда уже на-лицо, что они пылают ожесточением и рвутся в бой. Если предстоит быть гражданской войне, то во всяком случае пусть она будет не в форме бессмысленной случайной свалки невских фланеров с выборгскими рабочими. Надо немедленно остановить и по возможности повернуть обратно манифестацию с Выборгской стороны. А затем вплотную заняться «высокой политикой» и разрешить общий вопрос ситуации.

Чхеидзе был во дворце. Он был немедленно разыскан и через несколько минут, с двумя-тремя безымянными товарищами, уже скакал наперерез манифестации. Он перехватил ее где-то близ Марсова Поля. Пререкания, насколько помню, были довольно бурные, но все же Чхеидзе, кажется, удалось успокоить, остановить и рассеять манифестантов. Он ссылался на то, что Исп. Комитет немедленно обсудит положение и тогда, в случае нужды, призовет к организованным действиям,—тогда как разрозненные выступления свидетельствуют о нашей слабости и только вредят делу.

В это время мы в бюро продолжали наши суждения. Постановили сегодня же в шесть часов экстренно собрать пленум петербургского Совета—в Морском корпусе. Затем было предложено принять общие меры против манифестаций без призыва и разрешения Исп. Комитета.

Я решительно восстал против этого: право манифестаций есть одно из основных ныне завоеванных общегражданских, «субъективно публичных» прав; его нельзя ни отменять, ни ограничивать вообще, без особой, без чрезвычайной нужды к тому.

Если же дело идет о чрезвычайной нужде предупредить побоище, то ведь надо иметь в виду, что наших распоряжений послушается только одна сторона, только рабочие и солдаты, только демократия. А этим будет создано совершенно неприемлемое положение: манифестации буржуазии и невской публики будут широко разливаться по городу—в честь Милюкова и Вр. Правительства; советские же массы будут лишены возможности подать свой голос. Это полное извращение действительности, созданной нотою Милюкова. Для Совета такое положение невозможно.

Правда, самочинные гражданские стычки также нетерпимы. Но тогда, принимая меры против уличных выступлений, мы должны предварительно потребовать от правительства, чтобы оно сделало то же самое со своей стороны. Если оно распубликует во всеобщее сведение о недопустимости манифестаций, ему дружественных, то только тогда мы должны принять меры против демонстраций в пользу Совета.

На этом я настаивал категорически. Но члены «однородного бюро» не задумались отклонить это мое требование...

Однако пока что меры против манифестаций ограничились составлением прокламации с призывом к спокойствию—впредь до решения Совета. Прокламация эта была даже не подписана Исп. Комитетом и появилась на следующий день в «Известиях» просто в виде статьи.

По пока мы судили о том, что делать, пришли новые сенсационные вести. Двинулся Финляндский полк—со знаменами и с плакатами: «Долой захватную политику!», «В отставку Милюкова и Гучкова!». Полк направился к Мариинскому дворцу, окружил его и занял все входы и выходы. За финляндцами двинулись и другие полки—Московский, 180-й. Солдаты проявляли большое возбуждение, по их словам, они шли с намерением арестовать Милюкова и все Вр. Правительство.

С быстротой молнии к Мариинскому дворцу был командирован Скобелев. Теми же речами, что и Чхеидзе, ему удалось если не вполне успокоить солдат, то заставить их отказаться от намерения «надавить» на Вр. Правительство оружием и физической силой: Совет объявит, когда и что нужно будет сделать для защиты интересов демократии... Полки стали расходиться от Мариинского дворца, но продолжали манифестировать против Милюкова и захватной политики в пользу мира и Совета.

Кто вызвал полки из казарм—с такой внушительной целью?.. Конечно, все эти выступления происходили по инициативе левых партийных элементов. В частности, «осада» Мариинского дворца была приписана излишней энергии одного большевика, солдата Линде, бывшего члена Исп.

Комитета. Арест Вр. Правительства, конечно, выходил далеко за пределы партийных и групповых прав и полномочий; вместе с тем этот легко осуществимый акт совершенно не соответствовал ни видам Совета, ни потребности момента.

Но, с другой стороны, приглашая солдат и рабочих на мирные манифестации против предательского правительственного акта, партийные элементы нисколько не превышали своих прав и не нарушали лойяльности к Совету; а сами рабоче-крестьянские массы, так энергично откликнувшись на этот призыв, вполне лойяльно демонстрировали свою волю, проявляя лишь здравый политический смысл, классовое чутье и преданность революции...

Вернувшийся Скобелев остановил меня и заговорил внушительно и назидательно:

— Вы знаете, что мне сейчас сказал один солдат у Мариинского дворца, когда я расспрашивал, кто и зачем вызвал их часть из казарм?

— Что же он сказал вам?

— Он сказал: мы прочли утром в казармах передовую статью в «Новой Жизни» с добавлением насчет милюковской ноты. Мы поняли это так, что надо выступать и свергать Вр. Правительство. Потому, говорит, и пришли сюда...

В этот день обыватели советской правой, встречаясь со мной, не раз качали головой, конфузясь за меня, как добрые воспитатели за школьника, который напроказил и не хочет публично раскаяться.

Между тем, главнокомандующий петербургским округом славный генерал Корнилов, услышав о неприятном положении совета министров, «конно, людно и оружно» выступил «на защиту Вр. Правительства». Он собрал какие-то кавалерийские части и выкатил пушки к Мариинскому дворцу.

Было бы странно и несправедливо требовать от него перед лицом истории иного образа действий. Он сделал то, что требовало от него его положение... Но интереснее другое, что это были за части, с какими намерениями и с какими настроениями они шли на Исаакиевскую площадь?

Что в случае столкновения они не имели бы никакого успеха—это совершенно ясно и бесспорно. Если бы взрыв гражданской войны действительно разразился, то это была бы, несомненно, лишь ничтожная стычка, в которой народ и народная армия одержали бы легкую и блистательную победу. Но *возможна ли была тогда эта*, хотя бы ничтожная вспышка реальной гражданской войны? Были ли в распоряжении Корнилова части, которые действительно могли выступить против народа? Могли ли вообще тогда стрелять эти пушки Корнилова?.. Это было бы интересно, но едва ли возможно выяснить. Я лично незыблемо убежден, что никакое «сражение» между «повстанческими» и корниловскими войсками было вообще невозможно: народ не делил ни с кем своей силы.

Во всяком случае никакого столкновения тут не было. Враг рассеялся еще до прихода «правительственных войск» (sic!). А лишь только в Исп. Комитете узнали в выступлении Корнилова, как в ту же минуту ему было

сделано самое «внушительное представление». И Корнилов немедленно повернул свои пушки в обратный путь.

Однако, разумеется, всем этим не кончилось уличное движение, и всем этим не были рассеяны призраки гражданской войны. Весь город был наэлектризован. И собственно еще было не видно решительно никаких факторов, способных разредить атмосферу... Полки понемногу возвращались в казармы. Но на улицах не уменьшалось возбуждение. Повсюду собирались толпы и шли митинги. На Невском и в прилегающих местах «сознательные» представители буржуазии и несознательные мещане держали горячие речи к «приличной публике», стараясь поднять настроение в пользу Милюкова, против «Ленина и его товарищей». А на окраинах, на заводах, в рабочих кварталах—народ требовал ликвидации предательского министерства и выражал полную готовность осуществить это требование своими руками.

Снова весь Петербург был на улицах. Снова он демонстрировал свою волю к миру и снова свидетельствовал о необъятной силе революции... Задолго до шести часов к Морскому корпусу на Васильевский остров стали стекаться советские депутаты.

Собрался пленум Исп. Комитета. Лидеры большинства нашли «выход» из этого болота, в какое попали вчера. Они решили ничего не решать по существу дела, но вместе с тем выставить для этого уважительный повод перед лицом Совета и народа: *раньше, чем что-либо решать, надо объясниться с правительством*...

Конечно, это был хороший повод, убедительный для большинства. Но вместе с тем это был отличный шахматный ход, отличный исходный пункт для конечного торжества советской «линии», ведущей революцию с недосягаемых высот победы к бесславной гибели демократии.

Ведь, в сущности, разговаривать с правительством было не о чем. Никакие объяснения не могли ничего прибавить к существу дела. Самая блестящая, безупречная, гениальная мотивировка правительственного выступления 18 апреля, хотя бы она тысячу раз оправдывала и превозносила Милюкова,—все же никак не могла ни изменить объективного положения дел, ни отменить насущных требований революции, ни удовлетворить демократию. Здесь столкнулись классовые интересы,—противоречие которых непримиримо вообще и неустранимо путем словопрений, в частности. Интересы капитала и империализма столкнулись здесь с интересами народа и всеобщего мира. «*Мотивировать*» друг перед другом свои позиции значило бесплодно терять время. Здесь надо было не «объясняться»: здесь более сильная сторона должна была *диктовать* более слабой пределы необходимых уступок. Это значило бы действовать единственно разумным способом и это значило бы действовать так, как необходимо действовать в *революции*.

Но для того, чтобы диктовать, предписывать, ставить ультиматум—надо тщательно обсудить и взвесить: *что именно диктовать* и чем подкрепить ультиматум. Обсудить и взвесить это и должен был Исп. Комитет. Этим ему и надо было заняться в заседании 20 апреля...

Вместо того, по предложению лидеров большинства, Исп. Комитет легко и быстро постановил: никакого решения, как и вчера, не принимать, а вместо того сегодня же поздним вечером, после Совета, устроить совместное заседание с кабинетом министров для взаимных объяснений; в заседании должен участвовать весь пленум Исп. Комитета, при чем слово должны получить 10 его членов по выбору отдельных фракций и течений. Кроме того, было решено: предложить петербургскому Совету также не принимать никакого решения, отложив его впредь до объяснений с правительством...

Да, я повторяю: это был не только убедительный повод, но и отличный шахматный ход, исходный пункт для торжества советской «линии». Говорить с правительством было не о чем. Но самый факт замены дела пустыми разговорами был превосходным выходом из положения для мелко-буржуазно-оппортунистского советского большинства. Выслушать мотивировку вместо того, чтобы предъявить ультиматум, предъявить запрос вместо того, чтобы продиктовать народную волю, вступить в переговоры о примирении интересов, вместо того, чтобы подчинить интересы буржуазной группки интересам революции,—таков быль путь, предуказанный «группой президиума» и предрешенный мещанским большинством Исп. Комитета.

Ведь этот путь уже испытанный—затянуть, замазать и изжить конфликт путем махинаций и комбинаций; свести дело о предательстве революции к ошибкам в выражениях, к толкованию слов; попытаться выдать дипломатические объяснения за реальные уступки; попытаться ликвидировать кризис, признав объяснения удовлетворительными;—такова была «линия» большинства. Это был отличный метод, испытанный не только у нас, но и во всех революциях всеми либеральными и мещанскими группами. Другого пути у советского большинства во всяком случае не было.

Правительство, разумеется, обнаружило полную готовность «объясниться. Часов на 9 было назначено совместное заседание всего Исп. Комитета с советом министров и с членами думского комитета (это учреждение все еще существовало—в качестве организационного внепартийного центра для всех цензовиков). Фракции и течения должны были сговориться и избрать 10 ораторов, долженствующих выразить «*мнение*» своих групп перед лицом правительства.

Снова, как при создании «однородного бюро», вся оппозиция in corpore удалилась в свою низенькую комнату наверх и устроила совместное заседание. Если Исп. Комитет отказался сказать правительству настоящее слово и предварительно формулировать его, то это предстояло сделать оппозиции. Хорошо уж и то, что ей просто не зажали рот и допустили ее в хорошее общество.

Заседание левых было дружно, энергично и непродолжительно. «Платформа» оппозиции и содержание ее речей к правительству были установлены с двух слов. Смысл формулы Л. Б. Каменева был тот, что классовое буржуазное правительство проводит свою классовую, противонародную политику,—а политику народную, пролетарскую власть может проводить только тогда, когда она будет в руках другого класса.

Я лично пошел в этом заседании по противоположному пути. Я оставил в стороне общие перспективы и предлагал высказать правительству конкретное требование момента: воля народа и насущнейшая потребность всей страны заключаются в решительной политике мира; правительство ведет политику захвата и затягивания войны; народ не может доверять такому правительству, не может поддерживать и не станет терпеть его.

Таковы должны быть заявления советской левой, выражающей мнение самых широких пролетарских и солдатских масс... Если бы это заявил Исп. Комитет, как таковой, то это означало бы ликвидацию правительства Милюкова. В устах же оппозиционных групп это означало не больше как облегчение их души и «бестактное» сотрясение воздуха. Впрочем, эти заявления не могли быть безразличны для самих—чутко настроенных—масс.

На долю оппозиции приходилось четыре оратора из десяти, после краткого, но довольно горячего обмена мнений—их избрали и сообщили Чхеидзе их имена. Это были: Каменев, Зурабов, Красиков и я. Из ораторов же большинства я одного забыл, а помню Чхеидзе, Церетели, Чернова, Скобелева и Рамишвили.

Вероятно, не раньше пятого часа я вырвался из Таврического дворца и бросился на Невский. Огромное возбуждение было видно на всех перекрестках. Бурные митинги—за и против Милюкова происходили в трамваях. Но Невскому шла большая манифестация с новенькими, ad hoc изготовленными плакатами: «Полное доверие Вр. Правительству!» «Да здравствует Милюков!» и т. п. Но—странное дело!—знамена и плакаты были *красные*. Толпы стояли и на тротуарах и на мостовой. На углу Фонтанки, с какого-то возвышения, приличный солидный господин говорил речь о том, что Милюкова знает вся Россия и что он служит народу вот уже десятки лет...

Вечером я был в Совете. Чхеидзе, открывая заседание, напомнил, что в прошлый раз в Совете стоял вопрос о «займе свободы», и его решение было поставлено в зависимость от новой декларации правительства по внешней политике. Ныне эта декларация опубликована и обсуждалась в Исп. Комитете.

Там высказывалось два мнения,—говорил Чхеидзе[1]),— одно находило, что этот документ не только затемняет, но совершенно аннулирует значение акта 27 марта. Другие говорили, что в ноте Милюкова есть положительная сторона, заключающаяся в том, что наши союзники поставлены теперь перед тем фактом, что русский народ отказался от всяких захватных целей в этой войне. Все члены Исп. Комитета сходились в том, что редакция ноты составлена в таких расплывчатых и туманных выражениях, которые могут дать повод думать, что все осталось по-старому...

Золотые слова! Я уже выражал сожаление, что, не попав в Исп. Комитет на обсуждение милюковской ноты, я не могу сообщить подробно-

[1]) Цит. по отчету «Рус. Ведомостей» от 21 апр. 1917 г. № 88.

стей. Со слов «Рабочей Газеты» я отметил, что «различные течения» были солидарны в своем отрицательном отношении к этому акту правительства. Но для меня было несомненно, что отчет не полон и не точен. Теперь Чхеидзе официально дополняет и вносит корректив: были в Исп. Комитете и такие, которые видели в ноте положительные стороны, и только опасались, как бы другие не подумали, что их там нет...

Дабы окончательно устранить сомнения в том, что все действительно осталось по-старому, как было при царе, и что даже лицемерный акт 27 марта ныне аннулирован,—Чхеидзе так продолжал свою речь:

— Правительство, должно сделать дальнейший (? первый?) шаг и заявить совершенно определенно, что оно, как и весь народ, отказывается от политики аннексий и контрибуций.

А затем президент Совета излагает последнюю стадию дела и заключает речь так:

— Правительство, осведомившись о настроении в массах, созданном его дипломатической нотой, считает свое положение очень серьезным и предлагает Исп. Комитету явиться на заседание Вр. Правительства для совещания. Исп. Комитет, в полной мере сознавая ответственность, решил принять это предложение Вр. Правительства и отправиться сегодня вечером в Мариинский дворец, а Совету предлагает выждать результатов этого совместного заседания. Исп. Комитет предлагает членам Совета явиться завтра в 6 часов чевера на второе экстренное заседание, на котором будет вынесено окончательное решение о создавшемся положении. Председатель Совета констатирует, что не Исп. Комитет, а *правительство* предложило совместное заседание. Я имею на этот счет иные представления и уже истолковал созыв этого заседания, как очень ловкий политический ход нашей «группы президиума». Но, может быть, я забыл истину или не знал ее. Я преклонюсь перед официальным свидетельством Чхеидзе: стало быть, не советские оппортунисты догадались таким путем ликвидировать конфликт и утопить дело в словах, а это само правительство, находясь в «серьезном положении», искало защиты от народа у советских «соглашательских» вождей и толкнуло беспомощное советское большинство на его собственную «линию». Пусть так...

Чхеидзе не поставил своего предложения прямо на голоса. Сначала произошли любопытные прения, в которых участвовали выборные представители фракций. Этих прений мы не минуем. Но, в конце концов, предложение Исп. Комитета, конечно, было принято. Да и что иное мог сделать Совет в этот критический и знаменательный час?.. В нем не было элементов и сил для собственной «линии» и инициативы. Ни одна партия и ее фракция не имела власти над Советом и не могла, в лице своих лидеров, возглавить его. Совет был послушен одному Исп. Комитету и послушен ему в полной мере. Пойти вразрез с ним он не смог бы, если бы даже захотел.

Но тем-то и любопытно заседание 20 апреля, что оно наглядно обнаружило именно этот факт: Совет не смог, не сумел ослушаться Исп. Комитета; но в апрельские дни он далеко не прочь был пойти по своему осо-

бому пути. Прения 20 апреля показали, что не только народные массы вообще, но и советская, депутатская, в огромном большинстве солдатская масса ушла вперед по сравнению со своими вождями-политиками и политиканами Таврического дворца. У Петербургского Совета не было и не могло быть лидеров, кроме оппортунистского Исп. Комитета; но картина его заседания 20 апреля все же, вместе со всем рабочим и солдатским Петербургом, демонстрировала силу и глубину революции.

Выступали большевики—не помню, кто; они доказывали, что нечего бояться гражданской войны, что она уже наступила, и что только в результате ее народ достигнет своего освобождения... Это были новые и тогда очень страшные слова. Их договаривали до конца. Они попадали в центр настроения и находили на этот раз такой отклик, какого ни раньше, ни долго после не встречали в Совете большевики.

Я помню самый факт, но не помню *содержания* речи Чернова, лидера «самой большой партии», встреченного овацией. В газетных отчетах я, однако, читаю, что, призывая к спокойствию, которое «не может быть истолковано, как признак слабости, а напротив—явится результатом уверенности в своих силах»,—Чернов закончил речь так: «нужно выслушать Вр. Правительство, которое должно будет удовлетворить наши требования или вернуть власть тому источнику, из которого оно ее получило—Исп. Комитету Гос. Думы и Совету Раб. Депутатов»... Этот каучуковый намек на ультиматум и на отставку кабинета был встречен бурей восторга.

Но зато я хорошо помню содержание речи трудовика Станкевича, Хорошо помню и большой эффект ее. Еще бы! Так как оратор был трудовик—из элементов, любящих народ, но высоко лояльных «демократическому» правительству,—то, несомненно, он сам не отдавал себе отчета в том, какие он говорит замечательные вещи, попадая не в бровь, а прямо в глаз. Впрочем, интеллигент и салонный демократ Станкевич, чуждый рабочему движению, не желающий знать Интернационала,—или лучше понимал обстановку или (политически) честнее действовал, чем иные заслуженные социал-демократы. Он говорил:

— Политическое положение со вчерашнего дня сильно осложнилось. Совет считал нужным поддерживать Вр. Правительство, пока оно честно исполняет волю народа. Но нота Милюкова нанесла этому единению сильный и серьезный удар. Правительство почувствовало это, когда сегодня некоторые полки вышли на улицу с демонстрацией против правительства. Повидимому, правительство ошиблось в расчетах... Но что же теперь делать?—спрашивает Станкевич.—Некоторые решают просто: нужно, говорят они, свергнуть Вр. Правительство и арестовать его...

Оратор не учел настроения своей аудитории и был несколько обескуражен, когда такой способ действий пришелся вполне по душе—если не большинству, то доброй половине Совета. Раздались бурные аплодисменты и заставили оратора подробно высказаться против свержений, арестов и всяких уличных выступлений. Эти выступления могут вызвать бессмысленное кровопролитие, хаос и дезорганизацию; но они непригодны

и не нужны для решения политического вопроса, для ликвидации возникшего кризиса.

— Зачем, товарищи, нам «выступать»?—спрашивал Станкевич.—В кого стрелять? Против кого применять силу? Ведь вся сила—это вы и те массы, которые стоят за вами. Ведь у вас нет достойного противника: против вас ни у кого нет силы. Как вы решите—все так и будет. Надо не «выступать», а решить, что делать... Вон, смотрите, сейчас без пяти минут семь (Станкевич протягивает руку к стенным часам, весь зал оборачивается туда же), постановите, чтобы Вр. Правительства не было, чтобы оно ушло в отставку. Мы позвоним об этом по телефону, и через пять минут оно сложит полномочия. К семи часам его не будет. Зачем тут насилия, выступления, гражданская война!..

В зале сенсация, бурные рукоплескания, восторженные возгласы. Но дело тут было не в ораторском эффекте. Слова Станкевича заключали в себе гораздо больше: в них заключалась святая правда.

В них была точная характеристика положения. Совет, точнее, Исп. Комитет должен был принять решение. И каково бы оно ни было, оно без труда было бы проведено в жизнь. Совет в лице Исп. Комитета обладал всей реальной силой, всей полнотой власти, и мог вести революцию, куда бы ни пожелал.

Сейчас, в момент кризиса, он простым вотумом мог создать любую власть и закрепить ее своим авторитетом. Весь вопрос момента, весь ход событий зависели только от того, какое решение примет Исп. Комитет.

Разумеется, это было в высшей степени «ненормально». Через день или два эту «ненормальность» недурно выразил какой-то публицист в какой-то буржуазной газеты. Как?—писал он,—рабочая и солдатская организация своим решением может устранить правительство в 5 минут? В 5 минут «рассчитать» всенародно утвержденное правительство? Да зачем же нам такое правительство, какое солдаты и рабочие могут рассчитать в 5 минут? Ведь никто не имеет права сделать это даже с собственной прислугой: и ей необходимо дать две недели сроку. Нет, такое правительство решительно ни к чему. И такое общее положение, по меньшей мере, странно...

Бог весть, какие выводы делали из всего этого фельетонисты «большой прессы». Вернее всего то, что Станкевич сморозил вздор. Положение, действительно, было странно и «ненормально». Но Станкевич сказал правду.

Заседание Совета стало принимать бурный, хаотический и совершенно бесплодный характер. Ничего, кроме как согласиться на предложение Исп. Комитета, на предложение большинства своих лидеров—Совет сделать не мог, не сумел, не имел сил. Уже пора было членам Исп. Комитета собираться на «совместное заседание». Совет был распущен—до завтра, до 6 часов.

В невеселом настроении я брел один с Вас. Острова к Мариинскому дворцу... Уже сильно темнело. Оживление на улицах как будто стихло, но—говорят,—продолжалось в рабочих центрах города. Я почти твердо ре-

шил не выступать на «совместном заседании». Бесполезность этого была очевидна, а неприятность довольно велика.

У Мариинского дворца я увидел довольно большую толпу. Сначала я принял ее за враждебную правительству манифестацию. Но оказалось, что это публика с Невского и сторонники Милюкова. Были видны плакаты: «Верим Вр. Правительству!»—а также «Ленина и его друзей—обратно в Германию!»... Не думаю, чтобы эта «интеллигенция» явилась сюда, чтобы поддержать ноту Милюкова и вообще солидаризироваться с его политикой. Едва ли манифестанты сознательно ориентировались в этом. Скорее, это была демонстрация «общего духа» солидарности с Мариинским дворцом и «общего духа» протеста против Таврического.

Подъезд Мариинского дворца, стоящий высоко над площадью, был битком набит людьми разного пола и возраста. Кто-то говорил с него речь,—не то Родзянко, не то какой-то министр. Я едва пробрался внутрь, при чем каждый, кого я просил посторониться, осаживал меня словами, что заседание будет закрытое. Очевидно, о нем было широко известно, и туда ломилась публика.

Во дворце собралось около сотни советских людей—членов Исп. Комитета и ближайших, «квалифицированных» его сотрудников. Для заседания был приготовлен зал бывшего Гос. Совета—не столь стильный, сколь уютный, мягкий, располагающий. Было яркое освещение, оживление, какие-то хлопоты. Очень бодро выглядели министры—Некрасов, Терещенко, Милюков. Можно сказать даже: они смотрели чуть ли не победителями. Их дух, несомненно, очень поднимали манифестации: «народ»—*за них!*

Еще бы! По всему городу, по всем заводам и казармам советские люди оповестили, что «выступления» нежелательны, что дело рабочих и солдат ждать решений свыше. Между тем кадеты официально, от имени своей партии, звали на манифестации на Невский. Эта нелепость была допущена утренним решением бюро... К тому же г.г. министры ведь не ездили по окраинам и не наблюдали настроения рабочих масс.

Суетились и бегали по залам репортеры. У них был «большой день». Уже давно носились они с этим «совместным заседанием» и раньше, чем оно состоялось, объявили его «знаменитым» и «историческим»... При взгляде на все это вместе взятое, настроение отнюдь не поднималось. Дело стояло на наклонной плоскости.

Часов около 10 премьер Львов открыл заседание. Советские люди широко раскинулись по зале—в уютнейших креслах, сильно располагающих ко сну. Министры и члены думского комитета расположились напротив — на министерских местах, в ложах журналистов и стенографисток...

В это время была передана мольба газетных сотрудников допустить их в залу заседания. Они, в кулуарах, были вне себя от волнения и требовали своего естественного права. Но, кажется, я не ошибусь, если поведаю миру, что вопрос о журналистах и о гласности заседания разрешился так. Львов, посоветовшись с товарищами, объявил, что правительство ничего не имеет против присутствия журналистов и ставит вопрос о гласности

на усмотрение Исп. Комитета; и тут «группа президиума» в лице Церетели высказалась в том смысле, что лучше обойтись без журналистов и сообщить им потом о ходе заседания в меру политической целесообразности.

Не могу сказать, что вышло из всего этого в конечном счете. Помню только, что газетчики шумели и протестовали. Об «историческом» заседании отчеты, очень жалкие, все же появились. Может быть, журналистов информировали участники, а, может быть, некоторые репортеры как-нибудь проникли в залу... Кажется, я не клевещу на «группу президиума», и великий конфуз перед лицом «либералов» мы испытали именно в этот раз.

Уже при первых шагах обнаружилось, что под видом «исторического» заседания в зале Гос. Совета инсценирована нелепая и недостойная комедия. Министр-президент объявил, что г.г. министры, в пределах своих ведомств, изложат Исп. Комитету «положение дел в государстве». Почему? Зачем? Какое отношение это имеет к непосредственной практической цели заседания—к вопросу о конфликте из-за ноты 18 апреля?

Ну, хорошо,—пусть изложат. Какие же именно министры будут так любезны?.. Львов назвал имена Гучкова, Шингарева, Некрасова, Терещенки, но пропустил Милюкова. Это уже отзывалось прямой насмешкой—если не над здравым смыслом буржуазии, хорошо ведущей свою «линию», то насмешкой над Исп. Комитетом... А нота, а внешняя политика, а Милюков?

А Милюков, откровенно третирующий «частное учреждение», занялся в это время более существенным делом. Лишь только начались речи, по залу прошел слух, что ко дворцу подошла новая огромная манифестация и желает чествовать министра иностранных дел. Туда и сюда бегает радостно-возбужденный Некрасов и, в качестве предвестника Милюкова, перед речью в зале, успевает с балкона дворца объясниться с «народом».

Газеты в таком виде передали сказанные им несколько фраз. Обещав вызвать требуемого Милюкова, Некрасов сказал:

— Граждане, кучки людей не смогут смутить Вр. Правительство. Есть люди, которые пытаются представить эти кучки в виде большого организованного движения, но кучки так кучками и останутся, и ваше присутствие здесь доказывает, что враждебное движение не серьезно и не имеет под собой почвы!..

Прелестно! Министру прокричали «ура». А затем, с торжественным лицом проследовав через залу, к «народу» вышел и сам Милюков. Вместо пустых разговоров с «частным учреждением» он с большим успехом занялся массовой агитацией и произнес программную речь.

— Граждене,—говорил он,—когда я узнал про демонстрацию с лозунгом «долой Милюкова!»—я испугался за Россию. Если бы этот лозунг выражал настроение большинства граждан, то что скажут наши союзники, что сообщили бы союзным державам мои товарищи—послы иностранных держав в Петрограде? Они сегодня послали бы телеграфные извещения своим правительствам, что Россия изменила союзникам, что она вы-

черкнула себя из списка великих держав, воюющих за свободу и за уничтожение милитаризма. Вр. Правительство не может стать на такую точку зрения... Как и я, оно будет защищать то положение, при котором никто не посмеет упрекнуть Россию в измене. Россия никогда не согласится на сепаратный мир, на мир позорный... И мы ждем вышего доверия, которое явится тем попутным ветром, который двинет в путь наш корабль. Я надеюсь, что вы нам этот ветер устроите.

Хорошая речь! Этот министр, как и предыдущий, оказался на высоте положения. Первый находчиво и остроумно объявил, что ему нипочем кучки людей, не имеющих под собой почвы; второй глубокомысленно и скромно пояснил, что эти кучки хотят ничего иного как сепаратного и позорного мира: ибо лозунг «долой Милюкова!» разумеется может означать только позор для России и изъятие ее из списка цивилизованных стран. Хорошая речь! И практическое заключение ее тоже хорошее: просьба к чистой публике *посеять ветер*...

Долго растекались по толпе волны патриотического восторга, находя себе выражение в возгласах: «Долой Ленина!», «Арестуйте Ленина!»... Это было не только патриотично, но и очень логично. Жаль только, что это было утопично. Ни малейших средств осуществить этот благой совет не было в руках Милюкова и его сподвижников. Но подождите немного, обыватели Невского и патриоты биржи: ваш попутный ветер разведет хорошую бурю и скоро даст Ленину полную возможность арестовать сподвижников Милюкова.

В зале же «совместного заседания» в это время все шло своим порядком. Шингарев говорил о положении продовольствия и выражал надежду, что крайним напряжением сил удастся предотвратить катастрофу. Терещенко рассказывал о том, что у него в министерстве уже разрабатывается проект расширения системы прямых налогов, а вместе с тем призывал к поддержке «займа свободы», уверяя, что в противном случае мы окажемся в критическом положении. Некрасов сообщал о мерах к улучшению транспорта и остановился на необходимости «усиления подвижного состава, для чего имеется в виду взять классные вагоны со второстепенных линий на основные, а на второстепенных линиях приспособить товарные вагоны для пассажирского сообщения»... Гучков повторил известную нам речь о печальном положении армии, которая «*разлагается*» под влиянием «нынешних настроений» и «разговоров о мире». Все шло своим порядком.

Было бы, однако, несправедливо умолчать, что некоторые правительственные ораторы все же упоминали и о «н о т е», и о внешней политике. Так, Гучков заявил, что в настоящем критическом положении не может быть и речи о завоеваниях, ни у кого в правительстве нет и мысли об аннексиях и контрибуциях. Терещенко уверял, что нота 18 апреля только перефразирует и развивает декларацию 27 марта; «аннексии и контрибуции» там и здесь одинаковы; и почему одна нота была встречена с полным сочувствием, а вторая вызвала весь этот шум? А Шульгин, как дважды два, доказывал, что отказ от аннексий и контрибуций—это чистейший гер-

манский лозунг, о котором ни у кого из присутствующих, если они русские люди, и речи и мысли быть не должно. Так обменивались мнениями правители России. Все шло своим порядком.

После министерских докладов, однако, выступил «к порядку» Чхеидзе с деликатной просьбой помилосердствовать: ведь мы собрались, чтобы разрешить конфликт, создавшийся на почве внешней политики правительства; Совет находит неприемлемой ноту от 18 апреля; так нельзя ли выслушать специальные разъяснения министра иностранных дел?..

К этому прибавил Рамишвили, что Милюков, действуя приемами старой царистской дипломатии через старый дипломатический штат, вводит в заблуждение не только Россию, но и союзников; а потому для полной ясности пусть он отправит новую дополнительную ноту, устраняющую всякие недоразумения.

Волей-неволей Милюков вошел на трибуну. Но, разумеется, он не дал и не мог дать ровно ничего любопытного. Цели войны были изложены в декларации 27 марта. Она вызвала всеобщее удовлетворение. «Ныне же необходимо иметь в виду, что при обсуждении всех вопросов, вызывающих острый отклик, надо соблюдать величайшую осторожность». «Нота не должна вызвать тех нареканий, которые основаны на превратном толковании отдельных фраз и искании того смысла, которого в ней в действительности нет». Главное же—надо иметь в виду тяжелое впечатление, которое происшедшие эпизоды произведут на союзников. Послать им еще ноту? Совершенно невозможно. Это встретит решительный отпор. И, желая окончательно напугать союзниками свою невзыскательную аудиторию, Милюков в заключение огласил какую то пустяковую секретную телеграмму, в которой какой-то союзный дипломат выражал свое дипломатическое недовольство русской революцией... Большевик-Милюков, как видим, не стеснялся «частного учреждения» и без обиняков вел свою «линию», наступая на робкого врага.

Тогда Чхеидзе говорил снова и сказал, что после всего этого не остается ничего, как пойти навстречу правительству. Пусть оно разъяснит *русским гражданам* содержание ноты 18 апреля... И к этому Чхеидзе присовокупил, что Исп. Комитет считает совершенно недопустимым *уход* Вр. Правительства в настоящее время. Это была не особенно законная декларация, так как Исп. Комитет не решал вопроса по существу; но тем не менее она произвела самое благоприятное впечатление... Затем Чхеидзе заявил, что теперь выступят члены Исп. Комитета: они принадлежат к различным течениям, и правительство может информироваться, что думает в отдельности каждое из них.

Тогда приступили ко второй половине знаменитого и исторического, но совершенно невинного занятия. Церетели, указав на то, что делается на улицах, предлагал: «необходимо дать дополнительное разъяснение, в котором все острые вопросы, вызывающие спорные и различные толкования, должны быть облечены в определенную, не допускающую никаких сомнений, форму... Только это может смягчить отношения, ибо тогда народ поймет, что Вр. Правительство в своих намерениях и воззрениях на войну

идет солидарно с народом, а не придерживается старых шовинистических тенденций»

Чернов, далее, в огромной речи, доказывал, что Россия должна сметь свое суждение иметь и говорить таким же властным языком, как Америка. Если мы твердо решили отказаться от аннексий, то твердо и скажем это. А в пространном заключении Чернов страшно тонко и дипломатично повторил то, что он репетировал перед Исп. Комитетом еще в Таврическом дворце. Он сказал, что Милюков очень почтенный человек и отличный деятель, и что он несомненно будет очень популярен на посту министра народного просвещения и на разных других очень важных постах, но на посту министра иностранных дел Милюков никогда, вероятно, не будет популярен.

Начались и речи левых ораторов. Я в полном томлении духа сидел в своем кресле с Лариным по один бок, с Громаном—по другой. Я не записывался к слову, решительно не желая участвовать во всей этой комедии. Однако левая серьезно поставила мне на вид мое дезертирство и потребовала выполнения обязательств. Совершенно удрученный, не зная, что сказать, я пошел к председателю Львову; но он сказал, что я уже записан...

Втородумец Зурабов вызвал сенсацию своим возмутительным заявлением, что если союзники не захотят отказаться вместе с нами от империалистской политики, то это, казалось бы, не должно означать, что мы без конца будем вести войну ради союзных завоеваний.

Затем Каменев изложил к сведению Милюкова и Шульгина свою формулу, что буржуазное правительство непременно будет вести империалистскую политику, а для надлежащей политики необходимо, чтобы власть была в руках соответствующего класса. Послышались злобные возгласы: «так берите власть!». На это Каменев дал понять, что этого он сейчас совсем не хочет.

Мне пришлось говорить последним, уже при солнечном свете и значительном разложении исторического заседания. Я припомнил последовательно все министерские доклады о критическом положении государства, армии, продовольствия, транспорта, финансов. Я сказал, что при всех этих условиях, описанных самими министрами, нелепо мечтать о войне «до полной победы», до разгрома Германии, до осуществления всех империалистских целей союзников, изложенных в известном ответе Вильсону в декабре 1915 года. При всех данных условиях преступно и не патриотично вести империалистскую политику. И наоборот, для коренного изменения, для улучшения, для исправления всех областей нашей государственной жизни имеется одно, единственное средство—*надо вести политику мира, надо кончать войну.*

Если не взять решительный курс на окончание войны, то революционная Россия погибнет от продовольственной, транспортной и финансовой разрухи. Если не вести решительной политики мира, то невозможно достигнуть целей действительной обороны страны. Именно об этом говорит и состояние армии, и состояние народного хозяйства... Вр. Прави-

тельство около двух месяцев находится во главе страны. В течение их оно доказало, что оно не способно вести внешнюю политику, необходимую и для демократии, и для всей России. Сейчас народ сказал ясно: он не хочет больше терпеть политики Милюкова. Он больше не доверяет и не будет доверять правительству, ведущему такую политику... Я добавил, что к сожалению в Исп. Комитете имеются и иные мнения; но, несомненно, я выражаю мнение огромной части народных масс.

Моей очередной бестакностью был закончен обмен мнений. Предполагалось, что ночь была проведена достаточно продуктивно, и никакого практического решения никто не думал принимать.

Однако, незадолго до конца заседания, предварительно пошептавшись, удалились за кулисы Терещенко и Церетели: они пошли составлять резолюцию, долженствующую ликвидировать конфликт. Они составили и принесли эту резолюцию. Но ее не огласили. Практическое решение был отложено: одних кулис (от народа) оказалось недостаточно. В пленуме Исп. Комитета и Совета министров дела решать не стоило. Здесь обменялись мнениями, и дело перешло за вторые кулисы, недоступные наблюдению бестактных элементов советской оппозиции.

Ни «большая пресса», ни советские «Известия» не поместили оппозиционных речей на «историческом» заседании. К чему портить настроение, омрачать радость близкой победы над народом—бестактностями каких-то интернационалистов с их немецкими лозунгами?..

Нота 18 апреля всколыхнула не одну столицу. Точь-в-точь то же самое разыгралось и в Москве. Рабочие бросали станки, солдаты—казармы. Улицы и площади кипели страстями и бурными манифестациями. Те же митинги, те же лозунги—за и против Милюкова. Те же два лагеря и та же спаянность демократии... Московские советские люди, так же как и в Петербурге, призывали к спокойствию и выдержке, предостерегали против разрозненных и сепаратных выступлений и требовали от рабочих и солдат, чтобы те ждали распоряжений Совета. За этими распоряжениями председатель Московского совета, Хинчук, по вызову Исп. Комитета экстренно выехал в Петербург.

Вести о возбуждении и тревоге были получены из окрестностей столицы и из других городов. Как в дни мартовского переворота, воинские части собирались выступить в Петербург—для «поддержки Совета и революции». Исп. Комитет за подписью Чхеидзе разослал телефонограммы в Кронштадт, Царское Село, Ораниенбаум, Красное Село, Гатчину, Петергоф, Стрельну, Лигово, Павловск и т. д. с требованием не отправлять в столицу войск без письменного приглашения Совета, а вместо того прислать представителей местных исп. комитетов «в целях взаимного осведомления относительно текущего момента».

Кроме того, во все местные Советы раб. и солд. депутатов, а также в армейские и флотские комитеты, за подписью Чхеидзе была послана радиотелеграмма, гласящая: «Исп. Комитет Пет. Сов. Раб. и С. Д. извещает, что опубликованная 20 апр. нота министра ин. дел. Милюкова от 18 апр. к союзным державам встретила отрицательное отношение со стороны Исп.

Комитета, который надеется, что в этом отношении он выражает и ваше мнение. По поводу этой ноты между Исп. Комитетом и Вр. Правительством начались переговоры, пока еще не законченные. Признавая вред всяких разрозненных и неорганизованных выступлений Исп. Комитет просит вас воздержаться от самостоятельных выступлений и спокойно ждать указаний от Пет. Совета Р. и С. Д.».

В редакции газет стекались десятки заводских и полковых резолюций по поводу «ноты»—с решительными требованиями немедленной отставки Милюкова или Вр. Правительства. Напечатана могла быть ничтожная часть этих резолюций; но не в этом была суть; резолюции во всяком случае свидетельствовали о том, что лозунги движения за истекшие сутки достаточно определились и кристаллизовались, что они пропитали собой сверху донизу всю толщу петербургских демократических масс.

Но не только определились лозунги и настроения: определилась и огромная напряженность народной воли и энергии. Несмотря на агитацию советских людей, направленную против уличного движения, несмотря на призывы к спокойствию и пассивности,—возбуждение нисколько не уменьшалось. О переговорах с правительством и о постановлениях Совета было всем известно. Но это не заставило рабочих и солдат отказаться от непосредственного и активного участия в ходе событий.

С утра 21-го апреля улицы Петербурга имели тот же вид, что и накануне. Мало того: движение все разрасталось и уже было готово выйти из берегов. Об эксцессах пока еще не было слышно, но уже каждую минуту там и сям можно было ожидать основательных свалок. Если не гражданская война, то *гражданское побоище* как будто приближалось и становилось неизбежным.

Виной тому были, конечно, кадетские «большевики», совершенно зарвавшиеся после «совместного заседания», глядя на нищету философии, на дряблость и долготерпение ручных советских заправил. Агитаторы буржуазии стянули на Невский большие кадры манифестантов в пользу Милюкова. Было мобилизовано и вызвано на улицу все, что можно. Митинговые речи перед чистой публикой стали откровеннее. Вчерашние лозунги на плакатах и знаменах имели уже десятки вариантов, заостряясь на обе стороны и в *пользу* Гучкова—Милюкова, войны, союзников, и *против* «анархии», Ленина, германского милитаризма...

Всю эту картину никак не могли равнодушно наблюдать рабочие и солдаты, несмотря на все красноречие друзей Чайковского и Церетели. Агитация советских людей против выступлений, как и следовало ожидать, при таких условиях была бессильна. Солдаты и рабочие густыми массами вышли также на улицу, и часть направилась на Невский.

Атмосфера сгущалась, побоище надвигалось... И вот раздались первые выстрелы. Где-то около Невского, выстрелами из манифистирующих толп несколько человек было убито и ранено... Конечно, буржуазия и ее пресса завопили, до всякого суда и следствия, что это ленинцы стреляли в безоружных граждан. Но гораздо вернее, что здесь, в бессильной злобе,

действовала рука черносотенной провокации из бывших царских полицейских сфер.

Как бы то ни было, побоище началось. Терпеть такое положение дальше было нельзя ни минуты. Оно было абсурдно со всех точек зрения. Уличные выступления было необходимо ликвидировать немедленно, одним ударом, решительным натиском. *И это было сделано.*

Кто же это сделал и каким способом? «Революционная власть»? «Самодержавное» «Национальное» Вр. Правительство, ответственное перед своей совестью и не желающее знать никаких «частных», классовых и партийных учреждений? Или это доблестный главнокомандующий ген. Корнилов ввел в столице военное положение и своей твердой военной властью водворил спокойствие и порядок?.. Стоит ли спрашивать об этом и не смешно ли допускать самую мысль, что Вр. Правительство имело авторитет или реальную власть, чтобы достигнуть хотя бы тысячной доли необходимых результатов?

Кабинет Милюкова был *источником* «гражданской войны», но для ее прекращения он не имел решительно никаких средств, кроме выхода в отставку...

Конечно, это сделал Совет Р. и С. Деп. Ему одному было доступно это дело. Один он располагал для этого авторитетом и реальной силой... Исп. Комитет, как только получил известие о вооруженной свалке, выпустил воззвание «ко всем гражданам». «Во имя спасения революции от грозящей ей смуты» он обратился к населению «с горячим призывом» — «сохранять спокойствие, порядок и дисциплину». Призывая к вере в Совет, который «найдет пути для осуществления (народной) воли», Исп. Комитет обращался отдельно к рабочим и к солдатам. Рабочих он убеждал не брать с собой оружие на собрания и демонстрации. А солдатам говорил так: «Без зова Исп. Комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках; только Исп. Комитету принадлежит право располагать вами; каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исп. Комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше, чем двумя из следующих лиц... Каждое распоряжение проверяйте по телефону № 104-06».

Как видим, «лойяльные» и министериабельные советские лидеры не задумались в чрезвычайных обстоятельствах продемонстрировать открыто, перед всем светом—всю полноту власти и силы Совета. В *наличности* же этой власти и силы у них, как и у оппозиции, не могло быть ни малейших сомнений. Для них, как и для всех левых, было очевидно, что правительство тут абсолютно беспомощно и бессильно, что оно ни в каком случае не может управлять народом, а без помощи Совета во всяком случае станет жертвой народного гнева. И Совет ясно и просто сказал армии, реальной опоре и силе государства: «*только нам принадлежит право располагать вами*». И это было нерушимо.

Однако этого воззвания было недостаточно. Воинские отряды могли не выходить на улицу, но побоище можно было в достаточных размерах устроить и без них. Если скопления народа и враждебные друг другу мани-

фестации будут продолжаться, то остаются на-лицо внешние «*поводы*» для столкновений и остается широкое поле для провокации. Исп. Комитет решился поэтому на героическое средство.

Назначив расследование происшедшей стрельбы при участии Исп. Комитета, он (по предложению Дана), во-первых, объявил «предателем и изменником революции каждого, кто будет звать в эти дни к вооруженным демонстрациям или производить выстрелы, хотя бы в воздух»; а во-вторых, «для предотвращения смуты, грозящей делу революции», воспретил в течение двух дней всякие уличные митинги и манифестации.

Такого рода постановление было заготовлено Исп. Комитетом и предложено Петербургскому Совету, собравшемуся в 6 часов. Совет принял это постановление единогласно. А затем Исп. Комитет своей властью продолжил его еще на один день—на воскресенье 23 апреля.

Вот и все. Больше никаких мер Совет не принимал. Но их было совершенно достаточно... Призраки «гражданской войны» рассеялись быстрее дыма. Взбудораженный город во мгновение ока принял обычный вид. Никаких «выступлений», столкновений, никаких внешних проявлений острого кризиса на широкой арене революции—как не бывало... В эти три дня на улицах не было никаких митингов и манифестаций. Ни рабочие окраины, ни Невский проспект не ослушались советского приказа. Наступило мгновенно «успокоение» и полный, безупречный порядок...

Пройдут ли мимо этого факта будущие историки революции и ее блестящего эпизода—апрельских дней?.. Если было изумительно по силе и красоте само народное движение, то еще более изумительна его ликвидация. Если красноречив тот факт, что народный Совет в пять минут сроку, простым поднятием рук, мог устранить антинародное правительство, то еще более внушительна картина укрощения народной бури тем же Советом в те же пять минут.

Еще два месяца назад всем было чуждо это понятие, никому не известно это слово; еще месяц назад Совет был чужд и враждебен доброй половине демократии. А теперь он шутя управляет народными движениями и страстями; теперь его слово повелевает стихиям.

Вот где была демонстрация истинной силы и власти народа!

«Не нужно никаких вооруженных демонстраций,—писали советские «Известия» 23 апреля,—все знают, что армия с нами, что в нашем распоряжении миллионы штыков, что миллионы людей готовы отдать по нашему зову все свои силы, сложить свои головы на защиту свободы». И это была святая правда.

«По властному слову Совета, не подкрепленному никакими угрозами, улицы приняли обычный вид, жизнь города вошла в русло,—продолжали «Известия».—Ни одно правительство в мире не могло бы добиться такой решительной, такой быстрой победы над смутой, грозящей свободе. В этот день сказалась власть Совета над стихийными силами революции. В этот день Совет доказал свое право говорить громко и властно от лица народа».

И это была святая правда.

«Апрельские дни» были замечательным эпизодом революции. Недаром Ленин, много спустя, в речи, посвященной разгону Учр. Собрания, говорил, что именно апрельские дни впервые открыли ему по-настоящему глаза на истинный смысл и истинную роль народного восстания.

21-го апреля большевистский Центр. Ком. принял резолюцию, которую он старался широко популяризировать. В ней прежде всего заявлялось, что воспрещение Советом демонстраций он считает «совершенно правильным и подлежащим безусловному выполнению». Но этого мало,—резолюция, кроме того, гласит: лозунг «долой Вр. Правительство» потому не верен сейчас, что без прочного (т.-е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо сводится к попыткам авантюристического характера»... Лозунгами же момента резолюция выдвигает—«разъяснение», пропаганду, критику, организацию и *завоевание советов*.

После «исторического» совместного заседания ликвидация конфликта продолжала итти своим порядком.

«Объяснения» правительства были теперь выслушаны. Надо было что-нибудь *решать*. В середине дня 21 апреля Исп. Комитет приступил к обсуждению...

Именно в это время стали получаться сведения об остром положении на улицах. С Выборгской стороны и из Новой Деревни шли огромные колонны бросивших станки рабочих с требованиями отставки Вр. Правительства. Сообщали о вооруженных группах солдат и вообще о большом количестве оружия в руках манифестантов. И, наконец, пришли вести о стрельбе там и сям и о кровавой стычке на Невском.

Это было последней каплей, переполнившей чашу, последним ударом по мягкотелым элементам большинства, которые еще путались в ногах, еще не давали полной свободы Чайковскому и Церетели...

Пока в Исп. Комитете шли эти прения и делались сообщения о событиях в городе,—на Мойке у военного министра собралось Вр. Правительство. В час дня оно приступило к обсуждению вопроса о «разъяснении» ноты 18 апреля. Вероятно, застрельщиком был молодой, но бойкий дипломат Терещенко, убежденный более других в том, что «от слова не станется». Ночью он сговорился с Церетели об общей, единой «линии». А сейчас я припоминаю, что в Исп. Комитете было известно об утреннем посещении Церетели министром финансов на общей квартире Церетели и Скобелева. Там переговоры, видимо, продолжались и увенчались соглашением. Впрочем, я могу здесь ошибаться: может быть, это посещение состоялось не в этот раз, а по другому поводу. Таких поводов ведь было много.

«После обмена мнений,—читаю я в разных газетах от 22-го апреля,—министры признали возможным пойти навстречу пожеланию Исп. Комитета и приступить к выработке текста нового обращения к населению. В четвертом часу дня текст обращения был установлен и подписан».

А около пяти часов, в разгар волнения и паники, этот текст был получен в Исп. Комитете. Он гласил: «Ввиду возникших сомнений по

вопросу о толковании ноты министра иностранных дел, сопровождающей передачу союзным правительствам декларации Вр. Правительства о задачах войны (от 27 марта) Вр. Правительство считает нужным разъяснить: Нота министра иностранных дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Вр. Правительства, при чем текст ее принят единогласно; само собой разумеется, что нота эта, говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта... Под упоминаемыми в ноте «санкциями и гарантиями» прочного мира Вр. Правительство подразумевало ограничение вооружений, международные трибуналы и проч. Означенное разъяснение будет передано министром иностранных дел послам союзных держав».

Стоит ли останавливаться на этом разъяснении? Ссылка на декларацию 27 марта не означает ли «чистку тенью щетки тени кареты»? А перевод на русский язык «санкций и гарантий» не напоминает ли толкование героем пушкинской «Капитанской дочки» выражения «держать в ежовых рукавицах»?.. На вопрос генерала-немца, как это сделать применительно к самому герою, тот, как известно, ответил: это значит— побольше давать воли, поменьше строгости. Но генерал все же не поверил.

А Исп. Комитет сделал вид, что он поверил. И твердо решил заставить поверить этому вздору народные массы, которые свято и незыблемо верили в Исп. Комитет.

Все колебания были кончены. В 6 часов надо было итти в Совет с готовым решением. Наскоро «обсудив» «разъяснение», Исп. Комитет большинством 34 против 19 голосов постановил: предложить Совету признать его удовлетворительным и считать инцидент исчерпанным.

На этот счет была составлена довольно пространная «мотивированная» резолюция. Она довольно характерна для апрельских дней. Она хорошо золотила пилюлю для возбужденных масс и вообще была проникнута дипломатией, достойной самого Терещенки... Резолюция открывается «горячим приветствием революционной демократии Петрограда, своими митингами, резолюциями, демонстрациями, засвидетельствовавшей напряженное внимание к вопросам внешней политики и свою тревогу по поводу возможного отклонения этой политики в старое русло захватного империализма». Резолюция признает, что нота 18 апреля «дает основание для такой тревоги». Но затем она, ужасно дипломатично, старается выдать за quantité negligeable преступление правительства, при чем несколько уклоняется от элементарной истины. «Вр. Правительство совершило акт, которого добивался Исп. Комитет (!). Оно сообщило текст своей декларации об отказе от захватов правительствам союзных держав... Однако нота министерства иностранных дел сопроводила сообщение такими комментариями, которые не могли быть поняты иначе, как попытка умалить действительное значение предпринятого шага»...

«Единодушный проект рабочих и солдат Петрограда показал и Вр. Правительству, и всем народам мира, что никогда революционная демократия России не примирится с возвращением к задачам и прие-

мам царистской внешней политики, и что ее делом остается и будет оставаться непреклонная борьба за международный мир»...

Это сказано было очень внушительно, но только затем, чтобы прикрыть фактическую капитуляцию.

Вызванное этим протестом новое разъяснение правительства... кладет конец возможности толкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии. И тот факт, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов, должен быть признан крупным завоеванием демократии.

Да, еще два-три таких крупных завоевания, и у нас не останется революционной демократии!

Заседание Совета не представляло большого интереса. Церетели, больше часа делал доклад, повторяя и развивая содержание цитированной резолюции. От имени Исп. Комитета он обещал и дальше вести ту же политику борьбы за мир, какую «мы вели до сих пор» (!). Но, подчеркивая огромную «историческую заслугу русской демократии, как пионера этого движения», оратор не переставал кивать на пролетариат других стран, от которого «зависит дальнейшее». Это мало-по-малу становилось уже трафаретной мудростью советского большинства—в его стремлении «продолжать политику» *уклонения* от борьбы за мир...

— Новая нота Милюкова,—продолжал Церетели,—огласив «разъяснение»,—показывает, что правительство в общем и целом заслуживает нашей поддержки.

По инициативе «лойяльной» кучки, последовательно проводящей «линию Совета», здесь раздается взрыв победных аплодисментов и переходит в овацию по адресу Исп. Комитета. Ему провозглашают здравицы, кричат «ура»! И Церетели в заключение поздравляет Совет с «новой победой»... Да, еще две-три таких победы, и у нынешнего Совета не останется войска,—не останется веры в него и преданности ему народных масс.

Каменев произносит затем горячую речь против большинства Исп. Комитета и против его резолюции. Он обвиняет советских лидеров в желании усыпить пустыми словами революционную мысль и подчеркивает гибельность затягивания войны для революции... Наконец, Дан предлагает уже известное постановление о воспрещении митингов и манифестаций. «Собрание,—по словам газетных отчетов,—расходится медленно и в большом волнении».

И немудрено: было от чего растеряться и над чем поразду мать рабочим и солдатским депутатам. Еще только вчера они демонстрировали свою силу, были готовы к революционным решениям и надеялись, что вожди поведут их к действительной победе. А сегодня—вера в своих вождей заставила этих едва пробужденных крестьян и рабочих положить свою силу и власть к ногам буржуазии. Это было не легко понять и переварить. И с этим непереваренным вотумом не легко было явиться в разогретую атмосферу казарм и заводов...

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Проф. А. А. Сидоров.

Статья вторая [1]).

Книга сороковых годов.

I.

Каждое время имеет свою книгу. Эволюция совершается медленно и неодолимо. Нам представляется, что наши дни хотят свою книгу иметь. Конечно, хотят: нигде и никогда не было «Государственного Издательства». Книгу хочет любой класс, и любой, объединенный тем или иным контингент современных деятелей: научный какой-либо институт, союз каких угодно писателей или поэтов, любой пролеткульт. И все сходятся на одном: книга должна быть своеобразна, характерна не случайна. Мы говорим здесь, впрочем, о тех, которые чуят в книге ее огромную самоценность; о тех, которые проверили в практике ее несравненную организующую роль. Поскольку к книге ряд лиц относится только как случайному средству передачи некоторого содержания, конечно, все эти идеологические предпосылки отпадают. Но только нам представляется, что любовь к книге значительнейшим образом демократизировалась за последнее время; что нам можно уже не ломиться в открытые двери с указанием нашим, что «не все равно как» издана книга.—А поскольку это так; поскольку, повторим, каждое время имеет свою книгу, изучение книжной истории становится исключительно важным, ибо помимо сознательной воли художника не определяется ли каждый конкретный великолепный факт художественного творчества целым рядом далеко не всегда учитываемых мыслью причин, на которых, конечно, и строится в конечном счете эволюция?

«История есть повесть об эволюции». В наших очерках мы задали себе цель—проследить в ряде конкретных примеров связь книги с ее временем. Из этого неизбежно вырастет вывод о том, какою должна быть книга в нашу эпоху. Но пока мы к этой последней практике не подошли: именно здесь нам чрезвычайно важно выдвинуть попрос: в чем же конкретно совершается книжная эволюция? То-есть: на какие стороны книжного организма влияет всего больше та безличная общественная жизнь, слепая воля классовой борьбы—или «душа истории»,—которая рождает идеи, формы, красоту, картины, моды, книги?

Именно данная глава наших очерков весьма откликается на эти исторические интересы.—Всю первую половину XIX века в России чрезвычайно распространена иллюстрированная книга. Книги без того или иного,

[1]) См. «Печать и Революция» 1922, кн. I, стр. 106—120.

хотя бы скудного украшения почти нельзя встретить. В начале столетия украшения эти и иллюстрации выполняются гравюрой резцом на меди. Достигнуты изумительные высоты техники и изящества. Книга имеет успех; иначе немыслимы столь многочисленные издания какого-либо Хемницера, безмерно завалившие рынок альманахи.—Но вот, исследователь должен отметить, что книга с гравюрами на металле начинает «сходить на-нет».

Все меньше и меньше выпускается их на свет; и наконец, в 40-х годах, облик типичной книги абсолютно изменен. Мы недоумеваем: почему? Строгость научной мысли подсказывает объяснения, которые можно было бы и не повторять, потому что обязанностью искусствознания, построенного на самой прочной марксистской базе, все-таки остается точное конкретное изучение самого факта художественного творчества. Оставим пока объяснения: что же изменилось?

Всякое толкование художественного факта представляется нам недовершенным, поскольку мы не учли в нем двух моментов: идеологии и мастерства. Начнем со второго. Мастерство в книге 40-х годов совсем иное. Мы берем здесь, конечно, некую типичную книгу того времени вообще; историческая эволюция не всегда совпадет с логикой; мы обращаем внимание на типичность черты, и имеем в виду не ту или иную конкретную книгу, а на некий сборный ее «портрет».

«Мастерство» в книге опять-таки может быть рассматриваемо с двух разных сторон. С одной—оно имеет касательство к *технике* (область безгранично широка, но это да не испугает нас), с другой—к *композиции*. И вот какую бы из сторон этих ни выделили мы в начало нашего рассмотрения, перемена представляется разительнейшей. Гравюра на металле оказывается замененной гравюрою на дереве. Трудно сказать, что было первичным: искание новых композиционных ценностей или новых технических возможностей. Но гравюра на дереве, как она у нас процвела в 40-е годы, оказывается сразу удовлетворяющей художественные запросы в том и в другом отношении.

Для достодолжной оценки русской ксилографической книги 40-х годов нужно, конечно, кое-что знать, непосредственно касающееся истории гравюры. Так, нельзя забывать, что гравюра на дереве первой половины XIX века никоим образом не есть та, которая процветала хотя бы в Германии эпохи Возрождения. Основных разниц две: техническая—перемена дерева и инструмента; чисто художественная—перемена принципиального отношения к задачам мастерства. В XVI веке и раньше, и после до конца XVIII столетия, когда англичанин Томас Бьюик (Bewick) «перевернул доску»—гравюра на дереве выполнялась на дощечках продольного разреза, как мы обычно привыкли видеть доски, с «фибрами», древесными волокнами, идущими вдоль доски. Всякого мало-мальски случайного опыта резьбы по такому дереву достаточно, чтобы указать, что линии, ножом проведенной, не одинаково легко итти сверху вниз, по направлению волокна, и справа налево, под прямым углом к нему. Инструмент старой ксилографии—более или менее обычный нож. Рисунок выполняется (здесь мы затрагиваем и второй момент) принципиально из линий, ибо их легче и

проще обвести ножом. Здесь можно не упоминать, каких эффектов достигла старая гравюра на дереве; каких угодно—кроме живописных. Скажем лучше «контрастных»: ибо новая ксилография 40-х годов, конечно, более «живописная», чем раньше, все-таки соблюдает добрые законы автономной графики. Бьюик «перевернул доску» и стал резать на дереве поперечного сечения, такого, где волокна древесного ствола расположены перпендикулярно к поверхности доски; эта поверхность в силу того однородна, допускает вполне свободное ведение линий в разные стороны, что повлекло за собою и изменение инструмента. Гравер на дереве его получил готовым из рук гравера по металлу. Это—резец, штихель, имена не столь важны—во всяком случае не нож: линия теперь проводится *от себя, не к себе*. И первым же результатом было: расширение возможностей; старый линейный стиль уступил место другому—стилю пятен, если можно так определить игру контрастов белого и черного. А по сравнению с гравюрой на меди новая ксилография принесла с собою превеликие преимущества: дешевизну, быстроту исполнения, легкость печати. Чисто художественно следствие было тоже весьма существенно.Обратимся к книге. В ней первичным всегда останется буквенный набор. Гравюра на металле никогда не сможет дать густого черного тона; она всегда серовата, и откликается поэтому на комбинацию букв; гравюра на дереве допускает густой черный и яркий белый тон, кроме того, выдерживает большие тиражи, тогда как гравюра на меди скоро стирается (это было, между прочим, причиной появления гравюр на стали, прочных, идеологически не особо отличных от гравюр на меди, безумно трудных по выполнению). Но, конечно, преимуществ чрезвычайно много и на стороне металлической гравюры. Только здесь возможны тонкие эффекты легких линий, перекрещивающихся воздушным кружевом, еле заметных слоев краски, не стертых с доски; в гравюре резцом—металлического блеска строгой формы, в офорте живописной сочности. Но все же: гравюра на металле аристократична, на дереве—демократична. Время всегда ведает свою логику.

А в области композиции мы уже имели повод указывать, что гравюру на металле надо печатать отдельно от текста, гравюру же на дереве, которая с самого начала исполняется на досках такой толщины, чтобы совпасть с набором, можно слить с буквами в совершенно нераздельное единство. Появляется чрезвычайная радость «разыграть» страницу вкраплением в нее черных пятен ксилографии. Первые выполненные в новой манере издания, книги французские 30—40-х годов, порою даже черезчур перегружают страницы черными этими пятнами. Получается пестрота, но разница с гравюрой на металле разительна. Она сразу же перекидывается и в область отношения к искусству вообще. Гравюра на металле—медленная, серьезная, основательная; гравюра на дереве допускает самую быструю мелочь. Если подвести все итоги, то получится чрезвычайно интересный результат, что гравюра на меди дает классическую *иллюстрацию*, гравюра на дереве—*виньетку*. Композиционно гравюра на дереве наделила книгу еще рядом особенностей: рамками, заставками, гравированными заглавными буквами; возможностей для участия художников в книге

открыла она гораздо больше, чем было их раньше на-лицо. Ксилографическая книга, получившая в 40-х годах свой зенит, в наших глазах есть один из лучших вариантов книги вообще. Время выработало себе весьма явственный художественный язык: черное и белое; бархатная сочность краски и рядом белизна бумаги; и посередине—перетекающие комбинации линий; все это выполнено быстро, уверенно и легко. Гравюрки разбросаны по всей книге, попадаются то там, то здесь; от отдельных таблиц с гравюрами не отказывается новая манера; но воспринимать гравюру надо все-таки вместе с текстом, может быть, без всякой даже подписи, относя тут же помещенные строки к украшающему страницу пятну.

II.

А идеология? До сих пор было только мастерство. Идеология нами мыслится, конечно, только конкретная, родившаяся из тех или иных общественных отношений. Представляется правильным здесь вернуться к России того времени; и поскольку мрачный воздух реакции хорошо знаком нашей культуре, здесь будет позволено нам ограничиться только общими наблюдениями. В сороковые годы истинными героями литературы русской были Гоголь и Белинский; начинали свою деятельность Достоевский и Некрасов; проза заступила место лирики; нравоописательная повесть сменила романтическую новеллу; в живописи Венецианов и Федотов оказывались родоначальниками направления, именуемого условно реализмом; все это чрезвычайно известно. Взгляды на роль художника в книге—как они бесконечно изменились! Нет лучше параллели, нежели противопоставление мнений на тему эту Гоголя тем, которые в свое время руководили хотя бы Державиным (в начале столетия). Державин, как мы упоминали в своем месте, очень носился с мыслью издать свои стихотворения с гравюрами. Его ближайшие друзья, Оленин и Львов, принимавшие участие в иллюстрировании его од и «епистол», выставили целую теорию иллюстративного искусства.

«Изограф,—пишет Оленин, известный президент Академии Художеств и умный человек,—... не повторяет автора и не то же представляет в лицах первый, что второй написал в стихах... старался художник домолвить карандашом то, что словами стихотворец *не мог или не хотел сказать*, оставляя иногда тонкий смысл или таинственное значение на собственное проницание читателя». По мнению Оленина, читателю «скоро бы прискучили такие изображения, которые глазам повторяют то же самое, что воображение давно и лучше еще в понятии посредством стихов читателю представило». Н. А. Львов, друг Державина и человек, весьма близкий к искусству своего времени, выразил свой взгляд на иллюстрацию в довольно тяжелой тираде. Автор стихотворения, «дабы нравоучение не скучило..., покрыл его тонкою завесою аллегории и оставил на догадку: художник догадался и дабы картине ... дать тело и силу физическую, дабы впечатление оной прочнее и надежнее в сердце читателя изобразилось, художник нравоучение и пользу оного

образовал—и представил в виде физическом намерение автора и пользу видов его» [1]).

Здесь очень явственно определение тематической иллюстрации. Поэт не все сказал; художник неизбежно дополняет его намерения; но и еще—«образует», т.-е. организует, в образах намерения автора «нравоучение». Это чрезвычайно метко выраженная воля весьма умного времени. Заметка Львова относится к 1803 году; посмотрим, как через сорок лет отзывается на ту же тему Гоголь. «Я враг всяких политипажей и модных выдумок,—пишет он из Рима Плетневу:—товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством» [2]). Нельзя резче выразить отношение к искусству с точки зрения узко рационалистической. Автор убежден в том, что его товар—первосортен, издатель—что его не стоит дополнять каким-либо украшением. От «подслащивания», впрочем, уберечь публику, конечно, нужно. Существенно здесь уже отметить, что гоголевская строгость не остановила ни иллюстратора, ни издателя рисунков; но портретная галлерея его героев появилась вне книги, особым альбомом, к дефекту общего дела. От иллюстрации теперь требуется, если поверить В. Майкову, критику «Отечественных Записок», всего больше *«истинности»*. «Осмыслить и согреть свой рисунок могли бы они именно строгою передачею этих невыгодных свойств избранной ими природы». Критик очень понимает разницу в заданиях живописи и поэзии. Время начинающего реализма требует утверждения в литературном образе его конкретного бытия, ищет портретной убедительности—и тем самым дополняет предыдущую художественнную платформу. Можно очень определенно говорить, опираясь на идеологию Державинского круга, что начало XIX века, в конце концов, давало нечто «по поводу» литературно-поэтического текста, там, где 40-е годы дают ему вполне адэкватное выражение. И в дальнейшем конкретном только анализе может выясниться, чем точка зрения современной науки противоположна той, на которой столь решительно настаивал Гоголь и его друзья.

В той же точке, где идеология с мастерством перекрещивается, очень существенно отметить, что как раз критика 40-х годов поняла и оценила в книге ее внешность так, как это раньше было немыслимо. Появилось особое понятие «типографской роскоши». Книги заслуживают «самых лестных похвал по своим политипажным картинкам и виньеткам, изобретенным и выполненным превосходно» [3]). Характерно, что это признание пало на долю книги ксилографической. Очевидно, были в ней все-таки заметные для первого взгляда особенности крепкой спаянности и органичности. Заметные не только любителю: стоит почитать, как именно в это время один молодой художник—самого пролетарского происхождения, самоучка

---

[1]) См. «Сочинения Державина» с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд. Имп. Академии Наук, т. I, Спб. 1864, стр. XXX—XXXI.

[2]) «Письма Гоголя», изд. под ред. В. И. Шенрока, т. III, стр. 157; Срв. К. Кузьминский, «Художник-иллюстратор А. А. Агин», М. 1913, стр. 41.

[3]) Белинский о «Курдюковой».—Срв. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею...» Мятлева, изд. 2-е, А. С. Суворина, Спб. 1907, стр. I.

и солдат, оказался взволнованным и стал ломать себе голову над фактом, что буквы набора и рисунки стали печатать сразу; как в нем зародилась охота попробовать самому; как он перочинным ножиком попробовал сам резать гравюру на дереве; как было этим положено начало чудесному пути примечательнейшего мастера русской гравюры на дереве, Л. А. Серякова [1]). Но это уводит нас в иную сторону. Мы обязаны дать исторический анализ русской книге 40-х годов. Зрелище восхитительное.

III.

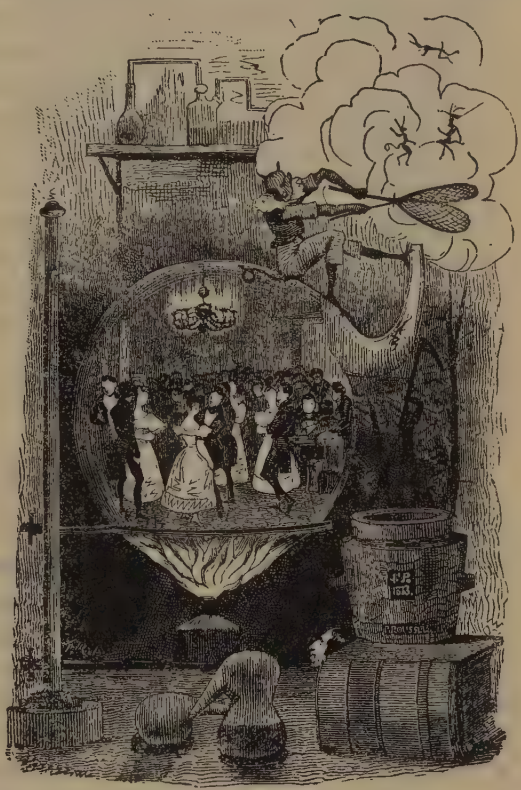
В истории искусства, также и книжного, нельзя, конечно, ставить слишком прочные границы временного порядка, строить грани, отделяющие один мыслимый период от другого. Мы избрали объектом изучения русскую книгу с гравюрами на дереве; ее расцвет падает на сороковые годы; но у нее есть своя «предъистория», и к тому же бесконечно поучительная. На ней мы пока и остановимся. Самый факт появления гравюры на дереве в России и причины, завоевавшие ей в книге столь почетное место, весьма любопытны во всех отношениях.

Ссылаясь на авторитет проф. В. Я. Адарюкова, мы имеем право считать за первую русскую книгу с гравюрами на дереве «Подарок прилежным детям» 1826 года. Пример неожиданно ранний, пока что одинокий, но чудесно объясняющий возникновение ксилографической иллюстрации вначале из соображений самого «прозаического» свойства. И здесь играют свою роль железные законы экономики. Детская книга более дешева, легче рвется, распространяется в большем числе экземпляров. На нее не хочется тратить большего количества трудов и средств, как того потребовала бы иллюстрация, гравированная резцом. В этом отношении детская книга разделяет судьбу книги для народа. Во всяком случае в так называемых «лубочных» брошюрах часто, конечно, вполне кустарным способом совершала свои первые шаги р у с с к а я гравюра на дереве. Подчеркивать здесь момент национальности неизбежно, ибо в диковинном противоречии с общей органичностью роли ксилографии в книге находится тот факт, что самую ее доску, клише, можно безнаказанно извлечь, переслать в другое место, напечатать не один раз. Так, начиная с 30-х годов мы имеем весьма усердное пользование западными «клише» в русских иллюстрированных журналах. «Детское чтение» 1833 года заимствует их из Англии («Penny Magazine»), «Живописное Обозрение», издававшееся в Москве в 1835 году, пользуется гравюрами на дереве из Парижского «Magazin Pittoresque», как и несколько более поздняя «Художественная газета» Кукольника.

А в книге гравюра на дереве нашла себе применение сначала вполне скромное—через так называемые «типографские украшения». По всей вероятности ими пользовались и раньше; но только с 1832 года мы можем проследить непрерывное употребление деревянной гравюры в книге об-

[1]) Ч е р с к и й, Л. «Л. А. Серяков». М. (1918) изд. «Звезда», стр. 18 сл.

ложки, виньетки, наконец, иллюстрации. А в 1833 году появляется книжка, которая заслуживает уже большего внимания: «Пестрые сказки» некоего «Гомозейки»; под курьезным псевдонимом скрывался известный и прекрасный писатель В. Ф. Одоевский. Фронтиспис к этой книге резан на дереве П. Русселем, французским художником, работавшим в России достаточно долго, и нарисован академиком Ф. Н. Риссом (1809—1886). Русских мастеров в тогдашнем Петербурге не было еще достаточно умелых. С точки зрения композиционной гравюра, отделенная от напечатанного в семь (!) красок заглавного листа папиросной бумажкой, конечно, подражает металлической гравюре, т.-е. хочет быть самостоятельной, не связанной с книгой. По существу перед нами очень искусная характеристика всего содержания книги. В некоей реторте, над которой воцарился чорт, танцуют светские пары; а снизу, из толстого латинского словаря выглядывает голова автора. Это во всяком случае любопытный пример иллюстрации, которую нельзя назвать иначе, как «синтетическою», поскольку она имеет отношение не к отдельному месту в книге, а хочет характеризовать ее всю с точки зрения автора. Гравюрка имеет свои достоинства, хотя, конечно, могла быть лучше. Нам она представляется все-таки произведением дилетантским.



Рисс, Ф. Н.—Фронтиспис к «Пестрым сказкам» (1833).—Синтетическая иллюстрация.

Хотя—кто и когда определил бы границы дилетантизма в искусстве?—Гравюра на дереве у нас, в России, была насажена вначале как раз дилетантами. Курьезным образом около колыбели русской ксилографии стоят три прибалтийских барона: Майдель, Неттельгорст и Клодт.—Первый из них, приятель Жуковского, которому он награвировал очерком по меди рисунки к «Ундине», впрочем отнесся к новому своему делу с достаточной профессиональной добросовестностью. В 1835 году им была основана в его родном городе, Дерпте, первая в России ксилографическая мастерская, обучившая несколько талантливых резчиков по дереву и иллюстрировавшая ряд книг по оригинальным композициям самого Майделя и рисовальщиков, стоявших к нему близко.—Примером работы его мастерской может послужить изданная, правда, несколько позднее из-

Янцен, Д.—Фронтиспис к «Истории Петра» (1843 г.) — Нагромождение подробностей, пестрота иллюстрации.

вестная «История Петра Великого» Н. Ламбина, с рисунками Д. Янцена, Ю. Львова и Майделя, гравированных А. Герном, Эльвалем, Михельсоном и другими. Сказать, чтобы это издание стояло на большой высоте — нельзя. Титульный лист скомпанован достаточно случайно и пестро. Художник очевидно стремится к тому, чтобы побольше предметов включить в свой рисунок: «как бы не упустить чего-либо, имеющего касательство к истории Петра»;— идеологически, таким образом, он может быть сближен с тридцатыми годами, временем «Пестрых сказок». А в самой объемистой «Истории» *политипажей*, как называли тогда гравюру на дереве, слишком много, и исполнение их слишком ремесленное, чтобы они могли представлять интерес. Но свою роль «История Петра» сыграла: мы увидим, как именно от нее будут отталкиваться иные более поздние русские попытки.

Майделевская мастерская поставляла свои работы в широком масштабе, главным образом, в Петербург. В Москве анонимные гравера таких изданий, как «Картины света» 1836—1837 годов, дают иногда совсем современные по сочности и силе эффекты. Но истинный расцвет подготовлялся в Петербурге. Здесь на рубеже 30-х и 40-х годов работали остальные два барона: Неттельгорст, любитель определенно очень даровитый, и Клодт, который единственно из трех заслуживает большого внимания. Брат известного скульптора, барон Константин Карлович Клодт фон-Юргенсбург родился в 1807 году, умер в 1879, был генералом, учился в Париже и преподавал в Академии гравирование на дереве как раз в интересующее нас время, с 1837 по 1845 год. Он, конечно, обязан Дерптской школе, может быть, через ученика Майделя, Михельсона, который, по указанию автора единственной пока статьи, посвященной нашей теме, Ю. Г. Гассельблата [1]), «изобрел» способ гравирования черточками. А петербургская ксилография сразу поставила себе цели совсем особые. Ее идеология изложена в издании, которое мы в праве считать одним из наиболее ха-

[1]) См. «Вестник изящных искусств», т. V, Пет. 1887, стр. 500. Срв. статью В. Я. Адарюкова о гравере И. Н. Павлове, «Печ. и Рев.», 1921, № III, стр. 74 сл.

рактерных для всего этого периода. Мы имеем в виду выходившие выпусками с 1841 года «Наши, списанные с натуры русскими», сборник повестей, обильно иллюстрированный, о котором мы еще должны будем говорить впоследствии. Здесь, на обложке номера шестого, изложены весьма любопытно взгляды издателя (Я. А. Исакова)—и очевидно его сотрудников граверов Клодта и Неттельгорста в первую очередь, на задачи гравирования на дереве. Очень тонко и почти прозорливо указано здесь, что новая ксилография может быть двоякой. Или она *факсимильна* (термин наш), т.-е. старается передать рисунок, как он выполнен на доске кистью, пером или карандашем «как бы ни были своенравно скручены, размашисто наметаны, разнообразно или мелочно пересечены и эффектно спутаны черты»; или она «скороспешна, бесхитростна», «без всякой игры и пересечения параллельными полосками передает свет и тень».—Здесь, конечно, характеризована вся последующая, так называемая «тоновая» гравюра, с которой нам еще придется иметь дело. Любопытно, что в качестве примера такой «скороспешной» гравюры названа «История Петра».—Самая стоимость такой гравюры определена в 10 рублей, тогда как за исполнение «отчетливой» гравюры приходится платить 300 рублей.

Она, конечно, того стоила. Именно теперь мы сможем перейти и непосредственно к сороковым годам, и вместе с тем перенести внимание от гравера-исполнителя к рисовальщику-изобретателю иллюстрации.

IV.

Самой популярной книгой начала 40-х годов были, пожалуй, «Сенсации госпожи Курдюковой», самым популярным иллюстратором того времени был, и остался до сих пор, ее рисовальщик, «Вася» *Тимм*; Георг-Вильгельм Тимм (1820—1895), бывший ученик «баталической» живописи, доказавший своими рисунками к стихам «Ишки» Мятлева совершенно исключительную одаренность наблюдателя окружающих нравов. Тимму повезло; у него нашелся добросовестный биограф в лице В. А. Верещагина. Но если у нас есть повесть о его жизни, может быть, эволюция его искусства все еще не ясна. Ибо, не устанем повторять, научная оценка не может же быть сведена к констатированиям «громадного вкуса» и «блестящей фантазии».

Тимм, В. — Иллюстрация из «Картинок светских нравов» (1842).—Внешнее изящество.

Одной из первых книжек, Тиммом иллюстрированных, были «Картинки русских нравов», сборник более или менее веселых повестей Булгарина, Мятлева, Греча, Даля и Кукольника. По тексту разбросано большое число рисунков Тимма, гравированных Неттельгорстом, Клодтом и его учениками, Линком и Масловым. Возьмем отсюда пример. Тимм, как подобает его молодости, увлечен блеском светской жизни, похождениями кутящей офицерской молодежи. Вот, хотя бы «Корнет»

под руку с дамой в маске. Художник просто и остроумно комбинирует линии и пятна, создает забавный и изящный пустячек, достойный текста. Только отношение между текстом и рисунком здесь вряд ли обычное. «Картинки русских нравов» в значительной мере более принадлежат художнику, чем писателям. Кто их читает ныне? Тимм останется очаровательным, несмотря на всю свою идеологическую пустоту; не будем к нему строги.

В следующем году Тимм занят иллюстрированием «Листка для светских людей». Это нечто вроде модного журнала, снова для нашего времени обязанного своим интересом исключительно рисовальщику.—Мы снова встречаем здесь офицера с барышней, и этот новый рисунок позволяет отметить довольно любопытный шаг вперед. Фигуры стали больше, в них во всяком случае больше выразительности. Тимм иллюстрирует глупейший диалог, и не скрывает от зрителя своей насмешки. В гравюре талантливого *Г. Линка*, известного впоследствии резчика берлинского сатирического журнала «Kladderadatsch», рисунок Тимма перед нами разложен на ясные комбинации черных пятен и тонких линий. Время влечет художника к сатире, пускай сколь угодно безобидной.

Тимм, В.— Иллюстрация из «Листка для светских людей» (1843).—Больше выразительности.

Художественная сатира 40-х годов, конечно, нуждается еще в переоценке. Для либеральной недавней мысли всякая насмешка над существующим строем выдавала ее автору патент на гражданское достоинство. Нас здесь, конечно, в первую очередь может интересовать только такая сатира, которая вошла в книгу. Здесь лучшим произведением Тимма останется все же «Курдюкова». Диковинная книга! Русско-французский жаргон, на котором написана книга Мятлева, заставлявший до упаду смеяться современников, придал ей репутацию забавной и незлобивой пародии, тогда как в поэме гораздо больше того: целая психология русского крепостничества, выявляющаяся совсем невольно; своеобразная романтическая тоска и встречающиеся совсем неожиданно, для Курдюковой, этой «барыни-проприетер» вполне несвойственные, очень серьезные интересы к искусству. В конгломерате всех этих наслоений художник, в общем, очень тщательно придерживающийся текста, конечно сумел учесть только внешнее. Мы еще должны будем вернуться к принципиальной стороне такого рода иллюстраций. Пока же изберем своим примером фронтиспис к третьей части «Сенсаций»: Курдюкова попадает в Италию и настраивается романтически:

Мы в Итальи́,—чудо, просто!
Тассо, Данте, Ариосто!
Мнится мне, я слышу вас,
И в душе такой экстаз,
Что сама бы я запела!

Перед дородной путешественницей действительно проносятся тени поэтов. Гравер (снова Линк) придал всей сцене характер достаточно прозаический, может быть, тем самым выдав с головой своего рисовальщика... Карьера Тимма, как иллюстратора, продолжалась очень недолго. В том же году, когда вышла третья часть «Курдюковой» (1844), он уехал во Францию и по возвращении занялся достаточно протокольным отражением происходящих событий в своем «Художественном Листке». Но первые четыре года его деятельности определили весь стиль русской ксилографической книги.

V.

Пунктом некоторого перекрестья мог бы быть назван вышедший в 1844 году сборник «Физиология Петербурга», изданный книгопродавцем А. Ивановым под редакцией Некрасова. Здесь рядом с Тиммом мы встречаем иные имена. В качестве гравера выдвигается на первое место Евстафий Ефимович *Бернардский* (1819—188?), ученик Клодта. Было бы очень интересно проследить, как меняются манеры рисунка под резцом того или иного исполнителя. Клодт изящнее и тоньше, Линк энергичнее; оба они обращают большее внимание на линию, чем на пятно, на инструмент, чем на печать. Бернардский именно из печатного станка извлекал лучшие свои эффекты. Его черная краска — густая, бархатисто насыщенная, спасающая порою самый убогий рисунок своей живописной силой.—Но такого рода анализ относится скорее к области истории гравюры, нежели к истории иллюстрации. Что касается этой последней, то преемниками Тимма явились *Е. И. Ковригин* (1819—1853), *Р. К. Жуковский* (1814—1886) и особенно Александр Алексеевич *Агин* (1817—1870), которого надо счесть столь же характерным иллюстратором второй половины сороковых годов, каким Тимм был для первой. Агин также нашел себе ревностного жизнеописателя в лице К. С. Кузьминского, одного из немногих русских современных историков и теоретиков иллюстрации [1]). Жуковский наименее интересен; что касается Ковригина, то он не заслуживал бы нашего забвения. Это иллюстратор очень остроумный. Когда он, например, иллюстрируя повесть молодого Чернышевского «Тертый калач», вариант гоголевского «Ревизора», изображает мечтания «амбиционной» супруги частного при-

Тимм, В. — Иллюстрация к «Сенсациям Курдюковой» И. А. Мятлева, ч. III (1844).—Юмор в сочетании с верностью тексту.

[1]) Срв. «Художник-иллюстратор А. А. Агин», сост. Конст. Кузьминский, М. 1913; готов. 2-е изд.

става, то в маленьком рисунке, где на-лицо и карета, и поклоны чиновников, и почтение откупщика — мы найдем больше творческой фантазии, чем в «видении» итальянских поэтов Курдюковой. В его типах, например, заседателя Кулака, который только что узнал, что «к нам едет ревизор», чисто эскизная быстрая манера весьма своеобразна и выразительна. Ковригин отличался в противовес Тимму еще одним, что его рисунки (его присяжным гравером был О. Неттельгорст) лучше использовывают поверхность деревянной доски.

Ковригин, Е. И.—Иллюстрация к «Тертому калачу» (1845).—Пример типической характеристики героя (жест!).

Что касается Агина, то его «золотым годом» был 1846-й, когда одновременно появился его альбом к Ветхому Завету, с гравюрами на меди, весь выдержанный в благородном академическом стиле, достойном Брюлловского ученика,—и такой же альбом к «Мертвым душам» Гоголя. Всего лучше, однако, может быть, иллюстрации Агина к поэме Тургенева «Помещик», гравированные Бернардским, из некрасовского «Петербургского Сборника»:

За чайным столиком, весной,
Под липками в часу десятом,
Сидел помещик столбовой
Покрытый стеганым халатом...

Агин, А. А.— Иллюстрация к «Помещику» (1846).— Символический портрет—социальный образ.

И перед нами просто символическое, великолепно обобщенное отображение всего, что возникает в представлении при мысли о «крепостном помещике» самого Обломовского типа. Иллюстрации к Гоголю, при всем их чрезвычайном влиянии на русскую читающую публику, не так, может быть, безукоризненны. Снова повторяется старая история иллюстратора басенных нравоучений. Снова перед художником две чашки весов: повествование и мораль; «смех» и «слезы» в случае Гоголя. И как раньше бросал художник свое творчество на чашку повествования, так и теперь подчеркивает он смех. Герои Гоголя (может быть, за

исключением ужасного Плюшкина) у Агина—увы!—скорее всего незлобивые карикатуры. Социальный смысл гоголевской эпопеи—где он? Мы в праве скорее запросить о художественно-композиционной стороне агинского мастерства—и должны будем признать, что оно уступает тиммовскому. Тимм чудесно умел сочетать рисунок с набором; его небольшие иллюстрации, рисующие «историю лошади» («Наши, списанные с натуры», 1841 г.) образуют удивительно удачную рамку для буквенного набора. Агин скорее иллюстратор содержания, чем декоратор книги; но и к нему не надо быть слишком строгим.—Судьба его—вечно бедствовавшего, могшего посвятить художественной деятельности всего пять, шесть лет, потом несчастного учителя рисования, спившегося и умершего неизвестно где и как—так характеризует эпоху! Но стоит обратить внимание, в какую стройную, академически плавную овальную форму сливаются фигуры хотя бы Чичикова и Манилова на его рисунке!

Агин, А. А.—Иллюстрациия к «Мертвым Душам», 1846. (Чичиков у Манилова).— Пример юмористического освещения текста при общей академической правильности расположения.

Агину же за последнее время хочет отдать его биограф иллюстрации (или часть их) книги, которую мы могли бы счесть последней классической книгой 40-х годов: «Тарантаса» графа В. А. Сологуба [1]). Художником, в изобилии украсившим эту небезынтересную книгу, предшественницу либерального славянофильства, считался до сих пор великолепный и тонкий рисовальщик, кн. Г. Г. Гагарин (1810—1893), монограмму которого можно встретить на некоторых иллюстрациях повести, гравированных Клодтом и Бернардским. Для нас здесь нет особого повода разбирать «запутанный вопрос» об авторстве иллюстраций «Тарантаса», которые действительно при желании могут быть распределены на две группы—рисунков иллюстративных и украшающих виньеток. Титульный лист во всяком случае принадлежит Гагарину. Перед нами целая полуфантастическая картина русской провинции с расхлябистым тарантасом на первом плане, с тщательно сделанным орнаментом—и с линейной прозрачной гравировкой, предвещающею «тоновую» гравюру. «Тарантас», может быть, последняя настоящая книга 40-х годов. Она очень небезукоризненна по композиции, все почти гравюры в ней слишком велики, очевидно рассчитанные на

[1]) Срв. К. Кузьминский, «Запутанный вопрос» (об иллюстрациях к «Тарантасу» В. А. Сологуба).—«Среди коллекционеров», 1922, № 1, стр. 48 сл.

Гагарин, Г. Г. — Фронтиспис к «Тарантасу» (1846). Синтетическая декорация.

больший формат издания. Что было впоследствии—это весьма характерно выявляется на предприятиях неутомимых петербургских альманашников Некрасова и Панаева. В том же «Петербургском Сборнике» 1846 года, откуда мы выделили иллюстрацию Агина к «Помещику», помещена статья Панаева о парижских увеселениях, иллюстрированная гравюрами... французскими. Имена Гаварни и Шама здесь сочетались с русским текстом, который, очевидно, написан специально к иллюстрациям— не наоборот, как подобает. Есть письмо Некрасова к Панаеву, где идет речь о приобретении деревянных клише в Париже. Легкая портативность ксилографии опять ее губит, как составную часть именно данного книжного организма. В «Литературном Сборнике» 1849 года гравюры без особого отношения к тексту взяты из запрещенного за год перед тем «Иллюстрированного Альманаха».

Рисунок небезызвестного карикатуриста «Ералаши», *М. Невахо-вича* очень характерен для этого нового типа иллюстрации. Она переходит в откровенный шарж, теряет связь с текстом и с книгой, делается более небрежной. В пятидесятых годах мы должны констатировать полный упадок ксило-

Невахович, М. — Иллюстрация из «Иллюстрированного Альманаха» 1848 (Господин и слуга).—Шарж (слишком большие головы).

графической иллюстрации. Ее заменила восторжествовавшая наконец литография. Принцип остался старый, присущий гравюре металлической: рисунок выполнялся отдельно от текста, художник заботился скорее о той или иной степени жизненной достоверности. Книга опять становилась альбомом. Такие художники, как Шмельков, молодой Микешин (в начале его деятельности), тот же Невахович к книжному искусству имеют касательства мало.

Заглавная буква из «Истории Петра» (1843).

VI

Русская книга 40-х годов, снабженная гравюрами на дереве, имела свою своеобразную, таким образом, эволюцию, и если в одном небольшом разрезе нужно еще ее учесть, то для этого стоит только обратить внимание на те буквы, которыми украшались зачастую заглавные строчки ксилографированных книг. Здесь уже пусть говорит за нас демонстрация. Буква 1841 года из «Перенесения праха Наполеона» четка и удобочитаема несмотря на сочетание с картинкой-иллюстрацией. Заставочки, рисованные Тиммом, дают такой перевес изображению, ландшафту или жанровой сценке, что включенную в рисунок букву только с трудом можно найти. — В «Истории Петра» 1843 года дается попытка сочетать букву с изображением в один момент; в иллюстрациях Агина мы имеем двояко восторжествовавший натуралистический принцип. Заглавная буква «Помещика» хочет быть и буквой и в то же время лентой реки. В «Тарантасе» карикатурный персонаж стоит рядом с буквой, на нее опираясь. Шаг дальше—приведет к расколу. «Изобретенные» и гравированные буквы в последующем уже редкость.

Заглавная буква из «Перенесения праха Наполеона» (1891).

Но почему же кончилась русская ксилографическая книга?—Прибегнем и здесь к помощи статистики; мы с удивлением увидим, как были немногочисленны книги с гравюрами на дереве. Известный сборник «Материалов» Кружка Любителей Изящных Изданий насчитал из 1000 иллюстрированных книг вплоть до 60-х годов всего 75 книг с гравюрами на дереве рядом с 560 книгами с медными гравюрами и 344 литографированными. Повесть о некоторых издательских планах русской ксилографической книги есть повесть о неудаче. Незаконченным оказалось в

Заглавная буква из «Тарантаса» (1846).

Заглавная буква из «Помещика» (Агин, 1846).

начале 40-х годов чудесное издание «Наших» с рисунками Тимма, в конце—агинская галлерея гоголевских типов.—Цены здесь не были бы помехой. «Наши» продавались по 40 коп. за выпуск, агинские «Сто рисунков из Мертвых душ» должны были стоить 10 рублей.—В проспекте «Наших» хорошо говорится о том, что потребление рождает спрос.—Но очевидно в какой-то мере столь ценимые нами теперь иллюстраторы и гравера не удовлетворяли своих потребителей. Может быть потому, что Агин все-таки разбавил Гоголя водой, что тиммовское остроумие все-таки—на поверхности, а авторы «Наших»—чрезвычайно второй сорт?

Как бы то ни было, в эволюции русской книги 40-е годы в связи с гравюрой на дереве образуют чрезвычайно интересный и важный этап, обойти которого не в праве ни историк, ни друг книги, ни кто-либо, принимающий к сердцу будущие судьбы нашего полиграфического производства.

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

I. „СРЕДИ СТИХОВ"—Валерий Брюсов. II. „ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КРИТИКИ"—Валерий Брюсов. III. „МЕЧТАТЕЛИ"—П. С. Коган.

I. СРЕДИ СТИХОВ.

Первая волна свободного издательства, прихлынув, оставила на прилавках книжных лавок, словно прибой ракушек, много десятков стихотворных сборников. Бóльшая часть—тоненькие и маленькие, но есть и покрупнее, есть и совсем большие, иные—с претензией на изящество издания. Одни подписаны именами давно знакомыми, другие—мало знакомыми, третьи—незнакомыми совсем. Тут и символисты, и акмеисты, и футуристы, и пролетарские поэты, и многие другие «школы», имажинистов, неожиданно, пока меньше всего. Но, если искать общего у всех этих поэтов, придется признать лишь одно, очень грустное, сходство: громадное большинство удивительно чуждо современности; словно целые десятилетия эти поэты провели где-то в некоем «очарованном сне».

Не будем говорить о таких книгах, напр., Ф. Сологуба, Н. Гумилева [1]) и др., которые, хотя и напечатаны под 1922 г., являются повторением, полностью или в значительной части, уже известного. Но вот—Иннокентий Оксенов [2]), поэт, о котором только по примечанию на последней странице узнаешь, что он уже выступал в печати, пять лет назад, сборником «Зажженная свеча». Стихи помечены все последними годами, и под 1920 г. читаем:

И радостно поет сознанье:
Мы вместе встретили зарю,
И на тебя, мое созданье,
С улыбкой гордою смотрю.

Неужели это писано не сто лет назад? А ведь известная «культура стиха» есть у И. Оксенова, но старые трафареты и клише давят его, и ему ничего не стоит сказать:

И остается мне одно—
Моя мучительная нежность.

Оксенову вторит Л. Берман [3]), тоже довольно умело делающий свои стихи и тоже уже не дебютант (в 1915 г. сборник «Неотступная сюита»); чуть не из Сологуба такое четверостишие:

Но, ногтями царапая щеки,
Истязуя себя без конца,
Не сниму я в последние сроки
Этой гипсовой маски с лица.

---

[1]) *Ф. Сологуб*, Соборный благовест. «Эпоха». Пб. 1922. — *Н. Гумилев*, Мик. Африканская поэма. 2-е изд. «Мысль». Пб. 1922 г.—Н. *Гумилев*, Фарфоровый павильон. Китайские стихи. 2-е изд. «Мысль» Пб. 1922.

[2]) *Иннокентий Оксенов*, Роща. «Эрато». Пб. 1922.

[3]) *Л. Берман*, Новая Троя. «Эрато». Пб. 1921.

(Только Ф. Сологуб не допустил какофонии: «ски-е-ли»). Впрочем, Л. Берман «может» и гораздо хуже:

Еще в четырнадцатом, Нина,
Ты хрупкой девушкой была,
Теперь в подобьи кринолина
Ты от другого понесла.
Но в чем стыдливого мечтанья
Встают ли, будущая мать,
Брезгливые воспоминанья
О том, что трепетом желанья
Могло когда-то возбуждать... и т. д.

Образчик не-поэзии, где многие поэтические «приемы» на-лицо.

Классический пример такого «оранжерейного пустоцвета» нашей поэзии—книжки Конст. Липскерова [1]), автора «Песка и Роз» (1916 г.) etc. etc. Разновидные размеры; формы, вроде сонета, газеллы, баллады; сюжеты от курения опиума, через Туркестан, до философских и политических рассуждений, и т. под., а в целом—бледно, скучно и, главное, старо, знакомо, читано.

Не прерывай
Мои мечтанья,
Не прерывай.
Дари касанья и лобзанья,
Люби, сгорай.

Не верится глазам. Это и сто лет назад уже было нестерпимо. Но не утешительнее и те стихи К. Липскерова, где есть всевозможные эстетные вычуры, но где роковым образом трещат рифмы «ночи—очи», «землю—внемлю», «жребий—в небе», «идол—выдал», «лепет—трепет» и т. под. Изумительно, почему это некоторым поэтам непременно подвертываются на конец стиха те же самые слова, как в стихах, написанных за много лет до них! И напрасно К. Липскеров уверяет, что

К жизни старой узорочью

(кстати: хорош стишок сам по себе!) он «припадает взором»: жизни, даже «старой», в его стихах и нет.

Пожалуй, еще печальнее, когда поэт повторяет самого себя, и повторение это—безмерно бледнее. Таковы стихи Анны Ахматовой [2]). Местами они кажутся пародией на Ахматову, с постоянными срывами в такие прозаизмы—

От меня ты не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл.

---

[1]) *К. Липскеров*, Туркестанские стихи. «Альциона». М. 1922.—*К. Липскеров*. Золотая ладонь. «Северные дни». М. 1922.—Во вторую книжку вошли многие стихи из первой.

[2]) *Анна Ахматова*, Anno Domini MCMXXI. «Петрополис». Пб. 1922.

Или в такие песенные склады—

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.

При чем дальше сообщается, что у этого «дракона»—«висит на стенке плеть» (странный дракон!). Весьма жаль, что близкие друзья не отговорили А. Ахматову от печатания (и—увы—перепечатания!) многих ее последних стихов.

Этот синодик поэтов-окаменелостей можно было бы продолжать, по книжкам 1922 г., еще долго. Сюда вошел бы Георгий Адамович [1]), ныне выступающий со «второй книгой», где сонет посвящен, напр., Воробьевым горам:

Звенит гармоника. Летят качели.
«Не шей мне, матерь, красный сарафан».
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Это, кажется, называется акмеизм. (Только почему «матерь» вместо «матушка»?) Правда, сонет помечен «1917», но стихи 1920 и 1921 г.г. все такие же.

Мог бы войти в список и Георгий Чулков [2]), открывающий «17 августа 1920 г.» такой новый символ—

И все прекрасней и стыдливей
Благоухает нежный злак
На солнцем обогретой ниве,
Как воскресенья вещий знак.

Только здесь необходимо оговориться, что вообще—стихи Г. Чулкова все же гораздо интереснее, живее рассмотренных раньше: в них есть мысль, попытки смотреть и думать по-своему.

Но откладываем несколько книжек без отзыва и берем еще лишь две, которые и из этого ряда «выходят». Читаем:

Не для восторгов хмельной сечи,
Не для разбоя, не на вече
Норманы хмурые толпой
Сошлись в высокомрачном зале,
Где дымно факелы пылали... и т. д.

Что это? неужели не до-пушкинские стихи? Нет, современная поэма «Аларис» М. Штромберга [3]), коей предпослано еще и «посвящение» триолет:

Твой поцелуй медлительный и нежный
Еще цветет и рдеет на устах,
Как лунный луч, уснувший на цветах... и т. д.

Пожалуй, еще примечательнее стихи Н. Захарова-Мэнского [4]), перечисляющего 4 названия под рубрикой «книги того же автора», но в

---

[1]) *Георгий Адамович*, Чистилище. Пб. 1922.
[2]) Стихотворения *Георгия Чулкова*. «Задруга». М. 1922.
[3]) *М. Штромберг*, Аларис. Возмездие. «Ипокрена». 1921.
[4]) *Н. Захаров-Мэнский*, Печали. «Неоклассики». М. 1922.

стихах наивно-беспомощного в такой мере, что почти обезоруживает критику.

Люблю тебя, Москва; твои соборы
И Кремль с бойницами на вековой сте е...
Часовен старых ряд напоминает мне
Всегда былой Москвы цветистые узоры.

Княжна в беседке прошлым летом
С кузеном помнила свиданье.

Даже непонятно, как такие стихи могут быть написаны в годы, когда любой Иннокентий Оксенов умеет свернуть строфу по-Блоковски, притом поэтом, посвящающим стихи К. Бальмонту. Не нужно было бы и говорить об этой книжке, если бы не стояла на ней неожиданная помета: «Неоклассики».

Отметим попутно, что чуть ли не все эти поэты, «неоклассики», «акмеисты» и иные, чувствуют себя весьма плохо: жизнь и современность им ужасно не нравятся. Г. Чулков посвящает такие стихи «Маю 1920 года».

Иссякли все источники. Все сухо.
И май—не май, и не жива весна.

А в июле того же года сознается:

Жизнь все тоскливей и нелепей
Не горяча, не холодна.

Книга Анны Ахматовой начинается такими словами:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло.

К. Липскеров жалуется: «Как земная стара дорога!», Л. Берман в ряде стихотворений рассказывает, как к нему «смерть пристала» и как вкруг него «молчание погоста». И. Оксенов проклинает «невыносимое ярмо» и «неумолимейшую судьбу». Г. Адамович молит: «Устали мы. И я хочу покоя». Н. Захаров-Мэнский свою книжку озаглавил «Печали». И т. д.—Разумеется, было бы нелепо относить эти стихи к явлениям нашей общественной жизни: это все—личные признания поэтов, подсказанные обстоятельствами личной жизни. Но разве не характерно, что всех их жизнь настроила «на минорный лад»?

По крайней мере, от «минора» освобождаемся мы в стихах пролетарских поэтов [1]). Но во многих других отношениях, к удивлению, оказываемся в стихии очень похожей, во всяком случае—в кругу тем, приемов и словосочетаний, отживших и сданных в архив задолго до прихода пролетарских поэтов. В. Александровский воспевает свою огненную страсть стилем Бенедиктова:

---

[1]) *В. Александровский*, Утро. — *Владимир Кириллов*, Паруса. — *Семен Родов*, Прорыв. — *Гр. Санников*, Лирика. — «Всероссийская Ассоциация Пролетарских поэтов». М. 1921.

Я не боюсь сгореть на пламени
Твоей пылающей души.

Любимая!.. На всех дорогах я
Был расточителен, как бог,
И все ж у жертвенника нового
Остаться зрителем не мог.

Гр. Санников лю́то печалится:

Как тяжело любить не нравясь
И взором обнимать не ту.

В. Кириллов яро полемизирует с «жрецами искусства», жалуясь, что те назвали «гуннами» пролетарских поэтов—

За то, что огненные струны
Смутили лепет слезных лир.

(Однако, если вместо «лир» употреблять «струны», отличие от «жрецов» будет не велико!) Тот же В. Кириллов пишет «другу-критику»:

Какая чушь. Какой мудрец грошевый
Все это выдумал, не верь, мой друг, не верь.

Не даром лоб мой многодумье гложет
И зрелым яблоком свисает голова.

«Лоб гложет многодумье», кто кого?)

Все же, по счастью, этими реминисценциями «жертвенников», «струн» и «огненной страсти» стихи пролетарских поэтов не ограничиваются. Так или иначе они с современностью соприкасаются, не отрезаны от нее. Во-первых, там и здесь есть у них некоторые поиски новой техники,— правда, больше в духе имажинистов (напр., у С. Родова дома «налегли плечом на закат» и «хватают за бархат лапок тучи»). Во-вторых, на иных страницах стихи вспоминают и «Красный Кремль», и «заводы», и все, что еще недавно составляло основные темы пролетарской поэзии. В новых книжках яркого в этом направлении не дано ничего, и когда С. Родов собирается—

Основы мира потрясти,

то это—явное преувеличение; но, по крайней мере, эти поэты хотят быть живыми.

Как будто в иную стихию попадаем мы, берясь за книжку Наталии Бэнар [1]); но это—только первое впечатление. Если у символистов и акмеистов—трафареты поэзии прошлого века, перешедшие по наследию и к пролетарским поэтам, то у Н. Бэнар—тоже трафареты, только более поздние, из нашего нео-футуризма. Господствующий размер—«дольники», т.-е. гейновский Knittelvers, излюбленный футуристами, не дающий у Н. Бэнар ничего нового по ритмам; в традиционных размерах—подражание по ритмам Борису Пастернаку, доходящее до передразнивания

[1]) *Наталия Бэнар*, Корабль отплывающий. «Альциона». М. 1922.

(стихотв. «Когда тобой глаза полны,—Чечоткой сердце о земь»). Рифмы—непременно неточные, разработанные футуристами же, но или обличающие странную глухоту автора к созвучиям («тьму—муть», «земли—лип», «чеканю—одуванчик», «морю—кормой», «плачь же—мальчик»), или насильственные («исхлестав их—эпитафьей», «любви занозой выдрав—эпиграф», «света бы—нетопырь»), или тождесловные («изжога—жег», «обрыв—обрывки»). Метафоры—наи-модернистичнейшие, но явно надуманные («месяц, взведенный курком», «недели вышли навстречу похоронными клячами», не то ночь, не то луна «выплескивалась до дна», «небо истаяло дочерно»), а рядом—срывы в прозаизмы («но близость неизбежной гибели—Душе беспечной не страшна», «закаты текут за закатами», «мне сердце на память приносит») или в условности («виски Хроноса»). Конечно, также—изломанный синтаксис, но часто, неизвестно зачем, попытки звукописи, но наивные («грозой грозит») и т. д. А как смысл всего—

Я губы отдала кому-то...

и т. под. К чему требовалась вся эта футуристичная бутафория, остается не ясным.

Но стихи Н. Бэнар все же—серьезные попытки что-то сделать, что-то выразить; они связаны с общей работой современной поэзии над новыми приемами изобразительности. А что сказать о А. Крученых [1]), который за десять лет «ничего не забыл и ничему не научился», опять сидит перед нами «все в той же позиции». На одних страницах «заумный язык»:

Миз—ку—а—бун—о—куз,
Са—ссакууи!!! зарья!!! качрюк!

на других—пошлейшие вирши, посвященные—увы!—голоду на Поволжье:

Мать сказала и тихонько вышла...
Дети глодали с голодухи,
Да видят, в котле плавают человеческие руки...
У-ох! завопили, да оравой в дверь—
И еще пуще ахнули... и т. д.

В общем, ничего действительно выдающегося, сильного, в области стихов, первая волна частного издательства не принесла, по крайней мере, ничего такого в мои руки не попало [2]). Однако справедливость требует исключить из общего приговора несколько книжек дебютантов. Безусловно плохи стихи Марии Шкапской [3]), но дело в тем, что это не столько «стихи», сколько страницы интимного дневника, печатать которые не следовало, но которые еще не говорят против поэтических способстей автора. Зачастую слабы и надоедливы упорным повторением церков-

---

[1]) *А. Крученых.* Голодняк. М. 1922.

[2]) Умалчиваю о книге: *Андрей Глоба*, Уот Тайлор, Гос. Изд., Пб. 1922, которая заслуживает отдельного разбора.

[3]) *Мария Шкапская*, Mater dolorosa, Пб. 1921.

но-евангельских образов стихи А. Ильиной [1]), но есть в этих стихах и намеки на своеобразие, какие-то зачатки *своей* поэзии. Совсем хорошие стихотворения есть у Я. Зунделовича [2]), но лишь в начале маленькой книжки. Смутно брезжут какие-то, пока весьма неопределенные, возможности в тоненьких брошюрках провинциальной А. Палея и московских А. Жарова и Ф. Коршунова [3]). Впрочем, о трех последних книжках это можно сказать, только видя в них совсем ученические опыты.

II. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КРИТИКИ.

Есть два рода полемики одна—личная, состязание в остроумии и колкостях, порой забавная для читателей, но почти всегда бесполезная для дела; другая—деловая, опирающаяся на факты, доказывающая и опровергающая, конечно, гораздо менее увлекательная в чтении, но помогающая разрешить тот или иной вопрос. Для этой второй полемики я и прошу несколько страниц у «Печати и Революции», полагая, что «вопрос»,—как должно издавать Пушкина,—стоит того, чтобы разбирать в нем и детали.

И прежде всего позволяю себе представить читателям противников, полемистов».

С одной стороны, я, пишущий эти строки, который не раз встречал о себе в печати уверения, что он—«один из наших лучших знатоков Пушкина». Мой стаж по изучению Пушкина довольно велик. Начал я печатать работы по отдельным вопросам пушкиноведения в 90-х годах минувшего века (в «Русском Архиве» и др. изд.). В 1903 г. мною издан сборник новых (неизданных тогда) писем Пушкина и к Пушкину, по рукописным материалам. В 1907 г.—исследование о лицейских стихах Пушкина, на основании изучения рукописей Румянцевского музея. Вообще в 900-х и 910-х годах напечатан ряд статей о Пушкине, общих и специальных, напр., подробная критика I тома Академического изд. Ныне редкое сочинение о Пушкине обходится без ссылки на мои работы. В издании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова помещен ряд моих статей и заметок. В 1913 г., по поручению к-ва «Деятель», я предпринял новое изд. сочинений Пушкина, которое не могло осуществиться. В 1918 г., по поручению Гос. Изд-а., я стал готовить еще одно издание соч. Пушкина, из которого вышел I том (М. 1920). В 1922 г., вновь по поручению Гос. Изд-а, я взял на себя труд по подготовке полного собрания соч. Пушкина по новому плану.

---

[1]) *Александра Ильина (Сеферянц)*, Земляная литургия. М. 1922. — Кстати, этих церковно-евангельских образов вообще очень много в современной поэзии: переполнена ими, напр., книга *Варвары Бутягиной*, Лютики, Гос. Изд., Пб. 1921.

[2]) *Я. Зунделович*, Стихотворения, М. 1922.

[3]) *А. Палей*, Бубен дня, Екатеринослав 1922.—*Александр Жаров*, Слово о Поволжьи, М. К. Р. К. С. М., Москва 1921.—*Ф. Коршунов*, Песнь о погибели Киева, М. 1922.

С другой стороны, Модест Людвигович Гофман. Раньше я его знал как поэта и относился критически (в печати) к его стихотворным попыткам. В 1914—1915 г.г. М. Гофман редактировал «малое академическое» изд. соч. Боратынского; мне пришлось в печатных рецензиях сурово отозваться об этой его работе, в которой, не к месту, он применил к стихам Боратынского метод, предложенный мной для издания лицейских стихов Пушкина. В 1917—1919 г. М. Гофман напечатал в Чернигове собрание стихов Пушкина и две книжки о нем; этих книг я не видел. В 1920 г., в Петроградском Гос. Изд-е, вышел «Евгений Онегин» под редакцией и с примечаниями Гофмана,—работа старательная, но о которой говорить подробнее здесь не место. В 1922 г., в изд-ве «Атеней», появилась книжка М. Гофмана «Пушкин. Вступительная глава науки о Пушкине»; эта книжка и подает повод к нашей полемике.

С самого начала я отказался от «состязания в остроумии». Иначе богатую поживу мне могли бы дать начальные страницы этой «первой главы науки». Написана она приподнятым тоном. В ней говорится о том, «как поэт высекает из мраморной глыбы создание Гения своим творчески художественным чутьем», а некий «он» (кто «он», грамматически весьма неясно, см. стр. 14), «гоняясь за бесплодным призраком художественного Гения, обнимает только бестелесную тень» (ох, бывают ли «телесные тени»!) и т. под. Далее сообщаются разные истины, вроде того, что «Пушкин чутко относился ко всему поэтически-прекрасному, искал и находил прекрасное в прошлом и настоящем (стр. 24); что, «как ни была велика в некоторых случаях сила личного влияния Пушкина, не следует ее преувеличивать» (стр. 34); что «поэты пушкинской плеяды были связаны с Пушкиным не только общностью литературных традиций, но и общностью дум, чувств и настроений» (стр. 34) и т. д. Если бы желать полемизировать (в первом роде), можно было бы словами одной старой эпиграммы (Боратынского с поправкой Пушкина) сказать о Модесте Гофмане

Ну что ж? Бог с ним! все это к правде близко,
А, кажется, и ново для него.

Но я оставляю «полемический» тон и перехожу к фактам.

Характеризуя вышедший под моей редакцией I том Сочинений Пушкина, Гос. Изд., М. 1920 г., М. Гофман говорит, что «когда просматриваешь» это издание, «видишь себя сидящим у разбитого корыта, и хочется вернуться, если не к первому посмертному изданию 1838 г., то к изданию 1905 г. под редакцией П. О. Морозова»; что издание «свидетельствует о весьма свободном обращении Брюсова с текстом Пушкина»; что Брюсов «доводит до карикатуры» некоторые «бытовые явления» в пушкиноведении, дает «курьезы» и т. д. (стр. 50, 61). Все эти обвинения, будь они справедливы, достаточно важны. Прежде всего, если таково издание под моей редакцией, 1920 г., вряд ли я имею право принять предложение того же Гос. Изд-а начать новое издание в 1922 году.

Хвалить себя я не намерен. М. Гофману ближе, чем многим другим, должны быть известны неоспоримые достоинства моего издания 1920 г.

В него включен ряд стихотворений Пушкина, не входивших ни в одно из предыдущих изданий (в примечаниях к моему изд. это везде оговорено); в нем исправлен длинный ряд несомненных ошибок всех предыдущих изд., не исключая Академического и С. Венгерова (не говоря уже об изд. П. О. Морозова и П. А. Ефремова, ошибками кишащих); в нем приведен также длинный ряд вариантов, впервые включенных в изд. сочинений Пушкина; в нем есть, наконец, стихи Пушкина, вообще впервые появившиеся в печати, и т. д. Повторяю, М. Гофман, как «пушкиновед», не может этого не знать. Следовательно, М. Гофман считает, что все достоинства моего изд., так сказать, перевешиваются его недостатками, так что в итоге получается «карикатура». Об этих недостатках, указываемых М. Гофманом, я только и буду говорить.

Основное обвинение состоит в том, что я «весьма свободно обращаюсь с текстом Пушкина». «То, что кажется невозможно, оказывается возможным,—пишет М. Гофман,— и в брюсовском издании принимает невероятные размеры: поэт-редактор переделывает пушкинскую прозаическую запись в стихи, переделывает, дополняет своими словами и выражениями стихи Пушкина, склеивает, иначе говоря, сам компанует из двух различных пушкинских редакций новую и проч.» (стр. 57). Следуют примеры.

Обвинение будто бы важное. Но, если его взять с его принципиальной стороны,—пока вне примеров,—то я утверждаю, что такому же обвинению должны подвергнуться *все* без исключения редакторы сочинений Пушкина в прошлом и, вероятно, должны будут подвергнуться и все будущие редакторы, которые захотят дать издание для широких кругов читателей, а не для 2-3 десятков специалистов. Существо дела таково, что оно иначе выполнено быть не может, как при известной доле творческого содействия редактора. Рукописи Пушкина (да и многие первопечатные тексты его произведений) дошли до нас в таком состоянии, что мы или должны отказаться от печатания чуть ли не двух третей из всего написанного Пушкиным, или неизбежно печатать иное слово, иной стих, иную редакцию—по догадке. Насколько удачны будут эти догадки, зависит от того, насколько редактор вообще знаком с Пушкиным и понимает его, и насколько «редактор» в то же время «поэт». Одни в праве позволить себе большую смелость в этом отношении, другим разумнее быть осторожными, но без «догадок» не обойдется никто. Напомню, что при издании античных авторов никто не возражает против права редакторов на «конъюнктуры»; почему же лишать этого права редактора Пушкина?

Выше я сказал, что от такого права может отказаться лишь редактор, назначающий свое изд. для узкого круга специалистов. Только такого редактора и может иметь в виду М. Гофман, когда ставит альтернативу: печатать или «транскрипцию», или вовсе не печатать черновых набросков Пушкина. А что такое «транскрипция»? Это—точное воспроизведение рукописи, со всеми зачеркнутыми в ней словами. М. Гофман сам дает прекрасную иллюстрацию транскрипции, предлагая печатать одну стро-

фу в романсе о «бедном рыцаре» так (поставленное в скобки—зачеркнуто в рукописи):

(Онъ увидѣлъ у креста)
(И) (Онъ благодатную) (Марію)
поѣхалъ онъ
(Матерь Господа) Христа
Он увидѣлъ (разъ) у въ Женеву
На пути
(близъ) (близъ) (На дорог *неразб.*) у креста
(Над) (ручья) (видѣлъ) (Видѣлъ) (онъ) Марію Дѣву—
Матерь Г. Христа—

Кому могут быть нужны эти бессвязные с виду строки, кроме самих «пушкиноведов»? И я полагаю, что правильно поступали все издатели, печатая, вместо этой груды слов, связную строфу:

Раз поехал он в Женеву
И увидел у креста
На пути Марию Деву,
Матерь Господа Христа.

В самом деле: строфа эта получена из следующих слов, оставшихся не зачеркнутыми в рукописи:

поехал он в Женеву
Он увидел у Христа креста
На пути Марию Деву,
Матерь Г. Христа.

Пушкин, наскоро набрасывая свои стихи, конечно, не принимал в расчет будущих исследователей его рукописей, писал не для них, а *для себя*. Поэтому он не позаботился зачеркнуть в стихе, «Матерь Господа Христа»,—стоявшим первоначально на втором месте, а потом вновь написанном на четвертом,—вместе с двумя первыми словами и третье, так что незачеркнутым осталось слово «Христа», явно излишнее; не позаботился особым знаком «восстановить» сначала зачеркнутое слово «Раз», необходимое в первом стихе; не позаботился указать, что после переноса слово «он» в первый стих, его необходимо во втором заменить сначала зачеркнутым словом «И». *Формально* этих трех поправок в рукописи нет; но «догадка» говорит нам, что сам Пушкин прочитал бы свою рукопись (вышеприведенную транскрипцию) именно так, как ее напечатали его редакторы.

Ныне М. Гофман имеет в своем распоряжении рукопись из парижского собрания А. Ф. Онегина, по которой можно установить более точно и процесс работы Пушкина над романсом о «бедном рыцаре» и те отдельные редакции, какие он принимал при этом. Очень приятно! Но до 1922 г. редакторы Пушкина ведь не имели в своем распоряжении этой рукописи! Стало-быть, им оставалось или скрывать от читателей замечательные строки Пушкина, или печатать их в предлагаемой М. Гофманом форме «транскрипции»,—что, пожалуй, одно и то же. А сколько черновых набросков

Пушкина никогда не будут пояснены какой-либо новооткрытой рукописью! Что же! их все должно скрыть от читателей или похоронить в ученых «транскрипциях»?

Перехожу к примерам М. Гофмана.

В III томе Академического изд. напечатана «транскрипция» одного стихотворения Пушкина. Что такое транскрипция,—мы видели. *Не имея доступа к рукописи;* я предпочел в своем изд. не просто перепечатать (что было бы очень легко) эту, большинству читателей, ненужную транскрипцию, а дать связное чтение, именно следующее:

Гречанка верная! не плачь, он пал Героем,
Свинец врага ему вонзился в грудь,
Не плачь,—не ты ль сама пред первым боем
Ему назначила кровавой чести путь.
Быть может, втайне он предчувствовал разлуку,
Когда в последний раз простер тебе он руку,
Младенца своего в слезах благословил.
Но знамя черное Свободой восшумело,
Как Аристогетон, он миртом меч обвил,
Свершить великое святое дело
Он в битву ринулся—и падший совершил.

М. Гофман, располагающий теперь рукопись, сообщает, что стихотворение должно читать иначе, а именно:

Гречанка верная: не плачь, он пал Героем
Свинец врага в его вонзился грудь—
Не плачь—не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавой чести путь.
Тогда тяжелую предчувствуя разлуку
Супруг тебе простер торжественную руку
Младенца своего в слезах благословил
Но знамя черное Свободой восшумело—
Как Аристогетон он миртом меч обвил—
Он в сечу ринулся—и падший совершил
Великое святое дело—

Верю, что чтение М. Гофмана правильно. Однако, судя по транскрипции, ему все же пришлось включить в свою редакцию слова, в рукописи *зачеркнутые:* «разлуку», «супруг тебе простер», «он в сечу». Отличия же моего чтения—не что иное, как тоже зачеркнутые в рукописи слова, которые, стало-быть, оказываются «первоначальными вариантами». Но спрошу: пока Академия Наук в течение 15 лет «солила» рукописи Пушкина из собрания Онегина, сообщала из них в печати лишь заглавия (1909 г.) или преподносила их в форме «транскрипций» (1912 г.),—не лучше ли было, не дожидаясь выхода книжки М. Гофмана, уже в 1920 г. дать возможность читать один из интереснейших черновых набросков Пушкина? В конце концов, мое чтение воспроизводит ведь именно этот набросок, хотя бы и в его «первоначальной» редакции, но вполне знакомящий с замыслом Пушкина. Добавлю, что, во-первых, в моем изд. стихо-

творение напечатано в отделе «черновых набросков», и что, во-вторых, к стихотворению сделано примечание: «*Многое восстановлено по догадке*». Следовательно, читателей я не вводил в заблуждение, будто перед ними—несомненный текст.

Другой пример М. Гофмана—тот самый романс о «бедном рыцаре», о котором была речь выше. М. Гофман опять победоносно нападает, опираясь на рукопись из собрания Онегина. Повторяю, я этой рукописи не видел и видеть *не мог*. В моем изд. стихи, напечатанные мною по рукописи, везде отмечены; романс напечатан на основании прежних *печатных* текстов и за правильность чтения рукописей ответствен не я, а предыдущие издатели; это—первое. Второе: М. Гофман опровергает меня: «романс сохранился *не в двух, а в трех рукописях*». Но я и не говорил нигде о двух «рукописях»; у меня сказано «сохранилось две *редакции*, полная и сокращенная, включенная в Сцены из Рыцарских Времен». О третьей рукописи в собрании Онегина я мог знать только то, что сказано в описании Б. Модзалевского (1909 г.), где читаем только: «*черновик* стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный» и ничего больше (впрочем, прибавлено: «$^1/_2$ листа почтовой бумаги большого формата» и «жандармская помета 8»).

Итак, передо мной были две редакции романса: одна—«наброски, не дающие связного чтения» (выражение М. Гофмана), другая—сокращение, сделанное Пушкиным явно из цензурных целей. (Это сокращение, в моем изд., должно было появиться на своем месте, в одном из следующих томов.) Каким же образом было познакомить читателей с этим романсом в его целом, не имея рукописи Онегина?—Кажется, единственным, мною принятым: взять сокращенную, обработанную редакцию, и дополнить ее из черновой рукописи теми строфами, которые Пушкин выкинул по цензурным соображениям. Но, поступив так, я *не скрыл* этого от читателей: в примечании все это совершенно точно указано, и читатель знал, с чем он имеет дело.

Теперь М. Гофман опубликовал «связное» чтение романса по рукописи Онегина. Несомненно, оно отличается от напечатанного в моем изд. Но чем? Преимущественно тем, что стихи текста Гофмана (почти все) приведены у меня в списке *вариантов* (о чем М. Гофман в своей книжке умалчивает) и что, следовательно, иные стихи моего текста оказываются «первоначальными вариантами». Перестановка двух строф (8-ой после 5-ой) тоже указана у меня в вариантах. Несомненно, разница двух текстов есть. По рукописи Онегина читается:

Полон набожной любовью,
Верен девственной мечте,

У меня в тексте:

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте.

А в вариантах:

Полон детскою любовью,
Верен набожной мечте.

Но где же здесь «карикатура» на Пушкина?

Совсем дурного тона выходка М. Гофмана в примечании к этому стихотворению (стр. 80), где он иронически восклицает: «рифмы *с кончиной* и *сбирался* Брюсов, очевидно, тоже относит за счет редакции». Всем понятно, что в черновом наброске два стиха с этими окончаниями остались не срифмованными. Вдобавок, у меня в примечании прямо на это указано и высказано предположение, что со словом «сбирался» должно было бы рифмовать слово «скончался»; в рукописи Онегина оказалась угаданная мною рифма: «кончался».

Полагаю, что подробного разбора этих двух «примеров», которым сам М. Гофман посвящает особенно много места, достаточно. О других скажу кратко.

В эпиграмме на Булгарина у меня последний стих напечатан «Беда, что ты Фаддей Булгарин», а чтение «Беда, что ты Видок Фиглерин» приведено в вариантах (Гофман, стр. 57—59). Почему? Да именно потому, что я здесь последовал принципам М. Гофмана (о чем можно пожалеть) и предпочел формальные соображения—догадке. Я перепечатал эпиграмму с *единственного* современного Пушкину печатного текста, а автографа ее до нас не дошло. Действительно, лучше было отказаться от формальных соображений и довериться спискам и «догадке».

«Мое завещание друзьям» напечатано у меня по *двум* рукописям (Гофман, стр. 82). Почему? Это объяснено у меня в примечаниях: «автограф» Пушкина небрежен, в нем ряд стихов без рифм; поэтому наш текст пополнен по списку Илличевского, но в основу положен автограф». Неужели же соблюдать формализм до такой степени, что благоговейно блюсти все случайные описки Пушкина? В ученом издании их отметить должно, но сохранять навсегда в тексте,—нелепое крохоборство!

В стихах «К кастрату раз»... слово «певец» заменено конъюктурой «богач» (Гофман, стр. 60). Догадка (кстати сказать, не моя), повидимому, ошибочная. Но, во-первых, она опять-таки *оговорена* в примечании, так что читатель знает, что это — «догадка», «конъюктура»; во-вторых, принципиально такие поправки не могут быть отвергаемы: ведь возможна опечатка в тексте, откуда были взяты стихи, или даже описка в рукописи.

Пушкинская прозаическая запись «переделана» в стихи (Гофман, стр. 57). Нисколько не переделана. Добавлено (в прямых скобках, в знак, что это—добавление) *одно* слово, необходимое по смыслу: «вас», все остальное напечатано слово в слово и слово за словом. Не моя вина, если получились правильные ямбы. И притом, опять-таки, это оговорено в примечании.

Есть и другие замечания в книжке М. Гофмана, но все они такого же рода. Что же вытекает из этих примеров? Мне кажется, никак не право М. Гофмана употреблять такие выражения, как «карикатура», «курьезы» и т. под.

Что в моем изд. есть недостатки, ошибки, досадные просмотры,— я это теперь знаю лучше всякого другого. Да и заранее можно было знать, что без тех и иных недочетов исполнить такую кропотливую работу, при-

том в короткий срок,—невозможно. Академия Наук, работая целой коллегией специалистов, за *двадцать шесть* или *двадцать восемь* лет (работы начались в середине 90-х годов прошлого века) напечатала всего 4 тома сочинений Пушкина (отдельно—«Историю Пугачевского бунта» и «Переписку»), где стихи доведены лишь до 1827 года. Тем не именее эти 4 тома далеко не свободны от всякого рода ошибок, а по методам работы—все между собою различны. При таком темпе можно ждать завершения Академического изд. разве еще лет через 20, да и тогда получится издание, лишенное всякого единства, первые томы которого давно устарели. Для меня, по крайней мере, явно, что, оставляя Академию выполнять ее (весьма важное) дело, необходимо параллельно с тем давать читателям иного рода издания Пушкина, редактор которых довольствовался бы тем, что сводил к единству все, накопившиеся к определенному моменту, наши знания о Пушкине, не задаваясь целью—дать некий «канон», долженствующий остаться непререкаемым на веки веков, и, в частности, не вменяя себе в обязанность вновь переисследовать и переизучить *все* рукописи Пушкина, на что потребны, для одного человека, *десятилетия* усидчивого труда.

Только такую задачу я и ставил себе в своем издании: дать итог тому, что уже сделано для изучения Пушкина. Поэтому обвинения, что я не видел такой-то рукописи, я никак принять не могу, тем более, что те рукописи, на которые ссылается М. Гофман, я и *физически видеть не мог:* они были в распоряжении Академии Наук, и никто «посторонний» не мог даже смотреть на них. На принципиальные же обвинения М. Гофмана я даю два ответа. Во-первых, «участие» редактора в выработке текста Пушкина *неизбежно;* иное может быть лишь в специальных изданиях, стремящихся приблизиться к фотографическому воспроизведению отдельных рукописей. Во-вторых, везде в моем издании ясно указано (в примечаниях или условными знаками), какой именно текст оно дает, так что читатель нигде не вводится в заблуждение. Кстати сказать, если мое изд. чем отличается от предыдущих, то именно этим.

Можно было бы еще поставить немало вопросов по поводу критики М. Гофмана. Почему, напр., он так охотно критикует мое изд., но рассыпается в похвалах I тому Академического изд. (стр. 138), хотя и принужден признаться: «можно и должно говорить о неправильном *редакторском* приеме Л. Н. Майкова»? Этот прием состоит как раз в нарушении всех основных «правил», выдвинутых М. Гофманом! Почему, всячески негодуя на приписывание Пушкину чужих произведений на основании сомнительных аналогий, М. Гофман, как только заводит речь о Н. Лернере, весьма и весьма повинном в таком грехе, спешит заявить: «можно приветствовать эти работы Н. О. Лернера» (стр. 133), и т. под. Но я не пишу разбора книжки М. Гофмана и не буду разбирать, насколько его личные симпатии и отношения отразились на его критике.

В заключение только один крохотный факт. М. Гофман вменяет себе в заслугу, что им впервые восстановлено подлинное заглавие стихотворения «К. А. Б.» (стр. 87), в издании «Стихотворений Пушкина», Черни-

гов, 1919. Справившись с моим изд., М. Гофман мог бы увидать, что в нем тоже стоит это «подлинное» заглавие, конечно, безо всякого влияния черниговской книжки (мне и поныне незнакомой), как так соответственный лист моего изд. был отпечатан уже в 1918 г., а весь том сброшюрован в конце 1919 г. Заслуга по восстановлению этого заглавия—не велика, но если уж М. Гофман считает себя в праве похваляться такой мелочью, ему следовало бы осторожнее отнестись к изданию, где подобных «заслуг» не один десяток.

III. МЕЧТАТЕЛИ.

(„Записки мечтателей", I—V).

I.

Два образа глядят на меня из этих «Записок»: астральное тело Андрея Белого и физическое тело «брюнета в котелке».

Это—поэма. повествующая прежде всего о борьбе двух героев нашего времени. Все—авторы, стихи, дневники, рассказы и пародии—только эпизоды большой эпопеи. Андрей Белый—богатырь, своего рода Илья Муромец нового эпоса. «Брюнет в котелке»—Соловей Разбойник, темная сила, завалившая пути.

Сюжет, как и полагается в старых былинах, не сложен. Автору «Эпопеи», во время империалистической войны, понадобилось уехать из Швейцарии в Россию. Там, в Швейцарии, с своей Нелли, в небольшом городке Дорнахе он строил «Иоанново здание» и слушал лекции своего учителя Штейнера.

Эти безобидные занятия не имели никакого отношения к тому делу, которым занимались в то время миллионные армии, истреблявшие друг друга во всех концах Европы. Иоанново здание нужно было Андрею Белому для целей совершенно невинных. По градациям этого здания он узнавал «градации ритмов космической мысли» или «страну живомыслия». Иоанново здание стало ему «образом *феоретических* (курс. *Ан. Б.*) путешествий, оплотнением мыслелетов, слагающих тело духовной культуры» и вообще оказало не мало услуг Андрею Белому. Так, между прочим, обнаружилось, что оно «вырезается из деревянных массивов, чтобы изойти в вышину архитравом *канонов сознательной жизни*».

И за эти мирные занятия «брюнет в котелке» объявил войну мечтателю. Уязвимых фронтов у мечтателя оказалось немало.

Во-первых, Андрей Белый нежно полюбил скромного немецкого педагога Бауера. Во-вторых, он бывал в Берлине. В-третьих, из Дорнаха видны синие гребни Эльзаса, и в пятнадцати верстах оттуда находился западный фронт. Далее, Андрей Белый работал по ночам при свете электричества, и ничто не мешало принять этот свет за сигнализацию. Наконец

его приятель занимался в библиотеке по Ренессансу и не мог на допросе объяснить, зачем ему понадобился Ренессанс.

И много еще преступлений совершил мечтатель. Брюнет умело наносил удары своему врагу. Он являлся ему на улицах Дорнаха. *Его* пугающую тень почувствовал автор «Эпопеи» в английском консульстве в Берне, откуда его вернули в Дорнах за дополнительными удостоверениями. *Он* очутился в вагоне рядом с писателем. *Его* образ чудился бедному мечтателю и в России уже после благополучного возвращения на родину.

Если бы Андрей Белый не был мечтателем, то его поединок с брюнетом завершился бы несомненным торжеством для него и полным конфузом для его противника. Правда, ходить в полицейские бюро—вещь не привлекательная, но, в конце концов, раздобыть удостоверение можно. Скучно и не легко доказывать английским агентам, что Ренессанс—вещь безвредная, но при известном усилии успокоить их на счет этой радостной эпохи вполне осуществимая задача. Ничего не поделаешь. Война всем причиняет беспокойство, от нее приходится терпеть разные неудобства не только путешественникам, но и гражданам, мирно сидящим у себя дома. Проще всего Андрею Белому было откупиться этими удостоверениями от брюнета и навсегда забыть о неприятном происшествии. Так и поступил бы человек обыкновенный.

II.

Но Андрей Белый не может прибегать к простым путям для разрешения житейских затруднений. Мы ходим в калошах и ничего не замечаем. Но Андрей Белый знает, что треугольник на подошве калоши есть «знак божества» и «неспроста этим знаком давно штемпелюют калоши» и неспроста ежедневно мы топчем «этот властный знак божества».

И если мечтателю открыты в треугольнике на калоше чудеса, которых никто не видит, то само собой разумеется, что «брюнету в котелке» не легко было бы обмануть автора «Эпопеи». Он сразу догадался, что брюнет этот не просто сыщик, а нечто огромное и страшное. Вся наша действительность, великая война и великая революция, государства, конгрессы, армии, международные союзы,—словом, все проявления организованной общественности,—все это воплотилось в образе брюнета, все это, оказалось, не имеет иной цели, как помешать ему, Андрею Белому, узнавать «градации ритмов космической мысли».

Поставив себя в центре мира, мечтатель узрел этот мир в виде скопища зловещих видений, ополчившихся на него. Все приняло образы враждебных сил. На что простая вещь—анкета. Мы их заполняли сотнями, в конце концов, привыкли к ним, и они надоедают нам не больше, чем комары летом на даче. Но другое дело мечтатель. Андрею Белому пришлось заполнить их во время пути десять раз (приятно узнать, что и обитатели стран просвещенной Антанты не избавлены от этого странного обычая, который вызвал столько насмешек по адресу варварской Рос-

сии). И мечтатель пришел в отчаянье, сообразив, что эта официальная биография не совпадает с «биографией № 2, протекающей у него в подсознании», что эти сухие даты, год рождения и пр. «не задевают ядра человеческой жизни», потому что «о каждом мы можем сказать: вот он юн, вот уже пробивается в нем борода. Бородка поседела, он—умер».

Отсюда ясно, почему воюют мечтатель и брюнет в котелке, и кто из них начал эту войну. Вина во всяком случае ложится не на брюнета. Он удостоверение от мечтателя получил и, вероятно, забыл о нем, как только тот покинул сферу его наблюдений. Но мечтатель не забыл брюнета.

И вот, перечитывая пять номеров «Записок», вновь и вновь ставлю себе вопрос, кто прав в этом споре и кто должен победить. И отвечаю: прав брюнет и не прав Андрей Белый. И если спросите меня, где истина: в анкете или в Иоанновом здании?—без промедления отвечу: в анкете. И если за что благодарю мечтателей, то за то, что окончательно подтвердили правильность пути современного: через анкету к свободе и творчеству. Окончательно утвердили: мечтания в нытье и в пайки упираются.

III.

В самом деле, борьба между Андреем Белым и брюнетом в котелке, это—борьба двух путей. Путь организованной общественности и путь анархической личности ни с чем, кроме себя, не желающей считаться.

Ведь не потому кошмарным видением предстал брюнет Андрею Белому, что звание «агента» ему противно и ремесло сыщика душе его претит. А потому, что всякое «звание» противно мечтателю, всякое «ремесло» претит его душе. Точь-в-точь как у другого мечтатель Леонида Андреева Сергей Петрович все отверг: и героя, и преступника, и просто обывателя. «Я бы не мог», говорит Сергей Петрович. Кому польза от того, что будет он, Сергей Петрович, коптеть где-нибудь бухгалтером в конторе? Этот бухгалтер такой же символический кошмар для Андреева, как брюнет для Белого.

О если бы только брюнет или те «сэры» и «мистеры», которые докучали мечтателю в лондонских канцеляриях! Этих бы мы охотно подарили Белому. Но для него все на одно лицо. Брюнет разбирается в мечтателях. Мечтатель не хочет разбираться в брюнетах. Брюнет, в конце концов, удовольствовался «удостоверением» и выпустил Белого в Россию, убедившись в его безвредности. А Белый всех «не-мечтателей» в брюнеты произвел и свысока над ними хихикает.

Судите сами: за брюнетом—дом отца, дамы, тоже занятые делом, и тоже пустым делом,—одна особенно замечательна: «у ней так чисто, что слуги уже не метут восковые паркеты, а лижут их... а утром ей тошно от смятой постели». Сам отец, профессор, «юмористик», весьма равнодушный к мистике. Отца родного, ученого математика, для мечтаний своих не пощадил Андрей Белый. И над ним хихикает, над словами его учеными, над этой возней с книгами и над советами маме, над «способами, которые им на все предлагались»: «если бы стали мы прилагать эти способы

к жизни, открылось бы тотчас же *Общество распространения технических знаний* у нас, основателем общества сделали бы папочку, секретарь заседал бы в столовой».

Все на одно лицо: и брюнет в котелке, и дама-хозяйка, и ученый математик. И нет разницы между анкетой и обществом распространения технических знаний. Копошимся мы, мелкие людишки, кто пыль со стола смахивает, кто, жизнью рискуя, шпионов на границе выслеживает, кто алгебраические формулы выводит. И все мы со своими маленькими делами ничего не стоим.

Ну, а мечтатель?

IV.

Мечтатель двояко участвует в наших усилиях, в наших надеждах, очарованиях и разочарованиях.

Во-первых, он наблюдает их и ждет, когда этот крестный путь приведет к цели. Вот слова другого мечтателя. Нельзя же все на Белого ссылаться, хотя ему и отведено главное место в «Записках» и доминирует в них его душа.

Этот другой мечтатель Вячеслав Иванов стал в сторонку, как и Белый, или же поднялся кверху и оттуда видит, что все в нашей жизни поставлено ребром и потому кажется нам, что «отовсюду взгорбились хребты и повыросли кручи и потому кручина в стольких сердцах и вихорь-крутень в стольких умах». Одни кричат: «мы в безвыходном мешке, кручи нависли над нами и нас раздавят»,—другие: «мы забрались на крутизну и головокружительный зияет обрыв»,—третьи: «еще несколько переходов вверх по ущелью, в сердцевину гор, в глубь теснин, а там уж подъем на самый крутой кряж, и затем кряжем и спуск крутой в долы». И никто не знает, что впереди. Да, никто не знает. Но все идут. Идут, царапаются, раздирают себе ноги в кровь, участвуют в общем деле. Вячеслав Иванов видит, «как человечество стремится, ступая по пояс в крови, к тому же солнцу, к той же цели», но он предпочитает от этой неприятной работы отстраниться. И без него люди, хорошенько измучившись, поймут в чем дело и дойдут до цели. Поэтому мечтатель там на высотах поджидает:

Когда ж противники увидят
С двух берегов одной реки,
Что так друг друга ненавидят,
Как ненавидят—двойники?
Что Кришна знал и Гаутама,—
По ужаснувшимся звездам
Когда ж прочтут сыны Адама,
Что в них единый жив Адам?

Третий мечтатель Алексей Ремизов при виде тяжелых событий устроился еще оригинальнее. Он вспомнил старый добрый обычай «в погибельный год жизни—в смуту, разбой и пропад—когда, казалось, земля на которой стоишь, разверзается, готовая поглотить тебя с отчая-

ньем твоим, в минуты горчайшей народной беды и обиды, выступали вперед на Руси скоморохи». Вспомнил и «презирая гнусное человечество», ушел в глухие леса, принял образ Асыки, «верховного повелителя всех обезьян», и издал указ, в котором угрожает изгнанием в среду людей всем обезьянам, подражающим людскому лицемерию.

V.

Было бы, однако, ошибочным думать, что одиночество—цель мечтателей, что они заняты только собою. Им в высокой степени свойственно чувство коллективизма. Они хотят служить человечеству и объединяются для этого дела. Но служат они по-своему и коммуна их строится своеобразным способом.

В руководящей статье читаем:

«Записки мечтателей»—осознание себя рощицей, росшей годами;—разбросанные кучки деревьев и стволы этой рощицы отстояли друг от друга, чтобы выветвить индивидуальные кроны, способные братски обняться и прошуметь песни времени, посылая друг другу порхающих бабочек: вырастить поросль; мы—рощица,—не превращайте в забор нас: заборы не вырастят поросли, местность же, наша страна, ждет от нас тихоструйного облака; не превращайте в заборы нас: если все рощи скрепятся в заборы, изменится климат».

Итак, для осуществления общественной миссии мечтателей необходимо: размещение их на просторе «далеко друг от друга», отсутствие всякого принуждения в этом размещении, иначе забор, а не рощица, далее выветвление индивидуальной кроны вне всякого плана, вне организованных коллективных действий,—действий по соглашению и совместно с другими. В результате сами собой получатся братские объятия и песни времени.

Короче: неограниченный простор личности, остальное приложится. Выветви каждый свою индивидуальную крону—и мир станет рощицей, человечество зацветет братским единством.

Выше всех выветвляет свою «индивидуальную крону» Андрей Белый. Он наделил себя магической силой и объявил свои настроения единственной жизнью мира:

«Мне казалось: от жестов моих в эти миги зависят и судьбы мои, и история мира».

«Устои обычной действительности для меня ерунда; а устои грядущего не отчетливо видны, запылены еще клубами только что бывшего взрыва они; еще пыль разлетевшейся почвы стоит предо мною; и проступающие духовные контуры, опыленные остатками жизни, предстали как ряд парадоксов, нелепиц, невероятных совпадений и удивительных случаев, которыми осыпает судьба; *та судьба теперь—я* (курс. наш); да, мне отданы в руки поводья коней, увлекающих колесницу действительности; нет возницы в ней, я образую действительность в месте, разрушенном взрывами».

«Голод, болезни, война, голоса революции—последствия странных поступков моих».

«Драма судьбы моей—драма, которую переживет скоро мир» и т. д.

Мечтателям, действительно, незачем разбираться в явлениях действительности. В этой действительности в сущности ничего и нет, кроме того, что переживает мечтатель. Достаточно ему заниматься «выветвлением индивидуальной кроны»—и кто умеет видеть, поймет, в чем дело. Если бы во-время занялись Андреем Белым, не было бы тех несчастий, которые обрушились на мир.

VI.

Увы! дело оказывается не так просто. Здесь мы подошли к последней черте. Именно здесь мы и убедились, что брюнет в котелке серьезнее Андрея Белого, а анкета заключает в себе больше значения, чем Иоанново здание.

Дело в том, что мечтателю для культивирования его рощицы нужен некоторый простор, размещение вдалеке друг от друга. Но и не-мечтатели хотят как-нибудь разместиться. Всем нехватает места. Даже, может быть, и хватило бы, но нужно собраться, потолковать, сговориться, поделить, а если не сойдутся, то и решить дело оружием.

Мечтатели не желают, как мы видели, принимать участие в таких низких занятиях. И когда при размещении им оказывается тесно и неудобно, они или кричат на весь мир, что им не дают «выветвлять свою индивидуальную крону», или, не разбирая правых от виноватых, требуют, чтобы все вообще потеснились для них. Иоанново здание роковым образом упирается в анкету, мечта—в паек, а индивидуальная крона чахнет в полном унынии.

Не знаю почему, но чувствую всегда, как краска заливает мое лицо и совестно становится за Андрея Белого, когда читаю строки, в которых он заявляет о своей гениальности и на этом основании требует себе дров, пищи, тихой комнаты, чернил и бумаги. Не потому, чтобы эти требования были незаконны. Мне уже приходилось говорить, что всякий человек имеет право на эти примитивные удобства. Нет, потому, что иначе поставлен вопрос об обеспечении людей этими удобствами. Потому, что мир сотрясен и залит кровью во имя другого принципа: «завоюем все вместе для всех эту обстановку для творчества, эту комнату, эту бумагу, этот спокойный кусок хлеба». И в это время писатель, утверждающий, что «его драма—это драма мира», отходит в сторону и бросает людям, истекающим кровью: «мне нет дела до вас, приостановите на минуту ваши распри, забудьте о раздирающих вас социальных противоречиях и объединитесь во имя мое, потеснитесь, чтобы дать мне дописать свою эпопею».

Да, короток путь от возвышенного до смешного, от Иоаннова здания до самого жалкого пайка.

Еще хуже, когда мечтатель не просто кричит «всем, всем, всем»: «потеснитесь, мне нужен простор», а берется судить, кто из теснящихся мешает ему. Это случилось с одним из мечтателей, беллетристом Замятиным.

БОГАТЕЙ С ПОПОМ БРЮХАТЫМ
И С ПОМЕЩИКОМ БОГАТЫМ
ИЗ-ЗА ГОР ИЗДАЛЕКА
ТАЩУТ ДРУЖНО КОЛЧАКА.

РАДОСТЬ СЫТЫМ, РАДОСТЬ ПЬЯНЫМ
КНУТ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ.
ПЫЛЬ ВЗДЫМАЯ СГОРЯЧА,
ТАЩИТ ТРОЙКА ПАЛАЧА.

всякий, срывающий этот плакат или заклеивающий его афишей—совершает контр-революционное дело

№ 29 2-е издание

Плакат
художника **ДЕНИ.**

К статье «Русский революционный плакат».

Андрей Белый хихикает над всеми, беллетрист Замятин—с выбором. Его, как и Ремизова, потянуло к обезьянам и, приняв образ епископа обезьяньего, с гримасами и ужимками хихикает Евгений Замятин над нашей нищетой, над поношенным платьем и голодом нашим и, как все мечтатели, стоит в сторонке. Разница только в том, что те просто поджидают, а этот злорадствует: вот, мол, еще поголодаете, попухнете, без дров на морозе потрясетесь, так, мол, вам и следует, дуракам, нас, мечтателей, не спросили, в удобную обстановку для мечтаний не поместили.

Я люблю мечтателей. Но не люблю мечтателей, мечтой начинающих и пайком кончающих.

Да, все кругом в навозе барахтаются, все перепачкались. У кого руки кровью забрызганы, у кого грязь на лице прилипла или пиджак сальными пятнами светит. Но не боятся грязи другие, знают, что нет иного пути выйти из нее, как сначала перепачкавшись в ней. Мечтатели чище всех захотели быть, руки испачкать боятся. Жизнь ежеминутно отвечает им, удалось ли им чистыми остаться.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

С. Пионтковский.

I. «Пролетарская Революция», кн. 3 и 4. II. «Красная Летопись», № 1. III. «Былое» кн. 17 и 18. IV. «Голос Минувшего» 1920—1921 г.г. V. «Дела и дни», кн. II.

I.

Третья и четвертая книги журнала «Пролетарская Революция» дают очень интересный и разнообразный материал, но при всем своем разнообразии, он посвящен истории рабочего класса, истории его борьбы и истории его революции.

В третьей книге даны статьи об основоположниках рабочей партии в России: Викторе Обнорском и Степане Халтурине, здесь же напечатана статья М. Лядова о III Съезде Р. С.-Д. Р. П. В отделе материалов, в третьей книге, обращает на себя внимание номер «Рабочей Зари», изданный в типографии Северного Рабочего Союза, и документы и материалы по III Съезду Р. С.-Д. Р. П. Для того, чтобы оттенить все, что есть интересного в этих документах, их бы пришлось перепечатать сплошь. В четвертой книге журнала по истории партии, дана статья О. Варенцовой «Объединительный Съезд Р. С.-Д. С. Р. П.».

Особенно много материала дают номера журнала по истории нынешней революции. В четвертой книге прежде всего обращает на себя внимание написанная по личным воспоминаниям статья Г. Благонра-

вова «Октябрьские дни в Петропавловской крепости». Статья эта, очень интересная и ценная, дает великолепнейший материал по истории октябрьской революции в Петрограде. Автор, в дни революции, был в Петропавловской крепости и руководил боями этого района; интересна статья Д. Анулова «Тактика «октября» в Петрограде и в Москве».

Автор, давая анализ боевым операциям в дни революции, разбирая тактику «этих дней», отмечает разницу в ходе октябрьских боев в Петрограде и Москве и пытается сделать ряд общих выводов, имеющих как научный, так и практический интерес. В этой же книге напечатана ценная статья П. Поздеева «Октябрьский переворот и Всероссийский фронтовой Казачий Съезд». Статья эта рисует события и борьбу среди казачества на Съезде, происходившем сначала в Киеве, а потом на Дону, в Новочеркасске. Очень удачно переданы сообщения о том, как казачьи генералы втягивали казацкие массы Дона и Кубани в гражданскую войну.

В третьей книге, событиям, связанным непосредственно с октябрьскими днями, посвящена статья Э. Дрезен «Революционная демократия в дни октября».

Очень интересны в четвертой книге очерки: И. Коганицкого «1917 и 1918 годы в Тобольске» и «Николай Романов» Гермогеновского. В этих очерках, написанных по личным воспоминаниям, ясно обрисована роль представителей временного правительства и немногих коммунистов в борьбе с контр-революционными силами, пытавшимися сгруппироваться в Тобольске.

Статья С. Лядова «Жизнь и условия работы Р. К. П. в Крыме во время владычества Врангеля»—рисует как политическую обстановку работы, так и тактику меньшевиков и коммунистов и настроение рабочих масс Крыма. Характерно сообщение Лядова о том, что бывшие в рабочих организациях Крыма меньшевики всеми силами пытались отвлечь рабочий класс от борьбы и даже заключали соглашение с палачами Врангеля о невмешательстве рабочих в борьбу Добр. армии с коммунистами.

Памяти погибших в боях на фронтах гражданской войны товарищей, посвящена статья, напечатанная в третьей книге А. Метелева «Будем помнить».

Статья Л. Германова (М. Фрумкин) (в четвертой книге), по личным воспоминаниям, описывает начало чехо-словацкого восстания и падение Советской власти в Сибири, автор во время описываемых событий был в Омске.

Чрезвычайно обширен в напечатанных номерах журнала отдел записок и воспоминаний. Тут помещены воспоминания Г. Н. Котова, И. Рябкова, М. Калинина, Л. Троцкого, К. Басалыги, Г. Воеводина, Женевского, А. Коллонтай, А. Митревича, П. Кунгурова, А. Аросева, Н. Н. Иорданского.

Во всех этих воспоминаниях дан очень интересный и живописный исторический материал. Воспоминания эти затрагивают историю партии

и рабочего движения за последние двадцать с лишним лет, начиная с девяностых годов и кончаются, как воспоминания П. Кунгурова, последними днями гражданской войны, когда победоносное наступление Красной армии освободило автора из Читинской тюрьмы атамана Семенова. Воспоминания рисуют жизнь рабочих крупных промышленных центров Нижнего, Ревеля, Петрограда; рассказывают о движении среди учащейся молодежи воспоминания Аросева.

Из воспоминаний особенно интересны воспоминания Кунгурова. Автор их, рабочий-сапожник, просто и ясно описывает свою трудовую жизнь. Особенно драматичны и исторически ценны в этих воспоминаниях сведения о последних годах, описывающие гражданскую войну в Сибири, где автор был брошен в одну из колчаковских тюрем. Больше года его мучили затем в Курганской тюрьме, и, наконец, перед оставлением Кургана белые повезли его в Читу. «В телячьих вагонах,—пишет Кунгуров, — было грязно, сидеть всем не приходилось, так как в вагоне было более сорока человек. Люки были закрыты, двери тоже, в вагоне было жарко и страшно душно, мучила жажда, но воды давали мало. До Читы ехали 18 суток».

В Чите он был сначала отпущен на свободу, потом, через несколько дней, арестован и предан военно-полевому суду. «Это было 28/VII—1920 г. По прочтении смертного приговора, я спросил: «Могу ли я ходатайствовать о помиловании». На это ответили: «Завтра в это время будешь на сопке помилован». Сейчас же было отдано распоряжение отвести меня в тюрьму. Когда я повернулся и пошел, председатель военно-полевого суда, полковник Данилин, выругавшись, сказал: «Видишь, какая сволочь, даже в лице не изменился». Приведя в тюрьму, меня посадили в одиночку смертников. Здесь я пережил страшные душевные муки. Предо мной встала вся моя жизнь. Я вспомнил детство и юность, вспомнил всю жизнь, как она проходила, со всеми радостями и горем. Мне было ее жаль до боли. Хотелось плакать и крикнуть,—так крикнуть, чтобы услышал весь мир и понял, что эти палачи не имеют права лишать меня жизни. Я разорвал на себе рубашку и стоял среди одиночки без рубашки. В это время к окну моей одиночки подошли тов. Трапезников и Пакдин. Им было жалко меня...». В этой одиночке т. Кунгуров просидел 13 суток.

В воспоминаниях А. Митревича дается обширный материал по истории рабочего движения, главным образом, Петрограда, а отчасти и провинции за годы войны и первых дней революции, особенно обращает на себя внимание описание, в каких условиях и как шла партийная работа в Петрограде. «В августе или в сентябре (1912 г.),—рассказывает, например, Митревич,—около 10-ти часов вечера, за Нарвской заставой на Горячем Поле, между кочками, в темноте и холоде происходило заседание П. К.»

Воспоминания Г. Котова, напечатанные в 3 и 4 книгах журнала, рисуют жизнь Нижнего-Новгорода, главным образом, Сормова и прилегающих к нему местностей. Они ценны тем, что подробно и ясно опи-

сывают, как рабочая и крестьянская массы захватывались партийной пропагандой, как росло влияние партии в рабочих рядах, как росло самосознание рабочих.

Давая массу исторического материала, журнал дает на-ряду с этим статьи, могущие быть руководящими при преподавании истории партии и истории революции. Этим вопросам в 3-ей книге журнала посвящена статья П. Лепешинского «Объяснительная записка к программе по истории Р. К. П.». Знакомство с этой статьей необходимо для всех преподавателей партийных школ.

В обеих книгах журнала имеется обширный библиографический отдел.

II.

Первый номер вновь вышедшего ежемесячного исторического журнала «Красная Летопись» [1]) весь целиком посвящен истории 9 января 1905 года. Выяснению исторической картины событий 9 января и роли партийных организаций в этих событиях посвящена первая статья книги «Январские дни в Петербурге в 1905 году» т. Невского, все остальные материалы являются документальным подтверждением того, о чем пишет статья, или развивают и дополняют вопросы, которые в статье затронуты лишь вскользь.

Среди материалов имеются воспоминания одного из товарищей Гапона по академии, верного его последователя, одного из руководителей рабочего движения 9 января А. Е. Карелина; небольшие воспоминания Н. Р-ов рассказывают о том, какое впечатление произвело известие о петроградских событиях 9 января на русских эмигрантов Женевы. К этому же разряду надо причислить доклад присяжных поверенных о событиях в Петрограде 9 января 1905 года и прокламации и листки петербургских с.-д. организаций в январские дни 1905 г. Доклад был в свое время напечатан, но, уничтоженный царской цензурой, был известен только тесному кругу специалистов. Составленный на основании показаний участников и очевидцев событий 9-го января — он дает яркую картину происшедшего и является незаменимым источником событий этого дня. Резкими, незабывающимися, эпическими чертами описывает он день 9 января. Вот, например, что рассказывает в своих показаниях комиссии врач Алафузовской больницы Дьячков: «... у меня, как у человека православного, преданного самодержавному государю, любящего родную историю и предания старины о единении самодержавного царя с преданным ему народом, не оставалось никакого сомнения, что стрелять не будут, стрелять не посмеют. Народ, по их рассказу (врачей больницы) шел с непокрытыми головами чинно, с пением «Спаси Господи, люди твоя», с хоругвями, с портретом государя. Шли, как идут дети к отцу, с просьбой, с

[1]) «Красная Летопись», ежем. истор. журнал № 1—1922 г. Петр. 340 стр., изд. Петербургского Бюро Истпарта.

любовью, с преданностью к батюшке-царю. Под влиянием таких мыслей, я безопасно вышел из больницы и, не торопясь, пошел домой в бодром настроении. В церквах шли обедни. Раздавался колокольный звон. Весело сияло на небе солнышко, столь редкое в Петербурге зимой. Вдруг я услыхал ружейную трескотню и тотчас же увидел бегущий в страхе народ, назад по Петергофскому шоссе. Я также бросился бежать в больницу. Над моей головой пролетела пуля, спугнув с дерева птиц. Тут я сильно испугался и побежал еще быстрее, уже согнувшись. В то время, когда я бежал, раздалось, несколько ружейных залпов...». Дьячков кое-как добежал до больницы, после этого стали привозить в больницу раненых и умирающих. В докладе подробно описывается, как шли события на Шлиссельбургском тракте, на Петербургской стороне, на Васильевском острове, у Дворцовой площади. Войска проявляли «энергию» не только днем, но и вечером, и на другой, и в последующие дни. Сын военного инженера, студент С. возвращался 11 января в $8^1/_2$ часов вечера, по Садовой улице домой. На углу Невского его догнал взвод городовых, человек в 12, с околоточным надзирателем. «Когда городовые,—рассказывает студент С.,—поровнялись со мной, я увидел, как какой-то солдат гвардеец, без оружия, в шапке с козырьком... ударом кулака по лицу сбил с ног шедшего впереди меня господина (или переходившего в это время улицу, хорошо не помню), ударил его два раза сапогом в спину и поворачивался уже, чтобы ударить несчастного сапогом в лицо. Все это происходило при одобрительных взглядах остановившихся городовых: «Молодец преображенец! Бей его!». Доклад дает полную и кошмарную картину действий полиции и войск, расстрела безоружной, мирной, рабочей демонстрации; избиение на улице случайных, ни в чем не повинных людей.

Прокламации с.-д. организаций показывают, как понималось и объяснялось ими происшедшее и происходившее. Они рассказывают, что говорила массам партия, нашедшая после 9 января огромную аудиторию. Прокламации издавались как меньшевиками, так и большевиками, издавались, как до, так и во время событий. Замечательно интересна и поучительна разница тона, разница в ближайших перспективах той и другой группы тогдашней с.-д. В то время, как большевики одним из практических лозунгов дня выставляли вооруженное восстание народа, меньшевики скромно говорили об Учредительном Собрании.

В дни событий 9 января, в прокламациях, изданных 9 и 10, большевики писали: «Объединяйтесь, вооружайтесь, надейтесь только на себя, товарищи рабочие!».

Другую группу составляют материалы по почти незатронутым в статье т. Невского вопросам, они касаются вопроса о том, как откликнулись рабочие России на события 9 января и как создавались гапоновские союзы в Петрограде. Это прежде всего обширнейшее собрание прокламаций и листков Центрального Комитета Росс. Соц.-

Дем. Рабочей Партии и провинциальных с.-д. организаций по поводу событий 9 января 1905 года, здесь преобладают, главным образом, провинциальные с.-д. издания; этому же вопросу—отклику провинции на 9 января—посвящена статья Бухбиндера «Еврейское рабочее движение и 9 января». В приложении к этой небольшой статейке даны донесения виленского и гродненского губернаторов и ковенского жандармского полковника, описывающие рабочее движение Виленской, Гродненской и Ковенской губ. и указывающее его причины. «...Происшедшая забастовка в гор. Ковна является отражением происшедших рабочих беспорядков в гор. С.-Петербурге», говорит одно из этих донесений.

Документов, посвященных истории гапоновских союзов, в книге немного, они напечатаны под общим заглавием «К истории Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-П. Б.». Эти документы устанавливают, что «собрания» открывались с ведома и согласия охранного отделения, что охранка их субсидировала. Так, в справке отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге указывается: «30 мая сего года состоялось открытие 1 Отдела Собрания за Нарвской заставой в прекрасном помещении, законтрактованном также на три года (Петербургское шоссе, д. 42). Оборудование 2 помещения с чайной обошлось 360 руб., из коих 150 рублей были даны особым отделом департамента полиции и 210 рублей С.-Петербургским Охранным Отделением». Очень интересна переписка по вопросу о возобновлении «собраний русских фабрично-заводских рабочих», происходившая в начале 1906 года. Министр торговли и промышленности Тимирязев находил: «что собрания открыть надо, что к рабочим надо относиться с любовью и не раздражать их». Против этого энергично восстал С.-П. Б. градоначальник. В своей докладной записке министру внутренних дел, он указывал: «допуская организацию рабочих союзов, и притом еще на такой исторически-скомпрометированной почве, как гапоновские отделы, правительство тем самым организует сплоченность рабочей массы, за направление коей даже и в ближайшем будущем нельзя поручиться». Среди этих документов имеются протоколы допросов участников гапоновских союзов о происшествиях 9 января. Наконец, особняком стоит доклад директора департамента полиции Лопухина об январских событиях. Доклад, повидимому, был представлен царю Николаю II. В докладе интересно указание Лопухина, что сведения о деятельности «Собрания» петербургский градоначальник черпал «не только из докладов подчиненного ему охранного отделения, но из личных бесед с священником Гапоном, который являлся к нему с докладами». Еще 8 января министром внутренних дел был дан приказ об аресте Гапона. Совещание министров и их товарищей считало необходимым арестовать и 19 стоявших во главе собрания рабочих, но градоначальник заявил, что «эти аресты не могут быть выполнены, так как для этого потребуется слишком значительное количество чинов полиции». По свидетельству Лопухина, свидетельству ложному, как это видно из массы приведенных в книге

документов, «петиция эта (поднять которую хотели рабочие) большинству забастовщиков оставалась неизвестной» и «рабочее население было умышленно введено в заблуждение»...

III.

Семнадцатая книга журнала «Былое» посвящена памяти П. Кропоткина [1]). В ней напечатано несколько произведений Кропоткина, даны материалы по истории его знаменитого побега из Николаевского военного госпиталя, рассмотрен вопрос о том, какое впечатление произвело на русское правительство выступление на революционном поприще князя Кропоткина, и дан ряд небольших воспоминаний о последних годах его жизни.

Из произведений Кропоткина здесь напечатаны: записка, составленная еще в 1873 году: «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя»; «Идеал в революции»—из незаконченной рукописи 1918 года и «Восстание на Кругобайкальской дороге 1866 г.», корреспонденции Кропоткина из Иркутска о военно-полевом суде над восставшими.

Первая записка Кропоткина очень интересна. Она является важным документом для понимания личности Кропоткина и его идей, но еще больше важна она для истории русской социалистической мысли и революционного движения семидесятых годов.

Она была найдена у Кропоткина при обыске. Тогда же у него была обнаружена программа революционной пропаганды, которая является дополнением и развитием записки (особенно второй ее части, посвященной вопросам тактики). В программе Кропоткин указывает, что революционеру необходимы прежде всего знания. «Только когда он сочтет себя достаточно подготовленным, должен впервые раскрыть свои уста для пропаганды». Начав пропаганду, революционер должен порвать со своей прежней средой, от полноты его слияния с «народом» зависит весь успех пропаганды. «Революционер должен не только стать вполне и навсегда простолюдином в отношении экономическом, он должен сделаться простолюдином и во всяких других культурных отношениях...» В своей записке Кропоткин сначала говорит об идеале будущего общества, а потом о средствах достижения его, достижение будущего общества «совершится путем социальной революции», говорит Кропоткин. Задача революционера «ускорить этот взрыв». Правда— это дело не легкое, «без рек крови социальный переворот не совершится». Тактические мероприятия для этого предсказать нельзя—они зависят от обстоятельств, но одно несомненно,—пишет Кропоткин,—«это отрицание в революционной организации таких отношений между лицами и таких способов действий, которые прямо противоречат идеалу, ради которого они вводятся». «Главная работа,—говорит Кропоткин,—должна итти не-

[1]) «Былое», книга 17, 154 стр. Петр.

временно в среде крестьянства и городских рабочих». Среди русских рабочих пропаганда вдвойне целесообразна, «так как эти рабочие нисколько не разрывают своих связей с селом и нисколько не изменяют своего прежнего крестьянского образа жизни, что из них всего удобнее вырабатывать людей, которые потом в селе могут послужить ядрами сельских крестьянских кружков»... Стачки среди рабочих России Кропоткин считал делом, не дающим много пользы делу революции. «Разве может быть полезно противодействовать злу в частной его форме, когда уже сознана общая причина зла». Кропоткин считал, что «местные движения с определенною общею социалистическою целью», даже потерпевшие поражение, не проходят без следа для дела революции. «Пусть хоть раз выскажется барство и царь во всей их животной наготе, и реки крови, пролитые в одной местности, не протекут без следа».

Записка эта, как видно из приведенных отрывков, имеет большой исторический интерес. Отрывок из незаконченной рукописи Кропоткина интересен с точки зрения биографической, для выяснения психологического облика Кропоткина.

Последняя из напечатанных в книге работ Кропоткина о восстании на Кругобайкальской дороге 1866 года дает отчетливую и яркую картину геройской попытки польских повстанцев, заброшенных на каторгу в глухие дебри Сибири, грудью проложить себе путь к свободе. К этим корреспонденциям Кропоткина приложено небольшое предисловие Л. О., рассказывающее об отношении иркутян к этому восстанию, об отношении к побежденным повстанцам и ярко описывающее публичную казнь руководителей движения.

Материалы о побеге Кропоткина, извлеченные из дела III Отделения, свидетельствуют лишь о полной растерянности и бесплодности всех попыток властей раскрыть участников и помощников побега Кропоткина. Воспоминания участницы побега Кропоткина М. П. Лешерн-фон-Герцфельд вместе с напечатанными раньше материалами дают полную картину побега.

Статья Н. Ашешова «П. А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году» рассказывает очень живо, как в совете министров обсуждался вопрос о борьбе с революционными учениями, при чем революционное учение излагалось по записке Кропоткина. Рассмотрев положение кропоткинской записки, комитет министров пришел к выводу, что «подобный бред фанатического воображения не может возбудить к себе сочувствия, но для того, чтобы общественное мнение отвратилось от провозвестников такого учения, начала этого учения не должны оставаться во мраке» (стр. 55). Суд над представителями «таких учений» должен быть гласным, но так как предварительное следствие по революционным делам тянется слишком долго, то комитет министров нашел необходимым, правда, «с крайней осторожностью», «повременное опубликование добытых производящимся исследованием данных и фактов».

Восемнадцатая книга «Былого» [1]) исторически более ценна, чем том, посвященный Кропоткину. Она дает более обширный материал по истории русской общественной мысли в широком смысле слова. В этом томе есть сведения не только по истории давно прошедших лет, но и данные по недавнему прошлому и материалы по нынешней революции.

Открывается этот том неизданными главами из записок П. В. Анненкова. Они охватывают время с 1849 до 1855 г.г. Главная их ценность в общей характеристике эпохи. Анненков побывал в это время как в столицах, так и в провинции и дает замечательно реальную и живую характеристику общего тона русской жизни в середине XIX века. В 1848—1849 г.г. размах николаевской реакции, «страх правительства перед революцией» развернул крылья третьему отделению: «Терроризация достигла и провинции. Города и веси сами указывают, кого хватать из так называемых либералов; доносы развиваются до сумасшествия...». «На этом фоне расцветает патриотизм среди крепостнических групп помещиков...» у лихоимцев, казнокрадов и наиболее грубых помещиков развивается патриотизм—ненависть к французам и Европе: «мы их шапками закидаем» и родомонтода, скрывающая плохо радость, что все досадные вопросы о крепостничестве и проч. теперь похоронены. Отсюда и энтузиастическое настроение относительно правительства. Возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще небывалых».

«Воспоминания шестидесятницы» Александры Успенской — сестры Веры Засулич и жены одного из сопроцессников Нечаева, дает бытовой материал о Засулич и ее семье, с одной стороны, о быте и жизни учащейся радикальной молодежи—с другой, а также ряд очень интересных черт для истории Нечаева и его кружка. Успенская встречалась с Нечаевым несколько раз, одно время он жил вместе с ней и ее мужем. «Нечаев, — пишет она, — был простым русским парнем, с виду похожим на рабочего, несколько пообтесанного городской жизнью. Говорил он по-владимирски, на «о», совсем просто, нисколько не выдвигая себя; он любил шутить и добродушно смеялся» (стр. 33). По приезде в Россию из-за границы, в сентябре 1869 года, Нечаев, в разговоре с Успенской и ее мужем, «показал мужу и мне печатанный лист, в котором было сказано, что он, Нечаев, является доверенным лицом от Женевского революционного комитета, имелась подпись—Михаила Бакунина, и была приложена печать с какой-то, уже не помню теперь, надписью».

Относительно «катехизиса» Нечаева или «Исповеди революционера», как называл ее сам Нечаев, Успенская пишет: «В России Нечаев этой программы не распространял, никто из подсудимых ее не читал, даже мой муж, ближе всех стоявших к делу... Что программа, читанная на суде, авторство которой приписывалось Нечаеву, была написана Бакуниным, я узнала в первый раз от Перовской». Перовская же рассказала ей об отказе Нечаева в устройстве побега из крепости «на том осно-

[1]) «Былое», книга 18, 256 стр,. Петроград. 1922 г.

вании, что люди и средства, которые понадобились бы для его освобождения, могут быть использованы для более важного дела...»

Небольшой очерк М. Н. Чернышевского «Пропавшее письмо Н. Г. Чернышевского» рассказывает, как Н. Г. Чернышевский, будучи в 1862 году арестован, решил написать письмо Александру II с целью выяснить причины своего ареста. Письмо это он пытался переслать через петербургского военного генерал-губернатора, князя Суворова, но III Отделение скрыло это письмо, как от Суворова, так и следственной комиссии по делу Чернышевского. Только теперь исследователю посчастливилось найти как письмо, так и сопровождающее его письмо Чернышевского к Суворову. В небольшой статье «Флеровский-Берви и кружок Долгушина» на-ряду с указанием на идейное влияние Флеровского на долгушинцев, О. В. Аптекман, пользуясь архивным «делом» о долгушинцах, дает общую характеристику кружка, а главное, ряд выдержек из архивного дела. Особенно интересны выдержки из записок и дневника Гамова. Гамов в своих записках рисует, как устроится Россия по совершению успешной революции. Россия будет организованной на федеративных началах, относительно организации власти Гамов писал в своих записках: «На царя смотрят, как на помазанника Божия, а потому итти против царя в России невозможно; для этого нужно выдумать такую религию, которая была бы против царя и правительства». Долгушиным были написаны две прокламации: «К русскому народу» и «К интеллигенции». Первая воспроизводится Аптекманом в значительных выдержках, вторая напечатана целиком. Личными воспоминаниями о Долгушине, Дмоховском и Панине кончается содержательная статья Аптекмана.

Воспоминания И. И. Маинова (Саратовца) «На закате народовольчества» описывают Вилюйский период ссылки автора и В. Я. Богучарского, памяти которого посящен очерк. Здесь имеется много интересного как для характеристики ссылки вообще, так и для характеристики Богучарского в частности, интересна глава «Мартовская история», посвященная описанию якутской трагедии.

«Стачки железнодорожных рабочих в Ростове-на-Дону в 1894 году», под таким заглавием помещен безыскусственный рассказ рабочего, участника стачки. Интерес этого документа огромный, описание этой стачки было сделано в свое время, упомянутые же записки рабочего дополняют корреспонденцию и являются интересным источником, рисующим как самый ход стачки, так и подробно указывающие, кто был руководителем и организатором борьбы рабочих. Очерк Д. О. Заславского «Поляки в Киеве в 1920 году», посвящен одному из эпизодов нашего времени. В своем очерке Заславский изображает настроение народа перед уходом коммунистов, приход поляков и подробно описывает плохо маскированную «польскую военную оккупацию». Хотя поляки усиленно подчеркивали, что «хозяева города, это—украинцы и только украинцы», но это была лишь «видимость»: «граждане, которым приходилось бывать во всяких учреждениях, с первого же мига

убедились, что ходить к украинским властям бесполезно. Они ничего не знают, бессильны и безвластны». Отношения как в городе, так и в деревне не налаживались, экономическая жизнь не восстанавливалась—расцветала лишь спекуляция, и перед деревней вставал призрак земельной реставрации, «крестьяне с недоверием, с враждой встречали польскую армию. Командование ее со своей стороны смотрело на украинских крестьян, как на погромщиков, гайдамаков, уничтоживших ряд старинных шляхетских родовых гнезд на Украйне, разгромивших тут очаги старой польской культуры».

Украинское правительство в Киев не приезжало, организоваться оно никак не могло, оно «не имело даже печатного станка» для печатания денег. Оккупация начинала принимать все более откровенные формы, а вместе с тем и вражда и недовольство польскими властями расли. Уходя из Киева, поляки в противоположность коммунистам страшно разорили город; «ни разу не было в Киеве разрушения, которое проводилось бы с таким холодным и жестоким равнодушием. Ни одна из проходивших через Киев армий не посягала на мосты»... «Не желая, чтобы (склады) попали в руки большевиков, польское командование распорядилось сжечь все склады. И среди бела дня запылали в центре города огромный бывший генерал-губернаторский дворец и прекрасное здание четвертой гимназии и горели желтым, в дневном свете, спокойным огнем все четыре моста». «Уходя, поляки взрывали за собой все стрелки на железных дорогах, водокачки, мосты»... Таково было владычество поляков в Киеве.

Обстоятельные обзоры мемуаров Гельфериха, Витте и Деникина, даны Е. Тарле, Н Ашешовым и П. Щеголевым. Наконец в книге дана «Исповедь Ставрогина» Достоевского и статья о ней В. Л. Комаровича. В этой статье, являющейся введением к издаваемому художественному отрывку, Комарович пытается разрешить вопрос об отношении печатаемой рукописи к тексту законченного романа «Бесы». «Является ли,—формулирует он свою задачу,—эта «глава 9» случайно, помимо воли художника, выпавшей частью художественного целого, которая, следовательно, должна быть восстановлена теперь в соответствующем месте этого целого, или оно один из тех многочисленных у Достоевского фрагментов, которые, отвечая какой-то ранней, позже измененной формации романа, сами собой отходили от законченного романа»...

Исповедь Ставрогина была недавно издана по другому списку Центроархивом. Оба списка в некоторых частях не совпадают.

IV.

После большого перерыва вышла книга журнала «Голос Минувшего» за 1920—1921 г.г. [1]). Она не лишена интереса, но не блещет исторической ценностью своих материалов. Огромное место в ней, как и

[1]) «Голос Минувшего». Журнал истории и истории литературы. 1920—1921 г.г. 191 стр.

в других исторических журналах занимают воспоминания. Открывается она главами из IV т. «Истории моего современника» Короленко. О Короленко, как художнике слова, говорить не приходится — напечатанные главы, посвященные периоду якутской ссылки Короленко, написаны так красочно, так ярко и художественно, с такой любовью, что с его страниц, как живые, встают одетые сияющим снегом громады берегов скованной льдом Лены. Иногда Короленко указывает, с кого списан тот или другой его образ. Давая большое эстетическое наслаждение красочностью своих картин, не забывает Короленко и историка. Много встреч было на его пути. И здесь, в этом отрывке из большой художественной книги о жизни, разбросал Короленко исторически ценные картины. В Якутской области, в Амге, где он жил, с Короленко были: ученик Халтурина рабочий Павлов, член долгушинского кружка Папин, сопроцессник Писарева Баллод. «Павлов был петербугский рабочий. Он был ученик Халтурина, того самого, который проник под видом плотника в Зимний дворец и устроил там взрыв. Павлов рассказывал о нем, как этот террорист убеждал со слезами своих учеников рабочих продолжать пропаганду среди своей братии, но ни в каком случае не вступать на путь террора. С этого пути возврата уже нет,— говорил он».

Большой отрывок из воспоминаний Дейча посвящен южным бунтарям. Помещенный рядом с воспоминаниями Короленко, очерк Дейча еще более оттеняет художественную красоту рассказов Короленко. С южными бунтарями-бакунистами Дейч познакомился в конце 1875 г. в Киеве. Тогда в этот кружок входило довольно много лиц — человек восемнадцать. В него входили жившие тогда в Киеве Анна Марковна Макаревич, Вера Засулич, Мария Ковалевская и Мария Коленкина, из мужчин здесь были Дебогорий-Мокриевич, Стефанович, Фроленко, Чубаров, Иван Бохановский, Иван Дробязгин, Виктор Костюрин, Виктор Малинка и ряд других. В своих воспоминаниях Дейч дает характеристики своих товарищей и описывает бытовую обстановку их жизни. В описании быта главная ценность воспоминаний Дейча. Многие из описанных им товарищей оставили яркий след в русском революционном движении, другие менее заметные и менее известные, как Дробязгин, Малинка, Чубаров, мужественно сложили свои головы за дело революции. Семья киевских бунтарей была теплая и дружная. Это была по преимуществу молодежь, недостигшая и тридцати лет— самым старшим был Дебогорий-Мокриевич, которому было под тридцать. Все были преисполнены «жизнерадостности, бодрости, энергии, и в каждой произнесенной кем-либо из них фразе сквозила, как мне тогда казалось, глубокая вера в правильность исповедуемых ими убеждений и в избранный ими путь деятельности» (стр. 48).

Особенно много рассказывает Дейч о Дебогории-Мокриевиче, Вере Засулич, Коленкиной. Рассказывая о своих старых товарищах Дейч дает любопытнейшие картинки из жизни русских революционеров семидесятых годов. «Одной чертой Вера Ивановна,—рассказывает, напри-

мер, Дейч о Засулич,—уже тогда отличалась не только от своих товарок по кружку, но и от мужской его части: лишь только представлялась ей малейшая возможность—в городской ли общей квартире, где вечно толкалась масса всякого народа, или в крестьянской избе, когда роль «хозяйки» отнимала много времени,—Марфуша (прозвище Засулич) углублялась в книгу. При этом она с одинаковым увлечением поглощала как серьезные произведения, так и журнальные статьи или иностранные романы, все решительно интересовало эту на редкость любознательную и довольно уже тогда разностороннюю социалистку.

«...В средине 70 годов чтение книг вообще, в особенности же легальных, не только не было в обычае, но прямо и резко порицалось настоящими, последовательными бакунистами, к числу которых, как я уже упомянул, в киевском бунтарском кружке, принадлежал задававший тон всему «лидер» Мишка (Дебогорий-Мокриевич). Он даже утверждал, что «было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, так как интеллигентность только мешает омужиченью и полному слиянию с народной массой». Помню, как однажды, заметив, что я читаю какую-то статью Михайловского, «Мишка» обратился с громким смехом к присутствовавшим товарищам: «Смотрите, он набирается ума у Михайловского». Его смех был поддержан другими. Нужно было поэтому обладать особенной, чуть ли не сверхъестественной любознательностью, чтобы, при таком отношении товарищей к чтению, предаваться этому «вредному» для настоящего бунтаря занятию». Нельзя не отметить еще одну сценку из воспоминаний Дейча, она небезынтересна для понимания такой личности, как Стефанович, и дает материал для суждения как о среде, из которой выходили семидесятники, так и об отношении ее к ним. Рассказывая о деятельности Анны Макаревич в бытность ее в кружке Жебуневых, Дейч сообщает, что этой группе во время «хождения в народ» помогал отец Стефановича, священник. Он, как очень умный человек, к тому же стоявший за просвещение темных масс, признавал полезным пребывание в селах и деревнях образованных молодых людей. «На социальную революцию,—говорил он им,—вы невежественных мужиков не подвинете, а грамоте их научите». Народных школ в то время было чрезвычайно мало; поэтому Василий Степанович, являвшийся благочинным, прибег к решительному приему для увеличения их числа. Будучи по натуре сторонником якобинизма и признавая мужиков грубой полудикой ордой, повинующейся только решительным мерам, священник Стефанович применил следующий способ: разъезжая по подведомственным ему, как благочинному, селам, он приказывал собирать крестьянские сходы, на которых обращался к прихожанам с требованием, чтобы они немедленно ассигновали средства для оплаты учителей, а также и материалов, необходимых для постройки школ, грозя, что в противном случае подчиненные ему священники не будут ни венчать, ни крестить, ни хоронить и т. д. Прием этот подействовал: школы были вскоре сооружены, и учителями стали жебунисты». Рассказ свой в этом отрывке Дейч доводит до сво-

его ареста и первого побега—до 19 февраля 1876 года. Дальше помещены небольшие воспоминания землевольца Михаила Родионовича Попова. Воспоминания эти озаглавлены «К истории рабочего движения в конце семидесятых годов» и посвящены описанию забастовки рабочих, происшедшей на фабрике Торитона в Петрограде в 1878 г. Об этой забастовке рассказывает и Плеханов в своей книге «Русский рабочий в революционном движении». Литература по истории рабочего класса в России крайне бедна и малочисленна, мало имеется материалов для истории рабочего класса в двадцатом веке, а для истории его в девятнадцатом их пока приходится считать по пальцам. В этом отношении воспоминания Попова в высшей степени интересны. Они подробно описывают ход стачки, речи и настроение рабочих, отзыв на стачки тогдашней революционной интеллигенции. Все время стачки Попов провел с рабочими, посещая их собрания и кружки, он был непосредственным очевидцем и свидетелем.

В воспоминаниях Мельгунова об Г. А. Лопатине, которого автор встречал не раз, указано лишь на то, что Лопатин был очень веселый, остроумный человек, прекрасный рассказчик; в воспоминаниях о Лопатине интересно его отношение к воспоминаниям Морозова «Повести моей жизни». Любил он (Лопатин) поиронизировать, нередко в присутствии самого автора, над воспоминаниями Н. А. Морозова...—«Вот Н. А. описывает N.—маленькая черная бородка, а у него в действительности была огромная рыжая борода. Два-три таких штриха, конечно, убивали историческую достоверность деталей, которыми любил гордиться автор. Возражать трудно было, и Н. А. предпочитал отмалчиваться, хотя его всегда несколько задевала эта незлобивая критика». От воспоминаний революционных деятелей семидесятых годов, дневник Е. А. Шаховской переносит к началу прошлого столетия к выступлению декабристов, вводя читателя в круг интимных переживаний семей, связанных с декабристами. Кн. Шаховская, сестра декабриста Муханова в своих небольших воспоминаниях за 1822—1826 г.г. всецело находится в кругу переживаний, вызванных выступлением декабристов. Это по большей части личные переживания. В дневнике очень немного сведений о настроениях и событиях, происходящих вне семьи Шаховских, но все, что говорит Шаховская, рисует бытовую обстановку живых людей, пораженных скорбью и возмущенных судьбой декабристов, говорит о том круге, из которого они вышли. 11 июля 1826 года Шаховская, между прочим, записала в своем дневнике: «С момента восшествия императора на престол не переставали говорить, думать и страдать по поводу всех тех арестов, которые производились в Москве и других городах России. То брали отца, то мужа, то сына, брата, жениха, не осталось почти ни одной незамешанной семьи в старой столице. Я все время боялась за мужа, и хотя была совершенно убеждена в его невиновности, но со страхом слушала то, что он говорил: он был в высшей степени раздражен». Описывая Александра Муравьева, мужа сестры свого мужа, Шаховская пишет: «...Александр

похудел и страшно изменился, от него осталось только четверть того, что он был раньше; черты его хранят следы скорби. Его каземат был тесен, и во время заключенья он был совершенно одинок, если же к нему и приходили офицеры из крепости, то вовсе не для того, чтобы его утешить, поддержать, но чтобы передать ему лживые сплетни. Даже священник, их духовник, был агентом государя, шпионом, который испортил жизнь многим, доверившимся ему, в том числе и моему брату»... Большую часть записок Шаховская посвящает брату, описаниям своих свиданий с ним в крепости, своего беспокойства и тоски по его судьбе, но кое-что говорит она о судьбе и других: Муравьева—своего родственника—она провожала в ссылку, о других декабристах передает слухи, передает впечатление о казни декабристов. «Не могу передать, как беспокоился муж за всех заключенных. Он совсем вне себя, его душа подавлена этою ужасною казнью: Рылеев, Пестель, Бестужев, Каховский и необыкновенный Сергей Муравьев повешены. Говорят, что смерть последнего была поистине смертью святого: он молился за всех своих врагов, молился за Россию и несколько раз за императора. Несчастная веревка, которая должна была прекратить их жизнь, оборвалась, и они упали, уже успев пережить весь ужас бесславной смерти. Ожидая починки эшафота, они два часа оставались лицом к лицу с теми двумя (Рылеевым и Пестелем), которые уже перестали жить, и во время этого ужасного перерыва Сергей Муравьев опять молился за государя.

Обращает на себя внимание статья Ильинского «Новые материалы о Бакунине». Статья должна была служить предисловием к «Исповеди» Бакунина, которую собирался издать «Голос Минувшего». Установив, что Бакунин своею «Исповедью» не удовлетворил желаниям Николая I, не назвал никого и ни на кого не донес, Ильинский говорит: «...твердо и смело отстранил от себя (Бакунин) грязную руку искусителя, ибо «противное сознание, что я изменил чьей-нибудь доверенности, или даже перенес слово, сказанное при мне по неосторожности, было бы для меня мучительнее пытки. И в ваших собственных глазах, Государь, я хочу быть лучше преступником, заслуживающим жесточайшей казни, чем подлецом».

Ильинский высказывает предположение, что источник клеветы, всю жизнь преследовавшей Бакунина, «можно поставить... в связи с «Исповедью» (стр. 133). По крайней мере, после бегства Бакунина из Сибири, возникла мысль воспользоваться «Исповедью», как орудием против Бакунина. Была подготовлена к печати брошюра о Бакунине, она напечатана, повидимому, не была, «но возможно,—пишет Ильинский,—что слухи об использованных в ней документах проникли частным образом, и на почве их могла возникнуть легенда об агентуре Бакунина». Далее Ильинский указывает, что Бакунин обращался с письмом к Александру II, со второй своей «Исповедью», о чем Бакунин не говорит ни слова в своем письме к Герцену. «Умолчание было, несомненно, сознательное...» Бакунин умолчал и получилось, будто Александр II читал только

«Исповедь», поданную Николаю, и что в деле освобождения сам Бакунин не принимал участия. В подтверждение того Бакунин иногда умалчивал и умалчивал сознательно. Ильинский приводит еще факт: «О своей жизни в Сибири он (Бакунин) пишет: «Ген.-губ. Зап. Сибири Гасфорд, без моего ведома выхлопотал мне высочайшее соизволение на вступление в гражд. службу; первый шаг к освобождению из Сибири». Обращает внимание, выражение «без моего ведома». На самом же деле мы имеем и ниже печатаем документы, как раз говорящие обратное—Бакунин сам 12 августа 1857 года обратился к ген. Гасфорду с просьбой похлопотать о разрешении служить». Вторая группа замечаний Ильинского касается анализа пометок и записей, сделанных на экземпляре «Исповеди» Николаем I при прочтении. Ряд страничек посвящает «Голос Минувшего» памяти своих бывших сотрудников: Короленко, Лучицкому, Л. М. Лопатину, А. С. Лаппо-Данилевскому. Довольно большая статья, реферирующего характера, Кизеветтера посвящена мемуарам Витте, и в приложении дана одна из глав «Николай II и Александра Федоровна»—этого интересного дневника.

V.

Вторая книга исторического журнала «Дела и Дни» [1]) дает ряд исследований и материалов по русской истории от XVI до XIX в. в. Открывается она первыми главами исследования П. А. Садикова «Из истории опричнины царя Ивана Грозного». Стоя, в отношении опричнины на точке зрения Платонова, развитой в его труде по истории Смутного Времени, Садиков дает здесь лишь первые две главы своего исследования: «К истории управления в опричнине» и «Опричные государевы богомольцы». Опричнина, по словам Садикова, «замышленная в качестве государева удела», управлялась... первоначально государевыми дворецким и казначеем с подчиненными им дьяками, а затем—с осложнениями дела и с увеличением территории—и особыми опричными приказами, параллельными земским и действовавшими с последними по нужде «за один». В провинции опричнина «по всей видимости строго отделила «опричнинцев» от земских в правовом отношении, как подданных двух различных государственных образований». Относительно же государевых богомольцев монастырей Садиков приходит к выводу, что они отнюдь не чуждались опричнины, а, наоборот, стремились из земщины туда, где была действительная власть.

Исследование М. М. Богословского необыкновенно обстоятельно и подробно, но без всякого социологического анализа излагает историю пребывания и деятельности Петра Великого в Вене в 1698 г. Неизданные письма Грибоедова имеют в значительной своей части лишь биографический интерес. Гораздо больший интерес представляет переписка Плеханова с Лавровым, снабженная послесловием Дейча. Переписка

[1]) «Дела и Дни». Исторический журнал, книга вторая. Петр. 1921 г. 240 стр.

относится к тому моменту, когда у чернопередельцев была сильная тяга к слиянию с Народной Волей и Плеханов намечался в числе других одним из редакторов «Вестника Народной Воли». Переписка отводит много места этому вопросу и дает интереснейший материал, как для истории отношений между Народной Волей и чернопередельцами, так и для понимания личности Плеханова и его идеологии. Плеханов позже других своих товарищей подошел к мысли о слиянии с Народной Волей, но, приняв это решение, он принимает и все исходящие из него выводы, а в первую главу вопрос о соредакторстве. «Теперь я решился,—пишет он, Лаврову, весной 1782 г.—Я думаю, что партия имеет полное право указать своему члену тот образ деятельности, который она находит наиболее для него подходящим. Человек, имеющий понятие о дисциплине, не может поступить по своему личному усмотрению в том случае, когда усмотрение это идет в разрез с мнением его товарищей. Это—большая посылка. Я человек, причисляющий себя к социально-революционной партии, желающий подчиниться всем требованиям дисциплины—посылка меньшая. Вывод отсюда ясен. Я отдаю вопрос о соредакторстве в «Вестнике Народной Воли» на решение своих товарищей». Но тут же Плеханов указывает Лаврову на обстоятельства, могущие расстроить редакцию журнала и прежде всего то, что он «готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли». Полного слияния, как известно, не состоялось. Это стремление Плеханова о котором он сам говорит, было основной причиной расхождения Плеханова и его товарищей с народовольцами. Письма Плеханова дают интереснейший исторический материал.

Помещенные вслед за перепиской Плеханова воспоминания С. Ф. Платонова—«Несколько воспоминаний о студенческих годах» воскрешает образы старых профессоров и студентов Петроградского университета. В 1878 г. Платонов поступил в Петроградский университет—тогда там читали лекции Бестужев-Рюмин, Сергеевич, Ламанский, В. О. Миллер, Срезневский, византолог Васильевский и др. О том, как они читали и какое производили впечатление на слушателей, и говорят, главным образом, воспоминания Платонова. Большой интерес возбуждает переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичим за время пребывания его в должности Наместника Царства Польского в 1862—1863 г.г., сообщенная А. Э. Сиверсом. Эта переписка ярко изображает накаленную атмосферу Царства Польского и мероприятия и планы русского правительства в борьбе с поляками. «Нам нужна действительная тайная полиция, которая никого бы не пугала, но дело делала,—пишет Константин императору Александру и тут же с радостью сообщает:—...через горячее содействие Брунова, к которому я обратился самым искренним образом, я получил из Англии сроком на 2 месяца двух агентов чудной английской полиции, которая решительно первая в мире. Я их поставлю в сношение с Паулучи для организации собственно сыскной части, которая должна быть в тесной связи с обыкновенной полицией, как это чудно устроено в Англии, и наде-

юсь, что это нам удастся. Брунов молодцом устроил эту штуку и именно в ту минуту, когда Пруссии было отказано в подобной просьбе». А Александр II пишет своему наместнику, давая ему ряд практических советов об управлении в Польше: «...стеснять тебя не хочу, припомнив тебе, однако, то, что я тебе писал в последнем моем письме о высшей полиции, которая непременно должна быть в твоих руках, а не под непосредственным влиянием Виспольского, иначе до тебя будет только доходить то, что он заблагорассудит, чтобы было доведено до твоего сведения и через то диктаторство его сделается еще сильнее...» «...Хорошим противоядием для этого может быть, до некоторой степени, перлюстрация, и я надеюсь, что ты ею пользуешься». Переписка эта является в высшей степени интересным памятником, замечательно ярко изображающим психологию правящей группы и их мероприятия по удержанию за собой силы и власти. «Несмотря на всю трудность и кажущуюся безнадежность нашего положения,—пишет Великий князь,—могу тебя уверить, любезнейший Саша, что я куражу не теряю. Уверенность моя в правоте нашего дела и упование мое на Бога слишком велики, чтобы не иметь надежды, что наши честные усилия увенчаются успехом. Не будь этой надежды и этой твердой веры, давно бы пришлось махнуть рукой. Но Бог велик и многомилостив».

Две последние статьи, С. И. Тхоржевского и Е. В. Тарле, посвящены одна Ключевскому, другая Теодору Шиману. В статье о Шимане, Тарле делает краткий обзор как исторической, так и публицистической деятельности умершего историка. Статья Тхоржевского «В. О. Ключевский, как социолог и политический мыслитель» интересна, как одна из первых попыток изучения социологических взглядов Ключевского. Ключевский—это крупнейшая фигура в русской историографии последних лет. Влияние, оказанное им на изучение русской истории, огромно. Между тем всесторонних попыток изучения облика Ключевского, как историка, не предпринималось. Изданный вскоре после его смерти сборник статей: «В. О. Ключевский. Характеристика и воспоминания» приоткрыл несколько завесу над научным обликом Ключевского, но не раскрыл и установил его. Поэтому статья Тхоржевского, посвященная основному для историка вопросу, его социологическим воззрениям, в высшей степени интересна по своему замыслу.

В книге имеется довольно большой и очень обстоятельный библиографический отдел. Вот и все—далеко не яркое—содержание этого — академически-исторического журнала.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О В. Г. КОРОЛЕНКО.

Н. Пиксанов.

Кончина Короленко кладет грань в нашем познавании его.

При жизни писателя исследователи и критики неизбежно бывали связаны в своих суждениях или личными и общественными отношениями к нему самому и его окружающим, или отсутствием материалов, какие публикуются только посмертно.

Но Короленко был таким крупным деятелем, что неизбежно история началась для него еще при жизни. Его энергическая общественная деятельность: борьба с голодом, участие в крупных судебных процессах, выступления против погромов, смертной казни, насилий над свободой слова,— все это не раз обостряло интерес общества к самому борцу, вернее—постоянно держало этот интерес на высоком уровне. Счастливый в своей литературной судьбе, Короленко-поэт рано завоевал любовь читателей, и они жадно ловили все сведения о жизни и личности писателя, какие только проникали в печать. Газетная хроника уже давно, с девяностых, если еще не восьмидесятых, годов стала доставлять читателям сведения о текущей деятельности Короленко, и чем выше расла его популярность, тем таких сведений появлялось все больше, несмотря на всю скромность и замкнутость личной жизни писателя. Особенно обильны становились такие газетные и журнальные сообщения в юбилейные дни: в 1903, 1913, 1918 годах (пятидесятилетие, шестидесятилетие и шестидесятипятилетие со дня рождения).

Да и сам Короленко, писатель с лирическим темпераментом и прекрасной отзывчивостью и общительностью, вольно или невольно, но многократно высказывался о себе самом и о разных эпизодах своей богатой жизни. Давным-давно перестало быть тайной, что в знаменитом рассказе «В дурном обществе» изображен отец Владимира Галактионовича и многие черты его собственной детской жизни. Затем воспоминания о Чернышевском, Чехове, Успенском, Михайловском, Анненском и еще многих других, создавая правдивые портреты «отошедших», неизбежно вынуждали Короленко говорить и о самом себе в разных моментах своей общественной и литературной жизни. Наконец монументальная «История моего современника» сообщила богатый запас биографических данных, доведя изложение до 1881 года включительно, до Якутской ссылки.

Постепенно стал накапливаться и иной материал к познанию Короленко, не газетные известия или автобиографические признания, а документы, воспоминания современников, обработки фактических данных биографии. Так, в «Нижегородском Сборнике» 1905 года, в обширной статье Ч. Ветринского «Короленко в Нижнем», были точно изложены обильные факты из жизни и деятельности Владимира Галактионовича в этом центре Среднего Поволжья. А в другой статье того же сбор-

ника: С. Д. Протопопов, «Заметки о Короленко», приведены и многие отрывки из его писем—первая значительная публикация эпистолярных материалов. Жизнь Короленко в Полтаве, в нескольких эпизодах, изложена по личным наблюдениям и точным данным в статье М. А. Коломенкиной: «50-летний юбилей В. Г. Короленко в Полтаве» в «Голосе Минувшего» за 1914 год, № 7. Более ранние периоды жизни—ссылочные—разработаны были А. С. Пругавиным в статьях: «Административные мытарства Короленко» («Русские Ведомости» 1910, №№ 99, 102, 104).

К юбилею 1913 года в печати уже накопилось столько биографических и литературных материалов о Короленко, что это дало возможность Н. Шаховской написать целую книгу-биографию (о ней ниже). Следующее десятилетие еще больше восполнило запасы таких материалов. И теперь, отвечая на вопросы: что читать о Короленко и каковы научно-литературные источники для его исторического понимания, можно предложить критико-библиографический обзор, построенный в известной системе.

Разложим этот обзор на несколько отделов: 1) чистая библиография; 2) издания сочинений и писем; 3) биографические работы и материалы; 4) критические и историко-литературные изучения; 5) новости 1922 года.

1.

Если не считать ранних случайных и неполных списков, первую более или менее полную библиографию Короленко мы находим в почтенном труде А. В. Мезиер: «Русская словесность с XI по XIX столетия включительно». Ч. II. Спб. 1902. Здесь, на стр. 149—150, дан перечень сочинений Короленко как в сборниках его «Очерков и рассказов», так и в первопечатных публикациях—в журналах, что уже давало некоторую возможность установить хронологию творчества. Затем Мезиер дает список статей и книг, где говорится о Короленко. Всего в библиографии Мезиер зарегистрировано около 50-ти №№; здесь было немало пропусков, что и немудрено, так как Короленко не был предметом специальной разработки в этом общем библиографическом своде. Через десять лет, в 1912 году, в упомянутой книге Н. Шаховской была опубликована новая библиографическая сводка—из двух частей: I. Указатель печатных работ Короленко. II. Указатель литературы о нем. Что касается последнего, то он невелик (всего 40 №№); составительница отметила только самое крупное. Зато в первой части она стремилась к полноте, что и удалось в большой степени. Зарегистрированы не только отдельные издания и журнальные публикации, но также и то, что Короленко печатал в газетах,—и не только в традиционных «Русских Ведомостях», но и в «Волжском Вестнике», и «Киевских Вестях», и других провинциальных изданиях; включены и статьи, печатавшиеся без подписи. Полноте и точности списка поспособствовало то счастливое обстоятельство, что составительница пользовалась указаниями самого В. Г. Короленко. Впервые из этого ука-

зателя читатели узнали о том, как продуктивен был Короленко и как строг он был в отборе своих произведений при их переиздании.

Однако и указатель Шаховской оказался далеко неполон. Помимо неизбежных невольных пропусков, были допущены намеренные изъятия, на что указала и сама составительница. Так, не перечислены мелкие корреспонденции без подписи под рубрикой «от нашего корреспондента», заметки в «хронике» «Русского Богатства» за 1904, 1905 и 1907 г. г., несколько десятков рецензий на новые книги за годы 1896—1908, статьи в заграничном «Освобождении» 1903—1905 г.г. Можно еще добавить, что не указаны и переводы произведений Короленко на иностранные языки. Странно, что в указатель не вносились иногда и значительные произведения Владимира Галактионовича, известные составительнице и цитированные ею в биографии (напр., рассказ «Глушь», см. стр. 59, ср. указатель под 1896 г.; или доклад Короленко о голоде, см. стр. 98—99). Следует еще сказать, что регистрация сочинений кончается 1911 годом.

Все же ценность указателя Шаховской высока, и он оставался непревзойденным до 1918 года. Дополнением к нему явился вскоре третий том «Источников словаря русских писателей» С. А. Венгерова (Спб. 1914, стр. 189—191); здесь сообщалось, во-первых, несколько новых указаний по биографии Короленко, а главное—даны перечни рецензий на издания его сочинений. Несколько новых библиографических дат разного типа появилось в мало известном издании: А. Л. Бем «Русская литература в 1913 году». Библиография (из «Обозрения трудов по славяноведению»), Спб. 1916. Год 1913-й был как раз юбилейным; поэтому указатель А. Л. Бем во многом восполняет Шаховскую и Венгерова. Список статей Короленко в «Русских Ведомостях», данный у Шаховской, был, оказывается, неполным; с большей полнотой он приведен в юбилейном издании: «Русские Ведомости», 1863—1913. Сборник статей. М. 1913 (стр. 92). Позднее, в известной библиографии И. В. Владиславлева: «Русские писатели XIX—XX стол.» (изд. 3-е, М. 1918, стр. 55—58) была произведена выборка из выше названных указателей и добавлено то, что появилось в последние годы; ср. его же «Библиографические Ежегодники» за 1910—1914 года.

Самым обширным из всех оказался последний по времени публикации указатель, именно—составленный Вс. С. Венгеровым и помещенный в сборнике: «Жизнь и творчество В. Г. Короленко». П. 1918, стр. 98—140. Указатель разделен на две части: I. Печатные произведения В. Г. Короленко; II. Литература о нем. Вторая часть еще распадается на три отдела: а) словари, отдельные сочинения и крупные статьи о Короленко в периодической печати, б) мелкие сообщения, по преимуществу биографического характера, и в) резенции на отдельные произведения Короленко. Составитель, конечно, пользовался многими предыдущими указателями (хотя в списке его пособий почему-то пропущена Шаховская; указатель Бема, повидимому, остался Венгерову неизвестен). Но главные материалы дали: литературный архив С. А. Венгерова с его картотекой и собственноручная записная книжка В. Г. Короленко, предоставленная М. А.

Коломенкиной. Благодаря всему этому указатель Венгерова очень богат. Особенно полна первая часть (список печатных произведений Короленко), куда внесено очень много дополнений сравнительно с Шаховской. Однако и этот указатель не полон. Во-первых, недостает кое-чего в перечне статей в «Русских Ведомостях» (не использованы указания выше названного юбилейного сборника). Затем статьи в «Освобождении» опять не указаны; не зарегистрированы совсем переводы Короленко на чужие языки; юбилейная литература 1913 года перечислена не вся (по незнакомству с библиографией Бема). Рецензии на отдельные издания следовало помещать под каждым из них, а не сбивать разновременные отзывы в одну кучу. Сочинения Короленко перечислены в хронологическом порядке их напечатания, что и правильно, однако для справок необходимо было приложить их алфавитный указатель.

В общем, библиография Короленко, при некоторых недостатках (которые легко исправляются), разработана так полно, что уже в 1912 г., тем более в 1918, давала возможность ставить многие вопросы для научного изучения писателя и легко подбирать необходимую для того литературу.

2.

В каком положении печатный текст сочинений Короленко?

Для многих других писателей ответ на этот вопрос печален: в плохом состоянии. Бывает, что автор сам лишен возможности вести корректуру своих произведений, и тогда в печать проскальзывают искажения текста; бывает, что, по тем или другим обстоятельствам, он не смог напечатать того или другого произведения, иногда очень ценного, и оставшиеся рукописи—в таком состоянии, что затруднительно выбрать редакцию, соответствующую последней воле писателя. Иногда и напечатанные произведения затериваются, особенно если они издавались без подписи или подпсевдонимом.

С сочинениями Короленко дело обстоит благополучнее. Основной корпус его «Очерка и рассказов» переиздавался многократно при жизни поэта и под его наблюдением. А в 1914 году издательство Маркса («Нива») выпустило полное собрание сочинений Короленко, и к редактированию был привлечён сам автор. Это благоприятно отразилось на издании. По примечаниям, какие всюду разбросаны по девяти томам, видно, что Короленко внимательно пересмотрел весь материал, подлежавший печатанию, дал во многих случаях необходимые разъяснения, иногда даже вновь ревизовал прежний текст (напр., повесть «С двух сторон», см. том VIII, стр. 122). При многих произведениях заботливо проставлены хронологические даты. В сравнении с прежними изданиями «Очерков и рассказов это первое «полное собрание сочинений» необычайно полно: сюда вошли и воспоминания, и газетные статьи, и даже рецензии. Включил Короленко и ранние свои опыты, как «Прохор и студенты», «С двух сторон», «Эпизоды из жизни искателя». Таким образом, мы имеем перед собою авторизованный текст, и воля писателя здесь не-

сомненна. От этого издания должны отправляться все посмертные собрания сочинений.

Однако «полным» издание 1914 года можно назвать только условно. В конце последнего тома читаем такое заявление: «По независящим от автора и редакции обстоятельствам не включены в «Полное собрание сочинений» следующие произведения: «Черты военного правосудия», «Дело Глускера», «Бытовое явление», «О свободе печати» и «Судебная речь В. Г. Короленко». Итак, отсутствуют произведения, известные всем читателям, сильные по мысли и настроению и столь характерные для Короленко-правозаступника.

Помимо этих крупных невольных пробелов, в издании Маркса имеются и намеренные пропуски. Короленко не захотел включить в собрание многих своих газетных статей. Полная их перепечатка, вероятно, была бы неприемлема и технически для расчетливого издательства, но некоторые из статей, немногословных и выразительных, сами просились в собрание сочинений и не попали туда, конечно, только по излишней требовательности к себе и скромности автора.

Издание «Нивы» скоро было поглощено провинцией, с 1914 г. Короленко продолжал печататься, и на очередь естественно встал вопрос о новом переиздании собрания сочинений. Оно и было предпринято в 1918 году московским кооперативным товариществом «Задруга», но на четвертом томе, по обстоятельствам времени, пресеклось; новой авторской или редакторской ревизии текста при этом, повидимому, не производилось, и новое издание было перепечаткой прежнего (напр., не восстановлены пропущенные даты написания: «Ат-Даван», 1892).

Зато «История моего современника» успела выйти в том же издательстве «Задруга» в трех томах.

К «сочинениям» естественно примыкают письма. Письма поэтов, являясь драгоценным источником для познания биографии, личности, творчества писателя, становятся у нас любимым чтением. Этим объясняется поразительный успех шеститомного издания писем Чехова. В каком положении переписка Короленко? Выше уже указывалось, что еще в 1905 году, в статье Протопопова в «Нижегородском Сборнике», были даны очень ценные выдержки из переписки с Короленко. Позднее были опубликованы письма Короленко к В. А. Гольцеву (в сборнике «Памяти В. А. Гольцева», М. 1910, потом, в большем количестве,—в «Архиве Гольцева», М. 1914); здесь много ценнейших суждений Короленко об искусстве и о ходе его творческих работ. Ниже еще придется говорить об его письмах, но в общем эпистолярных материалов пока опубликовано мало. Напомню только в добавление, что в упомянутом издании писем Чехова—немало писем его к Владимиру Галактионовичу.

3.

Что касается биографии Короленко, то для нее богатейший материал дан в его сочинениях. Легко могут быть использованы для этой цели такие беллетристические или полу-беллетристические автобиографические

произведения, как «В дурном обществе», «История моего современника», «Прохор и студенты», «Эпизоды из жизни искателя» и многие другие. Но еще более точный материал доставляют прозаические статьи, корреспонденции, письма в редакции и т. д. Отсюда можно почерпнуть много хронологических дат и вообще сведений об общественной деятельности автора. К слову сказать, такие тексты Короленко, в большей своей части не попавшие в собрание сочинений, до сих пор еще никем не изучались вплотную.

Затем биографическим источником являются официальные документы. При жизни Короленко, естественно, их появлялось немного, но есть среди таких публикаций очень важные. Такова, напр., статья Ч. Ветринского в «Нижегородском Сборнике» 1905 г., где излагается деятельность Короленко в Н.-Новгороде; ср. доклад А. А. Савельева в XXXV заседании Нижегородской архивной комиссии. Особенно важно сообщение Л. К. Ильинского: «В. Г. Короленко и III-е отделение» в сборнике «Жизнь и творчество В. Г. Короленко» (П. 1918, стр. 81—97). Здесь опубликованы документы 1876—1881 г.г. из архива третьего отделения, по обвинениям Короленко в политических преступлениях,—в том числе два обширных заявления самого Короленко. Без этой публикации Л. К. Ильинского теперь не обойдется новая биография писателя.

К сожалению, таких документальных сообщений пока мало.

Особую категорию биографических источников составляют воспоминания современников. Опять, при жизни Короленко его современники, естественно, воздерживались от таких сообщений. Но несколько воспоминаний, однако, проникло в печать. Выше указывались статьи Ч. Ветринского, С. Д. Протопопова, М. А. Коломенкиной. Здесь в той же категории отмечу: воспоминания Смарагда Горностаева (Н. И. Васильева) в ст. «Интеллигентные кружки» в журн. «Наука и Жизнь», 1904, XI, 953—960 (о деятельности Короленко в Нижнем); Н. Шиханов. «Воспоминания о В. Г. Короленко». Неделя «Современного Слова» 1911, № 152; Петр Быков «Великая душа» (Из воспоминаний о мимолетных встречах). «Солнце России» 1913, № 29; Ф. Д. Батюшков «В Джанхоте у В. Г. Короленко» (в 1901 г.),—там же. Особенно следует выделить М. Горького: «Из воспоминаний о В. Г. Короленко», в сборн. «Жизнь и творчество Короленко» (П. 1918, стр. 52—57); эти пять страничек написаны сжато, энергично, выразительно; они воссоздают живой образ Короленко, но характеристичны и для самого Горького. Это—только юбилейный набросок, и надо пожелать, чтобы Горький в новом переиздании восполнил свои воспоминания.

Биографические материалы неоднократно обрабатывались в связные очерки—прежде всего в энциклопедических словарях; отмечу настольный энциклопедический словарь Граната и К°, изд. 7-ое, т. XXV, 235—239 (статья И. Н. Игнатова) и особенно—новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. 22 (1915), где помещена очень хорошая статья С. А. Венгерова. Но это были неизбежно слишком краткие очерки. Первой полной биографией явилась уже упомянутая книжка; Н. Шаховская «В. Г. Короленко». Опыт биографической характери-

стики. М. Кн-во К. Ф. Некрасова («Биографическая библиотека», № 3), 1912, 185 стр.

Выше говорилось, как обстоятельно составила Н. Шаховская библиографию Короленко. Для самой составительницы это было отличным способом осведомиться в описанных ею материалах. И действительно, она их превосходно изучила и затем легко документировала ими каждую главу биографии. Впервые в этой книге устанавливается четко периодизация жизни и творчества Короленко, вычерчивается эволюция личности и общественной деятельности. Много свежих данных приведено здесь и о ссылочной жизни Владимира Галактионовича, и о ранних его беллетристических опытах. Автор настолько широко осведомлен в фактах, что, конечно, легко мог бы вдвое увеличить объем своей книги, превратив ее в обширное биографическое повествование, и только тесные рамки «Биографической библиотеки» издательства помешали ему это сделать, о чем нельзя не пожалеть. На глубину и оригинальность обобщений Шаховская не претендовала, широких историко-литературных и общественно-исторических перспектив и не могла, по сжатости очерка, устанавливать, но в оценке личности и творчества Короленко обнаружила чуткость и широту. Несомненно, книжка принадлежит к лучшим образцам в этом типе и еще надолго останется хорошим vademecum при изучении Короленко.

Иконографический и иллюстративный материал к биографии воспроизводился не раз; укажу «Ниву» за 1913 год, №№ 28 и 29, и «Солнце России» за тот же год. № 29.

4.

Короленко быстро завоевал любовь читателей; его свежее, милое дарование привлекало и внимание критиков. О нем охотно и много писали,—правда, не так много, как о Горьком или Андрееве. За тридцать лет о Короленко успели высказаться К. К. Арсеньев, А. М. Скабичевский, М. Протопопов, Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский, Н. К. Михайловский, И. И. Иванов, В. П. Буренин, С. А. Венгеров, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. В. Луначарский, А. Г. Горнфельд, Ю. И. Айхенбаум, Иванов-Разумник, К. И. Чуковский и еще многие другие. Почему-то критические отзывы не сведены в хрестоматию В. И. Покровским, как это сделано, напр., для Чехова. Некоторые из крупных произведений Короленко создали вокруг себя целую специальную литературу, например, «В голодный год», «История моего современника»; особенно посчастливилось повести «Слепой музыкант».

Из отдельных книжек, специально посвященных Короленко, следует указать: Ю. Николаев (Говоруха-Отрок) «В. Г. Короленко». Критический этюд. М. 1893. Писатель охранительного лагеря, Говоруха-Отрок во многом был враждебен миросозерцанию и деятельности Короленко; но его привлекали художественные достоинства произведений Короленко, и в его книжке оказалось немало удачных наблюдений и суждений. Позже отдельной книгой о Короленко отозвался И. И. Иванов: «Поэзия и правда мировой любви». Спб. 1899; здесь хорошо схвачен харак-

терный для Короленко пафос гуманизма. Упомяну еще книжку Т р е п л е в а: «Молодое сознание», М. 1904. Из литературных критиков всех чаще и настойчивее возвращался к Короленко Ф. Д. Батюшков; он часто писал о нем в журналах и газетах, а в 1905 г. выпустил отдельную книжку: «Короленко, как человек и писатель по его произведениям» (Спб.).

Как видим, ни одна из названных книжек не переходит за 1905 год; между тем Короленко продолжал много работать и позже и создавал крупные вещи, стоит вспомнить «Историю моего современника». Мы в праве ожидать новой и обширной критической монографии.

Разысканий историко-литературных было еще меньше. Литературный дебют Короленко установлен В. А. Р о з е н б е р г о м в его книге «Журналисты безвременья», М. 1917 («Путь писателя Короленко»; речь идет о первой печатной статье-письме в редакцию «Новостей» 1878 г., 7 июля). Но статья Розенберга—не более как удачная справка-находка, устанавливающая историко-литературный момент. К типу научного исследования, или, по крайней мере, к его постановке, приближается статья Ф. Д. Б а т ю ш к о в а о «Слепом музыканте» (сначала в «Вестнике Европы», 1898, V, потом в «Критических очерках и заметках», Спб. 1900). Она отзывается на переработку повести, предложенную поэтом в новом, шестом издании, спокойным анализом композиции повести, сопоставлением ее образности и идей, перекрестным допросом критиков, Батюшков подходит к решению вопроса, насколько органически необходимы были новые вставки в тексте повести. Любопытно отметить дальнейшую дискуссию по тому же вопросу: в 1916 году приват-доцент Московского университета А. Щ е р б и н а, сам слепой, высказался против основного психологического тезиса Короленко: что «слепорожденный испытывает органическое стремление к свету»; см. А. Щ е р б и н а «Слепой мызукант» Короленко, как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых. Сборник «Г. И. Челпанову. 1891—1916. Статьи по философии и психологии», М. 1916, стр. 1—52. Щербине возразил А. Г. Г о р н ф е л ь д в большой статье: «Слепой музыкант» и слепой критик. «Русские Ведомости», 1916, 14 дек., № 288; Горнфельд настаивает на возврате от узко-психологического анализа к общелитературному: «психологией слепых не исчерпывается содержание и смысл повести».

Дискуссия о «Слепом музыканте» приближает изучение Короленко к научным методам; но в общем составе критической литературы о нем господствуют субъективные, вкусовые—эстетические или публицистические—оценки.

5.

Кончина В. Г. Короленко заставила нас, оторвавшись от злобы дня, передумать пути его жизни и творчества. В газетах и журналах появились поминальные статьи; есть и отдельные книжки о Короленко. Взволнованная общественная мысль еще не обошла всего круга, и далеко не все, что готовилось к печати в эти месяцы, опубликовано.

Самое крупное, что появилось, это—продолжение «Истории моего современника» в журн. «Голос Минувшего» (сводный номер за 1920—1921 г.г., стр. 5—43). Здесь начинается четвертый том «Истории», которой—увы!—не суждено быть законченной. Переходя в новой части к описанию жизни в Якутской области, Короленко рассказывает о переезде по Лене, о слободе Амге, где он прожил три года, ее населении, о земледельческом труде, которому Короленко отдался с увлечением и который закалил его тело и волю; попутно автор зарисовывает несколько ярких, характерных портретов, напр., рабочего Павлова (одного из учеников Халтурина), П. Д. Баллода, И. Л. Линева. Помимо бытового и психологического материала здесь есть также историко-общественные данные, например, о сношениях П. Д. Баллода с Д. И. Писаревым. Нечего и говорить, как интересно все, что здесь сообщает о себе самом Короленко. Его большое, благородное сердце чувствуется всюду и согревает жуткую повесть о гиблых местах.

Начинают появляться в печати и письма Короленко. Ниже придется говорить о книге Батюшкова, составленной на основании неизданной переписки. Здесь укажу на ценное сообщение С. Д. Протопопова «Из писем В. Г. Короленко». «Летопись Дома литераторов». 1922, № 7. Письма, вернее—выдержки из писем (их всего восемь), относятся к разным годам, начиная с 1907. Интересны суровые отзывы о пресловутой газете «Русская Воля»: Короленко еще до появления первого номера был убежден, что «это будет либерализм в той мере, в какой он нужен теперь промышленному классу». Интересны сведения о «ряде очерков» «Земли! Земли!», написанных в 1920 году. Впрочем, все интересно в письмах такого крупного деятеля, как Короленко. Ср. ниже статью Р. М. Кантора.

Из воспоминаний появилось пока тоже немногое. В «Летописи Дома Литераторов» (1922, № 7) находим воспоминания А. Петрищева, сотрудника Короленко по «Русскому Богатству»; воспоминания отрывочны и касаются разных эпизодов, например, смерти Н. Ф. Анненского, печатания «манифеста» Совета рабочих депутатов в 1905 году, столкновений с цензурою. В «Вестнике Литературы», 1922, № 23, опубликовано сообщение С. Швецова: «Из ранних встреч с В. Г. Короленко». Здесь автор вспоминает: «Короленко давних дней, которого любила и знала одна лишь революционная Россия, точнее говоря—интеллигентная ссыльная Россия, Россия тюрем и этапов, Короленко 1880—1885 г.г.»; ценны показания Швецова о Короленко в Вышневолоцкой политической тюрьме, потом—в Тобольской каторжной. К воспоминанием отнесем и статью С. Д. Протопопова: Материалы для биографии В. Г. Короленко, «Утренники», кн. I, II., 1922, стр. 85—90. На основании личных бесед с Короленко и его неизданных писем Протопопов характеризует отношение Владимира Галактионовича к своей общественной деятельности, к политическим партиям, к религии. Пожелаем, чтобы С. Д. Протопопов продолжал делиться с читателями материалами своих записных книжек, куда заносил беседы с Короленко и перепиской с поэтом.

Из фактических данных к биографии почти ничего не опубликовано; отмечу письмо А. В. Пешехонова о болезни, смерти и погребении Короленко («Летопись Дома Литераторов», 1922, № 7) и сообщение доктора А. Геймановича: «Болезнь В. Г. Короленко» в журн. «Врачебное Дело», 1921, № 25—26, с точным описанием картины болезни.

Немногие существующие газеты и журналы тепло помянули скончавшегося писателя в общих некрологических статьях. Из них необходимо выделить статью П. Н. Сакулина: Ad lucem (Памяти В. Г. Короленко) в журн. «Жизнь» 1922, № 1, стр. 7—33. Автор характеризует общественные взгляды Короленко, в частности точнее определяя его «народничество», затем переходит к его взглядам на задачи искусства и, наконец, очерчивает общее миросозерцание писателя. В основу статьи положено новое изучение произведений Короленко и биографических материалов о нем, многие вопросы здесь поставлены оригинально, например, впервые так точно конструированы воззрения Короленко на искусство (автор видит органическое единство поэтики и идеологии Короленко—в переживаниях и образах света); вообще статья является одной из самых серьезных во всей литературе о Короленко.

Вышедшая в отдельном издании «Задруги» книжка Л. Козловского «В. Г. Короленко. Опыт литературной характеристики» (М. 1922, 63 стр.) не представляет большой новизны, так как автор еще в 1910 году выпустил аналогичную книжку; впрочем, новое издание, очень изящно отпечатанное, будет, конечно, не лишним.

Из других, отдельно изданных, книжек мне пока известны три. Одна из них по типу приближается к книжке Козловского: Самуил Марголин «Солнечное творчество» (В. Г. Короленко). Изд. Кнебель. М. 1922. 50 стр. Дав небольшую биографическую справку, автор переходит к характеристике художнической организации Короленко. Эта характеристика написана тепло, с увлечением. Хорошо сказано о чувстве природы и ее живописании, о музыкальных элементах в поэзии Короленко. Интересна (хотя несколько растянута) параллель между Короленко и К. Гамсуном. Книжка написана торопливо, не совсем стройно, немного манерным, не всегда правильным языком. Две других брошюры сближаются одинаковостью угла зрения: общественного. Усердный исследователь Некрасова, В. Евгеньев-Максимов выпустил книжку под названием: «Великий гуманист» (В. Г. Короленко). Издательство «Учитель». Петроград 1922. 32 стр. Возражая К. Чуковскому, для которого Короленко «слишком благообразный», «причесанный», «нормативный» писатель, и А. В. Луначарскому, который находил Короленко «по существу плохим революционером», В. Евгеньев-Максимов строит характеристику почившего писателя-общественника в плане биографическом, переплетая события жизни и творчества. Не претендуя на оригинальность, книжка дает хороший общий обзор, полезный для широких читательских кругов. Такому же назначению отвечает и книжка В. А. Мякотина «В. Г. Короленко» (15 июля 1853—25 декабря 1921). М. Издательское т-во «Земля», 1922. 48 стр. Она написана выразительным языком, дает четкий образ почившего. Но,

как и книжка В. Евгеньева-Максимова, это — не больше как популярный очерк. От талантливого историка-исследователя и давнего соратника Короленко по «Русскому Богатству» В. А. Мякотина мы будем ждать новых, более щедрых мемуарных и эпистолярных сообщений.

Ценные документальные материалы опубликованы в только что появившемся первом сборнике «Парфенона», П. 1922, стр. 98—104, в статье Р. М. К а н т о р а: К биографии В. Г. Короленко. По материалам архива департамента полиции. По характеру это сообщение напоминает выше указанную статью Л. К. Ильинского. В перехваченной жандармами переписке нашлись письма разных лиц к Короленко, рисующие его популярность в общественно-политических кругах, напр., письмо заводского рабочего А. Н. Шишова, и два письма самого Владимира Галактионовича: к Д. Е. Панкееву и Г. Троценко.

Самым крупным произведением литературы о Короленко 1922 года является книга Ф. Д. Б а т ю ш к о в а: «В. Г. Короленко, как человек и писатель», М. 1922, издание «Задруга», 124 стр. Это—посмертная работа Ф. Д. Батюшкова, его лебединая песня. В течение десятков лет он многократно возвращался к изучению Короленко (список его статей см. в указателе Вс. Венгерова); вместе с тем, будучи издавна лично знаком с ним, он имел возможность хорошо изучить жизнь и личность Короленко; наконец, в распоряжении автора оказались большие запасы неизданных писем Короленко. Именно, от племянника писателя Ф. Д. Батюшков получил письма к его брату, Юлию Гал. Короленко; у самого Батюшкова накопилась «за двадцать лет знакомства довольно обширная переписка с В. Г., при чем многие письма, на общие или литературные темы, с указанием работ, времяпрепровождения, мыслей, интересов и начинаний автора, являлись как бы сами по себе некоторой автобиографией писателя, лишь в форме писем к приятелю». Батюшков построил свою книгу как литературную биографию, в хронологическом следовании периодов жизни и творчества, но не задавался целью научно-исторического исследования; он сам признает, что «вторая часть почти вся носит характер воспоминаний». Поэтому книга Н. Шаховской не только не отменяется книгой Батюшкова, но является ее необходимой предпосылкой. Зато в новой книге сообщается огромное количество свежих, до того неизвестных данных литературных и биографических. Без нее теперь нельзя обойтись при всяком, хотя бы эпизодическом, изучении Короленко. Как на пример, укажу на «схему речи на Мултанском процессе», которую Короленко изложил в пространном письме к Батюшкову.

Подведем итоги.

За сорок лет накопилась довольно обширная литература о Короленко. Благодаря нескольким библиографическим указателям (новая систематическая библиография Короленко готовится к печати под редакцией пишущего эти строки), она легко и удобно обозревается. Мы имеем хотя

и не полное, но авторизованное собрание сочинений Короленко. В критической литературе о нем уже высказано немало метких и глубоких суждений. Наконец в книгах Шаховской и Батюшкова имеем своды данных по истории жизни и творчества Короленко.

Но многое и многое еще предстоит сделать.

Во-первых, необходимо издать действительно полное собрание сочинений Короленко. Сюда должны войти десятки, если не сотни его уже напечатанных, но не собранных статей, а также и неизданные материалы, которых осталось после него очень много (напр., в записных его книжках—наброски поэмы, где очерчиваются «два образа: Александр II и его убийца Желябов»).

Во-вторых, следует издать его письма, по типу, уже данному для писем Чехова. Конечно, дело начнется отдельными публикациями; так, изд-во «Задруга» уже готовит к печати переписку Короленко с И. П. Белоконским. Но важно, чтобы теперь же было начато систематическое собирание переписки, которая, можно заранее сказать, чрезвычайно обширна и имеет высокое общественно-историческое значение.

Научно-биографических изучений было еще очень мало, и для них надо будет итти в архивы—как государственные, так и частные. Будем нетерпеливо ждать и новых воспоминаний современников и напомним, что не следует откладывать надолго такую работу: записать свои воспоминания о славном писателе и гражданине—долг перед историей.

Историко-литературные исследования, еле начатые, должны захватить весьма разнообразные вопросы: сюда войдут и анализы стиля и композиции, и широкие сопоставления творчества Короленко с творчеством его современников и предшественников и многое другое.

Несомненно, что 1922 год явится крупным этапом в истории изучений В. Г. Короленко.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—1920 ГОДОВ.

(Обзор.)

Проф. С. Членов.

Die deutsche Revolution, ihr Ursprung, ihr Verlauf und ihr Werk, von Eduard Bernstein. 1 Band: Geschichte der Entstehung und ersten Arbeitsperiode der deutschen Republik. 1921. Verlag für Gesellschaft und Erziehung. Berlin—Fichtenau. 198 Seit.

Die deutsche Revolution. Ihr Unglück und ihre Rettung von Heinrich Ströbel. Verlag «Der Firn». Berlin 1921. 242 Seit.

Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution von Gustav Noske. Verlag für Politik und Wirtschaft. Berlin 1920. 211 Seiten.

Aus der Werkstatt der deutschen Revolution von Emil Barth. A. Hoffmanns Verlag. Berlin. 158 Seit.

Philipp Scheidemann. Der Zusammenbruch. Berlin. Verlag für Sozialwissenschaft. 1921. 251 Seiten.

Revolutions-Dokumente. Im Zeichen der roten Fahne, von Eberhard Buchner. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 1921. Berlin.—400 Seiten

Deutscher Revolutions-Almanach für das Jahr 1919. Hoffmann und Campe Verlag. Hamburg—Berlin. 164 Seiten.

Preussentum und Sozialismus von Oswald Spengler. Verlag von G. U. Beck. München 1921. 99 Seiten. Die deutsche Revolution. Ein Beitrag zur Zeitgechichte von Dr. Ferdinand Runkel 1919. Verlag von F. Grunow in Leipzig. 232 Seiten.

Э. Бернштейн. Германская революция, ее происхождение, ее течение и ее дело. Том. I: История возникновения и первого периода работы Германской республики. 1921 г. Берлин—Фихтенау. Стр. 198.

Г. Штребель. Германская революция, ее несчастие и спасение. Берлин 1921. Стр. 242.

Г. Носке. От Киля до Каппа. Берлин 1920 г. Стр. 211.

Э. Барт. Из мастерской Германской революции. Берлин (год не обозначен). Стр. 158.

Ф. Шейдеманн. Крушение. Берлин 1921. Стр. 251.

Э. Бухнер. Документы революции. Т. I: Под знаком Красного Знамени. Берлин 1921. Стр. 400.

Немецкий альманах революции на 1919 г. Гамбург—Берлин. Стр. 164.

О Шпенглер. Пруссачество и социализм. Мюнхен 1921. Стр. 99.

Ф. Рункель. Германская революция. 1919 г. Лейпциг. Стр. 232.

Г. Бинштok. Очерки германской революции. «Книга». Москва 1921 г. Стр. 99

Настоящий обзор меньше всего претендует на полноту. Как будто, в него включены наиболее существенные работы о Германской революции, хотя, несомненно, многое и, притом, очень интересное пропущено. Мы например, не включили в обзор литературу, посвященную проблеме социализации хозяйства, которая одно время играла в Германской революции большую роль и вызвала появление ряда книг и брошюр (Штребель, Ледерер, Каутский, О. Бауер, Баллод, Виссель, Вильдбрандт, Спекта-

тор и др.), Из материалов, очень важных для историка Германской революции, в наш обзор не вошли: «Отчет об Обще-германском Съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов». Берлин 1919 г. 216 стр.; «Доклад делегатов Действующей Армии на Съезде Советов Раб. и Солд. Деп. в Берлине 16 декабря 1918 года». Вильгельмсхоге, возле Касселя, 1918 год, стр. 46; «Законы и распоряжения Социалистической Республики» (38 стр.). Берлин 1919; «Отчет Генеральной комиссии Профессиональных Союзов в Германии с 1 юля 1914 по 31 мая 1919 г.»; «Отчет о процессе Ледебура»; очень интересный мемориал Ц. К. независимых с.-д. «Германская Рабочая Революция»; Отчет о деятельности Центрального Совета рабочих и солдатских депутатов, озаглавленный: «От первого Съезда Советов к Национальному Собранию». Наконец, мы не включили в обзор довольно обильной литературы, посвященной революции в армии, Кильскому восстанию, Баварской Советской Республике, выборам в Национальное Собрание, деятельности последнего и другим отдельным эпизодам революции.

Мы включили в наш обзор только работы, касающиеся революции в целом, а из мемуаров только мемуары трех народных уполномоченных, стоявших в центре событий. К тому же, ценность этих воспоминаний (особенно Носке и Шейдеманна) представляется нам не столько со стороны фактического материала, сколько со стороны психологической,— совершенно исключительной.

Исторических обзоров Германской революции перед нами три: Г. Штребеля, Э. Бернштейна и Ф. Рункеля. Первый автор—довольно известный независимый с.-д. Кто такой Э. Бернштейн,—всем известно. Отметим только, что, при происшедшем во время войны расколе Германской социал-демократии, Бернштейн оказался среди независимых, а во время революции пребывал некоторое время в двойном подданстве, состоя одновременно членом обеих партий. При крайнем обострении отношений между последними такое положение стало невозможным, и Бернштейн вскоре окончательно вернулся в лоно с.-д. большинства.

Автор третьей книги, д-р Фердинанд Рункель, нам ближе неизвестен. Видимо, он принадлежит к одной из фракций либеральной буржуазии.

Книга Бернштейна претендует на систематическое освещение событий революции от 9 ноября до выборов в Национальное Собрание (19 января). При этом автор хочет дать не простое повествование, а анализ. «Задача политического историка состоит в выявлении более глубоких противоречий, лежащих в основе практической борьбы, и в том, чтобы дать изображение последних, основанное на их правильной оценке».

Автор претендует на объективность, но не на беспартийность. И он не отказывается от права не только на оценку событий, но и на разрешение вопроса о «личной ответственности» отдельных участников революции.

На протяжении всей книги перед нами выступает Бернштейн в трех лицах: как повествователь (по обыкновению, довольно скучный, хотя добросовестный и обстоятельный), как научный исследователь, пытающийся уловить под пестрой оболочкой событий их исторический смысл и найти нити, которые движут марионетками на сцене революции (с этой задачей Бернштейн на этот раз справился очень плохо,—вернее не справился вовсе) и, наконец, как судья над главными персонажами революции (эта роль совсем не удается автору, который являет зрелище судьи не столько лицеприятного, сколько плохо сводящего концы с концами в мотивировке своих приговоров).

Бернштейн совершенно правильно замечает в предисловии, «что дело идет об изображении периода, в который возникла Германская республика и старалась определить свое внутреннее содержание, но была охвачена борьбой, имевшей роковое влияние на те очертания, которые, в конце концов, получила республика, и на всю ее внутреннюю и внешнюю политику». Содержанием этой борьбы «является столкновение двух в корне различных пониманий социализма и социального развития, которое можно проследить через всю историю новейшего социалистического движения». Действительно, борьба между с.-демократами, с одной стороны, и спартакистами и, отчасти, независимыми—с другой, составляет главное содержание описываемого Бернштейном периода Германской революции (да и всей революции вообще). Но напрасно Э. Бернштейн думает, что, сведя содержание этой борьбы к столкновению двух взглядов на социализм и социальное развитие, он дал нам научный исторический анализ. Сказать, что борьба между жирондистами и монтаньярами была борьбой двух взглядов на задачи революции и на ход исторического развития,—значит высказать бесспорную истину. Но претендовать на то, что такое объяснение вскрывает «глубокие противоречия», лежащие в основе борьбы,—это немного чересчур, а для марксистского историка и вовсе непозволительно. Э. Бернштейн совсем иначе анализировал в свое время английскую революцию, а там классовые корни идеологических противоречий и столкновений были запрятаны гораздо глубже, чем в новейшей Германской революции, и, кроме политического флера, на них было наброшено еще пустое религиозное покрывало. Тем не менее, в одном случае историк Бернштейн показал нам за борьбой идеологий борьбу классовых группировок, а в другом случае остановился именно там, где начинается научный анализ.

Бернштейн может сколько угодно утверждать, что в Германской революции боролись *идеи* демократии, социальной эволюции и государственности, воплощенные в с.-д. большинства с идеями фетишизма меньшинства, катастрофизма и даже анархизма, воплощенными в Спартаке и отчасти в независимых. Он может, сколько угодно, объяснять нам, что с.-д. партия—была носительницей «великой миссии созидания», а Спартак—воплощением «безответственного» начала разрушения,—от этого анализ мало подвигается вперед. К счастью, Бернштейн-повествователь справляется со своей задачей много лучше Бернштейна, ана-

лизирующего события. И из его рассказа вытекает, что дело совсем не в борьбе двух течений в социализме. А дело в том, быть ли Германии социалистической республикой или буржуазной, и будет ли власть в руках пролетариата или буржуазии. Все рассказываемые Бернштейном эпизоды сводятся к борьбе за политическую власть и за вооруженную силу. Советы или Национальное Собрание, вооруженный пролетариат или «Гвардия Носке», находящаяся всецело в руках ультрамонархического и реакционного командного состава, социализация или капитализм,—вот вокруг чего шла борьба. О борьбе за социализацию Бернштейн не говорит, она, главным образом, относится к следующему периоду революции. Но борьба за то, в чьих руках быть вооруженной силе, обрисована с достаточной ясностью.

Усилия шейдемановцов, вокруг которых сконцентрировалась не только вся буржуазия, но и все феодально-монархические элементы, особенно реакционный генералитет и офицерство, были направлены на то, чтобы отнять у масс оружие, расформировать революционные части и создать вооруженную силу, пропитанную духом старой дисциплины с реакционным командным составом. Всякий раз, как начиналась борьба, соц.-дем. передавали фактически военную диктатуру монархическим генералам («социал-демократический» диктатор Носке был орудием генералов и смотрел на все глазами унтера Вильгельмской армии,—см. ниже).

Точно так же в стремлении с.-д. как можно скорее упразднить советы и передать власть Учредительному Собранию их поддерживала, как один человек, вся буржуазия, мелкобуржуазная, кулацкая, поповская и помещичья Германия. Дело здесь было совсем не в двух пониманиях социализма, которые якобы между собой боролись. Борьба шла между буржуазией и пролетариатом, между капитализмом и социализмом, и с.-д. выступали как руководящая партия объединенного контр-революционного лагеря. Поэтому реальным результатом этой реальной борьбы за власть и оказалась не победа одного «понимания социализма» над другим его пониманием, а временная победа капитализма над социализмом, буржуазии над пролетариатом. Поэтому в Учредительном Собрании и было 236 буржуазных депутатов (из них 63 монархиста) против 185 социалистов всех оттенков. Поэтому буржуазия, которая в ноябрьские дни была ничем и только мечтала снова стать чем-нибудь, через два года стала всем.

Если Бернштейн, как исследователь, очень слаб, то Бернштейн, творящий нелицеприятный суд истории, совсем уже неубедителен. Он хочет оправдать своих товарищей по партии, но, по существу, их обвиняет, он хочет снять с них вину за попустительство убийцам Либкнехта и Розы Люксембург и доказывает как раз обратное.

Э. Бернштейн забыл слова Маркса, что «об эпохе переворота нельзя судить по ее сознанию, а, наоборот, это сознание надо объяснять из противоречий материальной жизни». Под идеологическим противоречием—борьбою двух направлений в социализме—скрывалось глубокое объек-

тивное противоречие—борьба между пролетариатом и всеми остальными классами Германии. Идеологическая видимость и власть буржуазной психологии над пролетарскими массами сыграли, однако, в этой борьбе очень важную роль. В целый ряд решающих моментов революции за дело буржуазии боролось не только с.-д. партийное чиновничество, но и значительная часть рабочих (напр., в январе 1919 г.). Это грустный урок, но запомнить его необходимо.

Живая и колоритная книжка Штребеля написана преимущественно в назидание и—притом не потомству, а современникам. Это работа на тему «Как не надо делать революцию». Автор констатирует в предисловии, что на выборах в рейхстаг в июне 1920 года социалисты, включая коммунистов получили 41,9% поданных голосов, т.-е. меньше, чем на выборах в Национальное Собрание в январе 1919 г. (45%).

«Как легко мог бы социализм привлечь на свою сторону большинство населения, если бы его правое крыло проявило больше пролетарской энергии и меньше страха перед революцией, а левое крыло меньше путанности и фанатизма и больше понимания действительности и политической честности!»—патетически восклицает автор.

Штребель не хочет диктатуры пролетариата или советской республики. Его вдохновляет идеал «демократически-социалистической коалиции, в которой весь пролетариат был бы представлен и задавал тон». Как будто бы к тому времени, когда писались эти строки (июнь 1920 г.), Германия не испытала уже не только «демократически-социалистической», но и чисто-социалистической коалиции и правительства из одних с.-д. большинства, и как будто ирония истории не написала на фронтоне здания новой Германии, украшенного социалистической вывеской, жестоких слов—«диктатура капитала».

Книга Штребеля начинается характеристикой позиции немецких социалистов во время войны, описывает крушение монархии, борьбу внутри первого коалиционного правительства, январское восстание Спартака, кровавую борьбу в Берлине и Мюнхене в 1919 году, характеризует внутреннюю и внешнюю политику республики, описывает борьбу за идею советов и социализм в 1919 году, Капповский мятеж, его ликвидацию и последовавшую за ним вакханалию белого террора.

Книга Штребеля очень полезна, как противовес юридической казуистике Бернштейна. Штребель беспощадно и ярко вскрывает роль шейдемановцев в организации сил монархической военщины и ее натравливании на пролетариат. Он разбивает защищаемую Бернштейном, Шейдеманном и Носке версию в вопросе о рождественской канонаде по морской дивизии и неопровержимо доказывает, что с.-д. правительство сознательно направило дело об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург так, чтобы обеспечить убийцам оправдательный приговор.

Ярко описана вакханалия белого террора в марте 1919 года, разгром баварской советской республики.

Самое сильное впечатление производит описание Капповского контр-революционного переворота 13 марта 1920 г. Гвардия Носке,

покрытая лаврами бесчисленных побед над рабочими, без выстрела сдала Берлин наступавшим заговорщикам. Генералы во главе с военным министром ф.-Сектом отказались защищать правительство, которое бежало в Дрезден, а затем в Штутгарт. Буржуазия признала правительство Каппа, Берлинский университет во главе с ректором приветствовал его, как спасителя отечества. Единодушным порывом пролетариата, который на этот раз выступал единым фронтом, авантюра была ликвидирована коротким решительным ударом.

Как только правительство вернулось в Берлин, оно первым делом дало генералу ф.-Секту, который пять дней назад отказался защищать его против войск Каппа и Люттвица, неограниченные полномочия по беспощадному усмирению рабочих.

«Рабочие, которые там, где они имели оружие, поднялись на защиту демократии и на борьбу с мятежниками, теперь были отданы, как добыча реакционной «обывательской милиции», корпусам добровольцев и тем воинскими частям, которые явно были на стороне монархических заговорщиков».

За то, что рабочие, которые только что спасли республику, не пожелали немедленно разоружиться и предоставить свободу действия вооруженной до зубов контр-революции, их отдали в жертву беспощадному белому террору, проведение которого правительство поручило заведомым монархистам и пособникам Капповского переворота.

Дело дошло до того, что 18 мая 1920 г. даже «Форвертс» потребовал прекращения деятельности чрезвычайно важных судов, называя ее «скандалом». Она не была прекращена. С.-д. правительство, констатирует Штребель, не имело ни желания, ни сил обуздать контр-революционную военщину. «В Баварии диктатура советов сменилась диктатурой реакции... реакционная опасность больше чем когда-либо угрожает всему государству».

Книга Рункеля охватывает период от начала революции до выборов в Учредительное Собрание. Рункель не претендует на научный анализ событий, он стремится дать, более или менее связное, их описание. Рассуждения, которыми он приправляет свое изложение, достаточно комичны. Но внешняя картина революции дана довольно удачно. Много документов. Автор не скрывает своих симпатий к с.-д. большинства, как защитникам отечества от посягательств слева, и восстановителям порядка.

Мемуары трех «народных уполномоченных» (членов временного правительства) республики несравненно интереснее и поучительнее разобранных нами исторических работ.

Это исключительно ценные «человеческие документы», которые проливают яркий свет на закулисную сторону событий и дают богатый материал для понимания психологии людей, «делавших» Германскую революцию.

Впереди всех по яркости, цельности и неподражаемому трагикомизму стоят мемуары Густава Носке,—«сильного Густава», как его называют почитатели (гл. обр. из буржуазии и дворянских кругов) или

«кровавой собаки», как его менее нежно называют среди рабочих. Цель мемуаров Носке—доказать, что он спас отечество от анархии. Но, право же, он скорее доказал, что кличка, данная ему рабочими, заслужена честно. «Социал-демократ» Носке это—совершенно особый психологический тип, не имеющий ничего общего с нашими меньшевиками или эсэрами.

Очень недурно характеризует Носке небезызвестный консервативный журналист, Адольф Грабовский:

«Носке, это—типичный унтер-офицер... Милитарист в худшем смысле этого слова, один из тех людей, которые хуже старого юнкерства, ибо у того были хоть традиции, оно было связано со многим из того великого, что сделало прусское государство. Там была офицерская идеология, а здесь, у Носке, унтер-офицерский дух... Как маленький человек, Носке является воплощением особого унтер-офицерского типа, который по отношению к выше стоящим держится, как парвеню, а по отношению к ниже стоящим является представителем политики грубого насилия в самом резком ее выражении»...

Каждая страница мемуаров Носке подтверждает эту характеристику. Носке знает одну верховную ценность—порядок, и притом понимаемый по унтеру Пришибееву. «Беспорядок»—вот враг,—эта основная идея его книги. Революция для Носке абсолютное зло. Самые лучшие люди в Германии это—генералы, кадровые офицеры и сверхсрочные унтера. (Прочтите трогательную главу об «общении» между Носке и унтерами и боцманами в Киле и о том взаимном понимании и симпатии, которые они сразу друг к другу почувствовали.)

Вся книга Носке—это история его борьбы с революцией, история того, как он объединил вокруг себя все реакционные элементы, формируя из них опричнину («Гвардию Носке») для подавления революционных движений. Посланный еще в последние дни монархии в Киль, он всячески старается помешать матросскому восстанию развернуться в революцию. Когда это не удается, он делает все от него зависящее, чтобы помешать революции развернуться, чтобы сплотить вокруг себя всех «друзей порядка» и сохранить максимум влияния и реальной власти за реакционными элементами армии и флота.

Худший враг Носке—советы. Их он разгоняет беспощадно в Брауншвейге, в Гамбурге, в Мюнхене, в Лейпциге и в ряде других городов, посылая против них карательные экспедиции, описанию и смакованию которых посвящена чуть не половина книги Носке. С особым удовлетворением он выводит заголовок «ликвидация солдатских советов». С карательными экспедициями чередуются массовые кровопускания в самом Берлине. И везде враги Носке,—это коммунисты, независимые (их Носке ненавидит не меньше, чем коммунистов) и «анархические массы». Его друзья и соратники неизменно—генералы, кадровые офицеры и унтера,—все монархисты чистой воды. Но Носке уверен в их любви и преданности своей особе. Он не устает цитировать с особым удовлетворением комплименты генералов, офицеров и других благомыслящих людей по адресу

своей административной и военной деятельности. Носке питал наивную уверенность, что монархическая военщина по его приказанию и под обаянием его авторитета пойдет, если будет надо, не только расстреливать рабочих и разгонять советы, но и защищать республику от монархической контр-революции. Эта милая иллюзия была рассеяна в дни Капповского мятежа. Слепое и жалкое орудие в руках буржуазно-монархической реакции, Носке воображает себя вершителем судеб революции. Даже товарищи Носке по партии с.-д. (напр., редактор «Форвертса»—Кутнер) открыто обвиняли его в том, что он был слепым орудием в руках монархистов, изгоняя по их требованию из армии все республиканские элементы и потворствуя превращению своей «гвардии» в монархическую военную организацию, на его глазах подготовлявшую свержение республики.

Надо самому прочесть мемуары Носке, чтобы понять, что это такое. Тон этого произведения совершенно непередаваем. Нельзя, напр., передать того административного восторга, с которым Носке в тоне победной реакции повествует о том, как он 1 января 1920 года объявил почти всю Германию на исключительном положении, запретил стачки, «одним ударом задушил всю коммунистическую и независимую прессу в Германии» и засадил в тюрьму «вожаков». Или с каким скромным сознанием исполненного долга он сообщает нам, что это именно он, как командующий войсками берлинского округа, утвердил оправдательный приговор военного суда убийцам К. Либкнехта и Розы Люксембург.

Штребель совершенно прав, когда восклицает: «Самое невероятное состоит в том, что такой человек мог пятнадцать месяцев работать над разрушением республики, при чем его партия не только не прогоняла его, но даже не призывала к порядку! Наоборот, он умел все снова и снова добиваться вотумов доверия высших партийных инстанций».

Кто были и как понимали революцию эти «высшие инстанции» с.-д. партии, на это проливают яркий свет мемуары Шейдеманна.

Большая часть книги Шейдеманна посвящена поведению с.-д. партии и в первую голову самого автора в период от начала войны до крушения монархии. Революция трактуется только в двух последних главах. Мемуары Шейдеманна рисуют нам автопортрет самовлюбленного партийного бюрократа, искушенного в тонкостях политиканства и привыкшего считать парламентскую и партийную интригу лучшим способом политической борьбы. Социализм—это флаг, который, к сожалению, необходимо вывешивать, чтобы привлекать массы; революция—несчастье, которого надо бояться. Не даром книга Шейдеманна озаглавлена «Крушение», а в предисловии автор пишет: «Из изложения вытекает, что крушение империи было совершенно неизбежным следствием войны».

Из этого отнюдь не следует, что Шейдеманн был против войны. Напротив, он сделал очень много, чтобы заставить свою фракцию голосовать за военные кредиты, санкционировать нарушение Бельгийского нейтралитета и т. д. Неподражаемо самодовольство, с которым Шейдеманн рассказывает, как он интриговал с Вильгельмовскими министрами и лидерами буржуазных партий против Гаазе и других своих товарищей

по тогда еще единой партии, чтобы помешать им внести диссонанс в патриотическую симфонию знаменитого «бургфридена». Неподражаемо то удовлетворение, с которым лидер социал-демократии рассказывает о том, как милостиво и благосклонно с ним изволили беседовать Бетманн-Гольвег и другие сановники. Как ему доверяли их превосходительства и считали за «своего человека».

Мемуары Шейдеманна наглядно показывают нам, что еще в 1914 году лидеры с.-д. партии перестали быть социалистами. Идеи классовой борьбы, Интернационала, социальной революции для Шейдеманна не часть багажа социал-демократии, а вредные большевистские утопии, с которыми следует бороться. Не только мысль о социальной революции кажется Шейдеманну странной и дикой, но из его мемуаров совершенно ясно, что падение монархии он и его друзья восприняли, как катастрофу.

За месяц до крушения монархии с.-д. послали Шейдеманна в качестве министра в кабинет Макса Баденского. Правда, сам Шейдеманн полагал, что вступать в «обанкротившееся предприятие» не стоит. Но с.-д. партия, видимо, полагала, что монархия еще не совсем обанкротилась и что ее можно и нужно поддержать авторитетом с.-д. министров.

Очень интересны данные, сообщаемые Шейдеманном, о поведении верховного военного командования—в лице Гинденбурга, Людендорфа и Грейнера. «Глупость главной квартиры» называет Шейдеманн один из фрагментов своих воспоминаний. «Глупость и подлость» было бы вернее. Во всяком случае, Шейдеманн вполне опровергает пущенную Людендорфом в оборот легенду «об ударе кинжалом в спину», нанесенного якобы революцией армии, которая иначе могла бы еще держаться. Явные признаки разложения армии были на-лицо еще в августе. Уже в конце сентября, когда не было никакой революции, главная квартира потребовала от правительства заключения перемирия во что бы то ни стало, ибо армия больше сопротивляться не может. Предпоследняя глава книги Шейдеманна рисует с.-демократов в правительстве республики, а не борьбу за «порядок» и Национальное Собрание. Для характеристики позиции Шейдеманна по отношению к противникам слева позволим себе привести следующее место из его книги. Шейдеманн приехал в Берлин на другой день после убийства Либкнехта и Люксембург. Чтобы выяснить свое отношение к этому факту, он приводит отрывок из произнесенной им тогда же речи: «Я искренне сожалею о смерти обоих. Они изо дня в день призывали народ к оружию и требовали насильственного низвержения правительства. Теперь они сами стали жертвами своей кровавой тактики террора». Неправда ли не дурное сожаление?

А дальше Шейдеманн пишет: «В день после убийства Либкнехта мы должны были вырабатывать программу нашего участия в заключении мира, т.-е. обсуждать вопрос о внешне-жизненных интересах Германии, а в это время на улицах народ, одичавший от нужды и горя и возбуждаемый бессовестными вожаками, разрушал Германию и, быть может, все плоды нашей работы».

А «работа» г-на Шейдеманна состояла в том, что он вел бессмысленную и преступную агитацию за отклонение Версальских требований Антанты и против подписания мира. Шейдеманн громит независимых за то, что они требовали подписания мира. Но он сам печатает доклад лидера центра, Эрцбергера, который неопровержимо доказал кабинету, что не подписать мира нельзя, а подписать необходимо. Это, впрочем, отлично знали все, и в том числе Шейдеманн лучше всех. Но он эффектным жестом снял с себя ответственность за «гибель Германии» (возложив ее на других с.-д.) и ушел в отставку, как страдалец за отечество и жертва своего пламенного патриотизма. Не даром лидер центра, Эрцбергер, убит монархистами, а вождь социал-демократии, Шейдеманн, избран буржуазией его родного городка, Касселя, на почетную должность обербургомистра.

Мемуары Барта... Вот книга, наивная до смешного и не умная до невозможности. Барт, самый левый из членов временного правительства. Называется его книга «Из мастерской Германской революции». «Революции можно делать» озаглавлена ее первая глава. Издательство в своем предисловии так представляет автора читателям: «Германская революция в ноябре 1918 года в первую голову подготовлена автором этой работы».

Сам автор полагает тоже, что дело обстояло именно так. Кучка отважных заговорщиков подготовила и сделала революцию. Потом единственный настоящий революционер, Барт, очутился в правительстве один против пяти оппортунистов и болтунов; вожди Берлинского пролетариата—Ледебур и Либкнехт—тоже были болтуны, только революционные; Барта никто не слушал, и революция погибла. Вся фигура Барта представляется каким-то невероятным анахронизмом. Его архаическая фразеология, его вера в заговоры, его полное неумение анализировать социальную подоплеку событий, его чудовищная переоценка роли в революции добрых и злых личностей (напр., доброго Барта и злого Ландзберга) напоминают времена «Коммунизма подмастерьев», Теодора Шустера и Якоба Венедея.

При всем том наивные и курьезные мемуары самовлюбленного и романтического подмастерья XX века дают много очень интересного материала. Очень любопытно его повествование о конфликте правительства с морской дивизией и рождественской бомбардировки казарм, где находились матросы. Барт неопровержимо доказывает, что члены правительства от с.-д. большинства за спиной своих независимых товарищей подготовили и провоцировали расстрел матросов. Бернштейн совершенно не убедительными аргументами пытается поколебать аргументацию Барта и оправдать поведение Эберта, Шейдеманна и Ландзберга. Барт, который был в гуще этих событий, без труда разбивает ссылками на факты официальную с.-д. версию.

По вопросу об январских и мартовских событиях 1919 года Барт тоже дает довольно интересный материал для характеристики контрреволюционной работы с.-д.

Книжка кончается, как и начинается, совершенно комическим пассажем. Барт утверждает, что это именно он предотвратил отклонение требований Антанты и новую войну. «Я горжусь тем, что своим воздействием предотвратил новую войну и спас человечество от нового массового убийства, а Германию—от страшного разрушения, полного распада и гибели. Это я считаю одним из своих величайших дел». А дальше еще лучше: «16-го июня в половине восьмого был получен ответ Антанты, содержавшей ультиматум с пятидневным сроком, а ночью в половине третьего должен был произойти мой арест и арест некоторых других товарищей. Но никого не нашли, ибо никого не было дома, и страх перед теми, кого искали и не могли найти, заставил правительство подписать мир 23 июня в $4^1/_2$ часа незадолго до истечения ультиматума. Блестящая победа революционной воли».

Итак, г-н Барт, во-первых, сделал Германскую революцию, а, во-вторых,—заставил Германию подписать Версальский мир и предотвратил новую войну. Весь трагизм в том, что даже в Германии об этом не подозревали до выхода мемуаров Барта и этому не поверили и после их выхода.

В книге Шпенглера только первый очерк посвящен революции. Но, несомненно, это наиболее интересное, хотя и наиболее парадоксальное из всего, что о ней написано. Шпенглер называет ноябрьскую революцию соединением «революции глупости» с «революцией низости», «самым бессмысленным деянием в Германской истории».

«Неописуемое безобразие ноябрьских дней беспримерно». Шпенглер в банкротстве революции обвиняет социал-демократию, которая испугалась власти, внезапно попавшей в ее руки, и трусливо бежала из-под собственных знамен и объятия буржуазии.

«В партии Бебеля было что-то солдатское, что отличало ее от социализма всех других стран,—звонкая поступь рабочих батальонов, спокойная решимость, дисциплина и мужество, нужное для того, чтобы умереть за нечто высшее. С тех пор, как вчерашние вожди бросились в объятия вчерашних врагов, боясь успеха того дела, за которое они сорок лет боролись, испугавшись ответственности и наступления того момента, когда им пришлось не критиковать, а создавать действительность,—душа партии умерла».

И еще ярче в другом месте: «революция подействовала на всех так, как будто обрушился дом, и больше всего, пожалуй, на вождей социалистов. Это беспримерно; они неожиданно получили то, чего добивались 40 лет,—полноту власти, и восприняли это как несчастье. Те самые солдаты, которые под черно-бело-красным флагом сражались 4 года, как герои, под красным знаменем ничего не хотели, ни на что не решались, ничего не сделали».

«В такие моменты (революции) побеждают ценой своей жизни. А они (вожди с.-д.) спрятались; вместо того, чтобы стать во главе красных армий, они себя поставили на хорошо оплачиваемые должности во главе рабочих советов... Эта революция погибла от трусости».

А как результат: «мы переживаем эпоху директории до термидора». Объяснение, которое дает Шпенглер крушению революции и банкротству социал-демократии, свыше всякой меры парадоксально и совершенно неприемлемо.

Но основной психологический феномен революции очерчен верно. Это панический страх социал-демократов перед торжеством своей собственной программы, это, действительно, беспримерное зрелище партии, больше всего на свете боящейся собственной победы.

Небольшой иллюстрированный «Альманах революции на 1919 год» (единственный выпуск), содержащий в 1-ом отделе отрывки из речей главных деятелей революции, статьи Энгельса, Каутского, Бернштейна, Штампфера, Лудо Гартманна и др. и составленную Эрнстом Драном хронологию революции. Остальные 2 отдела посвящены, главным образом, культурным проблемам, связанным с революцией, и содержат довольно много произведений революционной поэзии, признаться, весьма слабой. Альманах заканчивается библиографией революционной литературы.

Самая интересная часть альманаха, это иллюстрации, в которых воспроизведены портреты деятелей революции и лидеров всех партий, карикатуры, избирательные плакаты и исторические номера газет. Для библиографа интересна снабженная фотографическими снимками статья Эрнста Драна о германских революционных альманахах.

Составленная Эбергардтом Бухнером коллекция газетных вырезок, относящихся к первому периоду революции, озаглавленная «Под знаком красного знамени»,—исключительно интересна.

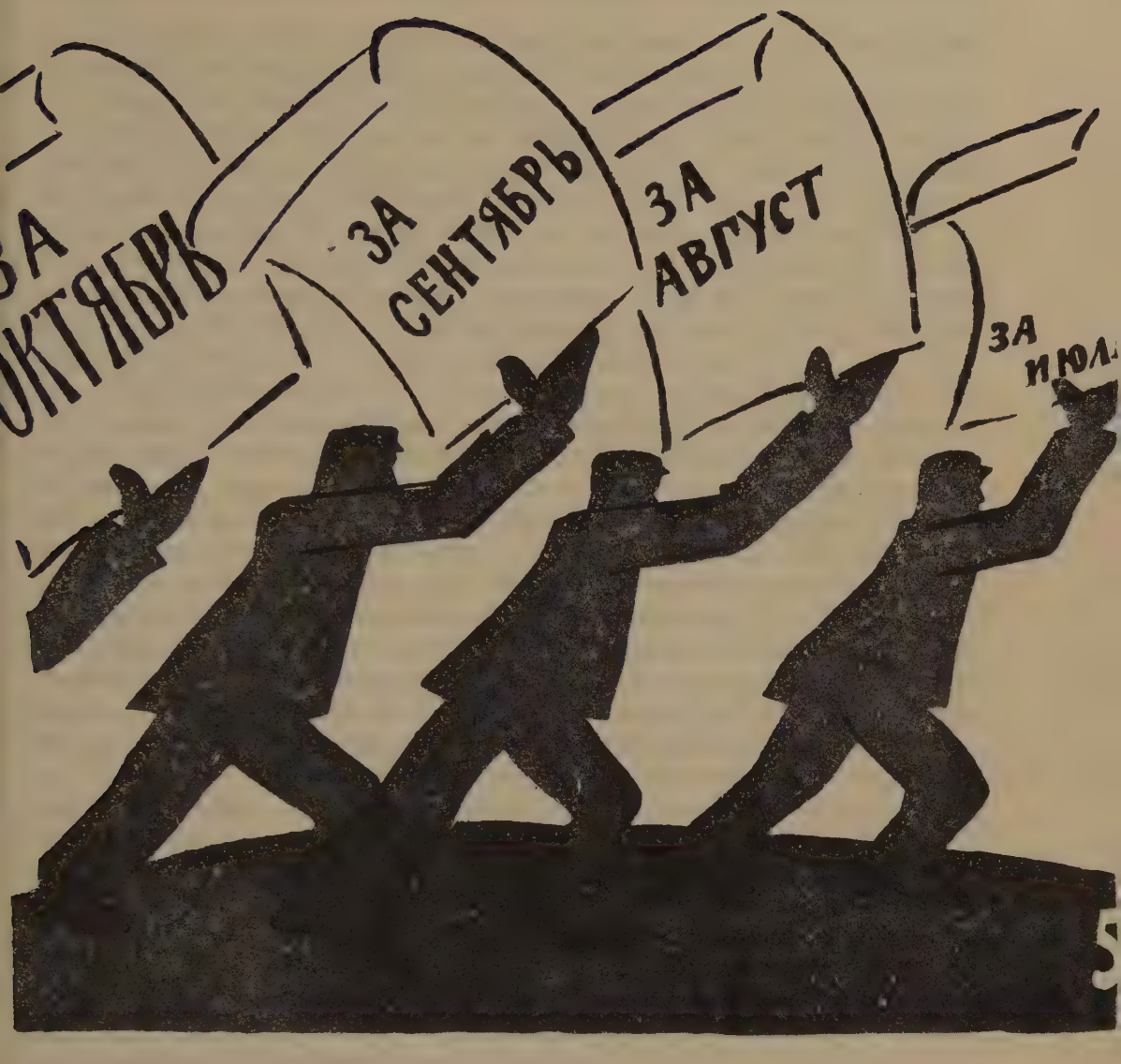
Начиная с 31 октября 1918 года (образование австрийской республики) и кончая 30 ноябрем 1918 года, Бухнер собрал и систематизировал газетные статьи, заметки и сообщения, относящиеся ко всем сколько-нибудь значительным событиям этого периода. Все вырезки, относящиеся к одному факту, фигурируют под одним номером, но каждая под особой литерой. Напр., под № 133 помещен материал, относящийся к 9 ноября в Берлине. Под этим номером перепечатаны 22 газетные статьи и заметки, каждая под особой литерой (133а, 133б и т. д.).

В общем в сборнике 468 номеров. Подробный алфавитный указатель и заголовки, жирным шрифтом напечатанные на полях против каждого номера, позволяют легко ориентироваться в материале.

Составитель полагает, что он проделал полезную подготовительную работу для историков и историков культуры,—с этим нельзя не согласиться. Все издание «документов революции» рассчитано на 6 томов.

Любопытно отметить, что тот же Бухнер одновременно выпускает другое аналогичное издание, «Документы войны» в 25-ти томах, из которого девять уже вышли. Издание Бухнера фантастически дешевы: громадный том «Документов революции» (400 страниц мелкой печати) стоит 11 марок, т.-е. около 10 копеек золотом.

Единственная в русской литературе работа, посвященная Германской революции, принадлежит перу Г. Бинштока. Пока автор описывает



5. ПОКА ПЕРВЫЕ НЕПОЛНЫЕ СВЕДЕНИЯ ПОСТУПАТЬ СТАЛИ

Фрагмент плаката
(„Окно сатиры Роста")
художника В. МАЯКОВСКОГ

К статье «Русский революционный плакат»

события (конец 1918 и начало 1919 года), дело идет очень недурно. Когда он начинает их анализировать, становится много хуже.

Заключительная глава «Германия и мировая революция» портит всю книгу, ибо состоит сплошь из утверждений, явно противоречащих действительности и свидетельствующих о том, что автор совершенно не понимает смысла Германской революции. Вот несколько примеров: «Непосредственная борьба пролетариата за власть, завоевание им государства и перестройка этого государства на трудовых началах,—таково основное содержание Германской революции». Если бы немецкие рабочие могли прочесть эти строки, они не смеялись бы только потому, что им—увы!—не до смеха. За то Стиннес посмеялся бы от души.

Или «при всех разногласиях в социалистическом лагере существует нечто, весь этот лагерь объединяющий—глубокая уверенность в том, что буржуазное хозяйство отжило навсегда свой век, и что Германия призвана открыть эру коренного социально-экономического переустройства общества на совершенно новых началах». Это написано о стране, где сейчас пресерьезно дебатируется вопрос о том, не отдать ли частному капиталу всю железнодорожную сеть, искони принадлежавшую государству, и где о проектах социализации давно забыли и думать.

Или—«деньги были сведены с своего высокого пьедестала, а труд самый элементарный, тяжелый физический труд, получил совершенно несвойственное ему в буржуазном государстве значение. Во главу угла становится уже не приобретение прибыли, а удовлетворение потребностей».

Это опять написано о Германии, где, по единодушному признанию всех буржуазных писателей, никогда не было такой вакханалии спекуляции, т.-е. погони за деньгами, как сейчас. Это написано о стране, где никогда труд не ценился так низко, как сейчас, а деньги, нажитые самыми грязными путями, никогда не играли такой нагло доминирующей роли, как в наши дни. Это написано о Германии, где самый непроизводительный вид погони за прибылью, не имеющий уже никакого отношения к удовлетворению потребностей, а именно спекуляция, оттеснил на задний план все другие виды хозяйственной деятельности. Все остальные рассуждения Г. Бинштока в этом же роде.

В фактической части книжки есть несколько ошибок: неверно, напр., что 9 ноября республику провозгласил К. Либкнехт. Ее провозгласил—увы!—Филипп Шейдеманн.

Тенденциозно и неверно изображено январское восстание 1919 года, как бунт организованного меньшинства германского пролетариата против воли его большинства. Несомненно, большинство берлинского пролетариата выступало под лозунгом «Долой правительство Эберта—Шейдеманна», и имей восставшие какую-нибудь организацию, они бы в январе свергли правительство, как это категорически признает даже Густав Носке. Даваемая Бинштоком характеристика политических партий в Национальном Собрании тоже сомнительна.

ОБЗОР ПЕТРОГРАДСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНЕГО ПЯТИЛЕТИЯ.

А. Е. Жадовский.

Известия Русского Общества Любителей Мироведения 1917.—Мироведение 1918, 1—5; 1919, 1—2; 1920, 1—2; 1921, 1.—Человек и природа 1920, 1; 1921, 2.—Природа 1919, 10—12.—Наука и ее работники 1921, 1—4.—В мастерской природы 1919, 1—6.—Естествознание в школе 1918, 1—8; 1919, 1—8; 1920, 1—8; 1921, 1—2.—Экскурсионное дело 1921, 1.—Вестник наглядных пособий 1919, 1—4; 1920, 1—4.—Педагогическое дело 1921, 1—2.—Педагогическая мысль 1921, 1—4.

Предлагаемый вниманию читателей обзор петроградской журнальной, научно-популярной и педагогической литературы охватывает издания по преимуществу естественно-исторического характера, вышедшие в последнее пятилетие, начиная с 1917 года. При этом большая часть педагогических журналов может вполне играть роль научно-популярной литературы, так как там, на-ряду со статьями чисто методического характера, мы находим массу статей, посвященных и общим вопросам естествознания и вопросам, представляющим интерес для всякого читателя (таковы, напр., журналы «Естествознание в школе», «Экскурсионное дело»). Очень желательно распространение этих педагогических журналов среди всех интересующихся естествознанием, так как они указывают пути и приемы рационального подхода к изучению природы и могут дать толчек к самостоятельному исследованию и знакомству с окружающей природой.

Особняком из перечисленных в заголовке журналов стоят издания Русского Общества Любителей Мироведения в Петрограде, развившие в указанный период времени, несмотря на тяжелые условия для печати, энергичную издательскую работу. В 1917 году им выпущены «*Известия Русского Общества Любителей Мироведения*», а с 1918 года этот орган переименован в журнал «*Мироведение*». Журнал посвящен вопросам астрономии, метеорологии и геофизики. Мы не можем отнести означенный журнал к специальным, чисто научным органам печати, так как большинство статей носят более или менее популярный характер. Особняком же он стоит по характеру своей специальности, будучи посвящен отдельным вопросам естествознания, а не естествознанию в целом. В журнале принимают участие: Н. А. Морозов, А. А. Чикин, Г. А. Тихов, Д. О. Святский, К. Л. Баев, Д. Н. Кайгородов, С. М. Селиванов и другие. Помимо научно-популярных статей в журнале имеются еще следующие отделы: хроника, новости астрономии, практические заметки, фенологический бюллетень, библиография и протоколы собраний Общества Любителей Мироведения.

Из научно-популярных журналов (без педагогического уклона) мы остановимся первоначально на журнале «*Человек и природа*». В 1920 году

вышел № 1 этого научно-популярного естественно-научного журнала, издаваемого Петроградским Государственным Издательством под редакцией профессора А. С. Догеля. Цель журнала—знакомить читателя в очень популярной форме с различными отраслями естествознания. Степень популярности изложения заставляет думать, что журнал этот будет распространен среди самых широких кругов населения. В вышедших в свет двух книжках (№ 1—1920 г. и № 2—1921 г.) мы находим ряд интересных статей, написанных известными русскими учеными, что является надежной гарантией того, что популярность статей не будет итти в ущерб научности изложения. Статьи эти следующие:

Проф. Б. И. Словцов. Труд и отдых.

Проф. Н. А. Холодовский. Сожития и общества животных.

Проф. О. Д. Хвольсон. Лучистая энергия, ее различные виды и их возникновение.

Проф. Н. Н. Аничков. О явлениях старости у человека и животных.

Проф. Л. А. Чугаев. Нужна ли для России химия и химическая промышленность?

Проф. А. С. Догель. Жизнь тканей вне животного организма, или вечная жизнь.

Проф. В. Л. Комаров. К истории картофеля.

Проф. Б. Л. Исаченко. Очерки по микробиологии.

В конце обоих №№ журнала имеются отделы «заметок», «научных новостей» и отдел библиографии. Русский читатель будет с нетерпением ждать выхода следующего № журнала.

Издававшийся прежде в Москве хорошо известный русской читающей публике журнал «*Природа*» стал издаваться теперь в Петрограде при Комиссии по изучению естественных производительных сил России, сохраняя свой прежний облик. Остался прежним и состав редакции. Только что вышла книжка № 10—12, 1919 года. В этой книжке мы находим статьи:

Н. К. Кольцов. Физиология исхудания.

А. А. Борисяк. Памяти Кювье.

П. И. Степанов. История развития и современное состояние геолого-минералогических музеев Европы и Америки.

В. Л. Омелянский. Душистые микробы.

П. К. Козлов. Современное положение зоопарка «Аскания-Нова».

Особый интерес в этой книжке представляет статья Н. К. Кольцова, раскрывающая перед читателями современное воззрение биологов на близкий в настоящее время всякому русскому гражданину вопрос об исхудании в связи с недостаточностью питания или его специфическими оттенками.

В 1920 году начал выходить при Петроградском «Доме Ученых» журнал «*Наука и ее работники*». Журнал распадается на следующие семь отделов: статьи, деятельность научных учреждений Петрограда и Москвы, из научной жизни провинции, научная хроника и библиография, дом ученых, Personalia, почтовый ящик. Положение русской науки и русских ученых до сего времени мало интересовали широкие круги русского об-

щества и были им совершенно неизвестны. Поэтому необходимо приветствовать выход этого органа, где видное место уделяется работам русских ученых и не только профессионалов, но и любителей. В просмотренных нами первых четырех №№ текущего (1921 года) мы находим ряд следующих статей:

А. Ферсман. Пути научного творчества.

Я. Эдельштейн. Наука и ученые в Сибири.

Н. Яхонтов. Из истории деятельности «Дома Ученых».

С. Ольденбург. Государственные музеи и их культурно-просветительное значение.

М. Жданко. Исследование наших северных богатств.

К. Петров-Водкин. Наука в искусстве.

Н. Сум. Деятельность провинциальных научных организаций в настоящее время.

В. Игнатьев. Роль научных исследований в промышленной жизни страны.

И. Белопольский. Успехи воздухоплавания на Западе и работы русских учреждений в этой области.

В. Вернадский. О научной работе в Крыму в 1917—1921 годах.

А. Николаев. Архивное строительство.

Н. Качалов. Об исследовательской деятельности в керамике.

Н. Сычев. Новые открытия в области древне-русской живописи.

Указанные статьи написаны видными русскими учеными и читаются с большим интересом. Помимо статей естественно-исторического содержания журнал отводит место научной работе и в других областях знания.

Отделом Единой Школы Народного Комиссариата по Просвещению издается журнал «*В мастерской природы*». Перед нами 1—6 №№ этого журнала за 1919 год. Журнал носит очень популярный характер и имеет в виду читателя с очень минимальными естественно-историческими познаниями. В журнале помещены статьи по различным отраслям естествознания. Так, по астрономии: Баев К. Л. Рождение и смерть планет.—Стратонов В. В. Можно ли видеть звезды днем?—Стратонов В. В. Мерцание звезд.—Михайлов А. А. Море и небо. Из статей по биологии отметим: Золотницкий Н. Ф. Наблюдение подводной жизни в природе.—Васильковский П. Следы животных.—Шмидт П. Ю. Загадка протея.—Золотницкий Н. Ф. О чем говорит рыбья чешуя?—Шмидт П. Ю. Мои опыты над гипнозом насекомых.—Шмидт П. Ю. Зимняя спячка животных. По физике в журнале помещены следующие статьи: Чикин А. А. Стереоскопы и их устройство.—Дарлинг Ч. Опыты с каплями.—Чикин А. А. Водяной двигатель домашнего изготовления.—Галанин Д. Д. Электростатика на спичках.—Чикин А. А. Микроскоп из капли воды. Этот журнал может оказать большую пользу и преподавателю естествознания, так как в журнале есть статьи, посвященные вопросам, близко связанным с школьным преподаванием, и затрагивающие ведение практических занятий и экскурсий. К таким статьям надо отнести: Зорин М. Д. Изучай природу, а не книги.—Жолков М. С. Гигиена летних экскурсий.—Васильковский П. Музей

местной природы. Ботанические сады-музеи. — Золотницкий Н. Ф. Сбор насекомых на снегу.—Золотницкий Н. Ф. Цветущие ветви зимой.—Васильковский П. Ботанические экскурсии зимой.

Помимо статей и различных практических указаний, связанных с наблюдением и изучением природы, в журнале имеются отделы: календарь природы, научные заметки, задачи и развлечения, из книг и о книгах.

Журнал дает также приложения в виде отдельных книг. Так, к указанным №№ приложены: Уэльс Г. Первые люди на луне.—Чикин А. А. Подвижная карта звездного неба.—Чикин А. А. Самодельный токарный станок и работа на нем. Журнал и приложения иллюстрируются рисунками.

Журнал в своей оригинальной части является, несомненно, очень ценным вкладом в нашу журнальную литературу и его задачу—«воспитывать дух любознательности, возбуждать интерес к активному изучению природы, руководить научной самодеятельностью читателей в области естествознания, наполнять их досуг полезными занятиями и образовательными развлечениями»—как формулирована на обложке цель журнала, нужно только приветствовать.

Если в предыдущем журнале есть статьи с некоторым педагогическим уклоном, то таковой проявляется в первую голову в журнале «*Естествознание в школе*». Этот журнал является преемником выходивших одно время (1912 — 1915 г.г.) непериодических отдельных выпусков (вышло 8 выпусков) под тем же названием. Первоначально (с 1918 года) журнал этот редактировался проф. В. А. Вагнером и Б. Е. Райковым, позднее (с 1920 года) стал редактироваться одним Б. Е. Райковым. Журнал посвящен вопросам естественно-исторического образования в средней и начальной школе. Редакция предполагала его выпускать ежемесячно, но тяжелые условия для печатания заставили ее отказаться от этого, и журнал выходит теперь не регулярно, но несколько раз в году. Означенный журнал мы относим к одним из наших наилучших печатных органов, посвященных вопросам преподавания естествознания в школе. Журнал переполнен интереснейшими статьями, которые дают нашим преподавателям много ценных материалов для преподавания, указывают много приемов наилучшего проведения в школьную жизнь основных начал естествознания. Помимо чисто школьно-методических статей журнал содержит статьи интересные и просто для всякого любителя природы, где читатель найдет массу указаний к наблюдению природы. Кроме статей, в журнале имеют место: разные известия, жизнь обществ, отзывы о книгах и журналах, из школьной практики, современная летопись. Укажу на наиболее интересные статьи этого журнала, начиная с 1918 года, имеющие методический характер.

Б. Любимов. Ботанические экскурсии с учениками ранней весной.

Б. И. Шпажинский. Экскурсии по пресным водам.

Б. Е. Райков. Естествознание в общеобразовательной школе.

Б. Е. Райков. Что должен за лето сделать каждый преподаватель естествознания.

Г. Н. Сорохтин. Вопрос о размножении в школьном преподавании естествознания.

Gladiolus. Нужно ли половое просвещение в школе?

А. П. Пинкевич. Об основах методики школьного естествознания.

Л. Н. Никонов. Зимние экскурсии.

Н. Н. Калитин. Снежный покров, как материал для школьных экскурсий.

Уже достаточно ряда только что приведенных статей, чтобы понять значение журнала «Естествознание в школе», будящего мысль учителя и дающего ему ценные практические указания в области преподавания.

Журнал, просуществовавший уже 4 года в самое тяжелое время для русского книгопечатания и сохранивший свою блестящую внешность, несомненно, должен теперь при несколько изменившихся условиях усилить свою культурно-просветительную работу, выпуская в свет бо́льшее количество выпусков для скорейшего утоления голода русского учительства.

Школьные и внешкольные организации Петроградского Отдела Народного Образования за последнее время усиленно заняты пропагандой изучения природы и ознакомления с ней не книжным, а экскурсионно-исследовательским путем, обращая особенное внимание на введение экскурсий в школьную жизнь. Как в самом Петрограде, так и в его окрестностях организовался целый ряд так называемых экскурсионных станций, служащих, как для приема экскурсантов, отправляющихся на экскурсию, так и руководительства и проведения экскурсий. В Петрограде организован специальный Экскурсионный Институт для разработки экскурсионных вопросов.

К экскурсиям в природу за последнее время присоединяются и так называемые гуманитарные экскурсии. Вполне поэтому естественно появление в свет и журнала, освещающего специально экскурсионные вопросы. Таким журналом является «*Экскурсионное дело*», выходящий под редакцией профессоров И. И. Полянского и В. М. Шимкевича. В вышедшем пока только № 1 (за 1921 год) мы находим ряд интересных статей. Книга начинается со статьи И. И. Полянского «Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная секция и экскурсионные станции». Автор останавливается на некоторых моментах из истории развития экскурсионного дела в Петрограде и описывает возникшие экскурсионные станции и их работу. Затем имеется ряд статей, посвященных гуманитарным и естественно-историческим экскурсиям. Из первых отмечу статьи И. М. Гревса и В. Я. Курбатова (исторические и эстетические экскурсии). Вторым посвящены статьи: М. Э. Янишевского. Река Поповка, как ключ к изучению геологического строения окрестностей Петрограда (с 21 рисунками); Н. И. Свитальского. Залегание горных пород в окрестностях Павловска и нарушения в нем (с 9 рисунками); В. С. Доктуровского. Экскурсии на торфяное болото. Шуваловский торфяник (с 5 рисунками); И. И. Полянского. Школьные опыты со снегом (в связи с экскурсиями). Статьи Янишевского, Свитальского и Доктуровского представляют большую ценность, так как дают естественно-историческое описание определенных

местностей, помогающее легко ориентироваться всякому, пожелавшему устроить геологическую экскурсию в окрестностях Павловска и ботаническую на Шуваловский торфяник. Эти статьи ценны и для преподавателя и для любителя. Вторую часть книги занимают: экскурсионная хроника, научные новости и библиография. В конце книги помещен некролог Н. А. Холодковского. Внешний вид журнала производит самое приятное впечатление, журнал напечатан на хорошей бумаге и снабжен рисунками.

При Комиссариате Народного Просвещения Северной Области была организована Экспертная Палата по наглядным пособиям, которая с 1919 года начала издавать свой журнал «*Вестник наглядных пособий*», под редакцией первоначально Д. Э. Теннер, а потом с 1920 года под редакцей Б. Е. Райкова. Задачи журнала, как их определяет сама редакция, сводятся к следующему: «способствовать развитию правильного взгляда на значение и роль в школе наглядных пособий, понимая под ними все вообще предметные средства к приобретению знаний путем согласований деятельности органов чувств и органов движения; облегчать проникновение в обиход школы наглядных пособий всех типов, в особенности различных самодельных приборов и коллекций, а также различных приспособлений для самодеятельных практических работ учащихся».

В вышедших №№ журнала мы находим ряд следующих статей:

Николаевский. О наглядности в преподавании.

Боч, Ганешин, Комаров. Что может заготовить в течение лета школа для оборудования преподавания ботаники.

М. В. Усков. Наглядные пособия к начальному курсу географии.

Б. Е. Райков. Пионеры трудовой школы в России.

М. М. Соловьев. Опыт постановки естественно-научных занятий в летней колонии.

С. С. Ганешин. О гербарных таблицах по морфологии и биологии растений.

С. А. Павлович. Частичная замена химического стекла парафинированной бумагой.

Означенный журнал, конечно, окажет современному учительству громадную пользу в смысле тех практических указаний, без которых в настоящее время не всегда мыслима школьная работа учителя.

«Вестник наглядных пособий», о котором только что шла речь, с 1921 года переименовался в журнал «*Педагогическое дело*»—общепедагогический журнал, издаваемый Всероссийским Педагогическим Музеем под редакцией Б. Е. Райкова при ближайшем участии проф. И. М. Гревса, проф. П. А. Знаменского и проф. Н. М. Соколова. Пока вышел только № 1—2. Журнал мало изменил свою физиономию сравнительно со своим предшественником. Из статей естественно-исторического содержания там мы находим:

Б. Е. Райков. Типы школьных экскурсий.

С. А. Павлович. Из практики моделирования.

О. Д. Хвольсон. Роль опытов в университетских лекциях по физике.

Затем имеются статьи: Н. П. Анциферов. О литературных экскурсиях. А. Ф. Кони. Программа литературно-образовательных экскурсий по Петербургу.

Нельзя не приветствовать того, что продолжает свое существование журнал «*Педагогическая мысль*»—общепедагогический журнал под общей редакцией И. С. Симонова. Перед нами № 1—4 (январь—апрель) 1921 года. В общем отделе (журнал распадается на три отдела: общий, библиографический и педагогическая хроника) мы находим статьи:

Проф. И. М. Гревс. Два педагогических идеала.

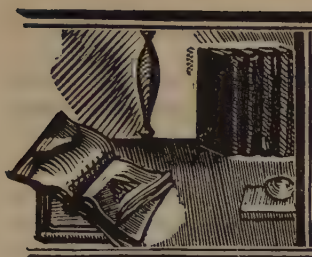
П. Ф. Каптерев. О школьном самоуправлении и школьной дисциплине.

С. Абакумов. О методе учения художественных произведений в школах начального типа.

И. В. Эвергетов. Работы учащихся, как предмет экспериментально-психологического исследования.

Указанные статьи, затрагивающие как обще-педагогические вопросы, так и вопросы более узкие, специальные, должны быть прочитаны с интересом как школьными работниками, так и лицами, интересующимися педагогическими вопросами.

К статье „Русский революционный плакат".



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

ПАВЕЛ ЖАКМОН. Письма русского эмигранта. Варшава. Книгоиздательское товарищество „Слово“. 1921 г. 79 стр.

Странная книжка! В первой главе автор рассказывает, как ему, русскому эмигранту, бедствуя в Варшаве, приходилось одно время ночевать в «Повонзках». «Так—объясняет он—называлась группа бараков, расположенных на краю огромного города и служивших временным убежищем для беженцев русских и других национальностей: поляков, армян, евреев». В этой ночлежке автор познакомился с С. И. Щеткиным—«поручиком славной русской армии, окончившим курс во владимирском военном училище в Петрограде». Щеткин скоро умер. Остальная часть книжки представляет его письма к жене.

С литературной стороны книжка неописуемо уродлива. Язык до последней степени безграмотный; построение фраз самое неслыханное. И на-ряду с этим иностранные слова, французские фразы. А рядом с ними площадная ругань. Кое-где до последней степени неудачные потуги остроумия. Содержание, в смысле описания событий, самое убогое.

С литературной стороны книжка ниже всякой критики. Но ее надо судить как нелишенный интереса «человеческий документ», как дикий, нелепый вопль души рядового, неумного русского офицера, которого втянули в грязное дело контрреволюции. «Пусть это будет уроком для тех, кто с легким сердцем покидает родину свою», — пишет автор в конце первой главы.

Вот как Степан Щеткин описывает свое душевное состояние не задолго до перехода румынской границы:

«Шагая крепко, разбивая подошвы моих бедных сапог о равнодушные камни, думал я, что последние дни слышу я жалобные вздохи усталого и душевно-надломленного народа, но ни тоски, ни сожаления у меня не было: я оставлял русскую территорию с эгоистической радостью: пусть умирают и вымирают другие, я спасусь—думал я».

Но уже через несколько часов после того, как граница была перейдена, у Щеткина мелькает в голове мысль: «Ах, что я сделал сегодняшней ночью!»

Устроиться беженцам в Румынии невозможно: румыны грозят им арестом. Щеткин идет за помощью к представителю Врангеля, но этот последний соглашается оказать ему помощь только при условии отправки в армию Врангеля. Щеткин отказывается и уходит. Печальные мысли о положении русского офицерства приходят ему в голову.

«Привязав нас на цепь,—говорит он, обращаясь мысленно к Врангелю и прочим белогвардейцам,—вы сделали из нас злых сторожевых псов; вы обнесли нас, на подобие средневековых гетто, своеобразной стеной воинской чести... Варясь в собственном соку, сплетничая, наушничая и хворая сифилисом, тупея и опускаясь с каждым годом, мы были уже бессильны порвать с порядком, который вы нам навязали с детства... Уже не было для нас никаких возможностей: военные монахи, неспособные ни к чему, ничего не знающие,—куда бы пошли мы?»

«Так создалась и выросла трагедия русского офицера».

Из Румынии Щеткин перебирается в Польшу. Там его немедленно арестовывают и сажают в тюрьму вместе с польскими коммунистами, которые прини-

мают его, как товарища. Он видит, что все они проникнуты глубоким уважением и любовью к революционной Советской России.

«Я стоял у печки—пишет Щеткин—и думал, как, может быть, в первый раз Россия, несмотря на свою экономическую и духовную отсталость, благодаря совершенно новому и понятному массам учению, приобрела колоссальное моральное влияние, что на нее бедняки со всех сторон земли смотрят, жадно раскрыв рты, что дерзновение и смелость России, ее решение приносить жертвы, террор, которым она себя безжалостно истязает, создают ей ореол, недосягаемый для других, может быть более умных, грамотных, но слабых и трусливых народов».

Щеткин попадает в Варшаву. Там он бедствует без работы. Ему приходится ночевать в «Повонзках».

Вот описание этой ночлежки:

«Гул морского прибоя оглушил меня при входе в седьмой теплый барак. Гигантская ночлежка людей, видавших лучшие виды... Полторы тысячи отъявленных пролетариев собрались под вонючей, необъятной крышей этого грязного стойла... Смрад потного, прелого, немытого тела тянется в облака, повис в воздухе. Я бродил минут пятнадцать, не находя себе ни кусочка свободного места на безбрежных равнинах живописных нар, где паслись невидимые насекомые... Я бродил, получая ужасные нравственные пощечины из матерной ругани».

«Холодно ночью, холодно и грязно утром, сыро, холодно и голодно днем—вот жизнь собачья так собачья».

«Несмотря на отчаянное самообещание не ночевать больше в этой клоаке, на следующий день, не найдя снова нигде пристанища, со слезами бессилья на глазах, я снова приехал в Повонзки».

Щеткин говорит—я уже цитировал эту фразу—о «трагедии русского офицера». Трагедия действительно, повидимому, создается глубокая. Ряд последующих писем носит совершенно бессвязный характер. Одно из них адресовано Ленину, другое умершему Николаю II, третье—полномочному представителю России и т. д. Следить за этой бессвязицей не стоит.

Н. Мещеряков.

К. Н. СОКОЛОВ. Правление ген. Деникина (из воспоминаний). Российско-болгарское книгоиздательство. София 1921. Стр. 291.

Автор книги занимал пост управляющего знаменитым «Освагом» (осведомительно-агитационное отделение) при добровольческой армии. «Осваг» отнюдь не пользовался популярностью даже в добровольческих кругах и, как признает сам автор, признаком хорошего тона считалось бранить «Осваг» и высокомерно третировать «осважников». При всяких эвакуациях, например, осважников нарочито забывали и отдел пропаганды не включался в число эвакуируемых учреждений. Между тем было известно, что после военных чинов армии осважники вызывали наибольшую ненависть красных и что им от Советской власти пощады быть не могло. Белогвардейскому отделу пропаганды ставилась в вину его бездеятельность при «чудовищной» его стоимости. Говорили, что стоющая «безумных» денег пропаганда против большевиков не приносит никаких результатов, что *«осважники» поголовные бездельники* и т. п. Это по части активности отдела пропаганды. Что касается направления Освага «слева», вменяли последнему в вину монархическую черносотенную погромную пропаганду. За то справа разоблачали «жидовский» состав работников отдела пропаганды. Все эти обвинения, эта «несправедливая» оценка деятельности Освага весьма огорчает Соколова, и он из всех сил старается реабилитировать учреждение, главой которого он был в столь ответственный момент.

Крайне любопытно, как объясняет Соколов неудачи Освага. Последний нельзя было поставить на должную высоту из-за двух «неписанных» ограничений. Осваг должен был работать без социалистов и без евреев. Понятно, что это означало на практике, поясняет Соколов. Вот почему все прокламации и литературные упражнения Освага были крайне безграмотными, вот почему у *Освага были на местах, главным образом невежественные лодыри и пристроившиеся паразиты, люди с* пониженным чувством ответственности и склонностью к злоупотреблениям (стр. 105).

На обвинения в том, что отдел пропаганды ограничивается устройством роскошных витрин в городах, пренебрегая «деревней», Соколов отвечает ссылкой на всем «прекрасно» известный факт, что «в большей части юга России нельзя было, что называется, сунуться дальше уездных городов и железнодорожных станций без риска быть убитым или ограбленным» (стр. 109). Многие чины отдела пропаганды были убиты при исполнении своего служебного долга (стр. 172). Да и не легко было положение добровольческих агитаторов в самом царстве Деникина.

Автор посвящает целую главу деятельности «Освага», а стало - быть и своей собственной, и надеется, что история даст беспристрастную оценку его заслугам. Мы думаем, что история действительно даст такую беспристрастную оценку, признав, что и белые, и красные были правы в своем отношении к осважникам: белые—поскольку они характеризовали осважников, как невежественных лодырей и паразитов, красные—поскольку они третировали этих мошенников пера, как злейших врагов рабоче-крестьянских масс.

«Воспоминания» Соколова производят довольно сумбурное впечатление. Бывший руководитель белогвардейского отдела пропаганды и агитации обладает очень слабыми литературными способностями, и это отражается на его работе, носящей явные следы бесталанности автора. Книга Соколова является все же ценным документом для выяснения причин поражения белогвардейского оружия. У автора мы найдем интересные признания об отношении населения к Советской власти и к белым, об отношении руководителей добровольческой армии к союзникам и к немцам, о настроениях белого офицерства, о влиянии Деникина, о вечных интригах друг против друга, царивших в белогвардейских кругах и т. д.

О том, как легко жилось населению под властью белогвардейцев, можно судить по тому, что когда большевики, например, взяли Анапу, даже «местные богачи виноделы находили, что Советская власть не лучше и не хуже всякой другой власти» (стр. 24). Когда же большевики вынуждены были уйти и город заняли добровольцы, «*недорезанные (большевиками) буржуи поварчивали на казачью власть и доказывали, что под большевиками жилось лучше*» (стр. 25).

Заметим, что особенно плохо приходилось буржуазии в те моменты, когда белыми овладевала паника вследствие продвижения красных. Так было, например, в январе 1920 г. в Новороссийске. Начальство распоряжалось, писало приказы, угрожало и «окончательно потерявший голову обыватель не знал, что ему делать, регистрироваться, отправляться на окопные работы, мобилизоваться или эвакуироваться дальше. Как всегда в таких случаях, управомоченные и неуправомоченные лица охотились за «буржуями», проверяли документы и гнали без разбора на работы по укреплению Новороссийского края». Соколов видел на станции Тоннельной группу в четыреста «окопников», пригнанных из Новороссийска. Они валялись голодные на полу в строительном здании и никто не заботился об их продовольствии. Любопытно, что эти «окопники» не имели даже лопат.

Понятно, что при таких условиях «буржуи» не могли относиться с особой симпатией к бесталанным белогвардейским командирам и готовы были предпочесть какую угодно власть, хотя бы красную, лишь бы последняя гарантировала им известный порядок и строй жизни.

Крайне интересны заключения автора о помощи, оказанной союзниками (Англией и Францией) белому оружию. На основании горького опыта Соколов приходит к выводу, что «*участие иноземцев в гражданской войне собственно нежелательно*» (стр. 118). К этому выводу прибавляет Соколов пришли многие наши военные «авторитеты», утверждавшие, что «сотрудничество с французскими генералами было делом безнадежным».

Однако банкротство союзнической ориентации, постепенное отступление французских войск перед красными отрядами и «стремительная» эвакуация французами Одессы и сдача этого города большевикам, несмотря на присутствие союзного флота на Черном море, произвели, по словам Соколова, самое разла-

гающее действие на общественную психику.

Слишком долго белогвардейцы кормили публику теорией о солидарности союзников с белыми в борьбе с большевиками, слишком упорно доказывали, что союзники только то и делают, что ждут момента и ищут места, чтобы помочь белым... Союзники бежали, и эта чудесная фантасмагория разрушилась.

Разочарование было глубокое и откуда-то из темных, подсознательных недр добровольческой политики неудержимо поднималась волна германской ориентации. У нас в Ростове—рассказывает Соколов—во всех столовых только и шептались, что о помощи Германии. Всем было известно, что в ставку прибыла германская делегация, что фельдмаршал Гинденбург прислал письмо генералу Деникину и что на помощь последнему спешит 100-тысячная германская армия.

Особенно сильна была, по словам Соколова, ориентация на Германию в офицерских кругах, где увлечение союзниками подвергалось суровому осуждению и где медленно, но неуклонно расла волна веры в скорое возрождение Германии и в неизбежность сближения с ней (стр. 195).

Вообще офицерские круги белой армии были так настроены, что даже сам Деникин казался им «левым». Как замечает Соколов, генерал Деникин соглашался с необходимостью некоторых реформ в земельном вопросе, одобрял в принципе земельную программу, выработанную полковником Энгельгардтом, но указывал, что «нет такой общественной группы, на которую можно было бы опереться при проведении такой прямолинейной и практической политики» (стр. 189).

Оппозиционное движение против ген. Деникина нашло себе руководителя в ген. Врангеле.

Ростовские политические сферы, «лансировавшие» ген. Врангеля, давали под рукой понять, что в случае чего и внутренняя и внешняя политика ген. Врангеля выгодно отличалась бы от политики ген. Деникина большей трезвостью и определенностью.

Ген. Деникин был в зените своей славы, но за кулисами уже шли приготовления к выходу на сцену его неизбежного преемника.

Итак, даже черносотенный ген. Деникин оказался недостаточно *правым* для руководящих кругов той армии, которая шла походом на советскую Россию. Не трудно понять, что ожидало рабоче-крестьянские массы России в случае торжества белогвардейских зубров.

Мих. Павлович.

Н. МЕЩЕРЯКОВ. На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. Москва 1922 год. Стр. 75.

«С гордыми надеждами — пишет тов. Мещеряков в предисловии к своей небольшой книжке—вступала в революцию русская интеллигенция. Считая себя мозгом народа, солью земли, она надеялась взять в свои руки руководство революцией, ввести революцию в рамки умеренности и аккуратности и, использовав народ, как революционный таран, ограничить работу революции разрушением только наиболее вопиющих, наиболее отживших анахронизмов самодержавия и легким подновлением и украшением фасада. Даже в настоящее время лучшие из эмигрантов—«сменовеховцы», приглашая интеллигенцию примириться с революцией и вернуться в Россию, говорят, что нужно считаться с главным строительным материалом—с народом».

Трудовой народ—рабочие и крестьянство — был и, к сожалению, остается для интеллигенции только «строительным материалом».

Но этот народ, продолжает тов. Мещеряков, не захотел быть строительным материалом. Он захотел стать творцом новой жизни и строить эту жизнь не так, как хотелось интеллигенции, а как желал этого он сам, как диктовали ему его классовые интересы. Интеллигенция не захотела признать эти права народа; она вступила с ним в борьбу и—была выброшена.

«Нелепы были, конечно, надежды интеллигенции стать вождем и руководителем революции, архитектором, по

планам и приказам которого будет строиться новая Россия. Нелепо видеть в трудовых классах только «строительный материал». Но, с другой стороны, интеллигенции со счетов не сбросишь. Интеллигенция сильна своими знаниями. Она необходима для дела строительства, как элемент служебный и при том не только за страх, но и за совесть».

Предлагаемая работа тов. Мещерякова составлена из статей, помещенных в свое время в журналах «Красная Новь», «Печать и Революция», а также в «Правде». Автор исправил и дополнил эти статьи и по предложению Главполитпросвета согласился издать их отдельной книжкой.

Книжка открывается статьей «Злоключения русских эмигрантов». В ней автор на основании эмигрантской же литературы описывает то ужасающее положение, в котором русские интеллигенты, профессора, офицеры и т. д., бежавшие из России после разгрома белых армий, очутились за границей.

Автор упоминает о публичных домах в Константинополе, вплоть до домов самого низшего сорта, посещаемых английскими матросами, переполненных женами и дочерьми русских эмигрантов. Так осуществляется союз демократической Англии с интеллигентной Россией.

Некоторые русские эмигрантские газеты переполнены объявлениями молодых «красивых девиц», ищущих знакомства с богатыми мужчинами, или даже мужчин, желающих познакомиться с богатыми женщинами «для веселого времяпрепровождения».

Став на сторону контр-революции, заключает тов. Мещеряков свое описание злоключений белогвардейских эмигрантов, русская интеллигенция прельстилась теми деньгами, которые Антанта обещала контр-революции.

Но империалистический банкир оказался хитрее, чем дьявол Шамиссо. В обмен на родину эмигрант получил поддельный кошелек, золота которого хватило только на то, чтобы добраться до Ливийской пустыни. А в обмен за этот кошелек эмиграция получает только желтый билет публичного дома или почетное звание «Альфонса» парижских бульваров.

Из статей тов. Мещерякова заслуживает особого внимания статья «Без дороги», посвященная «Воспоминаниям» В. Б. Станкевича, игравшего крупную роль в первый период февральской революции. Тов. Мещеряков рисует нам картину душевных переживаний типичного интеллигента в эпоху пролетарской революции, картину переживаний искреннего, честного, чистого душой человека, который, начав с обожания революции на манер наивной институтки, дошел до того, что в компании с самыми доподлинными белогвардейцами пытался душить эту революцию, и кончил тем, что искренно признался в своей слабости, в своих ошибках и в своем полном банкротстве.

На основании «Воспоминаний» Станкевича тов. Мещеряков рисует и настроение нашей интеллигенции накануне мировой войны. Интеллигенция в борьбе с самодержавием сблизилась с пролетариатом и считала себя сторонницей социализма. Но она мечтала о социализме, как о чем-то очень далеком и в своей дали красивом, ослепительно белом, чистом, как издали кажутся девственно-чистыми снеговые альпийские вершины.

Путь к этому социализму представлялся ей медленным, приятным восхождением на гору. Из своей Маниловки интеллигенция не видела, не хотела видеть обострения классовых противоречий, роста финансового капитала, готовящегося превратить весь мир в арену своего насилия.

Наступила война, и интеллигенция превратилась в подголосок воинствующего империализма. Среди мотивов, склонивших интеллигенцию к войне, не малую роль, по откровенному признанию Станкевича, играли следующие соображения:

«Тогда (после удачной войны) откроются самые широчайшие перспективы для службы на разных поприщах: подумать, например, только о взятии Константинополя. И среди представлений о самой войне, о боях, о переходах, преследованиях и пр. не малую роль играло представление о возможности легкой наживы».

С такими настроениями вступает интеллигенция в войну. Далее тов. Мещ-

ряков цитатами из «Воспоминаний» Станкевича ярко иллюстрирует все шатания интеллигенции с момента обострения революционного движения в стране. Даже в те моменты, когда интеллигенция славословила революцию, как это было после февральских дней, в душе, в разговорах наедине, содрогались, ужасались, чувствовали себя плененными враждебной стихией.

А затем, по мере роста пролетарского движения, начались мечты о карательных экспедициях в тыл, об истреблении большевиков и т. п. Когда же началась октябрьская революция, большая часть интеллигенции бросилась в объятия белогвардейцев и иностранного капитала. В результате полное банкротство и сознание, как у Станкевича, что трудовые массы, которыми наша интеллигенция хотела руководить, шли вопреки всем усилиям этой интеллигенции, мнившей себя солью земли, по исторически правильному пути.

В статье «Распад русской интеллигенции» тов. Мещеряков анализирует процесс окончательного разложения консервативной части толстовства. Разбирая книжку Ив. Наживина «Записки о революции», автор показывает, как бывший народник доходит до идеализации городового, который за 40 рублей в месяц охранял «наш» покой днем и ночью, обмерзал на морозе, погибал от пули и никогда не роптал, до тоски по казненной русской царице и, наконец, до преклонения перед тенью Павла I, этого мрачного деспота-самодура.

Последние две статьи книжки тов. Мещерякова, составляющие главную часть ее (23—73 стр.), посвящает «сменовеховцам». Насколько нам помнится, тов. Мещеряков первый [1]) в своих докладах и статьях обратил внимание на это новое направление в русской интеллигенции, первый учел его значение в дальнейшей эволюции нашей интеллигенции. В этих статьях автор высказывает много оригинальных и глубоких мыслей.

Есть французская пословица, говорит тов. Мещеряков: On a les défauts de ses qualités.

Достоинства имеют свои недостатки. По отношению к авторам «Смены вех» пословицу эту надо перевернуть. Их недостатки имеют свои достоинства. Мистицизм, национализм, стремление к великодержавности, отрыжка славянофильства. Но это-то и помогает им уйти из лагеря контр-революции, делает из них пролагателей путей для этого перехода. Все новые и новые отряды интеллигенции будут уходить из лагеря контр-революции и пойдут по пути, который авторы книги обставляют теперь своими вехами.

Если бы «сменовеховцы»—замечает тов. Мещеряков—не имели бы указанных выше недостатков, если бы они сразу выступили коммунистами, то единственным результатом было бы то, что в лагере коммунистов прибавилось бы несколько талантливых людей. Их книга имела бы литературный интерес. Теперь ее значение больше. Теперь она представляет крупное и не только литературное, но и жизненное явление. Пропаганда сменовеховцев падает на почву, хорошо подготовленную банкротством и полным поражением контр-революции.

Чувство самосохранения, чувство жизни должно побудить интеллигенцию—заканчивает тов. Мещеряков свою книгу—всей душой, всеми помыслами своими присоединиться к тому лагерю, который строит теперь новую жизнь, новую культуру человечества, освобожденного от всякой эксплоатации.

Пожелаем книжке тов. Мещерякова самого широкого распространения среди нашей интеллигенции. Можно надеяться, что она будет содействовать ускорению начавшегося сдвига и поможет не одному представителю нашей интеллигенции уйти скорее с того пепелища, где, по выражению автора, можно только петь красноречивые отходные умирающей буржуазии — помещичьей культуре.

Интересная и поучительная книжка тов. Мещерякова не лишена некоторых недостатков. Автор допустил повторение одних и тех же цитат, как, например, на стр. 56 выписку из Устрялова о красном

[1]) Хронологически первая статья о «сменовеховцах» (в «Известиях») принадлежит перу Ю. Стеклова.

знамени над Зимним Дворцом и тот же красивый образ на стр. 65—66.

Но это мелочи, о которых забываешь при чтении разбираемой книжки.

М. Павлович.

РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УРАЛЕ. Эпизоды и факты. Сборник подготовлен к печати П. М. Быковым и Н. Г. Никоркиным под общей редакцией Н. И. Николаева. Гос. Изд. Урал. Об. Екатеринбург 1921 г. 183 стр.

Очень содержательная и интересная книжка. Материал, собранный в ней, распадается на три группы: оригинальные статьи, воспоминания и документы.

В отделе статей имеется пять очень интересных очерков. Первый очерк «Последние дни последнего царя» чрезвычайно просто, без ненужных фраз и выкриков, обстоятельно описывает, рассказывая лишь факты, последние дни семьи Романовых. Многое из сообщаемого известно из других работ, но то, что дает эта статья — накаленную атмосферу интриг, заговоров и борьбы вокруг семьи Романовых в Тобольске и Екатеринбурге, — не давал еще никто. Вторая статья «Колчак» является изложением в обширных выдержках стенограммы допроса адмирала Колчака в Иркутске.

Стенограмма показаний адмирала Колчака—чрезвычайно интересный и содержательный исторический документ. Жаль только, что выдержки приведены без всякого критического аппарата, а показания Колчака нуждаются в нем, о многом он говорил, но очень многое замалчивал или отделывался от многого одной-двумя фразами. Допрос Колчака не был закончен. Стенограмма показаний в значительной своей части касается деятельности Колчака до того момента, когда он стал верховным правителем. Этой частью, как вполне правильно поступила редакция сборника, не следовало увлекаться, зато надо было все внимание обратить на его показания, начиная с первых дней революции. В этих показаниях Колчак определенно указывает, кем и как был двинут он в Сибирь, какая шла борьба вокруг начинающейся интервенции, как вела себя в Харбине сбежавшаяся туда белогвардейщина и многое другое. Но этот рассказ нужно было снабдить комментариями и примечаниями. В России выдержки из допроса адмирала Колчака печатаются впервые, они дают массу интересных и ценных сведений для истории нынешней революции. Коротка и проста третья статья сборника—«Белый террор на Урале». Без лишних слов приводятся цифры и факты, рассказывается о том, как расправлялись озверелые белогвардейцы с уральскими рабочими и крестьянами. Архивы колчаковских контр-разведок рассказывают еще о больших ужасах, о тысячах казненных, о сбрасывании живых людей в шахты, о поголовных порках и страшных насилиях. Четвертая статья сборника «Екатеринбургский совет» очень интересна, но было бы лучше, если бы в ней было дано побольше документов, характеризующих деятельность совета, отрывков из отчетов об его заседаниях и т. п. Последняя статья очень живо и интересно описывает строительство Красной армии на Урале, рисует путь от неорганизованной партизанщины к регулярной Красной армии. Из трех вещей, помещенных в отделе воспоминаний: «По уральским заводам», «В колчаковском подполье» и «Заметки хозяйственника», самыми интересными являются воспоминания «В колчаковском подполье». Провал в Екатеринбурге в марте 1919 г. болезненно отозвался по всей Сибири. Воспоминания чрезвычайно ярко рисуют обстановку, в какой приходилось работать коммунистам, резкими чертами рисуют они и екатеринбургских работников. Они умели бороться—умели и умирать.

Последний отдел сборника дает ряд очень интересных подтверждений того, что рассказано в статье о белом терроре. Об ужасах, творившихся в застенках Сибири, болтали не раз и не два сами сибирские белогвардейцы. В этом отношении доклад об эвакуации Екатеринбурга и сообщение белогвардейца о колчаковской тюрьме подтверждают известное; вся ценность этих подтверждений в том, что здесь белогвардейцы говорят—говорят о самих себе.

Исключительный интерес представляет доклад т. Лапшина, представителя съезда красных партизанов Сибири, Уральско-Сибирскому бюро Ц.К.Р.К.П.

Партизаны Сибири — были грозой Колчака. С небольшими силами, плохо вооруженные, без командного состава, без снарядов, без медикаментов. Они вели героическую борьбу за торжество рабочей власти в Сибири, они все время угрожали тылу Колчака, они упорно стремились прервать сообщение по единственной железной дороге Сибири и успевали в этом.

Тов. Лапшин специально перешел фронт для доклада о деятельности партизан и установления связи между ними и Красной армией.

В общем сборник производит сильное впечатление, читается с неослабным интересом и дает много материала по истории нашей революции.

С. Пионтковский.

МАТВЕЙ ЛЬВОВИЧ КОГАН-БЕРНШТЕЙН. Сборник статей. Кооперативное издат-во «Народ». М. 1922. Стр. 112.

Книжка посвящена памяти трагически погибшего на чехо-словацком фронте в августе 1918 г. известного с.-р. М. Л. Коган-Бернштейна и содержит ряд статей (Ю. Подбельского, К. Буревого, Н. Смирнова и А. Буки), дающих всестороннюю характеристику этой незаурядной личности, а также статьи и письма самого М. Л.

Сын казненного в 1889 г., во время известной «Якутской истории» народовольца (в книге воспроизведено факсимиле предсмертного письма-завещания Льва Коган-Бернштейна маленькому Матвею), он с ранней юности примкнул к революционному движению, по семейной традиции и по личным связям стал эсэром, но в глубине души был марксистом. Искренний и глубоко убежденный революционер, социалист и интернационалист, он во время керенщины был на левом фланге партии, а с весны 1918 г., когда партия с.-р. стала определенно на путь вооруженной борьбы с Советской властью, почувствовал всю фальшь и контр-революционную опасность такой позиции. Поездка «за рубеж», в царство Самары и Уфы, окончательно закрепила в нем чувство отвращения к чехо-словацкой авантюре, и он возвращался в Советскую Россию, быть может, для того, чтобы работать вместе с большевиками. Но на границе как член У. С. и Ц. К., он был расстрелян пограничными советскими властями.

Сборник составлен ближайшими товарищами и единомышленниками М. Л. Коган-Бернштейна из «меньшинства партии с.-р.» и интересен не только, как биография и характеристика молодого и талантливого революционера, ставшего по роковому недоразумению жертвой гражданской войны, но и как характеристика внутреннего разложения партии с.-р. в 1917—1918 г.г.

В этом отношении совершенно исключительный исторический интерес представляет последняя (посмертная) статья М. Л. «*Русский термидор*», посвященная Уфимскому «Государственному Совещанию». Она является беспощадным обвинительным актом против всей затеи и ее вдохновителей и организаторов. Особенно колоритен следующий эпизод (стр. 106): когда пред открытием совещания уфимский архиепископ Андрей после молебна произнес речь, в которой говорил, что Россию, *«как уже было встарь»*, спасет «одно всей России известное имя», «присутствовавшие на молебне социалисты» Авксентьев, Аргунов, Роговский, Моисеенко и др., нимало вопреки глаголя этому откровенному намеку на Михаила Романова, *идут ко кресту совершать «поцелуйный обряд»* (курсив мой. *Б. Г.*), освящая демократию православием, думая, очевидно, под покровом черной мантии церковничества протянуть через игольное ушко реакции так хорошо «спасаемое» ими Учредительное Собрание.

Б. Горев.

ГЕОРГИЙ БОРИСОВ. Диктатура пролетариата. Социально-политическое обоснование. Государственное Издательство. Петроград 1919 г. 48 стр.

Только досадной невнимательностью Госиздата можно объяснить, что такая

никчемная книжка могла появиться в советском издательстве. Для читателя, мало знающего, книжка Г. Борисова недоступна, ибо ведь автор занимается «научным исследованием»! Подготовленному читателю брошюра Г. Борисова не дает ничего потому, что в ней никакого «социально-политического обоснования» диктатуры пролетариата нет.

Автор — «беспартийный социал-демократ». Но «его любовь и ненависть движутся в том же направлении, как любовь и ненависть большевизма». Почему же он не большевик? Прямого ответа на этот вопрос автор не дает. Он рассказывает подробно о своих... переживаниях: «Когда отряды рабочей молодежи... шли сомкнутыми рядами на верную смерть, воодушевленные верой в грядущее царство правды,—автор с любовью и тревогой провожал взором, затуманенным невольной слезой, эти батальоны молодежи и мысленно земно кланялся им, юным защитникам и осуществителям вечно-юной сказки: «утопии» о свободе, равенстве и братстве людей»...

Видите, какая, можно сказать, душу раздирающая нежность! По справедливости, автору следовало бы стихи сочинять, а он взялся говорить о таком, отнюдь не нежном, предмете, как диктатура пролетариата. И ничего не вышло.

Несколько выдержек из книжки достаточно для того, чтобы иметь о ней полное представление. Вот, например, характеристика русского рабочего класса:

«Да, русский рабочий класс относительно мало развит, как в политическом, так и в организационных отношениях, он мало культурен, в нем мало революционных традиций».

Это насквозь меньшевистская — и совершенно не верная—характеристика. Русский рабочий не смог бы совершить своей революции, если бы он был таким, каким его рисует Г. Борисов. Но счастье русского пролетариата именно в том и заключается, что политически он развит, классово воспитан лучше, чем западноевропейский пролетариат, который только теперь начинает по настоящему классовую борьбу. У русского пролетариата *много* революционных традиций. Он опирается на огромный опыт борьбы, проделанный славными поколениями революционеров, начиная с 70-х годов. Он сам непосредственно вел массовую, лишь временами прерывавшуюся, революционную борьбу против царя и капиталистов, начиная с 90-х годов. По-большевистски, будто бы, любящий и ненавидящий Г. Борисов с ученым видом рассказывает меньшевистскую басню об отсталом русском рабочем, который нивесть по какому праву стал пионером пролетарской революции.

Но Г. Борисов—сторонник диктатуры. Он клеймит соглашателей социал-демократов. Слушайте:

«Говорить угнетенному, эксплоатируемому человеку, что он должен примириться с самим фактом эксплоатации, с самым фактом превращения своей личности в вещь, в товар,—это значит грубо попирать ногами все *моральные законы*. Это—отказ от *права и обязанности личности быть самодовлеющей ценностью*, отказ от ее *безусловного значения: личность должна быть автономной, свободной, она—превыше всего... Прирожденных прав личности нельзя разменивать на низкопробную монету непосредственных практических успехов*».

Ну, как вам понравится этакий «беспартийный социал-демократ»? Да ведь он подает нам анархо-эс-эровско-либеральную мешанину! «Моральные законы»—это от Чернова. Личность имеет «право и обязанность быть самодовлеющей ценностью», она «автономна, свободна, она превыше всего»—это все от анархистов. Личность имеет «прирожденные права»—это от либералов. А все мудрствование Г. Борисова— это сплошная буржуазно-интеллигентская, индивидуалистическая антипролетарская, антиреволюционная болтовня.

Какая мыслима диктатура класса, если прав личности нельзя разменивать на «низкопробную монету непосредственных практических успехов»? Диктатура является воплощением отрицания «прав личности» не только враждебного, но и своего класса. Если бы мы считались с «правами» дезертировавших, изменявших, трусливых, нерадивых, равнодушных, несознательных «личностей» из своего собственного лагеря — нас бы опрокинула буржуазия немедленно, истребила бы беспощадно. Пролетарская дикта-

тура победила в России именно потому что она не знала «прав» «автономной, свободной, превыше всего» стоявшей личности, а знала только право рабочего *класса* и закон *революции*... Борисов не знает этой азбуки и пишет книжку о диктатуре, а Госиздат, к сожалению, издает эту *вредную* контр-революционную болтовню.

Кто интересуется вопросом о диктатуре пролетариата, тот должен обратиться к сочинениям Ленина («Государство и революция», «Ренегат Каутский» и т. д.), Троцкого («Терроризм и коммунизм»), к тезисам и резолюциям Коминтерна и т. д.

Ил. Вардин.

Х. РАКОВСКИЙ. Борьба за освобождение деревни. Харьков. Издание Политотдела Укрсовтрударма. 1920 г. Стр. 59.

Интересная брошюра Х. Раковского представляет совершенно новую работу в области исследования социально-экономических условий происхождения кулацких и контр-революционных банд на Украйне. Автор с исчерпывающей полнотой использовал оперативные политсводки военных учреждений.

Подводя итоги борьбы с атаманщиной и кулацкими выступлениями, тов. Раковский дает практические указания как для советских партийных работников, инструкторов, так и для политпросветработников. В целях устранения возможности повторить ошибки прошлого, автор предлагает следующие меры: 1) в городе нужно вести беспощадную борьбу со всеми течениями меньшевизма, эс-эровщины, петлюровщины, махновщины, разлагающих рабочий класс и замедляющих объединение его в единый коммунистический фронт; 2) рабочий класс—через партию, профессиональный союз, через рабочий кооператив—объединенный в единый пролетарский коммунистический фронт, должен привлечь на свою сторону деревенского середняка и упразднить фактически существующую теперь на Украйне диктатуру кулака.

Развитие и усиление кулаков на Украйне также исследовано тов. Раковским. Дело в том, что земли, отнятые у помещиков, попали в руки средних крестьян, округливших свои земельные участки.

Безземельные же и малоземельные, ввиду отсутствия у них необходимого инвентаря и соответствующих средств и орудий производства, не могли воспользоваться помещичьей землей.

В целях укрепления своего положения, украинские кулаки материально и идейно поддерживали организационных бандитов, всячески им помогая. И вот начиная с Петлюры—на Украйне бандиты состояли из деклассированных элементов, выбитых войной из колеи, чему особенно благоприятствовала частая смена властей на Украйне, при том каждая власть устанавливала свой режим.

И вот, как грибы, появились бандиты на Украйне со своими конкурирующими «атаманами»: Махно, Григорьев, Зеленый, Струк, Соколовский, Ангел, Божко, возглавляющий «запорожскую сечь» и много других...

Некоторые из них выполняли оперативные задания военного штаба Петлюры, другие же (Соколовский) находились в связи с добровольческой армией Деникина и *одновременно* с бело-польским штабом. Тревожному положению Украйны в то время не соответствовала постановка советских органов на местах. Тов. Раковский беспощадно бичует все недостатки местных властей, откровенно называя вещи своими именами, и вовсе не скрывает всяческие безобразия уездных комиссаров, вносивших деморализацию своим поведением.

Брошюра тов. Раковского, как знакомящая с конкретной обстановкой и социально-экономическими условиями работы на Украйне, весьма полезна. Можно рекомендовать для совпартшкол, политкурсов, а также для уездных и волостных районных библиотек. Изложение простое и ясное, без иностранных слов.

Евг. Хлебцевич.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Н. ЛЕНИН (В. Ульянов). Собрание сочинений. Том XIX. Госиздат. М. 1921 г. Стр. 300.

В XIX томе сочинений В. И. Ленина собраны его статьи, резолюции и речи по национальному вопросу за 1910—1920 г.г. Это книга не для чтения, а для изучения.

Ряд статей по национальному вопросу был написан т. Лениным в 1900—1903 г.г. в «Искре», но лишь в 1912 г. он «систематически и ближайшим образом занялся национальным вопросом».

Буржуазному национализму противопоставить пролетарский интернационализм,—такова задача т. Ленина в годы, когда «разгул черносотенного национализма, националистических тенденций среди либеральной буржуазии... верхних слоев угнетенных национальностей выдвигает... национальный вопрос на видное место». Эта «националистическая зараза» коснулась и рабочих в те годы, и В. И. Ленин, разъясняя и клеймя «националов», однако ведет столь же упорную борьбу с «космополитами» за принципы революционного интернационализма.

В. И. Ленин не занимался национальным вопросом абстрактно-теоретически, а больше, как вопросом практической политики. Читатель не найдет поэтому у него ответа на вопрос о происхождении наций, но в ряде статей автор дает ясный научно-марксистский анализ национального вопроса, как социальной проблемы. Нет ни одной более или менее значительной национальной проблемы, на которую бы он не откликнулся: польский, еврейский, финляндский, турецкий, китайский, персидский, украинский, балканский и т. д. «вопросы» освещаются им марксистски и он дает отчетливую инструкцию для деятельности пролетарской партии. Уже в этой постановке национального вопроса, как вопроса практической политики, есть ответ всем, кто хочет его превратить в самостоятельную теоретическую проблему, равноценную проблеме социальной.

С 1910 года международный пролетариат прошел длинный путь. Естественно, что и отношение к «национальному вопросу», решение которого зависит «от учета конкретной исторической и экономической обстановки», менялось. С 1910 по 1914 г.г. (до войны), с 1914 по октябрь 1917 г. и с 1917 по 1920 г.,—вот вехи, по которым можно установить разное в принципиально-одинаковой постановке национального вопроса т. Лениным. «Национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство—отсталость или исключение», так В. И. устанавливает для периода капитализма *цель* национальных движений. Но национальное государство в период капитализма—результат полной *демократизации* государства. «В большинстве западных стран,—пишет В. И.,—он давным-давно решен», борьба за национальное самоопределение т. обр. является делом демократизации буржуазного государства. В период «мирного развития капитализма» для т. Ленина разрешение социального вопроса *не* есть предварительное условие для уничтожения национального гнета. «Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации...—вещь невозможная», т.-е. для В. И. Ленина до войны разрешение национального вопроса не совпадало с моментом разрешения капитализма, с периодом социальной революции, хотя нац. вопрос подчинен интересам этой борьбы. Примером служит отделение Швеции от Норвегии в 1905 г.,—пример, который В. И. часто приводит.

Но вместе с войною в постановке национального вопроса т. Лениным можно отметить некоторые изменения. Задача остается та же, национальное самоопределение вплоть до отделения. «Но с войною,—пишет т. Ленин в своей статье: «Социалистическая революция и право наций на самоопределение»,—в октябре 1916 г. «необходимо указать на сугубую насущность этого требования при импе-

риализме»... и т. д. Однако это было бы лишь количественной разницей; война же Рубикон для человечества. «Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистических государствах иначе, как *через* (курсив В. И. Ленина) революционные битвы под знаменем социализма», пишет т. Ленин в статье «О программе мира». Это не должно означать, что с войною освобождение наций возможно лишь *на завтра* после социальной революции, вернее после социализма, как это понимали польские и голландские марксисты. Для В. И. «социалистическая революция не один акт, не одна битва, «по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов... по всем вопросам экономики и политики, битвы, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии» и поэтому национальное освобождение с войною становится *одним из моментов* социальной революции, непосредственным актом последних решительных боев. Не в связи ли с этим так расцвел социал-шовинизм в эпоху войны и не поэтому ли лучшие революционные марксисты перегибали палку в другую сторону и провозгласили отказ от борьбы за национальное самоопределение, [противопоставив ей борьбу за «совместное определение» национальных судеб угнетенных империализмом народов? Как хирург вскрывая шовинизм и предательство первых,] оппортунизм вторых, В. И. Ленин предлагает революционному меньшинству стать авангардом миллионов трудящихся и эксплоатируемых наций в борьбе за социализм.

В октябре 1917 г. Рубикон был пролетариатом перейден в одной стране, в России: рабочий класс «сконструировался, как государственная власть» и наступил новый этап национальной политики пролетариата, теперь вернее пролетарского государства. Прежде всего перед ним стояла задача *реализации* своей национальной программы. И если в период Керенского Ленин доказывает массам его реакционность в национальном вопросе (Украйна, Финляндия), то после октября право наций на отделение и на самостоятельное государственное существование становится основным законом Р. С. Ф. С. Р. Однако и тут Ленин остается верным своему марксистскому анализу национального вопроса и устанавливает принципы коммунистической политики в связи с тем, «на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии — к демократии пролетарской». Раскрепощая народы Р. С. Ф. С. Р., следует проводить в жизнь основной принцип коммунизма—способствовать процессу дифференциации отсталых народов и тем облегчить им движение по пути коммунизма. Ссылаясь на Энгельса, который в письме от 12 сент. 1882 г. Каутскому писал: «одно лишь несомненно: *победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы* (курсив Энгельса), В. И. Ленин считает, что после взятия власти в свои руки чисто отрицательные задачи пролетариата в области национального вопроса сменяются положительными задачами.

Отрицая формальную [демократию, т. Ленин отрицает ее и при разрешении национального вопроса. Не провозглашение права на самоопределение, *но отделение*; не только отделение, *но идейная и материальная поддержка* слабых, отсталых народов. Резолюция X съезда Р.К.П. в этом смысле говорит о «перенесении фабрик к источникам сырья», чтобы приблизить момент фактического *полноправия* наций. Таким образом, если до октября 1917 г. для В. И. национальная политика состояла в борьбе с национальным гнетом за отделение и вместе с тем в борьбе со всяким национализмом, т.-е. национальным творчеством буржуазии, то теперь он ему противопоставляет национальное творчество пролетариата, т.-е. социалистическое строительство.

Однако, несмотря на четкую грань между тремя хронологическими периодами, в постановке национального вопроса у т. Ленина есть ряд основных принципов. Для т. Ленина прежде всего нет «национального вопроса», а есть социальный вопрос, т.-е. классовое содержание национальной проблемы. Он не знает «национальной культуры», он знает классовую,

а для пролетариата *интернациональную культуру;* «национализм» пролетариата в сплочении, в слиянии пролетариев всех наций в общие, построенные на основах демократического централизма организации, государства. В. И. Ленину чужд поэтому фетиш нации, национальной свободы, которую он считает возможным принести в жертву делу социализма (как частное—общему), он смеется над «националистическим жупелом ассимиляторства», оставаясь в то же время борцом против всякого национального гнета. Проникновенный, насквозь пролетарский и революционный интернационализм В. И. Ленина получил свое выражение в статье «О национальной гордости великоруссов». «Чуждо ли нам, сознательным пролетариям,—спрашивает В. И. в статье,—чувство национальной гордости?» И отвечает: «конечно, нет!», «мы великорусские рабочие, — читаем дальше,—полные чувства национальной гордости, хотим... республиканской Великороссии, строящей свои отношения к соседям на принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий». Эти прекрасные слова писаны во время войны, в них преодоление шовинизма и космополитизма, это — интернационализм. В рецензии не исчерпаешь всей книги. В заключение приведем лишь слова Ленина о «восточном вопросе»: «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории». Эта полоса—эпоха социальной революции.

Два слова о дефектах издания. Приходится пожалеть, что столь ценная книга не снабжена вводной статьей, направляющей рядового читателя в лабиринте XIX тома. В книге собраны не *все* статьи т. Ленина по национальному вопросу, нет также систематического указателя других статей, где В. И. разбирал нац. вопрос в какой-либо другой связи. Отдельные указания разбросаны в примечаниях, но не собраны и не систематизированы.

Издания, подобные собранию сочинений т. Ленина, представляющие вклад огромной ценности в сокровищницу мировой коммунистической литературы, должны подготовляться с исключительной тщательностью и вниманием.

Ц. Фридлянд.

А. ЦВИКЕВИЧ. Краткий очерк возникновения Белорусской народной республики. Киев 1917 г. Стр. 16.

Брошюра А. Цвикевича—первый опыт дать теоретический очерк национального политического движения Белоруссии в 1917 году. Автор стоит на точке зрения буржуазного национально-политического самоопределения и призывает всех сынов Белоруссии выйти на борьбу «За родной край—за вольную Беларусь». Весь исторический очерк написан на основании документального материала с приложением «уставной грамоты Рады Белорусской Народной Республики», опубликованной 25 марта 1917 года и провозгласившей Белоруссию вольной и независимой Державой.

Проф. В. Пичета.

Ф. ТУРУК. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов. С приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е. Ф. Карским. Москва. Государственное Издательство. 144 стр. 1921 г.

Автор имел в виду «необходимость сохранить истории важнейшие акты белорусского движения и, считаясь с полным отсутствием (?) литературы по белорусскому вопросу, неосведомленностью и различным отношением к нему со стороны русских и самих белоруссов, познакомить широкую читающую массу с движением белоруссов в кратком, возможно объективном и документальном изложении».

Несмотря на «объективность»—все же в подборе материала заметна вполне субъективная точка зрения. «Белорусское

движение» рассматривается как национальное и революционное в своем историческом развитии. Автор смешивает национальное с революционным иногда до полного тожества, не выделяя элементы подлинно революционные,—классовые от национально-либеральных, в лучшем случае от демократических (см. работы Сталина). Отсутствует определенный принцип общественной мысли: это не марксизм, не анархизм, не даже белорусский национализм, а просто мозаичная компиляция. «Белорусское движение» рассматривается изолированно от общего революционного движения 1905 г. и 1917 г.—вне связи с общей классовой борьбой в Белоруссии. Между тем белорусское движение имеет классовый характер, и сам автор иногда пользуется этим его характером для обоснования белорусской национальной идеи.

Кроме того, совершенно не выявлено участие рабочих и крестьянских масс Белоруссии в не национальном революционном движении 1905 и 1917 г.г., между тем как самоизбравшей себя Раде Белорусской народной республики—или, вернее, кучке «деячеу», которых можно поместить «на одной канапе»—отводится не мало места, несмотря на абсолютное незнание населения о существовании такой Рады, и полное отсутствие связи его с безвластной Радой, образовавшейся в период немецкой оккупации.

Если в состав Рады Б. Н. Р. попал корреспондент, который раструбил на весь мир список министров Б. Н. Р., умалчивая совершенно о полном отсутствии власти и влияния на местное население—то нельзя это считать «белорусским движением». Материал расположен не пропорционально: очерк истории национального и революционного движения белоруссов изложен на 1—68 страницах, приложения же занимают 71—148 страниц, при чем все приложения расположены по номерам (от № 1 до № 31) без классификации по форме или содержанию. Так, приложение № 1 представляет «прадмову» (предисловие) к «Дудке Белорусской» Ф. Богушевича — произведению, давно ставшему вполне общеизвестным (Издание СПБ. общества «загляне сонце и в наше оконце»), приложения №№ 2—6—стихотворений «Белорусской Цетки», а приложение № 7—«набросок программы Белорос. «социал-громады», и далее самые разнообразные документы—*без всякой классификации*, исключительно только с порядковым номером. К очерку приложена этнографическая карта Белоруссии без объяснительного текста.

Несмотря на все недостатки, с этой книгой необходимо познакомиться политическому деятелю Белоруссии при изучении национального вопроса.

Евг. Хлебцевич.

РЕВОЛЮЦИЯ И БУРЯТ-МОНГОЛЫ. Сборник статей. Центральный Комитет Бурят-Монгол Восточной Сибири. Госиздат. Иркутск 1921 г. 1.500 экз. Цена не обозначена. 26 стр.

Эта маленькая брошюрка представляет сборничек статей, собранных к областному съезду бурят-монгол, созванному в связи с образованием Бурятской автономной области. Составители ухитрились на 26-ти страничках поместить не только пять статеек, дающих всестороннее освещение постановки вопроса об автономии бурят, но «декларацию прав народов России», краткий отчет «Бурмецека» и даже беллетристический очерк «Убугун Баха».

В кратком историческом очерке составители знакомят читателя с историей бурят-монгол Иркутской губернии, которые в конце XII века вышли из-за Байкала и поселились в т. н. Ангарской долине. Бурятам пришлось наравне с другими инородцами перенести всю тяжесть колонизаторской политики царизма. Достаточно сказать, что в результате землеустроительных работ буряты из 2.371.492 десятин земли, находившихся в их пользовании, потеряли 1.263.000 десятины.

Но буряты доказали свою жизнеспособность; они приобщились к европейской культуре, выделив из себя свою бурятскую интеллигенцию, которая много сделала для изучения монголо-бурят. А в последний момент также и для автономии бурятского народа. К числу таких представителей бурятской интелли-

генции, несомненно, принадлежит М. Ербанов, который поместил в сборнике интересную статью: «Национальная политика Советской власти и автономия бурят-монгольского народа». В этой статье он так формулирует задачи, стоящие перед работниками бурят-монгольской автономии.

«Перед нами стоит огромная задача всестороннего изучения быта, культуры и экономического состояния бурятского народа. Вторая задача, выдвигаемая Советской властью, заключается в изыскании и установлении практических мероприятий по развитию культуры среди населения вообще и, в частности, по политическому просвещению бурят-монгольского народа. Третья весьма важная задача—постепенное и безболезненное приобщение бурят-монгольского народа к более высшим формам хозяйства. И, наконец, четвертая задача заключается в установлении наиболее правильных форм хозяйственного взаимоотношения между русскими и бурят-монгольским населением на основе братского сотрудничества».

Приведенная выписка характеризует правильность понимания монголо-бурятами стоящих перед ними задач.

Заслуживают также внимания статьи М. Амагаева — «Национальный вопрос и буржуазия» и А. Убугунова—«Очередные задачи просвещения бурят-монгол».

Издана книжка для провинциального издания хорошо.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Проф. С. А. ФАЛЬКНЕР. Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. Гос. Издат. М. 1922 г. Стр. 88.

В брошюре проф. Фалькнера собраны доклады и статьи автора, написанные в период с декабря 1920 г. по февраль 1921 года.

Понятно, что фактический материал брошюры значительно устарел, ибо за год головокружительного темпа, в котором сейчас меняется конъюнктура, утекло очень много воды. Тем не менее, автор прав, утверждая в предисловии, что его работа сохраняет известную ценность, особенно ввиду того, что обобщающих работ о кризисе очень мало не только в русской, но и в иностранной литературе.

(Говорить о полном их отсутствии, как это делает автор, сейчас уже нельзя. Укажем хотя бы на книгу Е. Шультце E. Schultze. Die Zerrütung der Weltwirtschaft. Да и брошюра Е. Варга «Кризис капиталистического мирового хозяйства» и обстоятельная статья Ш. Дволайцкого в «Красной Нови» вправе претендовать на титул «обобщающих работ» не меньше, чем брошюра проф. Фалькнера).

С. Фалькнер констатирует в первой главе своей работы, что в 1914 году наметилось понижение цен на ряд продуктов тяжелой индустрии. Это предвещало наступление кризиса.

«Какое влияние оказал этот надвигавшийся промышленный кризис на возникновение войны, которая решительно его оборвала и сменила понижательную тенденцию столь же энергичной повышательной? На этот вопрос точный и ясный ответ история даст нам лишь тогда, когда будут вскрыты не только архивы дипломатических канцелярий, но и архивы артелей и трестов тяжелой индустрии, дипломатическая переписка заводов Круппа и Шкода, Шнейдер-Крезо и Виккерса, Армстронга и Вифлеемской стальной компании, которые не могли не желать предотвращения кризиса и отыскания нового рынка любыми путями и любыми средствами».

Цены с 1914 года по 1918 во всех странах неуклонно возрастают. Напр.; индексы «Экономиста» дают для Англии повышение со 100 в 1913 году на 224 в 1918 г., японские индексы поднимаются со 100 на 195, американские со 100 на 203.

Исследуя влияние этого роста цен, в значительной мере вызванного эмиссией, на конъюнктуру мирового хозяйства, автор ставит два вопроса: «во-первых, об интенсификации промышленности во время войны и использовании ею производительных сил, и, во-2-х, о благосостоянии руководителей капиталистического хозяйства,—широких слоев мелкой, средней и крупной предприимчивости» (терминология проф. Фалькнера отличается мало приятным своеобразием).

«Ответ на первый вопрос мы найдем из рассмотрения данных о безработице, т.-е. о проценте неиспользованного капиталистическим хозяйством труда».

Процент безработных за время войны сильно упал,—это бесспорно. Но делать из этого вывод, что возросло «использование промышленностью производительных сил»,—совершенно недопустимо. Десятки миллионов людей были оторваны от производительного труда и переброшены в ряды армий.

Конечно, безработица не могла не сократиться.

Но миллионы рабочих, превращенные в солдат, точно так же представляют собой неиспользованный в хозяйстве труд, как и безработные. А на вопрос об интенсификации промышленности движение числа безработных вовсе не дает ответа. Таким образом, на первый вопрос проф. Фалькнер частью ответил неверно, частью не ответил вовсе.

Вопрос о движении доходов класса капиталистов во время войны автор разрешает ссылкой на понижение во время войны числа банкротств. Мало банкротятся, значит хорошо зарабатывают, — умозаключает проф. Фалькнер. На этот раз вывод автора верен. Класс капиталистов в большинстве стран и отраслей производств хорошо заработал на войне. Но этот вывод можно и нужно было обосновать статистикой дивидендов, движения курсов акций и другими данными, дающим на вопрос прямой и красноречивый ответ. А метод проф. Фалькнера не убедителен. Мало банкротств не значит—высокие прибыли, а значит только, что конъюнктура более или менее устойчива.

Конец 1918 года и начала 1919 года знаменуются довольно сильным падением индексов цен во всех странах, хотя степень интенсивности и продолжительности этого падения различна для отдельных стран и разных групп—товаров.

Этот первый период падения цен, связанный с прекращением войны, характеризуется ростом безработицы и «явной» депрессией на рынке промышленного сырья и промышленных изделий.

Очень интересно следующее замечание проф. Фалькнера:

«Лозунгом дня в это время становится организованное сокращение путем соглашения товаропроизводителей с целью нового повышения цен».

Капитал не желает расставаться с военными прибылями и громко жалуется на «забастовку покупателей» и на упрямство рабочих, которые не желают уразуметь необходимости понижения заработной платы.

Однако весной 1919 года судьба снова улыбнулась капиталу. Начинается новый период повышения цен, который длится до начала 1920 года.

«Вызванное новым «гражданским» спросом по преимуществу и поддержанное новым денежным потоком второе повышение цен явилось непосредственно фактором массовой демобилизации промышленности и приспособления ее к вновь предъявляемым ей заданиям».

С лета 1920 года начинается падение цен в большинстве стран. Мировое хозяйство вступает в новый период депрессии, хотя в промежуток времени, описываемый автором (1920 год), падение цен проявляется еще не во всех отраслях, и всеобщий характер катастрофы выступает поэтому в цифрах проф. Фалькнера с недостаточной определенностью.

Другим ярким проявлением депрессии является рост числа безработных.

Переходя к анализу причин кризиса, проф. Фалькнер ставит вопрос так: «Логически причиной значительного падения цен может быть либо сокращение денежной массы в обращении, либо изменение условий товарного обращения: увеличение предложения или сокращение спроса» Мы думаем, что вопрос прежде всего, неверно поставлен.

Во всяком случае, автор отбрасывает первую причину, «ибо перелом в мировом повышении цен совершился при продолжавшей увеличиваться денежной массе». С выводом автора мы согласны. Но, что дело обстоит совсем не так просто, как кажется С. А. Фалькнеру, показывает, хотя бы, второй меморандум проф. Касселя о денежной проблеме, где доказывается, что рост покупательной силы денег, главн. обр., в Соединенных Штатах является одной из важнейших причин кризиса.

Основную причину застоя в мировом хозяйстве проф. Фалькнер формулирует так: «Восстанавливающаяся, расширяющая свою гражданскую производительность промышленность оказалась перед фактом отсутствия конечного потребителя, могущего оплатить ее продукцию. Огромное сужение рынка предметов непосредственного потребления явилось результатом значительного понижения платежеспособности широких масс населения, как оно отразилось в общественном расхождении уровней заработной платы, с одной стороны, и товарных цен—с другой, в силу несоответствия норм повышения их за время войны».

Это объяснение нам представляется совершенно справедливым, хотя оно никак не укладывается в логическую альтернативу проф. Фалькнера: падение цен, оказывается, произошло не от уменьшения количества денег и не от изменения предложения товаров, чем лишний раз доказывается несостоятельность самой альтернативы.

Мы вполне присоединяемся и к следующим положениям проф. Фалькнера: «Восстановления после войны частично поколебленной продукции промышленности неизбежно должно было встретиться с сужением внутреннего потребительного рынка, которое явилось тяжелым наследием двух предшествующих эпох. Но оно встретилось, кроме того, с разрушением внешнего рынка, явившимся результатом обескровливания побежденной центральной и блокированной Восточной Европы».

«Кризис, отсроченный войной, теперь, как будто грядет с 6-ти летним запозданием и еще более болезненными проявлениями».

Если в первых главах своей работы, написанных в декабре 1920 года, С. А. Фалькнер говорит о депрессии (действие которой почти не захватило тяжелой индустрии) и лишь о грядующем кризисе, то в последней главе, написанной в январе 1921 г., автор констатирует уже наличность «кризиса относительного перепроизводства», поражающего, главным образом, Англию, Штаты и Японию.

Автор анализирует «попытки натуралистического объяснения кризиса», сводящиеся к утверждению, что кризис вызван большим урожаем хлеба в Штатах и Канаде в 1920 году и хорошим урожаем хлопка, и показывает явную недостаточность такого объяснения.

Анализируя движение цен на отдельные группы товаров в Англии, автор отмечает устойчивость цен на железо, которые не поддавались общему процессу падения в течение всего 1920 года. Оказывается, однако, что эта устойчивость объясняется манипуляциями синдикатов, которые резко сократили производство, чтобы удержать цены от падения.

Так, выплавка чугуна упала с 741 тыс. тонн в сентябре (1920 года) до 403 тыс. тонн в ноябре, а выделка стали с 884 тыс. тонн до 504 тыс. т.

В последнем очерке автор останавливается на развитии мирового кризиса (в его начальной стадии) в Бельгии, Франции и С. Штатах.

Проф. С. Членов.

НОРМАН ЭНЖЕЛЛ. Версальский мир и экономический хаос в Европе. Петербург. Издательство. «Право» 1922 г. Стр. 112.

Нельзя не приветствовать появление на русском языке вышедшей в 1919 году книги известного английского публициста, Нормана Энжелла. Еще в 1909 г. Энжелл выпустил нашумевшую книгу под заглавием «Великая иллюзия».

В этой книге он доказывал, что в условиях мирового хозяйства, тесно связывающего между собой отдельные страны, мировая война является бессмыслицей, войной, в которой будут только побежденные и не будет победителей.

После Версальского мира Норман Энжелл выступил с новой книгой, ныне предлагаемой вниманию русских читателей, в которой он доказывает, что разгром Германии означает катастрофу для всей Европы, а отчасти и для Америки. Версальский договор, который, по мысли его авторов, должен обессилить Германию, на самом деле вызовет паралич всего мирового хозяйства и увлечет Европу в бездну экономической катастрофы.

На основании официальных отчетов комиссий, посланных английским правительством в Германию и Австрию, Энжелл рисует мрачную картину экономического положения побежденных стран и страданий, испытываемых их населением.

В 1922 году население Германии живет, правда, лучше, чем в 1919-ом, но Австрия—едва ли не хуже.

Автор неопровержимо доказывает, что экономическое крушение побежденных «обойдется союзникам так же дорого, как самим побежденным народам». Он утверждает, ссылаясь на Гувера и Вандерлиппа, что если Антанта не приложит всех усилий для экономического возрождения Германии, то последняя платить не сможет. Он цитирует слова английского финансиста, Чарльса Эддиса: «Мы можем иметь или процветающую Германию и возмещение убытков, или изуродованную Германию и никакого возмещения».

Падение покупательной силы населения центральных держав вырывает основу из-под экономической жизни Англии и должно вызвать катастрофу во всем мировом хозяйстве.

Если читатель вспомнит, что все это написано до начала мирового кризиса, он должен будет оценить проницательность Нормана Энжелла. Автор подробно анализирует условия Версальского договора и доказывает его невыполнимость. Договор является первостепенным фактором экономического разрушения Европы. Новейшая история не знает договора, более противоречащего основам международного права и более пагубного по своим последствиям.

Норман Энжелл требует отмены Версальского договора. Он настаивает на пересмотре всей экономической политики великих держав. Он требует отмены империализма, протекционизма и государственной исключительности и замены их политикой экономической солидарности.

Взору Энжелла рисуется капиталистический интернационал, фритредерский рай, в котором волки мирно пасутся рядом с овцами. Экономическая солидарность или гибель,—вот дилемма, которая встала перед современным культурным человечеством.

Но—увы!—капиталистический мир не слушает предостерегающих голосов. «Общественное мнение во власти империалистического гипноза». А гибель надвигается...

Проф. С. Членов.

Проф. А. М. СМИРНОВ. Кризис денежной системы французской революции. Петербург. Изд. „Право“ 1921 г. Стр. 150.

Современное состояние денежного обращения у нас в республике, результаты которого испытывает на себе каждый обыватель, привлекает всеобщее внимание. Естественно, мысль направляется на поиски исторических прецедентов в этой области. Наиболее интересным прецедентом является пример бумажно-денежного обращения во Франции в эпоху Великой французской революции. Эпоха тем более показательна, что внешние формы проявления результатов бумажноденежной инфляции тогда во Франции и теперь, у нас, в России, весьма схожи; наконец и тогда и теперь бумажно-денежная инфляция сопровождала революцию.

Правда, эпохи различны. Франция переживала тогда период ломки старых феодальных отношений и нарождения капиталистической системы во всем величии возможностей этой последней. Настоящая эпоха—период крушения капиталистической системы и нарождения новых форм отношений. Уже это одно должно было бы предостеречь от слишком прямолинейных выводов, которые можно бы было сделать на основании опыта французской революции. Но с такой оговоркой необхо-

димо признать эту эпоху французской революции для нас чрезвычайно поучительной.

Русская литература почти совсем не уделяла внимания этой эпохе. Специальных монографий, посвященных бумажно-денежному обращению французской революции, у нас не было. И только недавно появилась книга Фалькнера о бумажных деньгах французской революции. Книга эта имеет, правда, исключительное значение как по богатству использованного материала, так и по методам обработки и глубине теоретического анализа. Но книга Фалькнера, обладающая большим достоинством и являющаяся, несомненно, огромным вкладом в русскую науку, доступна немногим,—эта книга для узких специалистов. Для широкой читающей публики не было книги о бумажных деньгах французской революции. Пробел заполняет книга проф. А. Смирнова.

Это не оригинальная работа. Никаких новых фактов, о которых не знал бы русский читатель хотя бы по книге Фалькнера, А. Смирнов не приводит. Материал, которым пользуется А. Смирнов, довольно ограничен. Главнейшими источниками его книги являются работы A. Courtois-fils, Leroy-Beaulieu, Stourm, Ramel, Vühren, Levasseur (книга Фалькнера ни разу почему-то не упоминается). Рецензируемая книжка — компиляция, но, несомненно, хорошая. Язык простой и ясный, что делает ее вполне доступной массовому читателю. Как научно-популярную книжку, ее надо всячески рекомендовать, и издание ее—приветствовать.

Проф. И. Трахтенберг.

КАРЛ ДИЛЬ. Золото и валюта во время и после войны. Пер. с немецк. А. С. Кагана под редакцией М. И. Боголепова Петербург. Издание „Право". 1921 г. Стр. 180.

Едва ли будет преувеличением утверждение, что валютный вопрос,— проблема денежного обращения,—становится в настоящее время центральным вопросом экономической теории и практической политики. Проблема эта приобретает выдающееся значение не для той или иной страны, а для всего мирового хозяйства. В той или иной степени все страны испытывают действие денежного хаоса, воцарившегося на большей части земного шара. И даже те страны, где денежное обращение осталось непоколебленным или во всяком случае незначительно расстроенным, как С.-А. Соед. Штаты или Англия, непосредственно на своей экономике чувствуют влияние всеевропейской «порчи» денежного механизма. Достаточно указать на то, что одной из причин, и далеко не малой, растущей безработице в Англии является катастрофическое состояние германской марки.

Валютная проблема в настоящее время приобрела мировое значение, и неудивительно, что в программах всех международных конференций валютный вопрос занимает важное место.

Естественно, конечно, что этой проблеме уделяется все больше и больше внимания и в специальной экономической литературе, и в широкой печати. Мысль практиков направляется на поиски конкретных мероприятий, могущих излечить «денежную болезнь», получившую невиданное до сих пор распространение; мысль теоретиков направляется на пересмотр, переоценку, казалось бы, уже твердо установленных общих теоретических положений.

Снова скрещивается оружие сторонников «твердых» и «хартальных» денег, снова ведутся ожесточенные споры, резкость и страстность которых обусловливается практическим и злободневным значением обсуждаемой проблемы, между сторонниками «золота» и его противниками, снова идея «развенчания золота» привлекает к себе усиленное внимание.

В многочисленной военной и послевоенной литературе, посвященной валютному вопросу, среди довольно большого количества теоретических изысканий, видное и значительное место занимает книжка К. Диля «Золото и валюта».

Репутация К. Диля, как серьезного и вдумчивого экономиста, достаточно прочно установлена, и русской читающей публике К. Диль известен. Всякий интересующийся социальными проблемами читал его книгу о социализме, коммунизме и анархизме. Кто изучал теоретические

проблемы экономической науки, не мог пройти мимо К. Диля, автора «Комментария к учен. Рикардо». И в только что появившейся на русском языке книжке, посвященной валютной проблеме, К. Диль выступает, как чрезвычайно серьезный и вдумчивый теоретик, отличающийся огромной трезвостью и ясностью мысли и умеющий ясно и отчетливо излагать сложнейшие проблемы теоретической науки.

Книга эта делает попытку на основе определенных теоретических суждений найти пути к разрешению валютного вопроса в Германии. Но, с другой стороны, выработке практических мероприятий в книге уделено сравнительно мало места, и это является большим достоинством ее. Гораздо больше уделено внимания общим теоретическим проблемам и это последнее обстоятельство придает ей огромную и непреходящую ценность. Книга эта написана в первой половине 1918 года, до окончания войны и, если бы она трактовала только практические вопросы, ее надо было бы признать устарелой. Слишком много произошло за последние четыре года, и общая экономическая конъюнктура не могла быть тогда предусмотрена в той конкретной детальности, какая необходима для суждения о практических мероприятиях.

К. Диль не предвидел результатов войны и, во всяком случае, в своих суждениях о послевоенной обстановке исходил из распространенного в Германии твердого убеждения в неизбежно благоприятном для Германии исходе войны. До какой степени это убеждение или, вернее, предубеждение являлось предпосылкой для выводов, видно из того, что в одном месте своего труда К. Диль считает возможным, мельком, как о несомненном факте, говорить о военных контрибуциях, посредством которых Германия улучшит свой платежный баланс (стр. 168).

Но не практические изыскания и не фактический материал, в настоящее время устаревший, составляют главное содержание книги; интерес ее заключается в теоретических построениях. В этом отношении книга чрезвычайно богата и содержательна. Достаточно только беглой характеристики содержания ее, чтобы в этом убедиться. К. Диль не оставляет без внимания ни одной проблемы валютного вопроса. В его книге мы найдем и общую характеристику явления нормальной и ненормальной валюты, и выяснение факторов неблагоприятного состояния валюты, и теоретическую трактовку проблемы соотношения между внутренним уровнем цен и валютой, и теорию так называемой инфляции, влияния увеличения денежного обращения на повышение цен и состояние валюты, и, наконец, общую проблему о деньгах, о золоте, о значении и функциях денег в капиталистическом хозяйстве.

Все свои теоретические суждения К. Диль излагает не только догматически, или вернее, не столько догматически, сколько критикуя противоположные ему точки зрения, преимущественно сторонников различных вариаций теории «хартальных» денег. В его книге уделено внимание и Неуп'у, теоретику Goldkernwährung, и Бендиксену, наиболее талантливому последователю Кнаппа, пытающемуся дать экономическое обоснование юридической теории своего учителя, и Лифману, конструирующему теорию денег на основе своей общей психологической теории. Не проходит он мимо Эльстера, Молля, Генцмера, Штефингера и многих других.

К. Диль — металлист; ярко и четко, кратко, но зато весьма выразительно он подвергает критике основные положения своих противников.

К. Диль—непоколебимый сторонник золотой валюты, и деньги являются для него выполнителями разнообразных неотделимых друг от друга функций. Ведь основной ошибкой противников золотой валюты является недостаточно ясное проникновение в существо денег, этой, если можно так выразиться, многогранной экономической категории, яркий, отчетливый и исчерпывающий анализ которой дал еще К. Маркс; Ирвинг Фишер, воскрешающий и модифицирующий количественную теорию денег односторонне рассматривает деньги, как орудие обращения и только как орудие обращения; Кнапп и его последователи рассматривают деньги только как законное платежное средство. И прав К. Диль,

когда он подчеркивает «многогранность» категории денег.

«Определением денег»,— возражает он Лифману,—как всеобщего орудия обмена, во всяком случае не исчерпывается их важнейшая функция в капиталистическом строе»... И далее: «две другие функции затем имеют решающее значение для существа денег, а именно функции законного платежного средства и средства образования цен».

«Хозяйственный порядок, покоющийся на частной собственности и свободной конкуренции, должен обладать деньгами, которые сами по себе имеют материальную ценность, ибо в противном случае невозможно было бы правильное образование цен» (стр. 147 и 148).

К. Диль—чистый металлист... В этом его сила и в этом его слабость. Чистым металлистам недоступна правильная теория бумажно-денежного обращения. И такой теории К. Диль не дает. Он уделяет очень много внимания банкнотному обращению, и его суждения на этот счет чрезвычайно интересны. Сугубо надо подчеркнуть разбросанные в разных местах книги суждения о базисе банкнотного обращения—векселях. Но банкнота — не бумажные деньги, а теорию инфляции можно дать только на основе правильной теории бумажных денег. К. Диль такой теории не дает, почему в его рассуждениях об инфляции остается много неясного.

В рамках рецензии нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе; здесь ограничимся лишь общим указанием, что теория бумажных денег может быть дана только на основе того анализа денег, как всеобщего эквивалента, который дан был Марксом и который недоступен так называемым чистым металлистам.

Отсутствие ясной теории бумажных денег дает себя знать, когда К. Диль трактует вопрос о соотношении между внутренним уровнем цен и валютой. К. Диль пытается установить причины расхождения вексельных курсов и повышения цен, классифицируя их как первичные и вторичные. К первым он относит состояние платежного баланса, ко вторым—внутреннее обесценение бумажных денег. Самая постановка вопроса представляется нам неправильной: дело не в первичных и вторичных причинах, а во взаимодействии обоих этих факторов. Разве падение ценности денег не является фактором изменения платежного баланса? Достаточно указать на современное направление торговли и платежного баланса Германии, чтобы ответить положительно на этот вопрос. Разве можно говорить об одинаковом уровне падения ценности бумажно-денежных знаков в различных частях даже внутри страны, где эти знаки циркулируют? Процесс выявления факта падения ценности бумажных денег крайне сложен и поставить вопрос о первичных и вторичных факторах значит упростить его чрезвычайно.

Выше мы указывали на то, что К. Диль не столько излагает свою теорию, сколько подвергает критике суждения своих противников. А в последнем К. Диль очень силен.

Много места уделяет К. Диль опыту Англии в эпоху неразменных банкнот 1797—1821 г.г. и тем теоретическим спорам, которые велись тогда между так называемыми булльонистами и антибулльонистами. С этой эпохой русский читатель знаком по работам проф. Кауфмана (Неразменная банкнота в Англии. Петроград 1915 г. Второе издание), много нового в книге К. Диля он не найдет, но краткость и вместе с тем ясность и отчетливость изложения этой эпохи и теоретических ее изысканий делает страницы, посвященные ей, чрезвычайно интересными.

Русская экономическая литература вообще бедна теоретическими работами о деньгах, но если бы даже этого не было, книга К. Диля заслуживала бы большого внимания. И всякому, интересующемуся валютной проблемой, надо познакомиться с этой работой.

Написана книга прекрасным языком, что делает ее доступной не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Нельзя не согласиться с суждением о ней редактора перевода М. И. Боголепова, который в предислови пишет.

«...ценность книги К. Диля отнюдь не заключается в фактических данных, которые хотя и с трудностью, но всегда

можно получить из других источников. Ценность книги Диля заключается в том, что в ней трактуются существенные вопросы теории и политики денежного обращения. Эти вопросы трактуются человеком, доказавшим свою способность к пониманию и объяснению теоретических проблем. Военная и послевоенная литература о деньгах обильно насыщена спорами о существе денег. Решение этого кардинального вопроса предрешает выбор основных путей практической политики по оздоровлению денежного обращения. В атмосфере, насыщенной спорами между сторонниками «твердых» и «хартальных» денег, приятно послушать спокойный и трезвый голос проф. К. Диля".

Проф. И. Трахтенберг.

„Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы", изд. В. С. Н. Х. 486 стр.

Выпущенная работа ценна не только с точки зрения обобщений, делаемых авторами, а тем материалом, какой в ней заключается.

1921 год явился переломным в нашей экономической политике. Когда происходил поворот нашего хозяйства на новый путь свободного рынка, конкуренции, перестройки аппарата управления,—было трудно сказать, в какой степени оправдаются те надежды, какие возлагались в связи с этим поворотом на улучшение производства, увеличение производительности, на укрепление вообще нашего хозяйственного организма.

Теперь мы имеем фактический, цифровой материал о первых результатах нашей новой экономической политики в области промышленности. Этот материал охватывает, к сожалению, не весь 1921 год, так как он был подготовлен в качестве отчета IX-му Съезду Советов, то он захватил период в некоторых частях за 6, в других — за 10 месяцев 1921 года.

В настоящее время мы имеем в печати уже более полные данные за весь 1921 г. и на основании их можно делать более определенные выводы, чем на основании указанной работы.

Но, тем не менее, цифровые данные, касающиеся *39 отраслей нашей промышленности*, дают солидную основу для освещения первых месяцев новой экономической политики.

При выяснении результатов в промышленности новой экономической политики мы должны получить ответ на четыре основных вопроса: 1) как реорганизовалась промышленность, 2) каково положение с развитием производства и производительностью, 3) происходит ли накопление в предприятиях и трестах основных элементов производства: сырья, топлива и продовольствия для рабочих, и 4) как происходит в настоящее время перераспределение национального дохода в связи с вольным рынком и развитием свободной торговли.

В указанной работе мы имеем материал по первым двум вопросам, отчасти по третьему и совершенно не имеем по четвертому вопросу.

Центральный аппарат управления перестроен. «В результате такой перестройки,—говорит т. Богданов в вступительной статье,—из 52 главков, имевшихся к концу 1920 года, в настоящее время функционирует 16 главных управлений по отраслям промышленности, которые, с одной стороны, управляют через соответствующие районные объединения крупными предприятиями, а с другой стороны, руководят деятельностью губсовнархозов, каждый по своей отрасли промышленности».

Затем организация промышленности пошла по пути *концентрации производства*, закрытия всех нежизнеспособных предприятий, создания *комбинированных трестов* и *сдача в аренду* тех предприятий, которые не являются для государства особенно важными. В этой области сделано довольно много. По последним данным, всего образовано по 1922 год *60 трестов, заключающих 989 предприятий и обнимающих 501.453 рабочих.* Общее количество предприятий, оставшихся работать *в ведении государственных* органов *равняется 2.780 предприятий с 736.613 рабочими.* Из них 919 предприятий с 566. 475 рабочими относятся к 1-ой категории, т.-е. принадлежат к предприятиям, находящимся в непосредственном управлении центральных хозяй-

ственных органов, и 1.861 предприятие с 170.138 рабочими находится в управлении местных хозяйственных органов.

Сдано в аренду 3.860 и 1.000 шахт, рудников и т. д., а всего 4.860. По данным, представленным В. С. Н. Х. к IX Съезду партии, это число возросло до 8 тыс. Арендаторами, главным образом, явились *частные предприниматели* — 57%,—из них 20% падает на бывших владельцев предприятий, 38% падает на кооперацию, и остальные—на государственные учреждения. Свыше ³/₄ всех предприятий сдано в краткосрочную аренду (45% до 2-х лет, 38,4%—от 2 до 5 лет). Сданные предприятия являются мелкими предприятиями (7 рабочих в среднем на каждое предприятие).

Таков скелет организации промышленности в настоящее время.

Обращаясь теперь ко второму вопросу, можно сказать, что *в общем и целом производство поднялось*. Но, тем не менее, неустойчивое положение с продовольствием, а в настоящее время и с финансами, этот подъем делает *неустойчивым*.

Общий итог дается в главе «Русская промышленность в 1921 г.»: «На рубеже нового 1921 г. были заметны симптомы известного подъема, однако голод в значительной части страны и вызванный им продовольственный кризис смел слабые ростки намечавшегося подъема. В течение последующих трех месяцев года стали вновь обнаруживаться признаки некоторого подъема промышленности уже в связи с новой экономической политикой. Серьезные успехи достигнуты в конце года на юге, где и каменноугольное и металлургическое производства вновь начинают оживать. Образованный недавно южный химический трест «Химуголь» дает надежды на возрождение химической промышленности. В центральном промышленном районе, где текстильная промышленность страдала, главным образом, от недостатка топлива, исключительно благоприятная торфяная кампания дает основания для некоторого расширения производства».

Возьмем для примера каменноугольную промышленность. За 6 месяцев 1921 г. по всем районам было добыто 252 миллиона пудов, тогда как за тот же срок в 1920 г.—208 милл. пуд. Июль, август, сентябрь явились, однако, месяцами сильнейшего упадка благодаря недостатку продовольствия—добыто было всего 70,1 милл. пуд., тогда как в 1920 г.—114 милл. пуд. Но в следующую четверть года добыча опять сильно возрасла—было добыто 185 милл. пуд. Если среднюю добычу в месяц за первые 9 месяцев принять за 100, то в октябре добыча будет 140, в ноябре — 170 и в декабре —206.

В Донбассе производительность на один рабочий день на одного рабочего всех категорий растет по такому ряду: 2,7—в июне, 5,7—в июле, 15,6—в августе и 18 — в сентябре. В подмосковном бассейне за отчетное время «достигнуты значительные улучшения в области технического оборудования. Подъемы конным воротком отходят в область предания. Почти во всех копях введен паровой подъем; в области котельных установок достигнуты чрезвычайно большие результаты, продвинуты, чтобы не сказать осуществлены, поставленные первоначально задачи по электрификации и механизации добычи».

Но продовольственное положение продолжает оставаться тяжелым. Таким образом, наблюдая в общем и целом подъем производства, мы не можем все же по этим данным установить, в каком размере происходит *накопление* основных элементов производства, обеспечивающих непрерывность его развития.

В заключение скажем, что указанная книга представляет в сущности сырой материал. Как отчет—она громоздка и не дает необходимых обобщений, но как материал—она является необходимой для всякой работы по освещению развития современного положения нашей промышленности.

В. Милютин.

Н. КРЕСТИНСКИЙ и Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. „Финансовая политика Советского правительства". Госиздат. Пензенское Отделение. Пенза. 1921 г., Стр. 40. Без цены. Н. КРЕСТИНСКИЙ. „Наша финансовая политика". Госиздат. Петроград 1921 г. Стр. 68. Цена 5000 р. Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. „Вопросы финансовой политики". Госиздат. Москва 1921 г. Стр. 76, цена 10000 р. Н. КРЕСТИНСКИЙ. „Финансы и бюджет" (доклад на IX-ом Съезде Советов). Госиздат. Москва 1922 г. Стр. 48. Цена 10 коп. золотом.

Четыре брошюры, заголовки которых проставлены выше, представляют собою публицистическое освещение того нового курса нашей финансовой политики, какой был принят, в соответствии с общим направлением нашей хозяйственной активности, осенью 1921 г. и какой сводится к положению: «курс на отмирание денег мы должны заменить курсом на стабилизацию их и рядом хозяйственных и финансовых мероприятий перейти сначала к остановке падения денег, а затем к поднятию их цены» (Крестинский «Наша финансовая политика», стр. 55).

Но дают эти брошюры почти что только публицистическое освещение нового курса. Пожалуй—некоторое исключение представляет собою работа т. Преображенского, который анализирует—правда, несколько бегло и не вдаваясь в подробности бюджетного построения—всю совокупность новых мероприятий, а также и часть брошюры т. Крестинского, представляющая собою перепечатку его доклада сессии В.Ц.И.К. Остальной материал либо стенограммы речей и докладов (вся вторая брошюра т. Крестинского является стенограммой доклада его на IX-ом Всероссийском Съезде Советов), либо популяризация (тоже на основании преимущественно речей) мотивов перехода на новый курс финансовой политики.

Для широкой читательской массы все эти издания, бесспорно, представляют значительный интерес. В доступной даже мало подготовленному читателю форме в большей части брошюр излагаются основные особенности финансовой и экономической политики до и после перелома в июле 1921 г., устанавливается теснейшая связь финансов и экономии, приводятся существеннейшие из мотивов построения нашего материального бюджета. Это относится к большей части брошюр—но, к сожалению, не ко всем.

Выделяется небрежностью, лишающей ее значительной доли ценности, брошюра, изданная Пензенским Госиздатом. Речь т. Крестинского, произнесенная им в сентябре 1921 г. на парт-собрании в Петрограде, попала в брошюру без всяких правок со столбцев наспех составленного отчета «Петроградской Правды». Для всех ясно, как поверхностно корректируются обычно стенограммы для газетного отчета. И достаточно сравнить ту же речь, но изданную по надлежаще выправленной стенограмме, уже в Петрограде (брошюра «Наша финансовая политика»), чтобы убедиться в неосторожности перепечатки отчета «Правды»: о корявости языка не приходится и говорить, так как гораздо существеннее недостаточная уточненность даваемых автором определений.

Этими недостатками не страдают остальные брошюры.

Д. Чекин.

The new labour outlook, by Robert Williams, London 1921.

(НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА, Роберта Вильямса, Лондон 1921 г. 160 стр.)

К книге Роберта Вильямса, написанной им частью до посещения Советской России летом 1920 года, частью по возвращении, неприложим тот критерий, которым измеряются литературные или научные произведения. Оцениваемая под этим углом зрения, она совершенно не заслуживала бы упоминания. Впрочем, сам автор не считает свою книгу исследованием исторического развития английского рабочего движения и его идеологии и говорит в предисловии, что она представляет из себя изложение его взглядов на тактику и цель движения. Тем не менее, книга Р. Вильямса читается с большим интересом и заслуживает быть отмеченной по той причине, что внутренняя эволюция английского

трэд-юнионизма, сдвиги его идеологии под влиянием социальной действительности, рассматриваются не со стороны, не сквозь призму наблюдателя-исследователя, пользующего для своих обобщений и выводов научной методологией, а извнутри непосредственным участником борьбы, побед и поражений рабочего движения. К тому же Роберт Вильямс является, несомненно, одной из наиболее ярких фигур английского рабочего движения последнего периода. Он особенно активно участвовал во всех перипетиях экономической борьбы последних лет в Англии и сам прошел весь путь идеологической эволюции.

Таким образом, книга Роберта Вильямса является, по нашему мнению, тем, что принято называть «человеческим документом», в котором, под видом изложения процесса идеологического развития английского рабочего класса, раскрывается перед читателем процесс внутреннего перерождения самого автора, и, обратно, наглядно обнаруживается на примере автора, как яркого представителя своего класса, каким образом под влиянием условий экономического процесса в рабочей массе зарождается новое отношение к обществу, углубляется пропасть между духовным миром пролетариата и сознанием господствующих классов и кристаллизуется новая тактика.

Роберт Вильямс, нынешний Генеральный Секретарь Федерации Транспортников, начавший свой жизненный путь грузчиком угля в одном из портов Англии, не только вышедший из массы, но и сохранивший с ней живую связь, пришел, как и многие другие рабочие, путем личного опыта, путем практической жизненной проверки к выводу, что интересы рабочего класса несогласуемы с капиталистическим строем, что его классовые потребности диктуют преодоление последнего, что рамки конституции могут и должны быть сломлены, если они мешают развертыванию пролетарских сил и препятствуют защите пролетарских позиций.

Своей попытке сформулировать «новые взгляды труда» автор предпослал в виде исторического введения характеристику двух оставшихся ныне позади этапов развития английского трэд-юнионизма и соответствующих им типов идеологии: старой и переходной (the changing outlook).

Каким содержанием была наполнена деятельность отмершего ныне классического трэд-юнионизма? «Справедливая оплата добросовестной работы» (Fair day's work for fair day's wages)—гласит лозунг того времени. В границах этого требования вращалась мысль тред-юниониста этой, ушедшей в прошлое, эпохи, далекая от всяких посягательств на устои капиталистического строя. Путем согласования интересов рабочего класса с интересами капитала, и сглаживаний тех классовых противоречий, природа коих и значение в развитии человеческого общества были ему непонятны, старый трэд-юнионизм подходил к отысканию своей «социальной справедливости».

Крупное производство, однако, все теснее сплачивало массы рабочих, все определеннее противопоставляло их капиталу, все более углубляло пропасть между наемным трудом и эксплоататорами. Роберт Вильямс на ряде взятых из живой действительности примеров показывает, как под влиянием экономического фактора в рабочих массах зарождается интенсивный процесс идеологической дифференциации. На-ряду со старой точкой зрения, стали завоевывать себе признание более революционные взгляды. Часть рабочих, разочаровавшись в возможности действительной защиты интересов пролетариата в пределах капитализма, стала ставить себе цели, выходящие за грани последнего, и пыталась найти соответствующие методы действия. Мировая война ускорила и углубила эту гигантскую переоценку ценностей. В рабочей среде образовались два лагеря. Представители одного из них, *Гендерсон* и подобные ему, всецело исходят из предпосылки необходимости сохранения капиталистического строя и в своей защите интересов труда не осмеливаются колебать устои частной собственности на средства производства, буржуазной государственности и в частности английской конституции. Они не только покорно, но даже не без энтузиазма впрягаются в колесницу английского империализма, участвуют в «во-

енном кабинете», бросают свой моральный авторитет, еще весьма значительный в глазах широких масс, на чашу весов, когда оказывается необходимым поддержать столь непопулярную меру, как принудительная военная служба. Естественно, что при таких условиях последовательная и ни перед чем не отступающая защита ими интересов пролетариата объективно невозможна даже в том случае, если они воодушевлены наилучшими намерениями. Всякое выступление приобретает половинчатый характер, что в условиях классовой борьбы обычно равносильно сдаче на волю противной стороны.

Примером того, как «общенациональный интерес» отодвинул в глазах вождей трэд-юнионизма интересы их собственного класса, Роберт Вильямс приводит резолюцию от 24 августа 1914 года, принятую совместно руководящими органами Генеральной Федерации Трэд-юнионов, Конгресса Трэд-юнионов и Рабочей Партии. «Должно немедленно напрячь все усилия, чтобы закончить происходящие в промышленности конфликты, стачки и локауты,—гласит резолюция.—И, если в течение военного периода вновь возникнут какие-либо затруднения, необходимо, чтобы все заинтересованные лица приложили самые серьезные старания для достижения полюбовного соглашения прежде, чем обращаться к стачкам или локаутам» (стр. 65).

Однако в это же время в лабораториях социальных конфликтов, становившихся все более глубокими и жестокими, кристаллизовался новый взгляд на окружающее и выковывались новые методы классовой самозащиты пролетариата. Роберт Вильямс подробно излагает свои усилия и усилия той, правда, не очень значительной группы представителей рабочих, которые во время расцвета шовинизма и человеконенавистничества и усиления эксплоатации широких пролетарских слоев, в интересах войны пытались защищать интересы труда. Он упоминает о деятельности т. н. Национального Рабочего Комитета (War Emergency Worker's National Comittee), созданного для отстаивания прав рабочих, и о попытке в июле 1917 года под влиянием русской революции создать Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов Англии. На конференции, происходившей в Лидсе под председательством Роберта Смейли, присутствовали представители социалистических, профессиональных и политических организаций. В одной из резолюций, внесенной покойным ныне т. Андерсоном и поддержанной Робертом Вильямсом, конференция призывает к повсеместному созданию «Советов Рабочих и Солдатских Депутатов» для усиления и объединения деятельности рабочего класса, направленной к целям, изображенным в других резолюциях конференции (резолюции приведены в книге полностью) для решительной деятельности в пользу заключения мира враждующими народами и для *полного политического и экономического освобождения международного пролетариата* (стр. 84).

Глава, посвященная описанию новейших идеологических форм английского трэд-юнионизма, имеет своим предметом те сдвиги, которые произошли после войны. Здесь обстоятельно излагается с приведением значительного числа документов деятельность трэд-юнионов в обстановке демобилизации армии, которая выбросила на рынок труда около 6 миллионов бывших солдат и матросов, и демобилизации промышленности, которой предстояло перейти с военного на мирное производство. Эти два процесса, естественно, не могли протекать без значительных шероховатостей, от которых сильно страдали рабочие. После переведения армии и промышленности на мирное положение разразился и все усиливаясь развивался мировой экономический кризис. Роберт Вильямс описывает выступления трэд-юнионов, «Тройственного Союза» и Рабочей Партии, направленные к смягчению страданий рабочих, рассказывает об учреждении в 1920 году «Комитета Действия» и приводит все те резолюции рабочих организаций, в которых отразились симпатии английского пролетариата к русской революции и их протест против враждебной к Советской России политики английских империалистов.

Подход Роберта Вильямса к событиям последних лет в английском рабочем движении и его оценка отдельных фак-

тов, приведенных в книге, вызывает возражения. Автор не умеет делать различие между революционной фразой и подлинно революционным действием и слишком поспешно признает революционным «прямым действием» принятие той или иной резолюции. Однако само это отсутствие законченности в выводах Р. Вильямса и недостаток четкости в анализе проявлений современного рабочего движения является в своем роде ценными, ибо в них проявляется смятение умов и неумение освободиться от оков старой традиции, столь характерные для английского трэд-юнионизма, которыя в классовых битвах последних лет лишали английский пролетариат действенной силы и способности сопротивляться прекрасно материально и идейно организованному классовому врагу.

И. Левинсон.

La C. G. T. et l'Impôt sur les Salaires. Fonctionnement de la loi; méthodes des calculs de l'impôt. Versailles, décembre 1921.

„ВСЕОБЩАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА И НАЛОГ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ. Действие закона; способ исчисления налога". Версаль, декабрь 1921 года. 32 стр.

Небольшая брошюра, изданная Всеобщей Конфедерацией Труда, ярко отразила современный мелко-буржуазный уклон, скрывающий под покровом традиционной революционной фразеологии свое примирение с существующим общественным строем.

Финансовая политика правителей современной Франции сводится к судорожным усилиям отстрочить банкротство страны, неудержимо катящейся по наклонной плоскости быстро увеличивающейся эмиссии и безостановочно растущего дефицита. Для этого они прибегают к «шейлоковскому» требованию крови и пота германских рабочих, изнывающих под тяжестью репарационных платежей, взыскиваемых с Германии, и к усиленному нажиманию налогового пресса на французских рабочих.

Разъясняет ли Всеобщая Конфедерация Труда в этой брошюре, специально посвященной налоговому вопросу, характер расходного бюджета Франции и причины его грозного дефицита? Раскрывает ли она, что дефицит является прямым последствием военных авантюр, содержания непомерно большой армии и поддержки всевозможных цепных псов воинствующего империализма в лице Малой Антанты? Ничуть не бывало. Правда, составители брошюры в своем предисловии «еще раз призывают профессиональные союзы выступить активно для того, чтобы пробудить общественное мнение и заставить правительство внести перемены в затянувшуюся тягостную ситуацию». Однако они тут же обращают внимание организованных рабочих на необходимость держаться определенных границ в своей кампании протеста, дабы не дать точки опоры выступлениям реакционных сил, которые стремятся использовать наши протесты и привести к крушению всю налоговую реформу (здесь имеется в виду подоходный налог), хотя и не являющуюся панацеей от всех зол, но тем не менее вносящую элемент справедливости в общую налоговую систему». Этим заявлением В. К. Т. всецело становится на почву существующих социальных отношений и отказывается от решительной борьбы за переложение всей тяжести расходов буржуазного государства на плечи тех социальных слоев, в интересах коих эти расходы производятся.

Вместо пролетарско-классовой точки зрения, вожди В. К. Т. в рассматриваемой брошюре проводят чисто буржуазный взгляд на государство. «Небесполезно напомнить ту элементарную истину,—пишут они,—что человек должен жить в обществе себе подобных, что общество дает ему возможность жить и улучшать условия существования; что взамен этого человек обязан отдавать обществу известную долю своих усилий и материальных средств, которые обеспечили бы нормальное функционирование общественного организма. *Эта истина не зависит от той или иной окраски политического режима.*

«Равным образом небесполезно напомнить и ту истину, что, независимо от

того, *какие люди или какие партии стоят у власти*, они должны... установить систему налогов, которая доставила бы необходимые средства для нормального функционирования общества.

«Налог, в котором в максимальной мере осуществляется идея справедливости, это тот, который падает на всякий заработок и доход, даже самые незначительные, обеспечивая сам по себе всю сумму, необходимую государству, и ставки которого в своем прогрессивном увеличении учитывают размеры заработной платы и доходов» (стр. 14).

Таким образом, руководители рабочей организации в буржуазном государстве, являющемся послушным оружием хищников империализма, высшей мудростью в области налоговой политики признают рецепт буржуазной финансовой науки. Они совершенно не учитывают классового характера общественного организма, в содержании которого со всем его аппаратом угнетения социально более слабых групп и национального подавления, по их мнению, рабочий класс *обязан участвовать*. Им чужда революционно-классовая точка зрения. Они чувствуют себя полноправными гражданами прекрасной Франции и, как таковые, считают высшим проявлением гражданской добродетели участие в расходах государства. От этих проповедников общенациональной точки зрения ускользает, что за счет трудовых грошей рабочих содержатся армия, полиция, и прочие организации буржуазной диктатуры во французской республике.

При таких условиях представляется естественным, что брошюра обходит молчанием все те общие вопросы экономики и политики, вне связи с которыми никакая рабочая организация, а в особенности претендующая на революционность, не в состоянии разрешить налоговой проблемы. Исходя из принципиальной предпосылки, изложенной выше, нельзя рассматривать вопрос в широком социальном аспекте. Впрочем, такой задачи вожди В. К. Т., в качестве «реальных политиков», себе и не ставят. Брошюра по преимуществу посвящена анализу хитро сплетенного механизма и деталей действующего во Франции налога на заработную плату. Она рассматривает пределы его применения, порядок декларации, а главным образом, размеры и способы исчисления налога. Приводится ряд таблиц и выкладок для руководства добросовестных плательщиков налога («читатель, надеемся мы, легко уяснит себе на основании наших пояснений механизм закона и легко сможет произвести необходимые вычисления»... говорится на стр. 30).

Показательно то, что, излагая со всей подробностью порядок исчисления сумм налога, составители брошюры в своем увлечении арифметикой сочли излишним оттенить именно те моменты, которые особенно ярко иллюстрируют анти-пролетарский характер его и свидетельствуют о том, что законодательные органы Франции ставят защиту интересов имущих классов во главу угла.

В полном соответствии с отмеченной выше принципиальной позицией В. К. Т. находятся те главные требования, которые она выставляет: повышение свободного от обложения прожиточного минимума с 4-6 до 6-8 тысяч франков в зависимости от местности; обложение суммы заработка, составляющей разницу между свободным от налога прожиточным минимумом 10 тысячами фр. в половинном размере; привлечение рабочих организаций к установлению прожиточного минимума и отказ от усиления обложения предметов потребления. Все эти «деловые» требования, разумеется вполне согласуемы с общенациональными интересами и, ни в какой мере не приходя в столкновени с условиями существования капиталистического хозяйства, направлены в своей совокупности на достижение того, что составители брошюры склонны именовать *«налоговой справедливостью»*.

С теми задачами, которые руководители В. К. Т. преследуют в своей кампании, согласованы и средства их «борьбы». Свое предисловие к брошюре они заканчивают надеждой на то, что живая струя *общественного мнения* вскоре заставит власть заняться пересмотром закона, некоторые существенные постановления которого уже не соответствуют некоторым другим важным законодательным актам, и дух которого был невольно или намеренно извращен при толковании и применении его» (стр. 4).

Поведение В. К. Т. в налоговом вопросе не является неожиданным. Позиция, занятая ею в нем и те пошлости, которыми она ее обосновывает, являются необходимым последствием вступления на наклонную плоскость классового мира и сотрудничества с буржуазным государством.

Положительное значение этого справочника «для плательщиков налога» мы усматриваем в том, что он содействует правильной оценке широкими пролетарскими массами «революционности» официальных вождей французского синдикализма и ускорит процесс классового самоопределения последнего.

И. Левинсон.

„ВОПРОСЫ ТРУДА". Издание Наркомтруда. Москва 1921 г. Стр. 208. Ц. 15000 р.

Истекший период нашей бумажно-полиграфически-издательской разрухи характеризовался полной невозможностью наладить своевременный выход в свет серьезных журналов, дающих теоретическое обоснование нашему современному строительству и знакомящих более или менее широкие круги читателей с современной социальной жизнью и современными научно-культурными достижениями Запада. Такая же печальная участь постигла, согласно помещенному в начале книге извещению «от редакции», и Наркомтруд. Предполагая издавать солидный теоретический ежемесячник, он вынужден был выпустить в свет вместо первых 8 номеров журнала сборник статей в качестве непериодического издания.

Если попытаться дать общую оценку всего сборника, то надо признать прежде всего одно крупное его достоинство—он совершенно не носит столь обычного сейчас узковедомственного характера. Целый ряд статей принадлежит перу не ведомственных литераторов чиновников, а серьезно работающих теоретически экономистов и биологов (т.т. Фалькнер, Виляцер, профессора: Корнилов и Ефимов, врачи: Летавет, Розенблюм и др.).

Даже 3 статьи, посвященные непосредственно Наркомтруду (А. Аникст, Народный Комиссариат Труда к средине 1921 г.; Аникст, Краткий обзор деятельности Наркомтруда к маю 1921 г.; П. Завадовский, Мобилизация 3-х возрастов), не носят апологетического характера и не заняты разрешением узких организационных вопросов и ведомственных споров. Первая из указанных статей ставит несколько интересных теоретических проблем, в частности, вопрос о взаимоотношениях Н.К.Т. с профсоюзами, и намечает политику перехода от трудповинности к трудналогу, освещая проблему трудовых мобилизаций в свете новой экономической политики. 2-я статья тов. Аникста, снабженная 12-ю статистическими таблицами, представляет собою массу ценного материала для всякого экономиста и вообще лица, интересующегося народным хозяйством России за истекший период. Статья тов. Завадовского дает кратное изложение опыта Советской России по плановому, основанному на возрастных нормах, привлечению рабочей силы с использованием некоторых методов и организационных аппаратов военного ведомства. В статье трезво учтены и отрицательные стороны проделанного опыта и обнаружившиеся в процессе работы недостатки. Из остальных статей сборника, имеющих общеэкономический интерес, на первом месте безусловно надо поставить исключительно интересную статью И. Виляцера «Борьба труда и капитала после войны». Статья, снабженная большим количеством статистических данных последнего времени, сначала знакомит читателя с экономическими последствиями мировой войны и на этом фоне рисует обострение классовой борьбы во всем мире, детально освещая стачечное движение за первое двадцатилетие нашего века в Англии, Германии и Франции.

Далее по интересу из экономических статей надо поставить «Мировой рынок труда в свете изменений хозяйственной жизни» С. А. Фалькнера. Здесь опять-таки в связи с общей экономической обстановкой (преимущественно изменением рабочего состава и ростом цен) нарисована жуткая картина ужасающей безработицы в «культурных странах» Запада,

не знающих нашей разрухи, но больше нашего знающих голод и нищету широких пролетарских масс. Статью тов. Фалькнера дополняет статья более узкого характера Н. «Состояние рабочего рынка в Германии к концу 1920 года».

Т. Минц в статье «Использование рабочей силы» дает чрезвычайно ценный материал о прогулах по ряду хозяйственных органов и доказывает теперь уже ставшую абсолютной аксиомой истину о недостаточном использовании у нас рабочей силы.

Наиболее слабыми надо признать среди экономических статей «Трудовые армии» Хлопянкина и «Трудовые армии и политическая работа» Шнейваса. Первая из них к моменту выхода сборника совершенно устарела и не представляет также почти никакого исторического интереса, давая чрезвычайно мало конкретного материала, вторая же касается довольно узкого, детального вопроса, чрезвычайно слабо гармонирующего с остальными статьями сборника.

Помимо общеэкономических статей имеется в сборнике ряд работ, касающихся вопросов психофизиологии, гигиены и охраны труда. Статья К. Корнилова, основанная на его оригинальных работах и собственных экспериментах, знакомит с основными типами трудовых процессов с точки зрения реактологии (учения о реакциях, как основы всех жизненных процессов) и приводит читателя к выводу о принципиальной равноценности затрат энергии и при сложнейшей умственной работе, и при самом примитивном тяжелом физическом труде.

В. Ефимов в своей исключительно богатой материалами статье «О работе и усталости живых машин» дает обстоятельнейшую сводку современных теорий и новейших экспериментальных данных (в том числе и лично полученных автором) о столь злободневной сейчас в иностранной литературе теме, как утомление. Небольшая статейка В. Зайцева «К методике измерения вредности труда» дает весьма любопытную попытку построения таблицы коэффициентов вредности отдельных производств с точки зрения ущерба всему народному хозяйству, исходя только из статистических материалов о заболеваемости и смертности. Статья А. Летавета «К вопросу о санитарной классификации детальных профессий» знакомит с этим новым методом изучения вредностей труда, впервые примененным в Советской России, и указывает его практическое значение для правильной постановки рабочего законодательства.

С. Кап в статье «Международная охрана труда с момента объявления войны» рисует неудачные попытки воссоздания мировой организации в период войны, роль соглашателей в деле обмана рабочих масс путем включения в Версальский мир статей по рабочему законодательству и дает фактические сведения о Женевском Бюро Труда, о его Вашингтонской и Генуэзской конференциях и о Базельском съезде «ассоциации законодательной охраны труда».

Статьи В. Зайцева и З. дают любопытные статистические материалы о деятельности технических инспекторов труда за 1920 год и о личном составе ассистентов инспекторов труда из среды рабочей молодежи. Наконец, в отделе «Обзор иностранной литературы» имеется изложение ряда последних работ преимущественно из специальной периодической литературы, по отдельным вопросам профессиональной гигиены.

Как видно из краткого просмотра содержания сборник он представляет собой много ценного, и всякому экономисту, инженеру, врачу и советскому работнику, действительно интересующимся вопросами труда (без ковычек) можно без колебаний рекомендовать ознакомление с «вопросами труда».

Остается только пожелать, чтобы и в дальнейшем журнал (или непериодические сборники) не изменил своего характера, и чтобы улучшилась техническая сторона его издания (в 1 №, например, «по техническим условиям» склеены вместе 96 и 97 страница, при чем на свет можно прочитать частично помещенное там; оставляет желать многого также и бумага, крикливая обложка и некоторые другие мелочи.

С. Кандун.

Профессор В. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ. Труд и отдых. Социально-физиологический очерк. Всеукраинское Государственное Издательство. Харьков 1921 г. Стр. 116. Ц. 50 р.

В русской литературе почти вовсе не появлялось за последние годы серьезных работ по физиологии и общей гигиене труда. Специальная пресса (быть может, вследствие общего временного оскудения периодических научных органов, но скорее потому, что над этими вопросами в России всегда очень мало работали) также уделяла этим вопросам крайне мало внимания.

За время революции вышла одна только *популярная* книжка доктора Вигдорчика (старого питерского страховика) «Нормальный труд». Посвящена этим проблемам одна глава в незаконченной почему-то «профессиональной гигиене» проф. Караффа-Корбутта (вышли 2 выпуска, при чем издание оборвалось на средине главы, чуть ли не на полуслове), да в последнее время все чаще и чаще стали появляться на близкие темы статьи в журналах «Вестника Труда» (изд. ВЦСПС), «Вопросы Труда» (изд. Наркомтруда) и «Организация Труда» (издание Центрального института труда). Между тем, в Западной Европе и Америке сейчас на книжный рынок в изобилии выбрасывается по этим вопросам самая разнокалиберная и разнохарактерная литература (от специальной для узкого круга научных работников до популярно-массовых брошюр), при чем особое внимание уделяется проблемам утомления (укажем хотя бы только на полученные уже в России отдельные работы Joteyko в Бельгии, Leb и Gilbreth'a Lee в Америке, Vernon'a в Англии, Dienemann'a, Zadiec'a, Oppenheimer'a в Германии и т. д.). В Англии и Америке напечатаны были исключительной ценности отчеты специальных комиссий, изучающих условия труда в военной промышленности и массовое «промышленное утомление» занятых там рабочих. Во всех общих работах по профессиональной и социальной гигиене, почти во всех солидных трудах по научной организации труда и тейлоризму проблемам утомления и общей гигиены труда уделяется весьма почетное место. Не приходится и говорить о периодической прессе, где учитывается опыт экспериментов и наблюдений и весьма живо дискутируются теоретические проблемы, где по этим вопросам сейчас появляются статьи, принадлежащие перу естественников - биологов, психологов, врачей, техников, экономистов и практиков-производственников.

Поэтому в ожидании быстрей забилось сердце у каждого, интересующегося научным изучением живого труда или охраны труда, когда стало известно, что маститый русский физиолог, проф. Данилевский, выпустил в свет книгу под заманчивым и многообещающим названием «Труд и отдых».

Можно было ожидать, что если наш крупный ученый и не сообщит каких-нибудь новых интересных выводов или по меньшей мере не изложит собственных экспериментов и новых лабораторных или массовых наблюдений в условиях нашей российской промышленности, то, по крайней мере, со свойственным ему мастерством легкого стиля и захватывающего изложения он даст интересную критическую сводку современных достижений и современных воззрений, фигурирующих по этим вопросам в зарубежной науке.

Но—увы!—при прочтении небольшой книжечки Данилевского, каждого маломальски требовательного читателя постигнет величайшее разочарование. Он не найдет в ней почти никакого фактического материала, а тот, который есть, уже давно известен по старой литературе и представляет очень мало свежего и интересного. В своем предисловии автор поясняет, что работа эта выросла из доклада «Разумные развлечения и научное их обоснование», прочитанного еще в июне 1915 года. Далее автор оговаривается, что некоторые (!) вопросы физиологии труда и его гигиены оказались незатронутыми, ибо иначе пришлось бы весьма расширить размеры работы. Но в действительности, как я уже указал выше, эти вопросы оказались почти *вовсе* не затронутыми, и, конечно, не размеры работы этому виной.

Если бы проф. Данилевский хотел их действительно осветить, он без всякого ущерба заменил бы другим текстом $^4/_5$

или даже добрых $^9/_{10}$ всей своей работы. Поэтому жалкой иронией и насмешкой над читателем кажется уделение в добавлении $^1/_3$ странины «тейлоризму» и $^3/_4$ странички, ограничению рабочего времени, между тем как в тексте целый ряд гораздо менее важных вопросов изложен с таким многословием и так расплывчато, что искренность стремления автора «не расширять намеченных размеров этого труда» (стр. 3) нельзя не подвергнуть величайшему сомнению.

Далее, автору вовсе не удалось популярное изложение темы, если считать задачей популяризации предоставление возможности уяснить себе серьезные научные проблемы читателю без высокого уровня общего или специального образования (скажем, квалифицированному или среднему рабочему). Книгу профессора Данилевского с огромным количеством отвлеченных понятий, с частыми ссылками на философов и моралистов, с частым употреблением непоясненных иностранных слов, иногда нарочито для изложения созданных или вообще не оправданных необходимостью («полибиоз», «глорификация», «материализация», «интеллекта» и т. д.), с ее отчаянной водянистостью, так что основные мысли часто теряются в массе лишних слов и лишних фраз,—можно признать популярной только для особого типа нетребовательных читателей, создающих аудитории «модным» профессорам и жадно глотающих огромное количество небольших книжечек, в quasi-научной, но блестящей форме дающих «взгляд и нечто» по всем вопросам по сю и по ту сторону мироздания.

Но все это было бы еще с пол-беды. Некоторые снисходительные критики сочли бы, что проф. Данилевский оправдал свое построение рецензируемой книги тем, что в подзаголовке написал «Социально-физиологический очерк», и этим самым получил право вместо серьезных научных данных по физиологии труда дать читателю-любителю набор общих рассуждений, благих пожеланий, легких упражнений в остроумии, интересных примеров из самых различных отраслей знания, ссылок на всех авторитетов мира и т. п. Таких работ имеется множество, особенно на Западе, и своего потребителя они всегда находят. И в этом случае мы могли бы ограничиться общим выводом, что книжка в общем и целом бесполезная, и выразить только сожаление, что ее напечатал Всеукраинский Госиздат, которому не надлежало бы из-за преклонения перед именами терять критическую оценку представляемых ему для печатания рукописей.

Но дело гораздо хуже. Книгу проф. Данилевского мало считать бесполезной, а надо признать безусловно вредной, так как вся она пропитана ярко реакционными идеями и не менее реакционными настроениями, правда, часто скрывающимися за эзоповскими методами изложения, столь напоминающими старые цензурные времена.

Во всей книжке Данилевского нигде нельзя встретить слов «рабочий класс»—который для него как будто вовсе не существует. Об эксплоатации пролетариата также ни звука. Очевидно, при «социальном» рассмотрении проблемы труда это мелочь, которой можно без всякого ущерба пренебречь. Может быть, объясняется это тем, что в основу работы лег доклад, читанный еще в 1915 г., когда почтенный профессор считал неудобным скомпрометировать себя упоминанием об этом революционном классе? Но ведь вышла-то книжка в свет в 1921 году.

С другой стороны, живой отпечаток современности в ней чувствуется очень сильно в том внимании, которое автор уделил вопросам о физическом и умственном труде в их взаимной связи. В угоду своему социально-политическому мировоззрению, чуть ли не договариваясь до неприкрытого идеализма (так, на стр. 33 автор с сокрушением пишет: «Рядом с этим усилилось влияние научного материализма, увлечение которым в известных слоях общества еще более содействовало оттеснению идеалистических мировоззрений на задний план»), Данилевский пренебрегает научно установленной истиной, что развитие мозга определяется запросами на мышечную активность, вызываемыми, в свою очередь, требованиями к виду животного со стороны внешней среды, а не обратно. Он же утверждает противное и из этого делает выводы не только о тяжелом более

благородном труде интеллигенции, чем обычный физический труд непосредственного производителя, но и о биологическом обосновании социальных преимуществ интеллигенции.

К этому вопросу он возвращается много раз на протяжении своей работы, сознательно или бессознательно искажая взгляды на этот вопрос коммунистов, а, главное, стараясь при этом представить советский строй (конечно, все время не называя прямо вещей своими именами) исчадием ада и гибелью культуры. На стр. 15 мы читаем: «Их (перечислена выше группа интеллигенции) значение в жизни культурной страны так же велико, «как и роль мозга по отношению к работе мускулов». Далее, можно сказать, что для духовного и материального благоденствия народа и его прогресса» ее (интеллегенции) труд должен считаться *еще более производительным* в смысле создания ценностей, чем труд физический. На стр. 16 говорится: «как мозг координирует и руководит работой мускулов, так и для материализации физического труда требуется *направляющее* и согласующее участие интеллигенции». На стр. 17 вновь упоминается о *«руководящем* вмешательстве» интеллигенции. На стр. 33 злобно-иронически говорится о современной «глорификации физического труда». На стр. 32 автор пишет о том, что «поклонение физическому труду, как нравственно обязательная повинность, из-за общественной несправедливости к источнику обогащения» (эти слова взяты в ковычки), как следствие «умаления всеобщих вечных идей», вызвало «пагубную для прогресса односторонность жизни, огрубение нравов, воззрений, принижение общего культурного уровня». Коммунистическое мировоззрение (опять-таки подчеркиваю, что действует автор по примеру дореволюционной «Правды», заставляя расшифровывать свои, довольно, впрочем, прозрачные намеки) рисует он следующими красками: «Просвещенный человек с большей готовностью подчиняется требованиям права и закона (какого? когда? *С. К.*), чем человек *темный*, которому трудно подняться выше интереса в личных или *узко-партийных*, выше кругозора своего околотка» (стр. 17). Не «толчение воды в ступе», не *трата энергии на реализации фантазмов* приближает человечество к его идеалам» (стр. 21). «Здесь не место выяснять основы морали труда, значение известных классовых предрассудков» (стр. 23). «Столь же одностороннее противоположное воззрение, ведущее к слепому идолопоклонническому поклонению коллективу и физическому труду, с полным пренебрежением к культурным интересам человечества» (стр. 35, 36). «Если власть (!) постановляет «perfeat mundus» лишь бы было сохранено слепое поклонение известным лозунгам...» (стр. 44). Обостряется злобное шипение автора там, где, как следует читать между строк, речь идет о трудовой повинности, установленной впервые Сов. властью для лиц умственного руда. Здесь проф. Данилевский является яркоклассовым представителем крупно-капиталистической интеллигенции, абсолютно не приемлющей тесного союза с пролетариатом. Так, на стр. 24 он говорит о том, что каждый человек «своему делу посвящает больше внимания, чем чужому». Поэтому же он, как яркий индивидуалист, говорит о «борьбе» (единственный раз употребляя это страшное слово, так как всюду речь идет об естественном мирно-эволюционном процессе, когда дело касается социальных «несправедливостей» по отношению к широким трудовым массам, а не верхушкам интеллигенции),—«борьбе за право выбора работы». На 25 странице встречаем такого же характера философствования о «трудовой тягости». На стр. 36, говоря о каком-то отвлеченном (!) обществе, которое охарактеризовано в приведенной уже выше цитате, автор указывает, что его отличает «насилие и гнет отупляющей работы». Совершенно уже недопустимы ни на чем не обоснованные ламентации на стр. 41 о том, какую опасность для них (высоко квалифицированных ученых) заключает в себе это Прокрустово ложе с обязательною 8-часовою физическою работою (!). И это в книге, где вообще по вопросу о длине рабочего дня автор не решается определенно высказаться в пользу 8-часового рабочего дня для рабочих, указывая с чувством величайшего удовлетворения на 10-часовый рабочий день

во Франции (стр. 108). На-ряду с этой отрицательной социальной критикой, автор в ряде мест своей книги приводит и свою положительную социальную философию. Прежде всего это старые филистерские песенки о упорном труде, о постепенности, об естественном эволюционном, а не революционном общественном процессе (стр. 22, 25, 26 и др.), о целительных социальных силах взаимопомощи и просвещения (стр. 19), моральной культуре (стр. 21). Далее много раз повторяются известные буржуазные лозунги справедливости, права, человечества, истины, красоты и т. п. (стр. 21, 32, 43, 89 и др.), права труда, как основы прогресса, связанного, однако, психологически чистой моральной атмосферой (очевидно, без насилия против эксплоататоров) и т. д. Тут же, однако, для большей ясности приводятся, как трудовые идеалы, «чувство любви к родине», «чувства национального единства» (стр. 32), «стремление к господству порядка» (стр. 21) и много других аналогичных перлов. Наконец, в довершение всего этого стройного здания, в качестве последнего венца всей социальной системы имеется и указание на идеальный общественный строй, где «вся власть будет в руках истинных представителей просвещенного интеллекта (софократия)» (стр. 26). Так как моя критическая заметка и без того сильно разрослась, я не стану останавливаться на отдельных местах книги, где проф. Данилевский допускает ряд грубейших ошибок в области политической экономии, которые могут только запутать неподготовленного читателя, или на совершенно уже необъяснимых неожиданностях, когда в книжке, сданной в печать в 1920 году (предисловие датировано 8-го февраля 1920 г.), в Советской Украйне смакуется величайшее народно-хозяйственное и культурное значение «земского» (?) врача, деятелей самоуправления и даже «образованного предпринимателя» (что это — недосмотр автора при сдаче в печать книги, написанной в 1915 году, или удивительное предвидение «новой экономической политики»?). И можно в заключение только искренне пожалеть, что проф. Данилевский вместо того, чтобы написать вышедшую бы, несомненно, весьма ценной и интересной книжку из области физиологии, ударился в дебри философствований и социальных рассуждений. И совершенно непростительно для Украинского Госиздата издание не только исключительно поверхностной, но весьма реакционной, ярко пропитанной буржуазной идеологией не только никчемной, но и вредной книги проф. Данилевского.

С. Каплун.

Д-р А. ЛЕТАВЕТ. Санитарная классификация детальных профессий кожевенной промышленности. Выпуск 1. Издание Ц. К. Всероссийского профсоюза рабочих и служащих кожевенной промышленности. Москва 1921 г. Стр. 110. Цена 5000 р.

Рецензируемая работа доктора Летавета представляет собою впервые публикуемые результаты нового метода изучения профессиональных вредностей промышленного труда.

Давно уже стало совершенно очевидно, что только в популярных брошюрах и поверхностных статьях можно говорить об особо вредных *производствах*. В действительности же не только в пределах одного производства, но даже и в недрах одной мастерской работают рабочие с резко разнящейся вредностью и опасностью выполняемого ими трудового процесса. Поэтому в последнее время статистика профессиональной заболеваемости и смертности всегда стремится расчленять производства и выключать из них отдельные детальные профессии. Точно так же законодательство европейских стран постепенно все более и более переходит от фиксирования целых фабричных отделений или «работ» к отдельным частям производственного процесса и отдельным категориям рабочих.

В России только после октябрьской революции стало возможным серьезно подойти к широкому законодательству по охране труда. И, как и следовало ожидать, оказалось, что одним из серьезных препятствий к углублению и научной постановке ряда возникающих при этом проблем является отсутствие необходимых материалов, статистических

данных, научных работ и экспериментов, санитарно-гигиенических монографий, санитарно-промышленной статистики и т. д. У нас до сих пор еще вовсе нет институтов или музеев профессиональной гигиены, соответствующей кафедры в высших учебных заведениях, нет и крупных специалистов. Пришлось параллельно с текущей законодательной работой спешно ставить работы и по изучению вредностей труда. И совершенно естественно вытекает из изложенного выше, что в первую очередь надо было получить необходимые данные об особенностях каждой отдельной профессии с точки зрения обстановки труда и особых его вредностей и опасностей, зависящих от свойств обрабатываемого материала, способов обработки, рабочих инструментов, употребляемых при обработке веществ и самого процесса производимой работы. Попытку поставить такую работу сделал в свое время известный санитарный статистик и общественный врач—С. М. Богословский, опубликовавший в 1918 году весьма солидную работу «Система профессиональной классификации». Несмотря на огромную ценность как по обилию материала, так и по самому своему содержанию, сейчас она почти полностью потеряла свое значение, так как в значительной мере устарели все употребляемые в ней термины профессии, не соответствующие изменениям тарифных наименований, нет систематического расположения по производствам, часто нет необходимой полноты, точности и т. д.

Поэтому, как описывает в своем введении к рассматриваемому изданию д-р Летавет, к этой работе приступила секция профессиональной гигиены отдела охраны труда Наркомтруда (ныне ВЦСПС), привлекшая в свой состав помимо санитарных врачей, специализировавшихся по промышленной санитарии, еще и специалистов инженеров-производственников. Введение сжато, но достаточно полно и ясно знакомит читателя с задачами и методологией работы и приводит «карту санитарных характеристик», по которой собирались необходимые данные.

Далее приводится детальное описание 159 отдельных профессий (166 названий) по 4 основным производствам кожевенной промышленности (тяжелых кож, хромовых кож, посадочному и механически обувному). Помимо детальных описаний особенностей работы исключительную ценность представляет подробное описание для каждой профессии, в чем заключается ее работа и с какими веществами при этом приходится иметь дело.

Книга доктора Летавета имеет весьма важное значение для каждого производственника, для каждого тарификатора и для каждого врача—санитарного или лечебного, сталкивающихся с кожевенной промышленностью. Она даст также очень много ценного материала для всякого, работающего по научной организации труда, или производства, ибо указывает, куда в первую очередь следует направить внимание «реорганизатора». С ней следовало бы познакомить каждого технического руководителя кожевенного предприятия и каждую комиссию по охране труда, ибо из описания труда отдельных профессий сами собою напрашиваются мероприятия для их оздоровления. Наконец, поскольку сами характеристики далеко не претендуют на абсолютный характер, весьма ценна была бы их проверка на местах врачами, инженерами или отдельными хозяйственниками и профессионалистами с последующим опубликованием местных изысканий, чтобы можно было учесть все особенности, зависящие от местных условий, особенностей географических, исторических и т. д.

Но книжка доктора Летавета представляет интерес не только для лиц, специально интересующихся кожевенной промышленностью. Поскольку она дает впервые публикуемые в печати результаты применения совершенно нового метода, она должна дать многое каждому, кто вообще интересуется изучением труда, в особенности тем, кто это делает под углом его оздоровления и рационализации.

Издана книжка внешне довольно хорошо. Следует пожелать скорейшего выхода в свет дальнейших ее выпусков, а также и результатов работ других авторов по остальным производствам. При нынешней бедности литературы в

области охраны труда и профессиональной гигиены каждая такая книжка является весьма ценным вкладом, с нетерпением ожидаемым как научными работниками, так и практиками на местах.

С. Каплун.

Г. А. ТАНАШЕВ. Об установлении полевых севооборотов. Москва 1921 г. Государственное Издательство Стр. 59.

Уже с давних времен были попытки обосновать преимущества правильной смены возделываемых хозяйственных растений. Давно было доказано, что непрерывные и постоянные посевы одного и того же или сходных между собою растений на одном поле постепенно понижали урожаи.

Мало правильно обработать землю, удобрить ее, засеять хорошими семенами, своевременно произвести уборку, необходимо установить такой порядок запашек, когда различные виды сельско-хозяйственных растений чередуются последовательно друг за другом.

Книга Г. А. Танашева дает богатый и разнообразный материал по установлению правильного севооборота. «Правильным севооборотом,—говорит автор,—должен быть назван такой севооборот, в котором, на основании определенных требований возделываемых растений к плодородию почвы, содержанию в ней запаса воды, рыхлости земли, чистоте поля от сорной растительности, устанавливается на известной площади такое следование растений друг за другом и за парами, при котором все эти растения попадают в наилучшие условия для своего развития, принося наивысшие урожаи и, в свою очередь, после себя создают благоприятные условия для возделывания следующего растения».

Начало книги Г. А. Танашев посвящает истории полевых севооборотов и современному распространению их в России, начиная с огневой или подсечной системы полеводства, получившей распространение в северной лесной половине России и переложной или залежной, существующей и по сие время на юге, в открытых степях,—кончая совершенными в агрономическом смысле системами—травопольной и плодосменной, переход к которым от устаревшего трехполья замечается во многих районах России.

Далее идет описание важнейших хозяйственных растений, указывается на различные требования их к плодородию почвы, ее спелости, к удобрению, влажности, чистоте сорных трав и т. д.

Эти требования дают нам возможность установить такое чередование различных видов сельско-хозяйственных растений,—хлебов, кормовых трав, корнеплодов и др., при которых каждому из них может быть предоставлено подходящее место.

Только при правильном чередовании растений (севооборот) возможны наивысшие урожаи от возделываемых в этих севооборотах хлебов и трав.

Большую часть труда автор посвящает установлению новых севооборотов в различных экономических районах России и дает целый ряд примеров: севооборотов для районов малоземельных с залежной системой полеводства, улучшенных подсечных севооборотов, улучшенных зерновых без посева многолетних трав и с посевом их, севооборотов, приспособленных к производству сахарной свекловицы, картофеля и торгово-промышленных растений и с посевами подсолнечника, конопли и табака.

Всего имеется 31 схема севооборотов, позволяющих читателю детально ознакомиться с достоинствами и недостатками того или иного севооборота, пригодностью его для крестьянского трудового хозяйства, для крупных хозяйств и для хозяйств, призванных удовлетворять производительные, продовольственные и рыночные потребности.

В последней главе Г. А. Танашев говорит о технических условиях перехода к новому севообороту.

Переход от простого севооборота (напр., трехпольного) к многопольному требует при своем проведении особой осторожности и осмотрительности со стороны хозяина. Необходимо учесть разнообразные местные условия, заранее распределить постепенный переход без ущерба для хозяйства.

Все нюансы перехода, все технические условия при введении нового севооборота, как, напр., правильное восстановление плодородия почвы, практические и агрономические данные о влиянии различных удобрений на повышение урожаев хозяйственных растений—разработаны детально, с полным знанием дела.

Эта ценная книга едва ли может служить пособием для лиц с небольшой агрономической подготовкой, но она должна стать необходимым руководством для студентов сельско-хозяйственных заведений, для лекторов и агрономов.

А. А. Бессер.

Д. Н. ПРЯНИШНИКОВ. Растения полевой культуры. Выпуск III. Лен, конопля и хлопчатник. Госуд. Изд. Москва. Стр. 107.

Третий выпуск известный наш ученый, проф. Петровской С.-Хозяйственной Академии, Д. Н. Прянишников, посвятил группе наиболее важных прядильных растений: льну, конопле и хлопчатнику.

До войны Россия производила до $^3/_4$ всего мирового количества льняного волокна; была главной поставщицей его на мировом рынке, и русское промышленное льноводство являлось частью огромного международного хозяйства. 87% общей площади посевов льна на волокно приходилось на долю России и только 13% на Западную Европу. Работая на экспорт, развивая и свою промышленность, русские фабрики перерабатывали волокна не более $^1/_5$ всего нашего урожая.

Таково значение культуры льна в России.

Падение льняного производства с началом мировой войны и с прекращением сбыта волокна за границу пошло быстрыми шагами, и сокращение площади посева уже в 1920 году доходило до 20% от прежней посевной площади.

Кроме волокна, лен дает семена, богатые углеводами и полноценными белками, превосходящими даже мясо, по содержанию жиров отвечают жирным сортам баранины или свинины. Хорошо поджаренные и измельченные семена служат отличной приправой к картофелю, хлебу и каше; льняные жмыхи, подмешанные в небольшом количестве к веществам, бедным белками, жирами и клетчаткой, как, напр., к картофелю, приобретают при современной обстановке хороший питательный материал.

Указав на культуру льна в прошлом и настоящем, автор дает ботаническую характеристику льна, его требования к климату и почве, описывает обработку последней, уход за льном, время и приемы уборки, сушки и мочки (водяная, росяная, бельгийская, теплая), мятье, трепанье и чесанье льна.

Переходя к описанию конопли, Д. Н. Прянишников и здесь указывает на катастрофическое положение коноплеводства,—сокращение площади посевов доходит до 40% довоенного времени. Культивируемое на Западе исключительно на волокно (пенька) у нас коноплеводство преследует получение и другого продукта—зерна, богатого жирами (30—32%) и белками (18—23%) и идущего на приготовление масла, красок, олифы; при отжимании масла получаются жмыхи, которые в полтора раза богаче белками, чем мясо, богаты углеводами и в настоящее время могут быть использованы людьми, а не животными (если необрушенные семена хорошо измельчены) и являются приправой к картофелю и хлебу в количестве 5% от веса основной пищи.

Указав на размеры конопляной культуры прежде и теперь и на разновидности ее, автор говорит об отношении ее к климату и почве, потребности в питательных веществах, об удобрении в связи с севооборотом, об обработке почвы, о посеве, уходе и уборке, мочке и трепье конопли, сортировке пеньки и о болезнях и повреждениях.

Также, как и предыдущие два прядильных растения—хлопчатник, культивируемый у нас в Туркестане и в Закавказье, занимавший еще в 1916 г. площадь до 800.000 десятин, в 1920 г. сеялся на площади 111.000 дес., и количество собранного хлопка с 48.416 тыс. пуд. упало до 3.200 тыс. пудов в том же году. В довоенное время наш хлопок

составлял уже более 50% от всей суммы хлопка, перерабатывавшегося нашими фабриками.

Волокно является главным продуктом хлопчатника, а побочным—семена, также богатые жиром (25%), белками (20%) и углеводами (20%). При прессовании масла из шелушеных семян получается ценный жмых, имеющий и пищевое значение (белков в них вдвое больше, чем у мяса, до 40—43%).

Автор разбирает разновидности хлопчатника, отношение его к климату и почве; сорта скороспелых и поздноспелых упландов, египетские сорта, заслуживающие испытания в южных частях хлопкового района, Туркестана. Останавливаясь на севообороте, автор указывает, что здоровое и устойчивое развитие культуры хлопчатника возможно только в меру развития кормовой площади, параллельно с ней, а не за счет ее; приведено: два пятипольных севооборота, введенных опытными учреждениями Туркестана, — Асхабадский, применяемый на Асхабадском поле с 1898 г., и Голодностепский, один 4-польный и туземный 3-польный. Детально разработаны вопросы удобрения, обработки, посева, ухода, уборки, орошение, болезни и вредители и использование семян хлопчатника.

Книга написана простым, ясным языком и заслуживает самого широкого распространения.

А. А. Бессер.

С. П. МАРАКУЕВ. Очередные задачи русской кооперации. Прага 1921 г. 39 стр.

Прага, чехо-словацкая столица, много приютила русской белогвардейской эмиграции, злобствующей, шипящей и ненавидящей Советскую власть. Автор книжки С. В. Маракуев, проживающий, повидимому, в Праге, принадлежит как раз к категории наиболее злобствующих интеллигентов, заброшенных пролетарской революцией в столицу Чехо-Словакии.

В книжке Маракуева, как это и полагается скулящему нынешнему россиянину-эмигранту, прежде всего «достается», конечно, большевикам и пролетарской революции. Большевики «русскую кооперацию разрушили до основания», «экспроприировали кооперативы под прикрытием соответствующих декретов».

Шипенья и злоба на Советскую власть со стороны г.г. Маракуевых мы слышали достаточно. Как будто это уже начинает из моды теперь выходить.

Нас интересует не эта сторона книжки. От автора «достается» не только большевикам и Советской власти. «Достается» и старой степенной кооперации, наделавшей, по мнению ее же сторонника, не мало ошибок на своем поприще. Тут и «непомерное увлечение мелких «кооперативных» организаций промышленной деятельностью», и «постоянные недоразумения потребительских и кредитных кооперативов из-за разграничения рода товаров, которыми каждый вид кооперации должен снабжать своих членов», и «стремление потребительской кооперации взять на себя задачи по сбыту и заготовке сельско-хозяйственных продуктов», и «увлечение культурно-просветительной деятельностью», и «плохая организация рабочего аппарата, его сложность, громоздкость, бюрократизация делопроизводства и очень дурной подбор сотрудников» и т. д. (стр. 13—15).

Мы не будем подробно останавливаться на этой части книжки автора, критикующего старую кооперацию.

Перейдем к «очередным задачам», которые ставятся автором для «русской кооперации». Здесь прежде всего следует отметить ту глубокую и широкую трещину, которая обнаружилась в идеологии старых кооператоров, до сих пор крепко державшихся за свои традиционные устои. Теперь один из основных устоев заскоруалых лабазников-кооператоров — *аполитичность* кооперации — дал основательную трещину. Жизнь — великий учитель. Старая кооперация вынуждена теперь устами г. Маракуева признать преподанные жизнью уроки.

С. В. Маракуев бросается теперь в будущее море политики. «От политики нам не уберечься»—решительно заявляет он. В оправдание своего кооперативного грехопадения автор ссылается на всероссийский кооперативный съезд в октябре 1917 года в Москве, когда «при решении во-

проса об участии кооперации в выборной кампании в Учредительное Собрание победило как будто меньшинство (сторонники политики кооперации) и участие кооперации было допущено» (стр. 16). Но кооперация на выборах потерпела поражение. С точки зрения автора книжки это объясняется только тем, что «трезвое слово кооператора (г.г. Беркенгеймов, Коробовых и К°! *А. Ю.*) не могло быть услышано в стране, представлявшей собой гадаринского бесноватого, одержимого легионом бесов» (стр. 17).

И г.г. Беркенгеймы мужественно шли на явный провал в выборах, ибо к этому их обязывало положение «представителей подлинной народной экономической организации» (стр. 17), как заявляет г. Маракуев.

Дальнейшие события в истории российской революции все больше и больше толкали кооперацию к грехопадению.

«Отлично известно,—пишет в своей книжке автор,—что многие союзы были штабквартирами тех или иных политических партий—то с.-р., то меньшевиков», «партийные взгляды проводились в кооперативных периодических изданиях, партийность проглядывала в подборе книг в библиотеках» (стр. 18) и т. д. «Даже высшие руководящие органы кооперации—советы съездов—не удержались от чисто-политической окраски в своих изданиях» (стр. 18—19).

Нам нет надобности напоминать г. Маракуеву о сибирских кооператорах, деятельно поддерживавших сначала чехословаков, а потом Колчака. Не нам говорить о заправилах южно-русской кооперации, почтительно титуловавших, по словам «бюллетеня кооперации юга России», Деникина «Его превосходительством господином главнокомандующим вооруженными силами юга России». Далее, автору «очередных задач русской кооперации», вероятно, должно быть известно, как «председателю правления Ювосса» (юго-восточного союза союзов), как он называет себя на обложке своей книжки, о докладной записке Деникину временного комитета по делам кооперации юга России.

В этой записке говорится: «кооперация не могла не вступить в те или иные совершенно неизбежные деловые отношения с советским или иным правительством, получившим в свои руки в тот или иной период нашей истории всю полноту государственной власти. Эти отношения не должны быть поставлены в вину кооперации и ее деятелям, ибо такая связь диктовалась объективными условиями жизни и соображениями об интересах населения. Везде, где кооперативные организации входили в сферу влияния Добрармии, *они немедленно и на этот раз искренно и охотно* устанавливали тесные отношения свои, иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти».

Мы не станем далее приводить имеющихся у нас бесчисленных примеров всевозможных услуг, оказываемых старой кооперацией русской белогвардейщине. Факт—на-лицо: «от политики» кооператоры действительно «не уберегались». Автор рассматриваемой нами книжки открыто и «всенародно» подрубил один из крепких суков, на котором держалась старая застывшая теория аполитичности кооперации.

Сделав этот вывод, автор в дальнейшем так определяет «очередные задачи русской кооперации», которая «с падением Советской власти»... «окажется лицом к лицу с задачей воссоздания хозяйственной жизни в нашей стране» (стр. 9). Кооперативный работник должен решительно отказаться от намерения делать в кооперации *свою* (курсив наш) политику, проводить политические и экономические взгляды *своей* (курсив наш) партии, но он обязан стать искренним сторонником тех, кому он служит, и делать только их политику и только их экономику. Все политические противники того класса, в кооперативное объединение которого они попытаются вступить, должны быть выметены оттуда без всяких колебаний и сожаления» (стр. 20). Эту «очередную задачу», которую ставят себе г.г. Маракуевы, мы должны хорошенько запомнить. Это мы должны запомнить особенно теперь, когда кооперация, работающая в условиях новой экономической политики, получила широкие права самостоятельности, автономности, независимости, когда всякие «Сельскосоюзы», «Кредитсоюзы», «Кустпромсоюзы» и пр. виды кооперативных объединений и без

указки г. Маракуева поняли свою «очередную задачу» «вытеснять» из своих правлений «без всяких колебаний и сожаления» всех тех, кто идет работать в кооперацию для проведения там «*своей* политики» и «*своей* экономики». Иначе говоря, «долой» из всяких правлений кооперации коммунистов и «да здравствует» мелкобуржуазный кооператор, будь он с.-р., меньшевик, кто угодно, лишь бы только он отказался от намерения делать в кооперации свою советскую политику.

Далее С. В. Маракуев поучает: «кооперативный работник, разделяющий идеологически классовые интересы горожан, должен итти в потребительскую кооперацию; кооператор, разделяющий экономическую и политическую программу крестьянства, пусть работает в кооперации сельской» (стр. 20). По мнению г. Маракуева, «интересы города и деревни очевидно непримиримы. Между ними должна возникнуть жестокая борьба. В этой борьбе крестьянской и рабочей партии и будет выковываться будущий экономический и политический строй России» (стр. 28).

Если интересы рабочих и крестьян прямо противоположны, то «следовательно», говорит автор, «никакого солидаризирования городской, по преимуществу, потребительской кооперации и сельской кредитной, производительной и сельскохозяйственной—нет и *не должно быть*» (стр. 20) (курсив наш). «Должно» или «не должно быть», на это дан ясный и категорический ответ всей пролетарской революцией. С. В. Маракуев, хотя и видит историческую заслугу большевизма в том, что «большевизм вскрыл этот классовый антагонизм деревни и города» (стр. 20), но дальнейшей не менее исторической заслуги большевизма, указавшего путь превращения этого антагонизма в свою противоположность, он не желает знать и видеть. Впрочем, это ему и не выгодно, раз «сельская кооперация должна приготовиться к неизбежной борьбе и в области экономики и в области политики, потому что каждая из двух хозяйственных групп должна будет отстаивать свои интересы в государственном масштабе» (стр. 28).

Готовясь к этой борьбе, г. Маракуев «задачей русской интеллигенции, и в первую очередь тех кооперативных работников, которые ближе всех стоят к народу», ставит: «точно формулировать... стройную программу *народной земледельческой партии* и указать способы планомерного воплощения ее в жизнь» (стр. 23). Иначе говоря, «пражский» кооператор, печалуясь о «разрушении кооперации» большевиками и разочаровавшись в деятельности на кооперативном поприще родственных ему с.-р. и меньшевиков, нашел способ восстановить «сельское хозяйство во всех его видах» путем организации «новой» народной партии. В своих выводах он так прямо и говорит: «мы ожидаем в России создания единой земледельческой партии (крестьянской), которая получит преобладающее влияние в политическом и экономическом устройстве страны» (стр. 29). Вот как! Очевидно, устами этой «партии» будет сказано «трезвое слово кооператоров», которое не было услышано «народом» в 1917 г., т. к. этому помешали «легионы бесов». И далее, намечая «очередные задачи», автор в выводах своей книжки пророчит: «русская кооперация распадается на две группы—городскую и сельскую, при чем последняя должна связать свою судьбу с крестьянской партией (см. выше) и сделаться проводником ее экономической и культурной программы (стр. 29). При этом распадении русской кооперации «интересы производителей должны быть поставлены над интересами городских потребителей, надолго обреченных на роль мирских захребетников и паразитов» (стр. 27).

Сводя судьбу сельской кооперации с «будущей» «крестьянской» партией, автор предлагает сельской кооперации принять на себя выполнение «некоторых задач бывшего земства» (стр. 29), ибо распад земства, говорит он, начался еще при временном правительстве. Как видим, в «распаде» земства виноват не только коммунизм, который «уничтожил в России не только все материальные ценности, но и те учреждения, которые создавали народное хозяйство и народную культуру» (стр. 21). Еще при временном правительстве «земские учреждения и управы обратились в арену политической борьбы, и всякая хозяйственная и культурная работа отошла в них на последний план или совсем прекратилась. Вместо

нее в общественных городских и земских учреждениях происходили перманентные митинги, на которых с сектантским тупоумием состязались с.-р. и с.-д. по политическим и программным вопросам, ничего общего с их прямыми заданиями не имеющим» (стр. 21). А посему «еще раз» «от политики нам не уберечься». «Устроение хозяйственной и культурной, а в значительной доле и государственной жизни будущей России будет происходить при непосредственном участии кооперации». Поэтому, говорит далее автор, «кооператоры должны приготовиться не только к торговле селедками, спичками, веревками, плугами и т. п., но и к осуществлению большой части тех... задач, которые лежали на земстве старого времени» (стр. 23).

Здесь автор кое в чем был бы прав, если под «будущей Россией» понимать Россию при законченном социалистическом строе, когда не будет надобности в органах принуждения и когда социалистическое общество через свои местные коммуны будет осуществлять те задачи, «которые лежали на земстве старого времени». Но ведь г. Маракуев говорит о другой «будущей» России, не о «социалистической», а о той, которая ему мерещится в результате «борьбы крестьянской и рабочей партии». Но в действительности мы имеем Россию Советов. И пока г.г. Маракуевы будут этой, Советской, России мешать в создании «будущей», социалистической России, для господ кооператоров будет предоставлена только одна возможность и одна действительно «очередная задача» кооперации: торговать «селедками, спичками, веревками, плугами и т. п.». Это для настоящей подлинной Советской России будет очень полезно и своевременно.

К характеристике взглядов автора еще следует указать на такой его вывод: «интеллигенция, пошедшая на службу народу в сельской кооперации, обязана решительно отказаться от всяких попыток проведения в жизнь каких бы то ни было социалистических теорий» (стр. 29).

Боясь оказаться «в положении неразумных дев, взявших светильники, но забывших про запасы масла» (стр. 24), автор в конце своей книжки призывает русских кооператоров за границей теперь же, «не теряя времени», приступить к ряду организационных «действий». «Созыв съезда или совещания кооперативных работников», «подготовка кадров кооперативных работников», «кооперативное издательство за границей», «сбор старых кооператоров, эмигрировавших из России», выбор «наиболее подходящих людей, преимущественно техников, агрономов и других специалистов» и т. д. Словом, организатор новой «народной», «земледельческой», «крестьянской» партии, С. В. Маракуев не на шутку задумал встречать «жениха в полунощи». Сомневаемся, отъищет ли он этого «жениха» и не придется ли ему, хотя и не забывшему «запасы масла», ждать желанного «жениха» очень и очень долго.

В общем рассмотренная нами книжка представляет некоторый интерес со стороны той переоценки старой кооперативной идеологии, которая начинается в рядах русской кооперативной эмиграции, ищущей выход из тупика, в который она сама себя завела, и где мечется вот уже пятый год.

Д. Юрьев.

Проф. С. ЖИЛКИН. Статистика и кооперация. Бахмут 1921 г. Стр. 1—34. Ц. 5000 р. Изд. Союздонбассейна.

Изданная Союзом Потребительских Обществ Донецкой губ. брошюра С. Жилкина является весьма ценной для каждого практического работника, подводя итоги проделанной кооперативной статистической мыслью за последние годы работе и давая ответы на назревшие принципиальные вопросы о целях и задачах кооперативной статистики в настоящее время, о порядке ее работы и об организации статистических органов, иной более практический подход к разрешению которых представляет изданная Союзом Северных Кооперативных Союзов брошюра Н. А. Коковина «Организация Статистического исследования кооперации». Брошюра распадается на 4 главы: I. Введение. II. Научное значение кооперативной статистики. III. Конкретные задачи кооперативной статистики и IV. Методы наблюдения и организация кооперативной статистики. Введение посвя-

щено обоснованию необходимости статистики для кооперации. Во второй главе автор, являющийся сторонником научной статистической работы в кооперативах, опираясь на мнения проф. А. Н. Анциферова, проф. А. Ф. Фортунатова, Н. М. Воробьева и комиссии по вопросам статистики кооперативных товариществ при об-ве имени Акупрова подчеркивает необходимость такой постановки и важность выяснения принципиальной позиции по этому вопросу, так как она влияет на план и организацию работ, «раз будет общепризнанным то положение, что при статистических работах в кооперативах должна иметься в виду и научная сторона, тогда становится простым и ясным разрешение вопросов о порядке выполнения работ, об их очередности, о той или иной широте и полноте трактовки разных задач, преследуемых кооперативной статистикой. Даже вопросы организации статистических учреждений с распределением работ между таковыми организациями отдельных кооперативов и союзных объединений лучше разрешаются при принятии, как основы положения о научном изучении кооперации».

Установив необходимость кооперативной статистики и ее общее принципиальное содержание, проф. С. Жилкин в дальнейшем выясняет ее конкретные ближайшие задачи. Установленные комиссией при обществе имени Чупрова задачи кооперативной статистики: 1) учет числа кооперативов, 2) статистическое обследование хозяйств кооперативов и 3) статистическое обследование хозяйств членов кооперативов—проф. Жилкин считает нужным дополнить (как это уже указывалось еще в 1919—1920 г.г. В. А. Черневским, П. А. Мухиным, К. С. Прозоровским и пишущим эти строки) изучением экономической и социальной среды, при чем, как нам кажется, несколько слишком суживает задачу, сводя ее к сплошным подворным переписям по типу работ, произведенных во Владимирской губернии В. А. Черневским и в Уфимской—М. П. Красильниковым, тогда как было бы правильнее включить в нее и рекомендуемое П. А. Мухиным и К. С. Прозоровским—изучение экономических районов. При отсутствии у кооперативной статистики сил для изучения народно-хозяйственной жизни населения проф. Жилкин указывает на желательность контакта с государственной статистикой, дабы в момент всеобщих переписей не были забыты интересы кооперации, на возможность утилизировать результаты переписей для целей кооперативной статистики. Поэтому бояться в настоящее время постановки в задачи кооперативной статистики изучения народно-хозяйственной среды нельзя. И поставить его необходимо, так как, будучи поставлено как цель, оно побудит пользоваться подходящими условиями для постановки статистических работ в данном направлении республикой, и определенно станет сказываться на ходе очередности и структуре работ кооперативной статистики. Задачи кооперативной статистики вытекают из природы кооперации. Исходя из даваемого проф. М. И. Туган-Барановским определения кооператива, как хозяйственного предприятия нескольких добровольно соединившихся лиц, имеющего своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйств, трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды, он считает необходимым изучение хозяйств кооперативов, хозяйств членов кооперативов и потребительских нужд членов как материальных, так и нужд культурно-просветительных.

Задачи современной статистической деятельности кооперативов проф. С. Жилкиным намечаются в следующем виде:

I. Учет числа членов кооперативов. Сюда же относится и учет остального населения, обслуживаемого кооперацией.

II. Учет числа кооперативов.

III. Статистическое изучение кооперативных хозяйств:

1. Организация кооперативов.

2. Неторговая деятельность: а) культурно-просветительная, б) пропагандистская и агитационная, в) консультационная и организационная.

3. Торговая: а) торговая, б) финансовая, в) страховая.

4. Изучение производств.

IV. Статистическое изучение объединений кооперативов.

V. Статистическое изучение хозяйств членов кооперативов.

VI. Статистико-экономическое изучение среды, где совершается кооперирование.

VII. Статистические исследования по смешанным и специальным вопросам.

Учитывая отсутствие во многих союзах достаточно хорошо налаженных статистических аппаратов и отсутствие опытных статистиков, он к первоочередным работам причисляет: 1) учет числа членов кооперативов, 2) учет числа кооперативов и 3) статистическое изучение кооперативных хозяйств, с чем можно согласиться, прибавив, однако, к ним и отнеся к первой очереди и статистическое изучение объединений кооперативов. Также следует присоединиться к высказанному им пожеланию, чтобы пока программы были небольшими и не страдали чрезмерной детализацией, и приветствовать его пожелание, чтобы в самом непродолжительном времени был созван Всероссийский Статистический Съезд или, в крайнем случае, уже Всероссийский Съезд Кооперативных статистиков, нужда в авторитетных и руководящих постановлениях которого в вопросах программ и очередности работ особенно остро ощущается кооперативными статистиками на местах. Важным является и установление взаимоотношений с государственной статистикой, особенно в настоящее время в связи с тем, что в настоящее время начинает проявлять свою деятельность и Отдел Кооперативной статистики Ц. С. У., производящий обследование кооперативов и коллективных хозяйств на 1-IX—21 г., во избежание параллелизма работ и бесцельной траты статистических сил, которыми мы и так весьма скудны. Наконец, по вопросу о методах и организации кооперативной статистики в брошюре даются указания на необходимость постановки получения данных преимущественно путем секундарной статистики, не предпринимая до конструирования сети статбюро никаких исследований, и на предпочтительность экспедиционного способа собирания сведений перед анкетным. Эти теоретически правильные положения едва ли приложимы к практической работе в условиях переживаемого нами времени, когда о постановке экспедиционного обследования из-за отсутствия сил и средств многие статотделы губсоюзов не могут даже и мечтать и принуждены волей или неволей пользоваться способом анкетным, несмотря наего недостатки. Зато указание на необходимость скорейшей выработки программ и установления сроков собирания сведений, подкрепленное печальным опытом земских работ, «блестящих, глубоких, в высокой степени интересных, поучительных и важных для понимания экономически отдельных губерний, но... увы, несравнимых в общеземском масштабе, что может случиться и с кооперативной статистикой, ярко выражают практические нужды момента. По вопросу о числе вопросов, мы также присоединяемся к мысли проф. С. Жилкина, что не следует увлекаться чрезмерной детализацией программ, особенно если вспомнить, что обследования 1872 г. и 1894 г., производившиеся по программе— первое в 77 вопросов, а второе в 144 вопроса (по выработанной проф. И. Х. Озеровым программе) не дали никаких практических результатов, так как получено было не более десятка ответов, между тем как при обследовании 1897 г., производившимся анкетным способом по программе в 20 вопросов из 220 разосланных бланков было возвращено заполненными 103. Наконец, по организационным вопросам и вопросам разделения труда в выполнении статистических заданий проф. С. Жилкин указывает на необходимость специального лица в кооперативах для статистической отчетности, на необходимость использования для статистической работы впредь до создания института разъездных статистиков инструкторского персонала, а равно на желательность, ссылаясь на прекрасные результаты, полученные земской статистикой, установления кадра добровольных кооперативных статистиков. С последним в условиях современности согласиться трудно, так как этот институт в настоящее время едва ли оправдает возлагаемые на него надежды, как это мы наблюдаем на опыте с добровольными корреспондентами губстатбюро во многих губерниях, где война разрушила старую сеть, а новая сеть налаживается весьма слабо, что вызвало необходимость создания нового института, института волостных статистиков.

Таково вкратце содержание брошюры проф. С. Жилкина, которая, как я указывал, подводит итоги работе мысли в области кооперативной статистики за 1912 — 1920 годы. Появление книги можно приветствовать и рекомендовать ее вниманию всех кооперативных работников. Все-таки нельзя не пожалеть, что автор ограничился принципиальным разрешением вопросов и не коснулся более подробно вопросов программ намечаемых им работ, в которых был бы ценен его практический опыт. Вопрос о программах, конечно, будет решать съезд, но, несмотря на это, а правильнее в связи с этим, весьма важно было бы иметь работу, в которой были бы подведены итоги проделанной многими кооперативными статистиками работе по выработке программ и обследовании. Весьма полезным приложением к брошюре является «Краткий указатель брошюр и статей по кооперативной статистике за последние годы», но весьма досадным является пропуск в нем работ: А. Бадеина и Б. Перфильева «Задачи и методы кооперативной статистики». «Вестник Кооперации» 1918 г. № 11—12 и Н. А. Коковина «Организация статистического исследования». Издание союза северных кооперативных Союзов. 1920 г.

Брошюра издана опрятно, почти без опечаток (стр. 12 «целей» и несколько других) и по цене является доступной.

Проф. Г. Эльяшев.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

ГОД РАБОТЫ ВЫСШЕГО ОРГАНА ПРОФДВИЖЕНИЯ РОССИИ. (Отчет В. Ц. С. П. С. Май 1920 г.—апрель 1921 г.). 228 стр. 5 схем, 1 картограмма и 3 диаграммы. Изд. Р. И. О. В. Ц. С. П. С.

Литература отчетного характера у нас все более и более разрастается. Нет почти ни одной организации, как центральной, так и местной, которая не издавала бы своих отчетов. К каждому съезду, конференции, юбилею, календарному году и т. д. выбрасываются в свет все новые и новые отчетные издания в виде таблиц, брошюр и целых томов. Основное содержание этих изданий сводится, главным образом, к обрисовке работы своего аппарата, своей канцелярии с указанием количества входящих и исходящих, циркуляров и положений, заседаний и протоколов и т. д. и т. п. Довольно редко наблюдается здесь действительно глубокое и полное освещение вопроса посредством связи отчетных материалов с реальными результатами и иллюстрацией примерами из практической жизни и работы. Еще реже учет специфических особенностей той или иной местности, той или иной обстановки для работы. Перечисляются основные моменты развития аппарата, выхватываются те или иные моменты из деятельности только данных отделов, деятельности подчас исключительно кабинетного, бумажного характера, и этим все почти исчерпывается. Отчет готов.

К сожалению, разбираемый нами отчет В. Ц. С. П. С. также недалеко ушел от указанного выше шаблона. Ибо в нем не освещена работа мест, нет указаний на конкретные результаты тех или иных мероприятий, нет более или менее полных исчерпывающих цифровых таблиц. В этом его главный недостаток. Но вместе с тем, поскольку отчет охватывает, в конце концов, целый период деятельности высшего органа нашего профдвижения и дает нам, хотя бы и общее, но довольно ясное понятие о деятельности его отделов по отдельным отраслям нашей профсоюзной работы, он представляет известную ценность, в особенности для работников мест. Постараемся же здесь изложить вкратце основные его моменты.

I.

Начнем хотя бы с основного отдела—тарифного. Здесь мы видим развитие общей линии подхода союзной организации к делу нормирования труда. Главными моментами этой работы являлись:

1) Централизация тарифной работы союзных органов и координация такой же

деятельности многочисленных ведомств вплоть до военного.

2) Переход к премированию вообще.

3) Эпоха натурального премирования.

4) Связь тарифной работы с общей работой по материальному снабжению рабочих.

5) Стремление к т. н. единому тарифу.

И каждый отдельный из указанных здесь моментов находит свое отражение в тех или иных фактах отчета. Так, в деле централизации и координации тарифной работы отдел нормирования труда добился того, что все решительно тарифы всех ведомств получали его санкцию и тем самым разбирались им, конечно, и по существу. Особенно важным является это обстоятельство по отношению к военному ведомству, которое раньше «творило» свою совершенно самостоятельную от профессионального движения тарифную политику. При введении системы премирования наивысшим фактическ. приработком было:

300% для печатников и столько же для работников коммунального хозяйства,

400% для металлистов,

500% » кожевников,

500% » текстильщиков,

200% » для работников народной связи.

При этом отчет констатирует, что и этот приработок не оказывал необходимого влияния на поднятие производительности труда. Объяснялось это, главным образом, тем, что даже вместе с приработком тариф все-таки не давал довоенной нормы оплаты и тем самым у рабочих не было достаточного стимула для более интенсивной работы. Пришлось поэтому в дальнейшем углубить эту работу и допустить также и т. н. неограниченную сдельщину и довольно сложную дифференциальную систему премии.

Эти формы оплаты касались исключительно тех производств, где норма выработки строго установлена и проверена научным и статистическим путем.

Из отдельных предприятий, получивших подобного рода привилегии, надо отметить Путиловский завод, Питерские военно-морские заводы, Надеждинский металлургический завод на Урале, заводы Главрезины, текстильного производства и т. д. и т. д.

Строительные же рабочие и железнодорожники получили даже право на неограниченную сдельщину с прогрессивным возрастанием премий. Кроме этих систем было допущено и премирование за определенную продолжительность работы (Донецкий бассейн). Так приходилось в деле премирования приспособляться к требованиям жизни, находя в практической своей деятельности необходимую гибкость в той или иной ее степени.

Натуральное премирование представляет собой целую эпоху в деятельности наших союзов вообще и тарифных отделов в частности. Ибо на эту систему возлагались тогда особые надежды и особые требования. Поэтому и в отчете этой системе тарифной работы отводится довольно почетное место. Вначале предметами для натурального премирования служили: мануфактура, спички, махорка, нитки, посуда, галантерея и др. предметы. Только к концу отчетного периода стали прибегать к премированию продовольствием. К 1-му окт. 1920 г. только для Главнефти, Главторфа, Главкожгосоора, Химдревправления, Главтекстиля, Главсахара, Главтабака, Главрыбы, Главмеха и Эмбенского нефтепровода, на-ряду с прочими предметами, было отпущено — мануфактуры — 67.588.316 аршин, носков — 1.436.100 штук, ниток—159.383 гросса, металлических изделий на 23.000.000 руб. и т. д. и т. д. Потом в число премируемых натурой были включены также военные группы заводов, горняки, 20 заводов ударной транспортной группы, швейники и т. д.

И к январю 1921 г. мы имеем уже в общем 2.087.418 рабочих и служащих, включенных на натуральное премирование. Премирование это производилось за увеличение производительности заводов и увеличение интенсивности труда. При этом при выполнении 200% производственной программы давалось 100% премиального фонда, при 175% программы—85% фонда и т. д. и т. д. Всего на премии было выделено к 1-му янв. 1921 г. хлеба—500.000 пуд., рыбы—200.000 пуд., соли—80.000 пуд., сахара—50.000 п., масла—10.000 пуд., чаю—30.000 фун., керосину—575.000 пуд., мануфактуры—

5.500.000 арш., стеклянной посуды—65 вагонов, чугунной посуды 5 вагонов и галантереи на 100.000.000 руб.

При этом необходимо отметить и работу В. Ц. С. П. С. вообще по материальному снабжению рабочих за указанный выше период. Этой работой занимался специальный подотдел, краткие итоги деятельности которого заключаются в следующем:

Распределено по центральным комитетам союзов и губпрофсоветам, к апрелю 1921 г., всего обуви 345.600 пар, шерстяной ткани—174.256 арш., разной материи—10.000 арш., кожаных рукавиц—90.913 пар, кожан. фартуков—15.000, кожаного обмундирования—10.000 комплектов, галош—3.000 пар, обмоток—8.549 шт. и т. д. и т. д.

На-ряду с работой по премированию, снабжению и т. п. тарифный отдел занимался также организацией своих аппаратов и искал подхода к т. н. единому тарифу. В этом отношении деятельность его ограничивалась согласованием отдельных, однородных и однотипных профессий различных союзов для более или менее равной оплаты их труда.

II.

Не менее важным является также работа В.Ц.С.П.С. в деле организации народного хозяйства. Практическое проведение этой работы концентрировалось в специальном т. н. экономическом отделе. Основными задачами работы этого отдела являлись обсуждение планов работ различных хозяйственных органов, участие в формировании их руководящих коллегий, представительства в различн. рода плановых и хозяйственных комиссиях, принятие мер к поднятию трудовой дисциплины и т. д. и т. д.

В этой части отчета, как и в предыдущей, весьма сильно дает себя чувствовать недостаток в конкретных примерах посредством указания хотя бы ряда предприятий, на которые оказала свое влияние политика и практика союзной работы в этой области. Ибо здесь весьма недостаточно ограничиться, по примеру разбираемого нами отчета, общими указаниями об активном участии в перегруппировке промышленности, сокращении и концентрации предприятий, организации бюро по изобретениям, пересмотре положения о наркоматах, пересмотре состава главков и т. п., а надо было дать несколько ярких примеров из деятельности мест. Особенно это необходимо в деле определения моментов подхода к делу поднятия трудовой дисциплины. Надо было указать, где и благодаря каким факторам поднялась или упала трудовая дисциплина.

В общем сведения о работе экономического отдела отличаются своей скудостью и неполностью. Более полно представлены цифры в отчетах других частей, тесно связанных также с деятельностью по организации народного хозяйства. Речь идет о Военпродбюро и Рабочем комитете содействия.

Военпродбюро имело своей задачей: 1) формирование продовольственных отрядов, распределение их по губерниям и 2) мобилизацию ответственных работников для работы в продорганах. Как оно справилось со своей задачей, видно по следующим цифрам: Всего военпродбюро вовлечено в продовольственную работу 1.019 рабочих отрядов с общим количеством в 30.570 чел. Наибольшее количество отрядов дали: Московская губ. (231 отряд—6.777 чел.), Владимирская (91 отряд—2.624 чел.), Иваново-Вознесенск. (77 отряд.—2 143 чел.). Эти отряды, кроме своей непосредственной деятельности по реализации продразверстки, занимались еще и культурно-политической работой в деревне, организуя митинги, лекции, избы-читальни, ячейки, участвуя в перевыборах советов и т. д. и т. д. Главную роль здесь играли, конечно, ответственные работники отрядов, которых союзы дали в количестве 2.628 чел. Все эти цифры далеко не полны, так как точного учета количества работников и отрядов не было. Но что гораздо важнее—это то обстоятельство, что отчет не дает самого главного—учета того количества продовольствия, которое выкачали отряды военпродбюро из деревни. Вот эти-то сведения и явились бы самыми ценными и самыми показательными.

Другой орган непосредственной связи рабочих с деревней—рабочий комитет содействия—фиксировал свое внимание на организацию советских хозяйств и приписку их к предприятиям.

Всего за отчетный период было приписано к предприятиям около 600.000 десятин. К отдельным отраслям промышленности было приписано 387.675 десятин для металлургической, 24.347 десятин для текстильной, 12.503—химической и т. д. и т. д.

III.

Культурно-просветительный отдел за отчетный период фиксировал свое внимание, главным образом, на связи работы обще-государственных органов Наробраза с профессиональными союзами. Для этого внутри первых были организованы специальные секции. По существу же работы особое внимание уделялось професс.-техническому образованию.

Из сведений специального подотдела по профессионально-техническ. образованию, организованного союзами при Главпрофобре, видно, что за указанный период было организовано 1.046 курсов в различных городах и по различным производствам. Из них—краткосрочных (вечерних)—735, повышенного типа (дневных и для подготовки квалифицир. рабоч.)—224, курсов и школ для подростков—87. Из отдельных союзов надо отметить металлистов, у которых имелись 150 курсов, совработников—90, текстильщиков—65 и т. д. Кроме этих курсов по специально-техническ. образованию, союзы организовали еще ряд других общеобразовательных учреждений. К культпросветительной работе можно отнести и издательскую деятельность, хотя она проводилась здесь специальным отделом. Общий приход и расход материалов в книжном складе В. Ц. С. П. С. в указанный период выражается в следующих цифрах:

Приход—книг, брошюр, листовок. . .
859.630 экземпл.

Расход » » » . . . 666.855 »

Из периодических изданий выпускались ежедневно газета «Труд» с тиражем в 150.000 экз., ежемесячн. журнал «Вестник Труда» (тираж—20.000), еженедельный официальный «Бюллетень» (тираж—25.000) и спорадически выходил «Тарифный справочник» в количестве 20.000 экз. На ряду с этим имели свои периодические издания почти все губпрофсоветы и центральные комитеты союзов.

Вся указанная здесь работа В. Ц. С. П. С. требовала особо устойчивых форм, определенно организованных аппаратов, связи с местами и общее руководство их деятельностью. Общее руководство находилось, конечно, в руках президиума В. Ц. С. П. С., а чисто-организационной работой ведали организационный и информационный отделы. Из отчетов этих отделов видно, что за указанный период работало 78 губпрофсоветов, объединяющих 8.296 союзных организаций с общим количеством в 6.856.940 членов. Связь с этими организациями осуществлялась посредством съездов, совещаний и письменных отчетов и докладов, обмена печатными изданиями и т. д.

Рост этой связи характеризуется хотя бы следующим фактом. Если в июле 1920 г. было получено всего с мест 308 отчетов, то в апреле 1921 г. их насчитывается уже 2.160. Из основных организационных работ надо отметить слияние и размежевание союзов, организацию коллективов в военных учреждениях, организацию полукустарных элементов деревни в виде сезонных рабочих и проведение специальной недели для ознакомления рабочей массы с деятельностью союзов.

К организационной работе следует отнести также и фиксирование союзных органов, которое выразилось в сумме 902.427 тыс. рублей, ассигнованных по специальным сметам и внесметным порядком.

Вот в общих чертах абрис работы за год высшего органа нашего профдвижения. Что касается техники его составления, то она страдает разбросанностью и отсутствием плана. Отдел военпродбюро помещен после Института Труда, а не экономического, ему более родственного, нет схемы Орготдела, кое-где забыты даже заголовки таблиц. Помещенные в нем извлечения из протоколов президиума случайного характера. Чувствуется, как будто этот отчет составлялся, наспех, без достаточной продуманности.

Борис Файнгольд.

З. ЛЕДЕР. Профессиональное движение в Германии со времени революции. Изд. Отдела Печати Красного Интернационала Профсоюзов. Москва 1921 г. Стр. 52.

История профессионального движения вообще скудна. Несмотря на то, что в движении участвует уже свыше 50 миллионов душ рабочих обоего пола—факт, который свидетельствует сам по себе о значительности данного социального явления—в литературе почти нет опытов исследования природы и исторической последовательности его развития. Работы Веббов, Поля Луи и еще несколько монографий (вроде изданной Калифорнийским университетом попытки Бриссендена проследить историю Индустриальных работников мира) — и вся литература вопроса исчерпана.

Неизбежно поэтому приходится обращаться в поисках материала к публицистическим работам, к той относительно богатой брошюрочной литературе, которую английские библиографы с некоторым основанием называют эфемеридами, поденками. Как ни преходящи темы брошюр, посвященных профессиональному движению, как ни случайны порой иллюстрации, приводимые их авторами для доказательства основной своей идеи, все же, в общей сложности, они представляют собою обильный источник сведений. Когда-то аналогичную роль для историка политических сдвигов Англии начала XIX в. играла т. наз. «памфлетная» литература—сатирические и публицистические листки...

Разбираемая брошюра З. Ледера принадлежит не к первому, а ко второму разряду работ. Это—то же «поденка», публицистическая брошюра. Да на 52 страницах—хотя бы и убористого шрифта—несколько трудно было бы охватить заодно и широко и глубоко тему ее. Период, наступивший в истории германского профессионального движения после революции 9-го ноября 1918 г., является настолько значительным и по своему фактическому содержанию и по своему значению, что, разумеется, немыслимо дать исчерпывающую трактовку его без углубленного анализа общественно-экономических и политических факторов, предопределивших характер событий этого периода. И З. Ледер не ставил себе задачи так именно трактовать свою тему. Первоначально составленные для «Международного Рабочего Движения»—органа Профинтерна—очерки необходимо должны были оказаться публицистическими по преимуществу.

Тем не менее работа З. Ледера выделяется на общем фоне брошюрочной литературы последнего времени. С одной стороны, сама ее тема делает ее из ряда вон выходящей. Кроме брошюры Мюллера («Германские профессиональные союзы до и после революции»), в русской литературе нет совершенно очерка по революционному профессиональному движению в Германии. Тем самым—к содержанию работы З. Ледера интерес неизбежно повышается. С другой стороны, то, как автор разработал тему, придает брошюре его исключительное значение.

Дело в том, что З. Ледер, не давая социологического анализа движущих сил германского профдвижения за время после революции, не ограничивается вместе с тем и чисто описательной стороной дела. Прекрасно систематизируя факты недавней истории, он изображает их в перспективе все нарастающей классовой борьбы, учитывая прекрасно удельный вес союзов в этой борьбе и оценивая именно в этом разрезе все изменения в позициях профессиональных организаций. Было бы нецелесообразно приводить здесь иллюстрации данного подхода автора к теме, пришлось бы перегрузить рецензию огромным количеством выписок, так как вся работа является результатом такого именно подхода. Но для того, чтобы читатель имел возможность представить себе существо этого последнего, можно вырвать из в общем цельного контекста хотя бы трактовку позиций социал-демократических союзов «на пороге революции». Рассказав, как правительство старого строя образовало «министерство реформ» для предотвращения революции, и отметив, что в этот период «ново было, по справедливому замечанию Розы Люксембург, то, что роль спасителя старого строя от грозы пролетарской революции взяла на себя рабочая партия,—партия, именующая себя социал-демократической—партия Лассаля, Либкнехта и Бебеля» (стр. 8)—он указывает, что «нечто подобное произошло и в чисто экономиче-

ской области». На базисе фабричного конституционализма и хозяйственной демократии... «в Германии в 1918 г. профессиональные союзы, считавшиеся социально-демократическими, конечной целью своей ставившие как будто социализм, взяли на себя задачу «накануне социальной революции... спасти добавочную стоимость капиталистов или, проще говоря, спасти самое их существование» (стр. 9). Автор затем приводит ряд фактов, иллюстрирующих определенную замену революционного социализма жиденькой водицей «сообщности интересов трудящихся в противоположность интересам предпринимателей», и рассказывает, как, исходя из новых тенденций профдвижения, вожди союзов удачно подавили попытки пролетариата сделать из фабричных советов (Betriebsräte) оплот революционной классовой борьбы. «Противники рабочих советов вообще... превращаются вдруг в восхвалителей этих советов, как органов политических (конечно, политического контроля, а не власти!), и заявляют, что в области экономической советы ровно ни к чему не нужны... Рабочие советы,—говорится в той же статье (в центральном органе профессиональных союзов от 8 марта 1919 г.),—являются политическим органом революции и могут действовать лишь политически. И автор одновременно с этим доказывает, что на экономическом поприще рабочим советам (или советам предприятий) делать нечего». Таким образом получилось, что «Эберт и Шейдеманн с Носке ликвидировали рабочие советы, как органы политические, успокаивая рабочие массы тем, что советам передаются экономические задачи. Легин же и Лейпарт с братией позаботились, со своей стороны, о том, чтобы эту экономическую роль советов свести до нуля, сохранив полное господство на этом поприще за руководимыми ими контр-революционными союзами» (см. стр. 13—14 passim).

Если добавить, что подобная трактовка вопроса сопровождается З. Ледером весьма значительным арсеналом иллюстраций, цитат и т. д.—из чего многое еще ни разу не видело печатного станка в Советской России—то станет ясной ценность работы. Несмотря на свои ограниченные размеры, брошюра З. Ледера представляет собой существенный вклад в литературу профдвижения и для будущего историка профессионального движения в нашу эпоху Sturm und Drang'а она окажется прекрасным путеводителем по лабиринтам германской профессиональной политики. Современному же читателю с ней необходимо познакомиться, если только он хочет получить верное и точное представление о важном периоде в истории нашего времени.

Д. Чекин.

И. ЮЗЕФОВИЧ, Очерки профессионального движения Польши. Издание Отдела печати Красного Профинтерна. Москва 1921 г. Стр. 109. Без цены.

Еще в конце 1920 г. в Профинтерне, тогда еще именовавшемся Межсовпрофом, возникла мысль об издании на русском и основных иностранных языках ряда основательных работ по истории как русского, так и зарубежного профессионального движения.

До сих пор, однако, удалось выполнить лишь незначительную часть такой задачи. В издании Профинтерна вышло только несколько брошюр, при чем все они носят в значительной мере случайный характер как по выбору тем, так и по выбору авторов.

Брошюра Юзефовича входит в эту серию случайных изданий. Но она представляет, сама по себе взятая, значительную ценность. Автор превосходно знаком с движением в Польше. Он сам—непосредственный участник профессионального строительства в те годы, когда Польша была еще частью Российской империи, пережил ряд важнейших событий и до сих пор сохранил живейшую связь с польскими союзами. Поэтому ему легче, чем кому-либо другому, разобраться в картине профессиональных союзов Польши и учесть удельный вес тех или иных течений, тех или иных организационных форм движения, тех или иных дефектов в экономической борьбе польского фабрично-заводского рабочего.

Скромно названная автором «Очерками» работа эта является фактически первой попыткой дать историю профессиональ-

ного движения в стране, где экономические условия давно уже создали предпосылки к возникновению профессиональных объединений. Т. Юзефович оговаривается, что ему пришлось писать свою книгу с большими перерывами, при наличии не всегда полного материала по тому или иному моменту в истории движения. Тем не менее основательность работы стоит вне всяких сомнений, так как и подход автора,—анализ, попутно с фактической стороной истории, социально-экономического быта Польши в тот или иной исторический момент позволяет ему воссоздать историческую перспективу и дать должное представление о движущих силах классовой борьбы—и степень овладевания им материалом, и относительно хороший стиль, и язык книги содействуют ценности его выводов.

Правда, местами есть и дефекты. Внимание читателя иногда останавливается на мелочах, на деталях, которые загружают книгу и замедляют темп, с которым она читается. Вряд ли для понимания польского профессионального движения необходимо приводить подробное, по отдельным городам, количество рабочих, организованных на 1 ноября 1906 г. (стр. 48—50)—несколько случайная дата и далеко не полный статистический материал, представляющий собою простую газетную цитату (данные «Wiedza» от 1907 г.)... Но такого рода перегрузка, вытекающая, как это сразу бросается в глаза, из любовного отношения автора к мельчайшим деталям исторического прошлого польских союзов, встречается в общем не часто и мало меняет общее впечатление от работы.

Д. Ченин.

А. ЛОЗОВСКИЙ. Программа действий Красного Интернационала профсоюзов. Москва 1921 г. Стр. 103.

О книжке тов. Лозовского нельзя говорить вне связи с Учредительным Конгрессом Красного Интернационала Профсоюзов (июль 1921 года). Задача автора определялась необходимостью понести основные достижения Конгресса в широкие пролетарские массы, обобщающе отразить мысль, чувство и волю его, претворить его идеи в конкретную программу и тактику и превратить их, следуя известным словам, в ту «теорию, которая, овладев массами, превращается в реальную силу». Содержанием книжки явился весьма многообразный, концентрированный в работах Конгресса опыт международного профдвижения, преломленный сквозь призму революционной борьбы рабочего класса и идеологические сдвиги его в течение послевоенных годов.

Революционное профдвижение является продуктом последнего времени. Возникнув на почве той обострившейся борьбы классов, которой характеризуется период ликвидации наследия войны, и, в частности, все углубляющийся мировой экономический кризис, оно порвало не только с традицией довоенного реформизма, но и с перенесенной в современность довоенной революционной идеологией, соответствовавшей нормальному капиталистическому развитию. Революционное профдвижение, питаемое в различных странах аналогичными причинами, принимает многообразные формы, в зависимости от исторически-данных условий, от организационного, тактического и идеологического наследия. Особенности проявления мирового экономического кризиса в отдельных странах, различие в характере и силе предпринимательского нажима на пролетариат накладывают свой отпечаток на революционное профдвижение не в меньшей мере, чем невполне изжитые до сих пор в некоторых случаях довоенные взгляды на соотношение экономической и политической борьбы и на практические формы сочетания той и другой. Наконец, и организационное своеобразие профдвижения в отдельных странах создавало различные возможности для революционной оппозиции проявляться во вне и отстаивать свое лицо.

Революционная оппозиция против старого реформистского профдвижения кристаллизовалась, по преимуществу, на почве отрицания военной и послевоенной политики профсоюзных вождей, являвшихся по время войны подголосками империалистов и националистов, а после войны проповедывавших классовое сотрудничество во имя восстановления капиталистиче-

ского равновесия. Вследствие этого идейно-родственные революционные группы не сумели создать себе в международном масштабе общей положительной программы. А поскольку в отдельных странах революционные элементы профдвижения в тактической области страдали отсутствием творческой линии и всю совокупность своих усилий отдавали лишь борьбе за свое бытие, за свое право критики и оппозиции союзным верхушкам, постольку в международной области отсутствовало и тактическое единство. Революционные союзы и группы в отдельных странах являлись интернациональными по идеологии, но не были связаны в международном действии и не построены в ряды единой пролетарской армии. Этот организационный и идеологический разброд профдвижения являлся причиной его бессилия в суровых боях с капиталом и с реформистскими вождями профсоюзов.

Учредительный Конгресс Профинтерна дал революционному профдвижению международное бытие; смутные настроения он превратил в железную волю к непосредственной борьбе против капиталистического строя и всех тех, кто связывает развертывание пролетарских сил и препятствует этой борьбе; на место голого отрицания реформистской деятельности он поставил законченную положительную программу и соответствующую ей тактику. При этом Конгресс, с одной стороны, синтезировал весь опыт революционного профдвижения в различных странных, а с другой—конкретизировал задачи, встающие перед ним в условиях той или другой определенной обстановки борьбы.

Итак, единая борьба в многообразии форм; единый фронт, не считающийся с пограничными столбами; единый штаб, объединяющий опыт мирового профдвижения и питающийся им; единая революционная воля, одинаково проявляющаяся и на баррикадах открытой гражданской войны и в парламентских боях за социальную реформу,—вот то, что завещал международной армии труда 1-й Конгресс Красных Профсоюзов.

Тов. *Лозовский*, председательствовавший на Конгрессе, больше, чем кто-либо, был в состоянии дать комментарии к работам последнего. Его книжка написана не только с большим знанием сложного, многогранного и вечно изменяющегося предмета, но и с подъемом, обнаруживающим автора, для которого вопросы, о которых он пишет, не являются академическими вопросами, а делом его жизни.

В т. н. экономической борьбе рабочих особенно трудно провести водораздел между реформами и революцией. В профдвижении, объединяющем самые широкие массы рабочих на почве их непосредственного участия в производственном процессе, независимо от каких-либо идеологических различий, и закрепляющем их в первичные группы на самом предприятии, как бы стирается внутренний контраст между реформой и революцией, как бы умаляется то значение, которое имеют конечные цели движения. А между тем в профдвижении в неменьшей мере, чем в политической борьбе, необходима определяющая размах и силу движения четкость и определенность в постановке целей, в сочетании повседневных задач с задачами, определяющими направление боевых усилий в целом, в методах борьбы. Всякая неясность и неоформленность на-руку лишь носителям реформистской идеологии и практики классового сотрудничества. Влияние Амстердамского Интернационала в значительной степени тем и объясняется, что вождям его до сих пор удается сочетать практику участия в капиталистическом восстановлении с псевдо-революционной фразеологией.

«Каково соотношение между социальными реформами, с одной стороны, с уничтожением системы эксплоатации—с другой?—спрашивает тов. *Лозовский* (глава XIX).—Две крайности существуют по этому вопросу: с одной стороны, большинство руководителей профессионального движения считает социальные реформы целью деятельности рабочих организаций. Они мыслят себе социалистическое общество, как результат постепенного расширения социальных реформ и медленного перехода к более высоким формам общежития. Для них отдельные завоевания, постепенно расширяясь, совершенно изменяют самую структуру общества, и, таким образом, расширение социальных реформ приводит к уничтожению капиталистической системы и к установлению гармонии между классами» (стр. 77). Та-

кова душа реформизма. С другой стороны, существует взгляд, «что социальные реформы представляют собой явно вредное для рабочего класса явление... Ни сокращение рабочего дня, ни страхование, ни какие бы то ни было другие реформы не могут решить основной вопрос, и поэтому сами по себе реформы не представляют интереса для рабочих масс. Они должны исключительно думать о перевороте, о социальной революции, оставив в стороне социальные реформы, заранее имея в виду, что вся сумма социальных реформ ни в какой мере не может разрешить основных вопросов» (стр. 78).

Этим двум крайностям, одинаково вредным, тов. *Лозовский* противопоставляет подлинную революционно-классовую точку зрения. «Реформы—попутный продукт революционной борьбы, — говорит он.— Не было ни одной социальной реформы, ни одного законопроекта, охраняющего хотя бы в малейшей степени права рабочих, который был бы принят буржуазным парламентом добровольно из альтруистических соображений... Социальные реформы—определенные позиции, которые рабочий класс в повседневной борьбе отвоевывает у буржуазии. Сказать, что отвоеванные траншеи не играют никакой роли в борьбе—это абсолютно неверно, это противоречит фактическому опыту, имеющемуся во всех странах... Обе формулы: социальные реформы—все и социальные реформы—ничто, неприемлемы. Они метафизически отвлеченны и не считаются с реальной действительностью. На самом деле, рабочий класс в своей борьбе должен добиваться все более и более широких социальных реформ, ни на одну минуту не забывая о стоящей перед ним конечной цели.

Только практика, опирающаяся на такое понимание связи между реформами и революцией, является действительно революционной, ибо построена, с одной стороны, на реальном учете классовых сил, а с другой—не выпускает из рук ни одного из средств борьбы против наших классовых врагов» (стр. 79, 81).

Главная трудность, которую Красному Интернационалу Профсоюзов предстояло и еще сейчас предстоит преодолеть, это то недоверие и непонимание со стороны различных частей революционного профдвижения, которое является наследием прошлого. Повторяемые синдикалистами старые зады о том, что синдикализм способен своими силами осуществить полное освобождение трудящихся и что всякая политическая деятельность—зло, которое развращает и обессиливает рабочее движение, до сих пор препятствуют полной консолидации революционного профдвижения.

В главе XX своей «Программы действий», посвященной единству революционного фронта, тов. *Лозовский* убедительно доказывает, что единство в действии, в борьбе против исторического врага пролетариата, является необходимой предпосылкой победы, что необходимо «органическое сотрудничество между всеми революционными организациями во всех оборонительных и наступательных действиях против господствующих классов и их государства», предполагающее пересмотр архаического мнения о ненужности какой бы то ни было политической борьбы и окостенелого отношения к революционной партии пролетариата. Развивая далее свою аргументацию, тов. *Лозовский* указывает, что братство по оружию, повседневная борьба революционных синдикалистов плечом к плечу с коммунистами в одних рядах с ними против общего классового врага должны повлечь за собой быстрое изживание старого предубеждения против политической организации рабочих и расчистят почву для безболезненного преодоления всех других предрассудков революционного синдикализма.

Несмотря на свой небольшой объем, книжка т. *Лозовского* охватывает всю «программу действий» и методологию революционного профдвижения. На-ряду с главами, синтезирующими все явления социальной борьбы и рассматривающими основные проблемы в целом, специальные главы посвящены прямому действию, фабзавкомам, организационному строительству профсоюзов, контролю над производством, борьбе рабочих с дороговизной, налоговой политике пролетариата, борьбе с белогвардейскими организациями предпринимателей и т. д. Особенностью и достоинством книжки является красочный иллюстрационный материал из богатого опыта международного рабо-

чего движения, оживляющий изложение и придающий ему в сочетании с сжатыми, чеканными формулами, характерными для автора, неотразимую убедительность.

Кроме русского издания «Программы действий», в настоящее время вышли в свет издания ее в Германии, Франции и Чехо-Словакии на соответствующих языках. Подготовляются к печати издания в других странах. Таким образом рассматриваемая книжка не только может явиться мощным оружием пропаганды идей революционного профдвижения, но уже сейчас начала служить воплощением духовной общности отдельных отрядов международной пролетарской армии.

Иван Левинсон.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

Проф. К. А. ОППЕНГЕЙМ. «Россия в дорожном отношении». Опыт краткого историко-критического обозрения данных, относящихся до развития путей сообщения в России и параллельно в других важнейших странах (с приведением многих сравнительных и статистических данных по путям сообщения). Отдел Редакционно-Издательский В. С. Н. Х. Москва 1920. Стр. 157 in 8°.

Многим из читателей известен обширный труд покойного В. Ф. Мейена «Россия в дорожном отношении», касающийся в очень подробной форме экономики России в сфере шоссейно-грунтового дорожного дела и в соседних с ним областях хозяйственной жизни нашей страны. Под тем же заглавием, в сравнительно компактной форме (157 стр. in 8°), проф. К. А. Оппенгейм дает очерк истории и современного положения путей сообщения, затрагивая уже все виды транспорта—водный, гужевой и рельсовый.

Сообразно этим трем основным категориям путей, книга делится на три соответствующих отдела. Автор является сторонником распространенного в настоящее время взгляда на единство всех видов транспорта в смысле достижения конечной цели,—способствовать развитию экономической жизни государства,—и в этом направлении высказывается в разных местах книги, развивая мысль, что между отдельными видами транспорта должно быть сотрудничество (а не соперничество). В частности, разбирая вопрос о водном строительстве, проф. Оппенгейм отмечает «желательность, чтобы не сказать необходимость, сооружения в России дорог, параллельных рекам». В подтверждение своего взгляда автор указывает, что из западно-европейских железных дорог наиболее преуспевают те, которые идут вдоль деятельных водных путей (Рейн, Эльба, Везер, Сена, Луара, Рона, Темза). Тот же принцип проведения железных дорог параллельно большим рекам имеет место и в Северной Америке; напр., одна из крупнейших северо-американских железных дорог Нью-Иорк—Центральная—р. Гудзон идет вдоль этой реки. Отметим, что в самое последнее время, уже после появления работы К. А. Оппенгейма, идея постройки в России рельсовых путей вдоль водных артерий находит себе и других защитников, при чем большинство инженеров и экономистов, занимающихся транспортными проблемами, склоняются в данном вопросе к мысли о том, что наличие реки отнюдь не может служить препятствием к постройке параллельной ей железной дороги, особенно имея в виду замерзаемость наших водных путей, из общего протяжения которых только 1.070 верст сопровождаются рельсами (р.р. Западная Двина, Днепр и Припять,—все частично). В отношении связи сухопутных дорог всех видов,—рельсовых и безрельсовых, К. А. Оппенгейм, являясь защитником постройки путей различных типов, выставляет идею сооружения шоссейных дорог в Средней и Южной России по техническим условиям рельсовых магистралей, с тем, чтобы при изменении экономической конъюнктуры можно было путем небольших

дополнительных работ и простой перемены верхнего строения переделать шоссе на железную дорогу. По такому типу построены, напр., персидское шоссе (Энзели—Тегеран и Тавризская дорога). При современном металлическом голоде и слабых перспективах рельсовой промышленности в ближайшем будущем, высказываемая мысль представляется интересной. Не менее интересной представляется идея, высказывавшаяся и другими лицами, как об этом говорит и сам автор, о вменении в обязанность железным дорогам, в особенности вновь строящимся, сооружать известное количество подъездных путей. Для железных дорог, государственных и концессионных, такая работа, при наличии строительного персонала и возможности доставки необходимых материалов, не была бы обременительной. Защитники подобной идеи предлагают оформить ее законодательным порядком путем издания «закона дорожных соотношений», устанавливающего порайонно протяжение подъездных путей, которое должно приходиться на версту железной дороги.

Отметив принципиальный взгляд автора на вопрос об единстве транспорта, как одного из основных факторов экономической жизни страны, обратимся к рассмотрению отделов книги. К. А. Оппенгейм начинает свое изложение с древнейших, по времени использования человеком, водных путей. У нас, в России, как и повсюду, сообщения между отдельными частями страны начали производиться по воде, но искусственные пути появляются только в петровскую эпоху. Интерес к гидротехнике в области сообщений не остывает до конца царствования Николая I, когда железные дороги захватили первенствующее значение в сфере транспорта; последующая эпоха застоя прервана была лишь около 1874 года, когда внимание правительства вновь обратилось и на водные пути, что во внешней форме было выявлено назначением на должность министра путей сообщения адмирала Посьета. Общее протяжение водных путей в России 386.200 километров; из них искусственных водных путей (каналов, шлюзованных рек) только 2.134 килом., или 0,5%. По отношению к территории сеть наших искусственных водных путей развита значительно слабее, чем в западно-европейских странах (0,8 килом. на 100 квадр. килом. против 2,38 килом. во Франции, 2,37 кил. в Германии и 2,34 кил. в Англии), между тем, как по отношению к населению нашу сеть опережает только французская (у нас 2,75 килом. на 10.000 жителей, во Франции—3,25 кил.); это явление объясняется, конечно, редкостью нашего населения.

Из общего количества водных путей России 64% общего протяжения находятся в Европейской России и 36% в Азиатской. Протяжение сплавных путей России составляет половину всех ее водных путей (51%), а протяжение судоходных—четверть (24%). Пассажирское пароходство производится на 10% общей длины водных путей Европейской России и на 19%—Азиатской. Если выделить только крупные реки, то оказывается, что они в отношении протяжения судоходности находятся даже в несколько лучших условиях, чем иностранные реки. В то время, как половина крупных рек Европейской России и все крупные реки Сибири судоходны на протяжении 92—100% их длины, на таких же реках Западной Европы и Северной Америки судоходство совершается только на 70—90% их протяжения. Тем не менее, русские реки, как известно, значительно уступают заграничным водным путям в отношении техники устройства их и объема грузооборота. Годовой грузооборот наших внутренних водных путей в довоенное время выражался цифрой около 40 миллионов тонн, из них 55% приходится на долю Волги и ее притоков. По сибирским рекам грузов перевозится очень мало: напр., на долю Амурского бассейна приходится только 1½% общего русского грузооборота, между тем как длина судоходных путей этого бассейна только вдвое меньше Волжского. Более всего перевозится по водным путям лесных материалов (½ грузооборота), затем нефти (⅛) и хлеба (1/10); в частности, на Волге соотношение между этими грузами несколько иное, а именно: лес — 39%, нефть — 24%, хлеб—12%. При перевозках по железным дорогам преобладающую роль

играет каменный уголь, затем лес и хлеб.

Малый объем грузооборота объясняется большой длиной рек, в силу которого наличный весьма небольшой состав речного флота не в состоянии быстро оборачиваться, как это имеет место за границей. На Волге до некоторой степени неблагоприятно и самое расположение грузов по отношению к направлению течения, так как значительная доля их (хлеб, нефть) идут не вниз, а вверх по реке. Далее, в Европейской России 34% общего протяжения сплавных и судоходных путей выходит к закрытому Каспийскому морю, а 27%—к Северному Ледовитому океану; в силу такой как бы изолированности некоторых наших водных путей они остаются недостаточно использованными в экономике страны.

Общую причину упадка нашего водного транспорта автор объясняет совершенно справедливо тем, что в периоды увлечения железнодорожным строительством «внутренним водным путям не уделялось того внимания, которого такого рода пути заслуживают по своему значению для общей транспортной работы» (стр. 25). В отношении дальнейшей политики водного строительства К. А. Оппенгейм присоединяется к мнению известного деятеля Н. П. Петрова, стоявшего за целесообразное сочетание регулирования, шлюзования, землечерпания и дополнительного питания; равно выявляет идею устройства речных портов, поддерживаемую и практически развиваемую современными гидротехниками (в частности, в приложении к р. Москве). Указывая на плановую работу по водному строительству, автор ограничивается только периодом 1909—1917 г.г., совершенно оставляя в стороне позднейшие планы, в частности составленный Технико-Экономическим Советом Гл. Ком-та Госуд. Сооружений. Об этом следует лишь пожалеть, равно как и о том, что автор, вообще говоря, воздерживается от критического отношения к составленным другими лицами планам.

Водным путям посвящены 32 стр. книги проф. К. А. Оппенгейма, который на следующих 24 стр. (стр. 33—56) занимается вопросом о гужевых путях. В изложении автором истории дорожного дела в России и в ряду западно-европейских государств мы отметили бы следующую неточность: по К. А. Оппенгейму при Екатерине II проложена одна значительная дорога — Военно-Грузинская от Владикавказа до Тифлиса (203 версты); в действительности, в эпоху Екатерины произведены многочисленные изыскания и проложен ряд грунтовых трактов, еще и по настоящее время известных под именем «екатерининских большаков» (т.-е. больших дорог).

Сравнивая суммы, израсходованные на устройство шоссе в России и за границей, автор оперирует только с материалом до 1871 года, к каковому времени на русские дороги, покрытые одеждой, израсходовано, начиная с 1817 г., когда приступлено к сооружению первого большого шоссе (Петербург—Москва), всего 186 миллионов зол. руб. Дальнейшие данные, конечно, разыскать было трудно, так как они рассеяны по бюджетам различных ведомств и земств, в ведение которых в эту эпоху и перешли дороги. Оценивая деятельность земств, автор указывает, что причиною упадка дорожного дела в них было отсутствие единого определенного порядка в размерах участия со стороны губернских и уездных земств в деле содержания дорог. Заметим, что вопрос заключался не только в этом: земства часто и вовсе не имели достаточно средств, так как были ограничены размером предельного обложения, переходить который они не имели права. Далее, виновато было и центральное правительство, которое недостаточно субсидировало дорожное дело на местах и весьма слабо его инструктировало; сами же земства, за некоторыми исключениями, не могли предоставить своим работникам соответствующей обстановки в жизни и работе и часто не могли привлечь к себе достаточно талантливых инженеров.

В результате дороги наши в плачевном состоянии. По исчислениям К. А. Оппенгейма, у нас дорог всего 737.000 килом., из них, по данным довоенного времени, покрыто одеждой 35.770 кил. Примерно, половина этих шоссе отошла к окраинным государствам; мы лично считаем,

что наша шоссейная сеть в настоящее время около 20 с небольшим тысяч километров. Чтобы достигнуть уровня западно-европейских государств, России нужно, по исчислению автора, построить круглым счетом 800 тысяч килом. шоссе; при этом, сам же К. А. Оппенгейм отмечает невозможность произвести такую работу. С этим приходится, конечно, согласиться и пожелать, вместе с автором, чтобы на шоссейное строительство обращалось внимание не менее, чем на железнодорожное.

В отношении дорожной политики на будущее, в книге проф. Оппенгейма развиваются известные мысли, которые следует считать вполне рациональными: автор рекомендует усилить автомобильное движение и тракторную тягу (в частности гусеничными тракторами) по грунтовым дорогам. В разногласии с К. А. Оппенгеймом мы остаемся по вопросу о колеях или колесопроводах на шоссе: на эту дорогую конструкцию мы надежд в России не возлагаем, да и за границей она особых результатов не дала. Вопрос об электрической тяге на гужевых дорогах, который мимоходом затрогивает автор (стр. 55), конечно, очень интересен, но разрешиться он может лишь постольку, поскольку удастся подойти к электрификации России вообще.

Третья часть книги проф. Оппенгейма посвящена наиболее важной отрасли транспорта—железным дорогам, в которых автор является специалистом по преимуществу. Подробная история железнодорожного дела в России занимает по объему около трети всей книги (стр. 57—106). Первая дорога (Царскосельская) сооружалась в 1836—1837 годах; но серьезное начало нашему железнодорожному строительству положено в 1842 году. Когда решено было, несмотря на сильную оппозицию, провести рельсовую дорогу от Петербурга до Москвы; при этом Николай I распорядился, «по примеру других держав, возвести оную на счет казны, дабы удержать постоянно в руках правительства и на пользу общую сообщение, столь важное для всей промышленной и деятельной жизни государства». Цифровые результаты нашей деятельности в области железнодорожного строительства приводятся автором в особой таблице (стр. 108), из коей явствует, что, примерно, $^2/_3$ длины нашей железнодорожной сети сооружено на средства отдельных частных предпринимателей и $^1/_3$ на средства казны; однако за выкупом в казну весьма многих частных дорог к 1914 году фактически наблюдалось обратное соотношение между протяжением казенных и частных дорог: первых было 43.510 в. или около $^2/_3$ общего протяжения сети, а вторых—21.337 в. или около $^1/_3$. Заметим, что, за отпадением окраинных государств, длина современной русской сети около 60.000 верст. По отношению к протяжению мировой сети наши дороги (в 1913 г.) составляли 6,6%, между тем, как территория России занимала 17% континентальной поверхности земного шара. Стоимость сооружения мировой сети, по данным немецкой статистики на 1913 г., достигает 200 миллиардов марок, или около 92 миллиардов золотых рублей, размер же строительного капитала нашей сети автор оценивает в 7,6 миллиардов (т.-е. 8,3% от стоимости мировой сети). Мы, на основании собственных подсчетов, полагаем, что строительная стоимость русских железн. дорог несколько выше и может быть определена в 8,4 миллиардов золот. руб., что по отношению к стоимости мировой сети составит 9,1%. Таким образом, средняя поверстная стоимость наших дорог выше мировой; абсолютный же расход на версту дороги, относя капитал 8,4 миллиарда зол. руб. к сети 1917 г. (73.112 в.), около 115.000 руб. (по К. А. Оппенгейму—117.000 руб.). Средняя мировая стоимость 1 версты сильно понижается громадной и дешевой американской сетью (82.000 руб. с версты), тогда как все западно-европейские жел. дор. обошлись дороже русских. В частности в Великобритании строительная стоимость жел. дорог наибольшая (360.000 руб.). Отметим, кстати, досадную опечатку на стр. 112: длина мировой сети в 1913 году, очевидно, не 1.004.200 кил., а более, так как в 1910 г. она уже превышала эту величину.

Обращаясь к характеристике работы нашей сети, автор дает следующий цифровой материал: интенсивность грузо-

оборота у нас 70.000 тысяч пудоверст на версту (1.160 тысяч тонно-километров на километр, против 1.600 в Великобритании, 1.050 в С. Штатах и 600 во Франции). Количество пассажиро-километров на километр (или, что одно и то же, пассажиро-верст на версту) составляло до войны на наших дорогах круглым счетом 400 тысяч и уступало германскому (600 тысяч) и французскому (550 тыс.), но было выше, напр., с.-американского (130 тыс.). Средний пробег грузов по русским жел. дор. в последние перед войной годы был 475 кил. (по водным путям—950 кил.), т.-е. значительно выше пробега за границей. Среднее количество пробега пассажиров, приходившееся на одного жителя в год, у нас было около 120 пассаж.-километров, т.-е. менее чем за границей от 2 до 5 раз; более всех ездят по жел. дор. в Германии, затем идут северо-американцы и французы; о движении пассажиров в Англии данных нет.

Период 1900—1910 г.г. был дефицитным в нашем жел.-дор. хозяйстве. «С 1910 г.,—говорит К. А. Оппенгейм,—наша железнодорожная сеть, в связи с общим оживлением экономического состояния страны и предпринятыми правительством некоторыми мерами по улучшению эксплоатации дорог, заняла довольно благоприятное положение» (стр. 131). К сожалению, автор, ограничиваясь этими словами, недостаточно характеризует читателю эпоху Рухлова, который в поисках экономии отказывал дорогам в технических улучшениях и увеличении оборудования, в результате чего станции и узлы оказывались недостаточно развитыми, инвентарь изношенным, мастерские несоответствующими своему назначению и т. д. Труд железнодорожников, как указывает автор, оплачивался значительно ниже, чем за границей, за счет чего получался благоприятный для наших дорог коэффициент эксплоатации, т.-е. отношение расходов по эксплоатации к валовому доходу, выражаемое в процентах. В последние три года довоенной эксплоатации наших дорог (1911—1913 г.г.) указанный коэффициент составлял 58,8. В 1913 г. этот коэффициент был ниже, благоприятнее в смысле экономности эксплоатации, чем в Германии, Франции, Англии или Соед. Штатах. Заметим, кстати, что, как в России, так и за границей, частные дороги эксплоатировались экономнее казенных (в 1913 г. коэффициент эксплоатации на частных дорогах был 54,8, на казенных 62,4, в среднем 60,2).

В вопросах железнодорожной политики автор является защитником частного хозяйства, указывая, что ложными приемами правительства частная инициатива была лишена возможности дать желательные для государства результаты. В частности автор порицает образ действий Вышнеградского и Витте, взявших в свои руки тарифное дело, требовавших срочного погашения правительственных ссуд и усиленно выкупавших дороги в казну, и считает их политику для их эпохи преждевременной. Вопрос об отношении к частному железнодорожному строительству крайне сложен; не останавливаясь на его анализе, отмечаем лишь направление взглядов автора. В одном из доказательств автора нужно указать на вкравшуюся неточность (стр. 125). Автор совершенно правильно утверждает, что в эпоху Александра III, в продолжение которой железные дороги строились у нас с явным предпочтением казенного строительства, было построено дорог вдвое меньше, нежели в эпоху Александра II, когда частная инициатива имела более широкий простор (11.649 верст против 20.161 в.), однако, если подсчитать средний годовой успех строительства при Александре III, то он оказывается не ниже, а выше чем в предшествующее царствование (832 версты в год против 806 верст). В железнодорожной политике последних лет К. А. Оппенгейм видит ошибку в строгом отношении к результатам предварительных экономических изысканий проектируемых дорог (ожидаемый грузооборот, вероятные финансовые результаты эксплоатации), в силу чего многим соискателям отказывалось в разрешении построек. Автор защищает «малые» дороги, считая вредной систему протекционизма по отношению к нескольким излюбленным старым обществам, монополизирующим частное строительство,—систему, проводившуюся Вышнеградским и Витте (стр. 127). При

выдаче в будущем концессий автор полагает необходимым извлекать из них больший доход, чем было до сих пор, и совершенно отрицает правительственную гарантию (стр. 146).

К будущему нашей железнодорожной сети в Европейской России проф. Оппенгейм подходит с мыслью сравнять ее, в смысле густоты по отношению к территории, с западно-европейской, вводя одновременно поправку на разницу в плотности населения России и Западной Европы. В результате ряда арифметических выкладок, автор приходит к заключению, что к 1930 г. мы должны построить около 70.000 килом. дорог, или, начиная с 1920 г., по 6.600 верст ежегодно. Азиатскую Россию автор сравнивает с Соединенными Штатами и аналогичным же путем доходит до ежегодной цифры железнодорожного строительства в Азиатской России по 8.000 верст, а всего для страны 6.600+8.000=14.600 верст дорог в год. Мы не разделяем взглядов автора ни в отношении методологии подхода к плану строительства, ни тем более во взглядах на результаты подсчета. Плановая работа у нас велась и ведется на основах экономического изучения нужд районов в путях сообщения, и более точные решения вопроса имеются на-лицо (работы комиссии И. Н. Борисова, плановая деятельность Гл. Ком-та Госуд. Сооружений, о которой мы уже упоминали и т. д.). Правда, эти работы, быть может, несовершенны и нуждаются в дальнейшем пополнении и развитии; однако результаты их все же основаны на известном изучении экономики отдельных районов, что в подсчетах проф. Оппенгейма в данном случае не выявляется. Вместе с автором и мы считаем, что «будущее России—в путях сообщения» (стр. 157), но очень боимся, что, с одной стороны, плачевное положение нашей металлургической промышленности, с другой—нехватка металла на мировом рынке, а также и ряд других обстоятельств, не позволят нам в ближайшем будущем осуществить большую железнодорожную программу.

Размеры рецензии не дают возможности исчерпать всего богатого материала, затронутого в книге проф. Оппенгейма, который по свойственной ему добросовестности и выдающейся способности к систематизации, собрал данные, касающиеся массы вопросов прошлого и настоящего нашего транспорта. Что касается будущего, то, в частности, весьма жаль, что автор рельефно не выявил своего отношения к сверхмагистралям, которые в последнее время выдвигаются в качестве одного из решений транспортной проблемы.

С чисто внешней стороны, следует отметить малую расчлененность работы, что затрудняет пользование ею для справок. При следующем издании книги, которого она по своей несомненной пользе и дождется, необходимо будет разбить три подотдела на отдельные, более мелкие параграфы и снабдить книгу оглавлением, без которого ныне она много теряет.

Книга читается легко, несмотря на обилие цифр, с большим интересом, и ознакомление с нею безусловно следует рекомендовать всем лицам, работающим в области экономики транспорта или соприкасающимся с нею.

Проф. Д. П. Крынин.

СООБЩЕНИЯ О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТАХ В РЕСПУБЛИКЕ. Издание Научно-Технического Отдела В. С. Н. Х. 1920—1922 г.г. Выпуски I—VI, стр. 44+108+54+58+159+74+72. Москва. Выпуск VIII. Стр. 68. Петроград.

В этих «Сообщениях» печатаются краткие резюме (по 20—40 строк) научных и научно-технических работ, как законченных, так и не законченных и даже только намеченных к исполнению, при чем отдельные сообщения занимают, в среднем, не более 10—15 печатных строк.

Очевидно, издание таких сообщений ответило насущной потребности деятелей науки, если судить по тому большому количеству материала, который поступил в редакцию.

Всего напечатано более 450 сообщений, касающихся самых различных отраслей науки и техники: химии и химической технологии, физики, рентгенологии и радиологии, минералогии, геологии, бактериологии, пищевых продук-

тов, гигиены и методики санитарных исследований, биохимии, сельского хозяйства, инженерного дела, электротехники и др.

Кроме сообщений об отдельных работах, в журнале имеется несколько кратких отчетов о деятельности целых учреждений. Так, напр., под № 40 помещен чрезвычайно сжатый, но весьма содержательный обзор деятельности Института по удобрениям, с изложением истории его возникновения, результатов работ по изучению фосфоритовых залежей и их химической переработки, работ агрономической лаборатории, организованных Институтом курсов, лекций и изданий.

Печатание такого рода сообщений о научной жизни особенно интересно для тех многочисленных лабораторий специального назначения, которые народились за время войны и за последние годы, и о работе которых очень немногие, кроме близко стоящих к делу лиц, имеют представление.

Выпуск III «Сообщений» целиком посвящен Съезду Российской Ассоциации физиков, происходившему в Москве с 1-го по 6-ое сентября 1920 г. и насчитывавшему 500 членов. В обзоре, кроме отчета об общих собраниях, работе секций и принятых на съезде резолюций помещены 35 авторефератов о докладах, прочитанных на съезде.

Выпуск V занят обзором трудов Всероссийского Съезда научных деятелей по металлургии, происходившего в Москве с 11-го по 20-ое ноября 1920 г.; в конце обзора помещено около 40 резюме прочитанных на съезде докладов.

Наконец следует еще упомянуть о помещаемых в некоторых выпусках иностранных известиях, в которых кратко излагаются самые важные научные достижения за последнее время. Особенно интересны доклады акад. П. П. Лазарева: «О строении атома» и проф. Ив. Каблукова: «Об изотопии элементов по Астону», излагающие новейшие работы, опыты и гипотезы в этой области, которые внесли так много в понимание строения атома, что приходится признать в этих работах начало новой эры как теоретической, так и экспериментальной физики.

В настоящее время, когда издание больших журналов, посвященных отдельным отраслям науки и техники, все еще встречает большие технические затруднения, появление в свет таких «Сообщений», позволяющих всякому деятелю науки и техники осведомлять о своих работах и ознакомиться с работами, ведущимися в других научных лабораториях, безусловно должно принести большую пользу в смысле объединения научных сил Республики.

А. А. Теснер.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. Изд. Научно-Технического Отдела В. С. Н. Х. Москва 1920—1921 г.г. №№ 1, 2, 3 и 4—5. Стр. 72+78+58+88, in 4°.

Журнал посвящен рассмотрению «разнообразных научно-технических вопросов, связанных с организацией промышленности, с усовершенствованием народного хозяйства, с изучением и изысканиями природных богатств страны и развитием всех производительных сил республики».

Редакция поставила себе задачей отражать в журнале со всей возможной полнотой научную и научно-техническую работу учреждений и отдельных деятелей науки и техники, при чем предполагалось, что, при обсуждении различных вопросов народного хозяйства, будут выступать, с одной стороны, представители науки, а с другой—представители промышленных предприятий и руководители учреждений, регулирующих народно-хозяйственную жизнь страны.

Как видно, цели и задачи журнала были задуманы очень широко, но несмотря на исключительно квалифицированный состав его руководителей и авторов, осуществить их удалось только отчасти, главным образом, вследствие вызванного бумажным кризисом чрезвычайно скудного объема и ряда типографских затруднений, в результате чего вместо предполагавшегося всестороннего и систематического обсуждения вопросов, получился ряд отдельных, чрезвычайно интересных и ценных статей по самым

разнообразным отраслям науки, техники и народного хозяйства.

Реферировать отдельные статьи, вследствие чрезвычайного разнообразия затрагиваемых ими тем, не представляется возможным; отметим, как одну из самых интересных статей, работу акад. *В. М. Бехтерева*: «Личность и труд», в которой автор, указывая, что Тэйлором и его последователями разработана техническая сторона вопроса—интенсификация работы в целях подъема производства, но мало затронуты исследованием роль личности в исполнении труда и, в особенности, влияние физического труда на самую личность, приходит к выводам, что в задачи науки о труде—«Рефлексологии труда»—прежде всего должно входить возможно точное определение количества и качества производимой работы при разнообразных условиях ее выполнения без нанесения существенного вреда здоровью трудящегося. Разбирая сделанные в этом направлении работы, автор отмечает, что имеющиеся научные данные в вопросе о труде скорее намечены, чем разрешены, и лишь вопросы утомления разработаны несколько более детально, хотя и здесь далеко еще не все выяснено в должной полноте.

Больше всего статей касается вопросов химии и химической технологии (о химической переработке фосфоритов, о производстве эфирных масел в России, о сухой перегонке дерева, о получении спирта из опилок, сульфитных щелоков и торфа, о значении высоких температур для техники и другие).

Ряд статей посвящен вопросам изучения и использования природных богатств России (Карабугазский залив, Уральская область, бассейны Вишеры, М. Печоры и Илыча).

Несколько статей занято вопросом о восстановлении железнодорожного транспорта, несколько посвящено вопросу об электрификации, есть статьи о задачах городского и сельского строительства, об авиации, по металлургии, о сельском хозяйстве и проч.

Как видно из этого краткого перечня, содержание журнала чрезвычайно разнообразно и охватывает почти все важнейшие отрасли техники (в широком смысле этого слова) и промышленной жизни страны, знакомя, с одной стороны, с новейшими достижениями в них, а с другой —с очередными задачами момента.

Д. Д. Теснер.

Проф. Л. Г. ГУРВИЧ. Научные основы переработки нефти. Издание Издательского Комитета Азербайджанского С. Н. Х. Баку 1921 г. VIII+358 стр. in 8°.

Труд проф. Гурвича принадлежит к разряду тех монографий, из которых за границей в последние годы перед мировой войной стали составляться циклы многотомных справочников, посвященных отдельным областям науки и научной техники. Каждая монография, написанная специалистом, представляет законченную и вполне самостоятельную работу.

Являясь признанным авторитетным специалистом в вопросах научного исследования нефти, автор избрал хорошо известную ему область, объем которой вполне определяется заглавием книги. В ней нет ничего ненаучного, не освещенного теорией, не проверенного критическим опытом,—только материалы физики и химии, имеющие отношение к переработке нефти. На основе теоретических положений рассматриваются и освещаются специальные исследования по нефти и способы работы, установившиеся в технике. При этом в задачи автора входит не описание отдельных аппаратов, а лишь установление основных путей и результатов их.

Книга распадается на три главных части: 1. Состав и свойства нефтей (с краткой характеристикой важнейших нефтей). 2. Переработка. 3. Продукты. При составлении книги использованы литературные источники, русские и иностранные, приблизительно по 1917—1918 г. Что особенно важно—уделено много внимания особенностям русских нефтей, преимущественно бакинского района, и их переработке.

Как для научных исследований нефти, так и для образованных техников, желающих, в целях разумной и правильной работы, сохранить связь с наукой, книга

является необходимым пособием. Первоначально, в 1913 г., эта книга, принадлежащая перу русского автора, вышла на немецком языке, получила в специальной литературе весьма положительные отзывы и неоднократно цитировалась. Ныне, на русском языке, она появляется в значительно переработанном и расширенном виде.

Б. Тычинин.

---

1. Дж. БУРРЕЛЬ, Фр. М. СЕЙБЕРТ, Дж. Дж. ОБЕРФЕЛЛЬ. Извлечение газолина из естественного газа конденсацией. Стр 64, in 4°, 18 чертежей и диаграмм на отдельн. листах.

2. Дж. БУРРЕЛЬ, П. М. БИДДИСОН, Дж. Дж. ОБЕРФЕЛЬ. Извлечение газолина из естественного газа путем поглощения. Стр. 47 in 4°, 15 чертежей и диаграмм на отдельных листах.

Переводы с англ., под ред. проф. М. М. ТИХВИНСКОГО. В. С. Н. Х., Отдел Редакционно-Издательский. Серия редакции журнала „Нефтяное и Сланцевое Хозяйство". 1921 г. Петроград.

Обе работы появились сначала в №№ 1—4 и 5—8 журнала *«Нефтяное и Сланцевое Хозяйство»* за 1921 год и затем были выпущены отдельными брошюрами, войдя в серию изданий редакции названного журнала.

Известно, что в промышленности и технике под наименованием «естественного» или «натурального» газа разумеют газы различного химического состава, выходящие из земли, которые, будучи зажженными, обладают способностью поддерживать горение. Эти газы могут утилизироваться в двух направлениях—либо подвергаться сжиганию непосредственно под топками паровых котлов, в форсунках двигателей внутреннего сгорания и осветительных горелках, либо сгущаться в жидкость—газолин. Второй способ утилизации имеет большие преимущества перед первым, т. к. позволяет избегать проведения дорого стоящих длинных газопроводов и допускает транспортировку полученного продукта на какое угодно расстояние. Благодаря современному развитию авиации и автомобилизма, спрос на газолин беспрерывно растет и вызывает к жизни новую промышленность—газолиновую. Наибольшего развития она достигла в С.-А. С. Ш., где еще в 1913 году валовая стоимость добытого натурального газа в ряду валовой стоимости добытых полезных ископаемых занимала по порядку шестое место: 1) медь, 2) нефть, 3) железо, 4) уголь, 5) золото и 6) натуральный газ, при чем в 1914 году здесь было добыто 96% мировой его добычи, Газолиновая промышленность в Америке делает очень быстрые шаги, и с 176 заводских установок 1911 года увеличивается до 594 установок в 1916 году, коими было выработано 104.200.000 галлонов газолина.

Хотя эта цифра составляет для С.-А. С. Ш. только 35% всего количества газолина, здесь выработанного, т.-е. полученного не только из естественного газа, но насколько она велика для нашего российского масштаба, видно из того, что она превышает нашу довоенную выработку бензина в 10—15 раз, при чем следует оговориться, что газолин и бензин получаются у нас, как только продукт перегонки нефти—и до настоящего времени ни одного пуда газолина заводским путем из естественного газа у нас еще не получено, и ни одной заводской установки для переработки естественного газа в газолин у нас не построено. Явление это, конечно, совершенно недопустимо, т. к. «естественного» и в частности нефтяного газа у нас улетучивается в воздух неимоверно большое количество на нефтяных промыслах в Бакинском, Грозненском и других нефтяных районах, где почти каждая действующая скважина, каждый открытый резервуар и чан с нефтью являются источниками, откуда газ так или иначе мог бы быть извлечен, но дальше его сжигания, да и то в крайне ничтожных размерах и несовершенным путем, дело пока не пошло. У нас, как и в других странах, естественный газ встречается не только в связи с богатыми нефтяными месторождениями, но и в районах, бедных нефтью и даже совсем не связанных с нефтяными месторождениями, как напр., Ухтинский, Самарский, Ставропольский, Таманский, Астраханский, Керченский, Мелитопольский и т. д., и нет сомнения, что если для развития

газового дела в дальнейшем будут проявлены достаточные настойчивость и любовь к делу, как, например, это наблюдается в отношении развития сланцевого дела, Россия займет подобающее ей место в мировой газовой промышленности, ибо, повторяем, все возможности у нас для этого имеются.

В ряду причин нашей отсталости, несомненно, является также и отсутствие практического навыка, отсутствие технических знаний в этой отрасли—и поэтому стремление журнала *«Нефтяное и Сланцевое Хозяйство»* дать русским техникам возможность ознакомиться с последними достижениями Америки в этой области по трудам лучших и наиболее известных специалистов, авторов названных брошюр, следует горячо приветствовать.

Обе брошюры касаются переработки в газолин, главным образом, нефтяного газа, при чем для газов «жидких», содержащих по преимуществу ряд предельных углеводородов, практически оказывается более подходящим получение газолина способом конденсации. Эти углеводородные газы, проходя через аппаратуру газолинового завода, сжимаются в одно или двухступенчатых компрессорах до 300 фунтов на кв. дюйм, и, при одновременном охлаждении водой, конденсируются в жидкость—газолин. Универсальных цифр для ведения наиболее выгодного процесса сжижения и максимального выхода газолина авторы не дают, т. к. каждый газ имеет свое предельное давление, при котором он дает наибольшее количество газолина,—и надо остерегаться переходить этот предел, т. к. тогда хотя и получится больше газолина, но он будет обладать слишком большой испаряемостью и будет быстро улетучиваться при соприкосновении с воздухом.

Путем конденсации с выгодой можно использовать естественные газы с содержанием в 1000 куб. футах газа свыше $^3/_4$ галлона газолина, газы же более бедные и так называемые «сухие», которые, главным образом, используются для осветительных и топливных целей в городах и на фабриках, считались негодными для сжижения в газолин вплоть до введения в технику способа «абсорбции»—поглощения. Принцип этого способа, описанию коего посвящена вторая брошюра, состоит в том, что естественный газ приводится в соприкосновение с маслом, более тяжелым по удельному весу, чем газолин (по преимуществу употребляют соляровый дистиллят), в результате чего масло поглощает содержащийся в газе газолин; далее поглощенный газолин извлекается из масла помощью дистилляции.

В обеих брошюрах содержится много ценных практических указаний, как вести лабораторную работу по анализу пригодности газа для его переработки в газолин, приводятся исчерпывающие результаты различных заводских и опытных газолиновых установок с детальными описаниями технических устройств и аппаратуры газолиновых заводов и приводятся цифры стоимости оборудования газолиновых заводов различной производительности. По своему ценному содержанию обе эти брошюры должны сделаться на стольной справочной книгой у каждого техника, интересующегося развитием нефтяного и газового дела.

Инж. А. Я. Гиммельфарб.

С. И. ЧАРНОЦКИЙ. Методы подсчета запасов нефтяных месторождений и опыт их применения к Грозненскому и Майкопскому районам. Изд. журнала «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». Стр. 69, с 3 картами и 17 диаграммами. Петроград 1922.

Каждое горное предприятие, а тем более государство, должно точно знать, чем оно владеет не только на поверхности, но и в недрах земных, и горная техника в контакте с наукой ищет путей к удовлетворению этого естественного требования разными способами, в зависимости от рода ископаемого, исчисляя запасы того или другого полезного ископаемого, при чем в геологии принято делить запасы полезных ископаемых на видимые, вероятные и возможные.

Для полезных ископаемых твердых, имеющих пластовое или близкое к нему строение и однородных по своему составу, как, напр., уголь, фосфорит, многие строительные камни, каменная соль и т. д., подсчеты делаются легко, т. к. по-

сле детальной разведки, в особенности помощью алмазного бурения, можно получить все элементы, нужные для точного подсчета.

Труднее обстоит дело с исчислением запасов многих рудных залежей, неоднородных по своему составу и имеющих неправильные формы разветвляющихся жил и т. д., но и в этом случае более или менее реальные подсчеты возможны.

Что же касается подсчетов запасов жидких и газообразных полезных ископаемых, как нефть и естественный газ, то в этих случаях нужна очень детальная разведочная эксплоатационная работа, как в подсчитываемом районе, так и ему аналогичных, чтобы, пользуясь методами статистики и теории вероятности, подойти ближе к вопросу.

Правительство Северо-Американских Соединенных Штатов, крайне заинтересованное подсчетом нефтяных рессурсов, поручило своему Геологическому Комитету сделать подсчет запасов нефти во всех районах, с указанием степени их истощения. В результате работ различных Комиссий, в частности работ W. Pack'a, Arnold'a и M. I. Requa,—вопрос о методах подсчета запасов нефти получил несколько новых решений, в основу которых кладется статистика добычи нефти и геологические результаты, полученные при бурении скважин.

Для России аналогичную работу предпринял геолог *С. И. Чарноцкий*.

Автор работы делает попытку подсчитать запасы нефти в Майкопском и Грозненском районах. В первом районе, где нефть залегает линзами, границы коих определены большим количеством буровых скважин, вполне возможен простейший так наз. «объемный» подсчет запасов.

В Грозненском районе, где месторождение нефти состоит из 5 горизонтов с 21 промышленными пластами, при чем строение пластов песчаника, песка и песчанистой глины, в коих залегает нефть, неоднородно по своей мощности и по своей структуре,—«объемный» способ подсчета не подходит, и здесь приходится делать исчисление запасов на основании статистических данных за предшествовавшие годы, используя также геологические данные, добытые буровыми работами, и применяя особый сложный метод вычерчивания «кривых эксплоатации», в других вариантах применяемый при подсчетах Геологическим Комитетом в Америке.

Автор для разведанной части Майкопского района определяет оставшиеся к 1920 году запасы нефти в 38.824.000 пудов, для Старо-Грозненского района остаток к 1917 году в 2.453.000.000 пуд. и для Ново-Грозненского района к 1917 году в 2.375.000.000 пудов. По мнению автора, не представляют затруднений подсчеты запасов Бакинского района и Ферганы, имеющих хорошо выполненные пластовые карты. Остальные эксплоатационные районы, не имеющие пластовых карт, с слабо развитыми эксплоатационными работами и неудовлетворительной статистикой, представляют большие затруднения для подсчета, и результаты этих подсчетов могут быть отнесены только к категории «возможных» запасов, т.-е. по достоверности к III группе.

Нет надобности распространяться, как важны в экономике государства попытки подсчетов главнейших богатств страны, а равно и вопрос о самых методах таковых подсчетов, и эта книжка, популярно написанная и изданная по постановлению 1-го Всероссийского Съезда Нефтеработников, прочтется с большим интересом как специалистами нефтяного дела, так и широкой публикой.

Инж. А. Я. Гиммельфарб.

Инж. Л. М. ИОЛЬСОН. «Очерки по истории промышленности». Пособие для студентов Политехнического Института Уральского Государственного Университета. Гос. Изд. Уральское Областное Отделение Екатеринбург 1920 г. Ц. 15 рублей. Стр. 42.

Пособия по политической экономии и истории промышленности стали в настоящее время почти что библиографическими редкостями. Старые руководства вышли из продажи и обращения, новых почти что не издают... И если о первом обстоятельстве, исчезновении с рынка ранее широко распространенных пособий, теперь, в новых условиях, редко приходится сожалеть—то послед-

нее—отсутствие новых пособий, освещающих историю промышленности и основы политической экономии не с буржуазной уже, а с марксистской точки зрения—заставляет призадуматься. Ведь студенчество остается зачастую без всяких пособий и вынуждено ограничиваться только записками во время лекций—что далеко не всегда достаточно...

Вот почему инициативу Уральского Отделения Госуд. Издательства по выпуску пособия Иольсона следовало бы приветствовать, если бы работа Иольсона, при всех своих достоинствах, не страдала двумя основными дефектами: чрезвычайной скупостью фактического содержания, вытекающей из конспективной беглости каждой лекции, и непростительной небрежностью ряда даваемых автором формул.

С первых же слов книжки последний дефект бросается в глаза. Автор, определив слово «промышленность», как «тот вид деятельности человека, который направлен на добывание природных веществ и на их приспособление для удовлетворения материальных и духовных нужд» (стр. 3), через несколько фраз оговаривается: «понятно, что не всякое производство может быть названо промышленностью, крестьянин, срубивший дерево и сделавший себе из него стол,—не промышленник, основным отличием промышленности является добыча сырья и обработка его не для личных потребностей, а для обмена на другие изделия или для обмена на деньги, т.-е. для продажи» (ibid). Тут—нагромождение неточностей, рожденных небрежностью формулировки. Для знакомого с вопросом читателя (а таких немного среди студенчества) ясно, *что хотел* сказать автор. Им руководило желание отграничить строго область своей истории историей фабричной промышленности. Но от желания до исполнения в данном случае легла непроходимая пропасть. Вместо отграничения сферы исследования, Иольсон наговорил просто-напросто неверных вещей. Само собою, что и этимологически, и исторически, и с хозяйственной точки зрения промышленность не есть только производство для продажи, на рынок. Русский язык поэтому и квалифицирует слово промышленность прилагательными «домашняя», «кустарная», «фабричная», «социалистическая» и т. д. для определения различных видов ее. Само это слово означает вообще хозяйствование, промышляние материальных благ. «Промышляет» и крестьянин, срубивший в лесу дерево и обтесавший его в оглоблю... Массовое же производство на рынок определенно принадлежит к одному из видов промышленности, а не представляет собою *исключительный* вид ее. Да и исторически и с экономической точки зрения нельзя выделять фабричную промышленность путем определения ее, как производства на рынок (один, но не ей только свойственный признак). Производит на рынок и кустарь. Кустарь потому и кустарь, что он—лишь свободное от земледелия время тратит на производство изделий не сельско-хозяйственного типа. И часто значительную часть этих изделий (домотканное полотно, полотенца и т. д.) оставляет у себя для личного потребления. И история промышленности, разумеется, не может пройти мимо истоков современного капиталистического производства—цехового строя и кустаря—одиночки, организуемого капиталистом в систему народного хозяйства, свойственную переходной к капитализму эпохе... Словом—если можно бы было напутать в определении слова «промышленность» больше, чем это сделал автор—то остроумию такого путаника можно было бы позавидовать. Мы не говорим уже о сомнительной ценности определения промышленности, как «добывания природных веществ и их приспособление» etc. Ведь давно дана прекрасная и точная формулировка: хозяйственное «овладевание силами и богатствами природы и их использование».

Когда читаешь курс Иольсона на аналогичные путанные формулы, иногда даже просто исторически и фактически неверные, натыкаешься часто. Вот еще одно замечательное место: «Сначала горожане вновь возникающих городов,—говорит автор (стр. 5),—занимались земледелием, но постепенно, благодаря легкости сбыта, центр тяжести переносится на обрабатывающую промышленность». Так! Как будто не наоборот—не земледелие являлось исторически

случайным моментом в жизни возникающих городов, как будто сами города не возникали либо на месте, где легко (по состоянию путей сообщения) организовывался сбыт (торговое происхождение города), либо там, где удобно было создать военно-административный центр, либо, наконец, в более позднюю эпоху, на месте источников топлива либо сырья (города-поденки в Калифорнии в эпоху «золотой горячки»)...

Затем— в вину автору этого, пожалуй, не поставишь: так как, повидимому, ответственна за это экономия в бумаге— чрезмерная сжатость, конспективность пособия делает его чересчур поверхностным.

В общем, таким образом, инициатива Уральского Отделения Госиздата оказалась в значительной мере неудачной.

В. Яроцкий.

Г. ГЕФЕР. Справочная книга по горному делу. Пособие для горных инженеров, студентов, штейгеров и вообще лиц, причастных к горному делу. Просмотренное и исправленное издание. Научно-Технический Отдел В. С. Н. Х. Бюро Иностранной Науки и Техники. Берлин 1921. Части 1 и 2. 1240 стр. С 446 рис. в тексте.

Появление нового издания справочника *Гефера* представляет в русской технической литературе событие как в положительном, так и в отрицательном смысле. Положительная сторона в том, что после долгого перерыва появляется русская техническая горная книга большого объема, необходимая для каждого горного инженера. Книга издана превосходно, как умеют издавать такие книги в Германии, в двух аккуратных томиках на сносной бумаге, отпечатана настоящей немецкой черной краской—и тем не менее, в ней есть большой минус, который значительно понижает ценность издания. Достоинства и недостатки книги *Гефера* давно уже известны русским специалистам; главный ее недостаток тот, что она слишком немецкая, в ней нет многого, необходимого по русским условиям, и есть лишнее. В предыдущих русских ее изданиях были сделаны дополнения слишком недостаточные, чтобы восполнить пробелы и только некоторые отделы вполне удовлетворительны. Новое издание Научно-Технического Отдела в этом отношении не только не дает ничего нового, но представляет даже шаг назад. Характер издания выясняется из любопытного предисловия, которое позволю себе привести дословно:

Предисловие ко 2-му исправленному изданию: «Издавая книгу *Гефера*, Редакция Издательства хотела дать в кратчайший срок русским горным инженерам возможность иметь необходимый справочник, тем более, что имелся уже его русский перевод, чем значительно облегчалось издание. Книга разбита на 2 части, и формат принят немецкого издания. Русский перевод был сверен по последнему немецкому изданию, при чем внесены некоторые дополнения и исправлены некоторые погрешности старого русского текста».

В этом предисловии все замечательно— и *явное незнание* того, что русских изданий *Гефера* было два (перевод с издания 1897 г. В. Вейденбаума и И. Ефрона, Спб. 1901, и перевод с издания 1911 г. под редакцией Г. Кваши, Спб. 1913), и не лишенное наивности признание, что имелся уже перевод, «чем значительно облегчалось издание», со скромным умолчанием имени переводчика Г. Кваши. Охотно верим, что издание этой контрафакции значительно облегчалось, но тогда следовало хорошенько проредактировать подстрочные примечания, а то на-ряду с примечаниями, подписанными Г. К. (т.-е. Г. Кваша) на стр. 40—41 есть примечание (кстати сказать, устаревшее и неточное), принадлежащее тому же Кваше, но подписанное, как и в его издании «*Прим. Ред.*».

Посмотрим, насколько верно последнее утверждение издательства, что издание сверено по последнему немецкому изданию, при чем внесены «некоторые дополнения и исправлены некоторые погрешности» перевода Кваши.

У нас, к сожалению, нет последнего немецкого издания, но сравнение с русским изданием 1913 г. все же позволяет вывести некоторые заключения. Сравнение это показывает, что никаких дополнений,

повидимому, не сделано. В книге те же 446 рисунков, которые были в переводе Кваши, и все отделы, которые мы сравнивали, перепечатаны без заметных изменений. Особенно характерны указатели литературы—все они останавливаются на 1910 г., т.-е. на дате составления издания 1911 г. (кроме библиографии по кийстоновскому бурению, составленной Квашей и доходящей до 1912 г., и отдельных примечаний его же, датированных 1911 г.). Особенно обидно для русских читателей, что литература указана исключительно иностранная (главным образом, немецкая); издательство не потрудилось даже в этом отношении исправить книги. Кроме указателей литературы, многие отделы, явно устаревшие, служат показателем того, что последнее немецкое издание вряд ли было использовано. Например, экскаваторам, играющим теперь такую крупную роль в горном деле, посвящено всего 2 стр., при чем описаны только многочерпковые экскаваторы: одночерпковые, отодвинувшие их за последние годы на второй план, упомянуты только вскользь, а о канатных не сказано ничего.

Что касается исправлений, то ряд опечаток прежнего перевода перешел без изменений в новое издание—например, глауберова соль продолжает называться «глауберовая» (стр. 26), минерал купферит, в одном месте у Кваши названный «кufферит», не только перешел в этом раздвоенном виде в новое издание (стр. 22), но даже обе эти новые разновидности внесены рядышком в алфавитный указатель. Последний в новом издании значительно расширен (30 стр. вместо 9) и представляет, надо полагать, единственное серьезное дополнение, сделанное Редакцией БИНТ, дополнение, исполненное, повидимому, немцем очень аккуратно, но ведущее иногда, как мы видели, к творчеству новых минералов. Не лишен некоторой пикантности иностранный «акцент» указателя, в котором, например, нарушен обычный порядок букв русского алфавита (ю, я, э вместо э, ю, я), и ряд других мелочей изобличает национальность автора.

Мы не останавливались бы так подробно на этих мелочах, если бы издание *Гефера* (так же как новое издание технического справочника Hütte) не представляло бы явного симптома опасного уклона Государственного Технического Издательства, имеющего в печати большое число книг и могущего издавать еще больше. Опасность заключается в том, что наспех издаются дорогие по нынешнему времени книги, без нужных дополнений и изменений, издаются в огромном количестве экземпляров, в расчете, что издание быстро разойдется, и исправления можно будет внести в следующее. Но расчет этот ошибочен—завод в 10.000 или 20.000 экземпляров (если не ошибаюсь, таков тираж нового Hutte) разойдется не скоро, средств на новое издание не найдется, пока есть старое, и русский техник будет долго иметь в своих руках устаревшую книгу 1911 г. В частности, относительно *Гефера* можно утверждать, что если составление дополнения применительно к русским условиям и могло бы задержать издание, то перевод дополнений с нового немецкого издания мог быть выполнен быстро.

Вторая опасность, о которой говорит новый *Гефер*—это печатание изданий в Берлине, повидимому, без достаточно компетентного надзора редакторов-специалистов, ведущее к ляпсусам, отмеченным выше. Избежать этого нетрудно присылая издания для редакции в Москву.

В заключение, констатировав, что новое издание *Гефера* является неизмененной перепечаткой издания 1913 г., остается все же рекомендовать ее всем практикам горного дела, так как другого справочника нет, и вряд ли скоро будет.

Сергей Обручев.

Н. КОБЕЦ. Первые шаги электротехника. Как самому построить электрическую батарею, электромотор, электро-динамо, индукционную катушку, радиотелеграф. Книгоиздательство „Знание". Берлин 1921 г. Стр. 90. Рис. в тексте 56.

Популярная научно-техническая литература на русском языке, поскольку таковая имеется, почти неизменно страдает одним крупным недостатком—она отвлеченна. Между тем ум неподготовленного читателя, в особенности рабочего, на кото-

рого и рассчитываются популярные издания, меньше всего склонен воспринимать голые формулы и обобщения. Ему нужны конкретные, осязательные понятия. Нужны практически приложимые знания, которые можно на месте проверить, испытать, так сказать, ощупать.

Литературы, отвечающей этим требованиям, чрезвычайно мало. «Физика в простых опытах» Тиндаля, «Школа химии» В. Оствальда являются до сих пор одинокими счастливыми исключениями в ряде немногочисленных научных изданий, предназначенных для широких масс.

Книжка Н. Кобеца является ценным вкладом в этой области. Она задается узкой целью: ознакомить читателя с устройством простейших электрических приборов и их свойствами. При этом избран самый целесообразный способ ознакомления: читателю даются только указания, как самому, с наименьшими затратами построить эти приборы.

Автор меньше всего останавливается на теоретических предпосылках и толкованиях явлений, вызываемых описанными им приборами. Предшествующие каждой главе «общие» понятия в конечном результате знакомят читателя только с терминологией электротехники, но отнюдь не претендуют на объяснения электрических явлений. Психологически этот метод нельзя не признать правильным. Вопросы «почему» и «отчего» возникают всегда после непосредственного столкновения с каким-либо фактом. И, несомненно, после того, как читатель приготовит несколько электрических приборов, у него явится потребность узнать причины их действия. Тогда уж его не будет отпугивать отвлеченность научных понятий: гарантией этого служит практический базис, даваемый книжкой Н. Кобеца.

Книжка написана простым, доступным языком. Сжатость изложения, являющаяся достоинством этой книжки, в некоторых местах, однако, переходит границу. Это касается, главным образом, «общих понятий» и главы о радиотелеграфе. В частности, поскольку «общие понятия» имеют своей целью ознакомление читателя с терминологией, не мешало бы приводить русский перевод каждого термина в отдельности.

Рисунки и чертежи выполнены тщательно.

Книжку Н. Кобеца можно рекомендовать в качестве хорошего пособия для профтехнических школ.

С. Шульман.

ВОЕННЫЕ НАУКИ.

А. ВЕРХОВСКИЙ. „Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX в.в." Отдел военной литературы при Рев. Воен. Совете Республики. Г. И. 1921.

Что понимать под «военным искусством»—вопрос довольно сложный. В наиболее прямом и тесном смысле слова это будет—*военная техника*—эволюция вооружения и связанных с ним приемов и методов борьбы и составит, в таком случае содержание «истории военного искусства». Уже гораздо тусклее и неопределеннее будет, если мы под именем «истории военного искусства» будем понимать историю *войн*: потому что исход войны определяется не только военно-техническими моментами, а еще больше общим политическим и экономическим положением сторон. Можно, например, смело утверждать, что при *длительной* войне *побеждает* всегда *экономически более сильная сторона*, хотя бы вначале она, с узко-военной точки зрения, казалась весьма беспомощной (примеры—Северные Штаты в американской междоусобной войне; Англия на сухом пути, в последней империалистской). Это может считаться эмпирическим законом, который, повидимому, хорошо сознавался покойным Китченером, готовившим именно *длительную* войну.

История войн, таким образом, понятие более широкое, чем история военного искусства. Историю войны легче написать обыкновенному историку, чем специалисту-военному: потому что получить те минимальные сведения по военной технике, которые для этого необходимы, историку легче, нежели военному специ-

алисту получить общее историческое образование. Специальную же историю военного искусства, т.-е. военной техники, и связанных с этой последней в своем развитии стратегии и тактики, конечно, может написать только военный.

И очень жаль, что проф. Верховский не использовал этого своего преимущества в разбираемой книжке. Если бы он дал популярное—талант популяризации у него несомненный — четкое и ясное изображение того, как изменялись вооружение и организации русской армии на протяжении двух последних столетий, как, в связи с этим, менялась «военная доктрина», менялись тактические и стратегические воззрения руководителей русских войск, он оказал бы большую услугу и своей молодой аудитории (книга выросла из лекций, читавшихся зимою 1920—1921 г.г. старшему классу академии генерального штаба), и нам, штатским историкам, избавив нас от необходимости рыться во многих томах для получения необходимых военно-технических сведений.

Проф. Верховский как будто представляет себе связь этих четырех моментов: военной техники, военной организации, тактики и стратегии. «Середина XIX века в истории военного искусства Европы интересна тем, что в эту пору появилось нарезное оружие, заряжаемое с казны ружье и пушка», читаем мы в начале главы IV («Милютин и его время. Эпоха «великих» реформ»). И проследив влияния этого нововведения, главным образом, на организацию армий, автор заканчивает: «Вот каким образом развитие техники резко меняет обстановку в середине XIX века, выдвинув требование полной реорганизации сил в стране» (стр. 209).

Эта мысль повторяется и в разных других местах книги. «Но в армии жизнь властно требовала реформ. Без этого победить в возможной борьбе было нельзя. Скорострельное и более меткое ружье и пушка, с одной стороны и железные дороги — с другой, требовали на театр войны *массовых армий и массовую самодеятельность*» (стр. 214; курс. автора). «Отметим основной момент, который, как мне кажется, имел чрезвычайно важное влияние на ход дела На театре военных действий проявился новый фактор—нарезное оружие, заряжающееся с казны и стрелявшее с большой точностью; в связи с изменением техники должна была меняться и тактика войск. Должны были создаваться новые формы ведения войны и боя...» (стр. 224).

К сожалению, в основу своего плана проф. Верховский положил не эту, совершенно правильную, мысль, но афоризм, совершенно с нею не вяжущийся, и формулированный на стр. 233 в такой лапидарной форме: «В бою же решает не сила оружия — победу дает сердце героя». И вот констатировав на стр. 237, что «крушение нашей старой армии значительной мере объясняется тем, что на вооружении состояло машинное оружие», проф. Верховский *через две страницы* невозмутимо заявляет: «Вся (!) изученная нами история нашей старой армии с полной несомненностью убеждает нас в превосходстве духа над техникой. Победит, как писал Драгомиров, не тот, кто умнее, хитрее и лучше вооружен (!!), а тот, кто больше хочет победить и кто меньше себя жалеет» (стр. 239).

Понимай, кто может... Мы же можем понять только одно: что тлетворное влияние «истинно-русской» доктрины Драгомирова, за которую мы заплатили в 1904—1905 годах Шахе и Мукденом, а в 1915 году совершенно неслыханным в истории русской армии разгромом,— продолжается и доселе. И нужно быть слепым, чтобы не видеть связи этой доктрины со всем старым порядком, сознательно стремившимся заткнуть дыры своей техники телами солдат. Ничего! Сто тысяч уложим, миллион уложим— а своего добьемся!

Чего же добились?

Нигде, как в России, не приходится так настаивать на значении техники. Немцы могут выдвигать на первое место «психические» факторы—у них техника сама собою разумеется. А у нас сама собою разумеется «лихость» («сердце героя»), свойственная нам, как наиболее средневековому народу Европы. Культивировать и это качество нужно, как нужно культивировать в армии все положительные—в военном смысле— ка-

чества: но великий грех отвлекать целиком на эту «лихость» все внимание будущих *руководителей* Красной армии. Это значит готовить себе заранее новый Мукден и новую Варшаву.

Оценку книги проф. Верховского с чисто исторической точки зрения мы дали в другом месте [1]); не будем к этому возвращаться здесь. Но все-таки не можем не указать, что Павел I не мог заимствовать идеи «просвещенного абсолютизма» у Людовика XVI, ибо как раз во Франции просвещенного абсолютизма не было, и что «запретил продавать крестьян, как животных, в розницу» не он, а Петр I.

Проф. М. Покровский.

Периодическая военная печать. „АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ". № 4-5. Издание Штаба Командвойск Украйны, „РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА", сборник 11-12. Издание Запфронта, „КРАСНЫЙ БОЕЦ", орган Р. В. С. Пура, Хво.

Вопреки заявлениям тов. Голубых в Московской „Правде" от 14-го декабря, военная периодическая пресса стала у нас фактом. И фактом весьма серьезным. Правда, еще не вполне налажена экспедиция этой новой литературы. Часто бывают случаи, когда весьма ценные журналы не уходят за пределы того города, в котором они издаются. Но самый факт роста военной литературы говорит о глубоком и серьезном к ней интересе. Этот интерес и поможет преодолеть все недостатки большие и малые в нашем военно-издательском деле.

Характерной чертой всей нашей периодической прессы является глубочайший интерес к военной литературе, издающейся за рубежом. Там, в Европе и в Америке, рядом со сладкими речами о мире идет лихорадочная и напряженная военная работа, которая получает свое отражение в бесконечном количестве книг и журналов. Глубокий интерес к тому, что делается за границей особенно проявляет журнал Запфронта «Революция и Война». В этом журнале можно найти целый ряд статей, отображающих работу военной мысли на Западе. Большой интерес к тому, что делается за рубежом, проявляет также журнал Командвойск Украйны «Армия и Революция». В 4-ой и 5-ой книжке названного журнала мы имеем три отдела, посвященных нашим соседям и врагам: 1. Из опыта империалистической войны. 2. Наши соседи и 3. Обзор иностранной печати. Передовая в названном номере журнала посвящена реорганизации французской армии.

Второй вопрос, волнующий нашу военную прессу, — это вопрос о военной технике. Ее описанию, а также установлению ее роли в будущих войнах посвящается огромное количество статей во всех журналах. «Машинизация» войны является наиболее излюбленной темой большинства военных публицистов. При этом отрадно отметить, что наиболее крайние взгляды в этой области: 1. Техника совершенно вытесняет человека. 2. Силой порыва технику преодолеем — отнюдь не пользуются большим успехом. Наоборот, преобладающее мнение таково, что и мы должны технику двигать вперед, что мы должны отливать и свои пушки, и подготовляться к тому, чтобы пушки врага направлять против него же, памятуя, что в предстоящих войнах мы сможем опереться не только на силу техники, но и на могучую спайку нашей армии, лозунги которой найдут глубочайший отклик в тылу наших врагов.

Занята также наша военная пресса вопросами так называемой военной доктрины и классовой стратегии. К сожалению, должно признать, что творчество в этой области пока не особенно плодотворно. Журнал «Революция и война» (сборник 11 и 12) воспроизводит очерк тов. Какурина, который вышел отдельным изданием, и на котором мы остановились подробнее на страницах «Военного Вестника» (см. № 7). Во всех статьях, посвященных этому вопросу, имеется две основных ошибки: 1. Стремление «канонизировать» опыт нашей гражданской войны и считать, что обстановка, в которой она происходила, является типичной и идеальной для всех будущих

[1]) См. журнал «Военная Наука и Революция». 1922 г. Книга первая. Изд. Высшего Военного Редакционного Совета.

гражданских войн; и 2. нежелание учесть сложности и изменчивости переживаемой нами эпохи, когда рушатся старые устои, когда беспрерывно меняются старые границы и когда невозможно создавать застывших догм в области военного дела. С этой точки зрения представляет большой интерес статья тов. Фрунзе о реорганизации французской армии («Армия и Революция», №№ 4 и 5). Именно, тов. Фрунзе напоминает о том, что Франции пока удается при помощи своих солдат подавлять рабочие забастовки. Факт как будто бы маленький, но он служит предостережением против тех, которые, забыв стратегическую мощь буржуазии, увлекаются шаблоном, что ей, мол, удастся выдвинуть против нас только небольшие отряды бойцов, укомплектованных из среды зажиточных классов.

Более трезво к вопросу о пресловутой военной доктрине подходит тов. Корк в журнале «Красный Боец», №№ 7—8. Он пишет: «Вследствие отчетливой политической работы на протяжении всей гражданской войны, для Красной армии были ясны задачи внешней и внутренней политики Советской Федерации, а, следовательно, ясны и задачи Красной армии Наша внешняя политика, общественный быт (в частности, новые классовые взаимоотношения и советский экономический строй) определяли формы организации вооруженных сил». И автор совершенно справедливо недоумевает, почему «в нашей военной печати появляются еще до сего времени о военной доктрине статьи, авторы коих освящают вопрос совершенно отвлеченно, вне времени и пространства». Нам представляется только, что самое искание единой военной доктрины естественно увлекает за пределы времени и пространства и приводит к доктринерству.

Излишне, конечно, рассказывать о том, что развитие русской военно-периодической прессы приводит к благоприятному разрешению вопроса о выявлении опыта нашей гражданской войны. Уже в одном журнале Запфронта «Революция и Война» можно найти интересный и поучительный разбор целого ряда кампаний Красной армии (особенно операции на Запфронте), не говоря уже о том, что и большинство обобщающих статей опирается на опыт нашей гражданской войны. В этой области особое место занимает журнал «Красный Боец», который дает нам целый ряд ясных, отчетливых и вместе с тем популярных очерков, посвященных истории нашей гражданской войны. Здесь, пожалуй, уместно будет указать, что этот журнал выгодно отличается от других военных журналов тем, что он рассчитан на массового читателя, и своим разнообразием бесспорно пробьет себе путь к толще массы командного состава.

Конечно, можно сожалеть о том, что опыт гражданской войны пока разбросан в целом ряде различных журналов различных округов. Мне вместе с тем представляется, что именно этот путь исторически ебя оправдывает. Все попытки центральных органов выявить весь опыт, накопившийся в пору трехлетней борьбы, оказались тщетными. Эта задача оказалась более по плечу местам. Работа, проделанная на местах, и послужит ценным и незаменимым материалом, который легко сможет быть собран и обобщен в центре.

Опыт гражданской войны дал два конкретных лозунга, которые мы встречаем во всех журналах без исключения: 1. Внимание к коннице. 2. Красная армия должна стрелять не иначе, как отлично. Спор, который велся на страницах «Военного Вестника» и продолжается поныне между коллективистами и индивидуалистами, встречает малый отклик в военной прессе, которая предпочитает вести борьбу со стрелковой помощью, без всякого доктринерства в этой области. В отношении же кавалерии продолжаются споры о формах ее организации, о возможных способах ее использования, но складывается общая единая точка зрения, что конница еще далеко не сказала своего последнего слова. Статей о красной коннице довольно много почти во всех журналах. Особенно заслуживает внимания небольшая статейка тов. Леонидова: «Враги о красной коннице», в №№ 11 — 12 журнала «Запфронт». Она интересна именно тем, что показывает, что наши враги наш опыт внимательно учитывают, что должно было бы служить предостережением против

тех, кто рекомендует весь опыт империалистической войны сдать в архив.

Чтобы закончить свой краткий обзор, необходимо еще также указать на огромный интерес всей прессы к вопросам военной пропаганды. На страницах «Военного Вестника» уже цитировалась статья тов. Рябищева «О военной пропаганде» из журнала Киевского военного округа «Революционная военная мысль». Интерес к этому вопросу сам собой понятен: реорганизация нашей Красной армии происходила под знаменем демобилизации во имя экономического возрождения страны. Успех производственной пропаганды и настроение крестьянских масс, что можно почивать на лаврах, раз земля получена, и хищники прогнаны, выдвинули необходимость усиления военной пропаганды, дабы создать правильное представление о военном положении советской республики в капиталистическом окружении. Сама военно-периодическая пресса фактом своего существования бесспорно является крайне ценной военной пропагандой. Вдумчивое и внимательное к ней отношение на страницах журналов, иллюстрируемое поведением наших «соседей» Финляндии, Польши и Румынии, обеспечивает ей полный успех.

Упомяну еще в заключение о журнале Военно-Научного Общества при Военной Академии «Красная армия». Мы уже имеем восемь выпусков этого журнала. Откладывая более подробный разбор этого журнала до следующего раза, укажем только на два крайне важных в нем отдела: иностранный и библиографический. Эти отделы следовало бы оживить во всей периодической прессе, так как они-то могли бы служить самыми лучшими связующими звеньями между различными органами, выходящими на территории советских республик.

Д. Петровский.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ. Записки рядового подпольщика. Госуд. Изд. Москва 1922 г. 81 стр.

Тов. Бобровская вступила в революционную среду еще в половине девяностых годов и вела эту работу почти непрерывно. Работать ей приходилось чуть не во всех уголках России. Воспоминаний об этой работе у нас поэтому накопилось достаточно. Первая книжка «Записок» доводит рассказ до начала революции 1905 года.

Тов. Бобровская называет свои воспоминания записками «подпольщика». И, действительно, та работа, которую она вела и о которой рассказывает, была работа глубоко подпольная.

Большинство молодежи уже ничего не знает об этой работе и об ее условиях. А между тем именно в ней выросла и закалилась старая гвардия большевиков. Поэтому знакомство с книжкой для молодежи будет очень полезно.

Многие с изумлением, а, может-быть, и со смехом прочитают, например, то место записок, в котором тов. Бобровская рассказывает о том, как с ней занимались сразу три пропагандиста. Один знакомил ее с учением Дарвина (по Тимирязеву), другой с политической экономией по лекциям проф. Скворцова, а третий с историей русской литературы по книге Скабичевского. Так часто ставилась тогда пропаганда в интеллигентских кружках, оторванных от рабочих, если членом этого кружка удавалось найти хоть одного рабочего.

Современному молодому революционеру доступно многое такое, что прежде достигалось с большими трудами, как результат долгой работы.

Я припоминаю, например, какое радостное чувство охватило меня, когда мне—молодому студенту—было предложено в первый раз принять участие в отпечатании на гектографе какой-то прокламации. Эта радость припомнилась мне, когда я читал книжку т. Бобровской.

«Как-то раз,—пишет она,—приходит ко мне Саша и говорит: «Завтра будьте

весь день дома: мы придем сюда печатать». Радости моей не было конца: ведь я до тех пор не видала, как эти таинственные прокламации печатаются. Когда наступило это завтра, я с бьющимся сердцем впустила в комнату Сашу и еще одного неизвестного мне товарища с большим узлом под мышкой. Когда узел был развернут, там оказался гектограф, чернила и большое количество писчей бумаги». Далее идет описание работы. «Часы, проведенные за этой работой,— пишет т. Бобровская,—иначе, как блаженными—назвать не могу».

Не легко жилось и работалось старому революционеру в подполье. Бесконечная конспирация, борьба со шпионами, голодовка вследствие отсутствия средств у организации. Все это тов. Бобровская испытала в полной мере. «Многие из нас,—пишет она,—не имея определенных занятий и не получая правильной поддержки из дома, голодали жесточайшим образом. Про себя могу сказать, что в области голодания у меня к тому времени был солидный опыт. Но то, что приходилось испытывать в Харькове, было слишком даже для меня—достаточно тренированного человека. Частенько выпадали даже такие дни, когда, получив самовар с утра от хозяйки, сольешь немного воды, чтобы имело вид, что напились чаю, и уходишь натощак. А в кармане нет ни гроша не только на обед, но и на приобретение хлеба. Ходишь, бывало, целый день по делам организации, а ноги подкашиваются и в голове муть». Кончилось тем, что тов. Бобровская заболела от истощения.

Тов. Бобровская поработала во многих городах. Ей приходилось работать со многими товарищами. Многие из них уже погибли. И теперь, при чтении ее книжки, образы этих товарищей встают в памяти. И какие колоритные, подчас ожившие теперь образы!

Правда, описания т. Бобровской слишком беглы, недостаточно ярки. Нужен был бы художник вроде Короленко, чтобы описать эту своеобразную среду подполья, эту работу на грани между строго конспиративными кружками народовольцев и массовым движением пролетариата, к которому стремились социал-демократы, эту психологию революционеров-марксистов, материалистов и в то же время в душе наполовину народников. Но во всяком случае книжка тов. Бобровской много даст для ознакомления с этой средой тем, кто не работал в подполье. А старые революционеры, читая ее снова, переживут картины этого безвозвратно ушедшего прошлого, перед их взором пройдут фигуры многих старых товарищей, они снова припомнят «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»

Н. Мещеряков.

ЛЕВ ДЕЙЧ. За полвека. Изд. «Задруга». Москва 1922 г.

Лев Дейч принадлежит к тем немногим революционерам, которым судьба поставила свидетелем движения от колыбели до полной победы и «вразумила книжному искусству». От времени до времени появляются написанные им книжки и статьи о его прошлом и эти его произведения будут иметь для историка огромное значение, поскольку этот будущий историк сумеет отделить от зерен-фактов — плевелы пристрастия, обусловленного многими, пережитыми автором идейными метаморфозами.

Дейч начал с лавризма, был землевольцем, затем чернопередельцем, в начале восьмидесятых годов стал марксистом, впоследствии примкнул к меньшевикам, во время империалистической войны был в лагере оборонцев, а переворот 25 октября 1917 года, по его словам, «вынудил его встать в стороне от практических дел» и дал ему, «старому солдату революции, в течение полувека ее ожидавшему», возможность приняться за систематическое изложение своих воспоминаний.

Уже этот выпад свидетельствует о о том, как осторожно нужно относиться к объективности автора. «Систематического изложения», несмотря на «досуг», автор не добился, а в разбираемой книжке те же недостатки, на которые указывали его друзья, а пристрастие и современная оценка пережитых когда-то событий, выдаваемая за тогдашнюю оценку, сквозит из всех строк его воспоминаний.

Дейчу было пятнадцать лет, когда в Одессе вспыхнули первые антиеврейские беспорядки. И вот этот пятнадцатилетний отрок приходит к выводу, что «евреи» дают достаточно поводов к недружелюбному к ним отношению, из них главным является их предпочтение к непроизводительным, легким и более прибыльным занятиям. Необходимо поэтому стремиться, чтобы еврейская масса взялась за тяжелый, преимущественно физический труд. Конечно, 15-летний Дейч так не рассуждал, каким бы умным он ни был.

Эта черта—«коррегирования» прошлого отношения к событиям позднейшим отношением к ним, сквозит в каждой строчке Дейча. Общеизвестный факт, какое влияние на революционную молодежь имели знаменитые «Исторические письма» Миртова (Лаврова). Это не мешает Дейчу в 1922 году заявлять категорически: «*никакого революционного* (курсив Дейча) влияния эти знаменитые письма на нас не имели».

Мало того, для вящшего уничижения Лаврова, Дейч возвышает Бакунина и буквально ни к селу-ни к городу восклицает.:

«Не могу припомнить, чтобы я Лаврову был обязан чем-нибудь аналогичным».

Этот деготь пристрастия портит весь мед воспоминаний и часто ставит втупик читателя.

При таком отношении к Лаврову и при восторженном отношении уже тогда к первому пионеру марксизма в России—Ивану Федоровичу Фесенко совершенно непонятно, почему Дейч еще в течение целого ряда лет продолжал народничать и стал марксистом только в эмиграции...

В изданном первом томике «За полвека» Дейч касается трех моментов: почему он стал революционером, как собирались в народ и как в народ ходили. Первая глава самая слабая.

Гораздо более интересны приготовления к отправке в народ, встречи со всевозможными темными личностями, от которых Дейч надеялся получить паспорт, траги-комические эпизоды обирательства с их стороны и т. п. Самая интересная, бесспорно, последняя глава — попытка распропагандировать самый неподходящий для этого элемент—молокан, состоявший в то время из оперившихся уже потомков, ранее преследовавшихся сектантов. Дух протеста—уже в них улетучился, остался мертвый культ, под сенью которого происходил процесс «накопления». В этой главе автор сохраняет полную объективность и эти страницы, несомненно, весьма ценны.

Несмотря на указанные недостатки книжка Дейча, как памятник прошлого, представляет несомненный интерес.

Феликс Кон.

Л. ДЕЙЧ. Дмитрий Александрович Клеменц. Историко-революционная библиотека. 40 стр.

Все дальше и дальше отходит от нас наше революционное прошлое,—особенно начало его, движение 70-х и 80-х годов,—все больше задергивается флером времени. Тем больше значения имеют для нас все личные воспоминания столь немногих сохранившихся очевидцев и участников событий. Поэтому воспоминания Л. Дейча для нас бесценны и мы можем лишь пожелать, чтобы под пером его выступило больше и больше профилей из славной плеяды тогдашних революционеров.

Конечно, эти профили,—в том числе и Дмитрия Клеменца,—начертаны уже рукой такого неподражаемого мастера этого рода литературы, каким был покойный Степняк-Кравчинский, и с тою глубокою любовью, которая водила его пером. Они встают поэтому перед нами так выпукло, как будто бы мы всех их знали, так жизненно, как будто бы они только что оставили нашу комнату, а душа наша была только что в самом тесном дружеском общении с ними. Это идеал биографа. В его меткой и сжатой чеканке встает перед нами, как живой, и образ Дмитрия Клеменца. К его яркости биография Л. Дейча ничего не прибавляет. Но в ней мы имеем описание последующей жизни Д. Клеменца, никем еще не описанной,

мы встречаем указание разных подробностей, которые отсутствуют в биографии Степняка. Наконец, у Дейча имеются выдержки главных статей Клеменца, приведены разговоры, характеризующие его отношение к тем или иным направлениям, к тем или иным деятелям его времени. Все это очень ценно.

Но те поправки, которые Дейч стремится внести в характеристику Степняка, собственно говоря, ничего не исправляют. Так Дейч говорит, что «нежелание влиять на других» Кравчинский объясняет «воплощенной скромностью» своего друга. Не отрицая этой черты, Дейч полагает, что такое свойство объясняется еще и тем, что Клеменц вовсе не был политическим деятелем. Но ведь и Степняк говорит: «Он не был конспиратором. Он не имеет привычки смотреть на людей с точки зрения пользы, какую они могут принести партии... Он—вовсе не человек партии... Он держался всегда в стороне от программы раздоров». Что такое все эти заявления, как не признание того, что Клеменц не был политическим деятелем?

Ведь вне этих качеств политик немыслим. Обе биографии показывают нам, что большая нравственная чистота и чуткость, скромность, не дающая влиять на кого-нибудь, тащить за собою, чрезвычайная чуткость к свободе другого приводили к тому, что человек органически не мог заниматься той sale affaire qu'est la politique, т.-е. влекли его, как всех людей его типа,—напр., Кропоткина,—в лагерь анархистов.

Затем Кравчинский называет Клеменса мыслителем; Дейч же говорит, что он проявил себя больше на культурно-научном поприще, чем на революционном. В разных словах это выражение одной и той же мысли.

Но хотя чего-нибудь нового в обрисовке личности Клеменца биография Дейча и не дает, она, со всеми ее подробностями и добавочными штрихами, повторяем, очень ценна.

В лежащей перед нами книжке, оказывается, не только биография, написанная Дейчем. Когда мы дочитали ее, к ней оказалась приложенной статья о Клеменце В. И. Засулич. Эта статья совсем уже не претендует на сколько-нибудь иную характеристику Клеменца, она просто записывает личные впечатления от него и встречи с ним. Но эти впечатления от обыденной жизни, та чуткость, с которой Клеменц поехал в Швейцарию, чтобы встряхнуть нуждающегося в этом товарища, очень красноречивы и интересны.

Напрасно только в этом издании указание на статью Веры Ивановны прячется на второй странице, и таким образом для многих, как и для меня, нахождение ее в брошюре может явиться неожиданностью. В следующем издании указание это должно быть сделано на обложке: Л. Дейч и В. Засулич — «Материалы к биографии Д. А. Клеменц». Кроме того, что такое оглавление будет больше отвечать истине, оно будет гораздо удобнее как для библиотекарей, так и для отдельных читателей.

А. Елизарова.

А. ТЮШЕВСКИЙ. К истории забастовки и расстрела рабочих на ленских приисках. Гос. Изд. Петербург 1921 г. 56 стр.

Упорная и стойкая борьба рабочих ленского золото-пром. т-ва за улучшение своего материального положения, окончившаяся расстрелом рабочих 4 апреля 1912 г. является крупным событием в истории рабочего класса России. Ленский расстрел, стоивший жизни нескольким стам рабочих, нашел могучий отклик по всей России. Вокруг этого события закипела борьба. Рабочий класс определенно не только заявил и осознал, что лишь «организованная борьба рабочего может положить конец ленским бойням», говоря словами одной из резолюций петроградских рабочих, но и повел эту борьбу,—протестуя против ленских расстрелов и породившего их общественного уклада бурными забастовками. Правительство устами одного из своих представителей заявило: «так было—так будет», объявив тем самым события на Лене вполне нормальным ответом рабочим на попытки улучшить свое положение.

Царский строй запрещал говорить о ленских событиях. Изданная в 1913 г.

книга «Правда о ленских событиях» была тогда же конфискована. Но гонения самодержавных сатрапов не могли уничтожить, не могли вычернуть из памяти рабочего класса ленских расстрелов.

Книга т. Тюшевского заслуживает самого широкого распространения. Это книга о геройской борьбе рабочего класса. Эта книга рассказывает просто и ясно, как разыгрались события на Лене, как они шли, как вело себя правительства, как расстреливали мирную толпу рабочих. События на Лене разыгрались в глухой сибирской тайге. Ленское золотопромышленное т-во было полным и единственным хозяином огромных таежных пространств. Пользуясь своим положением монополиста, оно создавало каторжные условия труда для рабочих, эксплоатируя их как только могло. Между представителями власти и «Лензото» существовала самая тесная связь—эта связь была как на месте в тайге, где кроме Лензото не было никого, так и в Петрограде, где между Гос. Банк. и правлением Лензото существовала личная уния. Лензото давало большие дивиденды, а тем, что стоили эти дивиденды рабочим, не интересовался никто. Условия труда на ленских приисках были ужасны. На ленских приисках на каждую тысячу рабочих приходилось 164,6 увечий—это по оценке врачей Лензото, но приисковые врачи умудрялись не находить увечий у таких рабочих, у которых даже Иркутское врачебное отделение устанавливало 80% потери трудоспособности. Каторжные условия труда, каторжные условия быта привели ленских рабочих к забастовке. 20 февраля 1912 года рабочие предъявили администрации свои требования. Администрация ответила отказом.

И хотя, по словам Иркутского губернатора, в забастовке прежде всего и более всего виновато само Лензото и «скорейшее прекращение забастовки зависит исключительно от их доброй воли» (Дело Деп. Пол. № 23 ч. 2 1912 г. ст. 14 Моск. Ист.-Рев. Арх.), администрация, как высшая так и низшая, горой встала за интересы Лензото. и Министерство Внутренних Дел и Департамент Полиции засыпали местную администрацию телеграммами с требованием прекращения забастовки во что бы то ни стало. Эта роль правительства великолепно выяснена в книге Тюшевского. На-ряду с такой наступательной политикой петроградских верхов, правительственные низы на Лене, вместе с администрацией Лензото, сознательно и планомерно стремились к срыву забастовки и подавлению ее оружием. Явившийся на Лену жандарский ротмистр Трещенков доносил иркутскому губернатору, что «настоятельно находим необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, хотя бы для того пришлось прибегнуть к оружию». Настаивая на рекомендуемых мерах, Трещенков добавлял: «есть все основания предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана». Эта провокационная роль правительственных агентов великолепно выяснена в книге. Книга дает замечательно ясное и яркое представление о том, какой тесный союз, какая связь существовала в царской России между правительственным аппаратом и буржуазией: книга яркими штрихами, фактами, документами подтверждает и указывает, что правительственный аппарат был лишь техническим аппаратом в руках буржуазии. Правительственные аппараты всех калибров, войско исполняют лишь волю Лензото, все это двинуто против рабочих властью по требованию Лензото, и Тюшевский ясно указывает, какого рода связь существовала между верхами правительства и правлением Лензото. Забастовка была подавлена. По свидетельству рабочей газеты «Звезда» акции Лензото после расстрела поднялись с 3.425 руб. до 3.540 руб. Около 500 рабочих было убито и ранено. При составлении книги автор пользовался целым рядом материалов. В Московском Историко-революционном архиве имеется большое дело департамента полиции о забастовке на Ленских золотых приисках. Там, между прочим, в копиях помещены три прокламации, выпущенные в Бодайбо во время забастовки на приисках. Об них не упоминает А. Тюшевский, их нет в «Правде о Ленских событиях», между тем они очень интересны. Забастовка на Ленских приисках тянулась более

месяца, кто руководил ею, какие формы принимало руководство—об этом книга Тюшевского умалчивает. Он указывает лишь, что существовал институт выборных, выбранных по предложению администрации от каждого прииска для переговоров с администрацией, и институт старост в каждой рабочей казарме. Лензото пыталось не только сорвать стачку и вызвать рабочих на расстрел, оно пыталось заменить бастующих рабочих штрейкбрехерами. Борьбе со штрейкбрехерством и посвящены находящиеся в архиве прокламации. Одна из них, самая большая, обращается к тем кто стал на работу. Начинается она словами: «Рабочим от рабочих!» Вот ее текст целиком: «Рабочим от рабочих! Товарищи, рабочие, неужели вы будете дальше продолжать работы, неужели наша забастовка и *разом* не есть ваша забастовка. Ведь вам известно, как Лензото нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми. Нас обидами поносили, побои и так далее. Невозможно все это перечислить, что мы перенесли до забастовки и не надо считать. Из нас каждый знает и сам припомнит это, кому жилось худо, потому что даже *те* ничтожные законы, которые Лензото должно было исполнять, оно не исполнило. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый бывший порядок, но этого больше не будет. И, может быть, Тульчинский с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, а мы ему не верим. Знаем, что тоже меняет свою шкуру по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра. Пусть он лает сколько угодно, но только жаль его бесполезное усилие. И много ли мы можем обратить наше внимание на бредни полицейской собаки. У нас более важные дела. Мы должны настаивать, чтобы исполняли законные расчеты и требования. Товарищи! Вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что нас, те же издевательства, насилия и прочее. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, работающих и борющихся за лучшее будущее. Да здравствует забастовка... Долой продавцев дела рабочих. Союз горнорабочих». Другая прокламация несколько меньших размеров, адресована рабочим г. Бодайбо, где Лензото пыталось найти штрейкбрехеров. «Бодайбинцам рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! В тот момент когда Ваши же товарищи, живя в душных казармах Ленского товарищества и и голодные борются за право, за улучшение своей жизни, Ленское товарищество нанимает нас на работы. Мы, рабочие, живущие теперь в Бодайбо, неоднократно терпели от Ленского товарищества и, когда-то вышвырнутые товариществом, не пойдем наниматься—это наш долг, долг честных рабочих. Пусть Ленское товарищество знает, что сознательные рабочие не хотят помогать Ленскому товариществу угнетать рабочих. Когда-то Ленское товарищество звало нас мерзавцами, негодяями. Теперь же оно ищет у мерзавцев, негодяев, привлекая к себе на работу. Мы знаем, что Лензото сегодня найдет нас для работы, а как только вышли на работу, то опять начнется понукание, приказ работай, работай, работай не разгибая спины, защищай интересы Лензото. Пусть Лензото заставляет работать своих холопов, чтобы они охраняли интересы богатого мужика, мы же не пойдем на работы и крикнем: не пойдем, не пойдем! Да здравствует забастовка! Да здравствует победа рабочих!» И, наконец, третья прокламация-воззвание. Самая маленькая и самая лаконическая. «Воззвание. Общая дружина строго предупреждает рабочих в городе Бодайбо без согласия дружины наниматься к ленцам. Прежде надо дождаться правильного результата найма, а не вредить делу. Дружиной за это каждый будет наказан.» (Моск. Истор.-Рев. Арх. Дела № 23 ч. 2 1912 г. Департ. полиции о забаст. на Л. З. Пр. п. стр. 117, 18, 19). Первая прокламация, судя по тексту, должна была распространяться на приисках, две последних, главным образом, среди рабочих г. Бодайбо. Эти прокламации ставят ряд вопросов о том, как была организована стачка, в каких организованных формах она проходила. Вопрос об организационных формах, в каких проходила стачка, вопросы о

настроениях и течениях среди рабочих в связи со стачкой, в книге Тюшевского не освещены, но это нисколько не умаляет достоинства работы Тюшевского. В ней резко и ясно выявлена связь между государственным аппаратом и банковыми дельцами, выяснены, как верно и преданно правительство царской России служило кучке дельцов, двигая по требованию их всю свою мощь и силу на безоружную толпу рабочих, требовавших лишь соблюдения и исполнения законов, созданных самими власть имущими.

С. Пионтковский.

В. И. НЕВСКИЙ. «Южно-Русский Рабочий Союз» в городе Николаеве в 1897 г. Истпарт. Гос. Изд. М. 1922 г. 96 стр.

Каждая новая книга Истпарта не может не радовать всех, кому близко дело революционной борьбы. Работа В. И. Невского займет видное место среди произведений по истории российского революционного движения. Книжка написана автором на основании, гл. образом, архивных материалов историко-революционного архива в Петрограде (архив б. департамента полиции); к ней приложено письмо-воспоминание тов. Л. Троцкого, одного из вождей Южно-Русского Рабочего Союза, и ряд прокламаций изданных союзом в 1897 г. Таким образом мы можем восстановить полную картину деятельности этого Союза за 10 месяцев его существования.

Книга ценна именно тем, что она детально описывает жизнь и работу одной организации: Южно-Русский Рабочий Союз, это—название Николаевской с.-д. организации в 1897 г. Но г. Николаев в конце XIX в. был не только провинциальным городом России. Это был один из крупнейших центров Юга, где насчитывалось в ту пору до 10.000 рабочих, где иностранный капитал прибегал для успокоения рабочих к казацким нагайкам, где пролетариат по своему составу был более передовым, чем в остальной России. «Николаевский рабочий... представлял собой соединение всех слоев южно-русского пролетариата»... Книга В. Невского может служить т. образом, для характеристики всего южного рабочего движения. Работа В. Невского интересна еще и потому, что она служит как бы страницей биографии Л. Троцкого. Первые шаги этого блестящего вождя международного пролетариата были сделаны в Николаеве в конце XIX века.

С любовью и тщательностью автор вводит нас в организацию и ее работу. Она развила за 10 месяцев огромную деятельность. «Организация росла: число членов ее подходило к третьей сотне (8 или 9 кружков)... о ней знало большинство рабочих города». По своему составу это была рабочая организация. Среди арестованных по делу Союза 5 января 1898 г. 78,6% — были рабочие и лишь 21,4% люди умственного труда. Сами руководители организации далеко не все были марксистами, но все они развили большую просветительную и практическую социал-демократическую деятельность. Николаевская организация не вела исключительно кружковой работы, она откликалась на все повседневные нужды рабочих города. Выживший из ума, капитан порта Федотов рассчитывает пять рабочих, организация обращается с пламенным призывом к рабочим; начальник адмиралтейства «агитирует» рабочих против социализма, — организация клеймит его. «Не Нейман говорил свою речь,—читаем мы в прокламации,—а его жалованье говорило»... организация ничего не слыхала о «теории стадий» и свою агитацию на почве повседневных потребностей она не отделяет от борьбы с капитализмом и *царизмом*. Николаевская организация уже отдает себе отчет в том, что царское правительство «всегда было на стороне самого сильного сословия», что «до тех пор, пока нам не удастся уничтожить цензуру», рабочие не смогут высказать свободной мысли. Нам кажется поэтому не совсем правильным утверждение В. Невского, что в организации г. Николаева в ту пору «ни о какой политической борьбе за политическую свободу против царского самодержавия и речи быть не могло». Однако, приходится согласиться с Л. Троцким... «после предупреждения (насчет царя и ре-

волюции пока поосторожнее) мы делали шаг назад на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию». Тактические воззрения Союза были очень смутны. Сравнительно высокая классовая сознательность Союза отразилась и в его прокламациях с призывом к солидарности в связи со стачками в Кременчуге, Минске... Южно-Русский Рабочий Союз наладил самостоятельно связи с др. городами и тем помогал строительству Партии, как отмечает это В. Невский.

Удачны в книге также характеристики отдельных деятелей Союза. Вот А. Поляков, талантливый конспиратор: полиция отзывается о нем с почтением, об аресте его докладывают царю...; вот Ал. Соколовская — «сердце организации»: рабочие ее сравнивают с богиней; вот Мухин и Ефимов, — «пролетарии организаторы». В центре работы стоял т. Львов (Л. Троцкий). Он центр Союза, его мысль и бурная энергия давали жизнь организации.

Такова одна из организаций — предтеч Р.К.П.

Пожелаем Истпарту в ближайшем будущем издать побольше подобных книг.

Ц. Фридлянд.

С. МСТИСЛАВСКИЙ. Пять дней. Начало и конец февральской революции. Изд. З. И. Гржебина. Москва 1922 г. 93 стр.

Пять дней — это воспоминание о пяти днях февральской революции: февральском перевороте, 3 марта, аресте Николая II, 25-м октября и дне Учредительного Собрания. Автор непосредственный участник и очевидец описываемых событий. Прежде всего необходимо отметить превосходную литературную форму воспоминаний, они написаны чрезвычайно живо и драматично, удивительно остро заставляют читателя представить себе общий фон описываемых событий, передают резко и определенно картину этих знаменательных дней. Как литературное произведение, эта небольшая книжка читается с огромным захватывающим интересом, воскрешая давно забытое, а для многих и неизвестное прошлое.

Но воспоминания приходится рассматривать не столько как литературное произведение, сколько как исторический источник. К историческому источнику прежде всего приходится предъявить требование исторической достоверности, а потом учесть, что нового, ценного и научно важного дает он.

Всякие воспоминания и мемуары ценны как свидетельские показания о событиях. Но к свидетельским показаниям следует подходить с большой осторожностью, их надо проверить прежде всего. Как ни слабо сейчас издание источников по истории нынешней революции, как ни бедна мемуарная литература о ней — все же о тех днях, живое изображение которых дал С. Мстиславский, кое-что имеется, и если сравнить ряд описаний из записок Суханова, Родзянки, Станкевича, Ломоносова, если подбрать описание февральских дней, печатавшихся в свое время в «Правде» и др. газетах, то придется признать, что, по крайней мере, первые два очерка-рассказа Мстиславского вполне выдерживают придирчивую критику историка. Первый очерк, посвященный истории в сущности не одного дня, замечательно красочно, замечательно резко рисует самый ход событий 27-28 февраля. Первое, что резко отмечает Мстиславский, это стихийный ход революции, она творилась не организациями, а классами, огромными сторукими массами солдат и рабочих. Руководители движения, или лица, делавшие вид и пробовавшие наладить организацию и влить море стихии в организованные рамки, не имели представления ни о размахе, ни о силе движения, ни о силе и планах слуг старого порядка. «Сколько войск у Хабалова, какие именно части и где они — в точности не знает никто... Что делается на вокзалах — неведомо... На нее (революционную атмосферу города) и в нашем случае приходилось возложить все надежды. На... «стихию». Пальба еще... Ночь близка, по коридорам бегут тревожные слухи о начавшемся будто бы наступлении Хабалова. Посторонние — начинают торопиться. На прощанье, однако, заходят: «еще раз»... «по-

желать»... значительно жмут руки. Пытливо смотрят в глаза. И — выпрямив грудь — уходят: все скорее, скорее, скорее... Становится просторнее. Даже... слишком просторно» (стр. 17).

Очень интересно и красочно изображено у Мстиславского отношение между образовавшимся Советом Раб. Депутатов и Комитетом Государственной Думы. Родзянко в своих воспоминаниях «Государственная Дума и Февральская 1917 г. революция» о причинах, побудивших Государственную Думу стать на сторону восставших, говорит, что их было две — известие о том, что восстание началось уже и в провинции и стремление к скорейшему восстановлению порядка—«колебаться было уже поздно, да и невозможно, ввиду поступавших тревожных известий о волнениях, начавшихся в провинции. Председатель Государственной Думы должен был решиться на возглавление Государственной Думой государственной власти...» пишет Родзянко (стр. 47). Потеряв надежду на поражение начавшейся революции и стремясь только к одной цели — власти и победе на фронте — большинство Государственной Думы ясно брало власть не для углубления и расширения революции. Эти мотивы удивительно ярко вскрываются в одной сценке, которую передает Мстиславский, и которой нет у других мемуаристов. «...Ровно в полночь в 42-й комнате распахнулась внутренняя, «посторонним неизвестная» дверь и, к нашему немалому изумлению на пороге появился... Родзянко. За ним — полковник Энгельгардт, в штатском, и еще какой-то думец. Секунду спустя, через 41-ю комнату подоспел Соколов и человек пять «советских». Родзянко, грузный, развалистый, хмурый, держал в руках какую-то бумагу. Он непривычно нервничал. Подойдя к ближайшему столу, тяжело сел, завалившись плечи на локти. Против него тотчас же занял место Энгельгардт, а мы, все бывшие в зале, на властно-пригласительное мановение головы Родзянко, окружили стол тесным кольцом. — «Господа офицеры, — словно нехотя, выжимая из себя слова, заговорил Родзянко, пренебрежительно скользя глазами по прапорщичьим, преимущественно, погонам «штаба».— Временный Комитет Государственный Думы постановил принять на себя восстановление порядка в городе, нарушенного последними событиями. Насколько восстановление это в кратчайший срок необходимо для фронта, вы и сами должны понимать. Комендантом Петрограда назначается член Государственной Думы полковник генерального штаба Энгельгардт». Энгельгардт, при этих словах, покраснел и, полуоборотом наклонив голову, не вставая, раскланялся. Резко вмешался Соколов: «Штаб уже сложился, штаб уже действует, люди подобрались... При чем тут полковник Энгельгардт?.. Надо предоставить тем, кто работает здесь с первой минуты восстания — самим решить — кто, чем и кем будет командовать; тем более, что дело сейчас не в водворении порядка, а в том, чтобы разбить Хабалова и Протопопова. Тут нужны не «назначенцы» от «Высокого Собрания», а революционеры. И потом, совершенно недопустимо, чтобы Петроградский Совет, являющийся в настоящее время единственной действительной силой, Совет революционных рабочих и восставших солдат, оказался совершенно отстраненным от им же созданного и его задачи осуществляющего — штаба. Совет уже выделил в штаб группу своих членов: если Врем. Комитету угодно принять участие — пожалуйста, но большинство в штабе, и большинство решающее, должно безусловно принадлежать Совету». Энгельгардт краснел все больше и больше. Офицеры заволновались. Но Родзянко, досадливо и, по-прежнему, пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу: «нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться». Соколов вскипел и ответил такой фразой, что офицерство наше, почтительнейше слушавшее Родзянку, — забурлило сразу. Соколова обступили. Закричали в десять голосов, послышались угрозы. «Советские» что-то закричали тоже. Минуту казалось, что завяжется рукопашная. Не без труда мы розняли спорящих...» (стр. 17, 18).

Интересен факт, отмечаемый Мстиславским, что между двигающимся на Петроград с отрядами генералом Ивано-

вым и полковником Энгельгардтом [(Энгельгардт потом служил у Деникина в Осв. аг.) существовала «официальная связь», вплоть до того, что по вывозу «карательного генерала» «собирается выехать на должность начальника его штаба командируемый отсюда же тем же Временным Комитетом, полковник Даминевский» (стр. 25).

Второй очерк — второй день, день провозглашения Временного Правительства — 3 марта, также интересен. В его описании обращают на себя внимание два момента. Общая характеристика отношения лидеров движения к стихийному, массовому взрыву, и отношение солдат и рабочих к коалиции. О лидерах движения Мстиславский сообщает иными словами, но в сущности то же, что и Станкевич в своих воспоминаниях, прилагая это свое сообщение к более широкому кругу лиц: «... люди Временного Комитета,—говорит Мстиславский,—и люди Исполкома в подавляющем его большинстве были уже — от первого часа революции — объединены одним общим все остальное предрешавшим признаком: страхом перед массой. Как они боялись ее. Глядя на наших «социалистов», когда в эти дни они выступали перед толпами, заливавшими залы Таврического дворца багрецом знамен, перевязей, кокард, я чувствовал до боли, до гадливости их внутреннюю дрожь; чувствовал, какого напряжения стоит им не опустить глаза перед этими, так доверчиво раскрыв,—настежь раскрыв,—душу теснившимся к ним рабочим и солдатам... И вправду: ставка была страшна. Они были стихийны, эти «дети». Когда ощутима стала даже наиболее нечувствительным эта стихийная, воистину стихийная сила, способная вознести, но и способная раздавить одним порывом, одним взмахом, — невольно слова успокоения, вместо вчерашних боевых призывов, стали бормотать побледневшие губы «вождей». Им стало страшно... » (стр. 32, 33).

Возможность коалиции, возможность назначения князя Львова председателем нового правительства встретила резкий отклик среди членов Совета. Правда, в тех разговорах, которые передает Мстиславский, не слышно еще определенного протеста и определенной, вполне ясно осознанной программы деятельности, программы, на проведении в жизнь которой настаивают, в них лишь слышно разочарование, слышны ноты полного недоверия и скептицизма к новому правительству. «Одно упоминание о возможности назначения Львова председателем нового кабинета всколыхнуло в солдатской секции Совета наших полковых депутатов, рассказывает Мстиславский, «это что же, сменить царя да на князя, только и всего. Стоило штыки примыкать». Иные смеялись: «прогадали, братцы. Царь — оно все — так как бы для народа почетнее; или опять же: «Император». Одно слово чего стоит. Скажешь, как на трубе сыграешь. А князь... прямо сказать: безо всякого «объему». А товарищ Савватий, лейб-гренадер, сверхсрочный, трижды георгиевский кавалер, один из немногих «нашивочных», почтенных избранием в депутаты, при общем сочувствии резюмировал кратко эти кулуарные разговоры: «посадят — фукнем» (стр. 33).

Живо и интересно описывает Мстиславский знаменитое заседание Совета с выступлением Керенского о вхождении его в правительство.

День третий — арест Николая II Петербургским Исполнительным Комитетом. Описание этого дня является великолепным добавлением к сухому тексту протокола заседания Исполнительного Комитета от 9-го марта с одной стороны, а с другой, еще раз необыкновенно резко и выпукло подчеркивает силу восставших солдат и рабочих, силу их революционности — заставившую Исполнительный Комитет вынести свое решение и провести его в жизнь, при чем непосредственным проводником этих решений явились сами солдаты. Вопрос об аресте Николая II и всей династии ставился, как это видно из протоколов заседаний Исполнительного Комитета (хранятся в Гос. Архиве) не раз. Еще 3-го марта Исполнительным Комитетом, говоря словами протокола, было постановлено «довести до сведения рабочих депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил арестовать династию Романовых и предложить Времен-

ному Правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное Правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест» (Гос. Архив). Решение об аресте было подтвержено 6 и 8 марта, когда вдруг 9-го пришло известие о том, что Временное Правительство решило отпустить Николая в Англию. Мстиславский дает описание части заседания Исполнительного Комитета, на котором он присутствовал. Отъезд Николая в Англию ставил вопрос о реставрации, а реставрация, говорит Мстиславский — это звучало слишком резко даже для меньшевистского Исполкома... Тем более, что он не мог не знать, *как*, не словом, но *действием* — отозвались бы революционные массы Петрограда на весть об отправке царской семьи за рубеж — на фронт иноземной и отечественной контр-революции... Временное Правительство не рассчитало удара: в заседанни 9-го марта — среди выступавших ораторов (а выступали без малого все) — не оказалось двух мнений. Все созвучно утверждали: Революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии; перчатка, брошенная Временным Правительством, решившим этот существеннейший для судеб Революции вопрос единолично, за спиной Исполкома — должна быть поднята» (стр. 44).

Протокольная запись заседания Исполнительного Комитета за этот день не передает, что происходило в Комитете, какие прения велись, каково было настроение, она сообщает только два различных друг от друга решения, одно— принятое до переговоров с Временным Правительством, другое — после. Мстиславский своим рассказом вскрывает ту атмосферу, при которой Исполнительным Комитетом было принято первое решение. «Слишком долго и слишком туманно задерживались ораторы на вопросе о том, в какой мере «лично» опасен бывший монарх — и кто из великих князей может и должен подойти под категорию «угрожающих» будущей республике... Мерою опасности, естественно, определяется мера пресечения: вот почему столь безудержно страстные в заявлениях своих об опасности монархии члены И. К. тускнели, потупляли глаза, когда, логическим ходом, мысль заставляла их говорить о судьбе монарха. Были секунды, когда казалось, что столь страшное для меньшевизма, столь ранящее слух слово — «цареубийство» — уже готово спуститься на нас... как огненные языки на головы апостолов... Но оратору перехватывал горло уже поднятый его мыслью звук — и вновь затягивала собрание зыбкая, туманная пелена — полунамеков, полупризнаний, полуклятв... Все облегченно вздохнули, поэтому, когда кто-то торопливо внес предложение о прекращении прений: «время не терпит, пора к делу». Чхеидзе ставит на голосование вопрос: «Допустить ли отъезд царской фамилии? Кто против?» Как одна, поднялись дружным, нервным взметом руки». Но, если так, надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали, раз-на-сегда, невозможны: ведь Временное Правительство может повторить, при первом удобном случае, попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену. Стало быть, «опасные» должны быть в руках непосредственно Петроградского Совета. У нас, не у «временных». Не у «временных»... Возражений нет. Более точную формулировку. Излишне: она определится событиями. И снова—никаких разногласий» (стр. 45).

Протокольная запись суха, она не вскрывает ни того бессилия, ни той последней черты, к которой логикой событий были подведены и у которой остановились в нерешительности члены Исполнительного Комитета Совета. Протокольная запись заставляет лишь догадываться, что Исполком переменил почему-то свое решение, что этой перемене предшествовала поездка делегации от Исполнительного Комитета к Временному Правительству, но это уже вне поля зрения Мстиславского, об этом он узнает лишь вечером, после своей поездки с отрядом в Царское Село. Текст протокола, как и вообще документы этого периода революции, нигде не напечатан. Первая часть его, явившаяся плодом изображенных тов. Мстиславским прений, гласит: «Ввиду полу-

ченных сведений, что Временное Правительство решило предоставить Николаю Романову выехать в Англию и что в настоящее время он находится на пути к Петрограду, Исполнительный Комитет решил немедленно принять чрезвычайные меры к его задержанию и аресту. Издано распоряжение о занятии нашими войсками всех вокзалов, а также командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями на ст. Царское Село, Тосну и Званки. Кроме того, решено разослать радиотелеграммы во все города с предписанием арестовать Николая Романова и вообще принять ряд чрезвычайных мер. Вместе с тем решено объявить немедленно Временному Правительству о непреклонной воле Исполнительного Комитета не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его. Местом водворения Николая Романова решено назначить Трубецкой Бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным Правительством» (Гос. Арх.).

После принятия решений, зафиксированных в приведенном протоколе, т. Мстиславский был послан в Царское Село для ареста Николая II; все остальное изложение событий этого дня, изложение чрезвычайно живое и драматичное, посвящено изображению того, как и при каких условиях происходил этот арест. Везде и повсюду находил представитель Совета твердую опору в солдатских рядах: один, оставив сопровождавший его отряд на станции, явился он, наконец, в Царскосельский дворец, и здесь сила Советского мандата да стойкость и преданность революции поставленных Корниловым для охраны дворца солдат преодолели все преграды, и поручение было выполнено. Николай II был оставлен под арестом, под стражей тех самых солдат, что приведены были во дворец по приказу Временного Правительства, но служили и слушались только Совета. Проверив, на месте ли пленник, т. Мстиславский со своим отрядом вернулся в Петербург. Здесь он узнает о состоявшемся в его отсутствии соглашении между Советом и Временным Правительством. В протоколе заседания Исполнительного Комитета это соглашение записано так: «товарищ Чхеидзе докладывает, что Николай II уже прибыл в Царское Село. Под давлением Исполнительного Комитета, Временное Правительство отказалось от мысли разрешить Николаю Романову выехать в Англию без особого на то согласия Исполнительного Комитета. Временно он оставлен в Царском Селе. Временное Правительство и министр юстиции Керенский гарантируют, что он никуда не уйдет. Временное Правительство согласно, чтобы Исполнительный Комитет назначил в Царское Село своего комиссара для надзора, дабы Николай II никуда не уехал. В дальнейшем вопрос о Николае Романове будет разрешен по соглашению с Исполнительным Комитетом. Заслушав этот доклад, Исполнительный Комитет постановил снять охрану с вокзалов, кроме Царско-Сельского вокзала, послать комиссаров в Царское Село и на ст. Тосно, окончательно же вопрос о Николае II обсудить и решить завтра. Кроме того, решено принять меры, чтобы в будущем можно было быстрее производить мобилизацию воинских частей» (Гос. Арх). Результатом всего этого было постановление Исполкома о назначении т. Мстиславского комиссаром в Царское Село, от чего он, однакоже, отказался.

День четвертый—день 25-го октября, день Октябрьской революции, день заседания второго съезда советов. Написана эта глава, как и вся книга, красочно и бойко, но чего-нибудь особенно интересного для истории этого дня т. Мстиславский не дает. Тогда, несмотря на то, что л. с.-р. и шли за коммунистами, этот день — не был его днем. Описание второго съезда, данное им, интересно, особенно бросается в глаза фигура Мартова, ждущего позади трибуны, «когда станет, наконец, на очередь его «внеочередной запрос» о мирном разрешении начавшегося конфликта»; к тому, что известно о внешнем ходе этого съезда, воспоминания т. Мстиславского прибавляют мало, а он был членом президиума съезда. Он и сам, передавая о своих настроениях в часы съезда, пишет: «Трудно говорить

(ему пришлось произносить речь от имени фракции), когда так думаешь (т.-е. не веришь в дело), но все же я должен говорить, и я говорю...» (стр. 73).

День пятый—день Учредительного Собрания—5 января 1918 года. При существовании власти Советов, после второго Съезда, Учредительное Собрание было мертвым учреждением, напрасно первый Ц. И. К.—меньшевистский и с.-р., ушедший в подполье, не признавший второго съезда, пытался собрать вокруг себя силы, поднять полинявшее знамя Учредительного Собрания,—на его призыв никто не откликнулся. Учредительное Собрание в дни его созыва было никому не нужным учреждением, кроме тех двухсот с лишним с.-р., которые на его открытие явились, как описывает т. Мстиславский, «в серьезнейших, наглухо, до верху застегнутых сюртуках, все с красными разетками в петлицах, накрахмаленные, торжественные, пробритые до лакированности,—словом, провинциальными именинниками...» (стр. 81).

Эта ненужность, мертвенность самого учреждения ярко выразилась в том, что называют «разгоном» Учредительного Собрания, разгонять было нечего, нужен был катафалк для уборки уже умерших. Т. Мстиславский замечательно красочно описывает эти последние минуты Учредительного Собрания. Описание это войдет во все хрестоматии по истории революции, долго будет интереснейшим документом для историков. «Ушли с заседания большевики и л. с.-р. Ярусы понемногу пустеют. Уже ночь на дворе. В ложах остаются, по преимуществу, солдаты и матросы, эти домой не собираются: переспим здесь, куда итти, по городу зря шататься... Все тише и тише в зале. Гулко отдается каждый шаг в переходах, каждый шорох в ложе... Могильно тихо в зале... Довольно! Спокойно и уверенно, как выстрел в упор, режет выкрик этот сверху, из матросской ложи... Чернов поднимает свой седеющий кок и подвигает звонок ближе. Но не звонит. Он понимает, что звонить сейчас нельзя. По знаку его запнувшийся докладчик возобновляет чтение, а сам он, аффектируя спокойную небрежность, опускает глаза на все тот же, целые часы уже лежащий перед ним, лист бумаги. Ему приходится тотчас же снова поднять их: за спиной, равнодушно и властно потрогивая ему плечо, стоит матрос Железняк, начальник караула. Ложи смолкают. Матрос, чуть-чуть наклонясь, говорит что-то: нам не слышно. Чернов негодующе-растерянно откидывается на пышном, на широком своем кресле. Все члены Учредительного Собрания также очень устали. Но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия. И насмешливо-спокойно звучит без угрозы, твердый, далеко слышный на этот раз голос матроса: — Караул устал. Я прошу покинуть зал заседания... (стр. 91).

Нужно было бы переписать несколько страниц, чтобы изобразить эту бесславную смерть ненужного, пережившего самого себя учреждения.

Суммируя все о записках тов. Мстиславского, приходится признать, что они обладают огромным историческим интересом, дают массу сведений историку нынешней революции. Облечены они в великолепную литературную форму, читаются с захватывающим интересом, полны драматизма и красочности.

С. Пионтковский.

Е. ЩЕПКИНА. Женское движение в годы французской революции. Гос. Издат. Петербург. 1921 г. Стр. 84.

Предисловие тов. Коллонтай в значительной мере является уже и рецензией на книгу. Книга написана в духе той идеологии, которая все смены общественных форм приписывает влиянию ярких личностей, групп, партий. Отсюда понятно, что автор обратил очень мало внимания на массовое движение женщин-работниц в эпоху революции и детально и любовно очертил отдельных представительниц нарождавшегося тогда феминизма. В погоне именно за феминизмом автор не остановился с достаточным вниманием на участии в революционном движении женщины мелко-буржуазных и полупролетарских слоев. Взрывами голодных бунтов, скандалами в клубах и участием в милиции дело не ограни-

чивалось. Уже самая подготовка к созыву Нац. Собрания происходила при участии женщин и явном и закулисном, а вся политическая горячка последующего периода вплоть до казни короля захватывала женщину не меньше, чем мужчину. А знаменитые «вязальщицы»? Книга упоминает о них вскользь, а между тем эти фигуры, почти что выросшие в символ, стоят того, чтобы им уделить побольше внимания.

Вообще, если исследовать женское движение в эпоху революции конца XVIII века, то самый любопытный материал будет материал бытовой, поскольку он отразился в различных заявлениях, подаваемых гражданами и гражданками, в соответствующие инстанции, в летучей журналистике, беллетристике и, наконец, обычном источнике — мемуарах.

Характеристика быта того времени,— а в маленьком хозяйстве женщина—естественный регулятор всего бытового уклада,—дала бы больше, чем подробное изложение смены этапов Великой Революции и рассказ о положении женщины в разные культурные эпохи.

Ведь основная мысль автора так не велика—женщина есть тот же человек—«права женщинам»! Она работала вместе с мужчиной на протяжении всей истории человечества, она была героиней в героические моменты обществ. жизни и т. д и т. д. А вот раскрыть сущность этой работы не в первобытном матриархате только, а в повседневной сутолоке близкой нам эпохи стоило бы даже уже и потому, что самый вопрос о феминизме получил бы несколько иную окраску. Почему так неохотно дают права женщинам буржуазные мужчины и почему пролетарии не стремятся ограничить этих прав? Автор бегло заявляет, что «новую почву для борьбы за права женщин дал переворот в женском труде победоносное развитие фабрично-заводской промышленности, привлекшее к машинам более дешевый труд женщин и детей»... Но предшествующий этому перевороту период с экономической точки зрения не освещен им вовсе.

Для пролетариата книга даст очень немного, для учащейся молодежи — несколько новых сведений, довольно бессистемного характера, для специалистов историков — ничего. Язык доступный, простой, местами не без лиризма, но в целом, конечно, видна опытная рука популяризатора культурника доброго старого времени.

Е. Херсонская.

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА. Изд. Всеросс. Обществ. Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Петроград—Москва 1922 г. Стр. 172.

Настоящий сборник почти тождествен по содержанию с № 17 «Былого» и содержит в себе материал троякого типа: заметки и извещения самого Комитета по увековечению памяти Кропоткина, воспоминания о Кропоткине (об его знаменитом побеге и о последнем периоде его жизни в Дмитрове) и, наконец, неопубликованные до сих пор работы самого Кропоткина. Кроме того, имеется кое-какой архивный материал, посвященный Кропоткину 70-х г. г. и его побегу, и характеристики его, написанные Н. Лебедевым и известной анархисткой Эммой Гольдман.

Весь этот материал далеко не представляет одинаковой ценности и одинакового исторического интереса. Из воспоминаний особенно интересна статья Лешерн-фон-Герцфельд, дающая целый ряд совершенно новых фактов из истории побега. Некоторые любопытные данные о впечатлении, произведенном на правительство арестом Кропоткина и найденной у него рукописью, имеются в статье Н. Ашешова.

Все остальное, что имеется в сборнике о Кропоткине, сравнительно мало интересно. Но зато совершенно исключительное историческое значение для характеристики мировоззрения Кропоткина имеют его собственные произведения, особенно найденная у него при аресте записка для кружка чайковцев *«Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?»*.

Как известно, эта записка послужила одним из важнейших обвинительных документов в процессе 193-х, при чем содержание ее изложено в обвинительном акте. Но теперь она впервые публикуется полностью, и из нее с определенно-

стью вытекает, что все известное нам анархо-коммунистическое мировоззрение Кропоткина последних десятилетий уже вполне сложилось в первой половине 70-х годов, что он оставался в основном верен себе чуть ли не полстолетия, добавляя лишь к тому, что имеется в «записке», новые детали и аргументацию. А самая эта записка и теперь читается с неослабевающим интересом.

Второе произведение Кропоткина в сборнике «Идеал в революции» представляет небольшой отрывок незаконченной рукописи 1918 г. (всего три страницы). Он заключает в себе лишь часть исторического введения, но, как одно из самых последних произведений знаменитого анархиста, тоже, несомненно, заслуживает внимания.

Б. Горев.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ.

JAMES BRYCE. «Modern democracies». Two volumes. London 1921.

ДЖЕМС БРАЙС (виконт Брайс): Современные демократии. В двух томах. Лондон 1921 г. Издание Макмиллан. Т. I, стр. I—XXV и 1—567. II том, стр. 1—757.

За время с 1914 г. демократизм в качестве способа образования «общенародной» государственной власти из вотума большинства правоспособных граждан, взятых в виде распыленных голосующих единиц, — окончательно показал свою несостоятельность. Сорванная в пылу классовых схваток и «национальных» войн античная маска свободы открыла знакомые черты «государя по собственному праву»—капитала, а большие и малые парламенты и учредительные собрания стали для мировой революции новой бастилией. Мы в праве ждать от жрецов и истолкователей демократизма объяснения сложных путей, тайный ход которых в течение немногим больше одного столетия обратил идеи «свободы, равенства и братства» в их собственную противоположность.

Джемс Брайс—признанный авторитет в области конституционного права. Знаток парламентаризма, автор классического сочинения об американской демократии, лично объездивший Канаду и Австралию, он обладает кроме ученой эрудиции практическим опытом политического деятеля, не раз занимавшего место в Палате Общин. Воспитанный в духе Бентама и Милля, близко примыкая к школе американских государствоведов как Вильсон и Лоуэль, Брайс не ищет в государственных учреждениях воплощений абсолютного духа или единства и законченности системы публичного права. Сторонник сравнительного метода, он рассматривает шесть современных демократий—Францию, Швейцарию, Канаду, Соединенные Штаты Америки, Австралию и Н. Зеландию, чтобы путем их сопоставления выяснить как основные черты «демократической природы» человека, так и наметить, на основе полученного опыта, образцы учреждений, способных «воспитывать доброкачественные и подавлять дурные стороны» ее (стр. 11, том I). Наконец, ученый виконт берется показать, оставляя в стороне вопрос об объективных преимуществах формы правления, что́ именно сделала демократия для увеличения морального и материального благосостояния общества.

Итак, при самом описании исторически-данного явления Брайс сознательно подвергает его оценке с помощью целого ряда критериев: с одной стороны, многообразие шести рассматриваемых народоправств сводится к «единой демократической природе», воплощающей «постоянные, нормальные тенденции и привычки граждан о демократии и самого демократического объединения в целом» (стр. 21); с другой — согласно требованиям социальной педагогики вырабатывается рациональный тип учреждений, служащий мерилом для измерения поступа-

тельного движения вперед в каждой стране и ее учреждениях.

В изложении заметно желание автора уклониться от построения теоретической части (методологии посвящено каких-нибудь 20 страниц), но в самом подборе критериев с достаточной определенностью высказан взгляд на движущие силы исторического процесса. В самом деле — в государственных учреждениях отражается природа человека, вылепляющего формы общежития по образу и подобию своему. Эта форма, в свою очередь, начинает влиять на «природу человека» и взаимодействие их влечет все новые перемены в обоих. Но—увы!— пресловутая «природа человека», служащая первичным разновеском на исторических весах Брайса, оказывается лишенной даже условного постоянства, ибо она, «оставаясь во многих отношениях всегда тождественной, настолько менялась в других своих чертах, что мы не можем быть уверенными, что она не отбросит кой-чего в том, что мы привыкли почитать постоянным». Раз эта возможность «равно существовала и сто лет назад» (стр. 10), то Брайс считает себя в праве останавливаться перед тем же тупиком, в который попали великие материалисты XVIII века. В доброе старое время учителя естественного права находили выход из всех противоречий, провозглашая человека машину и царственный разум повелителем общественной среды. Брайс в душе сочувствует такого рода подчинению и не прочь помечтать о проникновенном философе, «закладывающем фундамент, на котором строит свое здание законодатель» (стр. 11), но в наш испорченный век массы оттеснили на задний план политического действия «чистую публику» и даже последовательные буржуазные демократы стремятся по возможности при помощи всенародного референдума ограничить творческие порывы просвещенных законодателей. Следуя, как мы видели, в построении оценочных категорий учению классического рационализма, Брайс решается порвать с его монизмом, охватывавшем все проявления человеческой деятельности единым законом разума и природы и уже на основе исторического опыта заменить всеобщее действие того или иного основного фактора влиянием равноценных, взаимно независимых исторических толчков. В подборе их он совершенно произволен, и, отказываясь дать классификацию сравнительной важности того или иного влияния, ставит читателя втупик перед множеством друг друга исключающих объяснений. Так, например, представительный образ правления в Европе XIX века, оказывается, сложился в результате воздействия религиозных идей, недовольства олигархическими и королевскими властями, социальных и политических условий, благоприятствовавших равенству, и абстрактных идей (стр. 31). Еще раньше мы читаем на стр. 27: «факты и силы, создавшие народное представительство, можно отнести частью к теоретическому, частью же к практическому порядку». В другом ряду, в качестве равноценных величин, фигурируют «развитие производительных сил» и «действие абстрактных идей на неопытные умы». Число примеров можно расширить до бесконечности. И если Брайс не приписывает падения Поднебесной Империи выпадению коренного зуба короля Эдуарда V, то в этом нельзя винить его метод, а просто свойственную англо-саксонской расе холодность воображения, разгорающегося, как мы увидим ниже, лишь при упоминании о большевиках. Не ограниченный в своем творчестве хотя бы рамками научного позитивизма, наш автор не менее свободно обращается с фактическим материалом. С помощью критерия «нормального» в противовес «случайному, исключительному» из двухтомного исследования законченного составлением в конце 1920 г., выкинуто все, касавшееся публично-правовой жизни в течение войны, повлекшей, как известно, отмену всех правовых гарантий, передачу исполнительной власти диктаторских полномочий и принятие исключительных законов против коммунистов. В противовес этим «не-типичным изменениям в природе демократии» (стр. VIII и 279 II т.) выдвигаются ее истинные проявления—«в порыве солдат граждан, в 1914 г., добровольно отдавших жизнь свою за счастье человечества» (стр. 665 т. II) или в открыв-

шейся возможности спасения Персии от анархии «с помощью незаинтересованной державы, действующей по мандату Лиги Наций» (стр. 560 и примечание). Так в подборе признаков «подлинной демократии» Брайс подтверждает немецкую пословицу «Der Wunch ist Vater des Gedankens» и зачисляет в разряд «нормального», желательное и выгодное определенному общественному классу.

В самом изложении Брайс дает довольно целостную картину шести демократических правительств в работе (in work). Не ограничиваясь анализом писаных конституций, он раскрывает в их идеологической скорлупе организационные приемы и способы, обращающие «обще-народную волю» в послушную машину в руках командующих классов общества, основанного на товарно-капиталистическом производстве. В зависимости от особенностей социально-экономического уклада каждой отдельной страны способ овладения и контроля над властью носит отпечаток исторического приспособления к определенному соотношению классовых сил и отвечает требованиям местного своеобразия. Не имея возможности следовать за Брайсом во все подробности техники создания общественного мнения, проведения выборов и, наконец, самого управления, ограничимся несколькими цитатами, освещающими ее применение во Франции и С. Ш. А. Начнем с выявления народной воли во Франции. «Что касается официального вмешательства в выборы..., то эта практика равно осуждается всеми партиями, но ни одна из них, встав у власти, не в силах расстаться с преимуществами высоко-централизованной государственной машины» (стр. 274). «Самые выборы проводятся с помощью местных партийных комитетов, представляющих собой небольшие камарильи, составленные из лиц, по большей частью стремящихся получить влияние и захватить наиболее лакомые куски правительственного благоволения... добываемые через своего депутата, служащего фонтаном милостей... Клика нажимает на него, он нажимает на министра... самая клика составляется из мелких чиновников, лавочников, адвокатов, докторов, журналистов, образующих вместе с депутатами и немногими богачами, финансистами, промышленниками и владельцами крупных газет то, что мы привыкли называть правящим классом Франции» (стр. 302). «Попав в парламент, депутаты удерживают свои места, раздобывая милости для избирателей, а министры путем щедрой раздачи таких милостей. Это деморализует законодательство, опустошает казну, ослабляет исполнительную власть. Это правительство, которое держится покровительством» (стр. 352). Но истинным хозяином положения является чиновничество, превращающее власть министров «скорее в воображаемую, чем действительную власть», «легко могущее затруднить его действия» (стр. 295) и располагающее «громадном политическим влиянием при выборах и других событиях»(стр. 349). В силу этого исполнительная власть «приобретает не только централизованный, но даже автократический характер» (стр. 312). Не менее заманчивые перспективы осуществления равенства и свободы на практике рисуются нам в конституционных нравах великой заатлантической республики, где мы находим рядом или вернее над «официальным правительством нечто вроде нелегального второго правительства, захватившего контроль над первым» (стр. 27 т. II). «Эти два правительства—легальное и партийное сильно различаются по своей конструкции, но двигательной силой законнодействующей машины власти служит нелегальный партийный аппарат» (стр. 46 т. II). Партийные объединения построены «по олигархическому типу и, внешне исповедуя демократизм, являются тиранией в демократических формах» (стр. 33 т. II). Во главе их стоит анонимный, безответственный вождь—Босс (управляющий, хозяин по англ.), сосредотачивающий в своих руках все нити бесчисленных выборов и судебных приговоров (стр. 111 т. II). Две борющиеся в Америке партии демократов и республиканцев не отличаются принципиальными разногласиями и напоминают «две пустые бутылки, наполняемые любым содержанием и отличимые друг от друга лишь по надписи на этикетке». Идейную сплоченность партийных рядов заменяет «стремление к собственной выгоде и

постам со стороны отдельных членов» (стр. 46 т. II) и железная рука трестированного предприятия от политики, «заставляющего каждого участника, под страхом потери места и положения, поддерживать систему, при которой машина партии самоокупается, налагая свое иго на правительства федерации, штата и городов» (стр. 102 т. II). Не менее поучительный материал можно извлечь из подробно и обстоятельно написанных глав, посвященных Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии.

Прорастание сквозь формы свободного правительства «новой олигархии» (стр. 603 т. II), замена народоправства его противоположностью, создание в оболочке официально существующих учреждений истинных органов власти, построенных по типу торговой компании—свидетельствуют, казалось бы, что количественные изменения грозят перейти в качественные, и близок час социального, а с ним и идеологического переворота. Но, спрашивается, если в демократии власть осуществляется не через народ, то, быть может, она правит в его интересах? На это нам ответит сам Брайс. «Наиболее народны по духу в среде современных демократий это те, где нет богатых людей» (стр. 531 т. II). «Власть богатства неизмерима, и выгоды, которые богатые люди и их объединения стремятся откупить у законодательных учреждений, достойны хорошей цены» (стр. 171 т. II). И это естественно, ибо «класс промышленников и капиталистов, взятый в целом, более чем какая-либо другая часть общества, прежде и решительнее всего выступает в защиту собственных интересов» (стр. 336 т. I). Еще один, кажется, шаг и Брайс признает государство величайшим орудием классового господства и если не поможет пролетарской революции в деле его скорейшего упразднения, то, во всяком случае, поставит, как честный ученый, исторический диагноз тяжкого кризиса современного демократизма. Но мы забыли про метод множественности причинных толчков, лежащий в основе исследования. С их помощью действие легко переносится в область загробной жизни и спора о преимуществе добродетели «вопрос о длительности демократизма переходит в проблему о том, растет ли в человечестве добродетель и мудрость, двигателем которых является религия» (стр. 666 т. II). «Без веры ничего не делается, и надежда—это отпрыск веры», «демократия же не пропадет никогда, если не исчезнет надежда» (стр. 670 т. II). Сам Брайс, очевидно, веры еще не потерял и во имя ее он готов, как мы видели на многое, тем более, что наш виконт придерживается мудрой аксиомы: «обман лучше насилия и, как он ни отвратителен, все же не нарушает общественного порядка...» (стр. 232 т. I). Это правило Брайс спешит с особой выразительностью применить в борьбе против «пропитанных духом ненависти апостолов классовой борьбы и пролетарской диктатуры» (стр. 630 т. II), которая в лице Советской России «угрожает развитию человечества» (стр. 638 т. II). Однако, даже в целях сколько нибудь, успешного «обмана» следует остерегаться прибегать к слишком вольному обращению с действительностью. По Брайсу Россия с момента низвержения царизма зачислена в разряд «отсталых народов» на-ряду с Мексикой, Китаем, Египтом и Персией. Октябрьской революции приписывается характер, сливший воедино черты южно-американского пронунциаменто и азиатской уличной резни в общем разгуле славянской анархичности (стр. 550—560 т. II). Но разве можно было «ожидать выдержанности от темных масс России или Египта»? (стр. 564 т. II). Оказывается, что взбунтовавшееся крестьянство, совершенно не желало «самоуправляться» и, совершив акт переворота, «впало в анархию», чем воспользовались большевики и установили свою «тиранию» (стр. 548 т. II). Брайс не сомневается, что Советская власть, «лишенная всяких корней в стране и имеющая за собой лишь горсть сознательных последователей» (стр. 562 т. II) обречена на гибель. Для окончательного возвращения России в «русло нормального развития» оказывается необходимым создание «сильной исполнительной власти», действующей в единении с интеллигенцией, которая без поддержки вооруженной силы не смогла отстоять «представительных учреждений» (стр. 562 и 564 т. II).

Предусмотрена также поддержка реставрированной «русской демократии» извне, стараниями Лиги Наций (стр. 556 т. II). Такова «объективная» наука в своих практических выводах.

Игорь Рейснер.

В. М. БЕХТЕРЕВ. Заслуженный профессор, академик, президент Психо-Неврологического Института. Коллективная рефлексология. Петроград. Изд-ское т-во Колос. 1921. Стр. 1—432.

Когда заслуженный ученый, позитивист и врач-гистолог с европейским именем работает в своей специальности, он считает себя связанным строгими требования метода и подобно всякому естествоиспытателю действует на основе экспериментального исследования. Другое дело, когда он решается выступить в качестве социолога или обществоведа. В несчастной социологии до сих пор считается все дозволенным. И если еще прикрыть социологические и политические рассуждения маркой биологических аналогий и рефлексологических параллелей, то поле становится совершенно открытым для любых произвольных построений. Хорошо еще, что Бехтерев пользуется своим необычайно выгодным положением не для шпенглеровских фантасмагорий или кейзерлинговской мистики.

Наш академик более скромен. Пускаясь в плавание по неизвестным для него волнам обществоведения, он, несмотря на объемистость и полновесность своего труда, ограничивается по существу довольно скромным каботажем при наличности весьма немногих лоцманов и с постоянными причалами к обывательскому бережку. Главными маяками и авторитетами нашего социолога являются Лебон и Тард, которых он безбожно много цитирует. В помощь этим авторитетам кое-где привлекается наш пресловутый социолог Сорокин и отчасти де-Роберти. Остальная социологическая литература распределяется жиденьким слоем по остальным четырем сотням страниц основательного размера.

Самый труд построен следующим образом. Во-первых, без всякого достаточного основания чисто догматическим и дедуктивным путем решается вопрос о том, что все, что сказано Бехтеревым по поводу индивидуальной рефлексологии или, что то ж, объективной психологии, в его предшествующих работах, тем самым распространяется на коллективную рефлексологию—она же социальная и объективная психология, она же, в конце-концов, самодельная обывательская социология. Благодаря этому приему необычайно легко разрешается вопрос о методе и открывается путь к самым необузданным уподоблениям, сравнениям, аналогиям и т. п. Готовый материал индивидуальной рефлексологии натягивается без дальнейших сомнений подобно резине на общественные явления. И «система» и «законы» даны наперед.

Вторым приемом, который должен дать коллективную рефлексологию, это использование исторического материала. И надо отдать справедливость почтенному психиатру, что в области истории он поступает совершенно иначе, нежели с любой историей болезни в своей клинике. Заменой научного исторического материала в его книге является — мы прямо затрудняемся по достоинству характеризовать этот прием — несколько исторических фактов (по воспоминаниям не то гимназического учебника Иловайского, не то Беллярминова), и в совершенно неумеренном количестве русская революция в изложении—в лучшем случае—покойных «Биржевых Ведомостей». И настолько наш академик не желает затруднять себя эрудицией в сфере несчастных гуманитарных наук, что раз приведенные анекдоты, из которых многие прямо перепечатываются из газет, фигурируют затем бесчисленное количество раз в качестве неоспоримых доказательств для самых различных «законов».

Наконец, третий прием, который должен доставить рефлексологии громадную популярность среди возрожденного мещанства; это крайняя скромность выводов, которая, несмотря на страшные слова, вроде «сочетательный рефлекс», «мимико-соматический рефлекс», «закон энтропии», «избирательное обобщение», на самом деле дает, с одной стороны, нагромождение трюизмов и банальностей,

а с другой—обывательских разговоров по поводу пережитой революции. И ясно само собой, что полное отвержение не только субъективного метода, но даже малейшего психологизма нисколько не мешает проф. Бехтереву входить в самую глубь психологических различений и производить нравственную, эстетическую и политическую оценку и русской революции, и ее партиям, и, в частности, большевикам.

Автор этих строк имел незавидную участь последовать за проф. Бехтеревым во всех его бесконечных повторениях одного и того же материала и одних и тех же суждений. Страница в страницу повторяет творец рефлексологии в последующих главах все то же, что он говорил в предыдущих. Получается впечатление какого-то непрерывного плагиата у самого себя в целях наполнения страниц громадного тома. Трудно допустить, чтобы автор прямо забывал то, что он написал раньше, и потому начинал, что называется, все опять с начала. Впрочем, как видно из заключения, Бехтерев и сам был несколько смущен тождественностью отдельных глав хоть и под разными названиями. Так он сам предполагает, что некоторые главы могли бы быть объединены. Но утешается тем, что здесь все равно идет речь «как бы об одном и том же процессе» (стр. 417).

Мы избавим читателя настоящих строк от бесплодного и тяжелого занятия вечного повторения вслед за Бехтеревым случайных анекдотов и банальных заключений. Но мы считаем своею обязанностью дать образец невозможной манеры психиатра, пожелавшего внезапно стяжать лавры социолога и политика. Для этого мы остановимся на одном каком-нибудь сюжете и проследим его превращения под флагом различных «законов». Кстати отметим, что законов этих изрядное количество. Это—целых двадцать три закона, если не считать еще несколько, скрывающихся под иными наименованиями в первой части книги.

Итак, остановимся на излюбленном сюжете Бехтерева, на русской революции и ее «рефлексологическом» объяснении.

Положение первое. Русская революция подобно всякому «коллективному рефлексу», начавшись с едва заметных проявлений... растет, развивается, достигает своего наибольшего развития и затем постепенно ослабевает, входя в спокойное русло общественной жизни «доказательства—сначала» призывы уничтожить буржуазию и грабить банки, «идейная проповедь убийства и открытого грабежа», листовки «с призывом неповиновения начальству» и после временного подавления большевистского движения «большевистский переворот», «волна большевистского движения достигла своего апогея», а в настоящее время «она уже спадает, ибо большевизм позднейшего времени уже во многом не тот, что был в первые месяцы после 25 октября» (стр. 142—143). Такова природа коллективного рефлекса. Ничего не поделаешь.

Положение второе. Русская революция развивается по типу сочетательных рефлексов. Так «большевики стали захватывать власть в стране демократии, и государственно-мыслящая демократия стала терять влияние в массах, развращенных и обманутых демагогией». Основание этого явления—«Когда два исключающих друг друга процесса общественной эволюции достигают своего наивысшего развития, происходит общественный кризис, сводящийся к взаимному торможению, за которым следует поворот общественного движения в том или другом направлении». Другими словами: дважды два четыре или когда идет дождь, то бывает мокро. Это развитие по типу «сочетательных рефлексов». А нам чудится здесь определенная мистификация (стр. 150—151).

Положение третье. Русская революция есть проявление наследственно-соматических рефлексов. Почему? А потому, что «народ вообще не мирится с тяжелыми путами, которыми связывает, напр., капиталистическое государство трудящийся люд, и в этих цепях экономического рабства всегда тлеет то более, то менее явное стремление их разорвать и избавиться от кабалы. Когда правительственный режим и гнет капитала усиливается до определенной степени, не переносимый народным коллективом, возникает государственный переворот, именуемый революцией» (стр. 171). Коротко,

ясно и необычайно ново. Но спрашивается, на каком основании такое, говоря словами Бехтерева, «влечение к самосохранению» именуется соматическим, т.-е. телесно-наследственным, а не просто социально-революционным? Ответ на это понятен—иначе не было бы и рефлексологии.

Положение четвертое: В русской революции выявляются коллективные настроения в смысле «положительного, отрицательного или безразличного тонуса высших нервных центров», а также и «коллективные мимико - соматические рефлексы». Терминология, воистину, устрашающая. Но прежде всего не надо пугаться. По обыкновению под страшным жупелом скрываются самые невинные вещи. Это значит не более и не менее, что вследствие разных причин бывают разные настроения, «настроение коллектива не представляется вообще говоря стойким» и «каков бы ни был подъем настроения, вызванный тем или другим событием, он неизбежно с течением времени падает». Пример — история с возвышением и падением популярности Керенского. В подтверждение рассказывается на паре страниц анекдотическая история этого героя, и завершается трюизмом: «так на протяжении нескольких месяцев настроение народных масс менялось с ходом исторических событий» (стр. 180, 182—184). Повторение того, что было уже сказано в положении первом.

Положение пятое. На русской революции отразились упомянутые выше двадцать три закона общественной жизни, которые представляют собой не что иное, как общие законы всего естествоведения. Законы эти суть: сохранения энергии, пропорционального соотношения скорости движения с движущей силой, тяготения, отталкивания, противодействия, равного действию, подобия, периодичности или ритма, инерции, непрерывного движения и изменчивости, рассеивания энергии или энтропии, относительности, эволюции, дифференцирования, воспроизведения, избирательного обобщения, исторической последовательности, экономии, приспособления, отбора, взаимодействия, компенсации или замещения, зависимых отношений и, наконец, индивидуальности.

Опять-таки и здесь читатель книги будет приятно изумлен. Под торжественной терминологией космических законов он найдет давно известные и в значительной степени потасканные общие места, к которым ничего от новой терминологии не прибавится и не убавится. Но попробуем проследить за причастностью русской революции всем перечисленным великим «законам». За недостатком места, однако, мы не сможем провести ее через все двадцать три этапа рефлексологической «закономерности». Но мы надеемся дать достаточные образцы ее нового изучения.

Закон пропорциональной скорости. «Если какой-нибудь коллектив, разрастаясь, постепенно распространяет свои действия в определенном направлении, то можно с уверенностью сказать, что туда влечет его какой-то интерес, и он влечет с тем большей скоростью, чем этот интерес оказывается больше». Так в русской революции «рабочее движение, ничем не останавливаемое, естественно должно было повести свою борьбу до конца, и буржуазия погибла в огне революции, а примыкающая к ней интеллигенция была вначале отметена вслед за объявленным ею бессмысленным саботажем при большевизме, подвергаясь всевозможным преследованиям». Спрашивается, что прибавил указанный закон к тому, что мы знали отлично и без него? (стр. 231—233).

Закон тяготения. «Возникновение коллективов обязано закону тяготения» как коллективов к известному центру, так и индивидов. По существу и социология и социальная психология совершенно неудовлетворяются подобным объяснением, а устанавливает целый ряд причин подобного «тяготения». Но рефлексология дальнейшим не интересуется, ибо это был бы с ее точки зрения субъективизм и психологизм. Но за то она дает нам блистательные примеры «тяготения». Так рефлексология берется установить для настоящего времени центр мирового тяготения, как «мировой центр цивилизации». Она находит этот центр попробуйте угадать—не больше и не меньше, как в Париже. Да здравствует Пуанкаре и парижские патриоты!.. Сама объективнейшая рефлексология академика Бехтерева

устанавливает в этом городе «мировой центр цивилизации...» (стр. 242, 244). Комментарии излишни.

Закон подобия. Сюда подводятся явления внушения, подражания и индукции. Казалось бы, автор известной книги о «внушении в общественной жизни» мог бы дать блестящие страницы по данному вопросу. Но и здесь злополучный метод дает себя знать. И мы узнаем, воистину, удивительные новости по поводу проявления закона подобия в истории революций. Так, с одной стороны, оказывается, что «ход русской революции в значительной степени явился подражанием великой французской революции»— это «показывает сходство и чисто внешних форм некоторых общественных явлений». С другой же «следовавшая за русской революцией германская революция... хотя и не достигла того крайнего развития, какой приняла революция в России, но явилась как бы сколком с русской революции», Как, почему, не лежали ли в основе всех этих движений одинаковые социальные силы?—На это рефлексология не желает отвечать. Закон подобия — и кончено (стр. 271, 276). Или говоря новой терминологией «биорефлексологический фактор, состоящий в стимулирующей роли подражания, возбуждающего в то же время мимико-соматическую реакцию положительного характера»—«одинаковые причины приводят к одинаковым следствиям, удовлетворяя основному принципу закона подобия» (стр. 275, 282)...

Стоит ли продолжать? Все дальнейшие законы разбираются совершенно в подобном же роде. Ритмическое, волнообразное движение общественных процессов и в том числе русской революции (стр. 286), о чем, впрочем, говорилось уже раз раньше (стр. 142). Закон инерции,— который еще раз повторяет то же самое положение, добавляя ту общеизвестную истину, что «раз начавшееся движение никогда не прекращается сразу» и снова рисует приевшуюся картину русской революции с ссылкой на газету «День» и злым примечанием, что «революционные движения при своем развитии не знают никаких границ и никаких пределов, разрушая на своем пути все... и переворачивая без достаточных оснований все, что, казалось бы, могло остаться нетронутым и пощаженным» (стр. 297—299, 303). Закон дифференциации, сообразно которому революция подобно всякому общественному движению из «более общего и хаотичного постепенно становится более частным и более определенным» (стр. 336). Избирательное обобщение, объединившее по Бехтереву со ссылкой на некую газету «крайние левые партии и всем известных союзников русского народа, а также бывших городовых и жандармов» (стр. 351). Историческая последовательность, которая доказывает, что большевистская революция была произведена вопреки этому закону и дело «ведет к роковым последствиям» (стр. 356 — 357). Повторение уже раз сказанного находим мы и в законе зависимых отношений (стр. 395, 398, 399, 404, 405) вплоть до младенческого изображения в двадцатый раз хода русской революции (стр. 404—406). Политиканствующая рефлексология или биорефлексогическая политика буржуазно-сочетательных рефлексов!

Как очевидно, применение космических законов, установленных рефлексологией, к общественной среде дает самые чудовищные результаты, и нам нет надобности входить в подробный разбор самого метода. Современное обществоведение ушло далеко вперед по сравнению с глубоко отсталыми методами и достижениями нашего психиатра, который попробовал применить к общественной среде объективнейший метод небесной механики.

Проф. М. Рейснер.

Д-р Н. А. ВИГДОРЧИК. Проблема материнства в капиталистическом обществе. Теория и практика социального страхования. Выпуск восьмой. Кооперативное книгоиздат. Т-во «Книга». Петроград 1922 г. 171 стр. Цена не указ.

Проблема материнства в капиталистическом строе—это проблема непрерывного, непрекращающегося падения рождаемости. Чем больше расцветает капиталистическая культура, тем заметнее

становится действие факторов, ведущих к вымиранию человечества.

Автор приводит цифровые данные, свидетельствующие о том, что наблюдающееся в странах Европы падение рождаемости идет быстрее, чем падение смертности, что прирост населения повсеместно уменьшается. До средины прошлого века падение рождаемости наблюдалось только во Франции, с 50-х годов XIX века кривая рождаемости делает поворот вниз в целом ряде Европейских стран. Этот процесс вымирания культурного человечества представляет из себя общеобязательное, закономерное, универсальное явление.

Чем объяснить это падение рождаемости? Не изменилась ли физиологическая природа человека, не сделался ли он менее способен к деторождению?

Анализ физических факторов приводит автора к убеждению, что не в них причина падения рождаемости. Вырождение (т.-е. процесс гибели, растянутый за пределы жизни одного человека или вообще на более или менее значительный промежуток времени), венерические болезни и алкоголизм, оказывая определенное влияние на падение рождаемости, не являются основными причинами неуклонного падения рождаемости в странах буржуазной культуры.

Причину падения рождаемости автор видит в явлениях социального порядка. Рождаемость зависит от материального благосостояния. Рост благосостояния... уменьшает рождаемость. «Существуют какие-то причины, которые делают население тем менее плодовитым, чем более оно зажиточно, образовано, интеллигентно, одним словом, чем выше в нем уровень культуры» (стр. 71).

Социальные условия, условия общественной жизни таковы, что у современного человечества пропала «воля к размножению». Каковы же эти условия, заставляющие отказываться от размножения?

Комбинируя данные бюджетной анкеты, произведенной в 1908 г. среди петербургских рабочих Русским техническим обществом и разработанной С. Н. Прокоповичем, с данными анкеты 1912 г. по вопросу о детской смертности среди рабочего населения Петербурга автор дает яркое изображение ужасающих условий материнства в среде питерского пролетариата в последние годы перед войной.

Страх материнства в пролетарской среде с неизбежностью вытекает из тех страданий и лишений, которые вызываются увеличением семьи пролетария.

Но и в высших социальных слоях капиталистического общества перед нами тот же страх материнства. Здесь он вызывается желанием обеспечить детей от случайностей и превратностей судьбы. Наконец, в среде крупной буржуазии страх материнства есть следствие желания сохранить капитал, избежать его дробления.

Культурное человечество капиталистической эпохи боится размножения. В практике неомальтузианства оно находит способ сокращения рождаемости. Получается заколдованный круг: улучшение экономических условий сокращает смертность, но оно же вводит в употребление, делает известными и доступными неомальтузианские средства сокращающие рождаемость, а сокращение рождаемости, превышая сокращение смертности, ведет к вымиранию культурного человечества.

В чем же выход? Выход автор видит в изменении социальных условий. Только в социалистическом строе, где исчезает социальное неравенство и социальная необеспеченность, где производство и распределение сделаются общественными, можно будет задержать падение рождаемости. В социалистическом строе это станет возможным потому, что там не отдельные индивиды, а все общество в целом будет регулировать рождаемость. Величайшее приобретение современной культуры—рационализация половой жизни, сейчас становится в противоречие с общественными интересами, в социалистическом строе оно явится могучим фактором прогресса, так как там оно примет социальный характер.

Вот вывод, к которому приходит автор, в результате своего исследования.

Можно оспаривать отдельные положения автора, но нельзя не согласиться с основным его выводом о том, что проблема материнства в капиталистическом строе разрешена быть не может, и что

только коренное изменение социального строя дает разрешение этой проблеме.

Вопрос поставлен и разрешен автором безусловно интересно. Книга содержит много фактического и цифрового материала, написана хорошим литературным слогом, читается легко и с интересом и мы можем порекомендовать ее каждому, желающему ознакомиться с проблемой материнства.

Зинаида Теттенборн.

В. БЫСТРЯНСКИЙ. Преступление в прошлом и будущем. Госуд. Издательство. Петербург 1921. Стр. 1—32.

Тов. Быстрянский довольно успешно работает над тем, чтобы окончательно похоронить ту репутацию «учености», которая за ним, как никак, установилась особенно в партийных кругах.

Как видно из названия лежащей перед нами брошюры, тов. Быстрянский захотел на немногих страницах (30 стр. текста) исчерпать в высшей степени интересный и сложный вопрос о преступлении, да еще в его «прошлом и будущем». Ни один из лучших криминалистов мира не взял бы на себя такой колоссальной работы и, сверх того, в столь малом объеме. Справляется с своей задачей тов. Быстрянский при помощи очень простого приема. Сам он принимает весьма малое участие в надписанной его именем брошюре. Он заставляет говорить за себя других. Кого же?—Кто оказался достоин за тов. Быстрянского писать его брошюру?—Увы!—даже не Лафарг, который попадает в брошюру через третьи руки, а целый ряд ученых «буржуев», которые вместо Быстрянского пишут его «коммунистическую» книжку. Таким образом из 30 страниц «жрец буржуазной науки», Адольф Принс, дал Быстрянскому одну страницу, Энрико Ферри, правда, «кокетничавший одно время с социалистическим движением»,—две страницы, Ван-Кан, ограниченный «узкими рамками капиталистического строя» — четырнадцать страниц, Луи Проаль—три четверти страницы, А. Фулье—полстраницы, Антон Менгер, «построивший своеобразную систему государственного социализма» две страницы; и только «будущее» ссудили тов. Быстрянскому Т. Мор, как известно, один из предшественников социализма, и Моррис — вместе три страницы. Итого двадцать три страницы с четвертью. Лишнее говорить, что на остальных шести и трех четвертях страниц нашли себе приют Ленин (полстраницы) и Анатоль Франс, и Кулешов, и Вебер, и, наконец, сам тов. Быстрянский.

Впрочем, надо отдать справедливость тов. Быстрянскому. Среди сплошных цитат из чужих трудов, как мы видим, в подавляющем количестве «жрецов буржуазной науки», он изредка, подобно хору древней трагедии, бросает в отдельных словах и строчках цветы своих чувств и настроений. Сверх того: ему целиком принадлежит начало—четыре страницы и полстраницы на конце.

Читатель поймет положение рецензента: написано «Быстрянский», читай «совсем наоборот». И так как данная брошюра не есть свод мнений «жрецов буржуазной науки» по данному вопросу, изданный под редакцией тов. Быстрянского, а будто бы его собственное произведение, то мы от дальнейшей оценки указанного издания воздержимся.

Проф. М. А. Рейснер.

ФИЛОСОФИЯ.

ГУСТАВ ШПЕТ. Философское мировоззрение Герцена. Петр. кн-во „Колос". 1921. Стр. 100.

Надо признаться, что с чувством некоторого недоверия и даже недоумения мы взяли в руки эту книгу. Проф. Шпет считает себя служителем философии как науки и несколько свысока отметает философию как мудрость. А ведь Герцен был, конечно, плохим философом в первом смысле—на его удел выпало стать философом мировоззрения или как раз представителем той мудрости, кото-

рую так низко расценивает Г. Г. Шпет. Таким образом, можно было заранее предположить, что философская трагедия Герцена окажется просто не в тоне автора. Однако проф. Шпет оказался достаточно осторожным и ограничил рамки своей небольшой работы лишь установлением чисто-философских позиций и исканий Герцена, предусмотрительно остановившись там, где, по его выражению, начинается «Биография». В этих пределах работа Г. Г. Шпета имеет свое полное право на существование и даже вносит существенные изменения в наши представления о философском развитии Герцена. В частности, надо отметить установку того значения, которое имел Фейербах для Герцена. Проф. Шпет чрезвычайно убедительно показывает, что немецкий мыслитель вовсе не играл для Герцена той роли, которую ему приписывают некоторые исследователи. Интересны также указания на новый источник герценского философствования—на книгу польского философа Цешковского «Prolegomena zur Historiosophie». Совершенно верно отмечен и центр герценского мировоззрения—«живая во плоти личность настоящего»—«апотеоз личности». Но все дело в том, что пределы, поставленные Г. Г. Шпетом для своей работы, слишком узки для Герцена—он выпирает из них со всех сторон—ему просто тесно в философском панцыре. Пусть вехи философского развития Герцена, его основные пункты верно охарактеризованы Г. Г. Шпетом—это лишь бледный и несовершенный снимок с подлинного и ценного для нас Герцена. Можно прекрасно отграничить биографию Канта от его философии, благо биографии-то и не было у кёнигсбергского мыслителя, но у Герцена это совершенно невозможно, ибо герценовское мировоззрение, герценовская биография есть одно неразрывное целое. Поэтому, конечно, можно оспаривать влияние Фейербаха на Герцена, указывать на книгу Цешковского, как новый источник герценовских умозрений, но нельзя строить философского мировоззрения Герцена без указания на его главный источник—на биографию, использование которой принципиально отвергается Г. Г. Шпетом. Если пользоваться в качестве источника герценовским «С того берега», то не надо забывать, что его истоками были кровавые июньские дни, а не полка с пыльной семьей книг. Можно думать, что и на однородные места герценовского «Дневника» больше всего повлияла смерть Вадима Пассека, а не отвлеченное философствование. Проф. Шпет останавливается на «Биографии» Герцена, где, по его мнению «кончается мировоззрение, начинается дух и идея»—мы же думаем, что в биографии и высказалось мировоззрение Герцена и продолжало развиваться вплоть до смерти писателя. Хочется сказать даже больше — мировоззрение Герцена можно понять и очертить, лишь приняв его биографию за преобладающий источник, и мы твердо уверены, что проф. Шпет лишь для «отвода глаз» пользовался только чисто-философскими устремлениями Герцена, а на самом деле все время имел перед собою и всю биографию писателя, от вторжения в сферу которой он так стыдливо отмахнулся в конце своей книги. Несмотря на свои малые симпатии к «мудрости», Г. Г. Шпет все же оказался мудр — не пожелав дать полной характеристики философской драмы Герцена — так как такая задача не в тональности автора—и оказался даже мудр вдвойне—воспользовавшись этой биографией или философской драмой негласно для читателя. С этими оговорками книга проф. Шпета безусловно заслуживает внимания, как систематическое изложение философских идей, лежавших в основе герценовской философии.

Проф. П. Преображенский.

Н. А. БЕРДЯЕВ, Я. М. БУКШПАН, Ф. А. СТЕПУН, С. Л. ФРАНК. Освальд Шпенглер. Закат Европы. Кн-во „Берег". М. 1922. Стр. 95.

Как нам уже приходилось указывать на страницах «Печати и Революции», книга Шпенглера «Der Untergang des Abendbandes» представляет собой одно из самых замечательных и симптоматичных явлений в литературной и фило-

софской жизни современной Германии. Критическая литература о Шпенглере и на темы, затронутые Шпенглером, очень обильна в самой Германии—можно сказать, что Шпенглер подвергся самому детальному анализу, как со стороны обще-философской и методологической, так и с точки зрения отдельных дисциплин, затронутых в его произведениях. Интересно, однако, что немецкая критика больше анализирует Шпенглера, старается путем длительной рефлексии подорвать значение шпенглеровских умозаключений, столь тревожных и знаменательных для побежденной Германии. Можно думать, что ахиллесова пята шпенглерианства вовсе не в его логических промахах и эмпирических погрешностях, и потому метод немецкой критики вряд ли окажется вполне действенным и убедительным для поклонников новоявленного германского философа. Русские критики, чьи статьи вошли в настоящий сборник избрали несколько иной путь—противопоставления своего собственного философского мировоззрения тому мировоззрению, которое развито Шпенглером. Правда, отмечаются и грехи Шпенглера против логики и грубой эмпирии, но чувствуется, что центр тяжести шпенглерианства для авторов сборника лежит не в этом оценивании мелочей, а в сопоставлении двух миросозерцаний. Такой прием вполне возможен, но при условии, если миросозерцание самого критика является достаточно твердым и устоявшимся. Иначе теряется весь интерес идейного поединка и самый критический прием теряет свое оправдание. Из четырех участников сборника только двое могут заявить притязание на обладание ключами своей веры—Н. А. Бердяев и С. Л. Франк. Двое остальных столь эклектичны и бедны философской мыслью, что их статьи как-то раскалывают весь сборник на две разнородных части. У статьи Ф. А. Степуна есть еще то оправдание, что она пытается дать систематическое изложение идей германского мыслителя, но, прежде всего, эти идеи изложены односторонне—очень плохо очерчена социальная физиономия Шпенглера и его политические взгляды, а главное, все изложено крайне слащавым и манерным стилем, мало гармонирующим с мужественным языком самого Шпенглера. Вряд ли обосновано и стремление г. Степуна как-нибудь подогнать Шпенглера под стиль современных мистиков и богоискателей типа самого критика. Я. М. Букшпан, несомненно, очень начитанный человек, и, что теперь очень редко, начитанный в современной литературе, но весь его литературный эталаж не может скрыть и отсутствие определенной философской мысли, а, главное того, что все обильно цитируемые им Честертоны, Ратенау, Кайзерлинги нисколько не помогают определить самого Шпенглера, как философскую индивидуальность. Подвести же Шпенглера под такой тяжелый и неудобоваримый предмет, как, очевидно, специально для этого придуманный г. Букшпаном «безрелигиозный скептический самоутвержденный рационализм», да еще курсивом, значит только подрезать и сузить весь размах Шпенглера, как философа-художника. У Н. А. Бердяева есть свое собственное миросозерцание, но вся беда в том, что оно уже чересчур собственное, чересчур устоявшееся и конгениально Шпенглеру лишь в отрицательном смысле в признании близкой гибели западно-европейской цивилизации. В остальном они полярно противоположны — Шпенглер ожидает Сесиль Родсов, а Бердяев—Данте и Франциск. Так и кажется, что если Шпенглер, по мысли Бердяева умирающий Фауст, то сам Бердяев умирающая Маргарита, все еще укоряющая своего любовника в отсутствии у него христианского умонастроения. Наиболее значительной статьей сборника является статья С. Л. Франка—в ней совершенно верно указывается на всю зыбкость той характеристики, которая дается Шпенглером фаустовской душе, на всю спорность произведенного Шпенглером рассечения христианства. Что же всего интереснее—С. Л. Франк дает свою собственную концепцию западно-европейской истории, по своему стилю, конечно, внутреннему, подходящую под стиль шпенглеровского историзирования и основанную в своих методологических предпосылках на своеобразном понимании исторического процесса, которое

дает лучший опорный базис для этой концепции, нежели соответственное методологическое обоснование своих выводов у Шпенглера. Совершенно не затронут в сборнике, может быть, самый любопытный подход к книгам Шпенглера, а именно, их социологическая оценка, которая является всего более реальной и жизненной и, по всей вероятности, поэтому и оставленная без внимания авторами. Философское величие имеет свои собственные законы и нормы поведения, которые заставляют смотреть на вещи лишь sub specie aeternitatis, а не как-либо иначе.

Проф. П. Преображенский.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Профессиональное образование в Германии и Австрии (сборник статей из журнала «Technik und Wissenschaft») Моск. Гос. Издат. 1921. Стр. 54.

Рецензируемая книжка содержит всего пять переводных статей. Первая описывает практическую подготовку техников и заводских учеников в Северной Америке. Старое английское убеждение, что инженером можно стать, лишь работая практически на заводе или в мастерской, и что минимальная теоретическая подготовка, наилучшая, почти совершенно отошла в Америке в прошлое. Однако там не впадают в переоценку односторонних книжных знаний, как это имеет место в Германии. Практические работы поставлены там так же хорошо, как математика и рисование. При большинстве технических школ устроены хорошо оборудованные мастерские, которые по типу занятий стремятся, насколько возможно, приблизиться к характеру заводской работы. Однако, это не вполне удается: именно организационная сторона, самый дух завода отсутствуют в школьной мастерской. Кроме того, последняя не может все время вводить новые машины, а работа с устаревшими машинами вредна. Поэтому некоторые школы командируют учеников на время каникул на самый завод. Но еще больший шаг вперед представляет т. н. кооперативная система, практикующаяся в Цинциннати: поочередная работа в заводе и в школе. Ряд предприятий сами для окончивших школу инженеров организуют у себя практическую подготовку. Эти три пути (дорогие и непрактические учебные мастерские, заводские школы и кооперативная система) намечаются и для подготовки квалифицированных рабочих.

Вторая, в высшей степени конкретная, статья трактует воспитание индустриального рабочего. В ней дается исторический очерк состояния школьного дела в Англии, Америке и Германии, а также постановка практической подготовки («ученичество») в этих странах. Затем, в очень обстоятельной форме, автор излагает свои собственные взгляды, выставляя в заключение 21 тезис по этому вопросу. Эта статья представляет выдающийся интерес.

Из остальных статей наибольший интерес представляет статья Матшосса «Американские инженеры об американских методах подготовки инженеров». Крайне характерно, что все они особенно сильно подчеркивают значение общего образования: особенно необходимы исторические знания (история техники), основательные знания в области естественных наук и математики, языка и знание людей. Инженер обязан также уделять время общественной деятельности. Лекции должны быть сведены к минимуму.

Автор предисловия к сборнику, т. Крупская справедливо находит, что России очень поучительно знать эти тенденции профессионального образования в Америке и Германии: 1) необходимость самой тесной связи с производством, с фабрикой и заводом, со всей заводской жизнью; 2) подчеркивание значения общих знаний. Большинство наших профессиональных школ носили и носят

ремесленный характер, весьма слабо связаны с производством; у нас еще до сих пор носятся с утопиями об учебных мастерских, оборудовать которые сейчас нет возможности. Затем у нас, опять-таки вследствие отсутствия понимания, какие инженеры и рабочие нужны для крупной промышленности, склонны игнорировать значение общих знаний.

Рецензируемый сборник, несм тря на свои очень небольшие размеры, крайне ценен. Знакомство с ним, скажу больше, усвоение его я считаю *обязательным* для всякого, кто соприкасается с профессиональным образованием и вообще с современным индустриальным миром. Наша идеология и практика профобразования еще до сих пор отличается крайней отсталостью и утопичностью. Еще до сих пор частью и, что хуже всего, якобы от имени практики, преподносят проекты узко специального образования задыхающегося в аудиториях и плохеньких учебных мастерских, проекты, свидетельствующие только о том, что авторы их незнакомы ни с практикой лучших заграничных школ, ни вообще со всей современной индустриальной практикой. Пожелаем же рецензируемому сборнику стать предметом усиленного чтения и дискуссий как в среде преподавателей и учащихся соответствующих школ, так и в более широкой среде технического мира.

П. Блонский.

Библиотека „Работника Просвещения". Вып. IV. „Педагогическое творчество в Германии". „Отчет о германской конференции педагогов". 11—20 VI 1921 года. 127 стр.

Журнал Центр. Комитета Союза Работников Просвещения выпускает целую серию книг по вопросам народного образования, школьного строительства и новой педагогики. К серии этих книг принадлежит и указанный IV выпуск. Под громким заглавием «Педагогическое творчество в Германии» мы имеем перевод отчета о конференции педагогов, состоявшейся этим летом. В примечании редакции указывается, что отчет печатается по газете Vorwaerts, при чем часть докладов приведена полностью, часть лишь в тезисах, в зависимости от новизны и интереса затрогиваемых вопросов. Одним словом, все как в доброе старое время взяты отчеты Vorwaerts'а и переведены полностью, рабски, ученически. По нескольку докладов на один вопрос, масса повторений. Точное указание, какой доклад читался на утреннем заседании, какой после обеденного перерыва. Заявления от «организации католических учителей», от «организации евангелически-православных» и т. д. и т. д. и даже возглас «ага!» — которым один из них был встречен. — Зачем нам, в России, надо знать все это? Зачем, когда отчеты о наших конференциях, имеющих часто большое практическое значение, излагаются в сокращении, при нашей бедности бумаги, давать полный перевод отчетов иностранных конференций? Вообще как будто бы уже давно минуло то время, когда для России было прогрессивно переводить все, вышедшее за границей, как будто бы у нас имеется уже и свое творчество — и в области педагогики тоже, творчество гораздо более смелое и решительное, чем в предлагаемых нам докладах конференции. И кому бы, как не нашим педагогам, знать это? Относительно совместного учения, например, вопроса, давно решенного в России, как решен он и в Америке, жеманные немцы все толкуют на манер ни два, ни полтора, — или выносят свойственное им двух с половинное решение: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой, надо признаться; как будто хорошо девочек допустить, но не больше известного процента, да более спокойного характера. Женщины выступают за равноправие, мужчины им возражают... Зачем нам эти перепевы?

Так и во всех других вопросах воспитания. Следовало бы нашим педагогам проявить больше творчества хотя бы в том, чтобы суметь взять из работы немецких педагогов лишь новое, оригинальное, нужное для нас, чтобы ориентироваться самостоятельнее среди кучи материала, отбросить всю шелуху и дать в одной-двух статьях изложение нужного интересного и притом на русском языке, а не на том специфически «переводном», на котором как бы нани-

зываются отдельные слова и получаются фразы вроде следующих:

— «В жизни школы проявляются основные черты духа человеческой общественности в ее органическом развитии, начиная с детской игральной (sic!) общины и кончая сознательной работой в духе социализма!» или: «Если стремиться к сохранению семейного воспитания в возможно большем объеме, то размеры и перестройка школьной системы, особенно на нижних ступенях, будут зависеть от размеров помещения (начальные школы с малым или большим числом классов, полные или неполные городские школы, городские и средние школы в связи с начальным)». В каком отношении находится размер школьных помещений к семейному воспитанию? — Или над докладом д-ра Андреезена,—в котором излагаются как раз всякие благоглупости по поводу совместного воспитания, стоит крупным шрифтом заголовок: «Выбор секции об учащихся». — Пойми, кто может.

Одним словом похоже, что целью выпуска книги было дать заработок одному или нескольким педагогам, знающим немецкий язык настолько, чтобы уметь нанизывать отдельные слова, но не знающим ни его, ни современное состояние педагогики настолько, чтобы, ориентировавшись в происходившей конференции, дать в сжатом виде ясное понятие о том, что было (если было) интересного в ее заданиях и ее достижениях.

А подобные благотворительные задачи не должны лежать в основе нашего издательства.

А. Елизарова.

Проф. Г. И. РОССОЛИМО. План исследования детской души. Пособие для педагогов, врачей и родителей при составлении характеристики нормальных и дефективных детей. Издание 3-е, дополненное и переработанное. Москва 1922. 53 стр.

Появившееся в 1922 году 3-е издание книжки Г. И. Россолимо «План исследования детской души» является ценным пособием для составления детской характеристики. Вновь дополненное издание охватывает все стороны детской жизни, в нем предусмотрены все факторы, необходимые для выяснения той или иной черты детского характера.

В своем предисловии автор указывает, что каждая характеристика должна представлять нечто вроде научного исследования и что самую существенную часть работы составляет собирание данных.

Все пособие может быть подразделено на целый ряд отделов.

I отдел выясняет данные относительно семьи ребенка, его домашнего воспитания, касается также системы воспитания, его обучения дома или в школе.

II отдел касается истории развития и роста ребенка, истории его здоровья и наследственности.

III отдел посвящен характеристике души ребенка, при чем здесь разобраны все чувства как высшего, так и низшего порядка. Указаны способы исследования памати, воли, внимания, воображения, наблюдательность. Двигательные процессы высшего порядка, как-то: мимика лица, жестикуляция, походка, речь словесная и письменная, рисование, черчение, лепка и музыка. На основании всех данных составляется общая оценка способностей.

IV отдел представляет опрос ребенка для выяснения приблизительного запаса общих внешкольных знаний и представлений.

V — составление дневника ребенка по определенному плану.

VI — один из новых отделов, введенных в 3-е издание. Приводит данные о выдающихся явлениях в душевной жизни ребенка в связи с условиями жизни семьи и с другими событиями.

VII отдел посвящен сведениям из прошлого жизни ребенка и состояния его здоровья.

VIII — расширенному и усовершенствованному экспериментальному исследованию личности ребенка: 1) Краткий метод исследования умственной отсталости по Г. И. Россолимо (7 и 11 лет). 2) Исследование элементарных представлений по методу Г. И. Россолимо (4—7 лет), и, наконец, последний касается составления выводов из данных наблюдений и исследований ребенка. А) По отдельным статьям. В) Общий

вывод с заключительной характеристикой.

Как видно из вышеизложенного, вопросы, затронутые в пособии, вполне соответствуют данному моменту. Они своевременны, так как никогда раньше не интересовались детской психологией в такой степени, как это делается в настоящее время. Правда, оно рассчитано на врачей, интеллигентных родителей и квалифицированных педагогов; для широкого же круга воспитателей, которые работают в настоящее время в детских домах и садах, пособие это будет едва ли доступным.

В. Лебедева.

---

1. „Очерки психологии раннего детского возраста". Н. К. КОРНИЛОВ. Москва. Госуд. Изд. 1921 г. 142 стр. 2. „Методика исследования ребенка раннего возраста". Н. К. КОРНИЛОВ. Москва. Госуд. Изд. 1921 г. 76 стр.

Из всех областей исследования, открытых современной наукой, одной из наиболее привлекательных является исследование психологии ребенка, может быть в силу природной прелести самого объекта исследования.

До сих пор ребенок был предметом семейного традиционного бессознательного воспитания; за последнее время он становится предметом воспитания общественного, и естественно, что внимание теоретиков и практиков в этой области фиксируется на вопросах педологии в широком смысле этого слова

Ребенка начинают изучать.

«Одна из основных задач современной педологии заключается в том, чтобы вскрыть, в каком возрасте обнаруживается у ребенка та или иная сторона его психики, в какую проследить последовательное ее развитие и моменты наиболее яркого ее проявления.

Вскрывши это, мы знали бы, какие характерные черты свойственны тому или иному возрасту, что дало бы нам прочную базу и для воспитательного воздействия».

Детская психология является наукой очень молодой. В этой области есть исследования, наблюдения, но нет твердо установленных, незыблемых положений. Многое еще не исследовано, многое спорно.

Вот почему попытку установить научный метод исследования, указать, как и что нужно изучить в ребенке, нужно приветствовать, как отвечающую жгучей потребности дня.

И этой потребности отвечают изданные Отделом Охраны Материнства и Младенчества Н. К. З. две книги проф. Н. К. Корнилова.

В этих книжках указано, что они являются руководством для педагогов и врачей. Но написаны они так популярно, что вполне могут быть доступны и менее квалифицированным работникам детских учреждений. Они, взаимно дополняя одна другую, проникнуты истинно социальным духом, ставя педагогику в тесную связь с экономическими и моральными условиями быта. «Роль матери,—говорит автор,—как главной воспитательницы семьи, сильно преувеличена. Не менее почтенной является и роль отца, если этот отец является тружеником, борцом за общественное благо. подготовляя для ребенка тот путь, на котором только и могут быть реализованы конечные идеалы и цели воспитания».

В методике исследования автор излагает подробнейшим образом те приемы, при помощи которых возможно изучение ребенка в раннем детстве, выяснив предварительно те основные научные требования, которым должно удовлетворить наблюдение и эксперименты над ребенком.

Сравнительно небольшое место отведено исследованию физиологическому, и центр тяжести методики лежит в психической ее части. Автор дает примерную схему для изучения ощущений, восприятий, представлений, памяти, внимания, воображения, речи, мышления, чувства и воли детей, попутно указывая, какие результаты добыты другими исследователями по тому или иному вопросу.

В конце приложена подробная программа психологических наблюдений над детьми дошкольного возраста, которая представляет видоизмененный и упрощенный аналогичный план проф. Лазурского, а также схему развития ребенка в младенческом и дошкольном возрасте

Схема представляет собой попытку объединить и графически изобразить весь материал по детской психологии, более или менее установленный и проверенный, но разбросанный в разных изданиях и не собранный воедино.

Автор сам смотрит на эту схему, как на первый набросок, который будет пополняться подбором нового материала и исправляться практическими указаниями исследователей.

Если не все сумеют воспользоваться предлагаемым руководством для собирарания записей и наблюдений, которые могли бы быть использованы, как материал для научной обработки, то во всех практических работах они, несомненно, вызовут более сознательное отношение к жизни маленьких существ, порученных их заботам, помогут подойти или к конкретному живому ребенку для наблюдения за его психикой и научат их с ней считаться, потому что ребенок, даже самый маленький, является личностью со своими правами, из которых главное — это право на радостное детство и право быть свободным в выявлении своей личности.

Что касается очерков психологии, то они не только живым увлекательным языком раскрывают детскую душу, но и дают педагогические указания для родителей и воспитателей.

Касаются они, главным образом, психологии детей возраста детских садов, вероятно потому, что учреждения эти дали больше материала для наблюдений, чем учреждения для совместного воспитания детей младенческого возраста, которые являются более молодыми. Но и работницы учреждений по охране материнства и младенчества найдут здесь и недостающие им знания, и руководящие принципы своего поведения по отношению к ребенку. Они несомненно помогут создать ребенку в наших учреждениях обстановку, в которой не только его кормят и заботятся об его теле, но которая удовлетворит его умственным и моральным потребностям.

Эти книги должны быть настольными книгами для каждой сестры, для каждой воспитательницы в детских учреждениях.

В. Лебедева.

Д-р Е. АРКИН. Дошкольный возраст. Госиздат. Москва 1921 г. 409 стр.

Идея социального воспитания дошкольного возраста была и будет всегда предметом внимания передовой педагогической мысли, она является одной из главных задач советского правительства в деле охраны детства. Методы индивидуального воспитательного воздействия становится в наше время сугубо сложными и всякий труд, положивший в свою основу освещение основных задач дошкольного воспитания с точки зрения физической и духовной гигиены, всегда будет весьма желательным для наших педагогов-дошкольников. Таким трудом является настоящая книга.

Д-р Е. Аркин оказывает незаменимую услугу разработкой материалов своего личного опыта и указанием литературы по мало исследованному вопросу о дошкольном деле, он дает цельное представление о предмете и вводит заинтересованные круги практиков в тайники дошкольного возраста.

16 глав объемистой книги обнимают собой материалы наблюдений над ребенком в возрасте от 3 до 8 лет во всех его телесных и духовных проявлениях, начиная с внешних деталей тела и кончая движениями нервно-психической организации, вплоть до смутной игры половых инстинктов.

Это не банальная гигиена детского возраста, а озаренная высокими идеями проповедь о свободной и одаренной человеческой личности без насилия над природой и мудрого коверкания ее. «Выпрямляя свой стан, ребенок выпрямляет свою душу». Высоко гуманный дух, витающий в живо написанных главах чисто воспитательного содержания, знаменует новый подход к детской психологии и к разрешению проблемы воспитания-руководства. «Ne nocead» (не вреди)—афоризм старой медицины—переносится автором и в область воспитания: не ломать и крошить детских порывов и влечений, не навязывать детям своих представлений а только, прислушиваясь к голосу детской природы, помочь ей выявить свое внутреннее содержание. Педагог не должен ни вести здорового ребенка постоянно за руку, ни вступать

в борьбу с его влечениями, но, предоставляя его собственным силам, он должен освещать перед ним дорогу светом своего знания, опыта и любви. «Самое ценное в развитии ребенка—вера в себя и уважение к своей личности».

Глава об игре и труде в жизни ребенка имеет руководящее принципиальное значение для дошкольных воспитателей. Бесцельные игры или полезный труд и нужная работа? Автор ратует, как гигиенист и педагог, за восстановление игры во всех ее правах, он протестует против посягательств на лишение ребенка в какой бы то ни было мере и под какой бы то ни было формой одного из надежнейших и естественных орудий его развития и совершенствования. Трудовые процессы в дошкольном воспитании суть лабораторные опыты над душой и телом нежного ребенка, какими бы высокими фразами и возвышенными намерениями они не оправдались бы.

В книге рассыпано много ценных указаний о грехах нашего дошкольного воспитания против детской природы, выдвигается обвинение в грубом нарушении основных требований гигиены детской души и тела. Вовлечение детей в суету массовых процессий и народных зрелищ, превращение огромных барских особняков с нелепыми украшениями вопреки всем правилам гигиены в дома для детей, увлечения утилитаристов из дошкольных работников трудовыми процессами и, наконец, непродуманная школьная система воспитания с ее неизменными спутниками: душевной и физической вялостью, малокровием и близорукостью — вот прегрешения наших воспитателей в ущерб детскому здоровью.

Гигиена дошкольного возраста изложена в общем и целом с большим интересом ко всем мелочам детского обихода и может служить руководством для практических справок по вопросам питания, одежды, оборудования помещений и проч. Детский организм нашел свое полное отражение в ярком описании автора, вся сложность и своеобразие развития растущего тела ребенка в дошкольном возрасте представлены с большой объективной убедительностью в доступной и живой форме.

Книга содержит разработку и новых материалов по вопросу о патологии дошкольного возраста и, в частности, заболеваемости его заразными болезнями на основании богатых данных Центрального Музея Дошкольного Возраста в Москве.

В области половой жизни в раннем детстве автор дает собственную, весьма ценную статистику о 158 случаях проявления сексуальной жизни в детстве, и по сравнению с статистиками других авторов эта статистика наиболее полна и разработана. На основании своих данных автор опровергает термин т. наз. нейтрального детства и доказывает раннюю половую дифференциацию с проявлениями сексуальности еще до 8 лет в самых разнообразных формах, вплоть до патологических (садизм, мазохизм).

Со свойственной ему вдумчивостью и уважением к творческим силам ребенка автор предлагает сохранять большую уравновешенность в борьбе с сексуальными проявлениями и не видеть в благородных их элементах выражение ненормального развития.

Многие взгляды, приведенные в книге, несут печать субъективных воззрений, но столь живая область, как дошкольная педагогика, только оплодотворяется смелостью исканий, в особенности, если отправной точкой служит изучение и знание детского организма.

Чисто-воспитательные задачи доминируют над другими у автора, ведущего свою речь больше к педагогу-воспитателю, чем к санитарному дошкольному врачу.

Основные принципы дошкольного воспитания представлены и защищены с большой убедительностью и красноречием. Для педагогов воспитателей книга может стать настольной, но врачу она мало дает, в ней гигиена в узком смысле слова стушевалась перед другими широкими проблемами. Вопросу о детских колониях в их внутреннем распорядке, методике физического воспитания и лечению светом и воздухом (что представляет интерес и для воспитателей) уделено сравнительно мало места. Но и каждому дошкольному врачу книга будет полезна, он в ней найдет дополнение к своим медицинским познаниям и контакт

с широкими проблемами воспитания, в которых и ему отведено почетное место.

Д-р М. Гладштейн.

Г. и О. ТУМИМ. Азбука внешкольного образования. «Начатки знаний». Петроград 1922. 104 стр.

С легкой руки авторов «Азбуки коммунизма» у нас начались писаться разные «азбуки» по всем вопросам. Одну из таких «азбук» мы имеем перед собой. Прежде всего возникает вопрос—почему эта интеллигентная книжонка, чуждая жизни, построенная на полном непонимании психологии нашего практика полит-просвет работника,—почему она называется «азбукой»? Авторы собрали ряд статей (из них вводная написана в 1918 году), мало связанных единством содержания, часто противоречащих друг другу (в первой статье говорится о том, что у нас нет работников по внешкольному образованию, а в остальных—говорится о массе работников).

Но не это важно, а то, что в книге нет того систематического и популярного изложения, которое делает книгу в действительности «азбукой».

Авторы не желают считаться с жизнью и утверждают такие вещи, которые изжиты революцией и которым нет места в жизни. Так, говоря о типах работы, они называют 6 разрядов: 1) частно-благотворительный, 2) общественно-благотворительный, 3) правительственный, 4) земский, 5) городской и 6) кооперативный. Гражданин Тумим основывает, как видим, просветительную работу на благотворительности!

Да стоит почитать введение, чтобы составить представление о направлении авторов: «Густые непроницаемые клубы удушливых газов надвигаются на нас. Неуклонные, неотразимые, медленно и тяжеловесно ползут они, ползут и близятся. Мучение одним из них, смерть—другим и горе—всем нам несут они с собой» и т. д.—это поэтическое описание революции! И таких мест много, они всю книгу наполняют собой и налагают свой отпечаток. Да и самое заглавие говорит о том же—нет никакой политико-просветительной работы, а есть внешкольная!

В самом тексте авторы не считаются с существующими формальными условиями работы—примерно, Главполитпросвет декретировал классификацию книг в библиотеке, а граждане Тумим вводят свою классификацию, где религии уделено больше внимания, чем социальным наукам (тут и догматическое богословие, и история церкви, и пастырское богословие—21 стр.), как будто таблица дается для церковных библиотек. Попутно гр. Тумим дает и свою классификацию, искусственную и по качеству сомнительную. Дальше авторы употребляют термины «систематический каталог», «инвентарь» и т. д., но нигде нет объяснения этих терминов—вот и «азбука».

В книжке нет ни слова о методе занятий в школе, нет ни звука о клубах, очагах новой культуры, очень мало о кружках.

Авторы умышленно обходят такие вопросы, где прямо надо выявить свое отношение к революции.

Имя Тумим делает, конечно, эту книжку ходкой. Тем более надо обратить на нее внимание и предупредить работников по «внешкольной» работе. Товарищи, эта книга не для вас и не для нас. Граждане Тумим с «Неп» выявляют свою истинную физиономию. Скоро они заговорят еще определеннее, если мы их не остановим. А остановить следует, ибо они такими книжками вредят больше, чем открытой пропагандой против нас.

М. Смушкова.

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ». Общепедагогический журнал под редакцией И. С. Симонова и Г. Г. Тумима. № 10—12. Октябрь-декабрь 1920 года. 130 стр.

Перед нами очередной № «Педагогической Мысли», — журнала профсоюза работников просвещения. В наше время переоценки всех ценностей, и в качестве одних из первых и педагогических, очень важен, конечно, выход журнала, чутко прислушивающегося к этой новой

мысли, откуда бы она ни шла, и обсуждающего все ее изгибы и направления. Особенно важно, если в числе участников этого журнала мы видим таких знатоков детской психологии, как профессора: Россолимо, Оршанский, Бехтерев, Кащенко, и таких педагогов, как Тумим, Рыбников, Калмыкова, Десницкий-Строев и другие. Говорит сама за себя и задача журнала—«разработка вопросов по созданию типа единой демократической школы, сильной духом общественности и способной дать родине полезных работников в области как умственного, так и физического труда».

Некоторые из помещенных в журнале статей, действительно, будят педагогическую мысль и очень интересны. Такова статья Е. Саговской «Классное или предметное преподавание в школе 1-й ступени». Автор, сама педагог по профессии,—очень обстоятельно и вдумчиво разбирает вопрос о том, которому из двух типов преподавания надо дать предпочтение при создании теперешней единой трудовой школы. Предпочтение, выносимое ею классному преподаванию, очень хорошо мотивировано и статья прочтется с интересом и пользой учителями 1-й ступени.

Статья А. Калмыковой: «Что дают русским детям современные писатели-художники и чего дети в праве еще ждать от них», дает внимательный анализ произведений новейших наших беллетристов для детей, указание, как лучше их использовать, чтобы дети взяли из них максимум; попутно сообщается много ценных заметок относительно способа ведения чтения с детьми и психологии детства. С большою пользой и интересом будет прочтена эта статья. В ней мы видим, действительно, педагогическую мысль, прокладывающую себе пути в неисследованной еще области, мысль, чуждую шаблона, чуткую и глубокую.

Интересны мысли о «Генетическом методе при изучении словесности на второй ступени трудовой школы», даваемые некиим Никаноровым. Но мысли эти принадлежат собственно казанскому педагогу Абакумову и только реферированы Никаноровым. Помещены они были в «Бюллетенях Каз. Губ. Отдела Просвещения» №№ 1-й и 2-й 1918 года. Оно, положим, хотя Казань находится теперь в другой, Казанской, республике, но она не так далека от нас, чтобы петроградские и московские педагоги не могли пригласить автора участвовать в общероссийском журнале самолично, вместо того, чтобы реферировать его как некоего австралийского или японского педагога. Журнал между тем только выиграл бы, если бы в нем шевелилась мысль, непосредственно вышедшая из мозга, а не пореферированная, переведенная или иным каким-либо способом пережеванная. Особенно если журнал этот носит заглавие «Педагогической мысли», ибо если соль его так не солона, то что сделает его соленым?

Отсутствует даже единственный смысл реферирования статей провинциального автора: отзыв о них педагогов из центра. А именно: автор решает «отложить суждение о взглядах автора до появления подробно мотивированной программы занятий по литературе на 2-й ступени». Для чего же тогда было огород городить? Зачем было не предоставить слово самому педагогу Абакумову, перепечатав его статьи? И это тем более, что он намечает, действительно, новый путь, о правильности которого удобнее судить по мыслям самого автора. Подход к преподаванию литературы на основании запросов детей данного возраста, активность, трудовой характер ее прохождения,—все это способно внести свежую струю в застоявшиеся воды уроков словесности, пробудить мысль и интерес, желание самостоятельно работать в детях. Это одна из тех тропок, которые в разных областях знания намечаются чуткими педагогами для того, чтобы превратить нашу школу в трудовую и сознательную не только по вывеске, но и на деле. Если по этому новому пути сначала хотя отвращение детей к памятникам нашей литературы преодолеется, затхлым и казенным преподаванием в них пробуждаемое, и то будет благо. Отказ от старого историко-литературного метода преподавания надо, конечно, только приветствовать.

Но если ряд статей в журнале интересен, то мы не можем сказать того же об обеих статьях Ярошевского. Обе они,

особенно передовица, пухлы и бедны мыслью. Пора уже перестать твердить такие общие места, как то, что «психология детского возраста властно заявляет свои права», и то, что нам нужны лучше подготовленные профессора. Уже очень долго представители Наркомпроса заседали на этих стульях, уж очень набили нам оскомину все разговоры о «доменах методики», о «согласовании учебного материала со Stand der Forschung своей науки»,—и все тому подобные важные профессорские фразы. Не такими фразами дело двигается, а живой, ищущей мыслью и работой. Только на такой активной работе могут вырасти истинно полезные научные надстройки, иначе это карточные домики, разрушающиеся при малейшем прикосновении жизни и представляющиеся важными лишь фехтующим этими отвлеченными понятиями профессорам и другим спецам. Не мешает нам и в этой области не забывать Маркса и его: «Один шаг действительного движения стоит дюжины программ».

В конце статьи автор вспоминает о «необходимости использовать драгоценное время более целесообразно», о том, что «наблюдения должны вестись целесообразнее и экономнее», что «высшая школа должна быть близка зовам русской жизни»,—но достигнется это не повторением нескольких подобных напоминаний после целого ряда оторванных от жизни теоретичностей, а органическим вырастанием теории из практики. Нам нужны не рассуждения о том, должен или не должен порывать студент со своею alma mater, а действительная, не порывающаяся связь, постоянное чередование теоретической педагогики с педагогической практикой. Лишь таким чередованием, таким вырастанием теории на практике будет двинуто, действительно, и то и другое.

Пожелаем в заключение, чтобы в «Педагогической Мысли» было больше проявления живой подлинной мысли и он станет, действительно, нужным, полезным журналом.

Библиография и педагогическая хроника в конце очень нужны и уместны.

А. Елизарова.

Б. Е. РАЙКОВ. Методика и техника ведения экскурсий. Птб. Госиздат. 1921 г. 79 стр.

Эта книга, несомненно, представляет весьма крупное явление в нашей экскурсионной и *общепедагогической литературе*. Ее значение выражается как в том, что она является первой на русском языке работой, посвященной планомерному и законченному освещению роли и методов школьных экскурсий, так и высокими внутренними достоинствами ее выполнения.

Со свойственной ему ясностью, чеканностью и лаконичностью мысли, крупнейший из русских современных методистов-естественников делится в этой книжке всей суммою своего огромного экскурсионного опыта. Богатое содержание книги настолько продумано и так прочно связано с жизнью, что лишь в редких случаях можно отметить некоторые упущения или положения, подлежащие оспариванию. В общей своей сумме книга должна быть признана основным руководством по методике и технике школьных экскурсий.

Первая глава книги посвящена «месту экскурсий в учебном плане школы». После краткой справки из истории развития экскурсионного дела в России и отметив высокое значение этого метода в школьной практике, Райков предостерегает от односторонних увлечений, которые стремятся сделать экскурсионный метод основным стержнем школьного преподавания.

«Экскурсии не являются» универсальным методом преподавания,—предостерегает он,—«уже по одному тому, что далеко не все то, что следует изучать в школе, можно показать на экскурсии»... «Пестрота, отрывочность, случайность школьных занятий—вот те беды, которые неминуемо почувствует педагог, который вздумал бы положить экскурсии в основу своего преподавания».

Мы считаем весьма своевременным это предостережение, вполне присоединяясь к тем ограничениям, которые он ставит экскурсионному методу, но за одним исключением: Райков делает в своей книге одну большую методологическую ошибку, не разделяя различные воз-

растные группы школьников по тем методам, которые к ним наиболее применимы.

А если бы он это сделал, то, быть может, и сам бы отказался от слишком огульного отрицания первенства экскурсионного метода обучения перед всеми другими для некоторых определенных возрастных групп детей.

Ведь все приемы и методы обучения сильно изменяются в зависимости от возраста школьников и сообразно этому изменяется и место экскурсионного метода в общем плане преподавания. И если абсолютно недопустимо и наивно говорить об «универсальности» экскурсионного метода в школах 2-ой ступени, то можно указать и такие возрасты, когда этот метод можно положить в основу преподавания: это дошкольный и пограничные с ним школьные возрасты младших классов 1-ой ступени, когда каждый ребенок является прирожденным натуралистом и испытателем природы и когда метод непосредственного наблюдения природы в экскурсиях наиболее удовлетворяет их склонностям и детским интересам.

То обстоятельство, что Райков не расчленяет этого вопроса в зависимости от возрастных групп, мы считаем наиболее существенным упущением во всей книге.

Вторая глава посвящена «Типам экскурсий и их классификаций». Здесь автор определяет свое отношение к различным направлениям в экскурсионном деле, подробно останавливаясь на оценке экскурсий в «целокупную природу», на экскурсиях исследовательского и иллюстративного типа. Автор является определенным, хоть и не фонатическим сторонником тематических экскурсий на более или менее ограниченные по своему объему темы, далее он предугадывает дальнейшее развитие экскурсионной практики в сторону все большего распространения исследовательского метода, но считает все же, что «совсем выбросить за борт иллюстративный элемент не следует, да и невозможно». Вполне разделяя эти положения автора, мы бы отметили в этой главе лишь один момент, который на наш взгляд представляет упущение автора. Райков отождествляет между собою исследовательский и эвристический методы ведения экскурсии. Согласно той классификации, которая проводится мною и мыслится более правильной, следует различать два эти термина в том смысле, что «эвристический» метод имеет в виду, главным образом, форму изложения и должен противопоставляться простому повествованию, а исследовательский метод сохраняет то значение, которое придано ему в этой книжке Райковым и касается *способов и методов использования* экскурсионного материала. Если бы автором было осуществлено это разделение, то мы были бы вправе от него ожидать и более подробных соображений по вопросам методики, чем им дано в этой главе.

Третья глава — «Методика ведения экскурсий» в значительной своей части касается не методики экскурсии в собственном смысле этого слова, а вопросов *организации* и подготовки их. Сюда относятся весьма ценные советы о том, как нужно расставлять экскурсантов, чтобы обеспечить максимальное усвоение материала и «правильно показывать находимые объекты». По существу методики Райков с обычной яркостью освещает ряд важных вопросов, перечислять которые здесь нет возможности.

Четвертая и последняя глава книги, посвященная технике ведения экскурсий, является, б. м., самой ценной частью книги. Здесь во весь рост выступает огромный педагогический опыт и талант автора. С удивительным уменьем автор предусматривает самые мелкие детали экскурсионного снаряжения, путевой дисциплины, вопросы питания, ночлега и передвижения, наконец, возможные источники экскурсионных случайностей и несчастий. Заслуга автора состоит в том, что в его изложении все эти, казалось бы, педантичные подробности приобретают характер огромной педагогической важности, и такой, например, вопрос, как ходить или не ходить «в парах» находит свое место в продуманной общей системе воспитания. Чувствуется, что во всем, что пишет Райков, он многократно убедился из личного опыта, и потому всякий, кто близко соприкасался с экскур-

сионной практикой, не сможет не оценить всю жизненность и важность этих компетентных указаний.

При книге несколько «приложений» в форме таблиц, суммирующих выводы автора: это примерные списки экскурсионных тем для школьных экскурсий—отдельно для неживой природы (составлено Райковым), для ботанических экскурсий (составлено Г. И. Бочем) и для зоологических (составлено Райковым и проф. М. Н. Римским-Корсаковым), и «десять заповедей экскурсионного дела», которые мы не можем удержаться, чтобы не воспроизвести:

1) Помни, что экскурсия не прогулка, но обязательная часть учебных занятий.

2) Изучи место, куда ведешь экскурсию, наметь ее тему и составь ее план.

3) Выдерживай тему экскурсии, не отвлекаясь случайными вопросами.

4) Рассказывай на экскурсии только о том, что можешь показать.

5) Избегай длинных объяснений.

6) Не оставляй экскурсантов только слушать, заставь их активно работать.

7) Не забрасывай экскурсантов многими названиями: они их забудут.

8) Умей правильно показывать объекты и научи слушателей их правильно смотреть: всем должно быть все видно.

9) Не утомляй излишне экскурсантов: они перестанут тебя слушать.

10) Закрепи экскурсию в памяти участников последующей проработкой материала.

Книга Райкова рассчитана исключительно на школьную практику. Но если отбросить некоторые специфические их различия, то все почти без исключения положения Райкова могут быть перенесены и в практику внешкольных экскурсий.

Б. Завадовский.

ПРОФ. Н. И. КУЗНЕЦОВ. Ботанические экскурсии. Краткое руководство к ведению ботанических экскурсий. Пособие для слушателей и слушательниц высших учебных заведений, для преподающих в средних и низших школах и для самообразования. Симферополь 1920 г. 39 стр.

Как видно из длинных подзаголовков, эта небольшая брошюрка ставит себе весьма большие и широкие задачи быть одновременно и *«руководством к ведению экскурсии»*, т.-е. очевидно дать ряд методических указаний, как вести экскурсии, и «пособием» при *осуществлении* их с заданиями натуралиста-ученого. Эти независимые и даже непримиримые между собою задачи совершенно не разделены автором. Даже больше того: им, повидимому, совершенно не чувствуется необходимость в этом.

Туманно и неотчетливо сформулированные задачи брошюрки, как это обыкновенно в таких случаях и бывает, далеко не оправдывают тот притязательный наставнический тон, которым она проникнута.

«...За это долгое время,—пишет автор,—у меня выработались личные навыки и способы изучения природы в поле, и этими навыками и способами я хочу поделиться далее с читателями в виде краткого наставления, дабы, на основании личного опыта, помочь натуралистам-ботаникам, с наименьшей затратой сил и времени, достигать наилучших результатов в деле устройства ботанических экскурсий».

«...В дальнейшем я буду подразумевать экскурсантов взрослых с сравнительно достаточной естественно-исторической подготовкой,—продолжает проф. Кузнецов, в следующей главе,—и укажу, что такие экскурсанты должны предъявлять к себе самим, чтобы экскурсии их были сознательнее и плодотворнее. Для экскурсантов младшего возраста или с меньшей научной подготовкой требования эти понижаются в своем размере, но в общем по возможности остаются те же».

Эти выдержки достаточно подчеркивают, насколько методологически ошибочно построена эта книжка: с одной

стороны, это «наставления в деле устройства экскурсий», т.-е. руководство по методике ведения экскурсий, с другой—это ряд практических указаний и рецептов по сознательной гербаризации, рассчитанное на одиночек-натуралистов, идущих в природу с самостоятельными научными заданиями. При этом совершенно игнорируются возрастные различия в психологии, считая, что характер экскурсии меняется лишь в своем масштабе, но не во внутреннем содержании, подходе, теме экскурсии и т. д.

Но примиримся с этим смешением в одной книжке разных задач и примем, как это явствует из дальнейшего изложения, что основная задача автора—научить подготовленного студента к самостоятельному изучению флоры и растительных сообществ к.-л. местности. И тогда мы считаем принципиально нецелесообразным тот план работ, который предлагается автором. Вот исходные положения проф. Кузнецова:

«Понятно, что сознательно и плодотворно может экскурсировать тот, кто вообще уже знаком с флорой данной местности, с группировками растений в естественные сообщества и с физико-географическими условиями страны. Поэтому начинающим экскурсантам, еще мало знакомым со всеми этими вопросами, рекомендуется прежде всего обращать внимание лишь на состав растительности, *собирать то, что попадается на глаза, определять собираемое дома*, и ознакомившись предварительно с составом флоры, *только после этого обращать свое внимание на характер растительности и выяснение влияний физико-географических условий* на тот или иной состав растительного покрова изучаемой местности и на группировку растений в определенные сообщества» (курсив всюду наш. *Б. З.*).

Здесь мы имеем любопытное явление, когда представитель науки предлагает возвести в принцип то совершенно безъидейное и, след., ненаучное коллекционирование, против которого так упорно приходится бороться по всем поводам и по всем фронтам: 1) если проф. Кузнецов имеет в виду (что вероятнее всего) начинающего натуралиста - ботаника, то наивно предполагать, чтобы этот последний был полной невеждой относительно интереснейшей науки фитосоциологии, которая так осмысливает и вносит идейное содержание в еще недавно столь примитивную по своим заданиям гербаризацию. А если так, то странно требовать, чтобы такой мыслящий натуралист отказался от *идейного* осмысливания окружающих явлений и стал бы «собирать все, что попадается на глаза», не пытаясь установить некоторые основные точки зрения на всю работу; 2) если здесь имелась бы в виду школьная практика, то и здесь исполнение рецептов проф. Кузнецова привело бы к тому, что «поки солнце взійде—роса очі выість», т.-е. пока школьники успеют изучить флору данной местности, им придется оставить школу, так и не поняв, в чем внутренний смысл этого заучивания ряда названий и какие разумные выводы из этого могли бы последовать.

Мы очень сильно боимся, что проф. Кузнецов слишком увлекается «личным, субъективным характером своего наставления» (стр. 9) и хочет возвести в закон тот долгий путь, который привел систематиков-флористов от простого накопления имен к некоторым обобщениям, создаваемой на наших глазах, науки фитосоциологии. Думается также, что вряд ли сам он, попавши в новую местность, сумеет отрешиться от некоторой предвзятой мысли и станет безыдейно изучать флору ее, не имея хотя бы бессознательной задачи определить характер тех сообществ, которые здесь нашли свое место.

Зачем же надо тогда осуждать начинающих экскурсантов на это безыдейное коллекционирование, которое уже становится скучным историческим прошлым описательной ботаники?

В своих дальнейших деталях эта брошюра содержит на-ряду с здравыми советами и соображениями о пользе и значении экскурсий некоторые требования, которые мало мирятся с современными вглядами на экскурсионное дело. Так, странно звучит сообщение об «экспромтных лекциях», которые автор любит устраивать во время и по поводу экскурсионного материала, вместо того, чтобы самую экскурсию

построить так, чтобы не возникала необходимость читать эти лекции. Совершенно не мотивировано, зачем и почему необходимо в начале экскурсии записывать на особых листах фамилии всех участников экскурсии, быть может это и нужно в некоторых случаях, но нужно ли это возводить в догму, и т. д. и т. д.

В общем глубоко обманется тот, кто, глядя на заманчивые подзаголовки брошюры, захочет найти в ней методические указания и соображения по животрепещущему вопросу о способах и приемах ведения экскурсий. Тем менее это может быть названо руководством к ведению экскурсий. Наибольшую ценность всей брошюры составляют те ее части, где автор с поистине уди. вительной педантичностью и систематичностью дает чисто технические наставления по вопросам о характере экскурсионного снаряжения и обуви, о размерах этикеток и способах их наклеивания, о правилах составления и перелистывания гербария и т. д.

В этой своей части брошюрка может сослужить свою службу и поможет не забывать при сборе гербаризации растений целый ряд технических деталей, упущение которых может сильно повредить делу

С таким назначением мы ее и рекомендуем натуралистам-гербаризаторам, готовящимся к научному изучению растительного царства.

Проф. Б. Завадовский

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В ШКОЛЕ. Журнал по вопросам естественно-исторического образования под редакцией проф. Б. Е. Райкова. Год 1921. № 3—5. Петроград. Стр. 1—64.

Отрадно видеть, что один из лучших наших журналов, посвященных вопросам, связанным с преподаванием естествознания в школе, продолжает, хотя и регулярно, выходить в свет.

Нельзя не приветствовать появление в журнале статьи В. Исаева «Современное положение законов наследственности», носящей характер общеобразовательный. Журнал становится на правильный путь, давая не только статьи методического характера, но предоставляя возможность русскому учительству, на которого главным образом рассчитан журнал, знакомиться с последними открытиями и работами в различных отраслях естествознания. Было бы желательно, чтобы журнал еще больше расширил свои задачи и в следующих номерах давал сводки по различным вопросам современной естественно-научной мысли.

В настоящей книжке журнала довольно богато представлен библиографический отдел, где мы находим рецензии и отзывы о 32 книгах. Рецензируемая литература носит и методический и научно-популярный характер. Мы придаем большое значение этому библиографическому отделу журнала, т. к. русский учитель, сильно отставший и отвыкший за последнее время от новой литературы, сможет приняться, руководясь отзывами, за пополнение своих пробелов. Мне казалось бы, что было бы далеко не лишним, если бы редакция давала место в своем журнале даже спискам той литературы, которая за последнее время выходит в свет, классифицируя ее по содержанию, как это принято в научных журналах. Последние страницы посвящены современной летописи.

Книга издана попрежнему изящно на сравнительно хорошей бумаге.

А. Жадовский.

ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ. Материалы 3-го Всеукраинского совещания работников просвещения и политпросветработников в Красной армии. Сборник статей, речей, резолюций, тезисов и др. материалов. Издание Политуправления всех вооруженных сил Украйны и Крыма. Харьков 1921 год. 144 стр.

Когда происходит какой-либо съезд, подытоживающий прошлую работу и намечающий новые пути, естественно ожидать появления в печати работ такого съезда прежде всего как материала для практиков этой работы. В идеале

мыслится в подобных случаях издание бюллетеня съезда, если не со стенографическим отчетом, то хотя бы с подробными протоколами. Только при этом условии можно составить представление о работах съезда и выяснить оттенки и направления мысли отдельных его участников.

Редакторы сборника «Политпросветработа в Красной армии» пошли по другому пути. В сборник вошли разрозненные материалы 3-го Всеукраинского съезда раб. просвещения: стенограммы речей, тезисы докладов, резолюции, приказы и две статьи.

В этом подходе и кроется причина отсутствия в сборнике цельности и единства. И совсем уже странными представляются ненужные повторения: в отделе «Речи и доклады» напечатаны доклады «Роль Красной армии в советском и культурном строительстве» и «Политпросветработа в Красной армии», а в отделе «Тезисы» даны схемы обоих докладов только вдвое короче стенограмм речей. Как на мелкий недостаток редакции, приходится указать на отсутствие оглавления.

Съезд верно отразил направление политпросветработы в Красной армии середины 1921 г. (когда съезд и происходил).

Но в наши дни кое-что из частностей, главным образом, организационного характера, успело уже устареть, поэтому некоторыми пунктами резолюций съезда руководствоваться теперь не приходится. Таковы, напр., требования полной национализации всех учреждений в области искусства, план подготовки политпросветработников и т. д.

Более долговечными оказываются доклады о школьном, школьно-методическом и библиотечном деле в Красной армии.

Интересен по заданию доклад т. Дегтярева о формах и методах агитации и пропаганды. У нас есть уже несколько попыток систематизировать научно виды и формы агитпропаганды. Правда, попытка т. Дегтярева неудачна, не выдержано логическое деление, слишком велико число рубрик, формы: 1) печатные, 2) устные, 3) механические, 4) наглядно-показательные, 5) трудовые, 6) сценические, 7) комбинированные, 8) политико-организационные. Непонятно, напр., почему автор относит световую газету к механическим формам, а волшебный фонарь к наглядно-показательным,—и то и другое—явления одной категории; почему политсуды относятся к комбинированным формам, тогда как живая газета—к устным; таких противоречий и неслаженностей в системе т. Дегтярева много, но приходится с удовлетворением отметить, что на местах мысль работает в этом направлении.

Практика показала, что при нашем темпе жизни постановления любого съезда через 8—10 месяцев отстают уже от нее; украинский съезд раб. просвещения не составляет исключения, а вместе с ним и «Сборник» докладов и резолюций. Однако в свое время, вскоре после съезда, сборник сыграл свою роль, дав политпросветработникам Красной армии руководящий материал.

И. Луппол.

П. КОВАЛЕНКО. Книжка политической грамоты. Гос. Изд. Московск. Отделение. 1922 г. 58 страниц.

Революция в области внешкольной работы и превращение последней в работу политико-просветительную выдвинули необходимость создания своеобразной дисциплины, политической грамоты, уже с 1918 года завоевывавшей свое место во всех школах для взрослых.

Содержание этой науки эволюционировало вместе с развитием революции. Если в 1918 г. все содержание политической грамоты укладывалось, в сущности, в «Краткий курс политической экономии» А. Богданова плюс советская конституция, то для 1921—22 г. характерно включение в этот предмет кратких сведений по истории рабочего движения на Западе и в России, в частности истории Р. К. П. и, главным образом, популяризация советской, особенно экономической политики.

Таким образом, содержание политич. грамоты выходит за пределы «Азбуки Коммунизма», если говорить о наиболее популярном руководстве.

Так именно с небольшими вариациями составляются программы по политграмоте в школах Наркомпроса, Красной армии и партийных.

Но отлившиеся в определенные формы программы, особенно в наших условиях, требуют — учебников. Учебник необходимо дать рабочему и красноармейцу, посещающему школу; учебник не вредно прочесть и малоквалифицированному, но много занятому лектору.

Пробел в подобных руководствах пытается заполнить П. Коваленко своей «Книжкой политической грамоты». Она целиком составлена по программе Московского губполитпросвета для участковых партийных школ. Курс этих школ рассчитан всего на 16 двухчасовых лекций-бесед; в это время надлежит уложить всю политграмоту в виде удобопонятном для малоподготовленного слушателя.

Уже беглый просмотр книжки Коваленко убеждает в том, что она повторяет все погрешности программы Московского губполитпросвета.

Первая глава соответствует первой беседе программы. Она должна ответить на вопрос, что такое капитализм? В ней содержится попытка, неблагодарная и a priori тщетная, чтобы не сказать больше, дать изображение: 1) предкапиталистической ступени хозяйства, 2) определения капитализма, 3) первоначального накопления, 4) развития капитализма, 5) сущности эксплоатации (прибавочная стоимость!), 6) положения рабочих и крестьян при капитализме, 7) конкуренции и кризисов, 8) синдикатов и трестов.

Если Моск. губполитпросвет думает или думал в момент появления книжки т. Коваленко, что можно добиться усвоения этого сырой аудиторией в 1 ч. 30 м., то т. Коваленко, очевидно, полагает, что все это возможно удобопонятно вместить на 7 страничках!

Самое изложение, в общем популярное и живое, страдает отсутствием конкретности, особенно в первых главах: в этом отношении удачными являются последние главы о профсоюзах и новой экономической политике. Но здесь новый недостаток, на этот раз не зависящий от автора; при нашем бешеном темпе жизни некоторые места уже устарели (о профсоюзах, — после письма Ц. К. Р. К. П и о земельной политике — после постановлений IX Всер. Съезда Советов).

Кроме некоторой абстрактности, режет глаз в популярной книжке пристрастие автора к иностранным и научным словам. Книжка, как говорит предисловие, претендует быть «первой книжкой для чтения», а между тем она пестрит словами «процесс, эпоха, утопия, гегемония, предпосылка» и т. д.

Иногда у автора можно найти неточность в выражениях или просто курьезные построения фраз, напр., «*связь* банкового капитала с промышленным называется финансовым капиталом» (стр. 20). Вот определения империализма:

«Капитализм становится империалистическим, *который* стремится вооруженным путем вытеснить своих конкурентов... и создать гигантское, безраздельно господствующее государство—*империю*» (стр. 21),—почему же именно империю?

Во время кризисов и безработицы «*склады* капиталистов и *рынок* завален товарами, предметами *широкого* потребления» (стр. 10),—почему же только «широкого»?

Мы не говорим уже о стилистических погрешностях автора, вроде «период *подъема расцвета* промышленности».

Все это вместе взятое лишает нас возможности назвать книгу т. Коваленко «первой книжкой для чтения» по политграмоте; для самостоятельного чтения неподготовленным рабочим, крестьянам или красноармейцам она непригодна. Как учебник для слушателей участковых парт-школ при наличии хорошего преподавателя она несомненно требует конкретизации материала, более подробной разработки политико-экономических вопросов и обязательно указания на дальнейшую литературу.

Книжке вредит изрядное количество опечаток, иногда совершенно искажающих смысл фразы (на стр. 7 *не* вместо *и*), иногда просто свидетельствующих о крайней небрежности корректуры (повторение десятка фраз на стр. 8—9).

И. Луппол.

М. Н. ИОВЛЕВ. Математика в школах для взрослых. Часть I. Задачи и правила для группы неграмотных. Гос. Изд. М. 1922.

Советская педагогическая литература оказалась необыкновенно плодовитой по части критики старой школы и методологии новой. Редкий уездный отдел н. о. не упражнялся на тему, как нужно преподавать и составлять учебники. Но до последнего времени новая школа оставалась при старых учебниках, а руководств для занятий со взрослыми у нас и совсем не было.

Книжка М. Н. Иовлева, принявшего в свое время посильное участие в плодовитой, но мало плодотворной методологической дискуссии (см. его «Основы преподавания математики в школах для взрослых») является одним из первых образцов перехода от слов к делу, от методологических начертаний и схем к практической работе. Присмотримся к новому советскому учебнику.

Живое и популярное изложение. В задачах и примерах автор пользуется свежим, современным и интересным материалом из самых различных областей науки и общественной жизни. Тут демографическая статистика и астрономия, физика и урожайность хлебов, гигиена и немножко политики, дающей повод к отступлениям от предмета («почему так стойко держались немцы в мировой войне?») Рисунки и чертежи, иллюстрирующие текст, еще больше оживляют занятия. Это главное достоинство учебника, выгодно отличающего его от старых.

И все же эта книжка как нельзя лучше показывает, что от слов до дела, от строгих методологических правил до их выполнения,—дистанция огромного размера!

Наиболее оригинально автор расправился с своим собственным требованием «жизненности» материала. Так, в числе нескольких десятков задач на сложение («Жизненное применение сложения и запись его»—так гордо звучит заголовок) находим одну единственную задачу, да и то с весьма тощим «жизненным» содержанием («У хозяйки было...»). Зато целыми ушатами он приводит задачи на сложение голых цифр и предоставляет учащимся придумать жизненные случаи применения всей этой цифири...

В своем стремлении к популярности, живости, наглядности автор иногда теряет чутье, переходит границу, и в результате утрировка, искусственность, надуманность. Без всякой надобности и даже во вред преподаванию он умышленно обходит обычные научные наименования, употребляя, напр., такие «домашние» слова, как «густой воздух» (вместо «плотный воздух»), «лежачая черта» (вместо «горизонтальная черта») и т. п.

Во славу наглядности автор велит взрослым слушателям рисовать половину репы (для уразумения «идеи» половины!), заставляет выискивать «среди окружающих предметов» (т.-е. на голых стенах советской школы) разные геометрические фигуры, то-и-дело выводит их на улицу для подобных же изысканий.

Лучше удались автору задачи, которые он именует «научными». Но и здесь много непродуманного. Автор сообщает в тексте много цифровых данных, которые сами по себе очень интересны и поучительны. Но он не умеет заставить ученика получить интересную цифру путем решения задачи, вызвать у него интерес к вычислению. Действия, которые предлагается производить над этими интересными данными, в лучшем случае представляют переливание из пустого в порожнее, а иногда по своей невязке напоминают знаменитый учебник Оллендорфа. Так, в з. 429 сравниваются площади, занимаемые гор. Архангельском и озером Баскунчак, Астрах. губ.!

В задаче 222 астрономический счет лет только смешивается с новым стилем.

Хуже всего удалось автору изложение начатков геометрии. Это изложение хромает именно с методологической стороны. Излагая в этом отделе даже такие, напр., сложные приемы, как съемка плана посредством мензулы, автор не сумел удовлетворительно выяснить самых основных геометрических понятий и положений.

Любопытно, что в то время, как в арифметических задачах автор запросто употребляет понятие площади (площадь Баскунчака), в своей геометрии он почему-то (для «популярности»?) упорно обходит это название и, встречаясь с

ним, пользуется словами «грань» или «участок земли».

Во всей книжке совершенно отсутствуют задачи на вычисление хотя бы самых простых площадей и объемов. Автор ухитрился таким образом просмотреть самую «жизненную» сторону геометрии, запечатленную в самом ее названии.

Совершенно отсутствуют в учебнике понятия горизонтальных и вертикальных линий и площадей (и их естественных «жизненных» образцов: уровня воды и отвеса), хотя из этих понятий можно было бы легко вывести очень точное и более популярное определение прямого угла, чем то, какое приводит автор.

Безнадежная методологическая путаница царит в задаче 611:

«Наложите большой угол чертежного треугольника на равные ему углы других граней, и вы увидите, что вершины их и стороны сольются. Те углы, у которых при наложении их стороны сливаются, равны между собою...»

Наконец, отметим задачи, в которых обнаруживается курьезное положение кабинетного человека, оказавшегося (мысленно) «среди природы», да еще в роли учителя. Неоднократно наш автор предлагает указать разные геомерические фигуры, прямые и косые углы на участках земли (без помощи приборов и каких-либо искусственных приемов). К сведению нашего автора, заметим, что такая, как ему кажется, простенькая задача совершенно невыполнима и свидетельствует о полнейшей неопытности ее сочинителя. Дело в том, что по самому уголку зем. участка, на который наблюдатель может смотреть сверху вниз (как на листе бумаги), судить нельзя, так как этот уголок «в природе» всегда более или менее закруглен, стоптан и вообще не ясен. Линии же земельного участка, уходящие далеко от наблюдателя, всегда его обманут, т. к. (по законам перспективы) будут изображать даже очень острый угол тупым, в чем впрочем можно убедиться самым кабинетным способом, приставив, напр., угол листа бумаги к глазу на очень близкое расстояние.

Такая же неопытность и кабинетная неумелость сказывается в задаче 160, где предлагается провешать прямую линию, как указано на рисунке 14. А на рисунке изображены два молодых человека, которые ведут эту работ по меньшей мере бестолково...

Подведем итоги. Учебник М. Н. Иовлева, в том виде, как он есть, с успехом заменит Малининых, Евтушевских и прочее старье. (Этого, впрочем, я не решусь сказать о геометрической части учебника, которую нельзя назвать иначе, как «геометрическая малограмота» для неграмотных.)

Однако же составление учебников, в которых у нас такая нужда, требует гораздо более серьезной и вдумчивой проработки материала, гораздо большего педагогического опыта, чем это кажется нашим методологам.

Н. Батурина.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ ЗАДАЧНИК ДЛЯ КРАСНОАРМЕЙСКИХ ШКОЛ. Издание Политуправления всех вооруженных сил Украйны и Крыма. Харьков 1921 г. 5000 экз. Стр. 127.

Свою цель авторы выясняют в крошечном предисловии, почему-то названном ими «Вместо предисловия», которое мы выписываем почти целиком. Вот оно:

«Настоящее издание имеет целью указать преподавателям красноармейских школ на тот огромный материал, который *может и должен быть использован* при прохождении элементарной математики в школе. При участии *специалистов-педагогов* разработан старый и подобран новый материал, который сгруппирован применительно к программам красноармейских школ» (подчеркнуто нами. *М.М.*)

Так как мы привыкли всегда относиться к указаниям специалистов очень серьезно, поэтому и просмотрели указанный задачник очень внимательно, а также решили поделиться своими впечатлениями с читателями. Начнем с этого самого «вместо предисловия». Нам кажется, что авторы перед словом «должен» пропустили предлог «как». Иначе непонятно, почему должен быть использован весь тот материал, который приводят авторы, напр., дата рождения Анатоля Франса и других замечательных людей или, напр., что где-то, когда-то и кому-то т. Троцкий говорил речь в течение

2 ч. 45 мин. (зад. 9). После вставки получается, что авторы задались целью «конкретно» указать, «как должен быть использован» материал. Материал же большой. Он подобран из различных областей, правда, без всякой системы, но может быть это так и нужно, где уж нам, простым смертным, спорить, ведь это подбирали «специалисты».

Мы здесь не станем рассматривать весь материал, а обратим внимание на то, как обрабатывают материал «специалисты». Для этого достаточно несколько примеров. Вот, напр., задача 358: «Лошадиной силой называется сила, которая может поднять груз в 15 пуд. на 1 ф. Сколько надо лошадиных сил, чтобы поднять 225 пуд. на 35 саж.?» И это определение повторяется в нескольких задачах. Видимо для того, чтобы основательнее вбить в голову учащихся. Но ведь каждый мало-мальски грамотный человек знает, что такое лошадиная сила, что это совсем не сила, а мощность, и что с помощью ее можно поднять не только 15 пуд. на 1 ф., а сколько угодно пудов и на сколько угодно футов, все зависит от времени. Неужели «специалисты - педагоги» считают необходимым распространять среди красноармейцев подобные неправильные сведения. Мы взяли один пример и из одной области.. Но подобных примеров в указанной книге много.

Еще следует обратить внимание на два свойства авторов «специалистов», к сожалению общих с очень многими составителями задачников, это, во - первых, способность оставлять такие задачи, которые никогда не встречаются в жизни, кроме как на уроках подобных спецов. А во-вторых, почти все задачи выворачивать, так сказать, на изнанку, т.-е. заставлять искать учащихся то, что обыкновенно дается в жизни непосредственно, а то, что обыкновенно в действительности ищется, они дают как данные. Много еще бы можно сказать об этом задачнике, но довольно и этого. Очень, очень хороших «спецов» имеет Пурукрым.

Мих. Масленников.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

Проф. М. А. МЕНЗБИР. Исторический очерк воззрений на природу. Книгоиздательство Сабашниковых. Петроград 1920. Стр. 54.

В этой брошюре автор делает попытку проследить смену воззрений на природу и человека, начиная со времен классической древности и кончая современной нам эпохой. Он дает прежде всего краткое понятие о взглядах греческих философов—Эмпедокла, Анаксагора, Демокрита, Эпикура, латинского поэта Лукреция. Переходя затем к софистам, Сократу, Платону, Аристотелю, кратко говоря о средневековой схоластике и перейдя к эпохе Возрождения, останавливается на Копернике, Дж. Бруно, Декарте, Лейбнице, Фрэнсисе Бэконе, Локке, Д. Юме и, наконец, Канте. Упомянув затем о натурфилософских воззрениях Гете, о борьбе во Франции между учениями Кювье и Жоффруа Сент-Илера, о преобразовании геологии Лейхелем, автор переходит к наиболее ему знакомой области биологии и говорит о теориях эволюции Ламарка и Дарвина, о Гексли и Геккеле. При этом он замечает, что учение Дарвина нельзя отождествлять с эволюционным учением: «можно признавать кровное родство организмов и не быть дарвинистом»; что касается Геккеля, то, признавая его заслуги в области морфологии, проф. Мензбир отрицает его значение «как философа». «Судьба Геккеля,—говорит он,—в сущности, судьба фельетониста, он поверхностен в своих рассуждениях, он мог наделать много шума, мог стать временной знаменитостью, но, однако, не мог удержаться на легко достигнутой высоте, не имея на то необходимых внутренних задатков». Автор говорит также о новейшем прогрессе в воззрениях физиков и химиков, но, не будучи специалистом в этих областях, дает недостаточное представление о современ-

ном состоянии соответственных воззрений.

В заключение автор говорит об отношении к психическим явлениям, о спиритуалистическом и материалистическом направлениях. Психические способности связаны с мозгом, с нервной системой, а в самой элементарной форме сводятся к чувству осязания, зрения, слуха, к раздражениям, их восприятию и сознанию. Приведя взгляды Спенсера и Ромэнса, а по отношению к эволюции химических элементов мнение Крукса, автор подводит итоги своим сопоставлениям. В своем историческом развитии человек освободился от антропоморфического воззрения на природу, освободился и от представления об идеях, нашедших будто бы свое отражение в вещественном мире. Материя и ее движение—вот тот общий знаменатель, к которому подведены все частные явления неорганической природы и мира организованного. Природа едина, все ее явления находятся в причинной зависимости, но в них нет целесообразности, хотя есть гармония. Автор, однако, не останавливается на современных взглядах физиков на материю, придающих этому термину иной смысл, чем какой соединялся с ним прежде.

Проф. Д. Анучин.

АУЭРБАХ. Царица мира и ее тень. Энергия и энтропия. 76 стр. Петроград 1919. Научное Книгоиздательство.

Вопрос об энергии и энтропии—один из наиболее трудных вопросов современной физики. Многие умы, обладающие вообще хорошим критическим чутьем, делали по вопросу об энтропии поразительные ошибки, как, например, Мах. Другие впадали в излишние обобщения космического характера и договаривались до термической смерти вселенной. Работы Клаузиуса и особенно Больцмана сняли со второго закона термодинамики его полумистический характер и показали, что закон энтропии есть механико-статистический закон. Работы Больцмана по объяснению закона энтропии являются одним из величайших достижений механического понимания вселенной, и потому ошибки Маха, отрицавшего «суеверие кинетической теории вещества», не случайны.

Проф. Ауэрбах сделал попытку дать популярное изложение вопроса об энергии и энтропии без помощи молекулярных и статистических теорий. В смысле ясности и понятности изложения им сделано все, что возможно в человеческих силах, и тем не менее читатель, прочитавший эту книжку, все-таки не будет хорошо понимать, что же такое, наконец, энтропия, запутается в различиях между процессами «самопроизвольными» и «вынужденными», а главное, получит склонность к совершенно бесплодным и ненаучным спекуляциям относительно «будущего вселенной». При нынешнем состоянии науки давно пора отказаться от попыток путем «чистого описания» давать понятие о законах природы. Книжка Ауэрбаха является типичной для уже пройденной стадии развития науки и безнадежно устарела.

Проф. В. А. Костицын.

В. Г. ХИМЕНКОВ. Настоящее, прошедшее и будущее земли. Популярные очерки по геологии. Т-во „Задруга". Москва 1922 г. 79 стр. 8⁰.

В книжке излагаются в перера[ботан]ной форме три популярных лекции, [чи]танные автором в 1910—1913 г.г. Автор широко пользовался тогда световыми картинами, способствовавшими оживлению и наглядности лекций. Но напечатанные очерки лишены иллюстраций, что объясняется, вероятно, трудностью их изготовления в условиях современного печатного дела. Однако удачно подобранный материал и его образное, увлекательное изложение обещает успех книжке даже и при указанном недостатке.

В первом очерке изложены основные начала физической геологии, деятельность внешних и внутренних сил (воды, льда, атмосферы, животного и растительного мира, вулканические явления, землетрясения, образование гор, вековые

колебания). Во втором очерке дано понятие о содержании исторической геологии с кратким изложением отдельных периодов. В третьем очерке, придающем книге особый интерес, автор пытается набросать будущие судьбы земли. Он сначала разбирает возможности «ненормальной» гибели земли от причин земного или космического происхождения. Но те и другие отвергаются: предполагается «естественная» смерть земли, лишившейся с течением времени воды и жизненных начал атмосферы—кислорода и углекислого газа. Еще позже автору рисуется падение земли на солнце.

Оставим в стороне некоторые положения автора, хотя и высказываемые им в категорической форме, но неприемлемые в настоящее время без соответствующих оговорок, например, о «существенной роли» водяных паров при вулканических извержениях, при чем допускается проникновение морской воды «по трещинам» вглубь земли и поглощение ее магмой (стр. 29). Но нельзя обойти молчанием значительного количества мелких недочетов в изложении фактического материала, как геологического, так, в особенности, палеонтологического. Укажем на некоторые из них. Кембрийский период характеризуется как «первый период, от которого дошли до нас несомненные окаменелые остатки древнейших организмов» (стр. 42). Появление первых рыб отнесено «к самому концу» силурийского периода (стр. 43). Стегоцефалам приписываются типичные признаки «современных» пресмыкающихся и земноводных и они считаются предками «наших лягушек и саламандр» (стр. 45). Про аммонитов говорится, что они к концу мелового периода по каким-то неведомым причинам окончательно исчезают с мировой сцены и из множества видов «этого семейства» «странным образом» уцелел до нашего времени только «один вид»—«наутилус» (стр. 48).

Пожелаем книжке видеть следующие издания, освобожденные от указанных недостатков и если возможно снабженные иллюстрациями.

Д. Чернов.

Ш. ДЕПЕРЕ. Превращения животного мира. Пер. Ю. Жемчужникова, под ред. и с предисл. А. Борисяка. Второе просмотр. изд. С портр. Ж. Кювье. Изд. М. и С. Сабашниковых. Петроград 1921. 271 стр. 16°.

Книга Депере пользуется заслуженной известностью, так как не имеет аналогичных себе по содержанию, в особенности в русской литературе. В ней широко освещены, как история развития общих идей палеонтологии, так и современное состояние их. Поэтому книга стала необходимым руководством и для палеонтологов, и для биологов в широком смысле.

Первое русское издание книги разошлось в 3 года. Второе издание значительно хуже первого как со стороны шрифта, так и бумаги. Зато к нему добавлен портрет Кювье и новое предисловие редактора, в котором указывается на выдающееся значение в палеонтологии работ нашего соотечественника Владимира Ковалевского.

Мы всецело примыкаем к тому возражению, которое сделано редактором русского перевода на отношение автора к учению Дарвина: излагаемый Депере фактический материал не дает права умалять заслуги великого ученого в развитии идей об эволюции органического мира и хотя бы частично отвергнуть эти идеи, заменив их теми положениями о развитии организмов, которые автор высказывает в очень туманной форме.

Следует не только возражать против некоторых идейных построений Депере, но и указать на изложение части фактического материала в несоответствии с уровнем современных знаний. Например, автор не дает себе полного отчета в организации такой важной группы вымерших форм, какими являются аммониты: положения, высказываемые им в отношении этой группы на 168 и 169 стр., легко могут быть опровергнуты. При освещении процессов вымирания Депере совершенно необоснованно ссылается на внезапность вымирания таких крупных групп животного мира, как трилобиты, аммониты, динозавры и др. (стр. 180—183, 208).

Указанные недочеты книги Депере, однако, с избытком покрываются ее положительными сторонами: всесторонним и в общем довольно объективным осве-

щением идей эволюции или «превращения» животного мира, как выражается автор. Нельзя не пожелать книге самого широкого распространения.

А. Чернов.

Проф. А. П. ПАВЛОВ. Морское дно и созданные морем геологические напластования. 2-ое, вновь просмотренное автором, издание. Естественно-научная библ. Гос. Изд. М. 1922 г.

Только что изданная научно-популярным отделом Госиздата книжка проф. Павлова выгодно отличается и бумагой и шрифтом от вышущенной научно-популярным отделом Госиздата еще в прошлом году книжки того же автора «Очерк истории геологических знаний». Книжка производит прекрасное впечатление благодаря многочисленным рисункам, а главное двум великолепно выполненным таблицам в красках с изображениями жизни на больших глубинах и морских осадков под микроскопом.

Основная тема книжки представляет широкий научный интерес. Очень крупная часть земной коры сложена из осадочных напластований, образованных главным образом в морях прежних геологических эпох. Понять условия образовывания этих напластований можно только после основательного исследования состава дна современных морей. Но в составе дна весьма крупную роль играют твердые остатки различных морских организмов,—следовательно необходимо предварительное знакомство с целым рядом морских животных и растений и с условиями окружающей их среды. Автор последовательно развертывает перед читателем следующие главы: жизнь в море, осадки на дне открытого моря, коралловые острова, осадки прибрежной полосы моря, берега моря, участие моря в создании материков и геологические напластования. В заключение он знакомит нас с морскими наслоениями различных геологических периодов, указывает на местности нашего обширного отечества, где эти наслоения наблюдаются в широком и типичном развитии. Из этих мест окрестности Москвы могут быть отнесены к классическим.

Живой образный язык автора усиливает интерес к основной теме книги. Простота и ясность изложения делают книгу доступной лицам с весьма небольшой подготовкой.

А. Чернов.

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Под редакцией Н. К. Кольцова. Выпуск I (1921 г.). 120 стр. С 10 таблицами.

Перед нами новый том трудов лабораторий проф. Н. К. Кольцова. Несмотря на новизну дела, невзгоды не заглушили его, и Московская школа экспериментальной биологии дает новый ряд работ, объединяющих различные подходы к изучению проявлений жизни. К прежним работникам (см. Ученые записки Моск. Городск. Народного Универс. имени А. Л. Шанявского. Труды Биологической лаборатории. Под ред. Н. К. Кольцова) прибавились новые, лаборатория, помещавшаяся когда-то чуть не в проходном помещении, разраслась в целый институт.

Трудные условия печатания, очевидно, заставили сильно сжать объем всего сборника, каждому автору, повидимому, давалось место только-только достаточное, чтобы передать суть работы, в среднем около полулиста на исследование. В выпуске 1-ом мы находим следующие работы:

Авдеева, М. С. К вопросу об изменении активной кислотности мочи при заболеваниях почек (с 11 диаграммами в тексте).

Кольцов, Н. К., Об изменении веса человека при неустойчивом равновесии (с 2-мя рисунк. в тексте и 2-мя чертежами на таб. I и II).

Кольцов, Н. К. и Скадовский, С. Н. Наблюдения над суточными колебаниями реакции мочи (с тремя рисунками в тексте).

Савич, Вл. Г. Влияние реакции среды на пресноводных инфузорий (с 5-ю чертежами, помещенными на табл. 3—5, и пятью таблицами в тексте).

Гаевская, Н. С. Влияние щелочности на Artemia salina.

Кон, О. Л. Влияние внешних условий на определение пола у Asplachna (с тремя диаграммами в тексте).

Таусон, Анаст. О. Процесс созревания партеногенетических яиц Asplachna intermedia (с таблицей в конце выпуска).

Фролова, С. А. Созревание яиц у Chermes (с таблицей 7).

Кольцов, Н. К. Экспериментальное превращение аксолотля в амблистому (с 6-ю рис. в тексте).

Успенская, В. И. Влияние температуры и голода на образование половых продуктов у Hydra gresex.

Садовникова, М. П. Исследования над поведением птиц в лобиренте (с тремя таблицами 8, 9 и 10).

Кольцов, Н. К. Генетический анализ окраски у морских свинок.

Серебровский, А. С. Проект десятичной системы генетической символики.

Серебровский, А. С. Опыт статистического анализа пола.

Серебровский, А. С. О менделировании многоплодия у человека.

Как видно из перечня, Н. К. Кольцову и его школе удалось значительно развернуть работу. Синтез чисто-биологических подходов к жизненным явлениям с биофизической и биохимической точкой зрения уже факт. Мы остановимся на нескольких примерах. Первые работы в качестве внешней базы имеют электрометрическое определение активной актуальной кислотности-щелочности. Этот метод был налажен в лаборатории Н. К. Кольцова уже прежде, был подробно описан С. Н. Скадовским в ученых записках Университета Шанявского и послужил образцом для многих московских лабораторий. Во вновь опубликованных работах мы видим, как всесторонне этот метод используется. Мощь метода, который позволяет характеризовать и состояние больного организма, и отметить этапы дневного цикла здорового человека, и характеризовать низшие организмы и их стадии развития простыми цифрами, вырисовывается очень выпукло. Но вместе с тем подчеркивается и значение научной школы, которая сразу это поняла и не дожидалась того, когда ей это докажут западно-европейские коллеги. В настоящее время электрометрический метод начинает проникать в самые консервативные биологические лаборатории, и все его признают. Но пишущему эти строки еще очень недавно приходилось слышать сомнения, когда заходила речь о том, как этот прибор работает у Н. К. Кольцова.

Следующие работы подчеркивают значение комбинации тонких внешних физико-химических факторов с внутренними соотношениями организма, так выпукло характеризуемыми хромозомами. Эта задача еще не может считаться разрешенной. Но можно утверждать, что вновь прорвавшиеся к нам с Запада литературные данные заставили многих скептиков признать позицию с самого начала принятую Инст. Эксперим. Биологии.

Вот «Экспериментальное превращение аксолотля в амблистому». Всем воспитанникам Московского университета хорошо известно, как давно там интересовались переходом аксолотля в амблистому. Но мы видим, что эту задачу разрешила та школа из Московской семьи, которая с самого начала чисто-биологический эксперимент слила с физико-химическими исследованиями.

Но Институт Эспериментальной Биологии не ограничивается указанными подходами к изучению жизненных явлений.

Следующие работы указывают, что рамки биологических исследований еще расширяются. Мы не можем входить в обсуждение деталей. Но ясно, что из этих работ, кроме выводов, сделанных авторами, можно еще многое извлечь, не говоря уже о самом подходе к отдельным задачам.

Мы надеемся, что следующие выпуски известий докажут нам возможность физико-химического подхода не только к онтогенетическому развитию, но и к филогенезу организмов. Проводимое направление, таким образом, не только даст те или иные отдельные результаты, важные в практическом медицинском или чисто-научном направлении, но и готовит почву к разъяснению основного вопроса биологии—механики эволюции.

Е. Успенский.

В. И. ПАЛЛАДИН. Академик Российской Академии Наук. Невидимые живые существа, их значение в природе, в заразных болезнях и в промышленности. Центр. Кооп. Т-во „Мысль". Петроград 1922 г. Стр. 87.

Авторитетное имя В. И. Палладина, одного из крупнейших современных физиологов растения, достаточно говорит за себя: фактическое содержание этого «популярного очерка» и компетентность самого автора не подлежат никакому сомнению.

В немногих страницах автор вложил большое содержание, сообщая богатый фактический материал, интересные цифровые выкладки, иллюстрирующие значение бактерий в различных областях жизни природы.

В его книжке не только неподготовленный читатель, но человек более серьезных запросов найдет для себя много полезного и ценного.

Но с точки зрения строго популяризаторской брошюра вызывает известные сомнения. В ней нет огонька, нет общей идеи, связывающей интересный материал ее в единое целое. Автор ее или не знает, или не хочет знать, что популяризация имеет свои методы и предъявляет свои требования к языку и форме изложения. Его язык сух и академичен, книга написана как конспект или схема, по которым такой популяризатор, как К. А. Тимирязев, сумел бы развернуть захватывающие картины всепроникающего значения бактерий в жизни природы и человека.

Предназначая свою работу для популярного чтения, автор употребляет без пояснений много слов, недоступных для примитивного читателя и часто пользуется, правда, элементарными, химическими формулами, требующими соответственной подготовки.

Все это, конечно, не умаляет значения ценной книги В. И. Палладина, но значительно суживает круг читателей, которым она может быть доступна.

Проф. Б. Завадовский.

МИХАЙЛОВ, А. А. Атлас северного звездного неба, состоящий из 15 карт со звездами до 7,5 величины. Госуд. Издат. Типолит. Картоиздательского Отд. Корп. Военных Топографов. Москва.

Недавно мы имели случай приветствовать издание превосходного звездного атласа проф. А. А. Михайлова для невооруженного глаза. Теперь мы должны отметить выход в свет еще одного звездного атласа того же автора—атласа для бинокля. На 15 картах размещены все звезды Потсдамской Фотометрии—фотометрического каталога звезд, составленного по наблюдениям Мюллера и Кемпфа в Потсдаме и содержащего все звезды Боннского Обозрения (Bonner Durchmusterung) до $7^1/_2$ звездной величины между северным полюсом и экватором; при фотометрических наблюдениях оказалось, что некоторые звезды слабее, чем $7^1/_2$ зв. велич., и возможно, что некоторые звезды немного более яркие, чем $7^1/_2$ вел., не вошли в Потсдамскую Фотометрию, а следовательно и в атлас Михайлова. Но таких звезд, конечно, немного. 15 карт распадаются на три группы: полярная область до 70° склонения, 6 карт для пояса от +75° до +35° и 8 карт для пояса от +40° до 0 склонения. Градусная сетка выбрана на основании специальных исследований автора и дает лишь небольшие искажения. Эпоха координат—1900 г., как в Потсдамской Фотометрии. Дана таблица прецессии на 100 лет. Отмечены переменные звезды, которые в максимуме бывают не слабее $7^1/_2$ величины. Очень целесообразно, на основании специальных исследований, отобраны те двойные звезды, которые было основание отметить, как таковые, на картах. Особо отмечены звезды, близкие друг к другу, которые, однако, не рационально было бы назвать и отметить двойными. Из звездных скоплений и туманностей автор стремился поместить на картах все те, которые могут быть видимы в небольшие инструменты. Параллельно с русским текстом предисловия помещен перевод его на английский язык, в видах распространения его за границей. Издан атлас в общем вполне удовлетворительно; но, к сожалению, для карт употреблена бу-

мага лишь удовлетворительного качества, не вполне свободная от мелких точек; они вряд ли где-либо могут быть сочтены за звезды, но все же несколько портят впечатление, особенно при сравнении с атласом для невооруженного глаза. Тем не менее и этот атлас вполне заслуживает внимания не только специалистов астрономов, но и тех любителей астрономии, которым по роду их занятий не достаточно иметь атлас со звездами лишь до $5^1/_2$ вел.

Проф. С. Блажко.

АХМАТОВ, В. Поясное время. Петроград 1919 г. Издание 1-е. 8°. 13 стр.

Брошюра В. Ахматова написана по поводу введения в России поясного времени с июля 1919 года. Она имеет целью ознакомить читателя с этой реформой счета часов и выяснить преимущества его перед другими способами считать часы дня (по местному времени или во всем государстве по одному и тому же, напр., столичному, времени). На первых страницах автор в существенных чертах излагает вообще основания счета времени хронологии, а затем более подробно излагает историческое развитие хронологии (счета часов в течение суток). Затем с достаточной подробностью излагается полная система счета часов и выясняются ее выгоды в практической, обыденной жизни, для морского дела и для некоторых научных исследований. Изложение простое, не требующее специальных знаний, без излишних деталей во вводной части, но достаточно подробное при изложении главной темы. К брошюре приложен декрет Совета Народных Комиссаров о введении в России поясного времени и карта земли с указанием поясов времени на всем земном шаре. Пожалуй, лучше было бы вместо нее дать только карту России, но в большем масштабе, либо дать и то и другое, а то на приложенной карте границы поясов в Европейской России трудно проследить. По изложению брошюра вполне отвечает поставленной цели.

Проф. С. Блажко.

WHITTAKER AND WATSON. A cours of Modern. Analysis. 3-d Edition. VI+608 in 8°. Cambridge University Press, 1920.

ВИТТЭКЕР и ВАТСОН. Курс современного анализа.

Классический тип курса математического анализа складывался на французской почве в первой половине XIX века. Прототипом был классический курс Лакруа, получивший большое распространение и выдержавший много изданий. За курсом Лакруа последовали и другие курсы и вплоть до нашего времени курсы анализа при всех индивидуальных различиях их авторов все-таки в существенных чертах повторяли Лакруа. Основной чертой французского курса анализа является строгая логичность изложения. стремление привести математические теории и факты в стройную систему. По определению Duhem'a французский ум— это ум узкий, умеющий создать логическую систему, но не умеющий охватить большое количество деталей, и нужно сказать, что действительно все курсы анализа, создавшиеся на французской почве, удивительно соответствуют этому определению. Другой основной чертой их является полное отсутствие заботы о тех читателях, которым важны применения математики. Французу математическая теория интересна сама по себе, и для него наибольшим наслаждением является придание ей возможно более стройной и эстетичной формы.

Французскому типу ума Duhem противопоставляет широкий английский ум, стремящийся к тому, чтобы охватить возможно большее количество деталей. Для англичанина математическая теория ценна и важна лишь как рабочее орудие, и о внутренней согласованности и эстетичности постройки англичанин мало заботится.

Эта характеристика, данная Duhem'ом, конечно, применима далеко не ко всем случаям, но в общем и целом она верна. Было бы интересной задачей выяснить, какие историко-экономические предпосылки лежат в основе этого различия, но это заставило бы нас выйти из границ данной рецензии.

Курс анализа Виттэкера и Ватсона содержит в себе все черты, которые Duhem приписывает английскому уму. Задачей его не является целостное изложение математического анализа, как, например, в известном французском курсе Goursat. Авторы желали дать в руки математика, физика и техника рабочий инструмент, пользуясь которым можно довести до конца математическую обработку любого вопроса, требующего приложения математического анализа. Эта задача выполнена блестяще. При сравнительно небольшом объеме книга содержит огромный материал, обыкновенно отсутствующий в других курсах анализа. В первой части курса рассматриваются различные математические приемы: теория сходимости, теория интеграции по Риманну, теория аналитических функций, теория вычетов, разложение функций в ряды, асимптотические ряды, ряды Фурье, линейные дифференциальные уравнения и интегральные уравнения. Во второй части рассматриваются уже имеющиеся ценные математические инструменты — различные виды трансцендентных функций (функция Гамма, функция Зета, гипергеометрическая функция, функции Лежандра, функции Бесселя, функции Матье, эллиптические функции, функции Тэта, функции Ламе). При очень большой сжатости изложения книга нигде не носит конспективного характера и удобочитаема с начала до конца. Огромное количество задач являются ценнейшим дополнением к тексту. Книга содержит и необходимые библиографические указания. Для научно-работающего математика, физика, техника курс Виттэкера и Ватсона является незаменимым рабочим орудием. Он один может заменить целую библиотеку и избавляет от необходимости искать нужный материал. Для студентов старших курсов этот курс будет крайне полезен для ознакомления с теми или другими главами анализа. При этих условиях необходимо возможно скорее озаботиться изданием курса Виттэкера и Ватсона на русском языке.

Проф. В. А. Костицын.

JEANS J. H. The Dynamical Theory of Gases. 3-d Edition 1921. VI+442 Gr. 8°. Cambridge Press.

ДЖИНС. Динамическая теория газов.

Судьба атомистических теорий могла бы быть прекрасной иллюстрацией к известному положению диалектики Гегеля: тезис, антитезис, синтезис. В истории науки можно указать ряд последовательно сменявших друг друга периодов, когда атомистические теории единодушно признавались или столь же единодушно отрицались. До XVIII века и утверждение и отрицание основывались почти исключительно на соображениях философского характера. Гассенди был первый, кто в новое время возродил атомистические идеи Эпикура и придал им, отчасти под влиянием взглядов Декарта, почти современную форму. Взгляды Гассенди имели большое влияние на Ньютона и, через посредство Ньютона, на Дальтона, отца современного атомизма. Быть может, влиянием Гассенди объясняются и атомистические воззрения известного современника Ньютона—Гука. Однако до XVIII века атомистические теории имели слабое отражение в науке.

Один из талантливейших представителей талантливой семьи Бернулли академик Российской Академии Наук Даниил Бернулли в своей работе Hydrodynamica в 1738 году не только выдвинул снова взгляды, высказывавшиеся Гассенди, но придал им отчетливую форму, пользуясь теорией вероятностей, достаточно развившейся к этому времени. Работа Бернулли не встретила достаточного внимания. Быть может, ее отражением являются взгляды Ломоносова. Во всяком случае, в течение последующего столетия в этой области не было сделано ничего, до появления блестящих работ Клаузиуса (1857) и Максвелля (1859). С этими последними начинается новый и уже по существу научный период в истории кинетической теории материи.

Как это всегда бывает в истории науки, после первых блестящих побед новых идей стали накапливаться и обнаруживаться отдельные противоречащие факты, которые сначала с большим или мень-

шим насилием укладывались в созданные ранее теории, а потом стали вызывать опасения одних физиков и скептицизм других. К концу XIX века, наконец, создалось положение, при котором старик Больцман, выпуская в свет свои «Vorlesungen über Gastheorie» с горечью указал в предисловии, что эта книга идет вразрез с тенденциями момента. Действительно, к этому времени атомистические теории были объявлены суеверием и предрассудками (Мах и Оствальд), и, пользуясь их временным крахом, противники научного материализма заговорили о необходимости отказа от попыток объяснения явлений природы, о чистом описании ее и т. д.

Именно в то время, когда эти голоса звучали громче всего, появился ряд новых теоретических и экспериментальных исследований, легших в основу возрождения атомистических и кинетических теорий. Самое серьезное из возрождений было устранено введением гипотезы квантов Планком (1899—1902). Самое наглядное подтверждение кинетической теории вещества было дано работами Перрэна по исследованию броуновского движения. В настоящий момент уже никто не оспаривает правильности кинетических теорий, и без знакомства с ними невозможна не только научная работа, но и простое понимание современной физики.

Из всех изложений кинетических теорий вещества нет ни одного, которое могло бы поспорить с рецензируемой книгой Джинса. Написанная первоклассным ученым, автором многих блестящих работ в данной области, «Динамическая теория газов» дает ясное, точное, полное и вполне современное изложение предмета. Интерес к новому третьему изданию повышается тем, что главы, излагающие теорию лучеиспускания и теорию квантов были в значительной мере написаны наново.

Русская литература по динамической теории газов до необычайности бедна. Поэтому является вопросом первостепенной важности скорейший выпуск русского издания этой прекрасной книги.

Проф. В. А. Костицын.

WEBER R. H. u. GANS R. Repertorium der Physik. Bol I. Erster Teil: Mechanik, Elastizität, Hydrodynamik und Akustik. XII+434 in 8°. 1915. Bol I. Zweiter Teil: Kapillarität, Wärme, Wärmeleitung, Kinetische Gastheorie und Statische Mechanik. XIV+614 in 8°. 1916. B. G. Teubner, Leipzig und Berlin.

ВЕБЕР И ГАНС. Справочник по физике.

При огромности литературы, книжной и журнальной, по каждому из вопросов текущей научной работы, на-ряду с годичными обзорами литературы типа Astronomisches Jahresbericht, Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik, Fortschritte der Phisik и т. д., необходимы ориентировочные издания, которые давали бы возможность каждому научному работнику по каждому заинтересовавшему его вопросу быстро найти указания как на главнейшие добытые результаты, так и на практикуемые в этой области методы исследования с необходимым количеством литературных ссылок. Первым опытом такого издания, среднего между учебником и объемистой энциклопедией, был Repertorio di matematiche superiori известного итальянского математика Эрнесто Паскаля. Этот справочник, содержащий по каждому вопросу чистой математики определения, формулы, теоремы и литературу, был сейчас же переведен на немецкий и польский языки и быстро сделался необходимым пособием для каждого научно-работающего математика.

Успех математического справочника Паскаля вызвал появление и рецензируемого издания. От итальянского подлинника и первого немецкого издания Паскаля справочник Вебера и Ганса отличается тем, что в нем не только даются добытые результаты, но и вкратце излагается приведший к ним ход мыслей и исследований. Для науки экспериментальной, как физика, это особенно важно потому, что каждый отдельный физический закон не есть только логическое следствие определенных посылок, но и результат некоторых упрощений и приближений, без знания которых пользоваине данным законом невозможно.

Первая часть первого тома содержит в себе механику, теорию упругости, гидродинамику и акустику. Механика написана Р. Гансом. При небольшом объеме (205 стр.) она содержит все строго необходимое. По каждому вопросу хотя бы в нескольких строчках сообщается все существенное, и немногочисленные, но хорошо подобранные литературные указания дают возможность углубиться в желаемом направлении. Теория упругости и гидродинамика также написаны Р. Гансом. Эти отделы, к сожалению, изложены недостаточно полно. Не указаны многие весьма важные результаты, добытые Boussinesq'ом, Haulamard'ом Poincaré. Первые двое не упоминаются во всем томе ни разу, последний один раз. Из русских работ цитируются только статьи, печатавшиеся в немецких научных журналах. Поэтому имена русских крупных гидродинамиков Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина совершенно отсутствуют в книге. Ни слова не говорится о фигурах равновесия вращающихся жидкостей и о газовых шарах,—вопросах механики, крайне важных для астрономии и геофизики. В акустике, написанной Шульце, совершенно не упоминается крайне интересная работа Кастерина. Вторая часть первого тома содержит капиллярность, теплоту, теплопроводность, кинетическую теорию газов и статистическую механику. За исключением статистической механики, написанной П. Герцем, все остальное принадлежит перу Р. Вебера. Каждый из отделов при небольшом объеме разработан достаточно полно и дает хорошее представление о современном состоянии науки. Конечно, есть и отдельные промахи вроде указанных выше, но это не меняет благоприятного впечатления от книги в целом.

Русскому читателю эта книга особенно нужна. Научному работнику, заброшенному в провинцию или лишенному возможности пользоваться библиотекой, справочник по физике может дать все необходимые указания для приступа к работе, а часто и для продолжения ее. Благодаря справочнику можно избегнуть бесполезной траты сил на подбор необходимой литературы. Пользование им облегчается тем обстоятельством, что чтение его не требует особенно большой подготовки, знание обыкновенного университетского курса физики для этого совершенно достаточно. Выразим надежду, что эта полезная книга быстро и в компетентной редакции появится в русском переводе.

Проф. В. А. Костицын.

«Успехи физических наук» под редакцией академика проф. П. П. Лазарева. Том II, вып. 2. Гос. Издат.

«Успехи физических наук» издаются при участии Физического института Московского Научного Института. До настоящего времени вышло в свет всего 4 выпуска: 2 в 1918 году, один в 1920 г. и один в 1921 г. Журнал этот ставит своею целью ознакомление русских физиков и всего интересующегося вопросами физической науки общества с выдающимися успехами и достижениями физики. Часть помещенных статей касается истории точных наук, вопросов физической методики и эволюции основных научных идей; сюда относятся, например, статьи В. Анри «Современное научное мировоззрение» (том II, вып. 1), перевод лекции Якоби «О жизни Длатта и пр.» (том I, вып. 3), «Очерк истории основных начал механики» акад. А. Н. Крылова (том II, вып. 2) и пр. Большое место уделено статьям обзорного характера и рефератам работ, главным образом, заграничных ученых, имеющих выдающееся значение. Наконец, имеются и оригинальные статьи, но их сравнительно мало; в числе последних следует отметить историческую беккерианскую лекцию (Bakerian lecture) Rutherford'a «Нуклеарное строение атомов», в которой рассказывается о разложении атомов азота.

В вып. 2 тома II, кроме упомянутых выше статьи акад. Крылова и лекции Rutherford'a, помещен еще ряд статей, касающихся наиболее ярких вопросов современной физики. Отметим статью В. К. Фредерикса «Общий принцип относительности Эйнштейна», в общем не совсем удачную, так как автору не удалась поставленная им задача: изложить теорию Эйнштейна «в более доступном и простом виде» и в то же время

дать ей строго математическую формулировку. Автор долго блуждает в математическом лесу и, выбираясь из него, оставляет далеко позади себя своего читателя. Реферат Шпольского «Возрождение гипотезы Prout'a» живо и интересно рассказывает об удивительном открытии Aston'a. Статьи Вавилова и Кружкова касаются чрезвычайно важного теоретического вопроса о принципе отбора и принципе соответствия (Korrespondenzprincip)—попытках построить мост между современной физикой и представлениями классической электродинамики.

Весьма значительную часть выпуска занимает отдел «Из текущей литературы», содержащий краткие рефераты из иностранных научных журналов. При нашей бедности иностранной научной литературой, этот отдел читается особенно жадно. Удачный выбор рефератов, дающих полную картину мировой научной работы, — большая заслуга редакции «Успехов». Также весьма ценным является отдел библиографии, содержащий в себе около 20 рецензий и отзывов.

В общем журнал производит весьма благоприятное впечатление. В условиях нашей современной жизни он выполняет важную работу, заслуживающую большой благодарности. Внешность журнала также вполне прилична.

Проф. С. Конобеевский.

С. Т. КОНОБЕЕВСКИЙ. «Что такое радий». Естественно-научная библиотека. Государственное Издательство. М. 1922. Стр. 51. Цена не обозначена.

Автор поставил себе чрезвычайно трудную задачу: рассказать о явлениях радиоактивности читателям, совершенно не знакомым с элементами физики и химии. На протяжении всего 51 страницы он не только описывает замечательные свойства радиоактивных элементов и излагает гипотезу распада, но и старается дать понятие о самых последних завоеваниях науки. Мы встречаемся здесь и с вопросом о строении атома, и с изотопией, и с последними результатами работ Резерфорда над искусственным разложением элементов. А так как предполагается, что читатель не знаком даже с «первой ступенью» физики и химии, то здесь же описываются основные явления электростатики, рассказывается об атомах и молекулах, о действии тока на магнитную стрелку и т. д.

Изложение всюду весьма просто и интересно. Автор хорошо выдержал спокойный тон и удержался от столь частого в таких случаях уклонения в сторону грубой вульгаризации и нисколько не помогающей делу подделки под т. наз. «народный» язык. Но если трудна задача автора, то нелегко и рецензенту поставить себя в положение абсолютно неподготовленного читателя и решить, напр., вопрос, не обременит ли такого читателя чрезвычайное обилие и разнообразие материала, сконцентрированного всего на трех печатных листах. Мы все-таки думаем, что лучше было бы ограничить количество материала и последним завоеваниям посвятить, например, особую книжечку.

Каких-нибудь существенных промахов или неточностей в книжке нет. Можно сделать лишь два-три мелких замечания. Рис. 8, изображающий строение атома гелия, лучше было бы не помещать вовсе: автору, конечно, известно, что вопрос о строении атома гелия разрешается далеко не так просто. Избегая иностранного алфавита, автор называет α и β частицы соответственно А и Б-частицами, и тот же русский алфавит употребляет для обозначения продуктов распада радия (радий А, радий Б). Это может создать некоторую путаницу. Наконец, последнее замечание касается опытов Резерфорда. Автор разделяет со многими одно заблуждение: Резерфорд, по его мнению, доказал, что под ударами Х-частиц азота распадается на гелий и водород. Сам Резерфорд во всех своих работах утверждает только то, что ему удалось выбить водород из азота. Природа остаточного атома совершенно неизвестна, и Резерфорд в одной из своих работ указывает здесь самые разнообразные возможности.

Общее впечатление, оставляемое книжкой С. Т. Конобеевского, безусловно хорошее, и мы ей желаем широкого распространения.

Э. Шпольский.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

Проф. С. П. ФЕДОРОВ. «Клинические лекции по хирургии». Изд. Гржебина. Петербург—Берлин 1922 г. Стр. 152 с рис.

Книга содержит 15 лекций по разным клиническим случаям. На-ряду с сравнительно редкими поражениями, как перелом 2-го шейного позвонка, разобраны более часто встречающиеся—геморрой и парапроктит. Разнообразный подбор материала, а главное, тщательная его обработка делают книгу чрезвычайно интересной и, мы бы сказали, необходимой не только для хирургов,—но и вообще для практических врачей, тем более, что наша литература сравнительно бедна такого рода книгами, очень важными для врачей, не могущих, по целому ряду причин, следить за последними научными данными.

Издана книга хорошо, снабжена ясными рисунками.

Надо пожелать, чтобы автор продолжал далее делиться своим богатым клиническим опытом.

Д-р. Д. Перуанский.

Д-р Е. А. АРКИН. «Физиология человека». С 61 рис. в тексте, 4-ое исправленное и дополненное издание. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Москва 1919 г. 232 страницы.

Достаточная полнота, живость и доступность изложения—являются бесспорными достоинствами настоящей книги.

Автор избегает чрезмерных углублений в трудно доступной неподготовленному читателю области физиологии, но вместе с тем счастливо избегает и упрощения, вульгаризации предмета изложения. Книга популярна в хорошем смысле этого слова, ибо на всем протяжении сохраняет серьезность и научность. Книга может быть рекомендована, как пособие для средних медицинских школ и как популярный курс для читающей учащейся молодежи. Очень жаль, что автор, следуя примеру других самых видных популяризаторов физиологии, опустил в своей книге большую и важную главу—физиологию половой жизни. Было бы хорошо, если бы 5-ое издание этой книги (вполне заслуженное) было бы дополнено этой главой.

Д-р И. Гельман.

«ОДЕССКИЙ СБОРНИК ПО СЫПНОМУ ТИФУ», вып. II, под редакцией проф. Д. К. Заболотного, проф. Воронина и проф. Бардах. Одесса. Гос. Изд. 1921 г. Стр. 160.

Вслед за выпущеннным в 1920 г. первым сборником по сыпному тифу Одесса выпустила теперь второй сборник, посвященный тому же вопросу и заключающий статьи 18 авторов. По условиям войны и революции, Одесса пережила за годы 1918—1920 г.г. особенно резкие вспышки разного рода эпидемий, в частности, и громадную волну эпидемий сыпного и возвратного тифов, и материал для изучения и научной работы у медицинского персонала был обильный. Вместе с тем медицинский персонал дал и большое количество жертв, и одна из статей сборника (*Черкес.* «О заболеваемости медицинского персонала сыпным тифом в связи с вопросом об иммунитете к нему») дает поучительные и печальные итоги. Автор имел случай изучить заражаемость сыпным тифом медицинского персонала в одном из инфекционных госпиталей, работавшего около 5 месяцев в начале 1920 г. в тяжелых санитарных условиях: при отсутствии топлива, воды и т. д. Из 313 человек персонала заболело 102, т.-е. 35,7%. Эти данные, однако, не характеризуют общего положения, ибо многие служащие уже ранее пережили сыпной тиф и, следовательно, были уже не восприимчивы к новому заражению. Приняв эту поправку заболеваемости для отдельных групп, видно, что % заразившегося персонала уже резко поднимается: для врачей—57,1%, для сестер милосердия — 53,8%, для прочего персонала—40,1%. Автор делает и еще одну

поправку, разбирая, какую работу вели в госпитале незаразившиеся лица персонала, и, установив, что большинство их не входило в соприкосновение с больными или работало короткое время, считает, что в действительности % зазарившихся врачей можно считать до 100% и сестер до 90%. Все дело, следовательно, сводится к тому, что не существует «полного иммунитета отдельных лиц; при наличии достаточных условий для заражения, каждый человек одинаково подвержен возможности заразиться сыпным тифом». И далее, правильная санитарная обработка и предохранительные меры против переноса вшей и против их укусов сразу понижают эту восприимчивость к заразе.

Из статей сборника обращают на себя внимание, далее, статьи проф. Винокурова «Статистика заболеваемости и смертности детей при сыпном тифе в Одессе», где автор устанавливает, что: 1) сыпной тиф в детском возрасте встречается относительно не реже, чем у взрослых, 2) грудной возраст поражается почти наравне с другими возрастами детства», и д-ра *Матулъского*—«Некоторые данные по эпидемиологии сыпного тифа в Одессе (1918—1920 г.г.) в связи с теми военными и политическими моментами, которые переживала Одесса в эти годы. В период 1918—1919 г.г. наибольшие цифры были в апреле и мае (4.147 случ. в апреле); в 1919 г.—1920 г.—в марте (4.046) и в апреле. Общее число заболеваний 1919—1920 г.г. было 40.296, что на население города в 510.000 дает 7,9% заболеваний всех жителей. Автор рисует тяжелые картины эпидемии, особенно в последние дни пребывания в Одессе добровольческой армии (январь—февраль 1920 г.), когда после ухода белых были обнаружены целые дома, заваленные трупами погибших от сыпного тифа. Специальный транспорт вывез из этих домов более 1.500 трупов.

Статья д-ра *Ген* о «сыпнотифозных прививках» констатирует, в согласии с соответствующими выводами других авторов, что «эти прививки не уменьшают заболеваемости и не уменьшают смертности», а потому следует считать их неимеющими значения, как предохранительная мера.

Ряд клинических статей дает много интересного материала; достаточно их перечислить: *Иукович* «Клиническое течение сыпного тифа», *Ландесман* «К клинике сыпного тифа», *Зеленский* «К вопросу о сыпном тифе без сыпи», *Букшпан* «Атипические формы сыпного тифа» и далее статьи *Тизенгаузен*, *Жгенти*, *Адесман*, *Пучковского*, *Бардах*, *Лурье*, *Маловченко* по вопросам неврологии сыпного тифа, диагностических реакциях при нем и т. д.

Сборник таким образом заслуживает внимания и по своим научным данным, и по общественно-санитарному материалу, помещенному в нем.

Д-р Д. Сысин.

«СБОРНИК РАБОТ КРЫМСКОГО БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА» за 1920 г. Изд. Севастопольского Госуд. Издательства. 1921 г. Стр. 48.

Небольшой сборник прежде всего выгодно характеризует дружную и плодотворную работу группы врачей-работников провинциального института, возникшего всего лишь года два тому назад (в 1919 г.). В сборнике помещены работы по сыпному тифу: д-ра *П. П. Маслоковца*, работавшего ранее в Петербурге, «К вопросу о диагностике возвратного тифа» и д-ра *Беседина* «О противосыпнотифозных прививках». В последней работе автор дает материал по 1.226 лицам, подвергавшимся этим прививкам. Выводы автора отрицательные. Между прочим, в статье приводится эксперимент, проделанный одним врачом над собой: после прививки вакцины этот врач вспрыснул себе кровь больного тяжелой формой сыпного тифа, заразился и едва не погиб».

Кроме указанных статей в сборнике имеются еще статьи *Стефанского* «К вопросу об уничтожении вшей» и затем статьи *Вержиковского*, *Бочкарева*, *Хоръковича*.

Д-р Д. Сысин.

Д-р П. П. ДЬЯКОНОВ. Брюшной тиф и борьба с ним.

Изложить научные истины в популярной форме—задача хотя и благодарная, но и трудная, поэтому так редки хорошие популярные брошюры по медицине и санитарии.

Брошюра д-ра Дьяконова о брюшном тифе, составленная вполне толково, содержит, однако, погрешности, которые можно было бы избежать. Употребление терминов: «возбудители», «осложнение», «предрасположение» без предыдущих пояснений, упоминание о слюнных железах, брюшной полости, сердечной мышце предполагает у читателя наличие некоторых анатомических сведений.

Как самый болезненный процесс, так и меры борьбы с ним описаны подробно, и если брошюра д-ра Дьяконова недоступна для широких масс трудящихся, для определенной группы лиц, особенно с небольшой медицинской подготовкой (ротные фельдшера, сестры милосердия и пр.), она вполне пригодна.

Сан-просветительн. лектора и инструктора могут пользоваться брошюрой, как руководством для своих лекций и собеседований.

Д-р Е. Трапезонцев.

«ЦЫНГА». Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. 1921 г. 16 стр.

Маленькая, но ценная клиническая брошюра, посвященная одному из наших российских бичей—цынге. Брошюра содержит статью проф. *Б. И. Словцова* «Цынга», излагающую научное воззрение на эту болезнь важнейших исследователей и клиницистов.

Автор склоняется к теориям, считающим причину цынги—нарушение питания (добавочное).

Вторая статья проф. *Плетнева* «Клиники цынги» дает сжатое, но достаточно полное изложение течения симпто-патологии, патологической анатомики и лечения болезни.

Д-р Гельман.

«ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ СБОРНИК». Работы научной комиссии по изучению инфекционный заболеваний при Ростовском Эвакопункте. Изд. Санпросвета Кавказ. Военно-Санитарного Окружного Управления. Ростов-на-Дону 1921 г. Стр. 336.

Большой сборник свыше 300 стр. дает обширный материал по различным инфекционным болезням, поражавшим последние годы Ростов, Донскую область и Северный Кавказ (сыпной и возвратный тифы, холера, эпидемическая желтуха, эпидемический энцефалит, испанка). Общее количество помещенных в сборнике статей 33, из коих первые 19 посвящены, как и следовало ожидать, сыпному и возвратному тифам.

Не перечисляя всех работ, из коих некоторые касаются тех или других осложнений при сыпном и возвратном тифах (случаи поражения глаз, хирургические осложнения и т. д.), отметим работы из области бактериологии и эпидемиологии тифа. Проф. *Разнотовский* в статье «Экспериментальная оценка противосыпнотифозных прививок» дает выводы из своих опытов на свинках. Вывод автора «применявшиеся методы вакцинации против сыпного тифа не выдерживают экспериментальной критики и должны быть оставлены, как научно не обоснованные». Д-р *Зильбер* приводит опыты автосеротерапии при сыпном тифе (т.-е. лечение больного вспрыскиванием сыворотки крови того же больного). По мнению автора, результаты довольно благоприятны и заслуживают дальнейшего изучения. Д-р *Файн* «Эпидемии сыпного и возвратного тифов в госпиталях Ростовского Эвакопункта за 1920—1921 г.г.» дает статистические материалы. Между прочим, им подсчитаны цифры и % смертности во время этих эпидемий: при сыпном тифе 7,6%, при возвратном тифе 4,7%. Далее автор приводит любопытные данные, что из 1.121 случая сыпного тифа 42 чел., т.-е. 3,7%, уже ранее перенесли сыпной тиф; эти цифры нуждаются в разработке.

По клинике сыпного тифа помещены статьи *Завадского*, *Бродского*, *Эмдина*, *Гейманович* и др. Несколько статей посвящены эпидемической желтухе,—болезни, которая дала вспышку на юге

России и в других районах страны в 1920—1921 г.г. В Ростове (статья д-ра *Минервина* «Эпидемиолого-статистический обзор заразной желтухи в Ростове в 1920 г.») отмечено в одних госпиталях Эвакопункта за 3 месяца 1.502 случ. желтухи. Рост эпидемии (июнь—октябрь) совпал по сезону с такими же вспышками холеры, брюшного тифа, паратифов и поносов. Этой же болезни посвящены статьи проф. Барыкина «К этимологии заразной желтухи» (автор устанавливает наличие спирохет, как специфичного микроба желтухи) и *Страдомского* «Морфологические изменения крови при эпидемической желтухе».

Несколько статей сборника освещают вопросы холеры (работы *Фризе* «К характеристике холерного вибриона»), *Клячкина* «Клиника холеры», *Кобринер* и *Страдомский* «К вопросу о холерной тифоиде» и *Минервина* «Эпидемологический очерк холеры 1920 г.». Энцефалиту посвящены статьи *Эмдина* и *Корчанова*.

За годы революции Ростов выпустил также уже два большие выпуска работ по эпидемиям. Очевидно и тяжелые условия работы, и длительная гражданская война все же не угашают духа научной пытливости и научных исканий, и пережитые годины эпидемий не проходят бесследно для науки и практики медицинского дела.

Д-р А. Сысин.

МАТЕРИАЛЫ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗНАНИЙ О ТУБЕРКУЛЕЗЕ. Справочники секции борьбы с туберкулезом. Нар. Ком. Здр. Вып. VII. Государственное Издательство. 1921 г. Стр. 104.

Седьмой справочник секции борьбы с туберкулезом [1]) посвящен вопросам санитарного просвещения в области туберкулеза. Новый справочник содержит программу и конспект популярной лекции о туберкулезе, программу и конспект лекции специально по детскому туберкулезу, краткий указатель литературы по разным вопросам, относящимся к туберкулезу, и программы особых курсов по туберкулезу для лиц, готовящихся к государственной деятельности, для сестер противотуберкулезных учреждений и для врачей, специализирующихся в области туберкулеза.

Затронутые темы разработаны далеко не равномерно. Наиболее полно и живо составлена д-ром В. Д. Маркузоном программа лекций по детскому туберкулезу. Нельзя этого сказать о программе популярной лекции и программе выставки. Построение лекции устарело, от выставки веет неподвижностью. Туберкулез—продолжительное тяжелое заразное заболевание, поэтому при изложении или изображении туберкулеза подлежат объяснению прежде всего конкретные меры предупредительного или лечебного характера, а от шаблонных обвинений и неясных ожиданий давно пора отказаться. Статистические же выкладки никого не удовлетворяют и далеки от запросов слушателя. Затем общая некультурность, санитарная невоспитанность и санитарно-техническое неустройство в равной степени поддерживают распространение не одного только туберкулеза. Поэтому трудной задачей является ознакомление массы с туберкулезом вне связи с другими заразными болезнями, имеющими у нас не менее социальное значение, чем туберкулез. Программы курсов по туберкулезу приведены в приложении, однако, нельзя обойти их без некоторых замечаний. Так, в программе курсов для сестер ни слова не говорится об уходе за туберкулезными больными, главной функцией сестер милосердия, не отмечены вопросы регистрации и обследований, одной из обязанностей сестер противотуберкулезных учреждений. В плане курсов для врачей следовало бы подчеркнуть, что прежде, чем специализироваться в области туберкулеза, необходим более или менее продолжительный стаж общеврачебной практики и др. Будем надеяться, что интересный и ценный по своевременности справочник в следующем издании пополнит немногочисленные свои пробелы, что еще более увеличит его значение.

Д-р В. Сукенников.

---

[1]) Рецензию о ранее вышедших справочниках см. в ст. д-ра В. Н. Розанова «Печать и Революция», книга 2 за 1921 г.

Проф. Г. И. МЕЩЕРСКИЙ. Лечение сифилиса. 250 стр. «Созвездие». Москва 1922 г. Цена 75.000 рублей.

Только что появившаяся книга есть новое издание вышедшей под таким же заглавием работы Г. И. Мещерского в 1907 г., имевшей большой успех и ставшей за последние годы библиографической редкостью. Начиная с 1905 г., учение о сифилисе прогрессировало быстрыми шагами, поэтому время с 1907 по 1922 г.г. в сифилидологии это—целая эпоха. Появилось много нового, что «и не снилось нашим мудрецам». И вот это-то *новое* и введено во 2-е издание этой книги. За «сальварсаном» и ему подобными препаратами теперь числится уже несколько лет наблюдений специалистов всего мира, имеется колоссальная литература по этому поводу и множество противоречивых мнений, разобраться в которых подчас даже и специалисту затруднительно. Поэтому в последнее время весьма остро чувствовалась потребность в руководстве, которое бы суммировало новейшие достижения в терапии сифилиса. Особенно же теперь, когда у нас книжный голод, когда лишь очень немногие врачи имеют возможность ознакомиться с новейшей иностранной литературой, да к тому же многие были в течение 7-ми последних лет оторваны от своих специальных занятий, книга *Мещерского* является особенно желанной. Написана она столь же талантливо, как и первое издание. В ней сжато и ясно излагаются не только все существующие и имеющие значение методы лечения, но упоминаются также новейшие данные из области экспериментальной и клинической. В главе о мышьяковом лечении описываются новейшие средства типа «сальварсана». Соответственно новым успехом сифилидологии переработаны и некоторые другие главы. Что касается внешности, то, конечно, книга носит отпечаток «современности»: местами бумага дурного качества делает печать слепой, кое-где опечатки... Однако наружные качества с избытком искупаются богатым внутренним содержанием,

Д-р В. Д. Поспелов.

«Половые расстройства». Листовка-брошюра д-ра М. В. ТУРА.

Читатель ученый, прочитав «труд» д-ра *Тура*, свои познания не обогатит, читатель малокультурный, ничего в нем не поняв, признает д-ра *Тура* человеком «большой учености». Такого успеха у некультурного читателя и добивается д-р *Тур*.

Для чего понадобился ему такой успех?

«Труды», подобные труду д-ра *Тура*, весьма распространены на Западе, особенно в Париже: они широко раздаются по улицам, у больниц и амбулаторий, ведущих прием больных венерическими болезнями, а иногда украшают стены писсуаров. Их цель? Затуманить голову малокультурному больному, нарисовав страшную картину болезни, трудности ее излечения и сделав, как бы вскользь, несколько ссылок на свои ученые труды, на свое умение эту болезнь радикально излечить, закончить не приглашением к себе в кабинет,—это было бы не к лицу «ученому доктору»,—а скромным указанием точного адреса автора, у которого можно получить его «ученые» труды по данной болезни. И идут по указанному адресу жаждующие исцеления малокультурные больные, несут «ученому доктору» свои трудовые гроши.

Прочтите «труд» д-ра *Тура* и посмотрите, как тонко плетется паутина для таких больных.

Половые расстройства чаще связаны с заболеванием нервной системы, нежели с венерическими болезнями, следовательно, можно желать, чтоб заболевающий таким расстройством пошел всего скорее к врачу невропатологу. Не по душе это венерологу *Туру*, и он говорит: «многие из больных идут, к сожалению, утомительным кружным и что хуже всего неверным путем... указанным невропатологами». Почему же «к сожалению»? Потому, что невропатологи «направляют больных в электролечебницы, приносящие в таких случаях (семятечение) не более толку, чем пользование лунным светом в каких-либо звездолечебницах». Совсем другое дело «андрологическое вмешательство, которое приносит в большинстве случаев радикальное излечение». Какое же особое «андро-

логическое» лечение рекомендует автор? «Лечить надо—говорит он—фарадическим током». Почему фарадический ток в руках невропатолога превращается в лунный свет—известно, вероятно, одному д-ру *Туру*, быть может, потому, что для фарадизации простоты при этой форме весьма пригоден мой электрод», а этого Туровского электрода может и не оказаться у невропатолога. Читатель желает узнать подробности этого лечения. Пожалуйста: «Интересующихся самым лечением я отсылаю к моему труду «Мужское бессилие», где лечение это подробно изложено». Кроме фарадического тока у автора имеется про запас и другой метод лечения, и он считает не лишним указать еще на один свой труд, трактующий об излечении болезни на месте сезонного пребывания автора в Липецке «местными ваннами, применяемые мною в течение ряда лет. Желающие могут ознакомиться с этим вопросом из моей работы, которую можно выписывать из моего андрологического кабинета в Москве и Липецке».

Предлагая больным свои «верные» методы лечения последствий венерической болезни, автор дает, несомненно, более верный совет, как эту венерическую болезнь получить. В то время, как мы говорим, что единственно надежный путь предохранить себя от венерической болезни, это—воздержание от случайных половых общений, что половое воздержание вреда организму не причиняет, д-р *Тур* усердно клеймит нас за такую проповедь. «Половое воздержание,—говорит он,—это не что иное, как физиологический абсурд, жалкий, вымученный фарс... Воздержание неизбежно влечет за собой поллюции, приобретающие характер тяжелой болезни». Хотите узнать подробности? К вашим услугам: «в моем труде «Мужское бессилие», 3 изд. с 93 рис.».

Какое может оказать влияние чтение такого «труда» на читателя, особенно на нашу молодежь, предугадать не трудно.

Как тонкий психолог, автор понимает, что и малокультурный читатель подозрительно может отнестись к чрезмерному самовосхвалению и что частые ссылки на свои труды и собственные методы лечения могут заронить в читателе зародыш опасения, чтобы, идя к ученому доктору, не попасть в руки шарлатана. И д-р *Тур* предусмотрительно предостерегает читателя от «рыночной литературы устрашающего свойства». Считая себя чуть ли не на краю гибели, больные ищут спасенья в мнимо-научной литературе, которой бойко торгует известная всем нам московская Сухаревка, в рекламах газет, приобретая разные шарлатанские средства».

Листовка-брошюра оканчивается подписью: д-р *Мих. Вас. Тур*, гор. Липецк, Тамбовской губ., Лебедянская ул., соб. дом. Ноябрь 1921 г.

А адрес московский? Таковой имеется на других «ученых» трудах д-ра Тура.

Мы остановились подробно на «труде» д-ра *Тура*. Труд этот того заслуживает.

В области врачебного шарлатанства культурный Запад нас далеко опередил. Д-р *Тур*, повидимому, хочет быть одним из пионеров, к счастью, пока еще редких, по насаждению и у нас указанной отрасли западной культуры. С такими западофилами должна вестись открытая борьба. В их руках диплом врача. Причиняемое ими зло страшней того зла, которое причиняют знахари.

Д-р В. Броннер.

Д-р И. Л. БРАУДЕ. «Прободение матки, профилактика и лечение». II издание. Г. Изд. Москва. 1921 г. Стр. 71.

В монографии об аборте и, в частности, о прободении матки и лечении прободения уже давно чувствуется большая потребность. И хотя книга д-ра Брауде и не исчерпывает всего вопроса об аборте, тем не менее, является вполне своевременной. Автор очень подробно останавливается на технике аборта и рекомендует целый ряд предосторожностей, чтобы избежать роковых ошибок. Начинающие и малоопытные найдут в этой книге много поучительного и даже необходимого, тем более, что мы привыкли относиться к искусственному аборту очень легкомысленно и часто приступаем к нему без надлежащей подготовки. Книга эта была бы гораздо полезнее, если бы

она отличалась несколько меньшей категоричностью. Например, в вопросе о ригидной шейке, автор слишком расширяет показания довольно сложной операции в то время, как случай ригидной шейки, не подающейся расширению, очень редкий и предпочтение операции вторичной или третичной манипуляции для расширения последней является вопросом спорным; то же самое относится и к хирургическому вмешательству при лечении прободения. Категоричность автора может ввести в заблуждение малоопытных.

Книга прекрасно издана, написана прекрасным языком, кратко и рельефно рисующим сложные и интересные моменты лечения аборта и его осложнений.

Оперативные методы лечения прободения матки представлены очень картинно, прекрасные рисунки, которыми изобилует книга, дополняют ее достоинства. Нужно было затратить много труда и заботливости, чтобы в наше время достигнуть такого хорошего издания. Книга издана Государственным Издательством.

Н. Эберлин.

РЕЗОЛЮЦИИ I Всероссийского Съезда по оздоровлению населенных мест, созванного 15—22 сентября 1921 года Народным Комиссариатом Здравоохранения и Народным Комиссариатом Внутренних Дел. Государственое Издательство. 1922 г. Стр. 52.

I Всероссийский Съезд по оздоровлению населенных мест был созван в момент тягчайшего жилищного кризиса и должен был наметить путь к оздоровлению наших городов и сел. Чрезвычайно повысившаяся заболеваемость и смертность населения от заразных болезней должна была соответственно привлечь к себе внимание работников как санитарного, так и коммунального дела. Годы войны и разрухи не могли не сказаться резко на жилищных условиях и на благоустройстве наших населенных пунктов. Ценой тяжких страданий страна переходит к новому строительству и правильные суждения о намечающихся перспективах дает I Всероссийский съезд по оздоровлению населенных мест. Он не только выявил неустройство наших городов, но и указал также и на те пути, которыми должно итти строительство в области жилищного вопроса.

Резолюции съезда, несмотря на краткость, позволяют сделать заключение о громадной работе, которую проделал Съезд.

Резолюции распределены в сборнике по 4 основным группам: общие резолюции, резолюции по вопросам планировки и застройки, резолюции по жилищному вопросу и резолюции по вопросам канализации и водоснабжения. В основу большинства резолюций положены тезисы докладов с изменениями и дополнениями.

Планировке и застройке городов съезд в своих работах отвел довольно большое место, и резолюции по этим вопроса должны поставить предел хищническому захвату и хаотическому заселению свободных земельных участков, которые наблюдаются во многих местах республики. Возможность осуществления рациональной планировки и застройки в будущем, во время подъема хозяйственной и строительной деятельности в стране, требует от городов, чтобы они уже теперь приступили к работе по закреплению за городами свободных земельных участков и правильной земельной политике.

Съезд категорически высказался за неотчуждаемость городских земель и сохранение национализации земли.

Резолюции по жилищной политике намечают путь, которым следует итти для улучшения острого жилищного кризиса в городах. Разгрузка коммунотделов от управления многочисленными мелкими владениями, вовлечение населения в домоуправление, участие его в упорядочении жилищных условий, отмена излишних стеснений и регламентации, личная заинтересованность и частная инициатива,—вот средства, которые смогут остановить дальнейшее уничтожение жилищ. За коммунотделами должен быть оставлен лишь небольшой коммунальный фонд для удовлетворения наиболее острых жилищных потребностей необеспеченных слоев трудящихся.

Но для разрешения жилищного кризиса необходимо прежде всего жилищное

строительство, и съезд определенно высказался за всяческое поощрение и содействие всем видам строительства, не имеющим спекулятивного характера: государственному, кооперативному и частному.

Интересны и резолюции по водоснабжению и канализации.

Сборник резолюций должен стать таким образом программой деятельности работников в области коммунального хозяйства и санитарии на долгие годы.

Д-р Е. Трапезонцев.

Б. ЗАВАДОВСКИЙ. «Как мы питаемся». Научные основы питания. Издание книжно-библиотечного бюро. Союз Кредита. Одесса 1920 г. 24 стр.

Книжка Б. Завадовского имеет в виду совершенно неподготовленного читателя. В ясной, вполне доступной форме она знакомит с механизмом пищеварения и основными законами питания.

Популярное и занимательное изложение идет рука об руку с научностью содержания, усвоению которого помогают недурно исполненные рисунки. Автор не ставит себе цели дать подробную картину физиологических процессов, связанных с перевариванием и усвоением пищи, но дает очерк этих процессов, вполне достаточный для первоначального ознакомления с физиологией питания и для возбуждения интереса к дальнейшему, более углубленному ее изучению.

Вполне уместным, даже в популярной брошюре, мы считаем описание замечательных опытов проф. И. П. Павлова, хотя некоторые подробности могли бы быть без ущерба опущены. В дальнейших изданиях этой книжки было бы желательно, чтобы автор обратил большее внимание на некоторые практические стороны, связанные с вопросами питания (оценка различных пищевых продуктов, изменения в процессе приготовления пищи и др.). Было бы полезно приложить таблицу химического (и калорийного) состава важнейших пищевых продуктов. Голод и борьба с ним, как силами организма, так и со стороны общества и государства, должны так же найти себе место в брошюре, рассчитанной на широкие массы населения.

Из отдельных недочетов мы позволим себе указать на одну из первых фраз в начале изложения: «Мы веселы и мы довольны всем миром и властью, когда желудок наш сыт, и легко и быстро спорится тогда наша работа». Нельзя не признать, что автор выразил здесь мысль в несколько рискованной и категорической форме. На стр. 7 вместо пищевых веществ следовало бы говорить о питательных веществах.

Для нашей скудной научно-популярной литературы о питании книжка Завадовского является хорошим приобретением.

Д-р Е. Аркин.

М. М. ТОПОР. Вопросы питания в трудовой школе. Под редакцией и с предисловием профессора гигиены В. Е. Игнатьева. Государственное Издательство. Стр. 112.

Название книги может ввести в заблуждение. Читатель напрасно стал бы искать ответа на наболевший вопрос, так как речь идет не о нормах питания вообще и не об организации питания учащихся в условиях трудовой школы. Перед нами учебник кулинарного искусства «мирного времени», опыт преподавания кулинарии в показательной школе при Московском женском педагогическом институте. Преподавание велось на принципе естественно-научного наблюдения и входило в круг воспитывающих трудовых процессов. Как руководство для педагогов, как план преподавания кулинарии с массой практических указаний и расчетов и с большим количеством рецептов нормального стола книга не была бы лишена интереса. Однако, вследствие несвоевременности ее появления, книга теряет какое-либо практическое значение.

Д-р В. Сукенников.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ. Выпуск первый. Ф. М. Достоевский. Издательство Центроархива Р. С. Ф. С. Р. Москва 1922. VIII + 80 стр.

Конец 1921—начало 1922 г. будет крупны м моментом в истории научного изучения Достоевского: почти одновременно в Москве в Центроархиве и в Историческом музее были вскрыты два ящика с рукописями Достоевского, и сразу оказались доступными для исследования поистине драгоценные документы: черновые автографы романов, интимные записные книжки, письма к жене и другим, дневники А. Г. Достоевской, письма к Достоевскому, бытовые и юридические бумаги и т. д. При самом беглом обзоре раскрывшихся богатств стало очевидно, что все, что мы прежде знали о Достоевском, в один миг устарело, отошло в прошлое и что теперь следует строить новое понимание великого писателя—из новых откровений его рукописей.

Разработка их—дело трудное, сложное, длительное; оно потребует многолетних усилий со стороны многих специалистов. Однако русское общество вправе требовать, чтобы ему безотлагательно было сообщено то, что легче поддается публикации.

Поэтому нельзя не приветствовать появления книжки, заглавие коей выписано выше.

Под одной обложкой здесь объединились первые пробы из обоих рукописных фондов: из Центроархива и Исторического музея. Во вступительном сообщении: «Новые записные тетради Ф. М. Достоевского» описаны вкратце документы из ящика с бумагами поэта, поступившего в Центроархив (сведений о бумагах Исторического музея не дано). Затем идет «Исповедь Ставрогина», три неизданные главы из романа «Бесы» (из бумаг Центроархива) с примечаниями и послесловием («Свидание Ставрогина с Тихоном по записным тетрадям Достоевского») В. М. Фриче. Книжка замыкается планом романа «Житие великого грешника» (из Историч. музея)—с примечаниями и вступительным этюдом («Угасший замысел») Н. Л. Бродского. В приложении даны снимки с подлинников «Исповеди Ставрогина» и «Житие великого грешника».

Сопроводительные статьи предлагают все необходимые данные, чтобы ориентировать читателя в истории творческих замыслов публикуемых текстов, о ценности коих говорить не приходится. Что же касается приемов печатной транскрипции подлинников, то в отношении к «Исповеди» в предисловии сказано: «Ниже дан текст корректурных оттисков лишь с некоторыми авторскими исправлениями... Опущены места, вычеркнутые Достоевским без замены их другой редакцией (места эти указаны в примечаниях), введены некоторые поправки, относительно которых не могло быть никакого сомнения. Все остальные многочисленнейшие исправления и добавления будут воспроизведены в подготовляемой к печати книге с новыми материалами о Достоевском. Очевидно, сам писатель не считал исправленную и дополненную им на полях редакцию этих трех глав окончательной». Действительно, из приложенных снимков сам читатель может убедиться, что «некоторые места текста на полях исправлены по нескольку раз, при чем не видно, какой поправке отдается предпочтение, другие места исправлены неполностью и, наконец, некоторые исправления, будучи введены в текст, дают несглаженную редакцию, где одна и та же мысль выражена несколько раз разными словами». Таким образом, прием редактора имеет свои основания. Впрочем, в подстрочных примечаниях В. М. Фриче приводит все существенные варианты.

Что же касается текста плана «Жития великого грешника», то о нем сказано: «План этот уже был воспроизведен недавно Л. П. Гроссманом в его книге о Достоевском, однако же настолько неполно и неточно, с такими существеннейшими пропусками, что только ниже печатаемый текст может и должен счи-

таться точным воспроизведением подлинника». К этому Н. Л. Бродский еще добавляет: «Мы печатаем полный текст плана «Жития великого грешника», сохраняя все особенности написания и пунктуации подлинника». Все это сказано очень уверенно, однако сопоставление печатной транскрипции со снимками автографа приводит к иным выводам. Палеографического описания автографа—общего и по частям—Н. Л. Бродский не дает. Замолчана, напр., характерная особенность: Достоевский испещряет рукопись рисунками, главным образом—архитектурными мотивами готики. Об этом, пожалуй, можно было бы и не говорить, но вот о чем следовало сказать: на полях и между текстом Достоевский любил (очевидно, как отдых от напряжения мысли) каллиграфически выписывать самые разнообразные фамилии, больше всего по-французски. Пишущему эти строки приходилось это наблюдать всюду в документах Центроархива. Та же особенность имеется и в автографе «Жития». Так, на листе 12-м тетради начато: Red и брошено недописанным. Н. Л. Бродский этого полуслова в печатную транскрипцию не вводит (и не оговаривается в примечании), но другое слово: Массагу, с листа 8-го воспроизводит и печатает его в одну строку (и одним шрифтом, хотя следовало бы капителью) с абзацем «Поэзия детских лет», опять не оговаривая ничего в примечании. Читатель может подумать, что это слово—фамилия, имеет какое-то отношение к фразе о поэзии детских лет или вообще к «Житию великого грешника». Между тем, это просто «проба пера», как и десятки других таких же написаний. На этом комментатору было необходимо остановиться, так как иногда подобные вставки могут возбуждать сомнения и запутывать читателя и даже исследователя. На том же 8-м листе, снимок коего приложен, после фразы «Воспитание себя мучениями и накопление денег» следует точка и тире и дальше: Humboldt. Можно было бы думать, что это имя как-то связано с предыдущей фразой или целым абзацем. Но как?—неясно. Всего же вернее, что оно, как и Массагу, как и многие другие, есть «проба пера». Перед фразой: «Страстное желание» и т. д. пропущен знак nota bene, и относительно следующих дальше слов: «но не из самолюбия. Наедине» не сказано, что они вписаны позже, над строкой и измененным почерком. В некоторых случаях (в пределах двух снимков) неточно передана пунктуация (напр., пропущены тире). На листе 12-м (стр. 62 транскрипции) в таблице с цифрами в словах «детство», «монастырь» можно прочесть только начальные буквы, остальное—догадки Н. Л. Бродского, и их следовало взять в квадратные скобки, как это принято в таких случаях. А в той же таблице, в четвертой строке одно слово и совсем искажено: прочтено и напечатано (так же, как у Гроссмана) «Самка», а написано совсем другое: «Ссылка»—в согласии с предыдущей строкой: «до ссылки».

Таким образом, и в транскрипции Н. Л. Бродского есть ошибки и неточности. Впрочем, особенно крупных погрешностей незаметно,—по крайней мере в пределах двух снимков.

Книжкой о Достоевском Центроархив открывает целую серию своих изданий под общим титулом: «Документы по истории литературы и общественности». Центроархиву есть чем поделиться с читателями. Пожелаем скорейшего появления дальнейших выпусков.

Н. Пиксанов.

В. ПЕРЕВЕРЗЕВ. Творчество Достоевского. Государственное Издательство. Москва 1922. 254 стр.

Желая отозваться на юбилей Достоевского, В. Ф. Переверзев выпустил второе издание своей книги, впервые появившейся несколько лет тому назад. Он не успел при этом переработать текста, и единственным отличием второго издания является напечатанная вместо предисловия статья: «Достоевский и революция» (раньше появившаяся в третьей книге «Печати и Революции» за 1921 год). Нельзя об этом не пожалеть. Однако и в своем первоизданном виде книга имела немало достоинств, которые, конечно, обеспечат ей внимание новых читателей.

В спокойной и ясной манере В. Ф. Переверзев излагает, во-первых, особенности художественной манеры Достоевского. Будучи автором хорошей книги о Гоголе, он чутко улавливает в манере Достоевского традицию, стихию гоголевскую. Основательно указывает он на существенные отличия Достоевского от стиля Пушкинской школы, и заключение его нельзя не признать правильным: «Стиль Достоевского—совершенно новый вид стиля, гармонирующий с новым содержанием. Его достоинства и недостатки нельзя вывести из сравнения со стилем Пушкинской школы уже потому только, что для изображения той жизни, которую дает в своих произведениях Достоевский, стиль этой школы решительно непригоден. Он слишком эпичен, слишком спокоен, слишком живописен и скульптурен, чтобы передавать им нервную, быстро несущуюся жизнь города. Возможно, что Достоевский, при меньшей торопливости в работе создал бы более совершенный стиль, но это совершенствование не приблизило бы его нисколько к названным художникам» (стр. 63—64).

Затем автор следит за сменой образов в повестях и романах Достоевского и выясняет идеологический строй его творчества. В противоположность прежним исследователям и критикам, напр., Мережковскому, Волынскому, Волжскому, В. Ф. Переверзев опирает свой анализ на социологическую основу. Он стремится точнее определить социальный состав героев Достоевского, социологию всей среды, какою питалось творчество романиста. «Достоевский—поэт города и не города вообще, а городских углов, в частности, тех углов, где ютится обедневшее городское мещанство» (стр. 55—56). И здесь следует признать правильность общего задания и угла зрения.

Однако социологический метод в литературной науке и сам мало разработан и мало применяется к русской литературе (мы, конечно, отличаем его от метода публицистического). Книга Переверзева написана сжато, в схематическом плане; это скорее описание и характеристика, чем исследование. Между тем, для убедительного обоснования социологического понимания Достоевского часто необходимы специальные экскурсы в историю русской общественности, в биографию поэта, в творческую историю его романа. Правда, много здесь вовсе нетронутого изучением, даже спорного терминологически. Напр., социальную группу, изображаемую Достоевским, Переверзев определяет как мещанство, «общественную группу, входящую в состав так называемого среднего или третьего сословия... Это—*городская группа трудящихся в одиночку*, от ремесленников до людей интеллигентных профессий включительно» (стр. 56). Во-первых, ремесленное мещанство периферийно творчеству и идеологии Достоевского; правильнее было бы говорить о *разночинцах*, от мелких чиновников до крупных представителей либеральных профессий и бюрократии, включая и служащее разоряющееся дворянство. А, во-вторых, история городской группы или разночинства, не в пример истории крестьянства и дворянства, совсем не изучена и внутренняя структура группы, ее состав, ее эволюция и соотношение с другими социальными группами,—все это представляется в смутных очертаниях.

С другой стороны, и внутренняя эволюция миросозерцания Достоевского (к примеру—отношение его к анархической доктрине вообще, в частности к М. Штирнеру) и творческая история его романов тоже подлежат детальному изучению. Поразительные открытия в рукописях Достоевского в Центроархиве и в Историческом музее в Москве прольют здесь много света.

Разумеется, восполнить указанные пробелы—не в силах одного исследователя, и это говорится не в укор книге Переверзева. Наоборот, заслуга автора в том, что он по-новому ставит многие вопросы и побуждает к их документальному изучению.

Из технических недостатков книги укажу на отсутствие оглавления.

Н. Пиксанов.

ЛЕОНИД ГРОСМАН. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам с приложением каталога. Одесса. Книгоиздательство А. А. Ивасенко. 1919 г. 167 стр.

Леонид Гросман издал за два года до юбилея, за советским рубежом, интересную книгу о библиотеке Достоевского, прошедшую неотмеченной в библиографической печати.

Библиотека Достоевского после его смерти частично была продана, частично распределилась между Московским историческим музеем, Школой имени Достоевского в Старой Руссе и семьей Достоевского. Материалом, послужившим Л. Гросману для ее истории, явилась тетрадь А. Г. Достоевской «книга для записи книг и газет по моей библиотеке». Предназначена она была первоначально для расчетов с книгопродавцами по продаже сочинений Достоевского. Затем в нее было введено описание книг библиотеки в последний период жизни Достоевского. Книги описывались очень сокращенно, не больше, чем это нужно было для продажи их.

Л. Гросману пришлось проделать большую и кропотливую работу по расшифрованию неясных названий и восстановлению: какое же издание указанного в списке автора было на руках у Достоевского? Облегчало работу указываемое А. Достоевской довольно точно количество томов для каждого названия. В каталог Л. Гросман вносил все издания данного названия, выделяя более крупным шрифтом те, которые, по всей вероятности, были в библиотеке. Для удобства обзора опись разделена на отделы: 1. Художественная литература: а) книги на русском языке, б) книги на иностранных языках. 2. Критика, история, литература, филология. 3. История, право, социология. 4. Философия, богословие. 5. Естествознание. 6. Журналы и литературные сборники, медицина, смесь и детские книги.

Нам казалось бы необходимым выделить из описи то, что не составляет собственно библиотеки Достоевского.

Для примера укажем на детские книги и такие, как Ольхин «Руководство к русской стенографии...», для которой в подстрочном примечании указывается: «П. Ольхин был преподавателем стенографии А. Г. Достоевской» (160 стр.).

Сожалеем, что автор не придерживается порядковой нумерации и в указателе авторов соединил в один список авторов библиотеки и критического текста.

В опись вкралась несколько досадных опечаток «*Кошихин*» (стр. 147), «Сололовьев» (151 стр.).

В мере наличия материала Л. Гросман сопровождает номера описи подстрочными примечаниями из литературно-критических статей Достоевского, писем и «Дневника писателя».

Они лишь частично передают нам Достоевского-читателя, ибо мы знакомимся не с непосредственными впечатлениями от книги, а вполне обработанными отзывами писателя-профессионала. В полной мере и в критическом тексте не удалось Л. Гросману обрисовать читательское отношение Достоевского к книге. В этом отношении интересны лишь многочисленные сведения о пользовании Достоевским библиотекой Петрашевского, Врангеля, требования на книги в разные моменты жизни.

Лишь описание библиотеки de visu с сохранением полной картины чтения Достоевским данной книги через объективное описание разрезанных страниц, примечаний на полях и т. д. может дать представление о Достоевском-читателе.

Очерки Л. Гросмана интересны с историко-литературной точки зрения по выяснению влияния на Достоевского русских и западно-европейских мастеров слова. Л. Гросмана можно упрекнуть в несколько шаблонном подходе к вопросу о влиянии.

Читательско-творческие интересы Достоевского были значительны. В его библиотеке нашли свое отражение художественные, историко-литературные, правовые и религиозные интересы от евангелия до Лассаля. Таков читательский круг Достоевского.

А. Эйхенгольц.

ДОСТОЕВСКИЙ и ПУШКИН. Редакция А. Л. Волынского. «Парфенон». Санкт-Петербург 1921. 56 стр.

Несомненно, это была удачная мысль: собрать в одну книжку материалы, относящиеся к знаменитой речи Достоевского о Пушкине в 1880 году. Однако хороший замысел осуществлен не вполне удовлетворительно.

В центре сборника, как и следовало, помещена сама речь Достоевского. Ей предпослано «объяснительное слово», каким возглавляется текст речи в «Дневнике писателя» 1880 г. А за речью следует текст черновых набросков ее, по рукописи Достоевского, хранящейся в Пушкинском Доме; это, пожалуй, самое ценное в сборнике.

Удачно выбраны и цитаты из статьи К. Н. Леонтьева «О всемирной любви», а также—из статьи Гл. Ив. Успенского в «Отечественных Записках».

Но этим и кончаются достоинства книжки. Из всех современников Достоевского и Пушкинского торжества попасть в хрестоматию удостоились только Успенский и Леонтьев. Ни Тургенев, ни Островский, ни кто другой сюда не допущены. Правда, такие речи некогда были напечатаны в известном сборнике «Венок на памятник Пушкину» (СПБ. 1880), и можно бы догадываться, что, исключая Тургенева и Островского, издательство просто берегло дорогую теперь бумагу. Однако, нет: тут же перепечатана старая (1893) статья А. Л. Волынского «Родоначальник русской поэзии в характеристиках Тургенева, Островского и Достоевского», где неожиданно встречаем пересказ речей Тургенева и Островского. Такая претензия подменить Тургенева и Островского Волынским ничем не оправдана со стороны редактора (того же А. Л. Волынского).

Не менее претенциозно было предпослать всему сборнику предисловие редактора—в той форме, как это вышло. Вместо делового рассказа о том, как созревала знаменитая речь Достоевского, в каких условиях она была произнесена и какое идейное брожение возбудила, А. Л. Волынский предпочитает туманно и превыспренно рассуждать о русской интеллигенции, о Боге, как атрибуте народности и т. д. При этом речь щедро уснащается такими и подобными речениями: «темные, некультурные бездны», «продешевить своего универсального Бога, разменять его на мелких провинциальных божков», «кафолический дух народных масс», «пионеры божественного странничества», «без оттенков провинциализма и удушливой тьмы в вопросах высшего значения». «Тонкий слой русской интеллигентности», будто бы, «никогда не был лишен дара видеть вещи до последней их глубины, до универсальной их сущности». До последней глубины, до универсальной сущности—ни больше, ни меньше...

Жаль, что страницы, занятые предисловием и статьей А. Л. Волынского, не использованы для самого Достоевского. Лучше было бы собрать на них побольше высказываний самого славного романиста о Пушкине. Ведь их было так много и они никогда не были собраны воедино. Как на пример, укажу на статью Достоевского о «Египетских Ночах» (в журн. «Время» 1861 г.; ср. статью В. Комаровича в журн. «Пушкин и его современники», вып. XXIX, 1916). Еще ближе сюда относится письмо Достоевского о Пушкинском празднике к Е. А. Штакеншнейдер—в «Русском Архиве» 1891, III, 307. Раз напечатана статья Гл. И. Успенского с впечатлением от речи Достоевского, не худо бы напечатать и письмо И. С. Аксакова («Русск. Архив» 1891, II, 90). О статьях Градовского и Кавелина, вызванных речью Достоевского, и не упоминается, и предпочтение статьи Леонтьева исторически ничем не оправдано.

Если жаль было места для перепечатки названных статей и писем, то следовало, по крайней мере, дать библиографический указатель всей литературы, возникшей вокруг Пушкинской речи Достоевского. Это было бы нетрудно и сделать—при помощи Пушкинианы Межова и Указателя по Достоевскому составленного А. Г. Достоевской.

Н. Пиксанов.

К. ЧУКОВСКИЙ. «Поэт и палач» (Некрасов и Муравьев). Петербург. Изд-во «Эпоха». 1922 г. Стр. 48.

С большим увлечением читается эта работа Корнея Чуковского. Интересна она еще и потому, что в ней «король» литературного фельетона выступает в роли исследователя-историка. Репутация «фельетониста» за Чуковским установилась столь прочно, что его работы исследовательского характера вызывают к себе поверхностное отношение. Автору этих строк довелось уже слышать отзывы о «хлестком», «фельетонном» подходе Чуковского к этой своей теме. Нет надобности, конечно, доказывать несправедливость такого отношения к автору рецензируемой работы. То, что ему ставится в вину,—изящная легкость стиля, художественная манера письма, является, в сущности, достоинством. А его историко-литературные опыты заслуживают внимания хотя бы потому, что в критических статьях, посвященных литературе последних лет, он обнаружил и острое критическое чутье, тонкий вкус и оригинальность суждений, что бывало не частым гостем в работах других представителей либеральной литературной критики. Правда, вместе с этими достоинствами Чуковский обнаружил и значительный недочет—по части общего мировоззрения. У него не оказалось «Прекрасной Дамы», в лице какой-нибудь определенной идеологии, хотя в предреволюционные годы он сильно тяготел к либералам. Но сам-то он, кажется, этот недостаток склонен причислить к своим положительным качествам. Как исследователь-историк — он не располагает также научным методом и, как нам кажется, особенной потребности в таком методе не ощущает, полагаясь вполне на свое «чутье». И надо отдать ему справедливость: эта его «кривая» весьма редко изменяла ему.

В своих исследовательских работах он по-прежнему остается художником-критиком, психологом, «соглядатаем». Его интересуют тайные мысли писателя, которого он изучает, и не случайно он обратился к эпизоду, в биографии Некрасова самому темному. Плохо ли разобрался в этом эпизоде Чуковский? Нас работа его удовлетворила. Анализ настроений Некрасова, самая трактовка его души, его «двойного лика» сделаны очень искусно. И разгадку этой двойственности Некрасова Чуковский ищет на верном пути. «Именно от этих чисто социальных причин и произошла его двойственность,—пишет он.—Не от лицемерия он был двойной человек, а от того, что в одно и то же время принадлежал к двум противоположным общественным слоям, был порождением двух борющихся общественных групп. Это-то и раскололо его личность. Если бы он родился поколением раньше, он был бы цельной фигурой помещика; страстный борзятник, игрок, женолюб. Если бы он родился поколением позже, он был бы цельной фигурой революционного фанатика бойца—сродни Каракозову или Нечаеву. Но он родился в переходную, двойную эпоху, когда дворянская культура, приближаясь к упадку, утратила всякую эстетическую и моральную ценность, а культура плебейская, столь пышно расцветшая впоследствии, в шестидесятых годах, намечалась лишь робкими и слабыми линиями». Не все, конечно, верно в этом анализе, не все же люди некрасовского поколения были так же двойственны, как он. Для более точного уяснения Некрасова здесь кой-чего нехватает. Но все же и то, что дает Чуковский, является само по себе весьма интересным. Из многочисленных работ о душе Некрасова, эту работу Чуковского следует признать едва ли не наилучшей.

Книжка написана с обычным мастерством и с всегдашним для Чуковского тяготением к художественному изобразительному письму. Само построение его исследования беллетристическое. Нить исследования развертывается перед читателем, как сложная фабула романа. Многими это именно и ставится в упрек Чуковскому. Я на этот счет держусь иного мнения. Мне думается, что если «патентованные» историки литературы перестанут, во-первых, писать суконным языком и сумеют, во-вторых, строить свои исследования столь же искусно, как это умеет делать Чуковский, история литературы лишь выиграет. Среди авторов, воссоздающих наше литера-

турное прошлое, лишь немногие владеют даром художественного письма. Таким даром обладает и Чуковский. И нам остается пожелать ему больше времени уделять историко-литературным исследованиям.

С живостью читаются страницы, посвященные проявлениям общественных настроений в эпоху, последовавшую за каракозовским выстрелом. Картина воссоздана по отрывочным замечаниям, разбросанным по газетам и мемуарам того времени, и говорит, кроме всего прочего, еще о большем трудолюбии нашего автора. Сама же характеристика либерального общества эпохи сделана резко, нелицеприятно, исторически правильно.

Вяч. Полонский.

К. ЧУКОВСКИЙ. «Некрасов, как художник». Петербург. Издательство «Эпоха». 1922.

Чуковский старше современных ученых «формалистов». Критическое чутье и художественный вкус помогли ему предупредить многие выводы, к которым приходят теперь различные лингвистические кружки и Опояз. Он практически применял к поэтам тот критический метод, который в настоящее время научно обосновывается В. Жирмунским и его единомышленниками. Но он не только старше их. Он шире их.

Он исходит из тонкого изучения стиля писателя, его образов, композиции. Но он не довольствуется этим. Он проникает в душевный мир поэта и протягивает оттуда нити к среде, к окружающей действительности. Правда, здесь критик останавливается, он не доходит до конца. У него нет стремления к монизму. Он не ищет той основы, из которой развертывается вся творческая деятельность человечества. Он остается в пределах своей области, но он не ограждает ее китайской стеной от других видов творчества. У Чуковского все достоинства специалистов и, к счастью, немного их недостатков.

И в разбираемой небольшой работе, единственной работе этого типа, посвященной Некрасову, Чуковский удачно применяет свой метод. Сам автор в предисловии признает несовершенство своей работы. Действительно, кое-что представляется недостаточно обоснованным и спорным. Не все отмечено, что можно было бы отметить в душевном строе Некрасова на основании анализа его стиля и образов. Но в общем книжка Чуковского—прекрасный образец такого анализа. Автор кропотливо собирает не только преобладающие эпитеты, но и преобладающие гласные, раскрывает тайну некрасовской ритмики, дактилических окончаний и, отправляясь от формы, проникает в природу некрасовского уныния, его хандры, его душевных надрывов.

Остроумны и интересны соображения автора о связи некрасовского стиха с народным и о тенденции народной поэзии к дактилизированию и удлинению слов.

Проф. П. С. Коган.

А. С. ПОЛЯКОВ. «О смерти Пушкина» (по новым данным). Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук. П. Государственное Издательство. 1922. 116 стр.

Происхождение этой книжки таково. Когда, после переворота 1917 года, раскрылся архив Департамента полиции и в нем—дела III Отделения, в этих делах нашлось немало документов о Пушкине, в том числе папка с двумя пачками бумаг: 1. «Письма по случаю смерти Пушкина 1837 года» и 2. «О присланных Пушкину безымянных записках». Эти бумаги и разработаны А. С. Поляковым.

Бумаг, впрочем, нашлось немного: письмо гр. В. А. Сологуба к Пушкину, письмо Геккерена к Дантесу, письмо Дантеса к Бенкендорфу, два анонимных письма к Жуковскому и к гр. Орлову с протестами против Дантеса, как убийцы Пушкина, записки имп. Николая I к Бенкендорфу, письмо Дантеса к Бреверну и еще несколько второстепенных документов. К этой коллекции присоединены еще неизданные—любопытные—записки воспитателя Училища Правоведения А. С. Андреева: «О Пушкине. 1837», полученные из частного собрания.

Найденные бумаги примыкают к тому архивному фонду, на котором построено классическое исследование П. Е. Щеголева: «Дуэль и смерть Пушкина». И сам А. С. Поляков предупреждает читателей о своей находке: «Ничего существенного в исследовании П. Е. Щеголева документы не колеблют». Однако они «в некоторых случаях дают пояснение к последней дуэли Пушкина или подтверждают нерешительно высказанные догадки»—чем и определяется их ценность.

Разработаны найденные документы в книжке А. С. Полякова с той тщательностью и полнотой, какие становятся доброй традицией в науке о Пушкине. Автор совершенно овладел всей специальной литературой, относящейся к дуэли и смерти поэта. Ни одного неясного пункта в документах он не оставляет без посильных комментариев—библиографических, генеалогических, палеографических или иных. Иногда его комментарии разрастаются в целые экскурсы, интересные историку литературы, и вне специальной темы книжки. Таковы, напр., сведения о Николае Андреевиче Кашинцове, литераторе-доносчике (стр. 93—99). Насколько комментарий обилен, можно судить по цифрам: на 70 страниц основного текста (корпусом) дано 42 страницы примечаний (петитом).

Как указано, никаких крупных открытий книжка не предлагает. Но некоторые наблюдения и сопоставления автора свежи и находчивы и войдут в специальную литературу. Есть, впрочем, и излишества и банальности. Иногда комментатор впадает в элементарный и ненужный дидактизм,—там, где и без того все ясно; напр.: «приводя выдержки из секретной переписки III Отделения», «нам хотелось обратить внимание на нравственный уровень видных деятелей того учреждения, которое играло исключительную роль и в жизни русского общества, и в судьбе нашего великого поэта». Н. Н. Пушкину автор фамильярно именует Natalie: «многого о Natalie не скажешь», «о Natalie думали меньше всего», «говоря о Natalie, забывают» и т. д.

Книжка снабжена подробным указателем имен и названий. Приложено несколько снимков с документов; жуткое впечатление производит пасквильный «диплом» Пушкину название «коод'ютора великого магистра Ордена Рогоносцев и историографа Ордена».

Н. Пиксанов.

ДЕЛЬВИГ. Неизданные стихотворения. Под редакцией М. Л. Гофмана. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Петербург 1922. 150 стр.

В этой книжке, изящно напечатанной издательством «Картонный Домик», опубликовано 25 неизданных стихотворений Дельвига и отрывок из неоконченной драмы «Ночь на 24 июня», а в приложении дано еще 20 стихотворений, не вошедших в полные собрания сочинений Дельвига. Этим наследие славного друга Пушкина существенно обогащается. Однако редактор сообщает, что рукописные фонды Дельвига, теперь сосредоточенные, главным образом, в Пушкинском Доме, хранят в себе еще около 50 новых статей Дельвига и много его писем, не вошедших в эту книжку. Таким образом, на очередь ставится вопрос о полном собрании сочинений Дельвига.

Впрочем, книжка имеет совершенно самостоятельное значение и доставит удовольствие любителям старинной поэзии.

Вступительная статья и примечания написаны М. Л. Гофманом, хорошим знатоком Пушкина и его плеяды, и предлагают все необходимое для историко-литературного понимания публикуемых стихотворений.

К изданию приложен интересный портрет молодого Дельвига, работы его товарища по лицею, М. Л. Яковлева.

Н. Пиксанов.

«НЕКРАСОВ». Памятка ко дню столетия рождения. 22-го ноября 1921 г.—22-го ноября (5-го декабря) 1921 г. Петербург. Гос. Изд. 1921 г. Тираж 10.000 экз. Стр.

Столетний юбилей со дня рождения Н. А. Некрасова был ознаменован со стороны Петербургского отделения Госу-

дарственного Издательства выпуском в свет целого ряда изданий, посвященных жизни и творчеству великого поэта и содержащих в себе его произведения. Среди этих изданий рецензируемая «памятка», по разнообразию и интересу содержания, занимает далеко не последнее место. В ней читатель находит и неизвестные до сих пор отрывки из произведений Некрасова, и ряд статей, касающихся отдельных сторон его литературной деятельности, и хронику юбилейных Некрасовских дней, и, наконец, даже «драматический этюд», в котором юбиляр выступает в качестве одного из действующих лиц.

Среди всего этого материала внимание читателя, в первую очередь, привлекают к себе, конечно, те отрывки, которые вышли из-под пера самого Некрасова. В. Евгеньев-Максимов публикует ряд не появившихся в свое время в печати по цензурным соображениям мест из поэм «Русские женщины» («Княгиня Трубецкая») и «Несчастные». Эти отрывки интересны тем, что они содержат в себе чрезвычайно ценные дополнения к прежде известному тексту поэм, и еще потому, что они ярко обрисовывают политические взгляды автора.

Не менее интересен публикуемый К. Чуковским отрывок из «Современников», в котором излагается речь ретрограда из дворян против участия крестьян в земстве и о вреде народного образования. Отрывок этот сохранился в черновике, не подвергнувшемся окончательной обработке со стороны автора. Наконец, М. Гофман сообщает два отрывка из черновика поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Переходя к статьям, вошедшим в сборник, мы остановимся лишь на наиболее ценных. С. Штрайх в статье «Декабристы в поэзии Некрасова», отнюдь не задается целью исчерпать все содержание поставленной им и неоднократно затрогивавшейся и до него темы и ограничивается лишь некоторыми соображениями по поводу поэм «Несчастные» и «Дедушка». Любопытны его соображения о том, что во второй из этих поэм Некрасов изображал не политического преступника, вообще, а определенное лицо, именно декабриста С. Г. Волконского. Можно лишь пожалеть, что автор не остановился на этом подробнее, понадеявшись на то, что многочисленные записки декабристов и книги о них достаточно известны массовому читателю и что ввиду сего читатель сам может выполнить и доразвить соображения автора. Л. Г. Дейч говорит о влиянии Некрасова и его творчества на поколение 70-х годов,—тема, гораздо полнее освещенная им в другой статье, помещенной в № 3 журнала «Пролетарская Революция». А. Ф. Кони делится некоторыми «беглыми заметками» о мотивах и приемах творчества Некрасова. Очень интересны сведения, приводимые М. Л. Гофманом и свидетельствующие о чрезвычайно внимательном изучении Некрасовым народных песен, пословиц, сказок, примет и т. д. Любопытен рассказ Петрищева о потрясающем впечатлении, которое производило чтение некрасовских стихотворений на рабочих.

Б. Павлов.

КНИГА О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ. Издательство З. И. Гржебина. Петербург-Берлин 1922. Стр. 109.

В книге помещены воспоминания об Андрееве М. Горького, К. Чуковского, Ал. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, И. Д. Телешова и Е. Замятина. Последний автор Андреева не знал и смог вспомнить лишь одну мимолетную с ним встречу. Без его воспоминаний сборник мог прекрасным образом обойтись. Не был близок с Андреевым и Блок, но дал значительный набросок, в котором больше сказал о себе, чем об Андрееве. И. Д. Телешов рассказал о первых посещениях Андреевым литературных «Сред», и впечатление в этом рассказе об умершем писателе у читателя останется бледное. Немного дал в своих воспоминаниях и Борис Зайцев, хотя страницы, им написанные, самые приятные по характеру. Это, пожалуй, единственный из авторов сборника, который Андреева любил и помянул его с большим чувством. Остальные три автора дали не столько воспоминания, сколько характеристики покойного. И характеристики эти ни в каком

случае нельзя назвать объективными. Даже Георгий Чулков усвоил тон человека, который с сожалением взирал на беспутного малого, каким был Андреев. Георгию Чулкову было «досадно»,—вспоминает он,—что «Андреев оправдывает афоризм Пушкина»—«мы ленивы и нелюбопытны». «Он и в самом деле был ленив и нелюбопытен,—добавляет Чулков,—в известном смысле». Ему было досадно,—замечает он далее,—что Андреев не хочет «вникнуть в глубину и многообразие мировой культуры». Все это, конечно, превосходно и говорит о том, что Георгий Чулков, в противовес легкомысленному Андрееву, в эти глубины культуры вникнул, но почему об этом не удосужился он рассказать Андрееву и его читателям при жизни писателя? Не запоздалая ли это «досада» на его могиле?

Блестящую, острую, но злую характеристику Андреева дал М. Горький. Он рисует свои первые встречи с ним, еще молодым человеком, который писал «веселые, смешные слова» и казался «неземно веселым человеком». Эта его «веселость» подчеркнута Горьким весьма выпукло, но зато совсем не оттенен переход от весельчака-юноши к пессимисту последних лет, когда Андреев жаловался, что его преследует мысль о самоубийстве, и в творчестве его даже под микроскопом уже нельзя было отыскать никаких следов юмора. Ведь не в наследственном же алкоголизме дело, о котором рассказывает Горький. Были, очевидно, какие-то причины более глубокого порядка, превратившие Андреева в специалиста по разработке обязательно трагических вопросов. В воспоминаниях Горького ответа на это не имеется. Но зато весьма пространно автор воспоминаний говорит о том, что запас знаний Андреева был «странно беден», что относился он к знанию «беззаботно, небрежно, а иногда—враждебно», что «критическое отношение к самому себе у него было развито не особенно сильно», что о Швейцарии он говорил «плоско, поверхностно», и упоминает даже о «дьявольски пестром галстухе» и «желтых ботинках», в которые однажды вырядился Андреев, заявившись к Горькому в Нижний.

Читателя не удовлетворит также утверждение Горького, будто Андреев «гораздо больше любил говорить о литературе, чем делать ее». Читатель в качестве аргумента с полным основанием сможет показать Максиму Горькому значительное количество книжек Леонида Андреева, которые ведь нельзя не считать «литературой». Очевидно, не только «любил говорить» о литературе Андреев. Усомнится также читатель, когда прочтет такие строки: «ему было почти недоступно наслаждение ночной подвижнической работы в тишине и одиночестве над белым чистым листом бумаги». Здесь в качестве доказательства своих сомнений читатель приведет строки из воспоминаний К. Чуковского, напечатанных следом за воспоминаниями Горького. «Писал он почти ночью,—сообщает Чуковский,—я не помню ни одной его вещи, которая была бы написана днем». И читатель вправе задать вопрос: как же согласить эти два «воспоминания», противоречащие друг другу.

Набросок Чуковского представляет собой хорошо сделанный «внешний» портрет, несколько штрихов для характеристики Андреевской страсти к «огромному». Но и эти штрихи не много дают для постижения духовного облика покойного писателя. Странным образом у него не нашлось друзей, его хорошо знавших, которые смогли бы поделиться с читателем своими знаниями. То, что дано настоящим сборником, недостаточно, неполно, субъективно, односторонне. Но и из этих воспоминаний, несмотря на их поверхностность, все-таки возникает, не совсем ясная, но красочная фигура талантливого писателя, с широкой «русской натурой», беспутного, одинокого, запутавшегося в сложных вопросах своего времени, не сумевшего их разрешить и не давшего русской литературе, быть может, доброй половины того, что мог он дать при своих огромных задатках. Одинокость Андреева особенно подчеркнута Блоком. Об этой его одинокости говорит и Чулков. И все воспоминания сборника, вместе взятые, говорят о том, что Андреев не был близок даже тем людям, которых при жизни считал своими друзьями.

Вяч. Полонский.

БОРИС ЗАЙЦЕВ. «Данте и его поэма». К-во «Вега». М. 1922. Стр. 32.

Хорошую, приятную книжку написал Зайцев о Данте. Спокойно и с большой любовью говорит она о великом флорентийце, слава и мощь которого не устают, да и не устанут вызывать читателя, а особенно писателя, на мысли и чувства о нем. Ничего особенного, конечно, нельзя рассказать о Данте на тридцати крохотных страничках, но Зайцев сумел передать колорит Дантовой эпохи, по-своему, со своей зайцевской мягкостью, без излишних загогулин и умствований, с хорошей почтительностью к колоссу, но безо всякого профессорского суетливого низкопоклонничества (что вот-де «наш великий» и пр., а на деле-то пустота и непонимание). Можно, конечно, не со всем соглашаться, что чувствует Зайцев о Данте, но нельзя не поблагодарить его за теплую памятку поэту. Именно теплоты-то и не достает нам в наших суждениях о людях, которых мы сдали в «классики», обделали в камень непоколебимости и засыпали книжной трухой.

Сергей Бобров.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. «Развертывание сюжета». Изд. «Опояз» 1921 г. 60 стр. ЕГО ЖЕ. «Тристрам Шенди.» Стерна и теория романа. Изд. «Опояз». 39 стр.

В. Шкловский в последнее время решительно начинает «шуметь». Если не ошибаемся, замысел его не больше, не меньше, как обработать всемирную литературу с новой точки зрения только фактического наблюдения формы и стиля.

Замысел хорош—не будем этого отрицать, но в качестве неискушенного читателя не можем ли начать своего отчета о его двух брошюрах с жалобы.

Он предъявляет читателям слишком большие, я бы сказал, непомерные требования: сделать выводы из того, из чего их по самому существу сделать нельзя.

Судите сами: на странице 34-ой «развертывания сюжета» я прочел: «выводы делать должен читатель». Вооружившись карандашом, я попробовал сделать такие выводы и пришел к следующим заключениям: что сам автор, по его же словам, «не имеет определения для новеллы», что есть среди этой, «не имеющей определения новеллы», «обрамляющая новелла», что «в качестве мотива могут быть разработаны, например, противоречия обычаев», что «на противоречии же основан и мотив ложной невозможности», и что, это уже самое загадочное, в искусстве имеется «мотивировка мастерства». В духе таких отдельных не развитых положений и написаны брошюры. Не станем отрицать, некоторые наблюдения сделаны верно. Но к чему они обязывают? В лучшем случае это—сырой материал для будущей теории художественной прозы. Кроме этого, нам кажется, методологически самый подход неверен. Нельзя, например, рассматривать структуру «Дон-Кихота» вне исторической перспективы. Где предшествующее развитие романа? Где фабльо, из которых выросла новелла? Разве можно писать о вставной новелле, не рассмотрев значения ранней средневековой новеллы? Разве можно говорить о «пасторальных» мотивах Дон-Кихота, не продумав всей художественной эпохи испанского возрождения? Историзм не нужно доводить до абсурда, но есть минимум, без которого нельзя обойтись, и этот минимум нарушен: исторические замечания автора, ссылки на восточные сказки «золотого осла», только подчеркивают их недостаточность. Брошюра о Стерне, пожалуй, более удачна, но именно потому, что исключительный по структуре роман Стерна в известном смысле не имеет предков и может быть описан сам по себе.

К. Локс.

А. Э. БЕЛЕНСОН. «Искусственная жизнь» ПБ. 1921 г. Стр. 94.

В Петербурге выходила, а может быть и продолжает выходить газета «Жизнь Искусства». А. Беленсон состоит рецензентом этой газеты и свои заметки издал отдельной книжкой, объединив их перевернутым заголовком своей газеты. В книжке говорится нечто обо

всем и украшена она несколькими рисунками, штатными петербургским пикассо—Ю. Анненковым, плюс предисловием штатного же петербургского Шекспира—Н. Евреинова. Последний развивает длительную канитель о «форме и содержании», заявляет, что понятие «искусство» анализу не подлежит, о вкусах не спорят, а гр. Беленсон соответствует его необъяснимому вкусу. Почему?—все-таки спросить-то позволительно. Текст А. Э. Беленсона дает ответ на стр. 73—78, где провалившаяся недавно у нас пьеса предисловщика механически приравнена Гоголевскому «Ревизору». Эта трогательная дружба и семейное счастие—наиболее значительные события бесконечной болтовни почтенного рецензента, напечатавшего когда-то книжку скверных стихов и по Уайльду считающего себя за то очаровательным собеседником. Так ли?

Ах, конечно, хороший вкус прежде всего и этакий очаровательный скептицизм, сквозь невидимые слезы... Главное, чтобы было изящно: у меня такое амбре... я настолько остроумен, что презираю остроумие. Обыватель... не говорите мне о нем—он Аверченко читает. Шершеневич, какой неприличный, лошадиный дендизм... Так-то оно так, но вот что смущает читателя: «Добрый редактор привез мне из Москвы подарок: несколько сборников стихов. За такой подарок я вынужден был обязаться написать очень острую статью...» Это кто так писал—Беленсон или Аверченко? «Невольно вспомнишь с чувством уважения тонкого и умного скептика, не читавшего докладов об укрывателях истины, задумчиво-скромного патриция Понтия Пилата», «у них, а вовсе не у денди русских, пустые души». «Семьдесят пять лет, истекшие от «Переписки с друзьями», нисколько... не смогли лишить ее для нас истинно живого интереса». «Шейлок не чета Королю Лиру—это одна из наименее понятных комедий Шекспира». «Хлебников еще со «Стрельца» (изд. Беленсона 1915 г.—Хлебников печатается с 1908 г.) проявил себя своеобразным поэтом». Все это не особого ли рода тот же дендизм? Не лошадиный, правда, а тот, которому отвечают: «отойди, от тебя курицей пахнет». (*А. Чехов*. Вишневый сад.). Так в чем же дело? Оказывается, в патетическом прославлении В. В. Розанова. Иезекииль мелкой буржуазии приобрел еще одного хвалителя, а новая экономическая политика осчастливила еще одого невольного молчальника.

Блажен иже и таких милует.

И. А. Аксенов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«СЕВЕРНЫЕ ДНИ». Сборник II. М. 1922. Стр. 160.

Много лет тому назад, так давно, что никто этого времени уже и не помнит, напечатали в Москве альманах «Корабли», где впервые обнародовался некий литературный принцип, сам себя прозвавший мистическим реализмом. Все изменилось с тех пор, многие из «зачинателей» перемерли, но зато уцелевшие сохранились в полной неприкосновенности, которой могут позавидовать египетские мумии и помпейские трупы, не говоря уже о мощах святых угодников православия.

Производство умиления, когда-то так искусно изложенное в теории Гершензона, идет полным ходом в этом втором сборнике (не сомневаюсь, что их будет много-много) и достигается приемом гениально простым. В повествовании отменяются все глагольные времена, кроме настоящего, от чего и повествование приобретает характер простого констатирования. Затем избирается тот или иной пейзаж, констатируемый очень подробно (если пейзаж идилличенъ, то половина дела сделана: умиление готово излиться на сердце читателя), в дальнейшем в пейзаж можно вставить и человечка, все равно какого, во всяком слу-

чае не очень беспокойного. Диалог избегается и персонаж имеет право изрекать отрывочные суждения (предпочтительно без глагола или в настоящем времени). То, что на протяжении многих годов этот прием не встречает себе достойных соперников в пределах чувствительности обывателя и пережил даже системы таких мастеров, как Вербицкая, Нагродская и граф Амори, показывает, что метод найден правильно, более того он, повидимому, всеобъемлющ. Доказательства на-лицо: про Карла V императора—«А смерть посмеивается, и тихонько Изабеллу вдруг уносит. Так, полушутя. К чему? На вечный траур. И вино, и снова дамы при дворе великого владыки, новые утехи, грусти новые». «Да, тяжела корона и многоголова гидра». «Но поднялся. Сел на постели. Руки холодны, чуть подрагивают; взор все важен, крепок. Поникает голова. — Боже мой, Господи сил! Милостив буди ко мне, грешному». (Это можно писать и про Ивана Грозного и про Петра Великого и про Николая I или II—метод, воистину, гениален). Про монгола: «Зачем тебе все твои удачи и заботы, богатство и связи, вот идешь ты со мною ни с чем, как пришел на землю...» О беглом на Юг буржуе из белогвардейцев: «Медичка натыкается точно со слепу на искалеченное, изуродованное тело Мировича; он лежит на камнях, пораскинув ноги, рассеченную голову уткнув в расщелину скалы, откуда испуганно разбежались пестрые ящерицы, и в одной руке его зажат...» Не все ли равно кто пользуется методом: имена авторов взаимозаменимы, как и их сентенции. Посмотрите: «Так бы уходить, все дальше, дальше, в жизнь ли, в смерть ли, в нежности утра зачинающегося...» (Карл V). «Где-то воюют, где-то Петры вспарывают животы Иванам, калужские перерезывают глотки мелитопольским мужикам, а мы мчимся по морям». (Это про гражданскую войну). «... Голос Владычицы: Двух преступлений я не должна терпеть—нерадения и нетерпения... Он захотел до времени передвинуть вещи в отношении себя и так упрочить». (Якобы о Макбете.) «В противоположность материализму, спиритуализм принципиально неопровержим. Ибо дух для нас первичен, материя производна. Сознание определяет бытие; только сознание замечает бытие». (Это неизвестно собственно о чем, но, повидимому, крик сердца.) «Кто одарен счастьем веры, талантом веры, тот себя в мире и мир в себе пошлым не ощущает. Блажен кто верует». (Заключение, достойное заглавия «Бессмертная пошлость»; оно вполне позволяет с чистым сердцем перейти к очередным делам.) «... Как она отражается в теологическом строительстве, в догматах троичности, и в догматах непорочного зачатия... Вместо перемещения престолов Ее по ту сторону, теперь перемещаются они по сю сторону». С чем их и поздравляем. На этом можно бы кончить, но поэзия, язык богов и Владислава Ходасевича (он, кстати сказать, впервые и напечатался в тех старых Кораблях, о которых я вспоминал), составляла издавна мою слабость. Не могу удержаться от цитаты: приведу целиком гному мастистого поэта, называется она—Пробочка и читается так: «Пробочка над крепким иодом!— Как ты скоро перетлела!—*Так вот и душа незримо* (это я подчеркнул).—Жжет и разъедает тело». Нужно ли еще рационализировать около такой проблемы и давать классовую характеристику «творчеству» почтенных авторов?

И. А. Аксенов.

ИВАН НОВИКОВ. «Душка». Повесть. М. 1922. Стр. 118.

Тяжелое время пережили писатели: печататься не могли. Теперь полегчало: стали вытаскивать из ящиков созданные за это тяжкое время шедевры и тискать их на бумаге, достаточно гладкой и поразительно, как известно, терпеливой. Одним из звеньев этой цепи ослепительных откровений словесности российской является повесть И. Новикова. Сюжет: барчук приезжает из города в деревню и там встречает нежную и прекрасную поселянку. Происходит буколическая идиллия, но законы осуждают предмет любви на брак с диким и косматым мужиком, который впоследствии падает (заслуженно, заслуженно, как он смел барчука обижать, негодный) под но-

жом «Душеньки», направляемым, очевидно, перстом Всеправедного Провидения. Усадебный быт, умиленно живописуемый автором, придает повести всю прелесть исторического романа. Подумать только, что писалась она не более, как шесть лет тому назад и до такой степени мертва. Если смотреть на это издание с точки зрения благотворительности нуждающемуся собрату по перу, то с появлением этой книжки можно мириться, а терять время на ее прочтение не следует.

И. А. Аксенов.

«КОСТРЫ». Книга первая. Москва 1922 г. 190 стр.

Вероятно в первой книге «Костров» читателей больше всего заинтересует посмертный роман Л. Андреева «Дневник Сатаны», к сожалению, напечатанный не целиком. Последнее не позволяет оценить до конца роман покойного писателя. В свое время у Л. Андреева по справедливости было отмечено слишком много уязвимых мест,—как художник, он часто грешил против основных законов вкуса и внутренней правды.

«Дневник Сатаны» заставляет думать, что в этой последней вещи он избавился от многих недостатков. Язык точнее, сдержанней, нет той нарочитой мрачности, о которой Лев Толстой сказал: «пугает, а мне не страшно». Конечно, остались основные особенности писателя, его пессимизм, склонность к трагическому и т. п., но все это за немногими сравнительно исключениями укладывается в приемлемую форму художественной прозы. Сатана, воплотившийся в американского миллиардера Вандергуда для какой-то игры с людьми, ведет дневник своего воплощения, своего переживания человеческого. В ряде мыслей и жизненных положений дается критика современной культуры, церкви, человеческого вообще. Эти мысли не всегда новы, часто мы их встречали у писателей «конца века», но они не лишены остроты и занимательности. «Дневник Сатаны» отмечен 1914 годом. Из прозаических вещей, кроме «Дневника Сатаны», в сборнике напечатаны рассказы Ив. Новикова и Ал. Яковлева. Тот, кто помнит первые вещи Ив. Новикова, будет несколько удивлен его «жертвой». Вместо прежней расплывчатой импрессионистической умиленности, мы встречаемся с самым что ни на есть реализмом—увы!—оставляющим желать многого с художественной точки зрения. Быт послеоктябрьской деревни, поездка крестьян в Москву, убийство,—все это зарисовано, может быть, с натуры, но как-то деревянно, топорно.

Вспоминаешь точность фотографической пластинки. Подробности, конечно, удручающие по существу, еще более удручают своей какой-то казенной правильностью. Все это мы видели в теплушках, на вокзалах, в крестьянских избах, и обо всем этом нужно писать иначе. За всей этой кучей сырья не чувствуется творческой пережившей души художника. Рассказ Яковлева «Жених полуночный» вызвал у нас сомнения самой темой, а главное ее разработкой. В нем описывается обычай отдавать девушку незнакомому человеку, чтобы он... составил ей репутацию невесты. К проезжему интеллигенту, остановившемуся в крестьянской избе, старуха приводит девушку с такими словами: «Внучку-то мою возьми на ночь. Пусть с тобою поспит. Невеста она у нас, а еще не рожала. А кто ее возьмет замуж, если у нее ребенка не было? Ребенка надо». Не знаем, может быть, где-нибудь в России и сохранился подобный «обычай», но сам рассказ как-то не убеждает в нем. Если бы не слишком большая точность некоторых положений, то он сошел бы за сказку и, конечно, выиграл бы от этого. А вообще есть недурные страницы, уменье заплести ткань неясных полусознательных ощущений. От автора мы вправе ожидать более удачных тем. В сборнике есть и стихи. «Зарубежные раздумья» Эренбурга заставляют вспомнить: «А что, если это проза, да и плохая». Глоба дал драматический отрывок, близкий современности. Изображается средневековый голод. Все подробности, вплоть до людоедства, на месте, но читаешь со скукой,—не трогает, не убеждает.

Сидит умирающая от голода женщина и продолжительно беседует со своим му-

жем о разных затруднениях. Вдруг: «Нет, больше не могу есть глины! Живот и ноги сохнут у меня от земляных лепешек». Потом некто благой приходит на помощь, раздается хрюканье заблудившейся свиньи, свинью убивают, продают мясо, продавца волокут в суд, обвиняя в продаже человечины и т. п., и т. п.

К. Локс.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ АЛЬМАНАХ», кн. 1-ая. Изд. Гржебина. Петербург—Берлин 1922 г, 234 стр.

В альманахе напечатаны драматические сцены Горького, проза Замятина, Ремизова, Шишкова, Зайцева, стихи Кузьмина, Сологуба, Блока. За исключением Б. Зайцева, давшего небольшой, изящно и тепло написанный очерк о Виареджио, остальные прозаики объединяются единством приемов, подходом к русскому быту, нравам. Ремизова мы считаем отцом этого интереса ко всему пестрому, красочному в нашей действительности, к анекдоту, нелепости и сплетению всяких трагикомических случайностей. Его «Жизнь не смертельная», напечатанная в альманахе, выдает опытную руку мастера, искусившегося в хитрой словесной вязи. За рядом анекдотических, посыпанных крупной солью смехотворных приключений, умеет он разрисовывать и нелепость, и муку. Кто знает Ремизова, тот встретит его рассказ, как знакомое, как не новое, но привычно-приятное.

В ремизовских приемах написан и рассказ Шишкова «Крокодил». В основу положено маскарадное происшествие в провинциальном городке в эпоху 1905 года. Быт и юмористические положения схвачены удачно, словарь пестрый, «бытовой», рассказ ни к чему не обязывает, но прочтется без скуки. Более сложная задача у Евг. Замятина. Его «Север» одновременно и пестрая, такая же заковыристая, как у Ремизова, связь анекдотических подробностей и вместе с тем романтическая история о любви лопской девушки Пельки к охотнику Марею. Здесь, нам кажется, дело не обошлось без Гамсуна, без его романтизма стихийности, свободы, запутанной женской души.

Не скажем, что эта история сделана неудачно, но Пелька, наверное, прочла «Пан» и его продолжение. Быть может, автор и сам не знает об этом, но читатель, пожалуй, догадается.

Все рассказы читаются вместе; приемы и пользование словом, любовь к фольклору, мозаичность образуют здесь естественную стихию искусства, иногда заменяют ее. Ближайшим родоначальником этого направления мы считаем Лескова (кстати у Замятина торговец Кортома забавно напоминает одного лесковского боярина). Конечно, это только одна сторона Лескова, заострявшего свое знание быта, народного говора остротой душевного или точно-фактического. У Ремизова, как всегда, мы найдем влечение к мучительству, при этом словно невинно и невзначай. У Замятина и Шишкова нет этой специально ремизовской складки. Драматические сцены Горького построены на идее возмездия или, если хотите, страданья. Человек, невинно осужденный, бежал с каторги, переменил фамилию, разбогател, человек хороший, занимается благотворительностью. К нему приходит «старик», сотоварищ по каторге, нельзя понять с какими целями—шантажирует, или это, по-Достоевскому, своеобразный искатель правды, а вернее изувер: «Любопытно мне было поглядеть на смелого человека, который через закон перешел. Христос за чужие грехи отстрадал, а ты за свой не восхотел» и т. п. Мастаков не выдерживает преследований старика и стреляется. Старик как будто лучше всего удался автору,—садизм этого правдолюбца, его народная ироничность по отношению к благополучию и богатству переданы, как всегда в таких случаях у Горького, удачно. Остальные действующие лица бледноваты. Софья Марковна напоминает кого-то из чеховских дам. «Гностические стихотворения» Кузьмина совершенно не удались. За ними не чувствуется никакой внутренней необходимости, невероятно представить гностика Базилида с такой тирадой: «Муза, музища плоской ногой ступала, говоря во все горло. Милая музенька пальчиком стерла допотопные начала». Напрасно

бы стали разыскивать поэзию в этом тяжеловесном наборе слов. И остальные «гностические стихи» также по существу надуманны, прозаичны, а главное, никому не нужны, в том числе самому автору. Три стихотворения Блока по настроению примыкают к «Седому Утру». Стихи Сологуба дают редкое в наши дни ощущение беспримесной поэзии. Написаны с большим мастерством.

К. Локс.

ДМИТРИЙ СМОЛИН. «Василиск Холодов». Трагедия в 7 карт. Гос. Издат. 1921 г. 136 стр. М. Ц. 18.000 руб.

Трагедия Д. Смолина «Василиск Холодов» рекомендована Научным Подотделом Актео к постановке во всех театрах республики, не исключая академических театров—так значится на оборотной стороне заглавного листа рецензируемой книги.

Если принять во внимание, что сам автор ставит себе задачей «увести публику из зала с пением «Интернационала», то перед нами, кажется, единственный случай, когда «революционная» пьеса обращает на себя столь пристальное внимание такого высоко-беспристрастного и бесстрастного учреждения, как Актео, и оказывается рекомендуемой для постановки даже в *академических театрах*. Если же вспомнить, что автор «Василиска Холодова» является и автором «Товарища Хлестакова», введшим в некий соблазн даже ТЕО Главполитпросвета, то перед нами совершенно ясно обрисуются те ожидания, которые связывались с появлением этой книги в издании «Гиза».

К сожалению, наши ожидания не оправдались. Вот фабула пьесы:—Некий Василиск Холодов, сын купца-миллионера, вообразил себя очень сильным и дерзким и на этом основании: 1) крадет деньги у отца и доводит его до преждевременной кончины от сердечного припадка; 2) выдает сестру почти насильно замуж за уродливого старика—биржевого короля; 3) спекулирует на бирже и водит за нос двух королей—железного и биржевого; 4) на глазах у любимой девушки кутит с проститутками, дабы доказать, что все можно купить; 5) объявляет, что Бога нет и что он, Василиск Холодов,—«мера всех вещей» и «единственный»; 6) эксплоатирует жестоко рабочих своего завода; 7) из-за любви к девушке-революционерке готов стать другим человеком; 8) женится на этой девушке и вместе с ней занимается филантропией, насаждая школы, больницы и проч.; 9) снова начинает верить в Бога; 10) умирает жена и ребенок, он снова проклинает Бога; 11) делается странником и юродивым и умирает на улице в синем оборванном подряснике.

Вот и все. При чем здесь «Интернационал» и почему публика должна непременно уходить из театра с пением этого гимна после лицезрения этой «трагедии»—секрет автора.

Правда, на протяжении 7 картн появляются иногда рабочие, а в конце пьесы они даже манифестируют, требуя восьмичасового рабочего дня, но все это только слабый фон, на котором особенно ярко должна развернуться трагедия Василиска Холодова, который, по уверению автора, «*похож на Врубелевского Демона*» (!).

В чем же социальный смысл этой трагедии «Василиска Холодова», как она рисуется самому автору? В том, что беда человеку, «утверждающему» себя, как «Единственного, Собственника, Царя и Владыку», и тень от такого самоутверждения «лежит еще на каждом из нас и может не дать нам увидеть солнца».

Так объясняет значение трагедии Василиска Холодова сам автор в прологе. Но разоблачать русское доморощенное ницшеанство в... 1921 году и делать это такими примитивно-беспомощными драматургическими приемами, как это делает Д. Смолин—по меньшей мере легкомысленно..

Врубель, Демон, Интернационал, Единственный и его собственность, забастовка рабочих, проклятие Бога, издевательство над проститутками, биржевой и железный короли, толпа на сцене и в зрительном зале, человек, выступающий в прологе от имени автора и заявляющий, что «автор фанфарами мысли своей приветствует кумачево-алые лучи восходящего над человечеством солнца»—неужели же эту бездарно и неумело при

готовленную драматургическую смесь из литературных объедков эпохи русского декаданса и некоторых внешних приемов новейшей сценической фразеологии—неужели же ничего лучшего не могло рекомендовать наше Актео для постановки «во всех театрах республики»?

М. Загорский.

«ЗАРНИЦЫ». Альманах Тверского Лит.-Худ. Общ. имени И. С. Никитина. Книга первая.

Сборник стихов так называемых «никитинцев» замыкается «библиографией», где говорится, что их поэзия не чета так наз. «пролетарской» и по своему содержанию, и по форме. «Пролетарскиео писатели, те стремятся «в своих произведениях громкими словами гармонизировать (?) жизнь людей больших городов, фабрик, заводов и мастерских с их самыми разнообразными орудиями производства и выразить все в новых формах поэтического творчества». И дальше идет в таком же роде выставление преимуществ никитинцев.

Неверно, что у пролетарских поэтов одни громкие слова, если даже они и воспевают фабрику или завод (пример—некоторые стихи Герасимова); неверно, что они воспевают только фуганки и рубанки, а, наоборот, дают иногда яркие карѓины природы или своих настроений (Казин. «Медовый Спас» или Полетаев: «Песни о соловьях» и многое другое). Не стоит на этом останавливаться подробно.

Что дает разбираемый сборник? Очень немного. Бесконечные перепевы на избитые темы и при этом временами полное отсутствие знания техники стиха. Было бы утомительно выписывать все эти стихи, вызывающие непроходимую скуку.

Милый край—родник богатства,
Колыбель богатырей,
Я пришел вкусить приятства (?)
Бедных братьев косарей.

Неужели это поэзия?
Или:

Но в внешний подъем, (?)
Сердца когда бьются,
В один водоем
Два русла сольются.
Не будет невзгод,
Все будет изжито...
От бурь, непогод
Окрепнет защита.

Или такой образчик рубленой прозы на элементарную тему:

Пусть за дело борьбы я страдаю,
Мне страдание рабства милей,
Но надеждой я душу питаю,
Что настанет пора лучших дней.
Что в заряжейной громом стихии
Засверкает огонь грозовой
И разрушит он гнет тираннии,
То восстанет народ трудовой.

Конечно, греха таить нечего,—у пролетарских столичных поэтов в журналах и сборниках тоже изрядная доля трухи, но там все же отбор более строгий, чем в провинциальных сборниках.

Великий русский поэт был прав, когда писал, что если бы «не было жалких писак и педантов», то не было бы также Скоттов Шекспиров и Дантов, т.-е. теория отбора происходит в искусстве и литературе, как естественный процесс. И, несомненно, некоторые стихи московских и петроградских пролетарских поэтов достойны занять место в самой образцовой хрестоматии. Но благодаря меньшей строгости к самим себе провинциальные коллективы стихотворцев очень мало дают стихов с проблесками поэтического творчества. Такие проблески безусловного дарования обнаруживает один из авторов данного сборника Ив. Синяков и только размер рецензии не позволяет нам процитировать два его хороших стихотворения,—«Метелица» и «Люблю откос на волжском берегу». Приложенные к сборнику рассказы не представляют интереса.

Ив. Кубиков.

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. «Среди пламени». Театральное представление в 3-х действиях с интермедиями. 44 стр. Петр. Гиз. 1921. Ц. 150 р.

П. М. Керженцеву принадлежит не малая заслуга в деле постановки и разработки проблем нового революционного театра в Советской России.

Тем более заслуживает внимания попытка П. М. Керженцева из области теоретической перейти к непосредственному творчеству в области драматургической. В пьесе «Среди пламени» П. М. Керженцев пытается драматургически оправдать свои теоретические построения путем построения сценария, отвечающего новейшим требованиям пролетарского и революционного театра.

К сожалению, эти попытки разрешают одну лишь поставленную проблему, а именно вопрос о переделке классических пьес. Сам П. М. Керженцев, в послесловии к «Пламени» признается: «Эта пьеса возникла в связи с начатой мною переделкой «Зорь» Верхарна для современной сцены, этим объясняется всякому заметное влияние «Зорь» на мою пьесу».

Увы! Автор впадает здесь в очевидное заблуждение. «Среди пламени» отнюдь не самостоятельное произведение, отражающее лишь влияние «Зорь», а по существу является такой же «композицией текста» верхарновской пьесы, каковой являлась аналогичная переделка «Зорь» Вс. Мейерхольдом и Вал. Бебутовым в Первом Театре Р. С. Ф. С. Р. П. М. Керженцев оставляет почти нетронутым основной сценарий Верхарна, вводя лишь в него несколько интермедий и делая более стройным и понятным течение интриги. Превращение «соглашателя» Эреньена в решительного и последовательного революционера Нормана не может считаться оригинальным изобретением П. М. Керженцева, так как такое превращение уже было осуществлено во второй редакции «Зорь» в Первом Театре Р. С. Ф. С. Р. Усилена также П. М. Керженцевым роль толпы, введены представители старой власти, но все это носит печать очень поверхностной и беглой работы, не углубляющей Верхарна, а только популяризирующей его текст и как бы делающей арифметически понятной ту алгебраическую, сжатую и, надо сознаться, довольно запутанную интригу, которая имеется в верхарновских «Зорях».

В общем необходимо признать, что переработка «Зорь» П. М. Керженцевым все же более близка к восприятию широких масс населения, чем переработка Вс. Мейерхольда и Вал. Бебутова. Во всем же остальном она значительно уступает последней.

М. Загорский.

Ю. ЮРЬИН. «Сполошный Зык» (Стенька Разин). Госуд. Изд. Петроград 1919 год. 91 стр.

Мы с неослабным вниманием прочли народную трагедию Ю. Юрьина «Стенька Разин» несколько раз. Это одно из лучших произведений в области драмы, появившееся давно, но как-то мало отмеченное критикой и библиографией и только нынешний год принятое для постановки в одном из Московских театров. Между тем так много волновались и спорили о революционном репертуаре, ставя временами вещи, мало интересные и в смысле агитации, и в смысле художественности. «Стенька Разин» удовлетворяет и первому и второму требованию.

«Сполошный Зык» уносит нас во времена давно прошедшие, о которых в народе сохранились лишь поэтические легенды, обвеянные свободой, волжским простором и бурей. Но, перелистывая страницу за страницей, незаметно живешь настоящим, ждешь параллелей и в героях и в действиях и даже в суждениях. Дух феерической трагедии пролетарской революции веет над событиями седой старины, но он ее не затемняет, а делает ярче, понятнее, вносит больше огня, страсти и пламенного возбуждения.

Стойкий мученик Стенька Разин, убежденный в правоте своего дела, непоколебим; его колоссальная сила воли заразительна; свои муки, душевные и физические, он переносит с неописуемым мужеством, так что стыдно становится жаловаться на личные житейские «неурядицы и нехватки». Народный герой влечет вас к себе, и вы готовы встать в его ряды, чтобы биться за народное дело.

В нашей литературе сплошь и рядом рисуют настоящее, передовое, в самых обворожительных и привлекательных образах, и, наоборот, все старое самым пошленьким, гаденьким. Если выведен социал-патриот, то он непременно и на кривых ногах, и дурак, и безнравственен, а интернационалист, тем более

коммунист, свят, как Николай угодник, которого народ за его добрый характер празднует два раза в год.

Ю. Юрьин сумел своим художественным чутьем нащупать действительную правду, отличив и в старом и в новом положительное и отрицательное.

Поражаясь мужеством Разина, вы не меньше восхищаетесь мужеством и прямотой, открытой борьбой окольничьего князя Шаховского. А разве не прекрасна фигура боярышни Настасьи Языковой, которая полюбила атамана низовой волжской вольницы и не может с этим примириться. Она человек из противного лагеря, но она не на «кривых ножках», ее сила воли поднимает вас не менее, чем кремневый характер Стеньки. И рядом трусливый Фролка, брат Разина, и пьяная ватага, пирующая в боярских хоромах Языкова. Гаденький руководитель розыска боярин Одоевский и мужественная кабачка Прасковья.

Автор вполне удовлетворительно справился со взятой на себя задачей. В ярких и сжатых сценах, местами с большим мастерством, он развернул перед читателем трагическую картину нашей истории, показав живых людей, а не тех сусальных героев, которыми полна современная литература.

Трагедия начинается с момента, как Разин, вернувшись с богомолья из Соловок и не найдя там правды, задумывал «старый порядок нарушить, черным людям вольного житья добыть». Кончается пьеса пыткой Разина и Фролки.

Рекомендуем вещь для постановок в народных домах.

Валерьян Полянский.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. «Конец Казановы». К-во «Созвездие». М. 1922. Стр. 80.—«Ирина Одоевцева», «Деор чудес», К-во «Мысль». Пгр. 1922. Стр. 64.—В. ЗВЯГИНЦЕВА. «На мосту». М. 1922. Стр. 64.—НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. «Четвертый Рим», К-во «Эпоха». Спб. 1922. Стр. 24. — ЛИПСКЕРОВ. «Туркестанские стихи», К-во «Альциона». М. 1922. Стр. 52.

Это все сравнительно недурные книжки стихов. Слабее других начинающая Звягинцева, но и тут какая-то слабенькая приятность есть:

> В великолепном бездушии,
> Любители грустных строф,
> Внимательнее слушайте
> Муку живых слов.

Эстетизм разложился и в мучительной пустоте отсутствия жизненного искусства мечется сознание. Будем надеяться, что болезнь эта не к смерти этому сознанию. Стихи пока еще слабы.

Приятные вещи пишет Одоевцева. Ее стиль, веселенькой английской баллады, трансплантируемой на отечественную почву, в общем здоров, заражающе весел и крепенький такой. Неряшлива Одоевцева до самозабвения и стихи ее по фактуре иной раз прямо читать невозможно. Но за кое-что приятное, веселое—прощаешь.

Странная книжка—маленькая книжка Клюева. Тема ее: «не хочу быть имажинистом». Но так как пока это ни для кого ни в малой мере не обязательно, то часть пафоса автора, разлагаясь в недоумении, исчезает для читателя. Некоторые стихи сильны (в своем роде, конечно) и убедительны и автор удачно доказывает, что темы имажинистов он сумел бы обработать лучше... только кому это нужно доказывать?

Хорош ли или плох скучный и безукоризненный Липскеров? Он сосредоточен, угрюмоват, сух, но есть какая-то серьезная скорбь, оправдывающая его. Но все это было так много раз, так все это надоело и опостылело! Если бы хоть немножечко свежего и живого, до чего еще не додумались Адамович с Мандельштамом!

Странная и поучительная история поэтессы Марины Цветаевой. Несомненно очень одаренный автор, показавший это еще своей почти детской книгой «Вечерний альбом», далее все время спускался по наклонной плоскости в невероятную ахматовщину и дикий душевный нигилизм. Любовь к мелочам обернулась однажды к Цветаевой своей трагической стороной: автор обнаружил, что он кроме мелочей вообще ничего в мире не видит. Детский восторг перегорел, остался пепел. Но теперь потихоньку это сбирается в нечто более упо-

ристое и серьезное. И эти обе книжки разодраны в достаточной мере, но в них уже говорится кое-что и по-новому. В «Казанове» невозможна вся проза, ремарки и предисловие. Ужасные претензии, отвратительнейший писарской романтизм из приключений «Герцогини Розы, великосветской убийцы», первый выпуск бесплатно, остальные по пятаку. Вот каков Казанова по Цветаевой: «Окраска мулата, движения тигра, самосознание льва». Как автор не замечает, что в этом зверинце не хватает только трех китов, на коих покоится вселенная, после чего все и обратится в самое зарядьейшее Замоскворечье.

Э. П. Бик.

Сергей ТРЕТЬЯКОВ. «Ясныш». Стихи. К-во «Птач». Чита. 1922. Стр. 64. Цена не озн.

Вторая книга стихов Третьякова несколько разочаровывает читателя. После о б е щ а н и й первой книги («Железная пауза») как-то ожидалось большее. Здесь же: аппаратура автора развивается весьма солидно, но не вглубь, а очень и очень поверхностно. Такой отличный блестящий, чуть что не серебрящийся набор хирургических инструментов, а как до дела, как до операционной, так пиитический доктор пасует и пользуется чужим аппаратом, Асеева по преимуществу. Тот существенно бледный анакреонтизм, подобрать действенное выражение которому автор не мог в первой книге, теперь вращивается им со всем упорством в некое подобие стиля «а-ля-рюс», ничем по существу дела не отличающегося от Подъячева или Васнецова. Детскость, которой автор думает заменить идиллику художника, распадается в бедность, в какую-то маленькую, но беспокоящую читателя фальшь. Пестрота стиха невозможна, рядом с русопетскими крылословиями, рядом со строкой, куда забиты образы самого сложного изготовления и—увы!—иногда имажинизменного свойства—стоят пустые строки, невыразительность которых особенно рельефна по сравнению с кладкой соседних. И где-то в этой очень неответственной смеси кукольных делишек с лапотным грохотом возникает определенная безвкусица, после чего все ухищрения сводятся только на трудноизносимость. Есть, конечно, и удачное, напр.: «Это идет воскресник—наплечь мотыгой рогатый», но эти-то удачности и заставляют нас придираться к Третьякову:—да как ты смеешь, темная личность, кормить нас этаким вареньем из гвоздей, даже безо всякого гвоздичного масла, когда ты можешь дельные вещи писать!

С. Бобров.

Г. ЧУЛКОВ. Стихотворения. М. 1922. Кн-во «Задруга». Стр. 112. Прод. моск. ц. 25 т. р. 1.500 экз.

Автор небезызвестен—один из ранних сравнительно эпигонов символизма. После 1905 г. он прославился изобретением «мистического анархизма», курьезного мезальянса Бакунина с Метерлинком; это, положим, было еще тогда, когда даже А. Белый считался «социал-демократом» и храбро зарифмовывал «неистов—пристав». Всамделишные символисты относились к Чулкову по большей части отрицательно, считая его последовательным плагиатором; очень резко и ядовито вышутил его Белый в «Кубке метелей», где Чулков фигурирует, как эпизодический персонаж, под именем Жеоржия Нулкова. По существу Чулков был и остался одним из первых подражателей Блока, автором, глубоко впитавшим мировоззрение символистов, других заслуг за ним не числится.

В предлежащей книжке нет ничего нового для читателя, знакомого с символистами. Словарь автора беден и восходит к наиболее банальной фразеологии: премудрый царь, блаженная заря, ущербная душа, бездушная толпа, невозвратимые дни, глухая полночь, вещий знак, благая весть, причастные красоте, скудный сон, таинственный закон, святой алтарь, нежная лилея, безумные пути, голос благостно-напевный, голубой луч, неземная надежда, волшебная тропа, таинственные тени, светлый рай, таинственные боги, пламенные ночи, заколдованные двери, волшебное слово, крылатая душа, вечная тоска, тускне-

ющий взор, духовная нищета, просветленные черты, дивный взгляд, безумный пир, дальние берега, неведомые миры, мерцающая звезда, неземной лик, священный меч, заповеданная черта, мятежный дух, божественная твердь, измученная грудь, голубые крыла и т. д. Подробный список выражений автора мог бы в значительной мере исчерпать расхожий язык третьесортной поэзии любой школы, пошлость этого сорта произведений даже стирает с них отпечаток символистских предубеждений автора. В большинстве случаев Чулков пользуется четырехстопным двудольником с анакрусой (так наз. «четырехстопный ямб») почти обязательно предпоследняя стопа ускорена (несет «пиррихий») и на нее-то и опирается эпитет «В залог небесные ключи», «Ты сын таинственной печали», «Законом скованное время» и т. п. Таким образом самое важное первое диподическое ударение строки, так сказать, большая часть ее выразительности ритмической уходит на обрисовку эпитета,—каковы эти эпитеты, мы показали выше. Надо иметь в виду, что большинство авторов, пишущих «четырехстопным ямбом», неизбежно пользуются этим весьма распространенным ходом, и вообще-то трудно упрекать автора за пользование им,—но тонкий стихотворец умеет разнообразить его применение, так, напр., Пушкин пользовался перестановкой эпитета и эпитетанта:

И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

Таким образом здесь перед обычным, описанным нами, ходом стоит обращенная эпитетация, разнообразящая синтаксически-ритмический рисунок. Чулкову эти «тонкости» неведомы, не то что он их «не знает», это-то совершенно не существенно, и Пушкин их может быть «не знал»,—но он их не слышит. Однообразие стиха Чулкова по этой причине до крайности утомительно.

Немало и других неприятностей несет книжка. То автор просто повторяет своего учителя Блока: «Но на распутьи встретил я тебя,— О, странная, явилась ты откуда»,

или вовсе бесцеремонно:

То тихий плеск ее лагуны,
То пьяццы блеск и белый свет,
Лепечут, шепчут нежно струны,
И лепет их—любовный бред.
Она, закутанная в шали,
А он? не я ли этот он?..

и т. д.—почти то же, но много тоньше в «Венеции» Блока («Кто даст мне жизнь...»), за тем только существенным отличием, что Блок никогда бы, вероятно, не решился на такую откровенную цыганщину, как «лепечут, шепчут нежно струны». Много стихов подражают Тютчеву, но как все это грубо и топорно делается,—Тютчев пишет: «Какое лето, что за лето...», Чулков: «Какая осень! за стеною». Примерно то же на стр. 21, 25 и мн. др. Некоторые строки просто взяты из Пушкина: «Могильной пленницы моей» (у Пушкина—знает каждый ребенок—«Воздушной пленницы моей») или «В неизмеримой вышине» («Медный Всадник»).—Отдел: «Истина» пытается создать что-то похожее на «Мудрость» П. Верлэна, но как это все убого и затрапезно. Кончается книга поэмой о Марии Гамильтон.

Сергей Бобров.

ФЕДОР СОЛОГУБ. «Одна любовь». Стихи. К-во «Миозотис». Спб. 1921. Напечатано 700 экз. на правах рукописи. Стр. 60. Продажн. моск. цена 8.000 р.

У Сологуба есть несомненные достоинства, и его муза выделялась из символистов серьезностью и тем «необщим выраженьем», которое дает писателю право на серьезное вниманье. Он был своевременно «оргиастичен», в его стихах находилось достаточно импрессионистического битого стекла, всякой мелкой мелочи, которой себе набивали порожнюю память начинающие, но все же, все же он давал не раз очень хорошую лирику, с большой и душевной простотой, его песенки были осязательно милы, его юмор и приятен и не без перца, наконец, и в более серьезном роде он вырастил героя своего времени, мусью Передонова и его небритого кота.

А зачем ему загорелось печатать теперь брошюрку в три десятка стихотворений

случайного характера—неизвестно. Его простота нередко переходит в бедность, он не гнушается образничеством самого захватанного образца, образики и образиночки бердслеевидные у него нередки,—и в этакой книжоночке все это лезет в глаза преназойливо.

В Питере иметь собственное книгоиздательство, видимо, сделалось «патентом на благородство». Издаются там исключительно карманные книжки и обязательно, чтоб очч-ень бла-ародные. Оно, может быть и очень мило, но ужасно как напоминает званый кукольный обед у четырехлетней Липочки. На розеточке для варенья лежит кусочек колбаски и одна карамелька—угощенье на всю компанию, благо компания наверно рта не раскроет и все эти Лукулловы яства будут абсорбированы Липочкой же. Но в Питере все это проделывается с такими гиератическими жестами, такой важностью... и читателю уж очень скучно: есть нечего—одна абрикосовская карамелька—повертелся мимо столика с куколками, толку никакого:—м-да, очень, очень мило... Но ведь это же, надеемся, не всерьез, а просто так?

Д. Юрлов.

ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «Золотое веретено». Стихи. К-во «Петрополис». Петербург 1921. 1.000 экз. Стр. 64.

Автор способный ученик Гумилева, Мандельштама и иных «акмеистов». Пишет он чрезвычайно чисто и стихом владеет с большой легкостью. Темы его... это уж, конечно, другое дело. Все то же самое первоклассное старье и с этой стороны он скучен, как первый попавшийся из Георгиев Ивановых, которых в Питере многое множество. Но поскольку это—первая книжка, ее можно признать удачной—автор стихи писать умеет. Другой вопрос, что он из этого уменья сделает. Если будет пробавляться все теми же темочками,—надо полагать, ничего.

Сергей Бобров.

Л. БЕРМАН. «Новая Троя». Стихотворения. К-во «Эрато.» Петербург 1921. 1.000 экз. Обложка Н. Н. Купреянова. Стр. 80.

Скучные и однообразные вещи творятся в книжке товарища Бермана. Скучливо и однотонно выписывает он свои стишки, чисненько и, видимо, прилежно прилаживая вышетербурженного Блока к своим крохотным темкам. Некоторое явное женоподобие его фразеологии заставляет догадываться, что тов. Берман не раз всхлипывал и над божественными творениями российской Сафы, госпожи Ахматовой, тем более, что фатальное для ахматийских авторесс пристрастие к «прохожему», у него также наблюдается в полной мере. Стихом он владеет «не очень», русским языком тоже, часты ошибки в ударениях, нередко фраза звучит не по-русски. Единственные новые нотки в его лирике,—кое-что про войну, но бледный и невыразительный стих не позволяет ему использовать как следует свои темы. Автор обращается к Маяковскому: «Как сомкнутых две ладони, никому ты не платишь дани»,—крошка Маяковский не ожидал, вероятно, такого комплимента,—но это в сторону, а желательно было бы узнать, что это, собственно, значит? Смысла как будто не наблюдается,—так к чему все это? Вкусом автор не изобилует, и поэтому ему ничего не стоит написать:

И медленно проходит время,
И расточились все мечты,
Что мне Господь восставит семя,
Что мне женою станешь ты.

Оно понятно, что это неприятно, но читать-то как-то неаппетитно.

Вряд ли из т. Бермана что выйдет. Бросить бы ему стихи.

Э. П. Бик.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЛЮСИ ФИЧ-ПЕРКИНС. «Маленькие голландцы». Повесть. Перевод с английского Л. и Ж. Караваевых. С множеством рисунков. 87 страниц.

Наконец-то среди массы макулатуры, которую довольно неразборчиво переиздает Госиздат, нам попадается хорошая

и жизненная книжка, любимая детьми и действительно с удовольствием и пользой могущая ими быть прочитанная. В живом и занимательном рассказе о жизни двух маленьких голландцев рисуются нравы голландцев, костюмы, занятия, дается понятие о характере их страны. Ряд таких книг о жизни детей разных народов даст детям незаметно живые и интересные сведения по географии и этнографии. Только для сообщения всех этих сведений было бы правильнее, чтобы выведенные в рассказе дети были постарше, потому что, несмотря на чрезвычайно легкий язык и занимательность рассказа, пятилетки малы для сведений о плотинах, о работе ветряных мельниц по выкачиванию воды с полей, о всей борьбе Голландии с морем.

Немножко только много благонравия и слишком много мороченья детей с историей о святом Николае. Для детей постарше этот конец бросит неприятный, чересчур нравоучительный свет на весь рассказ, малыши до семи лет примут все чересчур за чистую монету и это может запугать их (рассказ бабушки) и суевериями напичкать. Оставив весь характер встречи св. Николая в голландской избушке, следовало бы ослабить трепет перед ним, а рассказ бабушки, совсем не характерный и прерывающийся на самом страшном месте, выпустить вовсе. Книжка от этого только выиграла бы. Все повествование об обыденной жизни, о катаньи на коньках, о поездке на рынок в лодке, о развозе молока на собаках очень хорошо.

Конечно, весь рассказ о жизни голландских мелких буржуа проникнут мещанским духом, иначе это не был бы рассказ о мелких буржуях. Это режет иногда наши уши, но надо считаться с исторической и национальной правдой, поэтому две заплатки «от редакции», вносящие поправочки в советском духе,—о том, что в Советской России ребят не секут и что девочки не сидят на специально женской работе, а учатся и трудятся на равных правах с мальчиками и что так и в Голландии будет к тому времени, как дети, о которых идет рассказ, подрастут,—совершенно никчемны. Во-первых, если уже делать поправки в советском духе, то этими двумя никак ограничиться нельзя. А приготовление приданого девочке со дня ее рожденья? Каждый год по куску полотна, перевязанного голубой ленточкой? Почему же и тут не сделано примечания, что в советской России девочек не готовят только для замужества? И другие места, и весь уклад жизни обособленными семьями—разве он в духе нашего советского к коммунизму идущего строя? Тогда надо весь рассказ снабдить заплатами. Что же из этого получится? Цельности впечатления о жизни голландских крестьян не будет, да и цельного понятия о том, каким должен быть советский строй тоже не получится. Будет одна мешанина. Поэтому надо убрать все заплаты в виде примечаний от редакции, о преимуществах же советского строя говорить в особых, по возможности так же живо написанных детских книжках.

Книга переведена Л. и Ж. Караваевыми хорошим русским языком, нигде досадливо не напоминающим нам, что мы имеем дело с переводом. А это особенно для детской книжки очень важно и, к сожалению, у нас редко.

Д. Елизарова.

«МИШКА». Сборник для детей младшего возраста. Составлен литературной комиссией под редакцией Телешова. Рисунки И. С. Ефимова. 42 стр.

Сборник издан внимательно. Обложка с изображением разных животных в медальонах составлена со вкусом и для детей интересна. Подбор рассказов гораздо лучше, чем в других подобных сборниках, напр., Тулупова. Украшением книжки является и здесь, как и во всех сборниках о медведях, рассказ: «Три медведя». Эта недаром любимая сказка для дошкольников так просто и всецело подходит к психологии этого возраста, как, кажется, ни одна другая и никакой иной не была превзойдена. Менее известная сказка: «Медведь и три сестры» также вполне подходит к этому возрасту и хороша. Недурен и написан легким языком и рассказ: «Первая прогулка медвежат». Только плохо, что он начинается как-то из середины: «На-

конец, медвежата так подросли...» И говорится о медвежатах двух возрастов. Это следовало бы объяснить. И вообще для маленького возраста следовало бы сгладить углы у отрывка и дать рассказ в виде чего-то цельного: так для детей понятнее и они любят больше. Сказка «Лиса и медведь» уже переделана. Русская народная сказка говорит о волке и медведе, и когда к проруби примерзает волчий хвост, это понятно, он достаточно длинен; если же говорить о медвежьем хвосте, то приходится подстроить легенду, что после этого случая медведь вообще стал куцым, а внушать на основе сказки какие-нибудь общие понятия не следует. Поэтому финская сказка должна быть признана менее удачной. Рассказ «Хромуша медвежонок» написан менее понятным для такого возраста языком. — «Отшлифованные края»,—«пресованное мясо»,—«подвергнул мышеловку такой-то расправе, как и жестянку, наделавшую ему столько хлопот». Эти фразы надо было бы во всяком случае пересказать доступнее для дошкольного возраста. Рассказа «Ученые медведи» не следовало бы помещать вовсе. Эта давно оставленная уже как грубое тиранство над животным забава наших дедов, не должна служить теперь по пересказу забавой для детей. Рассказ кончается даже словами: «Уж давно эти забавы запрещены, как очень жестокие». Тогда зачем же сосредоточивать на них внимание и любопытство дошкольников? Да и вообще не педагогично рассказывать малышам о том, чего они все равно никогда в жизни не увидят. Надо, кроме сказок, брать доступные их пониманию картины из жизни. Этот рассказ должен быть опущен в следующем издании.

Из стихотворений лучшее, конечно, «Как весенней теплой порою, из-под утренней белой зорюшки...» чисто народное, стильное, приучающее детей к сокровищам родной поэзии. Видно великое мастерство Пушкина. Хороша также по стильности хороводная песня—«Вставала ранешенько».

Рисунки Ефимова,—особенно иллюстрации к «Трем медведям» также жизненны и хороши.

В общем книжка составлена с любовью и заслуживает быть переизданной.

А. Елизарова.

ИСКУССТВА.

БИРЮЧ Петроградских Государственных театров. Сборник статей, под редакцией А. С. Полякова. 1919—1921.

Оба сборника: I—1919 г., II—1921 г. отчасти напоминают старый «Ежегодник» госуд. театров: статьи по театроведению чередуются с архивными материалами, касающимися драматических писателей, музыкантов, актеров; некрологи, юбилеи, летопись текущей театральной жизни, обзоры музеев и научных обществ,—все говорит о театре в его прошлом и настоящем. В первом выпуске обращают внимание статьи Л. К. Ильинского «И. А. Крылов-драматург» и В. С. Спиридонова «Новые страницы из деятельности Ап. Григорьева (драма «Отец и сын»). Автор последней статьи знакомит с найденной им в библиотеке Государственных театров драмы Ап. Григорьева, некогда шедшей на Александринской сцене: пьеса любопытна и как факт личной жизни Ап. Григорьева, говорящей о борении юного романтика с Лермонтовским демонизмом и как литературное явление, свидетельствующее о влиянии на драматурга Грибоедова и Гейне. В отделе материалов находим альбомную запись А. Н. Островского 1874 г. и письмо Л. Н. Толстого к артисту П. М. Свободину 1887 г., где автор «Власти тьмы» знакомит исполнителя роли Акима с своим пониманием этого персонажа и дает его меткую сценическую характеристику. Во втором сборнике должна быть особо отмечена статья Н. Н. Долгова «Добролюбов о темном

царстве и позднейшая критика об Островском». Здесь выдвинута давняя тема, все еще остающаяся уделом немногих знатоков театра Островского. «О необходимости отвязать» статью Добролюбова от драматурга-писателя, важную для истории эпохи, но затемнившую подлинный лик Островского. «Не тьма, а свет, радостный, яркий, полный упований на конечную победу духа—вот что несется со страниц писателя», говорит Н. Н. Долгов от имени новой русской и французской критики, изучавшей творчество Островского.

В. И. Срезневский в статье «о личном элементе» в драме Л. Н. Толстого «И свет во тьме светит» убедительно показывает путем сопоставления писем и дневников Толстого с его пьесой отражение личной, семейной драмы в художественном опыте. В отделе материалов—письма А. Н. Островского к Н. А. Некрасову, письма М. С. Щепкина, А. Н. Серова, И. С. Тургенева, автобиография Верстовского и мн. др.

В короткой заметке трудно охватить все многообразие напечатанного в Бирюче материала. Актеры и драматурги русские и европейские XVIII—XIX века и наших дней. Композиторы всеми признанные и большинством забытые—М. Г. Савина, А. П. Породин, Эрве, Гебсен, Н. Н. Сандунов, А. А. Потехин, В. Крылов, Л. Л. Леонозов, Свободин, Л. Толстой, Островский, Ап. Григорьев, И. Тургенев, Римский-Корсаков, Вагнер, целая галлерея портретов сцены в «Театральном дневнике» С. Ф. Светлова (1 и 2 выпуски)—все нашло отражение в новых фактах, сообщенных многочисленными сотрудниками Бирюча.

Н. Бродский.

РОМАНОВ, Н. И., проф. «Произведения Рафаэля в России». М. 1922. Изд. «Альциона». 8°. Стр. 32.

Появление этой небольшой работы является очень достойным откликом на четырехсотлетний юбилей художника, отпразднованный всем миром. Плод серьезного и тонкого знания, брошюра проф. Н. И. Романова является ценным взносом в небогатую русскую литературу о знаменитом художнике. Ее значение, конечно, не только юбилейное. Читатель найдет здесь очень четкую характеристику искусства Рафаэля вообще, построенную на непосредственном (что так важно для искусствоведа) анализе его картин, оценку разновременных этапов его творчества. Н. И. Романов с опытностью большого мастера пользуется «формальным» методом, но отнюдь не забывает за ним тех основных задач последнего синтетического порядка, которые в конечном счете и делают произведение искусства — вечным чудом. Здесь можно было бы заметить, что автор, Рафаэля любящий искренно (это такая редкость в наше время!), порой впадает в излишний, может быть, панегирический и лирический тон; это, конечно, не беда. Брошюра не предназначена быть строго научной монографией; наоборот, ее научные достоинства,—сводящиеся к тому, что в ней мы имеем первый опыт подробной характеристики нескольких лучших картин Рафаэля,—проявляются както сами по себе, независимо от общего плана книжки—просто потому, что автор ее—большой и глубокий ученый.

Именно ученому историку искусств, вождю современной научно-художественной и «музееведной» мысли, хочется заметить Н. И. Романову, что нам все-таки жаль, что в анализе четырех картин Рафаэля в Эрмитаже он так отстраняет от себя чисто музейные стороны. Так «Мадонна с безбородым Иосифом» все-таки не такой достоверный Рафаэль, кака мадонны Конестабиле и Альба, хотя бы по своей плохой сохранности. Затем очень жаль, что, говоря о Рафаэле в России, автор не упоминает Рафаэлевых рисунков—пусть, спорных—имеющихся в том же Эрмитаже. Тема могла бы быть, очевидно, разработана вглубь и вширь. Нам мыслится по ее рецепту ряд монографий, объединенных общею темою «великие мастера русских музеев».

Книжка издана очень приятно, просто и четко. К сожалению, одна репродукция («Мадонна в кресле») обрезана и наклеена криво.

Проф. Д. Д. Сидоров.

OTTO GRAUTOFF. Die französische Malerei seit 1914. 50 Seiten+38 Abbildungen. Manntius Verlag. Berlin 1921. 8°.

Рецензируемая книга—исключительно интересна как общий обзор современного искусства руководящей художественно западно-европейской страны. Такого обзора мы не имели до сих пор, более по наслышке зная, что иные «левые» французские мастера—прежде всего Пикассо—отошли назад к живописи самой реалистической. Нечего и говорить, как это все должно было заинтересовать русскую художественную среду. Книга Граутоффа тем более заслуживает внимания.

Взгляд, бросаемый автором книги из современной Германии в современную Францию, представляется ему взглядом из хаоса в космос. В Германии (добавим мы от себя и в России) искусство мечется, бросается из стороны в сторону, от одной крайности к другой. Во Франции—все закономерно и гармонично. Одно течение вытекает из другого. Все французское искусство рисуется Граутоффу замкнутой, нигде не прерывающейся цепью. В современной нам, послевоенной французской живописи произошел сдвиг: от судорожных поисков выразительного к просто красивому.

Сегодняшний день французского искусства характеризуют ясно выраженные стремления к четкости линии, ясности формы, конструктивной устойчивости. Красной нитью через все повествование проходит мысль о тяге самых выдающихся художников пост-импрессионизма к Энгру и классикам начала XIX века. Марке, Матисс, Фламинк, Дерен, Лорансэн—во главе французского искусства. Почти все они, знакомые нам по московским собраниям бывш. Щукина и Морозова, выросли в больших и замечательных мастеров. Матисс отошел от исключительно орнаментальной и декоративной обработки поверхности в сторону создания реального, живого пространства. Достаточно только взглянуть на приложенные к книге воспроизведения, в особенности на «Море», чтобы понять, какой путь успел пройти художник.

Еще больше шагнули вперед Фламинк и Дерен. Первый питает особое внимание к пейзажу! второй—к nature-morte'y. Над Фламинком витает тень Лоррена, тогда как Дерена с очевидностью тянет к покою и ясности «энгризма». Приложенные к книге таблицы прекрасно иллюстрируют эти мысли. Помимо старых знакомцев, необыкновенно выросших за истекшее время, мы находим в книге 2-3 художников совсем неизвестных. К иным из них автор неравнодушен, хотя воспроизведения не очень говорят в их пользу.

Любопытно отношение Граутоффа к кубизму и Пикассо. Он не склонен считать «измену» Пикассо, сколько-нибудь серьезно наносящей удар кубизму. Прежде всего автор заявляет, что отпадению Пикассо от кубистической догматики вообще не следует придавать серьезного значения. На-ряду с несколько вялым «академическим» рисунком Пикассо к книге приложен его же вполне в прежнем «стиле» кубистический nature-morte.

Но, помимо недостаточной серьезности Пикассо, Граутофф указывает на другой, еще более важный момент: академия и кубизм—всегда были близки друг другу. И нет ничего удивительного, ничего поражающего, если эта близость, дотоле скрытая и угадываемая, блистательно выплыла наружу в самом родоначальнике кубизма, искреннем и пламенном—Пикассо.

Кубизм нисколько не поколеблен. Хоронить его было бы преждевременно. Брак, Глэз, Метцэнже, Фернанд Леже—крепки в своей вере. Но Граутофф не сомневается, заключая этим свою книгу в том, что кубизм растворится в мощном потоке, который из века в век несет французское искусство. Несет его по долине закономерности, а не безбрежной свободы.

В. Блох.

ПЕТР ПЕРЦОВ. Третьяковская галлерея Москва. Изд. М. и С. Сабашниковых. 19 2 Стр. 3—94.

Еще одна ненужная книга, более того: книга вредная. Изданная в количестве 6.000 экземпляров, она, очевидно, претендует на воспитательную роль. Автор ее

хочет как-то *подвести массу* к искусству. Но всякий, кто с этой книгой в руках пройдет по Третьяковской галлерее, увидит значительно меньше, чем увидел бы без нее. Ибо, кроме многочисленных, совершенно недопустимых ошибок в отдельных характеристиках, оценках, исторических сопоставлениях и т. д. (о них дальше)—она не приемлема по самому подходу к картине. Картина определяется и оценивается почти исключительно с точки зрения сюжета. О картине, как таковой, как произведении искусства, упоминается лишь постольку, поскольку она не дает материала как интерпретация данного в ней сюжета.

Здесь относительно повезло XVIII веку, веку портрета, где можно найти иные, хотя и трафаретные, но в общем правильные характеристики мастерства художников.

Хотя... за прекрасными портретами Антропова признается лишь историческое значение, зато много говорится о копии Титовского портрета гр. Бестужева-Рюмина потому только, что он дает любопытные в бытовом отношении черты.

Затем отдельные места книги указывают на то, что она написана сравнительно недавно—между тем не упоминаются «временно выставленные» портреты из собр. Носовой и Морозова. А говорить о Левицком, не упоминая портрета гр. Мнишек, теперь, когда он выставлен—нельзя, ибо портрет этот является центральным во всем «Opus'e» художника.

Точно так же нельзя с апломбом утверждать, что Рокотов, наиболее своеобразный и загадочный из русских художников XVIII века,—«не отличается яркой индивидуальностью». Надо только взглянуть на портреты Е. П. Носовой. Иностранные художники, работавшие в России, совершенно не упомянуты; лишь в самом конце книги автор сетует на то, что в одной из зал, занятых раньше Верещагиным, помещен «случайный набор посредственных портретных мастеров XVIII века»... «Присутствие этих полотен здесь настолько режет глаз своей неуместностью, что, надо надеяться, оно останется непродолжительным среди этого *постороннего* [1]) для галлереи материала»...

Думается, будет совершенно тщетным указывать всю важность этих второстепенных мастеров в истории именно русского искусства.

Будем надеяться, что присутствие их в галлерее будет продолжительным и что они при первой к тому возможности водворятся на подлежащее им место в верхнем этаже.

Мы нарочно подробно остановились на сравнительно благополучно преодоленном автором XVIII веке. Из разбора этой части работы становится ясным, как обстоит дело с менее благополучными позднейшими периодами.

О них, собственно нечего говорить. О Кипренском, Тропинине, Венецианове, Брюллове, Иванове, Ге и Федотове—как художественных индивидуальностях не сказано почти ничего, кроме самых общих, трафаретных указаний на реализм и художественную правду Федотова, на импрессионизм Иванова и т. д.

О передвижниках автор говорит долго и подробно, очевидно оттого, что их много в галлерее. Описывает историю передвижничества, пересказывает сюжеты отдельных картин.

Дальше, отдельные приемлемые характеристики (напр., Сурикова, Айвазовского, Куинджи) чередуются с утверждениями вроде того, напр., что «Нестерова более нежели кого-либо можно признать продолжателем Александра Иванова—раскрывающим гораздо более, нежели не только Ге или Крамской, но *даже* [2]) Васнецов, мистическую сторону русской души. улавливающим самые сокровенные струны ее религиозного лиризма».

Таким образом, характерным и ценным для Иванова признается «мистика» и «лирика», и в этом отыскивается связь его с Нестеровым.

К тому же Иванову каким-то образом притягивается и Врубель.

Затем идет уже просто каталог, при чем несколько больше места уделяется Сомову, в котором автор не увидал ничего, кроме изобразителя в «стилизован-

[1]) Курсив мой.
[2]) Курсив мой.

но-дурашливом виде какого-то вечного праздника»...

Из «новейших художников» выделяется Борисов-Мусатов, которому выдается патент на «красочность» в противовес линейным стремлениям его современников, и, после нового каталога, автор приходит к сопоставлению «в сущности вполне академической живописи» Машкова, Кончаловского, Татлина и др. с «смелым, действительным новаторством наших 60—70 гг.».

Общее суждение автора о судьбах русской живописи глубоко пессимистично: «быстрая убыль личности и разложение подлинно-художественных стремлений в чисто-технических заданиях—таково в конечном итоге то общее впечатление, с которым зритель оставляет этот последний картинный зал нашей галлереи, типичное впечатление конца».

И. Корницкий.

О ДРЕВНЕ-РУССКОЙ КНИГЕ. (К выставке «Древне-русская книга» Сергиевского. Историко-Художественного Музея.) 1921 г. Стр. 18.

Нельзя не признать удачной мысль сопроводить выставку особым изданием, пытающимся ввести неподготовленного ее посетителя в понимание выставленных предметов. И тем приятнее отметить реальное осуществление этой мысли, если вспомнить, что даже такие, исключительного значения, выставки центра, как «живописной и архитектурной реставрации», «романтиков и барбизонцев», остались без таких, казалось бы, столь необходимых именно в наше время изданий.

Брошюра написана очень популярно и рассчитана, повидимому, на совершенно неподготовленного читателя; только такой ее характер может оправдать появление утверждений, вроде: «книги, о которых нам доподлинно известно, что они были написаны, переписаны или подарены во времена Дмитрия Донского и Иоанна Грозного, или Бориса Годунова, дают нам уверенность в том, что эти лица... действительно существовали». Слишком элементарны и, как будто, не совсем уместны истолкования значения деятельности Петра I и Ломоносова.

В общем можно считать задачу издания выполненной в достаточной мере удачно, однако встречаются некоторые возражения.

Ведь, казалось бы, всякое популярное издание *должно* делать популярными среди широких масс лишь мысли и утверждения новые и свежие, а отнюдь не те, которые уже признаны устаревшими. При несоблюдении этого условия популяризатор—плохой педагог, он воспитывает массу косной, неспособной и впредь откликаться на новейшие завоевания научной мысли. А именно таким популяризированием устаревшей мысли нельзя не признать довольно обстоятельное (на трех страницах) развитие утверждения: «...становится... ясно значение той реформы, того поворота русской культуры к Западной Европе, которые начали ясно намечаться в России хотя бы со Смутного времени и достигли окончательной силы при Петре Первом». В последнее время достаточно выяснено, что, для всех областей культуры, столь решительного и резкого, как это представляется в традиционном изложении автора, поворота здесь не было. Основные вехи разрешенной проблемы «мы и запад» могли бы быть намечены более тонко.

Определенно, следовало бы, даже и в таком популярном издании, хотя немного остановиться на вопросе о том, как решалась в древне-русской книге проблема иллюстрации. Одного указания на факт ее существования, как это сделано в брошюре, конечно, мало.

Очень уместно в конце брошюры помещены «заметки о технике древнего рукописного дела», составленные по «учебнику русской палеографии» В. Н. Щепкина.

Несколько слов о технической композиции книги. В предыдущих Сергиевских изданиях наметился вполне определенный, технически хорошо обусловленный, а потому эстетически приемлемый, тип книги.

Приходится только пожалеть, что это новое издание несколько отошло от наметившегося типа. Немного удивляет стран-

ная «палеография» заглавия книги, заставляющая вспомнить аналогичные заглавия в дурного типа модернизованных изданиях первого десятилетия нашего века. Прямо-таки досадной «опечаткой» кажутся нелепые и шаблонные концовки, помещенные на обложке, между подзаголовком и датой, и в конце текста книги.

Г. Жидков.

А. ГРИЩЕНКО и Н. ЛАВРСКИЙ. А. Шевченко. Поиски и достижения в области станковой живописи. Москва. Издание Отдела Изобразительных искусств Народного Комиссариата по Просвещению. 1919. Стр. 36+2 нен.+22 табл.; 9 рисунков в тексте.

Книга о Шевченко явилась второй первая была о Кандинском) и последней из обещанной И. З. О. серии монографий, посвященных рассмотрению творчества современных русских художников.

Открывается вводной статьей А. Грищенко, как всегда написанной с достаточной остротой. Здесь дается характеристика эпохи (в смысле отношения к живописи), предшествовавшей выступлению Шевченко, в самых общих чертах намечается эволюция творческих устремлений и достижений мастера.

Собственно «монографический очерк» представляет статья Н. Лаврского. Автор развивает и углубляет основную схему, намеченную в вводной статье, положив в основу своего критерия и подхода к искусству принципы, наиболее ярким защитником которых являлся в течение последних десяти лет А. Грищенко, и превращает свой очерк в апологию того комплекса художественных идей, наиболее полно выражен который был именно в творчестве А. Шевченко и А. Грищенко.

Как апология, статья Н. Лаврского представляется менее убедительной, чем то, что писалось самими художниками. Но, помимо этого, работа имеет недостаток, на который приходится всячески обратить внимание, как на явление в значительной мере симптоматичное. Этот недостаток: отсутствие конкретности и определенности в характеристиках. Автор все время говорит о фактуре, ремесле живописи, о композиции, структуре и т. д. Он постоянно указывает, совершенно основательно, на то, что именно из этих элементов слагается живописное произведение и потому странным кажется, что в книге имеется так мало указаний, которые бы, действительно, подводили вплотную к фактам творческой жизни художника. Так, указывается на бережное отношение художника к композиции, но как решался этот момент проблемы создания станкового произведения в отдельные периоды творчества мастера и в отдельных произведениях, каковы основные схемы композиции, мотивы и приемы ее образования,—на это книга ответа не дает. Слишком общи замечания о характере фактуры (опять хотелось бы прикрепления таких указаний к определенным произведениям). Думается, мало одного перечисления основных тонов, входящих притом в качестве элементов в колорит целой группы картин. Как было бы ценно дать описание цветовой оболочки хотя бы одной картины, но зато описание, которое бы вводило в мельчайшие нюансы колористических и тональных явлений данной картины, устанавливало бы параллельно и некоторые общие принципы в создании рассматриваемых колористических и тональных систем.

Симптоматическим этот недостаток представляется вот почему: книга, отчасти написанная художником и, во всяком случае, говорящая от лица художников, этим своим основным недостатком просто взывает к дружественной *помощи искусствоведа*.

Этим фактом, отсутствием в этой книге искусствоведа, объясняются и другие недочеты. На некоторые из них мы считаем своим долгом здесь указать.

Так, чрезвычайно общий характер носят страницы, посвященные примитивам; тут допущен и такой крупный ляпсус, как включение в категорию примитивов—искусства Китая, Японии, Персии и, как будто, византийских и русских икон. Искусствовед бы указал, что в настоящее время стало достаточно ясным и бесспорным, что менее всего приходится думать о примитиве именно перед созданиями глубоких художе-

ственных культур Востока, Византии и Древней Руси.

Мало убедительными кажутся некоторые замечания, связанные с вопросами *«стиля»*. Привлечение здесь при рассмотрении вопросов, связанных с современным искусством, того, что сделано было в порядке попыток конкретизации понятия «стиль», главным образом, в немецкой науке искусствознания, представлялось бы нам глубоко интересным.

Слишком элементарно неприязненное отношение автора к «академии» и «болонцам».

И, наконец, вовсе недопустим «блестящий хлам»—некоторые элементы живописи Рафаэля и Тициана, как и утверждение: «фон... не является экраном, как это мы видим, например, у голландцев, фламандцев, итальянцев и других мастеров XVI—XVIII веков» (в другом месте книги дата эта *несколько изменяется*: XV—XVII в.в.).

Книга издана Отделом Изобразительных Искусств. Казалось бы, результатом этого должно было бы быть особое удовлетворение требованиям, предъявляемым в настоящее время к книге, как к некоторому материальному организму. На этих требованиях тем законнее было бы настаивать, что книга издана на хорошей бумаге, а репродукции сделаны на приличной меловой. И, несмотря на это, издание обнаруживает максимум небрежности, именно в области художественно-технической. Не говоря о плохой брошюровке, приходится отметить: отсутствие единого формата и качества бумаги в приложенных таблицах; неаккуратное размещение на этих таблицах репродукций; вертикальны белые полосы, пересекающие большинство воспроизведений, и без того не отличающихся высоким достоинством; нелепы шрифты на выходном листе и стр. 11.

Рисунок обложки, сам по себе очень интересный, вряд ли может быть признан удачным, как рисунок обложки, именно в силу своего «станкового» характера.

И, наконец, одна редакционная оплошность в значительной мере обесценивает в наших глазах книгу. Это—отсутствие под репродукциями указаний на год, к которому относится воспроизводимая работа.

В общем, монография о Шевченко заслуживала бы, по нашему мнению, большего внимания со стороны издателей, тем более, что А. Шевченко является для этого достаточно крупным художником, искусство которого (особенно последние вещи из бывших на выставке 1919 г.) вызывает на многие размышления, особенно в связи с начавшимся кризисом экспрессионизма, как указывающее на один из выходов из создавшегося положения.

Г. Жидков.

ИЗВЕСТИЯ КОМИТЕТА ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ. Вып. I. Петербург Государственное издательство. 1921 г Стр. 46—6 нен.; таблиц XII; разм. 8°.

Вышедший первый выпуск «Известий комитета изучения древне-русской живописи» состоит из ряда отдельных статей.

В статье, посвященной фрескам церкви св. Георгия в Старой Ладоге, Н. Репников, один из лучших знатоков Приладожья, издавая некоторые из фресок в прекрасных воспроизведениях, указывает, на основании собственных наблюдений над памятником, что утвердившееся мнение, будто вся стенопись Георгиевского храма была сбита в 1849 г., мало основательно, и что очистка забеленного, в разное время, и закрытого полом, вернет нам целый ряд фресок, за важность изучения которых, помимо соображений исторических (фрески восходят к XII веку и, повидимому, предшествуют Спасо-Нередицким, красноречиво говорят и высокие художественные достоинства обстоятельно изданного (на трех таблицах) и подробно описанного изображения «Чуда о Змие».

Вторая статья Н. Репникова, делающая этот выпуск «Известий комитета» изданием, без ссылки на которое не обойдется ни одно из будущих исследований в области древне-русской живописи, посвящена открытой в 1914 году, благодаря энергии, достойной всякой благодарности, автора, части фресок в ц. Св. Николы, упраздненного Госпи-

тополъского монастыря у Волховских порогов. (Работу по раскрытию, высокие достоинства которой засвидетельствованы специальной научной экспедицией, организованной Главмузеем осенью истекшего 1921 года, производил художник-реставратор Г. О. Чириков.) Выяснение места раскрытых фресок в истории русской живописи—предмет будущих изысканий, успешность которых зависит от дальнейшего продолжения реставрационных работ. Но уже и сейчас ясно, как на это совершенно справедливо указывает автор, что начатая раскрытием стенопись ближайшие стилистические аналогии находит себе только в новгородских *иконах* XV века.

Статья П. И. Арне знакомит с фрагментами росписи церкви в приходе Гарди на острове Готланде, обнаруживающими, по мнению автора, значительную стилистическую близость к фрескам Спаса-Нередицы и Св. Георгия в Ст. Ладоге, и, таким образом, повидимому, являющимися и ценным прибавлением к столь незначительному количеству памятников этой начальной эпохи русского христианского искусства и подымающими вновь вопрос о культурном и художественном взаимообмене русских с своими иноземными соседями. К сожалению, нельзя признать вполне удачными иллюстрирующие статью два воспроизведения на таблице V.

Самой большой в книге работой является тонко и с большим умением выполненное исследование К. Романова об антиминсах, найденных в 1913 г., при ремонте, в престолах собора Рождества Пр. Богородицы в Ферапонтовом монастыре, устанавливающее ряд чрезвычайной важности данных для истории монастыря. Однако эти данные не имеют узко-«местного» значения: среди них находится, доселе не бывшая известной, точная дата окончания сооружения собора, являющегося, как известно, одной из основных вех в истории древне-русского зодчества.

Единственной статьей в рассматриваемом выпуске, вызывающей некоторое недоумение, является заметка П. Гусева. Автор негодует на современных «знатоков» иконописи, кладущих в основу своего суждения о памятнике «впечатление от живописи». Но как раз пример статьи П. Гусева показывает, что если не без впечатления, то без какого-то иного отношения, но именно к *живописи*—трудно что-либо сделать. Правда, икона князя Владимира в Никольской часовне в Новгороде, рассмотрению которой посвящена заметка, записана. Но на основании собственного обследования памятника на месте, мы думаем, что некоторые наблюдения над элементами первоначальной живописи иконы все же могут быть сделаны. Несомненно, остроумно объяснение совмещения на одной иконе изображения Св. Владимира с изображениями Бориса и Глеба и Кирика и Иулитты; но, несмотря на это, наличия в статье археологического, о котором говорит автор, или какого-либо иного метода, мы при всем нашем искреннем желании обнаружить не могли Приходится также пожалеть, что памятник (икона Св. Владимира), столь богатый художественными качествами, воспроизведен вовсе неудачно.

Внешность издания, носящая деловито-серьезный характер, не оставляет желать лучшего. Репродукции, за исключением тех, на которые особо указывалось выполнены безукоризненно.

Г. Жидков.

GRIGORIEW, BORIS. «Rasseja». Müller u. C-o Potsdam. S. Efron. Petersburg—Berlin 1921. 8°. S. 144.

Немецкое издание «Рассеи» Бориса Григорьева очень любопытно. Оно удачно продолжает русское: немецкий вариант дает 70 репродукций с вещей Григорьева, в том числе 4 красочных, то-есть на целую половину новый материал. Примечателен и текст. Он нам рисуется очень важным для характеристики—не художника, правда,—а отношения немецкой критики к современной России и ее искусству. В силу этого недолгий разбор текста этого может быть не напрасен. Что издатели заменили русский текст к «Рассее» своим можно, конечно, только приветствовать.

На первом месте в немецкой «Рассее» помещена статья Оскара Би, критика

очень известного. Он подчеркивает предметность творчества Б. Григорьева, определяет его художественный диапазон именами Лотрека (для серии «Интимностей») и Шагала: как известно с этим последним, возведенным в мистики, художником очень носятся в Германии. «Русское искусство всегда прислонялось», по мнению Би. Только «примитивы» (иконы?) самобытны. В Григорьеве—большая и хорошая серьезность. Для характеристики его форм у Би есть довольно меткое слово: «Кристаллы земли».

Следующая статья П. Бархана, «шефа немецко-русской критики», писателя, долго жившего в Петербурге. Он говорит не о Григорьеве, а именно о «Рассее»—некоей «Пра-России», буйной матери.—«Чорт возьми—как летят сани!»—фраза для его стиля очень характерная. Именно в «Рассее»—молодая, творческая, ждущая сила: и надо отдать должное Бархану: он ее приветствует и очевидно чует по настоящему.

Александр Бенуа в третьей статье высказывает о Григорьеве мнение интересное, просто как отзыв именитого петербургского писателя о художнике, ему весьма чуждом. Искусство Григорьева Бенуа характеризует как «ужасное и детское».—«Я не совсем уверен, что Борис Григорьев живописец», говорит Бенуа, и кончает уверением, что Григорьеву «удалось, как единственному из всех русских художников, увидеть лицо своей обманчивой страны».—Книгу замыкают несколько страничек самого Григорьева о линии: это единственное совпадение с русским текстом.

Представляется, что немецкая книга о Григорьеве—серьезнее и правильнее построена, чем русская. Правда, немецкому читателю неясно будет—«почему именно Григорьев».—Стихия «Рассеи», о которой говорит Бархан—разве не была она лучше в свое время выражена хотя бы Малявиным?—Но в общем книга приятный симптом: между современной Германий и Россией, думается, крепнет мост общей—не побоимся ее назвать—революционной культуры.

И вот еще сюрприз: типографски русское издание—лучше немецкого!

Проф. А. А. Сидоров.

ГОЛЛЕРБАХ, Э. Ф.—«Собрание Палей в Детском Селе»—Серия «Дворцы-Музеи». Издательство «Среди коллекционеров». М. 1922. 8°. Стр. 72. 1.200 экз.

Эта изящная и превосходно изданная книжка имеет дело с одним из тех пунктов прошлой художественной культуры, которые были недоступны при старом режиме никому, но которые ныне широко распахивают свои двери изучателю. Особенно Петербург и его окрестности богаты такими пунктами: появление путеводителя по одному из них в издательстве Московском на первый взгляд удивляет.—Мы, конечно, склонны быть только благодарными культурной инициативе журнала «Среди коллекционеров». Написанная просто и приятно статья Э. Ф. Голлербаха будет в значительной мере новостью для всех, даже специалистов.—Дворец жены Павла Романова, в котором «не было ни одного русского гвоздя», заслуживает бесспорно внимания.—В нем собраны вещи, может быть, не первоклассные, но чудесно скомбинированные: стиль (в данном случае—поздний классицизм французского XVIII века) выдержан столь до конца, что на обстановке комнат, на подборе безделушек каких-нибудь и мебели можно действительно учиться. В настоящее время вопрос о поднятии так наз. «художественной промышленности» стоит на очереди; многим из наших мастеров мебельных, обойных и декоративных надо было бы побывать в дворце Палей.—В нем есть, конечно, и иной интерес, который, к сожалению, не подчеркнут автором. На коллекции дворца было бы очень интересно остановиться просто с точки зрения,—что собирали и как собирали наши аристократы в недавнее время. Право, есть какая-то любопытная логика в том, что вещи, созданные для жертв первой французской революции, попали в руки русских великих князей, когда дни тех были уже сочтены!—Но только французская революция разметала старые богатства по всем углам Европы. Тогда как пролетарская русская—умеет их беречь, превращая в Музей бывший дворец...

Книга снабжена большим числом хороших репродукций. Жаль, что нет

снимков с отдельных выдающихся произведений искусства, хранящихся в дворце Палей. Текст к этим репродукциям очень правильно напечатан в соответствии с положением снимка то поперек, то вдоль страницы.—Вообще если можно в чем упрекнуть книжку, то в паре совсем микроскопических ошибок: если портрет Н. А. Львова, упоминаемый на стр. 20—1, им гравирован действительно в 1787 году, то он не может быть произведением Боровиковского, появившегося в Петербурге, как известно, не ранее 1789 года.—Вряд ли Буше исполнил «несколько десятков тысяч» рисунков.—Или это только «манера говорить»? Как бы то ни было, книжка приятная и интересная не только для специалиста.

Проф. Д. А. Сидоров.

БИБЛИОТЕЧКА ЭКСКУРСАНТА. Под редакцией И. Н. Борсэдина и В. М. Лобанова. В. М. Лобанов. Подмосковные. Издательство Д. Я. Маковский и Сын. Москва 1919. 64 стр. in 8°.

В области изучения русского усадебного искусства нельзя не приветствовать издания популярных руководств для широкой, мало подготовленной массы экскурсантов. Такой характер носит небольшая книжечка, посвященная наиболее популярным подмосковным. Она составлена на основании почти исключительно книжного материала. Жаль, что автор не побывал во многих описываемых им местах—он не назвал бы тогда растущие перед домом в Черемушках ели тополями, не написал бы, что в Архангельском остался только внешний вид театра, тогда как на самом деле там прекрасно сохранился зрительный зал, с двумя ярусами лож и даже декорации Гонзаго.

Из мелких погрешностей и неточностей следует отметить, что предполагаемый залив пруда в Кускове, против дома, является каналом, который рыли по приказанию гр. П. Б. Шереметьева в Вешняки, имение невесты его княжны Черкасской.

Про Суханово нельзя сказать, что оно издано в десятых годах XIX века; архитектура дома здесь, несомненно, более ранняя (конец XVIII века), постройка мавзолея относится к 20-м годам.

Также несколько произвольным кажется утверждение, что дом в Никольском-Урюпине строил тот же архитектор, что и в Архангельском.

При описании Измайлова не указано, что Покровский собор обезображен двумя пристроенными к нему корпусами богадельни.

В строках, посвященных Петровскому, не указан один из наиболее очаровательных уголков усадьбы—флигель, расположенный в тени столетних лип.

Книжка все же является полезным руководством для рядового экскурсанта; жаль только, что мало видно у автора любви к предмету, всегда лучше слов воздействующей на неподготовленного читателя.

Д. Греч.

Казанские издания Графического коллектива «ВСАДНИК».

С 1920 г. при Казанских художественных, государственных мастерских возникла группа графиков, объединившихся под знаменем *«Всадник»*.

«Могучей фигуре *«Всадника»*, который, сметая веками насевшую пыль, несется к новым достижениям человеческой мысли—посвящаем мы этот сборник [1]), говорят в своем манифесте участники «Вседника», как бы этой фразой характеризуя то направление, которого предполагает придерживаться «графический коллектив».

За свое непродолжительное существование коллектив сумел себя зарекомендовать с самой выгодной стороны, успев выпустить в свет до десяти интересных изданий.

Своему возникновению «Всадник» всецело обязан лицам, случайно появившимся в Казани, сумевшим возбудить интерес к графике у молодых мастеров Казанских художественных мастерских. До этого времени, еще в бытность художественной школы существовал гра-

---

[1]) Н. Шикалов, И. Плещинский, «Г е р о й с т в у б у д н е й». «Всадник» графический альманах № 1 1920 г., стр. 3.

верный класс, был свой руководитель, имелась целая уйма пособий и богатство материала, но не было самого главного, любви и интереса к графике, дело шло довольно вяло, и граверный класс, насчитывавший очень незначительную группу участников, в 1906 г. должен был прекратить свое существование, заколотив офортный печатный станок на долгие годы в футляр из досок. Такова печальная история граверного класса Казанской художественной школы, в которой учили копировать рутинной манерой со старых гравюр или же с фотографий передвижников. Совсем изменилась картина постановки дела, когда за это дело взялся энтузиаст-график, ученик В. Д. Фалилеева Н. С. Шикалов. Он свою первоначальную подготовку получил в мастерской И. Машкова, но, увлекшись графикой, стал заниматься у В. Д. Фалилеева. Будучи глухим, Шикалову приходилось с большим трудом воспринимать объяснения у своих руководителей, но его любовь и увлечение искусством все преодолевали. Усердие Н. Шикалова не оставалось без внимания у его руководителей, которые всячески старались помочь молодому человеку, так жадно и пылко стремившегося постигнуть тайны графического искусства. В. Д. Фалилеев мне передавал, что ему приходилось Н. Шикалову давать объяснения все время письменно, так как не было другого способа общения с больным учеником, но В. Д. Фалилеев эти записочки с объяснениями, собрав в особую тетрадь, составил таким образом довольно интересное руководство по гравюре, которое навряд ли он смог бы написать за перегруженностью работой. У В. Д. Фалилеева Н. Шикалов изучал гравюру на дереве, линолеуме и офорт. В 1919 году Н. Шикалов попадает в Казань и ему поручается заведывание отделом графики в художественных государственных мастерских, и он особое внимание уделяет гравюре на линолеуме. К этому же времени почти относится приезд в Казань другого, не менее талантливого мастера Ил. Ник. Плещинского. Этот художник с особой любовью стал заниматься в Казанских художественных мастерских в качестве руководителя по литографии и офорту. Свое художественное образование И. Плещинский сначала получил в школе поощрения в Петербурге у таких опытных учителей, как Рерих, Рылов, Билибин, затем, будучи призван во время войны на военную службу, он, пробыв некоторое время на фронте, попадает в германский плен, где усердно изучает любимую специальность — литографию. На творчество Плещинского безусловно влияет немецкая школа, и он невольно поддается обаянию мастерства молодых художников, которых с любовью штудирует; среди них любимыми для Плещинского были: Pechtstein, Grossman и друг. В 1919 г. И. Плещинский в Казани, и ему поручается отдел литографии в графической мастерской. Как раз в это время у Н. Шикалова и И. Плещинского возникает мысль издания графических сборников, которые смогли бы объединить молодые художественные силы Казанских графиков. Так возникает графический коллектив Казанских художественных мастерских *«Всадника»*. Первой работой, которой дебютировали молодые графики, был «графический альманах «Всадник» № 1 (30 экземпляров). В этот сборник вошли работы: И. Плещинского, Н. Шикалова, Д. Федорова и М. Меркушева. Всего помещено в сборнике до 16 произведений, исполненных офортом, литографией и гравюрой на линолеуме. В виде предуведомления на первых страницах сборника напечатана статья: «Геройству будней», в которой инициаторы сборника мечтают о возрождении «красивой книги, иллюстрации которой были бы выполнены самими художниками в их графической мастерской». Они дерзнули «возвратить книге характер искусства, который ныне убит фото-механической техникой печати». И их попытка, если не вполне разрешила трудно поставленную себе Казанскими графиками задачу, то все же доказала, что, при известном усердии и, главное, искренней любви к своему делу, возможно добиться безусловно приличных результатов. В первом нумере альманаха особенно выделяются работы: офорт на цинке И. Плещинского (стр. 3) и мотивы Казанской старины Н. Шикалова, исполненные самыми разнообразными приемами граверной техники.

Вслед за первым сборником коллектив «Всадника» выпустил альбом литографий И. Плещинского (12 экземпл.) и его же интересную тетрадь офортов (24 экземпл.). В этой тетради собрано до двенадцати работ В. Плещинского, представляющих весьма удачные его опыты в области офорта, исполненного как травлением, а также сухой иглой. Мягкость и простота манеры Плещинского свидетельствуют о его большом, художественном чутье и тонкости понимания задач офортного искусства. Вскоре после вышедших изданий коллектив *«Всадника»* устроил выставку работ своих сотрудников. На выставку было представлено до 120 произведений, и был издан иллюстрированный каталог. Одновременно с деятельностью «Всадника» его сотрудники принимали живое участие в качестве графиков в разных Казанских изданиях; так, И. Плещинским было выполнено не мало работ, среди которых отметим: «обложку (линолеум) к изданию *«Классицизм в Казанском зодчестве»*, иллюстрации и обложку, на линолеуме, в несколько досок, к сказке Абдулла Тукаева *«Коза и баран»*, также иллюстрации к сказке Тукаева *«Шурале»* с сочной оригинальной обложкой, книжные украшения к сборнику стихов *«Тараном слов»*, исполненные литографией обложку к переводам Верхарна, обложку к книге о театре Славяновой.

Так успешно развивалась деятельность участников *«Всадника»*, более и более завоевывая симпатии у всех любителей графики, но летом 1921 г. судьбе угодно было нанести этому полезному начинанию несколько тяжелых ударов, несомненно отразившихся на общем ходе работы.

31-го мая 1921 г., купаясь в Казанке, утонул Н. С. Шикалов, душа коллектива. Эта трагическая утрата для коллектива явилась незаменимой и нанесла среде молодых сотрудников глубокую рану. Но не успели опомниться от тяжелой потери товарищи «Всадника», похоронив своего любимого руководителя Н. С. Шикалова, как на них обрушилось еще одно горе, как на них грянула еще новая беда: через 13 дней после трагической кончины Шикалова умерла внезапно от холеры его ассистентка, одна из самых деятельных членов коллектива, М. Г. Андреевская, подававшая довольно большие надежды в области графики. Вскоре, после этих двух неожиданных потерь, друзья и почитатели их устроили посмертную выставку. В одной из зал Казанских художественных мастерских были собраны работы Н. Шикалова и М. Г. Андреевской, по этим работам легко можно было проследить ход увлечений молодых, погибших талантов, не трудно было определить те начинания и затеи, которые были намечены этими двумя интересными мастерами. У Н. Шикалова было выставлено несколько проб из его серии, посвященной *«Старой Казани»*, у М. Г. Андреевской—же был выставлен начатый любопытный цикл гравюр с памятников Казанских некрополей.

Итог художественных мечтаний и исканий Шикалова и Андреевской был представлен на их посмертной выставке, небольшой же изящный каталог дал сводку всего того, чем увлекались неожиданно нас покинувшие молодые два таланта. После этих печальных событий в жизни коллектива *«Всадник»* работа пошла вяло, и только в июле месяце И. Плещинский выпустил 18 автолитографий, которые явились тоже заключительной страницей деятельности И. Плещенского в Казани, так как он, вскоре покинув Казань, выехал в Польшу.

Мастерская коллектива опустела, работа замерла, в жизни *«Всадника»* наступило затишье, и казалось, что так удачно начатому делу грозила гибель. Но недавно коллектив вновь пополнился новыми, усердными сотрудниками К. Чеботаревым, А. Платуновой, и дело стало опять как будто налаживаться.

Недавно вышли две тетрадки А. Платуновой: «Графика» (20 экземпл.) и «Виньетки» (40 экземпл.), довольно мило изданные, которые свидетельствуют об увлечении автора гравюрой на линолеуме.

Но к более интересным, последним изданиям «Всадника», надо отнести альбом К. Чеботарева: *«Революция»*. Эта работа является лучшим подарком «Всадника» современному моменту. По своему содержанию здесь воспроизведен ряд мотивов революционного характера и гравюры: «Настала пора и проснулся народ», «Вставай. проклятьем заклеймен

ный» и друг. создают известное настроение. Не лишена остроумия гравюра: *«18 год, беженцы»*. Лучшею по своей силе и яркости является графика *«Матросы»*. Всего помещено в альбоме 12 работ. По композиции графика Чеботарева в некоторых случаях не лишена некоторой доли постороннего влияния; так, фронтиспис, изображающий молот, наковальню и пылающие искры, исполнен не без заимствования мотива с прекрасного плаката А. Варфоломеева. В общем же данные альбома К. Чеботарева заслуживают похвалы.

Вышедший альманах «Всадника» № 2 может быть отмечен на редкость интересной гравюрой на дереве в две доски В. Вильковиской *«Портрет»*, цветною гравюрой на линолеуме *«Ветер»* Андреевской и офортом (мягкий лак) Н. Шикалова. Этот альбом начат был еще при жизни М. Андреевской и Н. Шикалова, и както ему все не удавалось выйти в свет. Большую долю старания и труда по изданию второго нумера *«Всадника»* приложил П. Е. Корнилов, заслуга которого несомненно должна быть отмечена. Заканчивая наш обзор издательства «Всадник», мы должны отметить, что коллектив, несмотря на весьма трудное время, на отсутствие бумаги и отсутствие другого технического материала, сумел выйти из довольно трудного положения, издав до десяти выпусков своих трудов. Нам могут справедливо заметить, что это лишь робкие попытки ученических исканий, но на это мы возразим, что вся работа «Всадника» проникнута горячей любовью к искусству, проникнута пылким энтузиазмом к творчеству, что невольно чувствуется в каждой линии, каждом штрихе участников. Все то, что выполнено уже *«Всадником»*, есть прекрасный показатель усердия и искреннего вдохновения коллектива—будем верить, что и в дальнейшем *«Всадник»* будет на своих крыльях, как *Пегас*, уносить мечты молодых мастеров в высь, воплощая их образы в красивые графические видения. Будем ждать их дальнейших творческих откровений.

П. Дульский.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

„КРАСНАЯ НОВЬ“ № 4 и № 5.

В грозовые годы революции мы жили преимущественно стихами. Их было так много, что читатель томился в ожидании рассказов, повестей, новелл и т. п. О романе он и мечтать не смел. Теперь художественная беллетристика начинает в большом количестве появляться в журналах, сборниках, альманахах и даже отдельными изданиями. Она отражает нашу жизнь, нашу борьбу, наш быт, психологию, хотя бы и через призму чуждого нам сознания и художественного восприятия. Она учит понимать нас самих и наших врагов, особенно мелкобуржуазную стихию, которая волна за волной набегает на молодые ростки новой жизни.

Большую радость испытывает каждый из нас, развертывая книжку толстого коммунистического журнала «Красная Новь». Отдел художественной литературы занимает в нем значительное место. В нем собран материал нашего революционного быта и дан в художественных образах писателями нам близкими по духу, иногда родными и дорогими по борьбе за коммунистический идеал.

Правда, материал далеко не равноценен, от изъятия некоторых вещей журнал только бы выиграл, но нужно знать что положение современного редактора литературно-художественного журнала «хуже губернаторского», как говорили в старину. Еще не наступило время, когда писатели могли бы давать широкие и прекрасные панорамы; писатели еще «на этюдах». И этюды эти зачастую недодуманы, недоделаны, случайное затемняет основное, а это, в свою очередь, ведет к неточному отображению действительности. Редактор вынужден мириться

со многим, что далеко не удовлетворяет его требованиям, иначе он застрянет с выпуском очередной книжки.

Ценно то, что около этого журнала группируются молодые писательские силы, которые своим молодым сердцем и свежим сознанием, менее засоренными старыми предрассудками и традициями, скорее воспринимают новую нарастающую правду жизни и в художественных образах разносят по городам и весям, большим дорогам и бескрайним полям нашей необъятной республики. Темные факты нашей жизни запечатлены здесь не как злостная сатира, художественная клевета и злорадство, а как исторически неизбежная муть столь великой, всеочищающей бури, социального переворота. А светлые—радуют нас, увлекают, давая нравственную силу в наших трудных условиях.

Молодой писатель Всеволод Иванов дал прекрасную повесть «Бронепоезд № 14-69», хотя она и страдает длиннотами, повторениями и неровностью языка. Эстетическую критику мы оставляем в стороне. Нас интересует идеологическая сторона. Мы прежде всего ценим и глубоко ценим стремление писателя дать коллективную психологию, психологию массы, связанной единым стремлением; массы, в которой каждый человек необходим, как камушек в мозаике. Выкинь его и—останется пустое серое место. И эта масса наша, трудовая, рабоче-крестьянская.

Сила писателя в умении поставить каждый персонаж в этой массе на свое место и заставить говорить его своим языком, живым, а не выдуманным. Эта способность писателя отчасти обусловливается тем, что многое он видел сам и во многом участвовал лично; и может быть занесено немало переживаний и впечатлений, которые навеки останутся в памяти художника,—и, может быть, многие из этой массы говорят словами самого творца их.

Произведения, подобные разбираемому, удаются не всем и не сразу. А молодой художник вызвал к себе внимание и сочувствие читателя еще «Партизанами», помещенными в одной из первых книжек «Красной Нови».

Мы не беремся высказать окончательное суждение о путях развития творчества В. Иванова, но мы полагаем, что разработка тем, где масса действует и творит, а не выступают отдельные герои, сильные и слабые,—его стихия. Эта масса, как плодородная черноземная глыба, встает перед нашими глазами при чтении повестей Иванова.

Современную жизнь революции глубоко захватывает и другой писатель Борис Пильняк. В нем так же много художественной силы, много наблюдательности, у него есть свое лицо, хотя еще и не вполне определившееся. Но его роднит с В. Ивановым только среда наблюдений. Б. Пильняк анализирует отдельную душу, перебирая и выясняя переживания современности.

В пятой книжке «Красной Нови» он дал отрывки из романа «Голый год», а в четвертой—«Простые рассказы». Эти вещи вполне характеризуют писателя, хотя и не являются его лучшими произведениями. В трактовках тем чувствуется интеллигентский подход, и я опасаюсь, что Б. Пильняк, при всей своей талантливости, не сможет подняться до тем В. Иванова. Его отдельные герои большею частью страдают интеллигентской психологией, которая писателю так близка и понятна, и которой он любуется.

У Б. Пильняка есть определенная репутация, но для меня он еще величина непонятная. Возможно, что писатель не проведет своей самостоятельной борозды в современной литературе, хотя его будут много читать, много хвалить и, может быть, станут ему даже подражать. Скорее он займет средину в литературе, отражающей революционную эпоху, средину между новым подходом к явлениям жизни, еще неизведанным и неиспытанным, и тенденциями, сильно связанными с прошлой литературой. Во всяком случае Б. Пильняк заслуживает самого серьезного к себе внимания; не только критик, но и простой читатель не должен пройти мимо его творений ярких и оригинальных, хотя и не всегда удовлетворяющих.

Есть и еще одна струйка в литературе, которую нам хочется отметить. Мы говорим о произведениях, стоящих как бы вне развертывающихся современных событий, или пользующихся ими лишь

только как рамой: произведениях узко-психологических, пейзажных и т. п.

Сюда надо отнести рассказ М. Зощенко «Лялька пятьдесят», яркий и приятный рассказ, хотя и не новый по теме и трактовке; сюда же пойдет С. Семенов со своим интересным рассказом «Тиф». Автор берет военкома в обстановке гражданской войны, но центр тяжести в психологии больного тифом, порвавшего с реальным миром. Рассказ может быть интересным материалом для психиатров.

В эту группу надо зачислить и «Казенник» А. Перегудова, вещь весьма недурную.

При всей своей видимой нейтральности, эта литература несет определенную идеологию и психологию, и поэтому она требует серьезного внимания и анализа. Надо, однако, сказать, что эта полоса «нейтральности» долго держаться не сможет. Жизнь свое возьмет и заставит повернуть в ту или другую сторону, либо в сторону революции, либо в сторону мелко-буржуазной стихии.

На других вещах журнала мы останавливаться не будем. Они или слабы, как, например: рассказы С. Подьячева, или недостаточно характерны для писателя, как, например, «Ворова мать» Н. Ляшко. Н. Ляшко пишет давно, имеет вещи более глубокие, более характерные и говорить о нем по одной вещи нет смысла.

Наконец, нам хочется сказать два слова о драме В. Шишкова «Вихрь». Драма современная, читается с интересом, пойдет она с успехом и на сцене, но в ней много сходного с «Бабами» Неверова, и это принижает ее значение. Это сходство видно и в общей обстановке, и в отдельных характерах, и до некоторой степени даже в сюжете.

Валерьян Полянский.

«СВИТОК» 1. Из-во «Никитинские субботники». Москва 1922 г. 177 стр.

Случайно собравшиеся люди—обычное впечатление от последних альманахов, журналов.

Этой случайности встреч «Свиток» как будто хотел избежать, более или менее однородно сгруппировав литературный материал. Две работы посвящены Достоевскому, две Некрасову, библиография и архивные источники сосредоточены вокруг этих двух имен.

Книга, очевидно, немного запоздала. Юбилейные воспоминания окончились, читатель спрашивает что-то другое, а главное—учебник алгебры и анатомии. Но, конечно, и Достоевский и Некрасов всегда останутся с нами.

Начну, однако, по порядку. О стихах говорить много не приходится. Липскеров и Цветаева—средние, мы встречали у них стихотворения получше. Поэма Овадия Савича кажется нам сочинительством с напрасными претензиями на оригинальность. Многим, вероятно, понравится стихотворение Казина—оно в самом деле не без приятных достоинств, ждем от него хороших стихов. Клавдии Лавровой чуть-чуть чего-то не хватает, чтобы быть окончательно меткой и окончательно поэтессой. Вот драма В. Волькенштейна в стихах. Действие происходит в XIV веке в Нюренберге. Не без ужаса приступили мы к ее чтению, окончили с большой скукой. Не стоит писать таких драм, да еще таким шершавым едва-едва осиленным ямбом. Что сказать о рассказах? Нам нравится рассказ А. Яковлева. Он написан в каких-то хороших толстовских традициях, с душой, со знанием своего дела. Тема для нас привычная издавна—русский мужик-солдат. Читается свежо, сочувственно.

Рассказы Вешнева и Насимовича из быта последних лет. Не знаем, удался ли первый—уж слишком недавняя, еще не отстоявшаяся тема, а второй—бытовая картинка. Статья Гроссмана бегло намечает вопрос о форме романа у Достоевского. Многие сопоставления очень любопытны, но все в целом оставляет впечатление мозаичности. Слишком много имен упомянуто в связи с исканием формы романа Достоевским. В конце концов, не ясно, кому и в чем Достоевский обязан больше всех. Этого нужно было избежать, поставив вопрос отчетливее методологически.

Н. Бродский напечатал неизданные подготовительные материалы к «Бесам», извлеченные из недавно открытого ар-

хива Достоевского. Они дают много интересного, но рядовой читатель, не специалист, заблудится среди них. Необходимы были примечания, указания, что из первоначального замысла и в какой форме вошло и осталось в романе. Общее суммарное предисловие кажется нам недостаточным. Из этих материалов интересны новые штрихи к личности Грановского-Верховенского, упоминания имен шестидесятников. И вообще становится все яснее, что «Бесы» были для Достоевского его основной работой по отношению к русской общественности. Трудно сказать, кого он больше ненавидит—либерала-Грановского или нигилиста-Верховенского. Последний был страшнее, первый смешнее (Грановский умирает от поноса, об этом говорится несколько раз). Любопытно для Достоевского и его мировоззрения, что в окончательной редакции «Бесов» он сделал Грановского отцом Нечаева (Верховенские отец и сын). «Нигилисты дети помещиков»—вот другое близкое первому положение Достоевского (87 стр.). В материалах «Свитка» эта мысль подчеркивается довольно настойчиво, впоследствии она послужила исходным пунктом для изображения своеобразного нигилиста — помещика Ставрогина. Он в эту пору первой подготовительной редакции, как видно, был еще совсем неясен и обрисовывался скорее в роли какого-то искателя, в русском смысле этого слова. Зато по отношению к его матери «княгине» снова подчеркивается мысль о связи (повидимому, на основе беспочвенности, оторванности от России) с нигилизмом: «некоторое время княгиня бредила о боярской партии и сошлась с Нечаевым, ибо нигилисты с боярами сходятся». Все это характерно для Достоевского.

Статья И. Н. Розанова «Проза любви» знакомит нас с малоизвестной страницей из жизни Некрасова—его отношением к женщинам.

На основании мемуарной литературы рассказано много любопытных случаев, бросающих иногда неожиданно яркий свет на личность поэта.

Статья Шувалова о Некрасове посвящена исследованию его поэтики.

В конце журнала дан ряд справок о литературных обществах и работах в области литературы за последние годы в Москве.

К. Локс.

«НАЧАЛА» № 1. Журнал истории литературы и истории общественности. Под ред. акад. С. Ф. Ольденбурга, акад. С. Ф. Платонова, проф. Э. Л. Радлова и А. С. Николаева. Петербург 1921.

Журнал, в котором есть все для того, чтобы быть солидным журналом.

Не только в составе редакции академики и профессора. Большая часть статей лежащей перед нами первой книги и даже библиографических заметок подписана именем академика или известного профессора. Совершенно исключительный по полноте и основательности обзор интеллектуальной жизни в главных европейских странах, интересные историко-литературные материалы, среди которых обращает на себя внимание автобиография С. А. Толстой, письмо Владимира Соловьева к Николаю II, неизданный этюд Гончарова о «Христе» Крамского и т. д.

И, несмотря на это, как далеко все это от волнующей современности! Правда, журнал исторический, но ведь и история может волновать и захватывать.

Две статьи о Достоевском. И в обеих традиционный Достоевский, неврастеник и невропатолог, с каким-то садическим наслаждением копающийся в извилистых переходах человеческой души, в проблемах политики и морали. А ведь связь Достоевского с нашей революцией, его пророческое проникновение в самые глубинные тайники той психики, которая только в наши дни раскрывается в своих противоречиях, его поэзия, его мораль, которую опыт нашего времени освещает новым светом,—все это заставляет исследовать Достоевского, как писателя, который, по удачному выражению В. Ф. Переверзева, открыл и в себе самом и в своих героях огромный запас потенциально-революционной энергии и такой же запас энергии реакционной.

Академик Котляревский в своей статье выводит Достоевского в тихую ночь, размышляющим о политических вопросах. Трудно узнать автора «Бесов»: иногда как будто его мысли, его слова, но все упрощено, наивно. Академик Котляревский словно вынул сердцевину, бурную и клокочущую, из философии Достоевского, она стала елейной и кроткой.

Оказывается, по мнению Достоевского, не могло быть в России революции с убийством царя, с братоубийственной гражданской войной, потому что все это уже имело место в других странах, и не получилось бы тогда никакой разницы между «ними» и «нами», и не было бы у нас своего призвания, и оказались бы мы просто «плагиаторами», и нельзя было бы в этом случае объяснить, зачем «была дана нам православная вера» и т. д. Да, странные шутки шутит история: не побоялась того, что народам в борьбе с деспотизмом не всегда удается быть оригинальными, не побоялась, что упрощенному Достоевскому не все удалось бы объяснить при известном развитии событий. Впрочем, автор вывел своего воображаемого героя из его затруднительного положения. Икона и горящая перед ней лампада показались ему ответом на все тревоги и страдания его духа и ответом на страдания всех на земле. Этот переход от скептицизма к вере, что все кончится на земле торжеством любви,—ничем психологически не оправдан, если не считать объяснением фразы: «и вдруг—словно чудо—стало на сердце его и светло, и спокойно, и радостно» или «как часто замечал он в себе такую внезапную перемену».

Более интересна статья проф. Карсавина «Федор Павлович Карамазов, как идеолог любви», интересна, правда, своими парадоксальными мыслями, хотя спорными и субъективными, но оригинальными и неожиданными. Нельзя отказать, напр., в смелости рассуждений по поводу похотливых чувств Федора Павловича, по поводу обуревающей его жажды осквернить, втоптать в грязь женскую чистоту. По мнению проф. Карсавина, он чувствовал эту чистоту и понимал ее острее и глубже, чем иной и «благородный» и «непохотливый» человек: «сама жажда осквернить понятна лишь на почве яркого переживания того, что оскверняется, а, следовательно, восприятие чистоты (т.-е. сама чистота) должно было находиться в душе Федора Павловича, до известной степени быть им самим».

Духом идеалистической философии проникнута вся книга журнала. Авторы статей как будто еще упорнее оберегают свою мысль от вторжения жизни, еще крепче, чем в дореволюционное время, спешат замкнуться в автономном царстве чистой мысли. В. М. Жирмунский в талантливой статье о задачах поэтики высказывает ряд ценных мыслей, в особенности о композиции поэтических произведений. Но он очерчивает область художественных приемов магическим кругом. Он не преступает этой черты, не заглядывает за пределы своего излюбленного уголка. Он не способен сделать второго шага, протянуть нить от художественного приема к другим формам человеческой деятельности. «Не эволюция философского мировоззрения или «чувства жизни» по памятникам литературы, не историческое развитие и изменение общественной психологии в ее взаимодействии с индивидуальной психологией поэта-творца, составляют существенную основу историко-литературного исследования, а изучение истории поэтического искусства, или, по терминологии Веселовского, «историческая поэтика».

Профессор Жирмунский некстати вспомнил великого учителя, который более полувека тому назад, взойдя на открытую впервые в России кафедру всеобщей литературы, произнес следующие слова: «История литературы, в широком смысле этого слова, это—история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом». Он поставил себе целью «проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливается всякое предыдущее развитие».

И Веселовскому никогда не удавалось в своих исследованиях по поэтике оста-

ваться в пределах царства художественных приемов. За приемами и в приемах раскрывалась внутренняя связь общественных интересов. Но то была литература—«в широком смысле». Талантливый исследователь Жирмунский предпочитает ограничиться «узким смыслом» поэзии. Suum cuique!

Вполне в духе общего направления журнала статьи Виктора Виноградова и М. Петровского посвящены: первая—сюжету и композиции повести Гоголя «Нос», вторая—композиции новеллы у Мопассана.

Журнал—яркий симптом настроений известной части интеллигенции, возврат к идеализму и мистике, к Достоевскому, традиционному, ложно понятому, к «чистой» науке, которой угрожает опасность утраты всякой связи с жизнью,—духовная реакция, имеющая свои исторические причины, но печальная, отбрасывающая крупных мыслителей от разрешения насущнейших проблем, выдвинутых эпохой.

Проф. П. С. Коган.

«ПЕТЕРБУРГ», двухнед. литерат.-популярно-научн. иллюстрированный журнал. Пгр., № 1, дек. 1921. № 2, янв. 1922. Стр. 46 и 36. Ц. 15 т. р. Редактор В. Шкловский.

Будем рассуждать философически: добрый издатель мирного времени (славная туша) мыслил примерно:—э, публика все съест. И из этого расчета скармливал публике неусвояемые суррогаты. Деятели нового купечества подошли к этой проблеме с другой стороны и рассуждали так: раз публика ест эти гаденькие вещицы, то, очевидно, у нее есть к этим вещам вкус, потребность и жадность, которые было бы грешно не использовать, грешно и перед собственными карманами, и перед логикой, и перед коллективной душой покупателя. И это-то новое купечество в лице деятеля «Опояза» В. Шкловского заработало: плодом этой работы явился чудный журнальчик «Петербург», где есть «все»—моды (но не без суждений о материях не-текстильного происхождения, о материях высоких, и не без цитаты из Гоголя), лирика Ахматовой, Ходасевича и Павлович, скрепленная уверениями редактора о том, что «прекрасная поэзия Ахматовой—прекрасна» и позор на голову тех, кто осмеливается в этой питерской аксиоме сомневаться, и сладенькие словечки Шагинян о новоявленном гении Питера—Ходасевиче (с легкой руки Белого, внезапно зачуравшегося от Есенина, которого он так рекламировал, и усмотревшего истинного поэта в Ходасевиче)—подрумяненные рассказики,—то не без Грина, то под Лескова (неуклюже до слез: в Лесково-подобном сочинении нет сюжета... о, «Опоязе», почто соблазняешь ты сих Синебрюховых?). Кроме того: сообщение об опасных замашках рыбы-пилы, которая водится в Мойке, о радио-шпаргалке, об уничтожении саранчи при помощи... прожекторов (знают ли «опоязники», что̀ это за штука) и проч. и проч.—тьма убогой роскоши и старательности потрафить трамвайному пассажиру за его кровные 15 тысяч. Увы—провинциально и курьезно. Ну, то ли дело был «Огонек»; испортило наших предпринимателей «опоязовское» умничанье, далеко им до Каспари, Сойкина, Битнера и Мансфельда.

Э. П. Бик.

«МАКОВЕЦ», журнал искусств. № 1. К-во «Млечный путь». М. 1922. 650 экз. Прод. ц. 200 т. р.

Очень странное и нелепое впечатление производит этот «журнал искусств». Картинки художников (литографии, и не очень хорошие литографии)—старьецо, сдобренное мистикой и рассуждениями о том, что в искусстве должно быть «объективное художественное созидание». И, что за публика, какая все ученая пошла!—«объективное», «созидание» и т. д., а ясно, что эта машинка (ровно ничего не значащая практически и философски-сделана из самого неприхотливого материала, что, напр., слово «объективное»—это то самое «объективное», которого добивается курсистка Соня, которая уверяет маму, что она смотрит на первокурсника Колю, «не объективно», на что мама резонно отвечает, что она не желает, чтобы ее путали учеными сло-

вами. Статья тов. Е. «Взгляд и нечто» отличается от всех построений, обычно объединяемых таким именем, что там ни взглядов, ни каких-либо «нечт» не наблюдается, а видно только, что и автор сам еще не знает, чего ему, собственно, требуется. Стихи Хлебникова и центрифугалов не плохи, но цетрифугалы—гастролеры, и ими идеологических дыр не заткнешь,—да и то их странно видеть в «Маковце», так они отличаются от окружающих. Проза очень слабая и кислая. Статья же П. А. Флоренского приводит почти что в негодование своей проповедью эстетизма и магического искусства. Странно, что вскоре после выхода «Маковца» в «Известиях» (конец марта) появилась статья некоего анонима («В. С.»), который дельно и по существу ответил Флоренскому (не упоминая о его статье): эстетическое окружение богослужения из сущности религии никак не вытекает, ибо есть богослужение «магическое» (католическое, напр.) и «трагическое» (лютеранское), а раз в этом деле существуют разногласия, то, очевидно, на этом основываться нельзя. И, казалось бы, такому крупному мыслителю, как Флоренский, это надо бы знать.

Смысл книжечки: хотим, чтобы было искусство с содержанием и с содержанием мистическим. Но, во-первых, тогда нечего к себе звать центрифугалов, у которых мистики маловато, а во-вторых, сделайте хорошее искусство из вашей мистики,—тогда еще будет расчет с вами поспорить и померяться, пока же все это до того жалостно слабо, что никого не заденет.

Э. П. Бик.

К статье „Русский революционный плакат".

ХРОНИКА

НА ЗАПАДЕ.

По инициативе Анатоля Франса и гр. Ноайль в театре Сен-Мартен состоялся большой спектакль в помощь русским голодающим детям.

▫ На 71-м году жизни в Париже скончался член Французской Академии Наук известный ученый и политический деятель Дени Кашен. Из произведений покойного особенно известны: «Эволюция и жизнь», «Новый дух» и пр.

▫ В парижских академических кругах с большой тревогой следили за кампанией, поднятой шовинистической группой профессоров в связи с приглашением в Париж проф. Эйнштейна (проф. Эйнштейн должен был быть в апреле мес. в течение десяти дней в Париже). Президент Академии Наук Поль Панлеве в беседе с представителями печати заявил по этому поводу следующее: «Хочу верить, что слухи о трениях в профессорских кругах в связи с приглашением знаменитого ученого, лишены основания. Быть может, кой-где сообщение о приглашении пр. Эйнштейна произвело впечатление неожиданности—военная психология ведь еще не вполне изжита. Я во всяком случае уверен, что никто не решится ни на какие демонстративные выступления. Эйнштейн будет нашим гостем, и мы окажем ему соответствующий прием, имея в виду заслуги его гения перед человеческой мыслью. Я уверен, что Эйнштейн будет встречен в Париже так, как он того заслуживает».

▫ Из опубликованных данных видно, что в 1921 году из всех муниципальных библиотек Парижа взято было книг 1.736.998 на 101.272 книги больше, чем в 1920 г.

▫ В Германии в скором времени намечается открытие отделения института гармонического развития человека по системе Г. Н. Горджиева. Для этой цели выбран городок Геллерау близ Дрездена.

▫ В Германии общие экономические условия крайне тягостно отразились на науке. Во всех научных кругах царит подавленное настроение. Обеднение страны дошло до того, что крупнейшие научные учреждения Германии лишены возможности выписывать иностранную научную литературу (ввиду низкой валюты) и посылать своих представителей на международные съезды. Ряд научных работ сокращается с каждым днем. Но несмотря на это в ряде областей достигнуты крупные научные результаты. Выделяется работа института кайзера Вильгельма (так он называется и сейчас), в котором широко разрабатываются вопросы наследственности виднейшими европейскими учеными — Корренсом, Гольдшмидтом, Гартманом и др. Сам институт должен быть признан одним из первых по своему оборудованию. Поражает в Германии огромное количество научной литературы, которое и в настоящее время там и дается. Много переизданий, а также и научно-популярных изданий, связанных с тем приливом демократических элементов в учебные заведения, который сейчас там наблюдается.

▫ Проф. Гекк опубликовал в Кельне доклад о новых исследованиях над человекоподобными обезьянами. Исследовательская станция перенесена из Тенерифа в Берлин.

▫ Эйнштейн прочел в Берлине лекцию на тему «Новые данные о свойствах света».

▫ В Вене состоялись международные трехнедельные курсы для специализации при Венском медицинском факультете. Темой курсов явилось изучение болезней пищевых органов.

▫ В Гамбурге в последних числах апреля состоялся 34-й конгресс немецкого об-ва внутр. медицины. Главная тема: «внутренняя секреция и печень».

▫ Р. Штейнер читал лекции в Франкфурте и Кельне, собирая громадные аудитории, съезжавшиеся из окрестных городов. Газеты отмечают причиной популярности лекций Штейнера рост мистических настроений в Германии.

▫ Мартин Бубер (Кельн) прочел лекцию «Современность, как религия».

▫ Число профессоров в Страсбургском университете с 90 в 1914 году возросло до 175, а число студентов с 2.000 до 2.500. В Эльзасских кругах выражается сожаление, что французское ведомство народного просвещения не позволяет лекций на немецком языке там, где языком страны является—немецкий.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

▫ Вышло несколько новых немецких книг, заимствовавших сюжеты из времен великой войны: «Ночь» Ганса Ройзера, «Нума» Карла Гольдмана, «Одинокое племя» Кройца.

▫ Вышла на немецком языке (в Вене) французская монография Кальвоковесси о Мусоргском, имевшая во Франции крупный успех.

▫ Вышли в издании Фишера 7 и 8 том полного собрания сочинений Гергарда Гауптмана. (Последние 2 тома большого юбилейного издания.)

▫ Вышла из печати пьеса Рейнгольда Цикела «Золотой Телец».

▫ Мюнхенское изд-во «Три маски» приступило к изданию полностью факсимиле музыкальных произведений.

▫ Гергард Гауптман написал новый роман «Фантом».

▫ Вышел труд Поля Гальфлан «Французская литература XIX столетия».

▫ «Revue de Paris» приступило к изданию дневника Сюлли-Прюдома, выходящего под редакцией Гемона. Дневник рисует поэта со стороны мало известной читающей публики, как философа. Дневник четко и с большой рельефностью дает представление об исключительной разносторонности этого поэта—философ, геометр (его книга по геометрии была признана выдающейся), искусный рисовальщик и художественный критик.

▫ Недавно скончавшийся знаменитый французский драматург Анри Батайль оставил после себя законченную пьесу «Плоть». В пьесе Батайля затронута острая на Западе проблема о распадающейся семье, о внебрачных детях и т. д.

ИНТЕРЕС К РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

▫ Все более и более широкие круги немецкой интеллигенции проникаются интересом к явлениям русской культуры. По-прежнему чрезвычайно силен интерес к Достоевскому. Проф. П.И. Новгородцев в «Deutschen Geselschaft Studium Osteuropas» прочел доклад на тему «Достоевский и Шпенглер», где говорит о созвучии голосов многих немецких писателей и философов с Достоевским в высказываниях о кризисе западной культуры. Так проф. П. И. Новгородцев упоминает Наторпа, Эйкена, Ратенау, Кайзерлинга, Панвица, Бюрке и, наконец, Шпенглера. Заседание об-ва закончилось словом проф. Гетча, указавшего на значительный культурный интерес Германии к Достоевскому в частности и русской литературе в целом.

▫ В Дюссельдорфе на заседании Союза Западно-Германской Торговли и Промышленности состоялся доклад Освальда Шпенглера о России. В ряде оригинальных и нередко резких сопоставлений России и Европы Шпенглер характеризует большевизм как завершение Петровской эпохи русской истории. Шпенглер высказывает ряд парадоксальных определений «нигилистической, ненавидящей высшие формы экономической жизни страны с религиозным приматом (превосходством) над материальными вопросами жизни, страны по существу «святых крестьян» (heilige Bauern) и приходит к заключению, что Россия из современной революции выйдет с крепким национально-религиозным сознанием, приемлющим современную западно-европейскую цивилизацию, как факт, и способную предоставить европейцам широчайшее поле деятельности, оставаясь колонией Западной Европы. В иных

характеристиках Шпенглер совпадает с Достоевским. Доклад обсуждается в русской зарубежной прессе.

РУССКИЕ ИЗДАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ.

▫ Выходивший в Берлине критико-библиографический журнал «Русская книга» переименован в «Новую Русскую книгу». Журнал издается И. Ладыжниковым и редактируется по-прежнему проф. А. С. Ященко. В редакционной заметке, помещенной в № 1 «Нов. Рус. книги», заявляется, что журнал будет по-прежнему оставаться в «стороне от какой бы то ни было политической борьбы» и будет рассматривать русскую литературу, «где бы она ни создавалась, здесь или там», как единую. Все статьи, помещенные в первом номере журнала, отмечают напряженность культурной жизни и развитие нового искусства в России.

▫ В начале февраля в Берлине начал выходить еженедельный бюллетень «Дома искусств» в издании «Геликон».

▫ Книгоиздательство «Возрождение», организованное в декабре 1921 года, вошло в соглашение с книгоиздательством «Задруга» о передаче ему печатанья за границей как части рукописей, находящихся в портфеле из-ва, так и книг, подлежащих переизданию. В Берлине организовано отделение «Возрождения», уже приступившее к печатанию «Записок моего современника» Короленко, как вышедших томов, так и находящихся в рукописи. Издательство предполагает приступить в ближайшем будущем к изданию нового труда проф. Виппера «Круговорот времен».

▫ В Берлине вышел первый номер ежемесячного международного обозрения современного искусства — «Вещь» под редакцией художника Лисицкого и поэта И. Эренбурга. Издание это преследует двоякую цель: осведомлять русских художников и писателей о последних достижениях европейских мастеров и давать (на иностранных языках) информационный материал для Запада о состоянии русских искусств. В журнале предполагается участие писателей: Маяковского, Есенина, Вильдрака, Сондра, Энштейна, Соффичи и других. Художников: Татлина, Малевича, Радченко, Глеза, Леже, Ривера, Северини, Гаусмана, Ван-Дисбурга и др. Театральных постановщиков: Мейерхольда, Таирова, кино-комедианта Чарли Чаплина и др.

▫ Изд. С. Ефрон в Берлине готовит, под редакцией Владимира Астрова, ряд сборников легенд, сказаний и мифов разных народов человечества в их поэтическом воплощении. Редакция не имеет в виду добиваться научно-филологической точности и этнологической полноты собрания, а предполагает дать наиболее ценные и характерные создания мифотворческой, религиозно-легендарной и сказочной фантазии в образцовой и общедоступной передаче. Намечены к изданию вавилонские, египетские, индийские, японские, китайские, американские, полинезийские, африканские и европейские мифы сказания и легенды. В непродолжительном времени выходят первые три книги: 1) индийские сказания (по Гольцману, Шаку и др.), 2) японские (синтоистские и буддийские) мифы и легенды, 3) вавилонские и египетские мифы—сказания и псалмы (Гильгамеш, Сотворение мира и др.). Каждый сборник представляет собою самостоятельное целое.

▫ В издательстве С. Ефрон в Берлине вышел роман Рабиндранат Тагора «Дом и мир» в переводе З. Н. Журавской.

▫ В том же издательстве вышла книга В. Бонзельса «По Индии».

▫ В из-ве «Слово» (Берлин) вышел 2-й том стихов Алекс. Блока (1904—1908).

▫ В том же кн-ве вышел петербургский сборник рассказов: «Собачья доля». В сборник вошли произведения А. Ремизова, Е. Замятина, Соколова-Микитова, В. Ирецкого и В. Шишкова.

▫ По сведениям «Новой Русской книги» вне Советской России в 1922 году появились в числе других следующие книги: 1) Алов Вл. «Метель лепестков», Изд. «Лагуны». Вена 1922 (121 стр.). 2) Блок А. Стихотворения, т. I. Изд. «Слово» Берлин 1922 (245 стр.). 3) Ильина-Полторацкая Е. «Из красивого прошлого». Изд. О. Дьяковой. Берлин 1922 (182 стр.). 4) «Цветень» — сборник для детей. Книга I-я. Изд. Грани. С рис. Берлин 1922 (195 стр.). Рассказы, сказки и стихи Г. Вяткина, А. Даманской,

К. Бальмонта, А. Черного, Кальоны, А. Дровдова, И. Соколова-Микитова, Н. Крандиевской, В. Сирина, И. Пуни, Б. Лазаревского. 5) А. Черный: «Сатиры», книга I-я. Берлин 1922 (222 стр.). 6) Эренбург, И. «Неправдоподобные истории» Изд. С. Ефрон. Берлин 1922 (137 стр.). 7) Артисты Московского Художественного Театра за рубежем; с многочисленн. портретами. Изд. «Наша речь». Прага 1922. 8) Гессен, И. В. «Искания общественного идеала». Издание 2-е. Изд. «Слово». Берлин 1922 (61 стр.). 9) «Искра, атаман» (И. А. Лохвицкий). «То, что было». Изд. автора. Берлин 1922 (63 стр.). 10) Марголин, А. «Украина и политика Антанты». Записки еврея и гражданина. Изд. С. Ефрон. Берлин 1922 (397 стр.).

▫ В «Русском Универсальном Издательстве» (Берлин) вышли следующие книги: М. Слоним: «Русские предтечи большевизма (Бакунин, Нечаев, Герцен)», проф. Д. Пестржецкий: «Рабочий вопрос в Советской России». И. Е. Степанова: «Психология сновидений».

▫ Кн-во «Огоньки» (Берлин) выпустило Московский Альманах, в который вошли «Рязань - Яблоко» Бор. Пильняка, «Апрель» В. Лидина, «Идут» А. Яковлева, «Я (сумасшедшее)» Андрея Белого и «Гори-цвет» А. Ремизова.

▫ При немецком изд-ве «Verlag für Politik und Wirtschaft» образован русский отдел, во главе которого стоит К. С. Лейтес. Отдел предполагает заняться преимущественно книгами экономического и технического характера, также намечаются в ближайшее время издания в области русско-германских торговых отношений.

▫ Книгоиздательство Бенцели в Берлине предложило торговой палате принимать заказы на массовое печатание книг на русском языке.

▫ Берлинское книгоиздательство И. П. Ладыжникова продолжает издание серии русских классиков под названием «Русская библиотека». До настоящего времени вышло 65 томов, заключающих в себе произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенова, М. Е. Салтыкова, И. А. Гончарова, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. М. Гаршина, Н. С. Лескова и др.

▫ В юго-славском издательстве «Крако» недавно вышла из печати книга генерала Людендорфа на русском языке «Мои военные воспоминания».

▫ Русское универсальное издательство в Праге расширяет свою деятельность. Кроме двух серий: «Всеобщая библиотека» (новое в науке, искусстве и социальной жизни) и «Всемирный пантеон» (памятники мировой литературы), издательство начало выпускать крупные книги и изящные издания. Вышла из печати книга Я. Вассермана «Русские новеллы», выходят книги: Ал. Толстого «Горький цвет», Ю. Слезкина «Ветер», Фед. Иванова «Красивый парнасс», В. Ветлугина «Лицо, пожелавшее остаться неизвестным». В серии «Всеобщая библиотека» печатаются новые выпуски о последних достижениях в астрономии Э. Палена, об американской философии Д. Яковенко, по вопросам кооперации проф. Тотомианц, по истории русской революции Д. Яковенко и «Физика души» В. Дюшена.

▫ В Издательском Акционерном Обществе: «Славянское Из-во» (Прага) вышли книги: В. Кадашов-Амфитеатров «Очерки истории русской литературы», Б. Алмазов «Распутин и Россия» (историческая справка).

▫ Из-вом Я. Поволоцкого (Париж) выпускается в июне II том «Очерков русской смуты» ген. Деникина, посвященный борьбе генерала Корнилова. В ближайшем будущем выходит также том статей А. Ф. Керенского за период 1920—1921 г.г. озаглавленный: «Из далека», и книга Л. А. Коварской «Родные писатели», заключающая в себе литературные характеристики русских писателей, написанные для детей старшего возраста. В апреле вышли «Дневник Нелли Пташкиной» и в серии «Миниатюрная библиотека» Г. Гребенщикова «В некотором царстве». На очереди сборник «Современные проблемы» и книга Сергея Штерна «В огне гражданской войны».

▫ Книгоиздательство Я. Поволоцкого в Париже приступает к изданию серии русских писателей на французском языке. Намечены: Лесков, Помяловский, Успенский и др. малоизвестные во Франции русские писатели.

▫ В Из-ве «Русь» (в Вене) вышла книга Н. Жиляра «Император Николай II и его семья». Предисл. Сазонова, 246 стр.

▫ В переводе К. Д. Набокова выходит в Лондоне на английском языке книга ген. Деникина: «Очерки русской смуты».

▫ В Лондоне устраивается ряд литературных утр для детей, преследующих двойную цель: объединение живущих в Лондоне русских детей и помощь голодным детям России. Инициаторами являются З. Д. Шкловская, Н. П. Высоцкая, М. Е. Гавронская. Среди участников А. В. Шкловский (Дионео), К. Д. Набоков, Б. Раневский, З. Н. Розовская, М. Левинская, Виолета Кларк и др.

▫ В издании «Библиофил» в Ревеле вышли книги Ф. Сологуба: «Сочтенные дни» и «Небо голубое», Н. Гумилева «Шатер» и А. Ремизова «Шумы города». (Сборник рассказов 1917—1921 г.г.).

▫ В издании «Библион» в Гельсингфорсе выходят III и IV томы воспоминаний А. Ф. Кони. В том же издании уже вышли два тома посмертных произведений Леонида Андреева «Дневник Сатаны» и «Ночной разговор».

▫ В издании Седерстрема (в Борго) вышла книга барона Н. Е. Врангеля (отца генерала) в переводе на финский язык с русской неизданной рукописи: «От крепостничества к большевизму, ч. I (1847—1895)». Стр. 392.

▫ За первые месяцы 1922 г. вышли след. журналы: «Сполохи» № 1, «Современные Записки» т. IX, «Русская Мысль» кн. I-я январь—февраль. «Воля России», еженедельник. Прага № 1—9, январь—март.

▫ С 25 марта 1922 г. в Берлине издается большая ежедневная газета «Накануне». Во главе известная группа «Смена Вех»—проф. Ю. В. Ключников, проф. С. С. Лукьянов, Г. Л. Кирдецов, В. В. Дюшен и Ю. Н. Потехин.

СНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ.

▫ В Берлине открылось новое крупное книжное предприятие «Центральный книжный склад» —«Образование», получивший генеральные представительства на Россию германских медицинских, технических, педагогических и др. научных книг. При складе открыт также розничный магазин.

▫ Изд-ву «Слово» удалось войти в тесные деловые сношения с крупнейшими изд-вами Сов. России, в том числе и с Петроградским Отделением Государственного Издательства. В обмен на свои издания «Слово» продолжает получать крупные партии книг, изданных в России за период 1918—1922 г. г. Книги эти литературного и научного содержания переданы в магазины для розничной продажи.

▫ Коллегия по управлению «Домом Литераторов» (Петербург) обратилась к главнейшим русским издательствам заграницей с просьбой о высылке издаваемых ими книг библиотеке «Дома Литераторов» и редакции «Летописи Д. Л.». На это обращение откликнулись изд-ва «Слово», «Русское Универс. Изд-во» в Берлине, «Северные огни» в Стокгольме, «Возрождение» в Лондоне. Книги присланы в одном, двух и трех экземплярах.

▫ Русский книжный магазин «Москва» в Берлине выпустил в марте с. г. первый № «Вестника русского книжного рынка» с большим количеством сведений о современных изданиях на русском языке. Издание предназначено для справок при торговых сношениях с Советской Россией, преимущественно.

▫ Институт профессионального образования в Риме обратился к советской торговой делегации в Италии с просьбой оказать ему содействие в получении сведений о положении профессионально-технического образования в Р.С.Ф.С.Р. Интерес к постановке узко профессионально-технического образования в России объясняется предпринятым институтом обследованием профессионального образования в различных странах. Результаты обследования опубликовываются институтом в его органе «Проблемы производства». Не имея возможности дать институту на месте ответ на его вопросы торговая, делегация переслала запрос Института в Москву в Наркомпрос. В настоящее время Главпрофобр отправил почтой комплект всех выпущеных им печатных материалов, сопроводив его письмом, в котором приветствует нарождающееся непосредственное сношение с

Итальянским Национальным Институтом в целях взаимного обмена опытом и достижениями в области профессионально-технического образования. Главпрофобром регулярно будут высылаться по мере выхода из печати все издания по профессионально-техническому образованию с обменом на издания Итальянского Национального Института.

ЖИЗНЬ ЛИТЕРАТОРОВ.

▫ В Берлине (в функционирующем «Доме Искусств») состоялась лекция Томаса Манна, чистый сбор с которой предназначен на нужды русских писателей в Петрограде. Лекция собрала полный зал. З. Венгерова прочла приветствие, написанное Н. Минским. Среди приветствовавших немецкого писателя находился Андрей Белый, благодаривший Т. Манна за стремление помочь петербургским товарищам. Томас Манн, сердечно принятый аудиторией, прочел в этот вечер доклад на тему «Гёте и Толстой» и свою последнюю новеллу «Железнодорожное несчастье».

▫ Поэт Илья Эренбург выпустил горячо написанную книгу «А все-таки она вертится», где подытожены «достижения левого искусства в России, в особенности, в его крыле «производственников». Книга иллюстрирована снимками с работ русских художников, театральных постановок и др. (Изд-во «Геликон»). В лагерь людей более терпимо начинающих относиться к очевидностям положительных черт революционной культурной жизни в Советской России переходят и др. писатели. Среди них Алексей Толстой, в своем ответе Чайковскому горячо отстаивавший свое право принять участие в работе России, «такой, какая она есть» — т.-е. современной революционной, большевистской России. Письмо это написано в ответ на запрос Чайковского по поводу известия о том, что Ал. Толстой согласился сотрудничать в выходящей в Берлине газете «Накануне» (группа «Смена Вех»). В письме этом А. Н. Толстой подтверждает это известие и мотивирует его с большой искренностью.

▫ *Лекции и доклады русских писателей в Париже.* В марте состоялись вечер А. И. Куприна, лекция Льва Шестова: «Сократ, его жизнь и учение». В апреле—А. Левинсона: «Современные литературные течения Франции». Тема: «Идеи и образы Мориса Барреса» (культ личности и национальное сознание во французской литературе наших дней) и др.

▫ Заграничная пресса полна заметками о жизни различных студенческих русских организаций за границей. Отмечается болезненно развившийся мистический характер культурных начинаний студенчества и академичность многих его групп. Указывается, что, — кроме этих двух форм студенческой жизни за границей — религиозно-мистической и узко-академической, — всякие другие хиреют и погибают. Разложение культурной молодежи за границей отмечают газеты и журналы различных лагерей.

▫ Редакцией журнала «Печать и Революция» получено письмо от Русского студенческого Союза в Варне (Болгария), где отмечаются тягчайшие материальные условия студенческой жизни и атмосфера моральной подавленности от разрыва с русской культурной жизнью.

ПО РОССИИ.

ПЕТРОГРАД.

ГОСИЗДАТ.

▫ Петроградский отдел Госиздата праздновал 1-го апреля четвертую годовщину своего существования. В помещении издательства была открыта выставка его изданий.

▫ Вышел из печати № 4 (6) журнала «Книга и Революция», издаваемого Петроградским Госиздатом. В номере статьи: В. Быстрянского, Вл. Боцяновско-

го, П. Столпянского, Ю. Тынянова, А. Слонимского, И. Боричевского, проф. Б. Боднарского и отзывы: И. Книжника, Я. Барскова, А. Введенского, И. Бороздина, Н. Цемша, Б. Беккера, Я. Захера, А. Слонимского, И. Оксенова, М. Павлова, В. Гана, В. Славенсон, В. Быстрянского, А. Липовского, В. Беляева, Наля, Шпоника, Кедр-Ливанского, М. Блоха, Н. Сума, Энвиша, Бриза, С. Рагозиной и др.

▫ Петроградским отд. Гос. Издательства издана книжка стихов молодой московской поэтессы Анны Барковой «Женщина». Книге предпослано предисловие А. Луначарского. В том же издании вышла книга новых стихов Андрея Белого «Звезда».

▫ Петрогубиздат выпустил в январе 43 названия — всего около 3.000.000 экземпляров. Беллетристики 7 назв. — 183.000 экз. По количеству названий на первом месте стоит Научно-учебн. отдел — 10 названий.

▫ Руководителем по организации русского отдела печати и литературы на международной книжной выставке во Флоренции назначен заведующий Петрогубиздатом т. Ионов.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ.

▫ Членами «Общества ревнителей истории» состоят многие ученые литераторы и художники. Обществом еженедельно устраиваются публичные бесплатные доклады научного характера из исторического прошлого России. Также устраиваются им художественные вечера и инсценировки. С большим успехом прошла повторенная несколько раз инсценировка: «Помещичья — крепостная Россия». — 40-ые годы. Инсценировке предшествовал доклад по истории крепостной России.

МУЗЕЙ ВОЙНЫ 1914 — 1917 г.г.

▫ В одном помещении (Васильевский Остров) с Обществом ревнителей истории находится музей, представляющий громадный историко-документальный интерес. С полей сражений всех русских фронтов войны 1914-1917 г.г. вывезено все, начиная с обмундирования до всех видов оружия и орудий, применявшихся как нами, так и германцами. Очень любопытен отдел плакатов войны — русских и иностранных. Целую комнату занимают батальные исторические картины Кардовского, Самокиша, Мазуровского, Владимирова, главным образом относящиеся к русскому фронту.

«ОПОЯЗ».

▫ Основанное в Петрограде еще в 1916 г. Общество изучения поэтического языка «Опояз» поставило себе целью изучение поэтики и применение научных методов к изучению художественной литературы XIX века и современной. За время своего существования «Опояз» успел издать ряд интересных работ: сборник «Поэтика» со статьями Викт. Шкловского, О. Брика, Л. Поливанова и Б. Эйхенбаума, книги Викт. Шкловского «Развертывание сюжета», «Тристрам Шенди» и «Розанов», работы Ю. Тынянова, «Гоголь и Достоевский», В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» и Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского стиха». Из основной задачи, поставленной себе «Опоязом», вытекает резкое отрицание им субъективных приемов идейной критики. Лозунгом для членов «Опояза» (так назыв. формалистов) может служить тезис одного из главных его работников и вдохновителей, Викт. Шкловского, заключающийся в том, что искусство есть сумма приемов, искусство — игра. «Опояз» собирается еженедельно по воскресеньям в Доме Искусств, где члены его читают доклады, каждый по своей специальности, Викт. Шкловский, главным образом, по теории сюжетов сложения и теории романа, Б. М. Эйхенбаум и В. М. Жирмунский по вопросу мелодики и композиции лирических стихотворений, Б. В. Томашевский по вопросам метрики. Кроме вышеупомянутых исследователей литературы, в работах «Опояза» принимают еще участие Л. Якубинский, Роман Якобсон, Сергей Бонди, М. Клеман, А. Слонимский, Лев Лунц и др.

▫ Обществом изучения поэтического языка «Опояз» издана новая книжка Виктора Шкловского «Эпилог», являю-

щаяся окончанием ранее вышедшей его же книжки «Революция и фронт».

▫ В переводе Владимира Шкловского вышел из печати Данте «De vulgari eloquio» (о народной поэзии).

▫ В издании историко-революционной библиотеки вышла монография Ал. Зеваэса «Огюст Бланки».

▫ То же издательство готовит к печати Анри Барбюса: «С кинжалом в зубах».

▫ В Петрограде вышла поэма Вл. Гиппиуса «Подвиг страстной». С предисловием Иванова-Разумника.

▫ В Петрограде начнет выходить журнал «Новая Европа», посвященный современной литературной и художественной жизни Европы. Во главе журнала стоят Чуковский и Замятин.

▫ Книгоиздательство «Атеней» выпустило книгу «Неизданный Пушкин» (собрание А. Ф. Онегина) и «Сборник трудов Пушкинского дома». В сборник вошли стихи, художественная и критическая проза, письма и отрывок из дневника Пушкина.

▫ В издательстве «Былое» (Петроград) выпущены две новые книги по истории революционного движения в России: «Воспоминания и письма декабриста М. И. Муравьева-Апостола» с предисловием и примечаниями С. Я. Штрайха и книга С. Я. Штрайха «Брожение в армии при Александре I» (к столетию заговора декабристов).

▫ Вновь образовавшееся в ПТГ К-во «Эльзевир» выпустило книгу Б. Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина». Задачу автора книги составляет «описание стиля Валерия Брюсова, с одной стороны, в связи с поэтикой русских символистов и романтиков, с другой—на фоне враждебной романтизму классической традиции Пушкина».

▫ Передвижным театром в Петрограде издана книжка по поводу выдержавшей в этом театре двести представлений драмы Б.-Бьернсона «Свыше нашей силы».

▫ А. Ф. Кони заканчивает новый труд «Крепостной театр».

▫ Книго-во «Новая жизнь» выпустило драматический эскиз Пимена Карпова «Богобес».

▫ Кн-во «Аквилон», недавно выпустившее «Бедную Лизу» Карамзина, выпустило вслед нумерованное издание — А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» с рисунк. худ. Добужинского.

▫ Петроградское издательство «Полярная Звезда» выпускает щедринский сборник под редакцией Чуковского и Евгеньева-Максимова. В сборник войдут письма Щедрина к Некрасову, неизданные рассказы русского сатирика, а также ново-найденная шутка-балет «Бери и не опасайся».

▫ Вышел из печати первый сборник «Парфенон», заключающий в себе следующие статьи и материалы: «Направление научной работы в современной жизни у нас и на западе» — акад. С. Ф. Ольденбурга, «Благословение бытия Пушкина»— М. Л. Гофмана, «Освальд Шпенглер» — и «Крушение западной культуры» — Евг. Б., «О задачах интеллигенции» — А. С. Щеглова, «Пушкинист Б. В. Никольский» А. В. Самойлович, «Научная глоссолалия (об Андрее Белом)» А. Г. Горнфельд, «Друг Пушкина—И. И. Пущин» С. Я. Штрайха, «У Гёте в Веймаре» Мариетта Шагинян, «Новая еврейская поэзия» Д. И. Выгодский, «К биографии Короленко (с неизданными письмами)» Р. М. Кантора, «Кризис музыкального искусства (Россия и Запад)» Е. М. Браудо. Кроме того, в сборник вошли стихотворения А. Ахматовой и неизданные письма Фета.

▫ В издательстве «Парфенон» вышли «Страницы воспоминаний» Константина Леонтьева под редакцией и с предисловием П. К. Губера.

▫ Петербургское философское общество приготовляет к печати полное собрание творений Платона — новый перевод членов философского общества под общей редакцией Ф. Ф. Зелинского и Э. Л. Радлова; избранные творения Николая Пузанского; избранные сочинения Скотта Эригены в переводе Л. П. Карсавина и др.

▫ Н. Потапенко закончил новую пьесу «Красные Зори».

▫ Издательство «Голос Труда» выпускает в Петрограде, под редакцией А. А. Шилова, новым изданием «Записки революционера» П. А. Кропоткина. Новое издание содержат «Записки» полностью

при чем будут приняты во внимание поправки и дополнения, к ним сделанные П. А. Кропоткиным за год до своей смерти.

▪ Вышел первый номер еврейского журнала «Штром». В журнале принимают участие Т. Т. Гофштейн, Штейнман, Добрушин и др.

▪ В Петрограде выходит сатирический журнал «Мухомор». В журнале принимает участие группа литераторов и художников. Среди них В. Воинов, О. Л. Д'Ор, Шишков и художники Анненков, Лебедев, Радаков.

▪ В первых числах апреля вышел 1-ый № журнала «Орфей», издаваемый Петроградской Государственной Филармонией. В журнале, между прочим, впервые опубликована переписка А. Н. Скрябина с М. П. Беляевым.

▪ В Петрограде вышел № 1 журнала «Новый путь» 208 стр. Журнал посвящен вопросам новой русской экономики и заключает в себе статьи Г. Циперовича, Р. Арского, Я. Лившица, В. Селибера, Н. Ивановского, А. Буковецкого, А. Левитского и др., а также информационный материал.

МОСКВА.

ГОСИЗДАТ.

Главным Управлением Государственного Издательства выпущено изданий:
За февраль с. г. 65 назв., общ. объемом 518 листов, в количестве 1.548.500 экз.
За март—74 назв., общ. объемом 615 листов, в количестве 1.209.900 экз.

В издании Научно-Популярного отдела Гос. Издательства вышли из печати.

а) Астрономия и математика.

А. А. Михайлов «О солнечных затмениях». *Ройтман* «Форма и движение земли».

б) Биология.

Алексеев «О происхождении животных и человека». *Анучин, Д. Н.* «Происхождение человека». *Аркин, Е. А.* «Мозг и душа». *Воронков* «По пресным водам». *Камерер* «Омоложение и продление личной жизни». *Порецкий* «Зеленый мир». *Шеффер* «Жизнь, ее природа, происхождение и сохранение».

в) География и геология.

Берен Рассказы о борьбе человека с природой. *Гербертсон* «Земля и труд человека». *Павлов, А. П.* «Морское дно». *Павлов, А. П.* «Очерки истории геологических знаний».

г) Физика и химия.

Конобеевский, С. Т. «Как плавают в воде и как летают в воздухе». *Конобеевский, С.* «Что такое радий». *Лермантов* «О том, как работают машины и как рассчитывают их действие». *Тимирязев, А. К.* «Что такое физика и чему она учит». *Тиндаль* Звук. *Эйнштейн* О теории относительности.

д) Плакаты.

Солнечное затмение.

Печатаются:

а) Астрономия и математика.

Ньюкомб и Энгельман «Популярная астрономия». *Фламмарион, К.* «Общедоступная астрономия». *Франц* «Луна». *Чижов, С. А.* «Звездные вечера». *Эпик, Э.* «Солнце по новейшим исследованиям».

б) Биология.

Богданов «Из жизни русской природы». «Мирские захребетники». *Беркова, К. Н.* «Сущность жизни, ее происхождение и развитие». *Вагнер* «Рассказы о животных». *Вагнер* «Рассказы о растениях». *Вагнер* «Как работает человеч. тело». *Грин* «Начатки ботаники». *Гессе* «Происхождение видов и дарвинизм». *Елачич* «О вымерших животных. Пресмыкающиеся». *Его же* «О душевной деятельности животных». *Его же* «О происхождении птиц». *Завадовский, Б. М.* «Отчего происходят болезни и как с ними бороться». *Кайгородов, Д.* «Черная семья». *Костычев* «О появлении жизни на земле». *Миэ, Г.* «О бактериях». *Морозов* «Лес, как растительное сообщество». *Никитинский, Я. Я.* (младший). «Стакан воды». *Покровский* «Среди при-

роды». *Порецкий, С. А.* «Как растения защищаются от своих врагов». *Его же* «Как растения защищаются от засухи и сырости». *Его же* «Хищные растения». *Его же* «Растения и свет». *Его же* «Растения—дармоеды». *Его же* «Друзья растений». *Синицын* «Лекции по биологии». *Тимирязев, К. А.* «Солнце, жизнь и хлорофилл». *Его же* «Луи Пастер. (Ценность науки)». *Его же* «Борьба растений с засухой».

в) География и геология.

Брэм «Жизнь на севере и юге». *Гейки* Геология». *Гейки* «Физическая география». *Жадовский, Б. Э.* «Русская Сахара». *Вагнер* «Рассказы о воде». *Вагнер* «Рассказы о земле. *Вальтер* «Первые шаги в науке о земле». *Львов, Вл.* «Каменный уголь». *Его же* «Соль и ее добывание. *Его же* «В нефтяном царстве». *Михельсон, В. А.* «О погоде и как ее можно предвидеть». *Нечаев* «В царстве воды и ветра». *Нансен* «На крайнем севере». *Павлова, М. В.* «Ископаемые слоны». *Швецов* «Железо, его родина и история». *Шульга-Нестеренко* «Снег и лед в жизни земли».

г) Физика и химия.

Вагнер «Рассказы о воздухе». *Грец* «Краткий курс электричества». *Гюнтер* «Электротехник-строитель». I и II т. *Гильом* «Начатки механики». *Конобеевский, С. Т.* «О строении вещества». *Классен* «12 лекций о природе света». *Ленар* «О принципе относительности, эфире и тяготении против Эйнштейна». *Нагель* «Романтика химии». *Роско.* «Химия». *Шмидт* «Проблемы современной химии».

д) История культуры.

Анучин, Д. Н. «Открытие огня и способы его добывания».

Подготовляется к печати:

а) Астрономия и математика.

Борель «Случай». *Клейн* «Астрономические вечера».

б) Биология.

Вольногорский «Растения—друзья человека». *Его же* «Сборник статей». *Мольденгауэр* «В хвойном лесу». *Его же* «В лиственном лесу». *Молиш* «Сборник статей. «*Немилов* «Внутренние двигатели человеческого тела (гормоны)». *Сеченов* «Физиологические очерки». *Фабр* Жизнь насекомых». *Кайгородов* «Пернатые хищники». *Его же* «В царстве пернатых».

в) География и геология.

Арнольди «По островам Малайского архипелага». *Барсов* «Растения скал и песков.» *Крубер* «Человеческие расы». *Лезин* «Финляндия». *Никольский* «Летние поездки натуралистов». *Лебазейль* «Чудеса полярного мира». *Нечаев, А. П.* «Земной портрет». *Его же* «Металлы и руда». *Его же* «Между огнем и льдом». *Его же* «Почва и ее история». *Павлова, М. В.* «Мамонт». *Пименова* «Горы и их победители». *Ее же* «Море и его обитатели». *Реклю* «Ручей и его история». *Шульга-Нестеренко* «Вулканы и землетрясения». *Экардт* «Климат и жизнь».

г) История культуры.

Берлин, Я. А. «Великая семья человечества». 4 выпуска. *Вейле* «От бирки до алфавита». *Коропчевский* «Прежде и теперь». *Мюллер-Лизр* «Фазы культуры».

д) Физика и химия.

Гюнтер «Радиотелеграфия». *Его же* «Сборник статей по физике». *Фарадей* «История свечи».

е) Varia.

Гастерлик «О пище и питье». *Бонд* «Герои техники».

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА".

В издательстве «Всемирная Литература», являющимся в настоящее время самостоятельным отделом Государственного Издательства, продолжается подготовка и издание основной и народной библиотек (в Из-ве около 10.000 листов печатного материала). Кроме того, «Всем. Лит-ра» готовит цикл книг: «Новости Иностранной Литературы», включающий наиболее выдающиеся произведения иностранной литературы за последние годы. Из-вом будут выпущены новые романы: Кнут Гамсуна «Силы земли», Г. Уэльса «Неугасимый огонь», Ромен Роллана «Кола Брюньон», С. Бржозовского «Зарево» (из эпохи народовольцев), П. Бе-

нуа «Атлантида», Э. Синклера «100% или история одного патриота». Кинематографический роман Ж. Ромена: «Донгоо-Гопка» и фантастический роман Б. Гетца «Царство вне пространства». Готовится к печати также повесть Карин Михаэлис: «Месть графа Сильвена», рассказы Сельмы Лагерлеф: «Люди и гномы». Дж. Паппини: «Трагедия ежедневности» и избранные рассказы мало известного у нас писателя О. Генри. Из других имеющих выйти новинок отметим своеобразный по теме роман немецкого писателя Верфеля: «Виновен убитый», провозглашающий анархистский бунт против «отцов», как в семейных, так и в общественных отношениях, занимательный роман Мейринка: «Зеленое лицо», «Ноктюрн» Г. Д'Аннунцио и «Возвращение Казановы»—А. Шницлера. Переведен также очерк Бара: «Экспрессионизм».

Из-вом подготовляется к печати журнал: «Современный Запад». Программа последнего не исчерпывается художественной литературой. Помимо переводов произведений современных европейских и американских писателей и статей по западной литературе, журнал будет давать статьи по философии, науке, новейшим течениям в искусстве, а также хронику культурной жизни Запада и библиографию. В редакции журнала Е. Замятин, К. Чуковский, А. Тихонов и др.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ В. Ц. С. П. С.

В издании Р.-И. О. В. Ц. С. П. С. частью вышли и в непродолжительном времени выходит ряд основных работ по истории, теории и практике профессионального движения как в России, так и за рубежом. Издания предполагаются в виде выпусков единой библиотеки. Среди уже готовых выпусков имеются следующие:

1. С. и *В. Вебб*. «История трэд-юнионизма», вып. I. Перевод с издания 1920 года под редакцией В. Яроцкого.

2. *Поль Луи*. «История синдикального движения во Франции».

3. *Зигфрид Нештринке*. «Профессиональное движение» (трехтомный труд).

4. *Гриневич*. «История рабочего движения в России» (выпуск I, по 1908 год).

5. *Д. Антошкин*. «История профессионального движения в России» (пособие для губпрофшкол).

6. *А. Чекин* (В. Яроцкий). «Теория, история и практика профессонального движения», вып. I (движущие силы профессиональных объединений).

7. Сборник «Новые пути профдвижения».

8. *Як. Фин*. «Фабрично-заводские комитеты в России».

9. *Трахтенберг*. «Коллективный договор».

10. *И. Войтинский*. «Примирительные камеры за рубежом».

11. *Виллъям Грайам*. «Заработная плата труда».

Кроме того, совместно с Главполитпросветом Р.-И. О. В. Ц. С. П. С. выпускает ряд брошюр в серии «Рабочая библиотека», а именно:

1. *А. Чекин* (В. Яроцкий). «Типы профессионального движения на Западе».

2. *М. Томский*. «Новый курс профессионального движения».

3. *С. Робинсон*. «Тарифная политика».

4. *С. Каплун*. «Охрана труда в новых условиях».

5. *С. Лифшиц*. «Бюджетно-сдельная система заработной платы».

6. *А. Лисс*. «Новое в организационном строительстве».

7. *Н. Милютин*. «Социальное страхование».

И, кроме того, в той же серии намечен еще ряд брошюр на очередные темы профессионального дня.

„РОСС. ЦЕНТР. КНИЖНАЯ ПАЛАТА".

За февраль месяц Р. Ц. К. П. зарегистрировано по всей Р. С. Ф. С. Р. 464 заглавия вновь изданных книг, 189 журналов, 227 газет. По языку книги распределяются на 453 русских и 11 иноязычных, журналы 187 русских, 2 иноязычных, газеты 198 русских и 29 иноязычных. По содержанию журналы делятся: экономических—20, профессиональных—24, партийных—19, ведомственных—28, кооперативных—16, научных—19, просвещенских—10. В области искусства—8, военных—16, смешанных—29.

РУССКОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

На 323-ем общем собрании, состоявшемся 28 февраля с. г., *М. Я. Рабиновичем* был прочитан доклад «Положение издательского дела в современной России».

30-го марта были заслушаны доклады Комитета Общества и оглашено письмо Поля *Отле*, директора Международного Библиографического Института в Брюсселе, присланное на имя председателя О-ва проф. *Б. С. Боднарского*. Постановлено приветствовать Институт и информировать его о деятельности Общества за 1917 — 1922 г. г.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ КНИГИ.

14-го марта *Н. Н. Орлов* прочел доклад о покойном библиофиле и библиографе Д. В. Ульянинском.

24-го марта *М. Щелкунов* сделал сообщение о Французском Обществе Друзей Книги.

На состоявшемся 21 апреля общем собрании было переизбрано правление Общества в составе *В. Я. Адарюкова* (председатель), *А. М. Кожебаткина* (тов. председателя), *Д. С. Азейнштадта*, *М. А. Цявловского* и *П. Д. Эттингера* (члены правления), *А. А. Сидорова* и *И. В. Власова* (кандидаты в члены).

Аукционы 7-го и 28-го апреля прошли слабо. За «Словарь гравированных портретов» Ровинского было предложено 32 милл. руб. и он остался за владельцем; были проданы: «Жар-Птица» № 6 за 4 милл. руб., «Кончина Савиной» за 3.300.000 руб., сочинения Петрова, изд. в 1811 г. с автографом Рылеева, за 1.700.000 руб. и др.

«ДОМ ПЕЧАТИ».

13-го марта «Дом Печати» отметил двухлетие своего существования. Членство Д. П. к 13-му марту 1922 года выразилось: 1) действительных членов 222, кандидатов — 114. Среди членов около 60% членов Р. К. П., среди кандидатов—10%.

За истекшее время при Доме Печати работали следующие организации и секции: Секция пролетарских писателей, литературный фронт, литературный особняк, методологический институт, историческая секция.

Домом Печати за два года было устроено 266 исполнительных вечеров, ряд публичных дискуссий по вопросам литературы, искусства, политики, театральные вечера, концерты, литературные чтения и научные доклады, распределяющиеся следующим образом: литературных вечеров—86, театральных диспутов—31, политических докладов и др.—65, спектаклей—43, камерных концертов—21 и научных докладов—20.

Из докладов и диспутов укажем главнейшие: А. В. *Луначарского* «Перспективы в области искусства в 1921—22 году», «Искусство и революция», «Парижская Коммуна и будущность коммунизма», *Коллонтай* «Брак и коммунистическая мораль», *В. Полонского* «Бакунин на коленях» и «Об интеллигенции», *О. С. Литовского* «Зарубежная пресса», *Б. Горева* «Интеллигенция, как экономическая категория», *О. Брика* «Культ искусства, как рассадник мещанства», *Дыбенко* «Как был взят Кронштадт», *Голдобина* «Белогвардейская печать и белогвардейская агитация», *Гроссман-Рощина* «Предпосылки социальной революции», *В. Брюсова* «О мистике», *М. Славинского* «Задачи Всерабиса», *Бориса Кушнера* «Беспредметная культура», *П. Воеводина* «Партийная дисциплина и художественное творчество», *Г. Девва - Хомяковского* «Современная психика детей», *А. А. Сидорова* «Современные художественные группировки», [illegible]ц «О детском театре», *В. Мейерхольда* «[illegible]згром 1-го Театра Р. С. Ф. С. Р.», *К. Ландера* «Перспективы театрального сезона, *Фердинандова* «О ритмо-метре» и др.

Состоялись литературные вечера: *Н. Асеева*, *А. Блока*, *А. Белого*, *В. Брюсова*, *В. Вересаева*, *В. Волькенштейна*, *П. Воеводина*, *Анри Гильбо*, *С. Городецкого*, *М. Герасимова*, *Б. Зайцева*, *С. Есенина*, *В. Кириллова*, *В. Каменского*, *В. Карпинского*, *А. Крученых*, *С. Клычкова*, *А. Луначарского*, *В. Шершеневича*, *Н. Ляшко*, *В. Маяковского*, *П. Орешина*, *Б. Пастернака*, *Б. Пильняка*, *А. Соболя*, *Ф. Сологуба*, *И. Эренбурга*, *П. Рома-*

нова и других. Чествования Итальянской Социалистической прессы. Съезды журналистов и пролетарских писателей и пр.

Состоялся ряд вечеров памяти: Александра *Блока*, *Льва Толстого*, *Достоевского*, *Некрасова*, *Верхарна*, *Пушкина*, *Бессалько*.

Были даны отдельные спектакли московских студий—3-ей студии М. Х. Т., студии имени *М. А. Чехова*, студии «Семперанте», Опытно-Героического театра, Балетной студии Лукина, постановок и работ мастерской Н. М. Форрегера.

Исторической секцией «Дома Печати» был организован ряд заседаний, посвященных памяти *Кропоткина*, *Тимирязева*, *Сазонова*. Читались доклады: П. Лепешинским (Воспоминания о Плеханове), П. Щеголевым (Нечаев в Алексеевском равелине), Н. Н. Сухановым (Июнь 1917-го года), Я. Блюмкиным («Воспоминания об убийстве Мирбаха»), Н. Д. Соколовым (Воспоминания о революции 1917 г.), С. Д. Мстиславским (Деникинцы на Украине) и др.

Организованное при Доме Печати книгоиздательство закончило подготовительные работы по изданию ряда книг, посвященных вопросам общественной жизни, искусства и науки.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИСКУССТВ.

13 февраля открылся «Центральный Дом работников просвещения и искусств». Основной задачей Ц. Д. является поднятие квалификации работников просвещения и искусства на почве массовой коллективной самодеятельности.

Ц. Д. делится на три основные части и пять секций.

Первая часть—библиотека. Задачей библиотеки являются иллюстрирование книжными средствами всех лекционных и семинарских занятий Дома, организация постоянных выставок книжных новинок и пр.

Вторая часть — информационно-консультативное бюро. Бюро выдает справки, советы, указания по всем вопросам педагогической и художественной практики.

Третья часть—лекционное бюро берет себе на учет все лекторские силы г. Москвы, дабы снабжать ими районы Москвы и провинциальные центры по требованиям.

Далее идут секции: педагогическая, художественная, внешкольная, научная и политико-просветительная, объединяющие и обслуживающие соответствующие профессиональные группы культурных работников.

Педагогическая секция ведет свою работу с дошкольниками, с школьниками и с внешкольными работниками, с детьми и работниками профессиональных школ.

Художественная секция имеет своей задачей объединить и обслужить всех работников искусств.

Внешкольная секция ориентируется на библиотечных, клубных, музейно-экскурсионных и лекционно-школьных работников со взрослым населением.

Политико-просветительная секция, с одной стороны, обслуживает ту часть работников внешкольного образования, деятельность которых тесно примыкает к политической работе (работников политической агитации и пропаганды и периодической прессы), а, с другой стороны, эта секция ведет всю работу по поднятию политической квалификации всех категорий работников просвещения и искусств.

Секции организуют циклы лекций по отдельным вопросам. Кроме того, отдельные секции организуют ряд различных семинариев.

Организуя при себе семинарии, Ц. Д. одновременно идет навстречу всем самодеятельным, художественным и педагогическим организациям, возникшим помимо Дома, и представляет им для их работы свое помещение и (частично) рессурсы.

На таких началах в настоящее время в Доме работает уже целый десяток различных организаций.

С апреля месяца Ц. Д. издает свой «Еженедельник». Первый номер «Еженедельника» вышел 23-го апреля. В номере статьи Залкинда, Невского и Брика, хроника «Профжизнь» и «Работа Ц. Д.».

ПОНИЖЕНИЕ ПОШЛИН НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТИ.

По предложению Малого Совнаркома тарифно-таможенный комитет при Н. К. В. Т., пересмотрев вопрос относительно пошлин на ввозимые в Россию произведения печати и пособия для научных и учебных целей, вынес следующее решение: все инструменты, приборы и аппараты астрономические, физические, математические, чертежные и проч. могут быть ввозимы по особым правилам, установленным Н. К. В. Т., Н. К. П. и Н. К. Ф. без пошлины. На все писчебумажные товары и произведения печати, ввозимые в Р. С. Ф. С. Р. тариф понижен на 10% в среднем, книги, картины, географические карты и ноты для учебных и научных целей ввозятся в Россию беспошлинно.

На книги и другого рода издания, печатаемые за границей на русском, украинском и др. российских наречиях, пошлина понижена с 18 до 10 рублей с пуда. На ввозимые в Россию письменные принадлежности пошлина понижена с 65 до 25 копеек.

ЖУРНАЛЫ.

▫ В апреле выходит двухмесячный журнал «Советское право», издаваемый институтом Советского Права, посвященный вопросам теории и практики права и государства. В журнале намечены статьи, правовая жизнь за границей, библиография и научная хроника. В журнале принимают участие: В. П. Антонов, проф. Н. Ануфриев, проф. Я. Берман, проф. Д. Боголепов, проф. С. Котляревский, проф. Д. Мгеровский, проф. В. Устинов и др.

▫ Вышли из печати №№ 4 и 5 журнала «Пролетарская Революция», издаваемого Истпартом.

▫ Вышел № 1—2 журнала «Красный Интернационал Профсоюзов». Москва. Изд. Красного Профинтерна.

▫ Под редакцией С. Мельгунова возобновлен исторический журнал «Голос Минувшего». Вышла книга 1920—1921 года.

▫ Вышел 3-й сборник «Каторга и ссылка», изд. О-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

▫ Вышел № 3 журнала «Под знаменем марксизма». Содержание: Н. Ленин «О значении воинствующего материализма»; четыре письма Маркса и Энгельса Лассалю; Д. Рязанов «Страничка из жизни Маркса»; М. Покровский «Профессор Р. Виппер о кризисе исторической науки»; С. Кривцов «Методика общественной науки С. Франка»; В. Ваганян «Ученый мракобес»; В. Невский «Политический гороскоп ученого академика». В. Сарабьянов «Диалектика и формальная логика»; С. Гоникмана «Диалектика т. Бухарина»; А. Лозовский «Анархизм и марксизм в массовом движении»; Л. Крицман «Товар и продукт»; П. Месяцев «Аграрный вопрос и аграрная политика». Трибуна. Библиография.

▫ Вышел «Медицинский журнал» № 1 — 3 январь — март 1922 год. 2-ой год издания Госуд. Изд. Под общей ред. М. П. Кончаловского, И. Л. Браудо, А. И. Абрикосова и В. В. Иванова. Статьи профессоров: Штефко, С. П. Федорова, Глинчикова, Губоревой, Строганова и др., рефераты иностранной литературы по разным отделам медицины и отчет за 1921 год о деятельности всех московских медицинских об-в. К книге приложен указатель к «Реферативному медицинскому журналу» за 1921-й год.

▫ Издательство «Научная медицина» выпустило № 1 ежемесячного журнала «Архив клинической и экспериментальной медицины» под редакцией профессоров Н. Петрова, Д. Плетнева, Б. Словцева и Л. Тарасевича. В номере статьи: проф. Оппеля, проф. Д. Плетнева, д-ра Любарцева, проф. В. Брайцева, д-ра Ашкинази-Сватикова, д-ра М. Горшкова и др., а также рецензии о русских и иностранных трудах по вопросам клинической и экспериментальной медицины.

▫ Вышел № 2 ежемесячного общепедагогического журнала «Вестник Просвещения», издаваемого Моно. В номере статьи Д. Генкина, А. Бакушинского, Н. Сац, хроника, за границей, некрологи и библиография.

▫ Вышел № 1 двухнедельного детского журнала «Юные товарищи», издав. Ц. К. Р. К. С. М. совместно с коллегией детских учреждений В. Ц. И. К. Журнал

рассчитан, главным образом, на городских детей возраста от 9 до 13 лет. В номере помещены произведения А. Безыменского, В. Кириллова, Н. Ляшко, С. Городецкого, А. Алтаева и др. Много места отводится информации о коммунистическом детском движении за границей.

▫ Вышел № 2 журнала «Пролетарское студенчество». В журнале статьи: Н. Семашко, Б. Горева, П. Лепешинского, проф. А. Сидорова, Б. Борисова и Когана, стихи В. Брюсова и др. Имеется отдел о жизни высшей школы и студенчества и календарь дореволюционной общественной жизни русского студенчества.

▫ Книгоиздательство «Берендей» выпускает следующие книги: альбом автолитографий А. М. Васнецова — «Древняя Москва», «Россия», альбом офортов М. А. Доброва, две монографии В. М. Лобанова о «Малютине и А. Васнецове», книгу В. В. Розанова «Творчество Нестерова», альбом авто-биографии К. Ф. Юона—«Русская провинция», книгу Н. Гиляровской о Мирре Лохвицкой и ее же «Книгу Идиллий», поэму Вл. А. Гиляровского «Стенька Разин», написанную им еще в 80-ых годах и до сих пор не увидевшую света; книгу рассказов К. С. Арсеньева—«Ночная метель» и Н. М. Морозова—«Чернильная команда» и будет выпускать ежемесячник «Московские прогулки».

▫ В переводе Круковской вышла книжка Франца Меринга «В дни войны».

▫ В издательстве Н. В. Васильева выходят и готовятся следующие книги: А. Яковлева «Сад запечатленный» (рассказы), Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского», Вл. Натали «Наука и борьба со старостью», А. Эфроса «Русская живопись» и книги, посвященные Некрасову (Н. Ашукина); Щепкину (Юрий Соболев); Ломоносову (А. Яковлева) и др.

▫ Вышел 2-ой сборник «Пересвет» с рассказами Б. Пильняка, Евг. Замятина, П. Муратова, Б. Зайцева, А. Яковлева, поэма И. Новикова и стихи Ашукина, Кусикова и Б. Пастернака.

▫ К-во «Костры» выпустило и печатает книги: Георгия Чулкова «Тютчевиана» (эпиграммы, афоризмы, остроты, Ф. И. Тютчева). Книга содержит ряд неопубликованных материалов; Ю. И. Айхенвальда—«Похвала праздности», Бориса Зайцева — «Рафаэль», Н. Архипова, роман «Темные воды», повесть И. Новикова—«Душка» и Альманах—«Костры», в первой книге которого помещен посмертный роман Л. Андреева—«Дневник Сатаны», а также рассказы и стихи А. Глобы, И. Новикова, Ильи Эренбурга, А. Яковлева.

▫ В изд. АРТА (артель работников культуры) вышли книги: Мих. Козырева: «Морока» (рассказы), Ады Владимирской книга стихов «Кувшин Синевы». Готовятся книги И. В. Жилкина и Александра Руднева.

▫ З. И. Гржебиным выпущена в Москве новая книга стихов П. Н. Петровского «Последние песни» с пред. Ю. Айхенвальда.

▫ Главполитпросвет постановил издать законченный труд тов. Малинина «Экономическая география Р. С. Ф. С. Р.», где будут даны последние статистические материалы, сведения об электрификации и достижениях Советской власти на экономическом фронте. Также заканчивается Егоровым (Н. К. В. Д.) составление учебника географии для школ II ступени с использованием для составления всех материалов об образовании автономных национальных объединений (республик и областей) и о вновь образованных с 1917 года губерниях. Оба руководства издаются в целях удовлетворения требований будущего учебного года.

▫ Московское издательское т-во выпустило первую книгу альманаха «Трилистник». В альманах вошли произведения Ал. Вознесенского, Вл. Лидина, О. Мандельштама, Бор. Пильняка, Ефима Зозули и др., а также неизданные письма Леонида Андреева и новый рассказ Анатоля Франса.

▫ Издательством союза крестьянских писателей выпущены новые (в виде небольших выпусков) произведения П. Логинова «Земля», «Цветы на Голгофе», Н. Морозова (Столешникова) «Красная птица». Готовится к печати второе издание расказов П. Логинова: «Вокруг жизни».

▫ Вышла в книг-ве «Берег» книга статей «Международные проблемы». В

книге собраны статьи С. Л. Котляревского, Я. М. Букшпана, Л. Н. Юровского, З. С. Каценеленбаума, И. Д. Силина, С. В. Бернштейн-Когана и др. Специальный интерес имеет помещенная в книге статья А. Э. Вормса: «Защита промышленных и авторских прав в международном праве после войны».

▫ Московское книгоиздательство «Берег» выпустило поэму—Эдварда Фитудесеральда «Амар Хаям» в переводе О. Румер. Поэме предшествует критическая статья переводчика.

▫ В издании Красного Профинтерна вышла Красная книга № 1 «Мировое наступление капитала».

▫ Готовится к печати, составленная С. Родовым «Антология пролетарской литературы». Антология выйдет под общей редакцией П. С. Когана и с его же вступительной статьей. Издает книгу Государственное Из-во.

▫ При Ц. К. бумажников организуется Кооперативное книгоиздательство под названием: «Земля и Фабрика». Новое из-во ставит себе задачей издание учебников, разного рода брошюр, в которых сейчас чувствуется огромная потребность. К издательской работе Кооперативного Из-ва решено привлечь фабкомы и фабричные кооперативы.

▫ Госиздатом издана отдельной книжечкой статья Розы Люксембург о В. Короленко.

▫ В Москве открывается кооперативное Изд-во «Звезда», которое предполагает издавать книги и др. печатные произведения на литовском, русском, польском, еврейском и др. языках и, в первую очередь, общедоступную марксистскую литературу рабочим.

▫ В издательстве «Театральная Москва» выходит пьеса В. Шершеневича «Дама в черной перчатке».

▫ Книгоизд. «Альциона» А. М. Кожебаткина выпустило книгу стихов Натали Бенар «Корабль отплывающий», 2-ое издание «Гаврилиады» А. С. Пушкина (полный текст) со вступительной статьей и примеч. *В. Брюсова*; книги стихов Константина Липскерова («Туркестанские стихи» и поэма «Другой» с иллюстрациями К. Ф. Юона); 2-ое исправленное и дополненное издание книги «Наука о стихе» Валерия Брюсова. В том же издательстве печатаются и готовятся: два тома стихов Сергея Есенина «Ржанные кони»; 3-ье издание «Старой сказки» Н. Львовой, поэма Ю. Анисимова «Вемер», новые стихи Мариетты Шагинян «Утешение», книга Вячеслава Иванова «Введение в поэтику» и «Лирика» Владимира Маяковского.

▫ Русско-германское товарищество «Книга», еще официально не открывшееся, фактически ведет уже большую работу. Принимаются заказы на вышедшие за границей книги на всех языках (равно и на русском). Большинство уже имеющихся заказов (до 90%) на немецкие издания. Товариществом ожидается в ближайшее время (в мае) получение закупленных для продажи в Москве книг в количестве около 100 ящиков (5.000 пудов).

ПРОВИНЦИЯ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ САМАРЫ.

▫ При самарском всеиспросе организована литературная секция, объединяющая всех писателей, поэтов и журналистов Самары. Совет секции состоит из *Н. Степного, М. Досова, А. Неверова, А. Михайлова, В. Кузьмина, Гр. Берга, Л. Ярковского.*

Целью Секции является: 1) введение профессиональной работы среди своих членов; 2) пропаганда литературного творчества: а) путем способствования изданию журналов, сборников, брошюр и т. д., б) путем устройства литературных вечеров, лекций, докладов и т. п., в) организацией литературных выставок, г) организацией поездок с целью пропаганды литературного искусства по губернии, уездам и Поволжью, д) организацией конференций и съездов, е) участием во всех литературно-издательских просветительных организациях рабочего класса путем делегирования туда представителей, 3) принятие мер для поднятия квалификации литературных работников и улучшение постановки газетно-журнального дела в связи с постановлением Губернского и Всероссийского Съездов Работников Печати.

Конкретный план работ Секции на ближайшее время: 1. Установление связи с производственными Отделами и

культотделами Всерабиспроса и всеми журнальными кружками, как города Самары, так по возможности и других мест федерации. 2. Устройство еженедельных литературно-студийных ведеров. 3. Просмотр рукописей, стихов и прозы начинающих авторов с целью критических отзывов. 4. Читка и оценка драматических произведений в целях определения их годности к постановке в театрах. 5. Устройство докладов, диспутов по вопросам литературы. 6. Вечера в рабочих красноармейских клубах и казармах.

За время своего существования Секция провела 4 литературных вечера, на которых читали свои произведения: *А. Д. Михайлов*. «Микалай Иваныч»—рассказ. Разумовский «Движков—рассказ. *С. Косов* «Мужичья радость»—рассказ. *А. Вин*, *Тачалов*, *А. Колосов*, *А. Каспий*—стихи. *Н. Степной*—«Две жизни»—пьеса. *Л. Ярковский* «Монолог апаша»—драматический этюд. *В. А. Кузьмин* сделал краткий доклад о Кропоткине. В обмене мнениями принимали участие: Степной, Неверов, Михайлов, Берг, Кузьмин и др.

В январе тек. года Секция выпустила однодневную литературную художественную газету «Писатели детям», посвященную памяти *В. Г. Короленко*. Весь сбор от продажи газеты и авторский гонорар передан в пользу голодающих детей Поволжья.

Широкую литературную работу развивает только что открытый Центральный Рабочий клуб, где имеется литературная секция для начинающих авторов из среды рабочих—членов профсоюзов. Читаются лекции по истории литературы. Клуб устроил два литературных вечера, посвященных памяти *В. Г. Короленко* и *А. А. Блока*. С докладом о литературной и общественной деятельности *В. Г. Короленко* выступал критик *А. А. Треплев* (Смирнов). Проф. *С. Д. Балухатый* сделал доклад о поэзии *А. А. Блока*. Произведения *А. Блока* читали артисты Калантар и Сычева.

Местное отделение Госиздата выпустило в текущем году пять названий художественной литературы: роман «Семья»—Н. Степного и книги А. Неверова: «Захарова смерть», «Гражданская война», «Богомолы» — пьесы и «Марья большевичка»—рассказы.

ВЕРХНЕУДИНСК, ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Общество изучения Прибайкалья.

В Верхнеудинске недавно организовалось Общество изучения Прибайкалья. Об-во имеет целью изучение Сибири вообще и Прибайкалья преимущественно, в естественно-историческом, этнографическом, историческом, культурном и правовом отношениях, а также содействие подготовлению и проведению в жизнь насущных для Прибайкалья преобразований. Для достижения этой цели О-во организует научные исследования по разным вопросам сибирской жизни вообще и жизни Прибайкалья в особенности, путем снаряжения экспедиций. Организует музеи, библиотеки, издает свои труды, распространяет научные сведения о Сибири и Прибайкалье путем устройства публичных чтений и курсов.

За короткое время своего существования О-во создало Краевой Музей, устроило выставку; при его ближайшем участии выпущен в свет журнал «Известия кафедры Прибайкальеведения». В скором времени предполагается к выпуску книга: «Краткий очерк истории Прибайкалья».

НИЖНИЙ-НОВГОРОД.

▭ За последнее время вышли из печати следующие издания: *Ф. Богородский* «Даешь!» (как будто стихи), *Петров* «От смерти к жизни»—драма. Губ. комитетом Р. К. П. изданы: «Сборник конспектов для руководителей кружков по изучению марксизма», «Религия и коммунизм» (брошюра-конспект для агитаторов). К четвертой годовщине Красной армии была издана брошюра *Я. Ефремова*: «История нижегородского гарнизона». К партийному двухмесячнику переиздана была брошюра А. Бубнова «Основные моменты в истории Р. К. П.». Тем же издательством печатается № «Вестника агитации и пропаганды». Номер посвящен вопросам: внутрипартийной работы Нижегородской организации,

политико-просветительной работе среди беспартийных, сельскому хозяйству и новой экономической политики.

▫ Вышел из печати № 1—2 журнала «Вестник Нижегородского Губернского Экономического Совещания». В журнале материал посвящен: сельскому хозяйству, промышленности, труду, финансам, продовольственному делу, транспорту, электрификации, контролю, торговле. Имеются так же отделы: научной библиографии и экономической хроники.

▫ Отделение Государственного Издательства готовит к изданию: «Хрестоматию для школ I и II ступени по программе Наркомпроса» под редакцией Н. Саввина, поэму рабочего *Петрова* «Проклятый дом» и выпустило в свет книгу *Курочкина* «Необходимые сведения по пчеловодству».

▫ Учрежденная Академией Материальной культуры Нижегородская археолого-этнологическая комиссия готовит к изданию отчетный материал о всех произведенных на территории губернии археологических открытиях и, главным образом, о раскопках Сейминского становища, произведенных в 1912—1914 г.г. Эти раскопки, обнаружившие предметы бронзовой эпохи, в свое время наделали много шума и вызвали сильный интерес за границей (главным образом среди немецких ученых). Прерванные после 1914 года раскопки возобновляются весной текущего года под руководством археолого - этнологической комиссии, проф. *А. Я. Садовского*. Предполагаемый к изданию отчетный материал комиссии будет иллюстрирован фотографическими снимками и рисунками с особо интересных предметов, найденных при раскопках.

▫ Бюро Истпарта готовит к изданию III и IV т. т. «Материалов по истории революционного движения». Третий том будет посвящен истории Р. К. П. и октябрьскому перевороту в Нижегородской губернии, а четвертый крестьянскому и революционному движению в районах губернии. Сборники выйдут под редакцией *В. Т. Илларионова*.

▫ Художник архитектор *Н. В. Ильин* работает над «Художественно-историческими очерками Балахны и Городца», полагая иллюстрировать их своими эскизами и набросками с редчайших памятников старины, еще уцелевших в этих городах и, кроме того, воспроизводит планы и виды архитектурных и др. погибших памятников искусства и быта.

▫ Рабочий *Петров* заканчивает новую пьесу «Манюшка» из жизни ссыльных малороссов времен царской России.

▫ Поэт *А. Ф. Морозов* закончил работу над сборником стихов.

▫ В издании Нижегородского Губернского Союза потребительских Обществ в скором времени выйдет книга проф. *Н. М. Романова* «О полезных ископаемых в Нижегородской губернии».

▫ Нижегородский радиолабораторией издан труд проф. *В. Лебединского* «Электричество и магнетизм».

КАЗАНЬ.

▫ Казанским союзом поэтов предпринят перевод на русский язык произведений татарской литературы и литературы инородцев Поволжья. Часть переводов уже готова: переведены избранные стихотворения Гукаева, поэма татарской поэтессы, ее сказки и некоторые другие произведения. Подготовляется перевод поэтов Бурнашева, Рамеева, Годурова, беллетристов: Исхакова, Ибрагимова, Амирханова, Ахмадаева, Валлахова и др.

▫ Ассоциация для изучения Общественных Наук при В. У. З. г. Казани начала выпускать в свет свои «Сборники». т. I уже вышел и содержит в себе: выпуск 1-й *Кругликов* «В поисках живого человека». Очерк 1-ый «Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе»; в. 2—*Сотонин* «Темпераменты»; в. 3—*Первушин* «Наука социология»; в. 4—проф. *Виппер* «Кризис исторической науки»; в. 5—*Брентано* «Опыт теории потребностей» (пер. А. Лурия). Сдан в печать т. II: в. 1—*Первушин* «Ротбертус и Бюхер»; в. 2, 3—*Нечкина* «Приложение марксизма к русской истории»; в. 4—*Кругликов* «Политическая экономия и психология». III-й том должны составить: в. 1—3 W. Stern «Дифференциальная психология» (пер. под ред. Сотонина); в. 4—*Залкинд* «Психология русской деревни».

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

▫ 13 апреля 1921 года по инициативе профессоров Донского университета *И. И. Ягодинского, А. М. Ладыженского* и *Д. Д. Мордухай-Болтовского* в Ростове-на-Дону было учреждено философское общество, привлекшее к себе интерес широких кругов интеллигенции. Правление общества соетоит из: *И. И. Ягодинского* (председатель), проф. *Д. Д. Мордухай-Болтовского* (товарищ председателя), проф. *А. М. Ладыженского* (секретарь), *Н. Д. Попова* (казначей). В течение года с 14-го апреля 1921 года по 14-ое апреля 1922 года были прочтены следующие сообщения: 1. Проф. А. М. Ладыженский «Норма и законы природы». 2. Проф. И. И. Ягодинский «Новая теория познания». 3. Проф. Д. Д. Мордухай-Болтовский «Понятие числа в схоластике». 4. Д-р В. А. Владимирский «Обоснование идеи личности с биологической точки зрения». 5. Проф. В. Ф. Тимофеев «Новые данные о строении вещества». 6. Проф. Н. Н. Сретенский. «Философское наследство недавних юбиляров (Гегель, Шопенгауер и Лотце)». 7. Проф. А. Э. Кристер «Логика права». 8. Проф. А. М. Ладыженский «Основные проблемы гносеологии (обоснование феноменологизма)». 9. Проф. И. И. Ягодинский «Новая теория суждений и ее отношение к гносеологии». 10. Проф. А. М. Ладыженский «Статика и динамика в праве». 11. Проф. *Д. Д. Мордухай-Болтовский* «Эволюция проблем». 12. В. В. Новожилов «Предмет и метод чистой экономики». 13. Н. Н. Сретенский «Понятия эстетического жизнетворчества» и художественной культуры в системе Платона». 14. Вечер докладов памяти Ф. М. Достоевского: а) проф. И. И. Замотин «Основные темы творчества Ф. М. Достоевского», б) проф. В. В. Осипов «Достоевский-криминалист», в) проф. А. М. Ладыженский «Ф. М. Достоевский, как философ», г) С. Ф. Кечекьян «Социальные идеалы Ф. М. Достоевского», д) заключительное слово председателя Общества проф. И. И. Ягодинского. 15. Проф. А. И. Ющенко «Учение академика Павлова об условных рефлексах и его значение для психологии и педагогики». 16. Проф. Д. Д. Мордухай-Болтовский «Проблемы смерти». 17. Д. А. Силин «Философия творчества». 18. Проф. Н. Н. Сретенский «Эстетика Б. Кроче», 19. Проф. А. Ф. Лебедев «Ламаркизм, дарвинизм и менделизм в их взаимоотношениях с общественно-политическими теориями». 20. З. И. Гольденберг «Соломон Маймон, его жизнь и учение». Все доклады, кроме посвященных памяти Ф. М. Достоевского, подробно обсуждались в собраниях Об-ва. В прениях по докладам наиболее деятельное участие принимали проф. Е. В. Богословский, проф. А. М. Ладыженский, В. А. Ландау, проф. Е. В. Лебедев, проф. Д. Д. Мордухай-Болтовский, В. В. Новожилов, проф. Н. Н. Сретенский, проф. И. И. Ягодинский и проф. А. И. Ющенко. Об-во объединило работников различных факультетов. Доклады собирали аудиторию в несколько сот человек.

▫ При кооперативе «Работник просвещения» в Ростове-на-Дону по субботам происходят чтения стихов, рассказов и научных статей, называемые «Устный альманах». Собрания привлекают большую аудиторию. Субботники организовались в феврале 1922 года. До сих пор были прочитаны доклады В. Р. Чернышева, проф. А. И. Ющенко, проф. Н. Н. Сретенского, проф. А. М. Ладыженского, проф. И. И. Ягодинского, д-ра Хованского, д-ра В. А. Владимирского, рассказы Е. Я. Спекторской, М. Д. Мари и К. И. Козьмичева.

ТУЛУНОВСКИЙ ОТДЕЛ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ.

Село Тулун, Иркутской губернии.

▫ Возобновил свою деятельность, основанный в 1913 году, Тулуновский Отдел Общества Изучения Сибири. За истекший период Отдел, несмотря на крайний недостаток средств, сумел организовать несколько исследовательских поездок своих членов и выпустить первый сборник «Записок Тулуновского Отдела общества изучения Сибири» с работами своих членов. Кроме того, Отдел в целях пропаганды идеи краеведения еще в 1919 году постановил организовать издание для школ и широких слоев населения серии брошюр по краеведению, разделив эту серию на

подотделы этнографии, сибирской истории, экономики, сельского хозяйства и пр. Первый номер серии по краеведению — брошюра И. Евсенина «Карагассы» была издана в 1919 году. В данное время в портфеле комитета Отдела имеются следующие рукописи для серии по краеведению: Т. Т. Мирономановой «Нижнеудинские пещеры», Г. С. Виноградова «Уховский водопад», *И. Евсенина* «Иинские буряты», его же «Покорение Сибири Ермаком» и др.

АРХАНГЕЛЬСК.

▫ На-днях вышла из печати новая книга известного исследователя севера А. А. Жилинского—«Чешская Губа Северного Ледовитого океана». В этой книге автор описывает (по личным наблюдениям) до сих пор малоизвестный и почти совершенно неизученный ни в экономическом, ни в гидрографическом отношениях огромный прибрежный район Сев. Лед. Океана от Канкинского полуостр. до Югорского Шара.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРН. «ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ».

В кн. 2-й «П. и Р.» за 1921 г., в статье И. Степанова «О пользе и вреде скромности», на стр. 97, напечатано:

«...Отпечатана в большом количестве экземпляров достаточно толстая и совершенно сумбурная пацифистско-анархическая книга Киркпатрика: «Война... ради чего?» и для завершения сумбура снабжена бестолковым предисловием Тютчева, которому то же Петербургское отделение предоставило написать немного более толковое предисловие к перепечатке книги Дюбрейля о Парижской Коммуне».

Чем не понравилось И. Степанову мое предисловие к Дюбрейлю—он не поясняет. Думаю, что его объективностью, вполне подходящей к содержанию самой книги Дюбрейля, научной, а не агитационной. Впрочем, мнением такого компетентного критика, как И. Степанов, я мало интересуюсь, но меня возмущает редактор журнала И. И. Степанов-Скворцов, пропустивший эту статью И. Степанова...

Дело в том, что *предисловия к Киркпатрику* я не только *не писал*, но и самое книгу его увидел лишь по прочтении пулеметной статьи И. Степанова.

Sapienti sat!

Н. Тютчев.

Петроград, март 1922 г.

МОЙ ПРОМАХ.

В № 2 журнала «Печать и Революция», стр. 97, я писал: «отпечатана в большом количестве экземпляров достаточно толстая и совершенно сумбурная пацифистски-анархистская книга Киркпатрика: «Война... ради чего?» и для завершения сумбура снабжена предисловием Тютчева».

В письме в редакцию, помеченном мартом 1922 года, Н. С. Тютчев указывает, что он не имел и не имеет никакого касательства к книге Киркпатрика, и самую книгу увидал лишь по прочтении моей статьи.

Н. С. Тютчев прав. Теперь, взяв Киркпатрика, я вижу, что в этом издании нет никакого упоминания о нем. Прямо признаю, что я жестоким образом промахнулся. Так как статья для № 2 «Печ. и Рев.» писалась мною летом 1921 года, то я совершенно не представляю, как мог приписать предисловие к Киркпатрику Н. С. Тютчеву. Вполне понимаю его возмущение по тому поводу, что я, без всяких поводов с его стороны, связал его имя с таким нелепым изданием.

И. Степанов.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

В. Брюсов. Пушкин и крепостное право 3
А. В. Луначарский. Западная интеллигенция. 13
М. Н. Покровский. Мемуары царя Андрона. 19
Н. Л. Мещеряков. Волна мистики. 32
В. Адоратский. Марксистская диалектика в произведениях Ленина . . 44
Вяч. Полонский. Русский революционный плакат. 56
Н. Ф. Преображенский. Александр Герцен и Константин Леонтьев. . 78
Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. 89
Н. Суханов. Апрельские дни (воспоминания). 103
А. А. Сидоров. Очерки по истории русской иллюстрации 127
В. Брюсов. Среди стихов. 143
В. Брюсов. По поводу одной критики 149
П. С. Коган. «Мечтатели» 157
С. Пионтковский. Из исторических журналов 163
Н. К. Пиксанов. Обзор литературы о В. Г. Короленко. 181
С. Членов. Литература о германской революции 193
А. Жадовский. Обзор петроградской журнальной литературы 206

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ:

I. **Гражданская война.** Н. Мещерякова, М. Павловича, С. Пионтковского, Б. Горева, И. Вардина, Е. Хлебцевича. 213
II. **Национальный вопрос.** Ц. Фридлянда, В. Пичета, Е. Хлебцевича, В. Виленского 223
III. **Экономические науки и народное хозяйство.** С. Членова, И. Трахтенберга, В. Милютина, А. Чекина, И. Левинсона, С. Каплуна, А. Бессера, С. Ельяшова. 227
IV. **Профессиональное движение.** Б. Файнгольда, А. Чекина, В. Яроцкого, И. Левинсона. 256
V. **Промышленность и техника.** Д. Крынина, А. Теснера, Б. Тычинина, А. Гиммельфарба, А. Чекина, С. Обручева, С. Шульмана. 265
VI. **Военное дело.** М. Покровского, Д. Петровского. 279
VII. **История революции.** Н. Мещерякова, Ф. Кона, А. Елизаровой, С. Пионтковского, Ц. Фридлянда, Е. Херсонской, Б. Горева. 283
VIII. **Науки об обществе.** И. Рейснера, М. А. Рейснера, З. Теттенборн. . 297
IX. **Философия.** П. Преображенского. 306
X. **Народное просвещение.** П. Блонского, А. Елизаровой, В. Лебедевой, М. Гладштейна, М. Смушковой, Б. Завадовского, А. Жадовского, И. Луппола, Н. Батуриной, М. Масленникова. 3

Стр.

XI. Науки о природе. Д. Анучина, В. Костицына, А. Чернова, Е. Успенского, Б. Завадовского, С. Блажко, С. Конобеевского, Э. Шпольского. 326

XII. Медицина и народное здравие. А. Перуанского, И. Гельмана, А. Сысина, Е. Трапезонцевой, В. Сукенникова, В. Поспелова, В. Броннера, Н. Эберлина, Е. Аркина. 337

XIII. Теория и история литературы. Н. Пиксанова, А. Эйхенгольца, Вяч. Полонского, И. Когана, Б. Павлова. С. Боброва. К. Локса, И. Аксенова. 345

XIV. Художественная литература. И. Аксенова, К. Локса, М. Загорского, И. Кубикова, В. Полянского, Э. Бика, С. Боброва, А. Юрлова, А. Елизаровой. 356

XV. Искусство. Н. Бродского. А. А. Сидорова, В. Блох, И. Корницкого, Г. Жидкова, А. Греча, П. Дульского. 368

XVI. Заметки о журналах. В. Полянского, К. Локса, П. Когана, Э. Бика. 380

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. На Западе. Новости литературы. Интерес к русской литературе. Русские издания за рубежом. Сношения с Россией. Жизнь литераторов. II. По России. Петроград. Госиздат. Общество ревнителей истории. Музей войны 1914—1917 г.г. «Опояз». Новости литературы. Москва. Госиздат. Издательство «Всемирная литература». Редакционно-Издательский Отдел В. Ц. С. П. С. Понижение пошлины на произведения печати. Российская Центральная Книжная Палата. Русское Библиографическое Общество. Общество друзей книги. «Дом Печати». Центральный дом работников просвещения и искусств. Журналы. Новости литературы. Провинция. Литературная жизнь Самары. Общество изучения Прибайкалья. Нижний-Новгород, Казань, Ростов-на-Дону. Тулуновский Отдел общества изучения Сибири. Архангельск. Воронеж. 387

Письма в редакцию. 406

Объявления. 409

Восемь красочных воспроизведений с плакатов к статье Вяч. Полонского „Русский революционный плакат“.